

Учредители

Егор Гайдар, Екатерина Гениева, Виктор Ярошенко

Редакционный совет

Ирина Антонова, Михаил Борщевский, Сергей Ковалев, Самуил Лурье, Владимир Мау, Лорд Брайан Маккензи, Андрей Медушевский, Михаил Пиотровский, Вячеслав Пьецух, Лорд Джордж Робертсон, Сергей Синельников-Мурылев

Главный редактор

Виктор Ярошенко

Редакция

Екатерина Гениева, (заместитель Главного редактора, куратор раздела иностранной литературы)
Людмила Захарова (главный бухгалтер)
Игорь Клех (отдел литературы)
Алла Язькова (отдел международной политики)
Юлия Маринова (раздел культуры)
Игорь Пронин (главный художник, макет и худож. оформление)
Елена Мокеева (верстка)
Григорий Ярошенко («Leika-Academia»), фотопроекты
Ксения Кульд (интернет-редактор, управление сайтом vestnikevropy.com)
Журнал-Партнер «Herald of Europe» (London).
Publisher and editor-in-Chief Michael Borshchevsky

Консультанты журнала

Александр Гладков, Николай Головин, Александр Петров, Сергей Приходько, Арсений Рогинский, Евгения Росинская, Мариэтта Чудакова, Игорь Яковенко, Евгений Ясин

Представители журнала

Платон Борщевский (Лондон), Андрей Грицман (Нью-Йорк), Рональда Зеленова (Санкт-Петербург), Наталия Исаева (Париж), Гала Наумова (Париж), Александр Сергиевский (Рим)

Журнал издается в сотрудничестве с Фондом Егора Гайдара.
(Борис Минц — Председатель Правления).

При поддержке и участии Института экономической политики (институт Гайдара), Всероссийской Государственной библиотеки иностранной литературы им. М.И. Рудомино.

Исключительное право на название и товарный знак «Вестник Европы» принадлежит Некоммерческому партнерству «Издательство и редакция журналов «Вестник Европы» и «Открытая политика». Свидетельство на товарный знак № 248393 от 5 июня 2003 г. (Продлено до 2 июля 2022 г.). Приложение к свидетельству на товарный знак (знак обслуживания) № 248393.

Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № 77-1175.

Адрес редакции: 109189 Москва, Николаямская, 1.

E-mail: info@vestnikevropy.com

Интернет-версия журнала: WWW.Vestnikevropy.com

В «журнальном зале» <http://magazines.russ.ru/vestnik>

ИЗДАНИЕ № 33

- © «Вестник Европы» XXXIII, 2012 г.
- © НП Издательство и редакция журналов «Вестник Европы» и «Открытая политика», Составление номера, редакция, заголовки, фотографии и иллюстрации, если они не сопровождаются копирайтом автора.

Все права защищены. Любое использование материалов, включая сайты возможно только с письменного разрешения редакции. Цитирование допускается с обязательной прямой гиперссылкой на страницу. При перепечатке, интернет, теле- или аудио использовании ссылка на «Вестник Европы» обязательна. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Материалы в электронном виде рассматриваются редакцией.

Заказ . Отпечатано в ППП «Типография «Наука»». 121099, Москва, Шубинский пер., д. 6.

ВЕСТНИК ЕВРОПЫ

XXI ВЕК

журнал европейской культуры

Основан Н.М. Карамзиным
в Москве в 1802 году
Возобновлен в Санкт-Петербурге
М.М. Стасюлевичем в 1866 году
Запрещен в 1918 году
Возобновлен в 2001 году

Том XXXIII

год 2012

СОВРЕМЕННЫЙ РАЗДЕЛ «ЖИЗНЬ»

политика и общество

- 5 **Евгений Попов.** Это ведь наша страна? Записки аполитичного гражданина РФ
- 11 **Игорь Яковенко.** Кризис адекватности. Раздумья культуролога
- 27 Доклад ЦСР. Общество и власть в условиях политического кризиса. 20 тезисов

экономика

- 34 **Владимир Мау.** Россия в поисках новой модели роста. Комментарий к программе 2020

гайдаровский форум

- 49 **Игорь Шувалов.** Новое качество политического пространства
- 52 **Алексей Кудрин.** Плюс четыре, минус два
- 55 **Грант Багратьян.** Мир никогда уже не будет таким, каким был прежде

кабинет Гайдара

- 58 **Егор Гайдар.** «Мы создаем партию, потому что верим в свою страну». Выступление на учредительном съезде ДВР 12 июня 1994 г.
- 64 **Борис Дубин.** «Мы по-прежнему живем в тени тоталитарного режима»

международный раздел

- 70 **Алла Язьева.** У Черного моря. О геополитике и геоэкономике большого Причерноморья
- 73 **Н.А. Гегелашвили.** Политика ЕС и США на Южном Кавказе и в Большом Причерноморье

ЛИТЕРАТУРА

- 79 **Татьяна Щербина.** Дневник поэта
- 89 **Николай Климонтович.** Два рассказа
- 96 **Владимир Салимон.** Стихи.
- 99 **Гойко Челебич.** «Бронзовая олива» и другие рассказы. (Перевод Екатерины Сташевской)
- 200 лет **И.А. Гончарову**
- 120 **М.М. Стасюлевич.** Иван Александрович Гончаров. «Вестник Европы», 1891 октябрь
- 126 Из биографии И.А.Гончарова «Вестник Европы», июль 1912г.
- 132 **Игорь Клех.** Халат Обломова.
- 137 **Борис Ряховский.** Перечитывая «Фрегат Паллада».
- 144 Гончаров и театр. **Галина Волчек.** «Обыкновенная история»

ФИЛОСОФИЯ. ИСТОРИЯ. ЭТИКА. РЕЛИГИЯ

- 147 **Андрей Медушевский.** Мои бои за историю: как я был главным редактором журнала «Российская история»
- 160 **Григорий Померанц.** Два эссе. Несовершенство истории. Тихое струение
- 168 **Эдгар Морен.** Размышление о познании. Перевод и предисловие Галы Наумовой

КУЛЬТУРА И ИСКУССТВО

- 185 **Светлана Мрочковская-Балашова.** «Этот бедный, бедный Геррейро». Дипломат Рафаэль Геррейро
- театр
- 202 **Наталья Исаева.** Маленькая репетиция вечности (Последние французские опыты Анатолия Васильева)
- 210 **Мигель Паласио.** Лоркианское «паломничество»
- 220 **Нина Шалимова.** Темы и мотивы театральной Европы

- 100 лет ГМИИ имени А.С. Пушкина
- 226 **Сергей Бархин.** Сто лет нашему музею. Воспоминания художника
- 232 **Ольга Яблонская.** «Мой Пушкинский», «Школьная комната» 7 п.
- 240 Письма из редакции. **Виктор Ярошенко.** Три выставки: Леонардо в Лондоне, Караваджо и Джотто в Москве
- 248 **Александра Турган.** Забыть о страхе. Берлин, бьеналле.
- 250 **Михаил Сидлин.** Этика подглядывания. IX международный месяц фотографии в Москве

о книгах

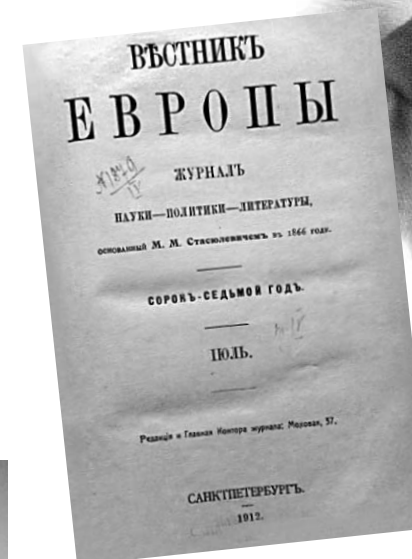
- 254 **Читая Гайдара.** К выходу первых томов Собрания сочинений Е.Т. Гайдара

библиотека «вестника европы»

- 266 Книги, поступившие в редакцию

artes

- 272 Фотопроект: Александр Тягны-Рядно. Глубина резкости

Александр Тягны-Рядно. 2011.
Фото: А. Степаненко

Москва. Красная площадь. Август. 1991.
Фото: А. Тягны-Рядно

ЭТО ВЕДЬ НАША СТРАНА?

*Записки
аполитичного
гражданина РФ*

Евгений ПОПОВ

Коллега-писатель, друг, товарищ и брат, с которым мы вместе уж пуд соли съели, брезгливо попрекнул меня тем, что я, аполитичный тип, на старости лет рехнулся и, вместо того чтобы, дома сидя, писать духоподъемные или наоборот сочинения, связался на старости лет с ПОЛИТИКОЙ, тогда как всем известно, что занятие этим видом человеческой деятельности — дело постыдное, глупое. Даже не в том смысле, что плетью обуха не перешибешь, а из-за того, что непонятно, с какого перепугу я вдруг стал примыкать к горлопанам, которые не пашут, не сеют, а лишь шатаются по демонстрациям да мутят воду, в лучшем случае раскачивая плывущую в этой воде хрен ее знает куда Государственную лодку, в худшем же — сбивая из дерьма сметану, пиаря себя, как НЕКОТОРЫЕ, имена которых лично у него энтузиазма не вызывают.

Я вяло огрызнулся, объясняя, что аполитичным типом я был, есть и буду всегда, несмотря на мое бурное советско-антисоветское прошлое, но что в минувшем декабре меня окончательно достала наглая и безвкусная агитация за «Единую Россию», а также напомнил коллеге, что писатель должен изучать жизнь, если он, конечно же, не Марсель Пруст, живущий в комнате, обитой пробковым деревом, а не в бывшей советской сторонухе, носящей теперь гордое имя Российская Федерация. И что лишь поэтому я, предварительно ознакомившись с проектом «Гражданин наблюдатель», созданном для изучения грядущих масштабов фальсификации на этих выборах, записался в волонтеры и стал «гражданином наблюдателем» на выборах-2011, где победила «ЕР», а потом и на

весенних выборах-2012, когда жители Федерации дружно и обратно избрали себе президентом столь полюбившегося им Путина, отчего спор, собственно, возник лишь о том, сколько процентов и где он получил в ходе своей победы, несомненность которой оспаривать может только идиот. Сколько **точно** из этих процентов липа — вопрос до сих пор открытый, как и в случае сокрушительной победы «Единой России» над неверными в декабре.

Однако вся эта аналитика, прогнозы, глубокомысленные выводы — не моя ЧАШКА ЧАЮ, как говорят англичане в обратном переводе на язык родных берез и дубов. Я просто поделюсь с вами тем, что видел во время моих хождений по УИКах, то бишь Участковым Избирательным Комиссиям, специально разъясню я эту аббревиатуру для тех, кто еще более аполитичен, чем я.

Полагаю, что я хотя бы мелкою мерою оплатил тем самым свой гражданский долг рядового гражданина РФ, который все последние годы предпочитал не ходить в «дом нечестивых», каковым, с моей точки зрения, является любой избирательный участок, возможно, что и не в нашей стране тоже. Не ходил, исходя из своего горького жизненного опыта: все равно ведь НАГРЕБУТ, если перевести это заветное словцо с матерного на цивилизованный русский язык. А сейчас пошел и с большой, кстати, пользой для своей профессиональной писательской деятельности провел часы и дни на тех и этих выборах.

Ибо в декабре-2011 и в марте-2012 на множестве московских избирательных участков, где мне удалось побывать в составе мобильной группы «Гражданина

Фото: Василий Попов

наблюдателя» (фотограф, журналист, юрист), выезжающей, как скорая помощь, на место недоразумения или преступления, я, во-первых, обнаружил весомое количество любопытнейших людских характеров. Свидетельствующих, с одной стороны, о полном свинстве изрядного количества моих соотечественников, так называемых «простых людей», готовых мириться с любыми подтасовками, нарушениями закона и правил приличия, лишь бы угодить начальству. С другой стороны — воочию убедился, что так называемый простой народ умен, благороден, остро реагирует на печали Отечества и вообще нынче не так уж и прост, особенно молодежь. Ведь «гражданам наблюдателям» было в основном и 19, и 20, редко 30 лет, хотя встречались среди них и старички, еще помнящие стояние на баррикадах августа 1991 года.

Но вот сюжет тех первых, декабрьских выборов был практически один и тот же: наглая, с трудом скрываемая беспредельщина и простота хуже воровства, когда на любое резонное замечание наблюдателя следовал окрик: «Не ваше дело», вопль: «Провокация» или шепот с заглядыванием в глаза настырному наблюдателю, замечавшему нарушение: «Ну, вы же сами все понимаете. Давайте договоримся». Характерно, что при появлении нашей внушительной группы супостаты наблюдателей стихали и даже пытались вести себя, в их понимании, культурно и любезно. То есть сначала строго запрещали всяческую фото- и видеосъемку, а потом все же милостиво разрешали. После нашего отъезда местных «граждан наблюдателей» опять начинали чмырить под любым предлогом, из которых самым расхожим был тот, что они, расхаживая по участку и НАБЛЮДАЯ, МЕШАЮТ ИЗБИРАТЕЛЬНОМУ ПРОЦЕССУ, а также проводят на участках НЕЗАКОННУЮ АГИТАЦИЮ.

После пары-тройки таких замечаний составлялся протокол, и неудобного, слишком прыткого и въедливого наблюдателя **на законных основаниях** выдворяли с участка. Или просто так, или с помощью милиции, уж кому как повезет. Примечательно, что большинство таких выдворений происходило в аккурат ко времени, когда нужно было считать голоса.

Вбросы, «карусели», запрет фотосъемки, пропажа мобильной связи в пределах избирательного участка, перенос этого участка в день выборов в другое, не известное традиционным избирателям района помещение, отсутствие на участках наблюдателей от некоторых партий, вранье официальных лиц «на голубом глазу» и многое-многое другое — все это видел я и скорей всего видели вы, потому что интернет был битком набит этими сюжетами, повторяющимися друг друга, как рисунки под копирку.

Впрочем, мне все же есть, что вспомнить — индивидуальное и эксклюзивное, так сказать. Например, на участке № 9, что в Большом Афанасьевском переулке на Старом Арбате, я ровно в ДВА ЧАСА ДНЯ лично видел и сфотографировал вывешенную на стене увеличенную копию протокола голосования, где жирным фломастером УЖЕ было указано (цитирую): «Число избирателей, внесенных в список избирателей **на момент окончания голосования**» (курсив мой. — Е.П.).

Порадовал меня также и ответ «свидетельницы» того, что наблюдатель Павел Кузин непосредственно во время выборов незаконно агитировал за ЛДПР, за что и был выдворен с участка № 7, развернутого в Доме актера.

— Скажите, он громко кричал, этот «агитатор»? — спросил я миловидную девицу в белом халате, среди прочих подписавшую протокол.

— Очень громко, — подтвердила она, пряча глаза.

— А что он кричал?

Девица задумалась.

— Он кричал: «Да здравствует ЛДПР!», — вспомнила вдруг она.

Видел я этого «строгую юношу» Павла Кузина и свидетельствую, что он вовсе не похож на Швейка, чтобы публично кричать такую чушь, особенно уже имея одно замечание от участковой комиссии.

Ну, а к ночи и вообще разгулялась чиновничья нечистая сила. По свидетельству члена УИК №6 с правом совещательного голоса Дмитрия Финикова, председатель этой участковой комиссии Валентин Михайлович Колбас после ЧЕСТНОГО подсчета, в результате которого партия «Единая Россия» получила на его участке всего 18,9% голосов, под покровом тьмы бежал со своего участка вместе с печатью, а вместе с ним — с печатью, списками и другими документами и председатель УИК № 9. Излишне говорить, что наутро результаты «Единой России» на этих участках волшебным образом выросли в несколько раз. Такие вот дела.

И все же я остался доволен, и все же не было у меня в том декабре, извините, «скорбного бесчувствия или ощущения того, что демократии настал карачун. Напротив, я видел в тот день столько чистых лиц молодых и не очень людей, которым наконец-то надоело, что их держат за лохов и баранов. На этих выборах «граждане наблюдатели» присутствовали всего лишь на 5% московских избирательных участков, и то уже нагнали страху на привыкших к безнаказанности манипуляторов.

Примечательно, что при появлении «мобильной группы» мелкие начальники выборов» вдруг становились шелковыми, пушистыми, иногда даже сахарными. Такова, хотите или не хотите, сила гласности, сила участ-

тия граждан в действиях государства. И эта сила существует РЕАЛЬНО. Россия ведь до сих пор читающая газеты и смотрящая телек страна, да и членам участковой избирательной комиссии, обычно занимающим в мире не столь уж высокое место на этой самой «вертикали власти», светиться в качестве хамов и жуликов хотя бы в интернете, хотя бы перед собственными деточками тоже не очень-то охота. Хотя и приходится **ради дела**.

А вот наблюдатель Павел Я. (фамилии в данном эпизоде по соображениям безопасности Павла я опускаю, но они у меня имеются) продержался на своем избирательном участке в районе Речного вокзала почти до самого конца, несколько раз пресекал попытки вброса бюллетеней и даже удостоился чести БЫТЬ УКУШЕННЫМ (!) Людмилой А. — руководителем исполкома районного отделения партии (угадайте с трех раз какой), когда он обнаружил около урны за руку личность с пачкой бюллетеней, отмеченных галочкой в пользу этой партии. Однако против лома нет приема, в десять вечера, когда подсчет голосов все еще почему-то не начинался, в помещение ворвалось несколько крепких молодцев «кавказской наружности», под водительством, как утверждают свидетели, Ирины К. — руководителя аппарата управы и безо всяких особых церемоний просто-напросто ВЫНЕСЛИ наблюдателя на улицу, «как Гамлета четыре капитана». На глазах у председателя УИК Александра В. и его заместительницы Риммы А., председателя участковой избирательной комиссии Владимира В. и других товарищей.

И все же — вот они, «уроки декабря». Практически на ВСЕХ московских УИКах, где активно работали наблюдатели, результаты выборов разительно отличались от соседних участков, где независимого наблюдения и контроля не имелось. «Граждан наблюдателей» было мало, очень мало, всего-навсего около 500–600 человек на всю столицу, но и это реально повлияло на итоги выборов в Москве, хотя бы на этих ее участках. «А что было бы, если бы число таких неравнодушных граждан, действующих **строго в рамках закона**, оказалось бы на порядок больше?» — размечтался я.

Ну, а потом я был на митинге (проспект Сахарова), где все время бормотал себе под нос строчки Беллы Ахмадулиной, посвященные Владимиру Высоцкому:

Спасение в том, что сумели собраться на площадь
Не собираем сброда, спешащим глазеть на Нерона,
А стройным собором собратьев, отринувших
пошлость.

Народ невредим...

Да, народ невредим, если он пришел сюда в таком огромном количестве и вел себя так, как об этом можно было бы только мечтать. Огромный проспект Сахарова, вместивший не то восемьдесят, не то сто тысяч этого самого «народа», стал уникальной зоной АНТИХАМСТВА. Было тесно, но не было толкотни. Люди приходили и уходили. Люди шли и стояли под самыми разными флагами. Люди помогали друг другу держаться с достоинством. И я практически не видел там фриков, пьяных или сумасшедших.

Поразительно, но и полиция (бывшая милиция) была вежлива, доброжелательна. Значит, и **так может быть?**

Но вскоре подошли и мартовские выборы, после которых, как известно, Путин вновь утвердился в роли начальника страны «всерьез и надолго».

С восьми утра и до двух часов пополудни наша мобильная группа, состоявшая на этот раз из «яблочника» Алексея (в миру компьютерщик, 57 лет), юриста Никиты (20 лет, студент МГУ), профессионального фотографа Василия (22 года) и меня, писателя Попова (66 лет), объезжала избирательные участки района Марьино Роща с целью фиксации безобразий и нарушений, которых все мы на прошлых выборах насмотрелись предостаточно.

Сейчас же мы вынуждены были констатировать, что картина разительно изменилась. Председатели УИКов встречали нас как родных, показывали ВСЁ, никто не рычал «фотосъемка запрещена», наблюдатели, которых везде было предостаточно, сидели рядком перед прозрачными урнами и жалоб не имели; исправно функционировали веб-камеры; избиратели, выполнив свой гражданский долг, с чувством глубокого удовлетворения поглощали горячие пирожки и булки.

— Сказка! — восхищенно сказал я, как самый старый из нашей компании. — Значит, и ОНИ чему-то научились. Поняли, что раз Путин все равно победит, то зачем же вершить фальшь, близкую к уголовке, а вернее, уголовкой и являющуюся?

В это время зазвонил тревожный звонок, и мы рванули в подмосковный город Мытищи.

Где на избирательном участке № 16-13, что на тихой 4-й Парковой улице, случилось следующее:

наблюдатель Елена Дворникова в буквальном, а не переносном смысле схватила за руку мужа Осипова, осуществившего вброс пачки бюллетеней и, возопив о нарушении, потребовала опечатать урну. Увы, но ах: участковая избирательная комиссия во главе с отставным офицером, ныне работником культуры Алексеем Кураевым, не мужика Осипова взяла в оковы за такое криминальное действие, а дружно проголосовала за уда-

ление с участка самой Елены Дворниковой как мешающей дальнейшему волеизъявлению выборочной воли народа. Елена тут же написала штук пять заявлений, после чего столько же заявлений было написано на нее.

Шло время. Елена направилась в Мытищинский городской суд, дабы тот восстановил справедливость и вернул ее на участок, где она смогла бы поучаствовать в подсчете голосов, но там ей любезно объяснили, что сегодня ее дело уже не успеют рассмотреть, пусть **приходит завтра** (когда выборы кончатся). Елена из той гвардии, которая помирает, но не сдаётся, поэтому она, будучи в миру профессиональной журналисткой, под вечер снова явилась на участок в качестве журналиста, посланного освещать ход наших демократических выборов, имея для этого соответствующие документы. Но опять же — против лома нет приема, и вызванная все тем же Кураевым полиция, которой он отчего-то весьма бойко отдавал распоряжения, после второй серии скандальных криков и угроз вторично, теперь уже на наших глазах, выдворила Елену Дворникову с участка. Замечу, кстати, что полиция делала это с большой неохотой. И руководивший депортацией Елены офицер даже поблагодарил напоследок красивую хрупкую женщину за то, что она «вошла в его положение», т.е. что ее не пришлось тащить волоком, пожелал ей «удачи в дальнейшей деятельности» и еле слышно добавил: «Храни вас Господь».

Ну, а потом, когда уже под покровом ночи стали считать голоса — правота Елены тут же подтвердилась: в прозрачной урне обнаружилась плотная пачка сложенных пополам бюллетеней, голосовавших — угадайте с трех раз, за кого. Был составлен протокол, подписанный другими наблюдателями и свидетелями. На бедного Кураева было жалко смотреть, хотя Путин и на этом участке победил с приличным счетом, процентов около пятидесяти взял с учетом вброса. Но без учета другой пачки бюллетеней, которые были сочтены испорченными, ибо на них чья-то глупая рука против фамилии Путина поставила крестик, а фамилии всех других кандидатов в начальники страны украсила минусами. Елена Дворникова теперь требует отмены результатов голосования на этом участке, снова пишет заявления, ходит по чиновникам и судам.

На сей раз наблюдателей за выборами было уже несколько тысяч, и я полагаю, что это в немалой степени определило хорошо известный процент голосов, поданных за Путина, теперь уже по всей Москве, а не на отдельных ее участках.

Это было в марте, я пишу это в апреле. Коррупция, беспредел, жестокость, мздоимство, воровство, казнокрадство, рейдерство, вывоз капиталов за границу, лжес-

видительство, попрание законов продолжают. Сидят Ходорковский и Данилов, пустеет Сибирь, горят леса, скоро будет Олимпиада, цены растут, врачи и учителя получают копейки.

Именно на этом фоне президент Путин 7 мая 2012 года вступит в свои новые старые права, вдохновленный победой над тем своим НАРОДОМ, который за него не проголосовал, поддержанный «всенародным стоянием» за веру и против «мировой закулисы», организованным Патриархом РПЦ Кириллом, владельцем часов «Брегет» и шикарных апартаментов в «Доме на Набережной», Святейшим, чье бурное «сотрапачество» с властями по линии казенно-патриотического православия того и гляди приведет к новому расколу в церкви и обществе.

Так что же — всё зря? Все эти тысячи озабоченных граждан, со мною в их числе, наивны, если не сказать резко, переведа это слово на сей раз с цивилизованного русского на матерный? Ведь все равно ничего не изменилось, как уныло констатировал мой друг, товарищ и брат, коллега-писатель.

Нет, что-то все же изменилось, и таких, как я, которых ДОСТАЛИ, становится с каждым днем все больше и больше в результате неумных и топорных действий тех, кто взялся нами руководить, а в особенности их присных, которые любую конфету, подаренную правителями своему народу, способны чудесным образом превратить в говно. Это — сегодня.

Ну, а что будет завтра — не ведаю, как и все мы. Надеюсь на лучшую долю, как и все мы. Верю и не верю, как и все мы.

Признаюсь, что **отдельные** авторы **отдельных** зажигательных «речевок», вещавшие со сцен, были мне менее приятны, чем окружавшие меня во время митингов, шествий и наблюдений за выборами мои простые сограждане, не играющие в революцию, а просто-напросто желающие тривиального человеческого счастья и жизни, достойной гражданина великой страны, в досталь страдавшейся в XX веке.

Не любил я, не люблю и никогда уже теперь, видимо, не полюблю никакое начальство. И главный общественно-политический вывод моей 66-летней аполитичной жизни: за любым «фюрером» нужно присматривать, чтобы он не нагел, даже за самым расчудесным. И в чертах некоторых, пока что гонимых, УЖЕ проступают родовые черты таких «фюреров». С подозрением отношусь я к тому, в чьем голосе звучит параноидальная уверенность, что именно он ЗНАЕТ, КАК НАДО. Ну, а про тех, что уже побывали во власти, ни хрена толкового не сделали, а сейчас вновь предлагают обществу свои услуги по володению этим обществом, я и говорить всерьез не хочу.

Фото: Василий Попов

И все же — я повторяюсь, но это мне очень важно сказать — я полагаю, что безобразные эти выборы — что те, что другие — и сошедшие на нет «праздники неповиновения» парадоксальным образом стали еще одним шагом на пути, извините за пафос, создания в нашей стране гражданского общества. Пока что ведь, слава Богу, еще не вечер, граждане, и говорить, что мы снова очутились в тоталитаризме — нехорошо, неправильно, нечестно! Особенно мне. Особенно когда я публикую эти заметки не за бугром» или в «самиздате», а во вполне официальном солидном журнале, зарегистрированном много лет назад в бывшем министерстве по делам печати, телерадиовещания и средств массовой информации (не знаю, как оно теперь называется).

И ждать революцию, надеясь на перемену сразу же и всего, — в первую очередь неконструктивно. Любая революция отвратительна. Особенно если тебя на ней убьют, «...на той единственной гражданской». Не конструктивнее ль наблюдать, фиксировать, жаловаться, протестовать, бунтовать, но в рамках того закона, который ежечасно и ежеминутно нарушают власть имущие

разных мастей и рангов? Пускай они его и нарушают, не мы.

А если противно и это, так сделай что-нибудь доброе, не злое. Больным деточкам помоги, о которых щедрое государство не в силах позаботиться, ээку в тюрягу калачик или книжку пошли, сам не воруй и не опускайся до новорусского скотского состояния, имущество, например, у своего ближнего не отбирай, пользуясь административным ресурсом и продажностью неправедных судей, не ври по телевизору, как сивый мерин, не лебези, не верь, не бойся, не проси. Ведь быть относительно свободным пока еще можно. А вдруг завтра действительно будет хоть на копейку, но лучше, чем вчера? А вдруг это и от тебя зависит?

Вот почему я всем своим друзьям и знакомым предлагаю оторвать задницу от дивана и сделать хоть что-то **конкретное** для человеческой жизни в НАШЕЙ стране, какие бы черти ею ни правили. Ну, что-нибудь хотя бы совсем малое-малое, но все же конкретное. «Это ведь наша страна, правда?» — заглядываю я в глаза друзьям и знакомым. Но они большей частью эти глаза отводят.

26.04.2012

Попов Евгений Анатольевич

знаменитый русский писатель, драматург, эссеист, публицист, автор двух десятков книг, (новейшая, вышедшая в мае 2012г. — первый в России «интернет-роман “Арбайт. Широкое полотно”» Многолетний автор и член редакции «Вестника Европы».

Василий Попов

свободный фотограф, выпускник факультета журналистики МГУ. Сотрудничает с журналами «СНОВ», «THE NEW TIMES», интернет-изданием «ЛЕНТА.РУ», агентством «Франс-пресс».

КРИЗИС АДЕКВАТНОСТИ

Игорь ЯКОВЕНКО

ПОЗИЦИЯ КУЛЬТУРОЛОГА

Тезисом — российское общество переживает кризис — сегодня трудно кого-либо удивить. В солидной аналитике рассуждения о кризисе давно стали общим местом. Проблема состоит в том, чтобы перейти от констатации к осмыслению.

С одной стороны, перед нами привычная страшилка. ритуального российского утверждения: все уже плохо, а скоро станет еще хуже, — в которую не слишком верят ни говорящие, ни слушатели.¹

Кризис разворачивается давно, с конца 1960-х годов. В этой атмосфере сформировалось два поколения. Ситуация кризиса «опривычена». Причем с крахом советской идеологии снят психологический и культурный конфликт, усугублявший дискомфорт. Власти не надо более утверждать что Россия — столица мира и надежда всего прогрессивного человечества. Давившая на советского человека убогая бытовая и предметная среда, вечный дефицит ушли в прошлое. Самые тяжелые годы перехода к рыночной экономике позади. Утверждение о кризисе вступает в конфликт с обыденным опытом человека, принадлежащего к среднему классу.

Речь не о том, что Россия утратила статус сверхдержавы, а наша элита лишилась сознания силы, определяющей судьбы человечества. И слава Богу. Средний россиянин наконец получил право жить не ради величия

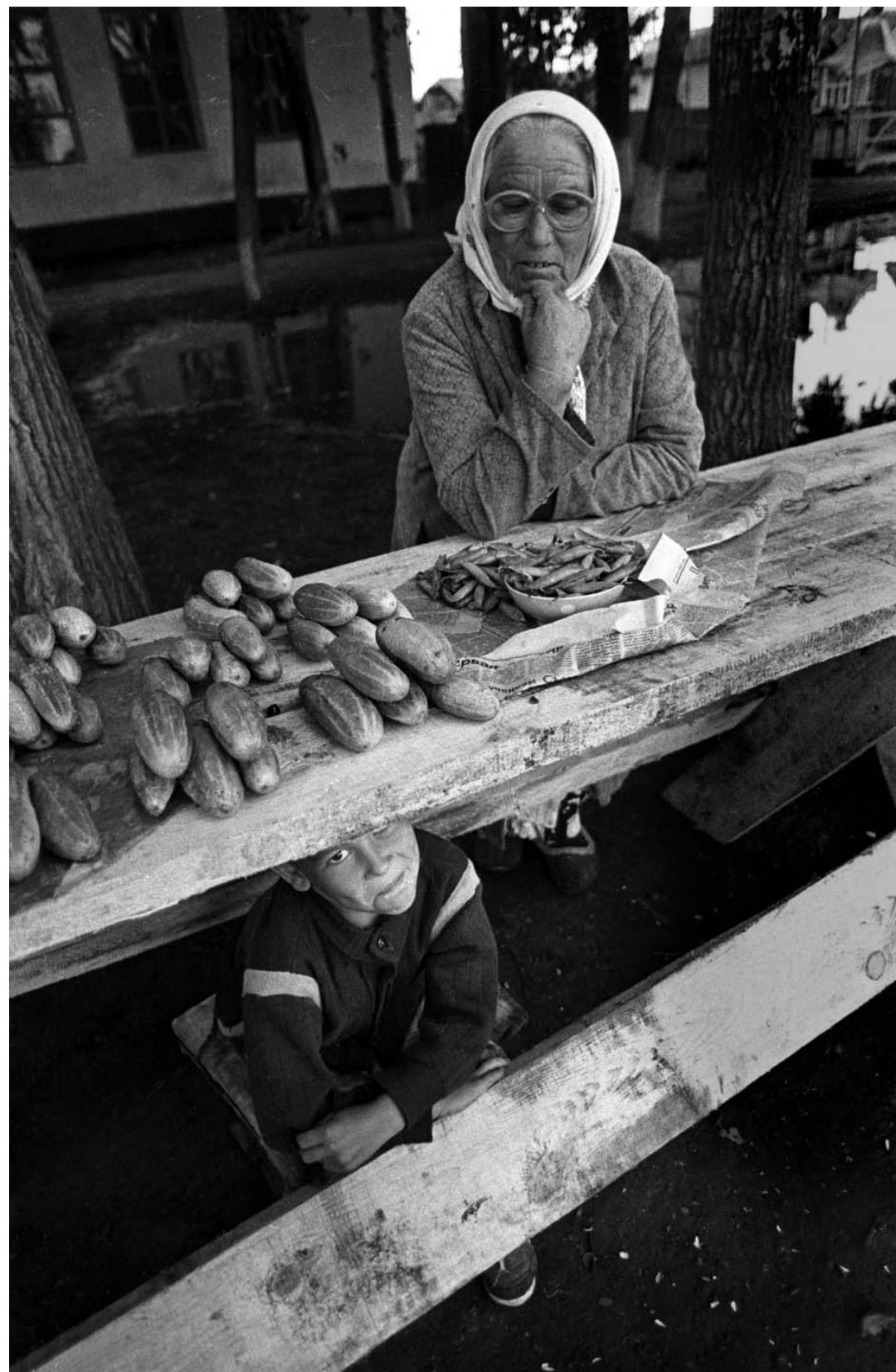
¹ Культурные истоки этого типа мышления страшно глубоки. Это и эсхатологическое сознание, и гностическая компонента отечественной ментальности.

державы, а ради своих близких. Жить — самореализуясь, выстраивая приватное пространство, постигая бесконечную диалектику свободы и ответственности. Речь совсем о другом. Российское общество переживает системный кризис, который проблематизирует сложившийся в 2000-е годы общественный договор и принесенное им благополучие.

На ранних этапах кризис фиксируют люди, особо чувствительные к тенденциям исторического развития. На этом этапе еще можно попытаться что-то сделать. Когда кризис становится очевиден для подавляющего большинства, делать что бы то ни было, как правило, уже поздно. Здесь наблюдается интересная закономерность: в момент глубокого кризиса доминирует тотальная неадекватность общества сложившейся ситуации. На формально-логическом уровне спасительные решения существуют. Но общество (и элита, и широкие массы) категорически не готово принять эти решения.

Первая мировая война была войной на истощение. Такая война может идти достаточно долго, но заканчивается мгновенным крахом одной из сторон. Перелом в общественных настроениях наступил осенью 1916 года². Российское общество надломилось. История включила таймер, отсчитывавший время до взрыва.

² Потеря Румынии обеспечивала блок Центральных держав нефтью и зерном. Развал на транспорте обострял проблемы снабжения городов. Война принесла беспрецедентные людские потери.

Товарод. Сротски. Россия. 1989. Фото: Александр Тазны-Рядно

Избежать революции можно было, лишь срочно заключив сепаратный мир с Германией. Однако из этого события (не говоря о внешних) вытекали веером неумолимые внутренние последствия: ссора с союзными державами, широкая земельная реформа, отказ от самодержавия, переход от унитарной модели к федеративному устройству страны. Все это было абсолютно неприемлемо как для «общественности» (модернизированных городских слоев), так и для правящей элиты. Крестьяне, пришедшие с войны, неизбежно потребовали бы землю. Национальные окраины — федеративного устройства. Большое общество — упразднения сословий. Ко всему прочему, правитель, проигравший войну, в России автоматически лишается легитимности. Оставалось воевать и воевать, надеясь на чудо. Чуда не случилось. Этот пример иллюстрирует важное положение: системный исторический кризис — это всегда *кризис адекватности*.

Кризис адекватности задается кризисом доминирующей культуры, кризисом сознания конкретного исторического субъекта. Актуальная культура, актуальная конфигурация психической и интеллектуальной сферы не позволяют адекватно осознать реальность и выработать стратегию ответов на вызовы истории.

Вспомним вакханалию самоубийственного поведения широкого субъектного слоя Речи Посполитой (магнаты и шляхта), завершившуюся утратой суверенитета и троекратным разделом страны. Во второй половине XVIII века Польша переживала глубочайший внутренний кризис. В рамках доминирующей в польском общественном сознании парадигматики выхода из этого кризиса не существовало. В этой ситуации Австрия, Пруссия и Россия выполнили функцию «санитаров леса»³. Надо сказать, что по полям истории во все времена рыщут энергичные и алчные «санитары леса», готовые добить любое общество, переживающее кризис, и поживиться остатками.

Сплошь и рядом большие и малые народы, локальные цивилизации сходят с исторической арены, поскольку оказываются неспособны к необходимому качественному преобразованию собственной природы. Говоря о природе, мы, разумеется, имеем в виду не конкретные практики или физические характеристики (все эти сущности производны), а сферу человеческой психики, сознание и подсознание. В современном гуманитарном знании данные сущности обобщают в понятие *ментальности*.

³ В 70-е годы прошлого века в советской публицистике бытовала лаконичная формула «волк — санитар леса».

О ментальности

В двух словах: понятие ментальности описывает то, *как, каким образом* мы думаем. Каковы заданные культурой механизмы понимания и переживания мира. Подчеркнем — ментальность глубже уровня осознанного. Ментальность не про то, *что* мы думаем. Она детерминирует то, *как* мы это делаем.

Мы не очень-то понимаем, как устроена данная сфера человеческой психики, но ее проявления доступны наблюдению. Ментальность императивна, она задает способы понимания мира, задает наши реакции на те ситуации, в которые мы попадаем, а также формы и векторы творческой активности. Таким образом, *ментальность определяет стабильные и качественные характеристики социально-культурного целого*.

Если доминирующие ментальные модели задают неадекватное поведение, общество переживает системный кризис. И чем значительнее уровень неадекватности, чем шире дистанция между ментальностью субъекта действия и объективной реальностью, тем глубже такой кризис.

Заметим, речь идет о *доминирующей* ментальности. В любом обществе наряду с носителями доминирующей присутствуют носители иных ментальных моделей (контрэлиты, маргиналы, иноземцы, иноверцы и т.д.). В этой палитре могут оказаться люди, ментальные структуры которых позволяют реализовать более адекватное поведение. В некоторых случаях в результате кризиса эти группы перемещаются на более значимые социальные позиции и начинают влиять на процессы социально-культурного воспроизводства. Такова общая модель благоприятного протекания исторического кризиса.

В соответствии с этой моделью, к примеру, во II–IV веках разворачивался кризис греко-римского язычества, на смену которому утверждалось христианство.

Прецеденты неадекватности

Но гораздо чаще складывается другая, куда более драматическая ситуация. Носители адекватных моделей понимания реальности остаются в маргинальной позиции или оттесняются от власти, и побеждает самоубийственная историческая инерция. В упомянутом нами случае падения Речи Посполитой нельзя не назвать «Конституцию 3 мая» (1791 г.), принятую усилиями «патриотической партии». Эта конституция обеспечивала выход польско-литовского государства из исторического тупика. Однако дело этих «патриотов» похоронило национальное предательство значительной части магнатов и шляхты, создавших Тарговицкую конфедерацию, которая и послужила основанием для военной интервен-

ции России, завершившейся окончательным разделом страны.

Сходным образом еще ранее развивались события, связанные с Флорентийской унией (1439 г.). Флорентийская уния представляла собой выдвигаемый католической Европой догматический компромисс между православием и католичеством; он являлся условием спасения доживавшей последние дни Византийской империи. Однако через несколько лет эта уния была отвергнута и осуждена дружными усилиями иерархов церкви и народных масс, а в 1453 году Константинополь пал под секирами османов. Миллионы внуков и правнуков тех греков, что отстаивали догматическую чистоту православия, стали мусульманами, их включили в неизбежный процесс «отуречивания», то есть этнокультурной ассимиляции.

Обобщая наши размышления, надо сказать, что проблема адекватности доминирующей культуры постоянно должна находиться в поле самого пристального внимания интеллектуальной элиты любой страны. А в эпохи системных кризисов рефлексия этого проблемного пространства становится делом жизни и смерти общества.

Сформулируем принципиально важное положение: кризис, переживаемый российским обществом, задан *утратой адекватности* носителя доминирующей культуры. Любые частные проявления кризиса — динамика рождаемости, деградация экономики, эпические масштабы коррупции, ранняя смертность, наркомания и т.д. — все это следствия критического уровня неадекватности массового россиянина новой реальности, сложившейся после краха коммунистического эксперимента.

Речь идет о кризисе культурной системы России, которая находится в драматических отношениях с реальностью, историческим императивом, задачами и перспективами модернизации.

Кризисы пугают и подавляют, однако они открывают окно возможностям качественных трансформаций. И чем глубже кризис, тем шире это окно. Масштаб кризиса, который переживает Россия, еще не осознан. Его прячет в подсознание слабая человеческая психика, маскирует идеология, затушевывает благоприятная конъюнктура цен на энергоносители.

Реально же *Россия сходит с мировой исторической арены*.

Глобальное и локальное

Кризис такого масштаба создает предпосылки для мутаций, разрывающих с системным качеством культуры. Альтернатива радикальной трансформации — распад

социокультурной целостности Россия (русский мир, русская цивилизация). Либо эта территория попадает в другие цивилизационные круги, и местное население включается в эволюцию, по преимуществу заданную неимманентной логикой. Либо на наших пространствах происходит новый цивилизационный синтез, и рождается качественно новая цивилизационная модель.

Локальная цивилизация в ситуации кризиса исторического снятия обречена трансформации, поскольку системообразующие основания перестали эффективно вписывать носителя культуры в мир. Система культуры переживает распад, связи между элементами ослабли, «твердые» носители традиционного качества маргинализованы и т. д. Произошло самое главное — *культура критически утратила эффективность*. Однако массы носителей еще не могут осознать и сформулировать это.

Эта истина табуирована к осознанию и произнесению. Но люди переживают и схватывают данное обстоятельство на дорациональном уровне и соответственно этому выстраивают свое поведение.

После 1990 года из СССР/РФ выехало не менее 5 млн. человек. Масштаб процесса эмиграции прежде всего свидетельствует о том, что системный кризис переживается и осознается миллионами граждан. Далее: качественная дистанция между советским/постсоветским русским и средой евроатлантической цивилизации уменьшилась настолько, что модернизированные русские сравнительно легко включаются в западный мир. Латвия и Литва дали миру феномен «еврорусских». Там исходно русскоязычные бизнесмены и менеджеры легко вписываются в европейские структуры и составляют серьезную конкуренцию местному бизнесу. Иными словами, стоит убрать имперский эгрегор и поместить прагматичного русского в нормальное социокультурное пространство, как он начинает жить в соответствии с иными нормами, ценностями и ориентирами.

Осознание критического уровня утраты эффективности врожденной культурой и минимизация проблем вписывания мигранта в реальность евроатлантической цивилизации задают масштаб и вектор миграционных процессов.

Императив выживания и культура

Механизмы изменения ментальных оснований заданы императивом выживания. Вопреки иллюзиям, транслируемым в сознание человека врожденной ему культурой, не человек существует для культуры, а культура — для человека. В тот момент, когда традиционная культура очевидным образом превращается в фактор, критически снижающий конкурентный потенциал ее носителей,

разворачивается *конфликт между человеком и его культурой*.

Повторим: *сознание* человека постоянно оценивает меру эффективности собственной культуры. Сравнивает ее с альтернативными стратегиями бытия, данными человеку в опыте. Делает выводы. Субъективная лояльность родной культуре маскирует эту активность сознания и подсознания от субъекта, но она никогда не затихает. Поэтому, в частности, для обывателя во все времена так важны сообщения о «наших» победах и одолениях, о безусловных преимуществах «нашего» образа жизни, «наших» верований и политических убеждений. А когда эта благостная картина начинает меняться, тогда и проблематизируется общекультурная ситуация.

Верность культуре, впитанной с молоком, матери императивна. Однако задача выживания, успешной конкуренции, возвращения потомства и создания благоприятных условий жизни детей и внуков — императив абсолютный.

Конфликт этих базовых установок по-разному, разворачивается в слое идеологов и творцов нового — и в слое, по преимуществу репродуцирующим культуру. Идеологи и творцы нового рожают инновации, имеющие качественно новый характер. Это могут быть доктрины и учения, технологии, новое мироощущение, которые позволяют ответить на вызов истории. Репродуцирующий культуру слой ее носителей не обременен рефлексией, но чувствует: здесь что-то не так. Он дольше всех остается верен традиции и перетекает к новым формам лишь тогда, когда они явлены ему в опыте и начинают доминировать очевидным образом.

Завоевание Малой Азии турками поставило местное население — а это были греки, армяне и устойчиво эллинизированное население — в сложное положение. Режим налогообложения и другие обстоятельства заставили людей принимать ислам. Мусульманин там считался человеком первого сорта, а христианин — сорта второго. Процесс исламизации разворачивался постепенно. Новые мусульмане («ени мусульманлар») так и не упрочились в этой новой вере. Перешедшие в ислам все еще пытались сохранять старые верования, праздновали христианские праздники, восставали, возвращались к христианской общине. Но историческая логика была неумолима. Постепенно в чреде новых поколений происходила тюркизация и исламизация новообращенных. Смешанные браки закрепляли новую идентичность. Смена ментальных оснований происходила на фоне рутинной борьбы за лучшие условия выживания. Те же процессы разворачивались в ходе христианизации язычников на

пространствах Римской империи или утверждения большевистской идеологии в СССР.

Политическая культура рассерженных горожан

Массовые протесты «рассерженных горожан», прошедшие нынешней зимой и весной не имеют прецедентов в истории России / бывшего СССР последних семидесяти лет. Вспомним о том, что «перестройка» была инициирована властью сверху, а это — совершенно иная ситуация. Позднесоветский человек осваивал модели гражданской и политической активности в русле разрешенного и свыше «одобряемого». Политическое поведение предполагало некоторый уровень субъектности, но лежало в общем русле традиционно конформистского позиционирования. «Рассерженные горожане» выдвигают требования к правящему режиму. Апеллируют к норме закона, осваивают модели самоорганизации и эффективного группового действия. В Советском Союзе на подобное отваживались лишь герои-одиночки. В последнее десятилетие — узкие группы политических радикалов.

Политическая активизация сотен тысяч граждан и выезд из России миллионов людей свидетельствуют о процессах *осознания критической утраты эффективности*. Говорить о трансформации базовых оснований культуры рано, но существенные предпосылки этого складываются на наших глазах.

События, происходящие в стране после декабрьских выборов в Государственную Думу, ставят новые вопросы. Мы стали свидетелями политической активности, которая возникла, казалось бы, на голом месте. Весомая часть общества демонстрирует гражданскую и политическую субъектность. Заметим, что процессы самоорганизации, разворачивающиеся после декабрьских выборов, не породили привычного для России харизматического лидера, и это можно только приветствовать. Многообразие протестного движения способствует становлению *политического сознания*. А это дает обществу шанс на смену *традиционных властных отношений* и замещение их *полноценной политической ситуацией*. Обобщенно можно говорить о новом уровне зрелости существенной части общества.

Рассматриваемые нами тенденции проблематизируют системное качество российского социокультурного целого. Осмыслению процессов такого масштаба лежит в поле гуманитарных дисциплин — культурологии и цивилизационного анализа, которые последовательно разрабатывают два взаимосвязанных проблемных пространства: с одной стороны, выявление устойчивых структурных связей и механизмов наследования

культурного опыта, а с другой — исследование механизмов социально-культурной динамики. В рамках этого видения имеет смысл начать разговор о стратегии преобразования базовых оснований культурного сознания.

НИЧТО НЕ ВЕЧНО

Прежде всего возникает существенный вопрос: можно ли в принципе трансформировать устойчивые цивилизационные модели? Чаще всего «люди со стороны» трактуют защитников цивилизационного видения как эссенциалистов, утверждающих наличие неизменных и вечных качеств вещей, объединённых некоторой родовой характеристикой. Раз у России сложилась такая ментальность, то быть ей таковой на веки вечные. В этом суждении содержится имплицитная уверенность в вечном характере объекта «Россия», что есть чистая химера. Ничто не вечно, а иррациональная убежденность в вечности «своего» народа или его культуры — одна из универсальных иллюзий, которую культура формирует у своих носителей, и в этом — одно из проявлений манипулирования человеком со стороны культуры.

Вменяемое, лежащее в пространстве научного знания, цивилизационное видение лишено иллюзий и химер. Локальные цивилизации весьма устойчивы в своих базовых характеристиках. Однако они конечны, подвержены трансформациям, в том числе и весьма глубоким, и существуют ровно до тех пор, пока оказываются в состоянии *воспроизводить себя* в конкурентной среде других культур.

Людям, далеким от профессионального интереса к истории цивилизаций, историческое снятие конкретной локальной цивилизации чаще всего представляется в виде страшной катастрофы (по аналогии с падением Константинополя в 1453 году). Между тем цивилизации могут уходить в прошлое и *перерождаться* сравнительно спокойно.

Греко-римская цивилизация античности исчала в IV–V веках, однако жители Рима существовали в убеждении континуитета античного мира; коронация Карла Великого в 800 году н.э. копировала классические римские образцы. Иными словами, гибель одной цивилизации и рождение на ее месте другой могут не осознаваться в полном объеме прямыми участниками (или объектами) процесса самоорганизации цивилизационных систем.

Альтернатива радикальной трансформации

Общество, переживающее кризис цивилизационной модели, раскалывается, как раскалывалось на христиан и язычников общество Рима II–IV веков. Этот процесс носил стихийный характер, реализовался в формах борьбы на уничтожение, был исторически затратным и исключительно драматичным. С тех пор прошло более полутора тысяч лет. И хотя мы любим повторять слова о том, что история ничему не учит, стоит поискать те решения, которые сводили бы к минимуму боль и страдания людей.

Новое и старое на могут примириться ни на идейно-теоретическом, ни на экзистенциальном уровне. Но из этого вовсе не следует, что необходима война, подавление и уничтожение проигравших.

В обществе всегда существует возрастная дифференциация — дети, люди молодые, зрелые, пожилые — те, кто оставляют активную работу и выходят на пенсию «по старости». В каждом поколении можно обнаружить возрастные субкультуры иногда весьма демонстративные (бороды молодых «старцев», вызывающие протест одежды хиппи). Необходима сознательная стратегия разделения общества на людей «вчерашних» (живущих в субкультуре времени своей молодости и активного доминирования) и «сегодняшних», «со-временных». «Вчерашним» общество должно создать комфортную социально-культурную среду и условия пристойного доживания. Сегодняшним — пространство адекватного саморазвития, дистанцированного от исчерпавшего себя исторического качества.

ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕНТАЛЬНЫХ ОСНОВАНИЙ.

Общие соображения

Ментальность существует постольку, поскольку обеспечивает минимальный уровень эффективности воспроизводства ее носителей. Если резко изменяются параметры вмещающего пространства (и социального, и культурного, и природного), культура более или менее болезненно — но трансформируется, а это означает, что изменяются и ментальные основания.

Обратимся к примерам. Исходно Китай и Япония реализовывали исторически первичную, экстенсивную стратегию бытия. Люди расселялись и осваивали все возможные территории. Однако в Китае пространство, пригодное для традиционного сельского хозяйства, сравнительно невелико. А Япония — просто маленькая страна, живущая на островах. Возможности экстенсивного движения вширь у этих народов были крайне ограничены.

Исчерпание стратегии расселения породило кризис. Это была эпоха войн, борьбы за передел власти и территорий. А затем произошла социокультурная трансформация, в ходе которой родилась традиционно интенсивная культура. Японский и китайский крестьянин ориентирован на замкнутый хозяйственно-экологический цикл. В этом способе производства нет понятия отходов. Традиционное для России истощение одних земель и переход на новые здесь просто невыносимы. Японец умеет вести хозяйство на крошечных, с нашей точки зрения, участках, получая невыносимый урожай. Эта трансформация произошла в рамках одной идентичности. Территория и язык сохранились, однако качество культуры претерпело существенные изменения.

Греки, создавшие тысячелетнюю Византийскую империю (которая просуществовала 1084 года), не могли не быть имперским народом. Однако пятьсот лет османского владычества размыли имперскую доминанту ментальности. Современные греки живут совершенно иными радостями и заботами. Ассирия была одной из самых кровавых и свирепых империй в истории. Сегодня айсоры — мирный народ, рассеянный по всему миру.

Отдельная тема — качественная трансформация раскольников-старообрядцев. Для староверов распалось целое, которое давало основания бытия. Исчезла синкретическая связка «Вера–Царь–Отечество». Царь-батюшка стал еретиком, из помазанника Божия сакрального Государя превратившийся в несправедливого царя, санкционированного гражданскими отношениями. Святая Русь канула в Лету. Религия утратила санкцию власти. «Мы» — в меньшинстве. Иными словами, *моя вера* находит основания лишь *во мне самом*. Все это обеспечило резкий рост индивидуального начала. В старообрядческой среде разворачиваются процессы вычленения автономной личности. Отсюда — феномен старообрядчества, особенно ярко проявившийся во второй половине XIX и на рубеже XIX–XX веков. Старообрядческое предпринимательство, соответствующая протестантской этике новая нравственность, политическая активность видных фигур из старообрядческой среды (таких как Третьяковы, Боткины, Рябушинской, Морозов, Мамонтов, Абрикосов и др.) свидетельствуют о революционных сдвигах в сознании, об ином позиционировании человека в мире.

Другое дело, что любые трансформации ментальности подчиняются принципу Ле Шателье–Брауна. Культура минимизирует изменения. Но если базовые характеристики вмещающего пространства радикально изменяются, минимальные трансформации могут оказаться не менее радикальными.

Далее: чем больше общность, тем медленнее ее изменения, что объяснимо. Поэтому новое качество вначале складывается в сравнительно узком слое, изолирующем себя от воздействий целого; затем этот слой общества наращивает свои объемы, втягивая в себя тех, кто готов меняться. И навязывает новые стандарты бытия остальному обществу. Фабриканты — старообрядцы нанимали на работу всех — без различия вероисповедания. И системой штрафов воспитывали вчерашнего крестьянина, требуя от него работать в соответствии с принципами протестантской этики.

Одна из базовых характеристик традиционной крестьянской психологии состояла в настороженном отношении к любым нововведениям и отказу от инноваций. От картофельных бунтов XVIII века традиционалистская масса перешла к принятию инноваций, идущих от имени Власти (советский период), а далее — к сегодняшней толерантности ко всему новому. Сегодня простая старушка на улицах Москвы, бойко говорящая по мобильнику, — типичная картина. Перед нами очевидная и глубокая эволюция. Исходная установка: инновации — опасный грех. Промежуточная: инновация санкционируется сакральной властью. Итоговая: инновация — это удобство и благо, откуда бы она ни шла.

Не менее выразительна эволюция отношения к образованию. Нам представляется курьезным тот факт, что отец так и не простил Ломоносову его самовольного побега на учебу. Сегодня же практически все население России готово давать детям высшее образование. На глазах людей старшего поколения происходило изживание настороженного отношения минимально модернизированной традиционалистской массы к европейской медицине.

И.А. Гончаров писал в «Обрыве»: «Меланхолихой» звали какую-то бабу в городской слободе, которая простыми средствами лечила «людей» и снимала недуги как рукой. Бывало, после ее лечения много скоробит на весь век в три погребели, или другой перестанет говорить своим голосом и только кряхтит потом всю жизнь; кто-нибудь воротится от нее без глаза или баба работала опять». И.А. Гончаров. Собрание соч. в 8 томах, т. 5 М., 1953, с. 66.) Еще лет пятьдесят назад, в глубинке, врача вызывали лишь в крайнем случае, исходя из того, что хуже уже не будет.

Обобщим: историческая реальность свидетельствует о том, что существенные модели поведения, базовые ориентации, ценностные структуры изменяются с течением времени. Эти изменения дают основания утверждать, что на уровне ментальных оснований происходит трансформация.

Механизмы воспроизводства и изменения ментальности

Ментальность возникает в процессе цивилизационного синтеза и далее наследуется из поколения в поколение. И поскольку ментальность задает весь универсум самопроявлений человека — реальность, которую мы квалифицируем как *новую цивилизацию*, есть не что иное, как *объективация этой ментальности*. Разительно меняется создаваемый человеком мир, меняется и сам человек. Эти перемены позволяют нам говорить о том, что изменились и ментальные основания культуры.

Оставим за рамками нашего рассмотрения процессы цивилизационного синтеза. Они изучены мало. Мы можем сказать, что цивилизационный синтез происходит в процессах самоорганизации. Что субъективно за ним стоит потребность упорядочить критически хаотизированную картину мира. Что эта хаотизация выступает формой обнаружения резкого снижения уровня эффективности исходной культуры. Что абсолютный императив выживания вступил в неразрешимый конфликт с *императивом верности* врожденной культуре, который транслирует в психику своих носителей уходящая культура. Что данный конфликт разрешается с формированием нового блока ментальных оснований, которые наделяют окружающий мир новым смыслом, создают ценностные основания, предлагают модели эффективной жизнедеятельности в меняющемся мире.

Процессы изменения ментальности происходят в рамках смены поколений. Несколько огрубляя, можно сказать: за поколением твердых носителей прежних устоев следует паллиативное поколение (поколения) «людей полдорог» (или, как писал А. Вознесенский, «детей полдорог»), у которых уходящая ментальность частично размыта, но целое уже утрачивает системность, появляются частные установки, противостоящие исходному качеству. На смену же носителям паллиативного сознания «детей полдорог» приходят люди нового мира. Носители нового качества лишены экзистенциальной связи со своими предками, с их традициями и верой. Они им глубоко чужды. Сушностный диалог между этими людьми весьма проблематичен.

Инсталляция ментальности

Опуская развернутые теоретические обоснования⁴, укажем, что, организуя мышление и деятельность человека, ментальность принадлежит к базовому слою культурно-

⁴ Яковенко И.Г. Теоретические основания цивилизационного анализа России//В поисках теории российской цивилизации. Памяти А.С. Ахиезера. С. 241.

го сознания и передается от поколения к поколению в специфическом процессе *инсталляции* (от франц. — установка). Ментальность инсталлируется в раннем возрасте в рамках процессов социализации и включения в родную культуру. Происходит это автоматически, еще на досознательном уровне. Инсталляция реализуется в соответствии с генетически закрепленной программой выделения из текста культуры, разворачивающегося перед входящим в жизнь человеком, устойчивых, закономерных оснований, по которым сформирован этот текст. Следуя этой программе, психика человека выделяет из ткани культурного пространства базовые нормы, устойчивые ценности, способы понимания и алгоритмы поведения, которые являются универсальными для данной культуры. Обозначенная программа включается с рождением ребенка и затухает с завершением процессов формирования индивида в качестве полноценного субъекта врожденной культуры. Это происходит в юношеском возрасте, в шестнадцать–восемнадцать лет. Выделенные основания становятся основаниями собственной жизнедеятельности культурного субъекта.

Точно таким же образом каждый человек осваивает родной язык. Мы имеем в виду речевую практику, а не законы построения языка, которые исследует лингвистика. В детстве усвоение родного и иностранных языков происходит без особых усилий. С годами потенциал автоматического освоения языка затухает. Взрослому человеку требуются особые усилия, желательное помещение в целостную языковую среду.

По завершении процессов инсталляции субъект культуры (он же — носитель культуры) уже сформирован в своих базовых культурных характеристиках. Его поведение укладывается в рамки диапазона вариантов поведения, разрешенных культурой (получающих в этой культуре приемлемую интерпретацию). А данная культура переживается ее зрелым носителем как часть собственной природы.

Изменения моделей

Как было сказано выше, изменение ментальных моделей разворачивается на фоне кризиса культуры. Можно выделить два потока процесса трансформации базовых оснований культуры.

Первый поток реализуется в рамках *самоорганизации социокультурного целого*. Самый яркий пример — смена корпуса актуальных, востребованных аудиторией сказок в конце 60-х — 70-х годах прошлого века. Здесь необходимо пояснение. Сказки читают маленьким детям, которые их запоминают. При этом сказка играет роль базовой мифологической структуры (из которой сказки,

собственно говоря, и выросли), включающей человека в целостность культуры. Услышанные в детстве сказки участвуют в формировании матриц сознания. Образ мира, ценностные ориентации, модели поведения впервые явлены ребенку в сказке. Поэтому то, какие сказки слушают дети в раннем возрасте, играет существенную роль в формировании оснований картины мира, которая сложится у повзрослевшего ребенка. В конце 60-х годов XX века произошло примечательное событие. На книжном рынке появились качественно новые детские сказки. «Мумми-тролли» Туве Янсон, «Волшебник изумрудного города» Александра Волкова, Книги о Мэри Поппинс и Винни-Пухе в превосходных переводах Бориса Заходера пользовались бешеной популярностью.

Как мы понимаем, запрос на новую сказку возник отнюдь не в детской среде. Его породила городская интеллигенция, которая покупала книги для своих детей и не хотела обходиться традиционным набором советской детской книги. В ответ на этот запрос делались переводы и пересказы произведений известных европейских авторов. Авторы русских версий не ошиблись в выборе материала. Дети, воспитанные на этой литературе, весело похоронили Советский Союз, а их дети надели белые ленточки.

Книги не нашего детства

Другой яркий пример самоорганизации культуры демонстрирует социология чтения. А она свидетельствует об уходе от русской классической литературы XIX века. Это примечательно. Образ «тургеневской девушки» вошел в отечественное культурное сознание, а само это понятие стало нарицательным. Однако зададимся вопросом: легко ли в нашей жестокой реальности существовать человеку с характеристиками «тургеневской девушки?»

Мотивы, по которым люди читают книги, сложны и многообразны. И заведомо не сводятся к задаче приобретения к сокровищнице мировой/отечественной культуры. Молодой человек читает художественную литературу в контексте решения генеральной задачи вписывания себя в окружающий его мир: формирования норм, ценностей, личностных характеристик, эмоционального воспитания. Перед ним стоит задача формирования внутреннего мира, который позволит ему жить достойно и счастливо, быть удачливым, «успешным» и эффективным в окружающей его действительности. Эта сверхзадача не осознается, но именно она подвигает серьезного молодого человека к чтению.

Сталкиваясь с классической русской литературой, наш молодой современник чувствует, что идейно-цен-

ностный бекграунд (background — задний план), который лежит под этим пластом художественной культуры, находится в неразрешимом конфликте с окружающим его современным миром. Дезадаптирует, предлагает цели, ценности, критерии оценки и способы действия, вовсе не приложимые к реальности. Эти тексты чужды ему в глубинно экзистенциальном смысле. Поэтому он и ограничивает свое знакомство с русской классикой школьным курсом. Русская классическая литература и гляцевые «гламурные» журналы несовместимы. Они выражают онтологически несопоставимые культурные реальности.

Нами приведены конкретные примеры. Изменение ментальности происходит также в соответствии с другими механизмами самоорганизации культуры. Такой динамизатор культуры, как феномен моды, очевидным образом выступает фактором значимых изменений в сцеплении с другими социальными и культурными процессами. И вот однажды поведение, санкционированное традицией и вытекающее из ментальных установок, становится старомодным и не престижным. Зато то поведение, что порицалось традиционным сознанием, обретает санкцию современного, престижного, модного.

Ментальные структуры поддерживаются конкретными устойчивыми параметрами социально-культурной среды. Изменения этой среды — урбанизация, распад большой семьи, изменение характера и предмета труда — неизбежно сказываются на процессах воспроизводства ментальности. Традиционная ментальность складывалась и устойчиво существовала в условиях ограниченного кругозора. Семьдесят лет назад более половины населения страны никогда не выезжали дальше райцентра. Сегодня массовые коммуникации, Интернет и рыночная экономика создают принципиально иной уровень открытости миру. Это, конечно, не могло не сказаться на процессах воспроизводства ментальных оснований.

Традиционная большая семья создавала социальный и культурно-психологический базис коллективного владения, отдавала собственность в руки иерархии, противостояла процессам автономизации. Урбанизация и тесные квартиры похоронили большую семью. Существенный блок традиционной ментальности утратил основания в устойчивых социальных формах и переживает кризис.

Второй поток трансформации базовых оснований культуры реализуется в рамках *систематической работы социальных и политических институтов* самого разного уровня. В качестве исторического примера можно привести деятельность ордена иезуитов на террито-

рии Речи Посполитой. В XVI веке для противостояния успешному протестантизму в католическую Польшу и Литву были призваны иезуиты. Иезуиты устраивали бесплатные школы, писали ученые трактаты против ересей, вели в костелах блестящие проповеди, устраивали публичные диспуты⁵. Таким образом, иезуиты действовали с помощью высокой культуры. Надо помнить о том, что в эту эпоху школа была своеобразным социальным лифтом, ведущим наверх. А бесплатная школа — мощным стимулом. Каждый желающий получал высшее образование. В придачу к этому образованию воспитанное в иезуитских школах мировоззрение определяло базовые ориентиры и дальнейший жизненный путь выпускника. Из Львовской иезуитской коллегии, открытой в начале XVII века, вырос первый на Западной Украине университет (1661 г.). Разгромив протестантов, иезуиты приняли за православных, склоняя их к униатству. Ответом на этот натиск стала самоорганизация православной общины, возникновение братств, богословских школ и православного университета в Киеве (Киево-Могилянской академии).

Можно привести примеры, в которых субъектом трансформации базовых структур сознания выступает государство. Генеральным фактором, задающим необходимость таких трансформаций, является модернизация. Во втором эшелоне модернизации сравнительно узкий слой правящей элиты, осознающей необходимость коренных перемен, всегда сталкивается с косной массой, тяготеющей к традиционной старине. В этой ситуации реализуются разные стратегии, направленные как на модернизацию элиты, так и на модернизацию всего общества.

ЧТО ВСЕ-ТАКИ ДЕЛАТЬ? СТРАТЕГИЯ ТРАНСФОРМАЦИИ

При всех обстоятельствах стратегия трансформации должна включать в себя следующее: первосортность утверждаемого и второсортность изживаемого — неременное условие качественного преобразования. Речь не о диффамации или травле. Речь о создании ситуации ценностного различия утверждаемого и уходящего. Некоторые знания, нормы и практики утверждаются как самоочевидные, обязательные для всякого приличного человека.

Сами носители уходящего сознания и их окружение должны чувствовать и осознавать, например, что способность прочесть вывеску, набранную латинским

⁵ Платонов С.Ф. Курс русской истории. СПб 2001. С.197.

шрифтом, — культурная норма. Что элементарное знание разговорного английского обязательно. Эти вещи достигаются простыми усилиями. Простейшие формы идут без перевода.⁶ В школах вводятся дни английского, когда общение на другом языке запрещается, и т.д.

Может быть реализован проект издания русского журнала на латинице. Для кого? Сначала для тех, для кого латиница привычнее. Реакцию можно представить себе заранее, но лучше начинать это сейчас, нежели когда будет поздно. Не стоит недооценивать, что в Интернете широко используется латиница. Не стоит и исключать вероятность латинизации алфавита в будущем.

В общем виде задача изменения ментальных оснований связана с прерыванием социокультурной преемственности и утверждением альтернативного культурного комплекса. Изменения ментальности не могут носить волюнтаристический характер. Эта работа имеет шанс на успех только в том случае, если вектор изменений соответствует логике исторического процесса. Модернизационные изменения должны повышать шансы на выживание и конкурентный потенциал людей и страны. Только в этом случае можно преодолеть историческую инерцию.

Из приведенных нами примеров можно увидеть, что эффективная работа с ментальностью концентрируется на молодых поколениях. Как утверждают специалисты, характер человека формируется в самом раннем возрасте — к шести годам. Говоря языком антропологии, человек переживает процессы включения в ментальные комплексы родной культуры от рождения до инициации, знаменующей переход от детства или юношества к взрослому возрасту⁷. Выше шла речь о процессах инсталляции ментальных оснований. Таким образом, для того чтобы сменить ментальность, необходимо радикально

⁶ Пример: фильм Гарри Бардина «Кот в сапогах». Герои говорят на трех европейских языках без перевода. Гарри Бардин апеллирует к общеинтеллигентскому бекграунду.

⁷ Сценарии натурализации за границей взрослых и детей различаются разительно. Как правило, взрослый человек никогда не утрачивает интереса к России. Между ним и реальностью страны пребывания остается некоторая дистанция. Зрелые мигранты тяготеют к русскоязычной среде и так далее. Дети и подростки включаются в новую реальность неизмеримо менее болезненно, часто утрачивают экзистенциальную включенность в русскую проблематику и полностью входят в реальность своей новой родины. Единственное объяснение этому состоит в том, что в ранних возрастных группах процесс инсталляции российской ментальности был прерван, а далее произошло замещение ментальными структурами страны пребывания. Эти ребята могут свободно говорить по-русски, но при этом они остаются немцами, французами, американцами.

трансформировать культурную реальность, которая открывается входящему в жизнь человеку. Далее: устойчивая смена ментальности требует нарушения межгенерационной преемственности базовых оснований культуры.

Руководствуясь здравым смыслом и исходя из опыта, практики, решавшие задачи коренного изменения культуры (а это возможно только в случае замены ментальных оснований) выполняли описанные два условия.

Так работал знаменитый Императорский Царско-сельский лицей, задуманный М.М. Сперанским и открытый в 1811 году. Лицей создавался для подготовки управленческой элиты государства. Он успешно выполнял свою задачу. Среди выпускников Лицея не только Пушкин, но поэты и писатели, выдающиеся министры, государственные «мужи» и деятели культуры.

Традиционная семья и привычная среда воплощают историческую инерцию и тысячами нитей связаны с прошлым. Поэтому во всех модернизирующихся обществах возникают закрытые учебные заведения. Завершивший образование молодой человек может (как правило, ненадолго) вернуться в родной дом, но ничего, кроме ностальгических воспоминаний раннего детства, его более не связывает с породившей средой.

Из изложенного выше следует исключительная роль работы с детьми, начиная с самого раннего возраста и как минимум до завершения среднего образования. Можно и нужно работать с людьми любых возрастных категорий. Однако наивысшая эффективность такой работы — в возрастном диапазоне импринтинга (от англ. — запечатление, закрепление в памяти). В этой ситуации инсталляция ментальных структур происходит как бы «сама собой». Психика растущего человека извлекает данные структуры из окружающей его реальности. Важно, чтобы это пространство было целостным и непротиворечивым в культурном отношении.

Данная работа распадается на два направления: работа с сознанием и формирование значимых навыков и практик.

Такую работу надо начинать с дошкольного возраста. Речь идет о развитии интеллекта, о формировании моделей понимания, навыков мыслительной деятельности, интеллектуальных установок, ценностных структур.

Второе направление связано с формированием значимых навыков и практик. Это направление не менее важно. Каждая культура в обязательном порядке формирует значимые практики. Параллельно с этим она блокирует формирование альтернативных практик. И они не возникают и не могут утвердиться, поскольку противостоят системному качеству доминирующей культуры.

Если ребенка с детства обучать навыкам индивидуальных и групповых действий, не вписывающихся в доминирующую культуру, и превратить эти практики в норму жизни, тогда, взрослея вместе с ним, они привнесут их в жизнь как органичное и естественное, вопреки противостоянию среды.

Развернуть описанные направления сколько-нибудь полно не представляется возможным. Ограничимся отдельными, очевидными для автора сюжетами, которые позволят составить представление об общей логике предлагаемой работы.

Говоря о самом раннем возрасте, надо заметить, что многие русские сказки воспроизводят тупиковые установочки. Ковер-самолет, «сивка-бурка», гусли-самогуды, скатерть-самобранка, неразменный пятак и прочие радости магического мира, в котором не надо работать, не надо сеять, жать и класть в закрома, чтобы хорошо жить и сытно есть... Чтобы было понятно, о чем идет речь, приведу пример Буратино. Как известно, сказка «Золотой ключик или Приключения Буратино» (1936 г.) была вольным переводом А.Н. Толстого знаменитой сказки Карло Коллоди «Приключения Пиноккио» (1883). «Золотой ключик» был любим поколениями советских людей и постсоветских россиян. Никто не назовет эту сказку скучной, тупой, нравоучительной. Однако наш взгляд пропускает одну значимую для культуролога подробность. Приняв решение отправить Буратино в школу, папа Карло идет на рынок, продает там свою куртку и на вырученные деньги покупает деревянному мальчишке «Азбуку» с картинками. На следующий день Буратино по пути в школу водит рекламу кукольного театра сеньора Карабаса, решает свернуть со школьной дороги, продает «Азбуку» и на вырученные деньги покупает билет на представление кукольного театра. Это вам уже не скатерть-самобранка. За сказкой Карло Коллоди стоит две тысячи лет жизни в классовом обществе. Итальянский ребенок твердо знает: за все в этой жизни надо платить. Здесь мы сталкиваемся не только с базовым концептом законов сохранения: «ничто не появляется из ничего», но и с важнейшей моральной истиной. Сознание ребенка фиксирует эти положения не на уровне скучных сентенций, а на уровне деталей сюжета, фиксирующих самоочевидные вещи.

Одна из серьезных проблем нашей реальности связана с тем, что механизмы горизонтального группового взаимодействия блокируются культурой. В России остро стоит проблема общинности, добровольной кооперации, консолидации во имя некоторой общей задачи, навыков и практик группового взаимодействия. Но для

того чтобы хоть что-то заработало, в этой общине, кооперативе, необходима иерархическая структура. Тогда делегированная сверху власть, «начальство» объединяет людей, ставит задачу и обеспечивает координацию общих усилий. Решить те же задачи без «начальства» массовый носитель российской идентичности затрудняется.

Детей можно и нужно учить самоорганизации, отработывая все этапы этого процесса. Эти формы самостоятельности можно и нужно отработывать начиная с детского сада и далее — через среднюю школу — вплоть до окончания высшего учебного заведения.

Помимо проблемы самоорганизации существует проблема качества группового взаимодействия в нормальных, институционально закрепленных структурах. Люди сегодня не хотят и не очень-то умеют эффективно работать в группе. Работа (организация) не переживает как ассоциация, куда каждый из сотрудников пришел добровольно и где мы все единой командой делаем общее дело, от успехов которого зависят и мои собственные успехи⁸. Интриги, доносы, подсиживания, спихивание работы, а равно и ответственности на другого это, к сожалению, типичное явление, и никакие «корпоративные вечеринки» ситуацию к лучшему изменить не могут.

Заметим, что в СССР в высокой науке, оборонке и некоторых других сферах порою возникали коллективы, объединенные искренним интересом и энтузиазмом. Как правило, это было связано с талантливым руководителем, хорошей зарплатой и более высоким профессиональным уровнем, нежели средний по стране. Так работали физики под руководством И.В. Курчатова, так поначалу действовала идеальная атмосфера такой творческой работы описана в повести Стругацких «Понедельник начинается в субботу». Однако на среднем уровне доминирует вышеописанная ситуация. А заказники приличного и эффективного взаимодействия носили локальный характер и имели свойство со временем разрушаться.

Сегодня в бизнесе внедряют корпоративную культуру, которая исходит из императива, будто бы наш бизнес — одна большая семья. Насколько успешно это внедрение, оценить пока сложно, хотя русский в городской язык вошло это слово — «корпоратив». По отзывам людей, работающих в крупных корпорациях, там все равно процветает традиционная российская атмосфера.

Сходную картину мы видели и видим в творческих союзах, ТСЖ и других объединениях. Типичный, массовый участник некоторого сообщества, с одной стороны,

устраняется от участия в управлении, демократических процедурах и контроле за правлением. С другой — он обвиняет это правление во всех грехах, выражает недовольство решениями, которые приняты от его имени (при том, что он устранился от обсуждения и принятия этих решений), интригует, бузит и т.д. В общем, являет собой балластный слой, описываемый словами «народ», «толпа», «охлос», «совок»...

В политических партиях, общественных объединениях, НПО и любых других организациях, объединенных на добровольной основе, мы продолжаем наблюдать борьбу честолюбивых амбиций, вождизм, интриги, формирование клик, способных интересы дела принести в жертву во имя карьерных и имиджевых соображений, во имя создания лишнего информационного повода и т.д. Митинговая стихия, пафос борьбы на уничтожение, неспособность к компромиссу — все это лежит в том же ряду. Выходит, что русские люди фатально не приспособлены к эффективной консолидации в нежестких, неиерархических, собственно демократических структурах?

Наше понимание данной проблемы состоит в следующем: Интриги, отстраненная патерналистская позиция — специальный культурный механизм атомизации, блокирующий формирование ассоциаций как качественной альтернативы *базовой модели российской социальности*.

Российская культура ориентирует своего носителя на две социальные конфигурации — родовое/семейное целое и иерархическая пирамида власти/подчинения. Описанное выше поведение есть способ перевода чуждых структур в поле собственной органики. Род/традиционная семья, очевидно, переживают кризис. Эта модель отмирает и уже не воспроизводится. А иерархическая пирамида становится единственным универсальным механизмом.

Задача состоит в *формировании и внедрении модели ассоциации*. В школе, высшей школе, пространстве культуры, политике, сфере гражданского общества последовательно должны внедряться и поддерживаться модели добровольной ассоциации, предполагающей демократическое участие всех членов ассоциации в выработке и реализации стратегии и тактики управления.

Как это делается — для меня вопрос открытый. Но на Западе давно отработана практика самоуправления, которая осваивается еще в средней школе. Школьное и университетское самоуправление, молодежные клубы и организации при школах и высших учебных заведениях требуют специальной работы по формированию необходимой атмосферы и разворачивания продуктивного взаимодействия.

Разрушение синкрезиса

Следующая стратегически важное направление — *разрушение синкрезиса*. Опуская громоздкую теорию, поясним: синкрезис — это такое состояние мышления, общества и культуры, когда всё со всем связано. Ничто не вычленилось и не существует самостоятельно. К примеру, это соединение познания и оценки, истины и блага, власти и собственности. Нерасчленимая конструкция иерархия-истина-благо-народ переживается как синкретическая целостность, на которой стоит традиционная культура. Мышление носителя традиционной культуры противостоит дроблению, а значит и усложнению мира. Оно оперирует большими блоками: есть наше, оно свое и хорошее, а есть чужое — плохое и враждебное. Синкретическое сознание в принципе противостоит развитию, поскольку последнее обязательно предполагает анализ и дробления.

Магистральная задача состоит в размывании синкретических сущностей, транслируемых в сознание ребенка традиционной культурой. Традиционная культура дает имена окружающим человека сущностям (папа, мама, семья, родина, школа и т.д.). В этих конструктах знание и оценка спаяны нерасторжимо. Такой тип сознания не позволяет выделить элементы, запрещает сопоставления и анализ. Мир разделяется на позитивное, в пределе — сакральное, и негативное, отверженное. Ценностно выделенные сущности обретают мощный эмоциональный потенциал. Они априорно сакральны (или отвержены). Школа способна дробить синкретические сущности на самых ранних этапах обучения и формировать аналитическую доминанту сознания.

В этой работе особое значение имеют две дисциплины — логика и риторика. Надо заметить, что курсы логики и риторики преподавались в гимназиях Российской империи, и первое, что сделали большевики, когда пришли к власти — изъяли из гимназического курса и логику, и риторику.

Эту работу надо начинать с самого раннего возраста. Школьный курс непременно должен включать логику и риторику. В старших классах необходимы курсы «экономикс» и права. Логика и риторика учат мышлению и формируют культуру диалога. Несколько слов о курсе «экономикс» и курсе права. Мы живем в стране, где право представляется абстрактной сущностью, а экономическое мышление — достояние профессионалов и практиков бизнеса. Однако вне экономического и правового мышления какая бы то ни было модернизация в принципе невозможна. Экономика и право отторгались российской традицией как чуждые и бесполезные сущности. Воспитание ребенка в экономи-

ческой и правовой парадигматике способно обеспечить кардинальные сдвиги в его сознании. Признаюсь, меня удручает, что у нас катастрофически низок уровень культуры мышления и практически повсеместно — от Думы до телешоу — отсутствует культура ведения дискуссии. Начиная с Древней Греции европейская традиция образования строилась на дискуссии и вокруг дискуссии. Необходима сквозная практика дискутирования через среднюю и высшую школу. Дискуссия получает статус междисциплинарного занятия (охватывая курсы логики, риторики, истории, литературы, «экономикс», права). В старших классах дискуссии должны устраиваться регулярно. Каждый учащийся должен уметь дискутировать, владеть образной речью, «держаться» аудиторию. Учащиеся должны уметь выступать и спорить на такие взаимоисключающие темы, как за введение или отмена смертной казни, как автократия и демократия, империя или национальное государство и т.д. Доказывая на дискуссиях свою правоту либо оспаривая другую точку зрения, школьники на практике будут осознавать и личностно осваивать ограниченность любых суждений. Такая работа и формирует человека, обладающего собственной позицией и умеющего корректно выражать свое кредо, защищать свою точку зрения.

Необходимо дискуссионное обсуждение этических и гражданских проблем. Предметом дискуссии должен быть конфликт интересов и этических максим, части и целого, проблем религиозного сознания.

Вообще говоря, разведение ценностей и интересов — важный аспект воспитания нетрадиционно мыслящего человека. Необходима экспликация конфликта между ценностями и интересами. Исследование конфликта интересов и ценностей. А отсюда уже вырастает *нравственное сознание и нравственная позиция* (уроки литературы, обществоведения, истории).

Школьный курс должен подчиняться императиву формирования целостной картины мира, осмысливаемого деятельно-инструментально.

Наконец, опуская теоретическое обоснование, надо сказать о том, как важно *обращаться к парадигме интереса*. Надо учить людей *мыслить* интересами и раскрывать им экономическую логику истории. Почему Олег покорил «путь из варягов в греки» и пошел с дружиной на Царьград? Почему татаро-монголам было важно закрепиться в бассейне Черного моря? Наша школа не учит людей мыслить в категориях интересов социальных групп. А без постижения этого измерения реальности невозможно адекватное понимание мира.

Наше воспитание блокирует осознание гигантского культуротворческого потенциала частной собственности. Частная собственность — это что-то не очень личное, о чем мы не привыкли размышлять. А между тем *собственность* трансформирует психологию, *созидает автономную личность*, позиционирует человека в социально-культурном космосе.

Собственность как священное и неделимое право должна лежать в основе той идеологии, которую дает детям школа. Надо объяснять, что государство существует для того, чтобы защищать права человека, и прежде всего право его собственности.

Есть еще одна труднорешаемая проблема. Русский язык гибок, велик, могуч и т.д., но он не всемирный. В эпоху глобализации он является тормозом. Заметим, что российская элита со второй половины XVIII века и до 1917-го говорила на европейских языках. Советская — уже нет. На первых этапах модернизации такое положение было терпимо. Но сегодня ситуация, когда языком международного общения владеет лишь узкий слой элиты, провальна. Ничего, кроме своекорыстного интереса элиты, за этим не стоит. Английский язык перестает быть языком иностранным и обретает статус языка международного. Он обязателен. Школа должна обеспечить выпускникам свободное чтение, понимание и общение, а диплом о высшем образовании требует свободного *владения* английским на уровне международных требований.

Необходимо определить понимание культурной целостности России и Европы. Однако образование у нас до сих пор построено на иной — изоляционистски-конфронтационной — парадигме, и это будет существенно препятствовать заявленной долговременной политической стратегии партнерства и сотрудничества.

Необходима целенаправленная работа по воспитанию культуры компромисса. Мы живем в манихейской культуре, ориентированной на «вечный бой» («покой нам только снится...»). Идея компромисса, как важной и значимой социальной ценности, увы, не воспитывается. Школа так и не раскрывает перед ребятами, насколько бесперспективна установка на то, чтобы «дожать и додавить всех гадов».

Школе жизненно необходим курс — «История демократии и сопротивления несвободе». Имеет смысл создание специального курса — «Демократические инициативы и практики» в рамках высшей школы. Гражданская активность должна стать предметом осмысления, сопоставления мирового и российского опыта.

В формировании нового качества культуры нам не обойтись без систематического обучения за рубежом.

Должно сложиться неписаное правило — для наиболее одаренных учащихся обязательно получение высшего образования за рубежом, связанное с проживанием за границей не менее четырех лет⁹. Учеба за рубежом (разумеется, не за счет родителей!) должна стать нормальной практикой для тех, кто желает делать карьеру в России. И кто будет служить новой, современной России!

А армия должна будет делать это в обязательном порядке, скажем, направляя на обучение за рубеж 500 молодых офицеров каждый год. В результате в страну будут возвращаться люди с другими мозгами. Эффективность этой стратегии видна на примерах многих стран — Балтии, Грузии, Пакистана. Отметим, что такая стратегия соответствует положениям Болонского процесса. Согласно Болонской декларации в идеале студент должен не менее семестра проучиться в другой стране. Это сделает его более гибким и повышает шансы на трудоустройство.

ОБЩЕСОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Разумеется, дело не может ограничиваться начальной, средней и высшей школой. Все сказанное выше должно войти в систему надежных и респектабельных конвенций понимания мира и человека в мире. Тогда эти установки будут реализованы в работе средств массовой информации. Не следует недооценивать меру конформизма наших соотечественников.

Однако просветительская работа недостаточна. Культура развивается *инверсиями*. Любая конструкция ментальных оснований культуры с необходимостью поощряет одни и подавляет другие импульсы человеческой психики, желания, устремления.

Трансформация ментальных оснований не может быть эффективна без амнистирования, легализации и сакрализации запрещенных и профанированных вчера инстинктов. Только в этом случае реформаторы могут обрести массовую поддержку и собрать энергию, задавленную предшествующей эпохой.

С этого момента разворачивается борьба тех, кто стал на сторону нового, и сторонников старого порядка вещей. И это — необходимый и неизбежный этап утверждения нового.

⁹ Такая практика существовала в Российской империи: за счет государства (на «пенсии») отправляли учиться одаренных, перспективных студентов. Возвращаясь на родину, они обязаны были отчитаться в том, чему обучились за границей (Ред.).

Традиционная российская культура веками подавляла автономную личность потребителя, собственника, человека, ориентированного на демократические ценности. Борьба и изживание возможны на путях правовой легализации и культурного поощрения репрессированных альтернатив преодолеваемого патернализма.

Российская традиция есть *традиция социоцентричного общества*. Необходимо трансформировать этот комплекс и *сформировать персоноцентристскую целостность*. Это можно сделать единственным способом — разрушая ядро отторгаемой системы.

Традиционная модель: сакральная власть — единство комплекса власть-собственность — отрицание частной собственности — легализация переделов собственности. Альтернатива — не декларативное, а подлинное утверждение частной собственности как фундаментального права. Законодательно закрепленное право собственника — защищать свою законную собственность всеми доступными ему способами. Продажа оружия. Легализация самообороны и права защиты собствен-

ности. Драконовские статьи за соучастие в рейдерских захватах. Отмена сроков давности в преступлениях против частной собственности. И так далее...

В такой ситуации новые ценности будут закрепляться намертво, поскольку за ними встают задавленные изживаемой культурой инстинкты и устремления, органичные человеку.

Жесткая борьба приверженцев старого и нового в данном случае — самый короткий и наиболее надежный путь инверсии, закрепляющей новую установку. Следование изживаемым ценностям должно быть связано с большими рисками.

Так видятся нам пути преодоления того системного кризиса, переживаемого ныне Россией. Наверняка возможны другие подходы и иные позиции. Необходима серьезная дискуссия. Такая дискуссия может быть осмысленной и продуктивной только в том случае, если участники диалога признают масштабы и характер кризиса, переживаемого российским обществом. ■

Яковенко Игорь Григорьевич

Культуролог, историк, политолог.

Доктор философских наук, профессор РГГУ.

Сфера научных интересов: теоретическая культурология, цивилизационный анализ, россиеведение.

24 мая Алексей Кудрин и Михаил Дмитриев представили общественности тревожный доклад. Мы подготовили на основе этого доклада конспект из 20 заявленных в нем важнейших тезисов.

ОБЩЕСТВО И ВЛАСТЬ В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА

ДОКЛАД ЭКСПЕРТОВ ЦЕНТРА
СТРАТЕГИЧЕСКИХ РАЗРАБОТОК
КОМИТЕТУ ГРАЖДАНСКИХ ИНИЦИАТИВ
Май 2012 года*

Полномасштабный политический кризис продолжает набирать обороты. Развитие политических событий в основном подтвердило представленные в первом докладе прогнозы.

Полученный материал свидетельствует о том, что кризис приобрел необратимый характер. Независимо от сценариев его дальнейшего развития, сохранение политической устойчивости, а тем более возврат к докризисному статус-кво уже не представляется возможным.

Данный доклад является третьим по счету в серии политических докладов, подготовленных экспертами ЦСР в сотрудничестве с РАНХ и ГС.1

Первый доклад — «*Политический кризис в России и возможные механизмы его развития*», подготовленный в марте 2011 года, представлял собой попытку краткосрочного прогноза развития политической ситуации в стране накануне парламентских и президентских выборов. Представленное в докладе описание возможного хода политического кризиса оказалось достаточно точным.

Второй доклад — «*Движущие силы и перспективы политической трансформации России*» был представлен в ноябре 2011 года, накануне парламентских выборов.

В отличие от двух предыдущих, новый доклад не столько прогнозирует события, сколько уточняет представления о текущем состоянии российского общества. Выборы и сопровождавшие их конфликты оказали серьезное влияние на ожидания и политические настроения различных слоев населения. Изменения, происходящие

в массовом сознании, должны оказать немалое влияние на развитие страны в предстоящем политическом цикле.

Представленный в докладе анализ опирается на самое масштабное социологическое исследование политических настроений, которое когда-либо проводилось в ЦСР. Впервые в этом проекте мы использовали не только социологические, но и психологические методы оценки первичного материала, что существенно отразилось на некоторых выводах.

Политические изменения, происходившие в течение последнего года, сопровождались сменой политических настроений, которая, как показало новое исследование, далеко не во всем соответствует первоначальным ожиданиям. Полученные социологические материалы дают более четкое представление о границах возможного.

1. Груз нерешенных проблем

Новые исследования показали, что накопленный груз нерешенных социально-экономических проблем, доставшихся в наследство от первого «путинского десятилетия», выступает в роли своеобразного консолидирующего фактора, который сглаживает различия в политических ожиданиях массовых социальных полюсов.

И для среднего класса, и для других социальных слоев характерен однородный, деидеологизированный и прагматичный запрос на изменения, который сфокусирован на узком круге проблем, связанных с развитием человеческого потенциала (неудовлетворительное со-

Москва. Август. 1991. Фото: Александр Тезны-Радно

* Конспект ТЕЗИСОВ, подготовлен редакцией «Вестника Европы» по <http://csr.ru/images/docs/doklad.pdf>.

стояние образования и здравоохранения), обеспечением личной безопасности и верховенства закона, а также качеством и доступностью услуг инфраструктуры (особенно в сфере ЖКХ).

2. Острый дефицит доверия

Запросов, политически объединяющих все массовые слои общества, пока гораздо больше, нежели запросов, порождающих конфликты между ними. Таким образом, **по-прежнему сохраняется возможность апеллировать к подавляющему большинству населения страны с однородной политической повесткой, как это происходило в начале прошлого десятилетия.**

Но особенность сложившейся ситуации в том, что на общероссийском уровне появился **острый дефицит доверия** к политическим лидерам и политическим партиям, дефицит, который блокирует формирование новой партии большинства «сверху вниз», особенно на основе ребрендинга правящей партии «Единая Россия». Как показало наше исследование, эффективно работающие механизмы формирования доверия сегодня действуют по принципу «снизу вверх». Доверие формируется в основном на местном и региональном уровнях и обусловлено успешностью лидеров в решении конкретных проблем, которые волнуют избирателей на местах.

3. Закат популизма

Сближение запросов избирателей среднего класса и прочих массовых слоев, приводит к тому, что **население становится менее восприимчивым к популистскому стилю** политического взаимодействия. Авансом доверие не дается никому, оно завоевывается в результате исполнения реалистичных обещаний, максимально приближенных к повседневному запросу населения.

Проведенное исследование показало, что массовые протесты в Москве уже оказали и в ближайшем будущем будут оказывать решающее влияние на развитие политического кризиса. Это происходит, несмотря на относительную, по меркам всей страны, немногочисленность протестующих и их политическую дистанцированность от массовых слоев населения.

4. Внешняя угроза как консолидирующий фактор

Мотив защиты от внешней угрозы является довольно сильным и сопоставим по значимости с приоритетными проблемами, обозначенными выше.

Большинство респондентов поддерживают наращивание военных расходов, даже если оно существенно ограничивает возможности финансирования образования, здравоохранения и пенсий.

Таким образом, внешняя политика, основанная на теме внешних угроз и антизападной риторике, является для российских властей спасительным якорем, который сдерживает дальнейшее падение политической поддержки властей населением.

В результате внешняя политика может стать еще менее реалистичной и более индоктринированной, превращаясь в механическую производную от политики внутренней. Это, безусловно, ограничит возможности для проведения гибкого и прагматичного внешнеполитического курса, отвечающего долгосрочным интересам России.

5. Запрос на обновление власти. Путин и Медведев несовременны

Проведенное нами социологическое исследование свидетельствует о сохранении устойчивой тенденции к нарастанию недовольства населения, эрозии базы политической поддержки власти, а также к усилению спроса на изменения в различных сферах и на обновление персонального состава руководителей в центре и на местах. При этом средний класс крупнейших городов для власти уже практически потерян.

Существенным элементом в эрозии мотивированной поддержки служит то, что и **Путин и Медведев стали восприниматься как недостаточно современные лидеры.**

6. Запрос на правовой порядок

Требования населения России в первую очередь состоят в том, чтобы в их городах был обеспечен правовой порядок. С этой точки зрения, у людей есть претензии к местным администрациям, которые сейчас абсолютно неподконтрольны. Эти претензии вполне справедливы: администрация не должна быть коррумпирована, торговля на рынках должна быть организована честно, улицы города должны стать безопасны для жителей. Эффективный правовой порядок — лучшее средство от радикальных националистических настроений.

7. Усталость от правящей элиты

Массовые слои населения демонстрируют явную усталость от правящей элиты в целом и предъявляют

запрос на масштабное кадровое обновление верхнего эшелона власти на центральном, региональном и местном уровнях

Избиратели, вынужденно голосовавшие за Путина и «Единую Россию», испытывали когнитивный диссонанс. Он проявляется в подсознательном стремлении ослабить внутренний конфликт, преувеличив преимущества сделанного выбора и занижив достоинства альтернатив. Но воздействие этого фактора может оказаться непродолжительным, после чего снижение рейтингов доверия к Путину и Медведеву, скорее всего, возобновится.

Население стало менее восприимчиво к популистскому стилю политического взаимодействия. Оно обостренно чувствует фальшь политической риторики, требует ответов по существу и обещаний, которые выполнимы на деле. Ослаблен запрос на безудержное бюджетное финансирование и на эксплуатацию националистической темы во внутренней политике. Это усложняет задачу политических популистов, чья стратегия строится, как правило, на раздаче невыполнимых обещаний.

Вместе с тем мотив защиты от внешней угрозы является довольно сильным, по значимости сопоставим с приоритетными проблемами, обозначенными выше. В условиях сохраняющейся тенденции к тому, что народ перестает доверять власти, не одобряет основные направления ее внутренней политики, можно ждать попыток компенсировать неудачи во внутренней политике внешнеполитическими действиями, идущими в русле народных чаяний.

8. КПРФ — политический институт

Важный вывод состоит в том, что в современной России КПРФ — единственный реально сложившийся политический институт, который именно в этом качестве вызывает поддержку и доверие значительной части народа. Вместе с институциональным мотивом поддержки и в качестве существенного дополнения к нему в этом доверии присутствует и мотив идеологический. Как правило, он выражается и в поддержке ренационализации, и в возврате в советское прошлое, которое в глазах многих респондентов выигрышно контрастирует с нынешним положением дел.

9. Церковь — уважаема, но она не может политически влиять на ситуацию

Российская православная церковь пользуется широким доверием со стороны всех групп населения, независимо от того, являются они верующими или нет. **Для**

восприятия РПЦ населением характерно, как и для КПРФ, деперсонифицированное отношение. Оно автономно от восприятия личности Патриарха и оценки действий отдельных священнослужителей и отражает исключительную роль Церкви как одного из наиболее значимых институтов российского общества.

Церкви как институту подавляющее большинство респондентов выражает высокую степень доверия. Вместе с тем, восприятие РПЦ как одного из важнейших институтов сочетается с четким представлением о его социальных границах. Подавляющее большинство россиян разделяют мнение о том, что церковь должна находиться вне политики и что ее роль сводится преимущественно к укреплению нравственных основ общества. **Непосредственное влияние РПЦ на политический выбор россиян является весьма ограниченным.**

10. Народ хочет мужчину-лидера в возрасте от 40 до 50 лет

Народ хочет мужчину-лидера от 40 до 50 лет, с опытом управления и с четкой, достаточно конкретной программой, которую он способен изложить доступным языком.

Новый, востребованный народом тип политика люди, однако, смутно представляют функционально, пока еще этот тип не имеет исторического прецедента, в его образ не воплощен в конкретную личность, нет никаких опорных черт ни в стиле его речей, ни в облике, которые позволили бы его опознать. Пока это выглядит чисто негативистски — как отторжение от старого, знакомого всем типажа. Языковые черты этого типажа отследить нетрудно, но это пока мало приближает нас к решению задачи. Иное дело — «новое», но востребованное. «Душа ждала... кого-нибудь...»

Создается впечатление, что она нарабатывает свой опыт не на телевидении. Возможно, она бессознательно стремится дистанцироваться от шоуменов. Где находится ее полигон: в сети, во внутренних дискуссиях, в каких-то группах — это вопрос. Ответа на него пока нет. Но вопрос этот важен для перспектив развития политической ситуации в России.

Политическая риторика потенциальных лидеров становится более тонкой, спокойной и аргументированной. Она находится в поисках нового языка, который соответствовал бы возросшей политической зрелости и рациональности массовых слоев, а также изменившемуся характеру социальных коммуникации. Создается впечатление, что новая риторика дистанцируется от стилистики телевизионных шоуменов и нарабатывает новые формы

в социальных сетях или в каких-то иных современных средах.

Человеком новой формации старался позиционировать себя и Д.А. Медведев, когда демонстрировал интерес к Интернету, твиттеру и телекоммуникационным новинкам. Но эти попытки создавали *когнитивный диссонанс*, поскольку его внешность и манера поведения нередко вызывали ассоциации с образами парработников среднего звена из эпохи 1970–1980-х годов. Имеет также значение способность держаться просто, естественно и тем самым быть ближе к людям.

12. Новые лидеры растут в регионах

Астрахань — некий европейский аналог Дальнего Востока. Она воспринимает себя в ментальности внутренней колонии — как ресурсная периферия, где на московских и петербургских госкапиталистов смотрят как на феодалов-эксплуататоров. На этой тематике в будущем захотят играть многие политики, противопоставляя себя федеральным властям в поисках дополнительной легитимности.

В ближайшие годы можно ожидать массового появления в российских регионах новых лидеров, способных привлечь достаточно внимания со стороны населения, чтобы побеждать на местных и региональных выборах, а затем использовать эти победы для укрепления доверия со стороны избирателей России демонстрируя способность и готовность решать не только местные, но и общегосударственные проблемы.

Привлекательные лидеры «новой волны» еще не успели в полной мере проявить себя. Но их появление и отбор облегчаются благодаря тому, что политическая среда стала в целом более открытой и конкурентной. Поэтому при наличии массового запроса на новые лица со стороны населения появление новой когорты перспективных общенациональных политиков может стать делом недалекого будущего. Они могут возникнуть как из среды федеральных политиков так называемого второго эшелона, так и из числа новых фигур, личностей, обладающих харизмой, которые будут выдвигаться сначала на местном уровне, там, где уже возникли условия для более быстрого укрепления доверия между лидерами и голосующим за них «электоратом».

13. Влияние массовых протестов на развитие политического кризиса

Парадокс сложившейся в стране ситуации заключается в том, что участники массовых протестов в Москве

по-прежнему немногочисленны — в сравнении с масштабами всей страны — и политически дистанцированы от массовых слоев населения. Но именно протестующие в столице России, а не массовые слои населения по всей стране, сейчас оказывают решающее влияние на ход политического кризиса.

Радикализация протестующих в Москве происходит на фоне снижения агрессивности и склонности к протестам массовых групп российского населения. В наших фокус-группах, особенно за пределами столицы, мы не наблюдаем ярко выраженного позитивного отношения к московским протестам. В целом преобладает настороженно-дистанцированное и даже негативное отношение.

Социально-политические установки митингующих тоже заметно отличаются от установок массовых социальных групп населения. Особенно это касается требований, связанных с демократизацией политической системы, которые не являются первоочередными для массовых социальных групп. Поскольку участники московских протестов сравнительно немногочисленны в масштабах всего населения и даже в масштабах Москвы, они практически не просматриваются в обычных фокус-группах. Для анализа настроений митингующих нам пришлось проводить специальное дополнительное исследование.

По меркам политических митингов, численность протестующих уже намного превысила критический порог, после которого у властей уже нет возможности подавлять протесты с той легкостью, с которой разгонялись акции непримиримой оппозиции. Протесты довольно масштабны, чтобы находиться в центре внимания российских и иностранных СМИ. Сами митингующие не только занимают проактивную позицию, но и имеют эффективный доступ к медийным и сетевым каналам распространения информации. Этому способствует также вовлеченность в протесты широко известных общественных фигур и деятелей культуры.

Перечисленные обстоятельства, похоже, осложняют положение властей. С одной стороны, власти уже лишены возможности эффективно сдерживать и подавлять протесты. А с другой — продолжение протестов ставит власти в весьма уязвимое положение... Игнорировать протесты и не обращать внимания на требования протестующих становится невозможно. Митингующие ставят вопросы, на которые властям в сложившейся ситуации волей-неволей приходится находить какие-то ответы. Именно это и придает протестующим, по крайней мере в ближайшее время, гипертрофированное влияние на развитие политической ситуации в стране.

Согласно проведенным нами исследованиям среди митингующих, разгон митинга на Якиманке **не вызвал испуг, — напротив, это усилило их решимость** продолжить борьбу за демократизацию. Агрессивность участников протестов возросла, а моральное неприятие существующей власти усилилось.

14. Война на истощение

По сути дела, между властью и протестующими начинается война на истощение, в которой власть оказывается в более уязвимом положении и вынуждена энергично реагировать на события, пока они еще окончательно не вышли из-под контроля.

Первые четыре месяца массовых уличных протестов в период после думских выборов уже изменили вектор политического развития страны, усилив готовность власти действовать в направлении ускоренной социальной и политической модернизации. Продолжение митингов, в зависимости от остроты конфронтации, может либо придать этим реформам дополнительный динамизм, либо, наоборот, привести к радикальному изменению политического равновесия, за которым последует сползание власти и общества в режим политической реакции.

15. Эскалация насилия погубит модернизацию

В результате мирная фаза политического кризиса обеспечила направленность общего вектора изменений в сторону ускорения модернизации. ...Продолжение протестов в мирных формах могло бы и дальше воспроизводить сложившийся баланс сил, подталкивая этот процесс.

Однако переход уличных протестов в стадию открытой конфронтации с применением насилия обеими сторонами ведет к изменению баланса между сторонниками и противниками модернизации. Сторонники модернизации — представители среднего класса, в массовом порядке примкнувшие к традиционному составу уличных манифестантов, не стремятся к насильственной конфронтации, их будут вытеснять на второй план. Роль авангарда протестующих перейдет к радикальной оппозиции, в которой преобладают те силы, которых не интересует модернизационная повестка. Это — левые радикалы, анархисты и националисты, жаждущие «рреволюции» и «кrrрови».

В свою очередь, если власть решится последовательно применять насилие, вскоре попадет в зависимость от силовых структур, в которых сравнительно широко рас-

пространены консервативные настроения. Особенно ярко они проявляются в сферах борьбы с элитарной коррупцией, в усилении институтов правового государства, защите прав собственности, обеспечении прав и свобод граждан, информационной открытости, присутствии государства в экономике, в вопросах внешнеэкономической открытости и внешней политики.

Однажды начавшись, открытые конфликты будут принимать все более ожесточенный и необратимый характер, и тогда обе стороны будут вынуждены делать ставку на насильственные методы борьбы. **Эскалация насилия затрудняет возврат к мирным формам протестов.** Каждая очередная вспышка конфронтации и агрессии будет усиливать консерваторов и ослаблять сторонников модернизации в обоих лагерях.

16. Сползание к реакции

Пока этот перелом, хоть уже и обозначился, еще не принял необратимого характера. Однако точка невозврата может быть пройдена быстро. И тогда новое политическое равновесие примет устойчивый характер.

Таков механизм сползания в режим политической реакции, ведущий к изменению политического равновесия внутри оппозиции и власти, в результате которого вектор изменения в обществе будет менять направление с модернизационного на консервативный.

Реакционный вектор развития при этом будет воспроизводиться совместными усилиями власти и оппозиции, несмотря на их жесткое противостояние. При этом консервативная политическая повестка, формируемая властью и оппозицией, не будет отвечать запросам подавляющей части населения, которая выступает против политического насилия и тем более политических репрессий и не разделяет всей совокупности установок радикальных консерваторов и левых популистов. В жертву такому изменению политического равновесия прежде всего будет принесено поступательное развитие страны и благополучие народа России.

17. Консенсус маловероятен, но еще возможен

Спектр разногласий между модернизаторски настроенными группами во власти и в оппозиции сравнительно узок, хотя в этих узких вопросах разногласия достигают высокого накала и непримиримости (слишком долгое пребывание «тангема» у власти, нынешняя рокировка президента, премьера, правительства и админист-

рации, манипулируемость выборами, политическая цензура и элитарная коррупция). Но острота конфликтов по этому узкому кругу вопросов затушевывает наличие между этими группировками **принципиального консенсуса по широкой повестке модернизации.**

Такой консенсус объединяет эту часть власти с соответствующей частью оппозиции гораздо сильнее, нежели власть с большинством общества и оппозицию с большинством общества. При этом именно продолжение мирных протестов, но не их прекращение, позволяет поддерживать модернистский вектор изменений и ослабляет силы реакции с обеих сторон.

С учетом сложившегося положения внутри власти и среди протестующих, возможности для этого невелики, тем не менее они существуют. Мы полагаем, что спонтанное развитие протестов уже не сможет вернуть их в мирное русло. Политическое насилие с обеих сторон получит дальнейшее распространение, а это снижает шансы предотвратить сползание в режим политической реакции.

...Основной шанс для политического развития в направлении модернизации связан с перспективами кооптации в систему власти модернизаторски настроенной части митингующих. По существу, речь идет о формировании устойчивой коалиции между сторонниками модернизации во власти и среди митингующих. Для этого модернизационно настроенные силы во власти и в митингующей оппозиции должны каким-то образом вступить в диалог с целью поиска компромиссов по узкому кругу вопросов, являющихся предметом острого конфликта между ними. Поле согласия между модернизационно настроенными силами внутри власти и среди митингующих является очень широким, а разногласия между ними сводятся в основном к узкому, хотя и болезненному для обеих сторон, кругу вопросов, касающихся персональной власти Путина и Медведева, обеспечения конкурентной среды на выборах, соблюдения политических прав и свобод, а также борьбы с элитарной коррупцией. Теоретически достижение взаимоприемлемых компромиссов по каждому из этих вопросов вполне возможно.

С точки зрения последующего развития событий, тактика диалога существенна, поскольку ведет к изоляции реакционных сил и к ослаблению их политического влияния... Но такой диалог требует встречных усилий власти и протестующих, хотя каждая сторона при этом сталкивается со своими трудностями и ограничениями. Для власти этот диалог создает непосредственные угрозы для положения первых лиц и их близкого окружения.

Для митингующих существует проблема формулирования единых позиций и делегирования представительства в переговорах... Неспособность сторон к

конструктивному диалогу усиливает взаимную агрессию и повышает риск эскалации насилия, который, в свою очередь, повышает вероятность сползания в режим политической реакции.

Мы не можем исключить и того, что через некоторое время готовность участвовать в акциях протеста начнет ослабевать, и митинги утратят влияние на политический процесс. Такое развитие событий вполне возможно, но оно не приведет к завершению политического кризиса. В этом случае на первый план в развитии кризиса выдвигаются среднесрочные и долгосрочные факторы.

18. Четыре сценария

Протесты в Москве способны повлиять на дальнейшее развитие политического кризиса сильнее, чем большинство других обстоятельств. Поэтому... развилки, обусловленные протестами, играют центральную роль.

Продолжение массовых протестов в мирной форме дополнительно усилит сторонников модернизации во власти и среди протестующих.

После разгона митинга на Болотной агрессивность протестующих и готовность продолжить протесты усилились.

Силовое подавление протестов потребует внутренней перегруппировки власти, включая повышение роли силового блока и усиление оппонентов модернизации.

Среди самих протестующих переход протестов в стадию насильственного противостояния тоже усиливает оппонентов модернизации.

Четыре возможных сценария дальнейшего развития политического кризиса:

Политическая реакция; Ускоренная модернизация; Радикальная трансформация; Инерционное развитие.

Переход уличных протестов в стадию силового конфликта укрепляет позиции оппонентов модернизации во власти и среди митингующих. Это может стать спусковым механизмом для сценария «*Политическая реакция*». В условиях силового противостояния роль авангарда протестующих перейдет к радикальной оппозиции, в которой преобладают силы, слабо заинтересованные в модернизационной повестке: левые радикалы, анархисты и националисты. В свою очередь, власть, решившаяся на последовательное применение насилия, попадет в зависимость от силовых структур, в которых сравнительно широко распространены консервативные настроения.

Предотвратить развитие событий по этому сценарию могло бы сохранение мирного характера протестов и начало политического диалога между сторонниками модернизации во власти и среди митингующих.

Развитие событий по сценарию «*Ускоренная модернизация*» на данном этапе представляется маловероятным. Однако полностью сбрасывать со счетов возможность развития по этому сценарию тоже не следует. Обе стороны хотят продолжения модернизации, а отсутствие диалога ослабляет их влияние и тормозит желаемые преобразования.

Начало экономического кризиса в условиях незавершенного политического кризиса, скорее всего, приведет к распространению протестов на массовые группы населения за пределами Москвы и даст толчок для реализации сценария «*Радикальная трансформация*».

Сочетание экономического и политического кризиса с высокой вероятностью приведет к быстрой утрате политического контроля и к ускоренной, хотя и хаотической трансформации системы власти.

Наконец, сценарий «*Инерционное развитие*» предполагает затухание политических протестов. Спад протестной активности на этой стадии уже не приведет к завершению политического кризиса. Но его течение замедлится, поскольку на первый план выдвинутся среднесрочные и долгосрочные факторы его развития.

19. Тревожные ожидания

В период между выборами протесты привели к усилению влияния сторонников ускорения политической и социально-экономической модернизации как во власти, так и в оппозиции. В результате общий вектор поли-

тики властей на некоторое время сместился в направлении модернизации.

Но с переходом протестов в силовое противостояние перевес во власти и в оппозиции может перейти к оппонентам модернизации, которые более широко представлены как в силовом блоке, так и в среде оппозиционных политических радикалов. **Сторонники модернизации во власти и в оппозиции, не склонные к массовому насилию, оттесняются на второй план.** Таким образом, нарастает риск реализации сценария политической реакции, а вектор политики смещается в направлении сдерживания назревших преобразований.

20. Общество ждет диалога с властью

Начало диалога между сторонниками модернизации во власти и среди протестующих с целью формирования коалиции и частичной кооптации оппозиционных сторонников модернизации во власть помогло бы сдерживать эскалацию протестного насилия и сохранило бы перевес на стороне сил модернизации.

Но такой диалог, несмотря на его очевидные преимущества с точки зрения перспектив модернизации, сталкивается с труднопреодолимыми препятствиями с обеих сторон.

Политический кризис может быстро перерасти в острые формы, если на него наложится вторая волна экономического кризиса. В этом случае риски потери политического контроля существенно возрастают, а темп политической трансформации может резко ускориться. ■

ОБЕЩАНИЯ И РИСКИ

Социально-экономическое развитие России в 2011 г. прежде всего определяли два обстоятельства: предстоящие парламентские и президентские выборы (и все что с ними неизбежно связано), с одной стороны, и глобальный экономический кризис (со всей его тревожащей неопределенностью) — с другой. Несмотря на то что эти обстоятельства существенно различались как по силе, так и по направленности воздействия, именно они, в сущности, предопределяли поведение всех субъектов экономической и политической жизни.

Глобальный кризис пока не сказался негативно на российской экономике (см. табл. 1). Можно выделить три основных фактора, посредством которых мировая экономика влияет на современную Россию: через спрос на экспортные товары, через доступность инвестиционных ресурсов (прямые инвестиции и кредиты) и через спрос на российские ценные бумаги на фондовом рынке.

Разумеется, медленный рост мировой экономики тормозил спрос на российскую экспортную продукцию, однако цены на основные экспортные товары оставались высокими, хотя темпы их роста были ниже, чем в отдельные докризисные годы. Фондовый рынок России очень уязвим перед внешними шоками, что продемонстрировали события августа — сентября 2011 г., однако он пока не играет существенной роли в обеспечении экономического роста страны. Внешние заимствования корпоративного сектора продолжали расти, превысив докризисный уровень (см. рис. 1). Впрочем, осознание затяжного характера глобального кризиса с непредсказуемыми геополитическими и геоэкономическими последствиями сказалось на формировании экономической политики в России на среднесрочную перспективу.

РОССИЯ В ПОИСКАХ НОВОЙ МОДЕЛИ РОСТА

Владимир МАУ

Таблица 1
Макроэкономические показатели России по сравнению с рядом других стран (2010–2011 гг.)

Страна	2010 г.				
	Темп прироста ВВП, %	Уровень безработицы, % (число безработных к экономически активному населению)	Инфляция дек./дек., %	Бюджетный дефицит (-), % ВВП	Госдолг, % ВВП
Россия	4,3	7,5	8,8	-4,0	9,2
США	3,0	9,6	1,7	-10,3	94,4
ЕС В том числе:	1,8		2,5	-6,4	79,8
Франция	1,4	9,8	1,7	-7,1	82,3
Германия	3,6	7,1	1,9	-3,3	84,0
Велико-британия	1,4	7,9	3,4	-10,2	67,7
СНГ В том числе:	4,6		8,9	-2,6	14,5
Казахстан	7,3	5,8	8,0	1,5	10,7
Белоруссия	7,6	0,7	9,9	-1,8	26,5
Украина	4,2	8,1	9,1	-5,7	40,1
Китай	10,3	4,1	4,7	-2,3	33,8
Бразилия	7,5	6,7	5,9	-2,9	66,8
Индия	10,1	9,3	9,5	-8,4	64,1

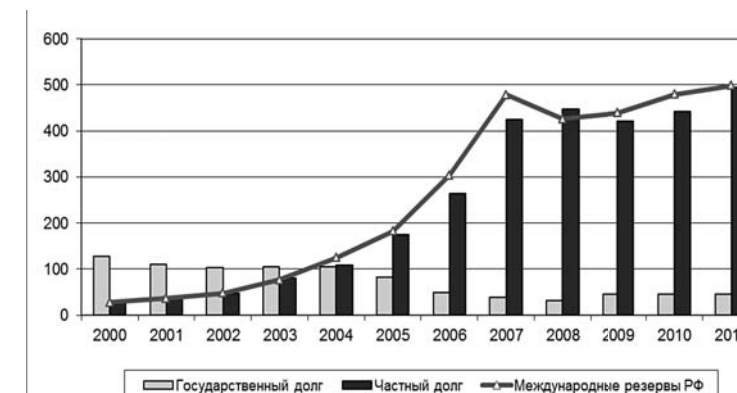
2011 г.					
Россия	4,3	6,6	6,1	0,8	9,6
США	1,5	9,1	2,5	-9,6	100,0
ЕС В том числе:	1,7		2,8	-4,5	82,3
Франция	1,7	9,5	2,1	-5,9	86,8
Германия	2,7	6,0	2,2	-1,7	82,6
Велико-британия	1,1	7,8	4,5	-8,5	72,9
СНГ В том числе:	4,6		10,2	-0,6	14,9
Казахстан	6,5	5,7	9,5	1,8	12,9
Белоруссия	5,3	0,7	108,7	-0,7	46,3
Украина	4,7	7,8	10,7	-2,8	39,3
Китай	9,5	4,0	5,1	-1,6	26,9
Бразилия	3,8	6,7	6,3	-2,5	65,0
Индия	7,8	9,7	8,9	-7,7	62,4

В период выборов практически всегда растет неопределенность будущей экономической политики, а также усиление популизма действующей власти, стремящейся к переизбранию. Обе закономерности оказались актуальными и для России 2011 г., несмотря на то что вероятность сохранения власти в руках правящей партии и ее лидеров представлялась исключительно высокой, и масштабных финансовых вливаний в обеспечение своей поддержки ей не требовалось.

Но, вероятно, исходя из принципа, что «маслом кашу не испортишь», руководство страны радовало избирателей заявлениями о намерении осуществить в ближайшие годы крупные вложения преимущественно в социальную сферу и силовые структуры.

Впрочем, в минувшем году Россия продемонстрировала достаточную устойчивость своего экономического развития. Экономический рост, правда, оставался

Рис. 1. Внешний долг России и международные резервы (млрд. долл.)

умеренным и, в общем, вполне естественным для страны среднего уровня экономического развития — выше, чем в Германии, но ниже, чем в Китае. Макроэкономические параметры тоже формально оставались благоприятными: бюджет по итогам года был исполнен с профицитом почти в 1% ВВП, а инфляция опустилась до исторического минимума за все 20 лет существования посткоммунистической России. В области денежной политики Центральному банку РФ удалось перейти к плавающему валютному курсу и таргетированию инфляции. Это важнейшее институциональное завоевание последнего десятилетия.

Вместе с тем макроэкономическая стабильность нашей экономики остается крайне уязвимой. Она основывается на доходах бюджета от высоких цен на нефть, которые в настоящее время находятся в точке исторического максимума, в постоянных ценах сопоставимы с уровнем рубежа 1970–80-х годов. Политика наращивания расходных обязательств бюджета, предполагающих гарантированность таких конъюнктурных доходов, крайне опасна, что продемонстрировал опыт СССР в 1980-е годы.

Между тем ненефтяной дефицит федерального бюджета составил в 2011 г. около 10% ВВП, а дефицит бюджета при средней десятилетней цене на нефть (условно гарантированный уровень) равен примерно 4,5% ВВП.

В 2011 г. существенно возрос отток капитала, превысив 85 млрд долл. Причины этого оттока различны — это и плохой инвестиционный климат, и спрос на иностранные активы со стороны крупных российских инвесторов, и обострение конкуренции за капитал со стороны развивающихся рынков Азии и Латинской Америки, и глобальный кризис, при котором растет спрос на размещение в резервной валюте (несмотря на экономические трудности ее страны-эмитента), и политические риски предвыборного периода. Однако эту системную проблему необходимо серьезно изучить и найти приемлемые варианты решения. Сложность состоит именно в ее многоаспектности, в переплетении нескольких процессов, и для решения проблем каждого из них необходим свой комплекс мер.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС — ИСХОДНАЯ ТОЧКА МОДЕРНИЗАЦИИ.

Поскольку накопленные резервы позволили не допустить банкротств и принудительной структурной модернизации, российские власти стали формировать

повестку модернизации сверху. В 2011 г. активизировалось обсуждение общих принципов ее стимулирования (по всей стране проводились экономические форумы, велись дискуссии о новой модели экономического роста), инициировались точечные проекты инновационного развития. Последние ориентированы как определенные территориальные кластеры-анклавы (Сколково, Томск), так и отдельные сектора научно-технического развития (информационно-коммуникативные системы, космос, нанотехнологии и др.). Одновременно работали две комиссии по модернизации и технологическому развитию — под руководством президента РФ и председателя правительства РФ.

Однако модернизацию нельзя осуществить при помощи директив, пусть даже самого высокого уровня. Модернизация (во всяком случае, современная) требует конкуренции — как экономических агентов, так и институтов.

В этом смысле важными факторами модернизации могут стать два крупных внешнеэкономических решения 2011 г. — присоединение к ВТО и прорыв на пространстве постсоветской интеграции (начал функционировать Таможенный союз и заключено соглашение по Единому экономическому пространству России, Белоруссии и Казахстана). Вступление в ВТО должно повысить конкуренцию для российских товаропроизводителей, а создание ТС и ЕЭП — дополнить **конкуренцию товаров конкуренцией институтов**.

Характерной чертой минувшего года стала резкая политизация населения, хорошо прослеживаемая и в России, и в мире. Это и антиправительственные революции, и выступления в арабских странах, и движение «захвати Уолл-стрит» в развитом мире, и политическая активизация зимы 2011–2012 гг. в России, очевидная тенденция к демократизации политической системы, которую можно охарактеризовать под общим названием «Белая лента», или «Болотная площадь». Разумеется, причины и механизмы политизации в разных регионах различны, но нельзя не принимать во внимание их наложение во времени. Пока можно только предполагать, что всплеск политической активности в мире будет нарастать вместе с *развитием* (именно с развитием, а не обязательно с нарастанием) глобального экономического кризиса.

Одна из серьезных опасностей, с которой может столкнуться экономическая политика России в связи с этим, — усиление бюджетного популизма, дополняющего популизм политический. Однако если последний не опасен с точки зрения обеспечения долгосрочной ста-

бильности страны, то первый, преследуя цели заботы о благе народа и отдельных социальных групп (военных, бюджетников, пенсионеров и т.п.), может обернуться тяжелым экономическим и политическим кризисом. Парадоксально, но факт: если проанализировать экономические программы всех политических сил, представленных и не представленных в Думе, выяснится, что наиболее (хотя и недостаточно) взвешенная программа была представлена правительственной партией. Наша страна пока располагает серьезными ресурсами, накопленными благодаря консервативной политике недавнего прошлого, но мир охвачен кризисом. Когда социальные и политические проблемы вдруг резко обостряются, риски бюджетного популизма нарастают.

ГЛОБАЛЬНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

Начавшийся в 2008 г. глобальный экономический кризис носит структурный и системный характер. По своим базовым параметрам он соотносится с кризисами 1930-х и 1970-х годов. Можно выделить ряд принципиальных особенностей подобного кризиса, которые, в свою очередь, обуславливают факторы и предпосылки будущего выхода из него.

Во-первых, структурный кризис определяется серьезными дисбалансами в организации мировой экономической жизни. Они вызваны глубокими технологическими сдвигами, появлением принципиально новых технологий (некоторые экономисты даже называют это «новым технологическим укладом»). Поэтому выход из кризиса связан с трансформацией производственной базы ведущих стран за счет распространения новых технологий. Формирование новой технологической базы сыграет в дальнейшем развитии такую же фундаментальную роль, которую в середине XX в. выполняла крупная машинная индустрия, а после 1970-х годов — микроэлектроника и компьютерные системы.

Кризис предполагает технологическое обновление, трансформирующее спрос на многие товары производственного и потребительского назначения, особенно на инвестиционные и топливно-энергетические продукты. Естественно, это скажется на ценах большинства присутствующих на рынке товаров, означает выход на новые равновесные уровни цен, что повлечет за собой изменение политических конфигураций.

Во-вторых, в мире накапливаются серьезные геополитические дисбалансы. Экономические и политические возможности отдельных стран изменяются медленно, но в какой-то момент происходит качественный скачок и возникает необходимость в пере-

ходе к новой системе равновесия. В современных условиях наиболее очевидным примером такого дисбаланса стало изменение ролей развитых и развивающихся (быстро развивающихся) стран. Как выйти на траекторию более сбалансированного роста (по параметрам сбережений и инвестиций, экспорта и внутреннего потребления, доходов и расходов) — эта ключевая проблема стоит перед многими развитыми и развивающимися странами в Европе, Америке и Азии.

Тем самым, *в-третьих*, структурный кризис носит глобальный характер. Он охватывает все ведущие страны; в современных условиях для его преодоления требуются глобально скоординированные усилия. Иными словами, *decoupling* (развитие по разным траекториям), о котором много говорилось в 2008 г., практически исключен из кризисной повестки — почти нет значимых стран, которые не были бы затронуты кризисными процессами, пусть и с разной интенсивностью. Тем более необходимо обеспечить участие всех этих стран в формировании глобальных антикризисных мер.

Глобальность кризиса не отрицает возможности его перемещения по миру. На отдельных этапах кризисные явления могут концентрироваться в тех или иных регионах и странах. Так, кризис начался в США, затем охватил Европу и частично Азию, а теперь сосредоточен преимущественно в Европе.

В-четвертых, структурный кризис способствует формированию новых валютных конфигураций — появляется новая мировая валюта (или новые мировые валюты). В XX в. это проявилось в коренном изменении роли золота, возвышении доллара, после 1970-х годов — в усилении бивалютного характера международных расчетов. В новых условиях возникает вопрос о перспективах доллара, евро, юаня, а также о возможном повышении роли региональных резервных валют.

В-пятых, структурный кризис формирует серьезный интеллектуальный вызов. Необходимо выработать новую повестку экономического и политического (и вообще гуманитарного — обществоведческого, социологического, культурологического) анализа. Кризис становится мощным стимулом к переосмыслению существующих экономических и политических доктрин как в глобальном масштабе, так и применительно к отдельным странам.

Особенно это касается экономической доктрины. Экономисты должны предложить новые подходы к анализу экономических процессов, прежде всего к регулированию социально-экономической жизни. После Великой депрессии мир стал кейнсианским и социалистическим (этатистским). После стагнации победили идеи дерегулирования и либеральной демократии. Новая экономи-

ческая модель должна не только дать ответы на актуальные вопросы, но и сформулировать их более четко и определено.

Интеллектуальный ответ на этот вызов особенно важен на начальных этапах структурного кризиса, когда борьба с ним идет на основе наработок и рекомендаций, доказавших свою эффективность в предыдущие десятилетия спокойного (предполагающего только кризисы пузырей) экономического развития. На осознание необоснованности и вредности традиционной антикризисной политики уходит несколько лет.

В-шестых, структурный кризис охватывает примерно 10-летний период, который мы называем «турбулентным десятилетием». Это означает, что его можно разбить на этапы, в рамках которых доминируют те или иные проблемы отраслевого или регионального характера. Но отсюда следует, что ни одна характеристика не может служить единственным критерием углубления кризиса или выхода из него. Это касается и рецессии (кризис не начался с рецессии и не сводится к ней), и колебаний фондового рынка, и любых других параметров.

В-седьмых, борьба с кризисом сопровождается принятием сильнодействующих и не всегда адекватных антикризисных мер. С одной стороны, это связано с остротой структурных проблем, преодоление которых требует определенных (и немалых) экономических и социальных жертв. С другой стороны — отмеченная выше интеллектуальная неготовность к структурному кризису, т.е. попытки решать новые проблемы старыми методами, сама по себе ведет к накоплению дополнительных трудностей и нередко еще больше усугубляет кризис — как экономический, так и в некоторых случаях политический. Тем самым возникает проблема *exit strategy* (стратегии выхода из антикризисного режима функционирования), и требуется время не только для преодоления кризиса, но и для устранения последствий борьбы с ним.

Все эти факторы в совокупности объясняют коренное отличие системного кризиса от циклического. Циклический кризис лечит время, он не предполагает изменение политики, а преодолевается сам по себе, когда сдувается возникший в период бума пузырь. Системный кризис требует существенной трансформации экономической политики, основанной на **новой философии экономической жизни**. Иными словами, здесь структурные проблемы доминируют над циклическими.

Впрочем, современный глобальный кризис имеет ряд специфических особенностей, которые необходимо учитывать при выработке антикризисной политики и перспективной модели социально-экономического

развития. Многие особенности связаны с технологическими обретениями эпохи — развитием информационно-коммуникационных технологий, которые делают мир «плоским»¹, т.е. позволяют бизнесу в кратчайшие сроки переносить активность из одного региона в другой, из одного сектора в другой, моментально осуществлять трансакции, начинать и прекращать предпринимательские проекты. Возросший динамизм приводит к возникновению новых явлений и связанных с ними новых конфликтов экономического и политического характера.

ГЛОБАЛЬНЫЕ ДИСБАЛАНСЫ

Поскольку нынешний структурный кризис разворачивается в эпоху глобализации (точнее, на качественно новом витке глобализации), его существенной особенностью выступают глобальные структурные дисбалансы. Прежде всего это дисбалансы между развитыми и развивающимися странами, особенно между США как центром расходов и потребления и Китаем как центром сбережений и производства. Термин *Chimerica (China + America)*, предложенный в 2008 г. Н. Фергюсоном², становится символом проблемы глобальных дисбалансов. В результате современной глобализации сложился режим, противоположный модели рубежа XIX–XX вв.: если 100 лет назад капитал двигался из центра (развитых стран) на периферию (*emerging markets* того времени), то теперь развивающиеся рынки стали центрами сбережений, а США и другие развитые страны — преимущественно потребителями произведенных в развивающихся странах товаров.

К структурным дисбалансам относится и нарастание *противоречий между краткосрочными и долгосрочными интересами компаний*, что проявляется в конфликте между капитализацией и ростом производительности. В последние десятилетия акционеры и менеджеры преимущественно уделяли внимание капитализации компании, которая выступает важнейшим показателем ее успешности. Возможность легко избавиться от акций (гораздо легче, чем до информационной революции) еще больше способствует решениям в пользу быстрого наращивания капитализации (задача, которая может противоречить цели обеспечения долгосрочной устойчивости фирмы). Соответственно этот критерий становится основным при оценке эффективности менеджмента и при формировании бонусной политики корпораций.

¹ *Ferguson N. The Ascent of Money: A Financial History of the World. L.: Allen Lane, 2008.*

² *Ferguson N. The Ascent of Money: A Financial History of the World. L.: Allen Lane, 2008.*

Между тем стремление к максимальной капитализации вступает в противоречие с реальным основанием социально-экономического прогресса — повышением производительности труда. Рост капитализации с ней, конечно, связан, но лишь в конечном счете. Однако перед акционерами надо отчитываться ежегодно, а для получения красивых годовых отчетов, поддержания текущего роста капитализации требуется нечто иное, чем то, что обеспечивает рост производительности. Для хорошей отчетности нужны слияния и поглощения, поскольку увеличение объема активов способствует росту капитализации. Разумеется, не следует закрывать и устаревшие предприятия, так как в текущем периоде это ведет к снижению капитализации. В итоге в составе многих крупных промышленных корпораций сохраняются старые неэффективные производства.

НОВАЯ МОДЕЛЬ РЕГУЛИРОВАНИЯ

Системный кризис всегда предполагает появление *новой модели регулирования*, включая существенное изменение экономической роли государства. Великая депрессия 1930-х годов привела к резкому увеличению государственного вмешательства в экономику, кризис 1970-х — к дерегулированию. В начале нынешнего кризиса стала популярной тема неизбежного отказа от экономического либерализма и возвращения к «Большому Государству», активно вмешивающемуся в экономическую жизнь. Впрочем, быстро пришло осознание, что кризис в одинаковой мере можно объяснить как «провалами рынка» (избыточным дерегулированием), так и «провалами государства», не способного обеспечить стабильность экономического роста.

Постепенно становилось все яснее, что действительно требуется усилить государственное регулирование, но относится это прежде всего к *финансовым рынкам*. Именно в финансовой сфере формировались институциональные инновации, которые сначала обеспечили беспрецедентно высокие темпы экономического роста, но потом привели к беспрецедентному кризису. Именно финансовый кризис (как в частном, так и в государственном секторе) лежит в основе современных экономических проблем — и именно его преодолением государство должно заняться в первую очередь.

Другая особенность новой модели регулирования — необходимость изначально создавать ее как наднациональную, если не глобальную. Регулирование на национальном уровне в условиях современных информационно-коммуникационных технологий становится бессмысленным. Однако формировать наднациональные институты регулирования очень сложно,

механизмы их функционирования пока не проработаны, включая способы принятия решений, имеющих обязательную силу.

При выработке современной модели регулирования надо учитывать качественно новый глобальный экономический процесс, для обозначения которого иногда используют термин «*финансиализация*» (*financialization*).

В мире существует несколько типов рынков (и бирж) — денежный (фондовый), валютный, товарный. До последнего времени они функционировали независимо друг от друга, развивались по разным законам, на них выступали различные (специализирующиеся именно на данном типе рынка) агенты. Теперь же налицо процессы их сближения: рынки начинают влиять друг на друга, капитал перетекает между ними. В результате существенно трансформируется логика ценообразования на соответствующие продукты. С одной стороны, это существенно затрудняет анализ и прогнозирование развития ситуации на этих рынках и во всей мировой экономике, а с другой — экономические агенты получают новые инструменты для своей работы, в том числе для хеджирования рисков.

Применительно к проблемам развития российской экономики особый интерес представляет трансформация нефти из типичного продукта товарной биржи, цена на который определяется соотношением спроса и предложения на топливо, в инструмент финансового рынка, на цену которого влияют спекулянты нефтяными фьючерсами, а через этот механизм — и валютные спекулянты. Это существенно повышает неопределенность цены на нефть как важнейшего фактора прогнозирования российской экономики.

Нынешний глобальный кризис разворачивается на фоне *демографического кризиса*, охватившего большую часть развитого мира и некоторые развивающиеся страны. Он, в свою очередь, порождает две группы проблем, которые необходимо решить для выхода на траекторию устойчивого развития. Во-первых, это вопрос о механизмах экономического роста, поскольку до настоящего времени такой рост всегда предполагал увеличение численности населения. А во-вторых, обостряются бюджетные проблемы развитых стран, сумевших обеспечить высокий уровень социальной поддержки населения. Социальная нагрузка на одного работающего в XX в. неуклонно увеличивалась, а в условиях демографического кризиса это давление становится исключительно опасным для финансовой стабильности и соответственно для роста. Особенно остро в 2011 г. это почувствовали европейские страны, для которых выход из макроэконо-

мического кризиса предполагает существенную реструктуризацию бюджетных обязательств. С аналогичными проблемами столкнется и Россия — и не только в случае заметного снижения цен на нефть, но даже при их стабильности.

Такая ситуация выдвигает на передний план задачи реструктуризации отраслей социальной сферы, прежде всего образования, здравоохранения и пенсионной системы. Речь идет именно о структурных реформах, о формировании новых моделей функционирования этих секторов, а не только о необходимости экономии бюджетных средств. Подчеркнем, что финансовый кризис является отражением и проявлением кризиса структурного, т.е. для его преодоления необходимо глубокое реформирование соответствующих секторов, приведение их в соответствие с новой технологической базой и с новой социальной структурой постиндустриального общества.

Решение социальных проблем будет тем более сложным, поскольку существенным элементом современного кризиса является **достижение критических уровней суверенного долга в ведущих развитых странах**. Отчасти это стало результатом безответственной финансовой политики предыдущего десятилетия, а отчасти — результатом самой антикризисной борьбы, сопровождавшейся мерами бюджетного стимулирования. Подрыв доверия к финансовой ситуации и к политике ведущих стран, беспрецедентное за последние 50 лет снижение суверенного кредитного рейтинга США, снижение или угроза снижения кредитных рейтингов ведущих стран и их глобальных банков свидетельствуют о глубоком кризисе доверия к экономическим и финансовым институтам. Восстановление доверия в обозримом будущем станет стержневой проблемой преодоления глобального кризиса.

Наконец, современный кризис имеет *определенные политические последствия*, хотя пока они не являются сколько-нибудь радикальными. Выделим некоторые из них.

МИР СДВИГАЕТСЯ ВПРАВО

Во-первых, общий сдвиг политических настроений вправо: правоцентристские партии выиграли выборы в Германии, Великобритании, Польше, Испании и Португалии. Республиканцы существенно укрепили позиции в законодательном корпусе США.

Во-вторых, в Европе начался своеобразный эксперимент по поиску оптимальной политической антикризисной модели — между технократическим правительством, не имеющим мандата избирателей (Италия,

Греция), и партийным правительством, победившим на выборах (новые правоцентристские правительства Испании и Португалии).

В-третьих, усугубляющийся конфликт внутри политической элиты США, уже приведший к казавшемуся еще недавно невероятным снижению суверенного рейтинга. Выбор экономической модели (между повышением налогов и сокращением расходов бюджета) стал здесь чисто политической проблемой, острота которой обусловлена приближением президентских выборов 2012 года. Естественное продвижение в двух направлениях одновременно для сокращения дефицита бюджета при таком противостоянии оказывается заблокированным.

В-четвертых, начались массовые акции протеста преимущественно в развитых странах. Они пока, правда, не играют существенной роли при формировании экономико-политического курса. Во всяком случае, несмотря на их откровенно левые (подчас левозкстремистские) лозунги, на выборах в минувшем году побеждали правые партии.

РОССИЯ ЖДЕТ ПЕРЕМЕН

До настоящего времени кризис оказывал ограниченное влияние на ситуацию в России. Естественно, темпы роста страны замедлились, и уже трудно еще раз поставить задачу удвоения ВВП за следующее десятилетие. Однако это удвоение и не является критическим требованием. Гораздо важнее обеспечить прогрессивные структурные сдвиги, способствующие модернизации российской экономики и политики, включая ослабление зависимости страны от колебаний внешнеэкономической конъюнктуры. Именно поэтому в условиях глобального кризиса активизировалась дискуссия о путях российской модернизации. На рубеже 2010–2011 гг. перед экспертным сообществом была поставлена задача проработать варианты обновленной стратегии развития страны до 2020 года.

Строго говоря, существует две группы причин, сделавших актуальной задачу выработки новой стратегии. Во-первых, это последствия самого глобального кризиса, который, как отмечалось выше, требует переосмысления социально-экономической политики. «Нельзя позволить серьезному кризису пройти бесследно» — эти слова руководителя администрации президента США Р. Эмануэля точно отражают задачи, стоящие перед правительствами развитых стран.

Во-вторых, имеются специфически российские причины для обновления экономического курса. Модель экономической политики последнего десятилетия сложилась под мощным интеллектуальным, политическим и

даже психологическим воздействием посткоммунистической трансформации 1991–1999 гг. вообще и финансового кризиса 1998 г. особенно.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА 1999–2009 гг. — ЭКОНОМИКА СПРОСА

Перечислим основные характеристики модели экономической политики докризисного десятилетия:

- обеспечение политической и социальной стабильности как условие *sine qua non* (непременное условие);
- постепенное повышение роли государства как источника этой стабильности. Это проявляется по крайней мере в трех формах: рост государственной собственности; рост бюджетных доходов и расходов (абсолютно и в долях ВВП); компенсация недоверия к финансовым институтам за счет развития государственных финансовых структур (что было типично для стран догоняющей индустриализации);
- бюджетная сбалансированность на фоне растущих доходов и расходов бюджета. Впрочем, она неустойчива на фоне мощной бюджетной экспансии. Остановка (или даже существенное замедление) роста доходов приводит к дефицитному бюджету;
- политика сдерживания укрепления валютного курса при сохранении высокой инфляции и высоких процентных ставок. В ней видели источник стимулов для отечественных производителей;
- широкий доступ государственных, квазичастных и частных фирм к международному рынку капитала. Высокая стоимость кредита внутри страны уравновешивалась возможностью заимствований на мировом рынке;
- государство выступало важнейшим источником спроса в экономике. Прежде всего это спрос со стороны средних и бедных слоев населения, связанных с государственным бюджетом (пенсионеры, безработные, государственные служащие и военные, а также призывающие к ним работники госкорпораций). Большую роль играет финансирование силовых структур в части содержания военнослужащих, так и закупки вооружений. Она особенно возросла в ходе глобального кризиса 2008–2010 гг.;
- ограниченность государственных инвестиций в инфраструктуру. Осознавая высокий уровень коррупции в этом секторе, правительство проводило осторожную политику применительно к соответствующим вложениям в отличие от социальных расходов;
- поддержка крупных и неэффективных предприятий как фактор предотвращения социальной дестабилизации. Этим обусловлены политические и админист-

ративные ограничения при высвобождении занятых из неэффективных производств;

- сведение административной реформы к постоянному уточнению круга функций различных государственных органов при отказе от пересмотра системы государственного управления по существу;
- повышение налогов для обеспечения макроэкономической и социальной стабильности.

Из экономической политики с описанными характеристиками вытекает ряд естественных следствий. Экономика, основанная на государственном спросе, в принципе, более склонна к сохранению и поддержанию монополий, а также к инфляции. Монополии обеспечивали стабильность экономико-политической ситуации, правда, ценой более низкого качества товаров и услуг при более высокой инфляции. Доминирование государственного спроса смягчало потребность экономических агентов в снижении инфляции, поскольку государственные инвестиции имели больший приоритет, чем частные, а именно для частного инвестора важнее низкая инфляция как предпосылка снижения процентных ставок. Усиливался индивидуальный (адресный) характер решений государства, которое предоставляло стимулирующие льготы отдельным типам инвесторов и производителей, чтобы компенсировать повышение налогов, высокие процентные ставки и административные барьеры. По сути, эту политику можно охарактеризовать как экономику спроса.

МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СТРУКТУРНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ МОДЕЛИ 1999–2009 ГГ. («ЭКОНОМИКИ СПРОСА»), ТРЕБУЮЩИЕ ВЫРАБОТКИ НОВОЙ МОДЕЛИ РОСТА

Бюджетные проблемы. Нарастание бюджетных расходов в условиях остановки роста цен на нефть привело к появлению бюджетного дефицита. Резко возросла уязвимость российской экономики к внешним шокам вследствие непрогнозируемого поведения цен на нефть.

Одновременно проявилась двойственная роль Стабилизационного фонда (резервов правительства, связанных со сверхдоходами от экспорта нефти) в решении стратегических задач экономического развития страны. С одной стороны, эти резервы способствовали предотвращению бюджетного популизма, стерилизации денежной массы и создавали «подушку безопасности» на случай кризиса. С другой стороны, наличие значительных резервов в условиях кризиса стало мощным фактором торможения модернизации, поскольку они позволяли снижать социальную напряженность ценой

замедления реструктуризации предприятий-банкротов. Аналогичной была ситуация в банковском секторе.

Денежная политика, основанная на сдерживании укрепления номинального курса рубля ценой повышенной инфляции, также перестала решать стоящие перед ней задачи. Курс рубля укреплялся и в реальном выражении давно превысил уровень 1997 года. В этих условиях он мало содействовал защите отечественных товаропроизводителей от иностранной конкуренции³. Зато сохранение высокой инфляции оборачивалось двузначными процентными ставками по кредитам, что делало невозможным получение средств, необходимых отечественному бизнесу, тормозило ипотечное кредитование. Эта ситуация ранее отчасти компенсировалась дешевизной иностранных кредитов, однако в условиях кризиса здесь возникли серьезные проблемы. Дальнейший рост российской экономики требует развития внутренней системы кредита, а это, в свою очередь, предполагает низкую инфляцию.

«Ножницы конкурентоспособности» — наиболее опасная структурная ловушка современной России. Если десять лет назад наша страна имела среднее качество институтов и дешевую и квалифицированную рабочую силу, то сейчас ситуация существенно изменилась. Высокие издержки на труд на фоне слабых институтов и низкой производительности труда ограничивают возможности как наращивания промышленного экспорта, так и покрытия прироста внутреннего спроса за счет отечественной промышленности. В прошедшем десятилетии стоимость рабочей силы устойчиво росла при стагнации или даже ухудшении качества институтов⁴. Естественно, оба показателя важны не сами по себе, а в сравнении со странами с сопоставимым уровнем экономического развития, конкурирующими с Россией за привлечение капитала и развитие производственных мощностей.

По уровню ВВП на душу населения Россия **вышла на первое место** среди стран с наиболее динамично формирующимся рынком; по качеству делового климата (*Doing business*) она ухудшила позиции и **находится в группе отстающих** вместе с Бразилией, Индией и

³ По расчетам А. Ведева, примерно 75% прироста внутреннего спроса в России оборачиваются инфляцией и ростом импорта, и лишь около 25% стимулируют внутреннее производство. (см.: Ведев А. и др. На пути к дешевым деньгам. Центр стратегических исследований Банка Москвы. 2010 г. Июнь).

⁴ Вопрос о качестве институтов был, в частности, рассмотрен в статье: Фрейнкман Л., Дашкеев В. Россия в 2007 году: риски замедления экономического роста на фоне сохраняющейся институциональной стагнации // Вопросы экономики. 2008. № 4.

Индонезией, душевой ВВП которых гораздо ниже российского.

Тем самым наша страна становится относительно менее привлекательной для инвестиций, причем это касается и иностранного, и отечественного капитала. По-видимому, этим отчасти объясняется отток капитала, наблюдаемый в последнее время.

Иными словами, *Россия оказывается в структурной ловушке, имея (относительно) дорогую рабочую силу при (относительно) плохих институтах*. Понятно, что в такой ситуации конкурентоспособными будут сектор услуг и производство сырья (эксплуатация природных ресурсов), которые, собственно, и доминируют в современной России.

Из этой ловушки существует два выхода: или нужно повышать качество институтов до уровня рабочей силы, или рабочая сила придет в соответствие с качеством институтов. Отечественные экономисты по понятным причинам предпочитают обсуждать вопросы повышения качества институтов.

Однако вариант деградации рабочей силы также нельзя сбрасывать со счетов. К этому подталкивают и миграционные процессы в современной России.

Демографический кризис — еще одна системная проблема, которая приобрела в настоящее время новые очертания.

Одной стороной проблемы является естественная убыль населения, которую удастся лишь затормозить государственными мерами по стимулированию рождаемости. К тому же в настоящее время началось сокращение численности населения в трудоспособном возрасте. Существует представление, что демографическая проблема может быть компенсирована внешней миграцией.

Однако на самом деле в лучшем случае современная миграция может решить количественные проблемы при усугублении качественных. Миграционный поток осуществляется в Россию со стороны менее развитых стран и представлен населением, предъявляющим гораздо более низкий спрос на политические институты и институты развития человеческого потенциала (прежде всего образование, здравоохранение, науку). Тем самым проблема повышения качества институтов и повышения качества человеческого капитала оказывается в тупике.

Другая сторона этой проблемы состоит в активном распространении в среде креативного класса настроений по изменению страны проживания, настроения *exit strategy*. Это достаточно новый феномен, требующий серьезного осмысления. Пожалуй, впервые настроения покинуть страну связаны не с ухудшением, а с существ-

венным улучшением благосостояния. Глобализация в совокупности с быстрым ростом уровня жизни внутри страны привела к быстрому росту образованного и мобильного класса людей, которые чувствуют себя конкурентоспособными на мировом рынке труда и капитала. Они востребованы в наиболее развитых странах мира и могут легко перемещаться из страны в страну. В результате Россия должна конкурировать за свой креативный класс так, как будто он уже интернационален.

Эта ситуация создает и принципиально новые условия с точки зрения перспектив совершенствования институциональной среды. Креативный класс в значительной степени перестает предъявлять требования к улучшению качества институтов в стране происхождения, получая необходимые услуги (политическую систему, системы образования, здравоохранения) там, где они более всего устраивают. А без спроса на современные институты не будет и их предложения. Именно это становится важнейшим структурным тормозом на пути модернизации.

Предпринимательский климат — еще одно серьезное ограничение действующей модели экономического роста. Если принять гипотезу, что предпринимательский климат более благоприятен в странах более высокого уровня экономического развития, то Россия демонстрирует здесь серьезное исключение: качество соответствующих институтов находится на гораздо более низком уровне, чем у стран сопоставимого уровня среднедушевого ВВП. Если по уровню развития Россия находится примерно на 50-м месте из почти двухсот стран, то по качеству институтов — во второй сотне (рис. 2). Согласно последним рейтингам и опросам предпринимателей, обострилась проблема доступа к инфраструктуре.

Быстрорастущие цены на нефть в совокупности с ростом экономической активности государства на определенном этапе компенсировали негативное воздействие предпринимательского климата на экономический рост. Между тем по ряду позиций международного рейтинга конкурентоспособности Россия находится в самом конце списка. Это относится к таможенному регулированию, к открытию и закрытию бизнеса, к ведению строительного бизнеса, защищенности инвесторов. Серьезным ограничителем выступает состояние базовых (правоприменительных) и финансовых институтов.

Пространственное развитие России также выступает структурным ограничителем повышения конкурентоспособности. Из-за неравномерности территориального развития и отсутствия полноценной ответственности региональных и муниципальных властей за ситуацию на своей территории федеральный бюджет вынужден нести избыточную бюджетную нагрузку, а регионы не заинтересованы в выявлении ресурсов для своего развития. Механизм назначения региональных руководителей стал дополнительным фактором, побуждающим их прежде всего лоббировать перераспределение федеральных средств. В отсутствие стимулов к территориальной консолидации человеческих и финансовых ресурсов, а также ее механизмов финансовое давление со стороны регионов на федеральное правительство будет постоянно воспроизводиться и порождать заведомую нерациональность бюджетных расходов.

НОВАЯ МОДЕЛЬ РОСТА — «ЭКОНОМИКА ПРЕДЛОЖЕНИЯ»

Исчерпание механизмов роста 1999–2008 гг. в совокупности с вызовами глобального кризиса ставит вопрос

Рис. 2. Наиболее значимые институциональные ограничения для экономического роста

о формировании новой модели экономического роста. Новая политика роста должна предложить механизмы, позволяющие России успешно выступать в конкурентной борьбе за человеческие и финансовые ресурсы (за человеческий капитал и инвестиционный капитал), которая ведется в настоящее время в глобальном масштабе. Рассмотрим ключевые элементы новой модели роста.

Бюджетная политика. Принципиальными направлениями бюджетной политики выступают снижение бюджетной нагрузки относительно ВВП, ослабление зависимости бюджета от колебаний внешнеэкономической конъюнктуры.

Решению этих задач будет способствовать восстановление жесткого бюджетного правила: при расчете бюджета опираться на твердо устанавливаемую и не зависящую от политического торга цену на нефть, например, на среднюю десятилетнюю цену, т.е. рентные доходы бюджета, которые с высокой вероятностью гарантированы. Если необходимо, чтобы расходы превышали рассчитанные при данном допущении доходы (структурные доходы), правительство должно повышать налоги или осуществлять заимствования, причем в рублях. Их общая сумма не может быть больше 25% ВВП. Если цена на нефть превышает среднюю десятилетнюю, следует дополнительные доходы направлять в резервный фонд и не расходовать на текущее потребление даже при параллельном наращивании государственного долга.

В бюджетной политике нужен структурный маневр в направлении увеличения инвестиционных и инновационных (на развитие человеческого капитала) расходов бюджета, а также сокращения социальных расходов (за счет расширения полномочий регионов) и финансирования силовых структур.

Одновременно необходимо оптимизировать бюджетные расходы. Принятие в последние годы законов об автономных и бюджетных учреждениях, существенно трансформирующих их статус и отделяющих их от обязательств бюджета, — только первый шаг в направлении рационализации бюджетной сети. Важно уточнить роль Стабилизационного (резервного) фонда с целью не допустить использования его средств на поддержку неэффективных предприятий.

Надо минимизировать дальнейшие изменения в налоговой системе, за исключением касающихся расширения доходной базы региональных и муниципальных бюджетов. Однако речь здесь должна идти не столько о перераспределении существующих налоговых доходов, сколько об увеличении налоговых полномочий субфедеральных органов власти.

Денежная политика. Необходимо снизить инфляцию до уровня, примерно соответствующего или немного превышающего показатель развитых стран, т.е. около 5%. Это предполагает продолжение политики модифицированного таргетирования инфляции, отказ от искусственного удержания рубля в заранее определенном коридоре при сглаживании денежными властями колебаний валютного курса. Предстоит повысить роль операций на денежном рынке при формировании денежной политики, развивать кредитование экономики, принимая к учету качественные ценные бумаги отечественных эмитентов.

Отдельной проработки заслуживает вопрос о превращении рубля в региональную резервную валюту. У него есть определенные преимущества, позволяющие занять место региональной валюты (прежде всего размеры российской экономики и тяготение к ней сопредельных государств), хотя имеются и серьезные ограничители (ресурсный характер экономики предполагает повышенную волатильность валютного курса). Целесообразно подготовить специальную программу (систему мер) по укреплению международных позиций рубля.

В связи с этим особую актуальность приобретает задача создания в России международного финансового центра. Он призван формировать институциональные условия для развития национальной финансовой системы, а также для повышения конкурентоспособности рубля как региональной резервной валюты (это предполагает рост спроса на рубли как на инструмент финансовых транзакций).

К мерам денежной политики примыкают вопросы организации **финансовых рынков**. Здесь в качестве основных направлений можно назвать: ужесточение требований к капиталу банков; введение единых международных стандартов финансовой отчетности (МСФО); разработку специальной программы стимулирования конкуренции в банковском секторе (а не монополизации); введение макропруденциального надзора за банками и системообразующими небанковскими институтами; развитие и внедрение программ финансовой грамотности населения.

Экономический климат. В данной сфере важно сконцентрировать усилия на самых неблагоприятных компонентах предпринимательского климата, где улучшение ситуации может дать наиболее быстрый результат.

Среди основных мер следует выделить:

- снижение рисков ведения бизнеса — реформа Уголовного кодекса в направлении отмены ряда статей, карающих за экономические и налоговые преступления

(декриминализация соответствующих преступлений), а также уточнение и разделение функций и полномочий правоохранительных органов по контролю экономической деятельности;

- улучшение законодательной защиты конкуренции, расширение прав бизнеса по защите своих интересов;
- снижение уровня государственного вмешательства и повышение эффективности регулирования (меры по изменению мотивации и усилению контроля государственного аппарата);
- создание стимулов к улучшению условий ведения бизнеса на уровне региональных и местных властей;
- повышение эффективности правового регулирования предпринимательской активности, включая создание Национального совета по инвестициям;
- уточнение функций и ограничение масштабов прямого и косвенного присутствия государства в экономике в качестве экономического агента (приватизация);
- содействие развитию форм публичной защиты интересов бизнеса, деятельности бизнес-ассоциаций, независимых СМИ;
- разработка стратегии («дорожной карты») снижения барьеров, в наибольшей степени ограничивающих возможности экономического роста (барьеры входа на рынок, доступ к сетям, режим пересечения границы, либерализация строительного рынка).

Либерализация и повышение эффективности рынка труда, что является особенно важным в условиях сокращения численности экономически активного населения.

Необходимо пересмотреть Трудовой кодекс в направлении либерализации условий найма и увольнения, отказаться от практики неформального (политического) регулирования занятости на предприятиях и в регионах.

Другое направление — проведение политики, стимулирующей трудовую мобильность населения (внутреннюю миграцию), концентрацию людей в точках экономического роста, а также отраслевое перераспределение трудовых ресурсов при сокращении занятости в бюджетном секторе. Это предполагает легализацию и развитие рынка аренды жилья, облегчение доступа граждан России к социальным благам на всей территории страны (медицинское страхование и т.п.).

Наконец, нужны меры по повышению иммиграционной привлекательности России: переход от ограничительных принципов в регулировании миграции к дифференцированным; ориентация на «оседлую» миграцию; политика привлечения высококвалифици-

рованной рабочей силы (в том числе стимулирование образовательной и академической иммиграции и мобильности). Сложнее всего стимулировать миграцию квалифицированной рабочей силы, но решить эту задачу намного важнее, чем обсуждать проблемы миграции нелегальных неквалифицированных рабочих.

Человеческий капитал — ключевой фактор развития современного постиндустриального общества. Инвестиции в человека были наиболее значимым условием в странах, которые за последние 50 лет успешно решали задачи модернизационного рывка. Прежде всего речь идет о развитии таких секторов, как образование, здравоохранение и пенсионная система.

Согласно традиционному (индустриальному) пониманию этих секторов, они представляют собой отрасли социальной сферы. При всей важности социального аспекта в современных развитых странах в названных отраслях переплетаются и взаимодействуют не только социальные, но и фискальные, инвестиционные и политические составляющие. В отличие от конца XIX в. и большей части XX в., образование, здравоохранение и пенсионирование касаются всего населения (и как налогоплательщика, и как потребителя соответствующих благ), причем демографический кризис еще больше обостряет ситуацию. В результате отчисления на развитие этих отраслей могут подорвать финансовую стабильность любой развитой страны. Кроме того, они носят, как правило, долгосрочный характер, т.е. в значительной мере формируют инвестиционные ресурсы нации. Наконец, от эффективности функционирования этих секторов зависит политическая и социальная стабильность общества с доминированием городского населения.

Развитие человеческого капитала предполагает решение как финансовых, так и структурных проблем. С точки зрения финансовых ориентиров целесообразно сравнивать соответствующие расходы в России и в странах с сопоставимым или более высоким уровнем экономического развития, в частности, в странах ОЭСР. Россия тратит на образование примерно на 1,5–2, а на здравоохранение — на 3–4 п.п. ВВП меньше, чем в ОЭСР.

Однако проблемы развития отраслей человеческого капитала не сводятся к недофинансированию. Важнее структурная трансформация, приведение их в соответствие с вызовами постиндустриального общества.

Можно выделить пять характерных черт (принципов функционирования) названных отраслей, которые необходимо учитывать при их структурной модернизации. Они отражают особенности современных техноло-

гий — их динамизм (быстрое обновление) и углубляющуюся индивидуализацию технологических решений.

Во-первых, **непрерывный характер услуги**. Образование и здравоохранение приобретают пожизненный характер, т.е. люди учатся и общаются с врачами на протяжении всей жизни. Само понимание работы трансформируется, тем самым размывается понятие выхода на пенсию.

Во-вторых, **услуга становится более индивидуализированной**. Человек все чаще будет выбирать собственные образовательные траектории и механизмы поддержания здоровья из множества предлагаемых образовательных и медицинских услуг.

Пенсионный возраст также все больше становится предметом индивидуального решения — человек сам определяет, когда он может и хочет прекратить свою трудовую деятельность. Применительно к пенсионной системе это будет означать существенную диверсификацию форм поддержки людей старших возрастных групп.

В-третьих, **услуга приобретает глобальный характер**. Образовательные и лечебные учреждения конкурируют не только с соседними школами и больницами и даже не с соответствующими заведениями в стране, но и с расположенными во всем мире. Разумеется, этот выбор могут позволить себе не все, но по мере роста благосостояния людей и реального удешевления соответствующих услуг и транспорта в глобальную конкуренцию будет включаться все больше людей.

В-четвертых, **возрастает роль частных расходов на развитие человеческого капитала**.

Все вышеперечисленные характеристики означают расширение возможностей людей покупать необходимые им услуги, следовательно, доля частного спроса будет расти, все больше опережая бюджетный спрос. **Частные платежи или соплатежи** — не только естественное, но и неизбежное следствие технологической модернизации секторов социальной сферы.

В-пятых, все более активную роль начинают играть **новые технологии, радикально изменяющие характер оказываемых услуг**. По мере развития информационно-коммуникационных технологий и транспорта традиционные формы лечения и образования будут все больше уходить в прошлое. Это касается и организационных инноваций.

Учет всех названных особенностей формирует основу не только для модернизации отраслей человеческого капитала, но и для экономической и политической модернизации всей страны, включая ее технологическую базу.

Открытость экономики и стимулирование конкуренции. В 2011 г. было сделано два важнейших шага в создании условий для модернизации российской экономики: формирование Таможенного союза и Единого экономического пространства, с одной стороны, и прорыв в присоединении к ВТО — с другой. Значение этих решений состоит в том, что они должны усилить конкуренцию для российских предприятий, которая все еще остается недостаточной. До последнего времени считалось, что вряд ли можно одновременно решить эти задачи (постсоветская интеграция и присоединение к ВТО), однако к началу 2012 г. существовавшие здесь противоречия удалось снять. От продвижения по обоим направлениям нужно ожидать большего, чем просто активизации конкуренции.

Постсоветская интеграция может иметь ряд важных последствий. Во-первых, не только раздвигаются границы рынка, но и создается важный прецедент реинтеграции, открытой для других стран. Во-вторых, она содействует укреплению международных позиций рубля и *de facto* становится шагом на пути превращения его в региональную резервную валюту. В-третьих, помимо конкуренции товаров, она создает условия для конкуренции институтов и юрисдикций, и, хотя институты стран-партнеров не самые привлекательные, сам факт конкуренции будет способствовать прогрессивным институциональным сдвигам.

Присоединение к ВТО поможет диверсифицировать экспорт. Конечно, государство и бизнес должны предпринять соответствующие скоординированные усилия, однако появляются дополнительные шансы на активизацию участия российских фирм в международных производственных цепочках.

Кроме того, присоединение к ВТО станет первым шагом на пути к более широкой интеграции России в мировую экономику и ее институты. **Следующими важными шагами должны быть вступление в ОЭСР и начало активного продвижения к зоне свободной торговли с Европейским союзом**. Учитывая, что доля ЕС в российской внешней торговле приближается к 60%, стратегическая цель — установить отношения с Евросоюзом, аналогичные его отношениям с Норвегией.

Все это должно способствовать поиску Россией новых ниш в мировом разделении труда за счет диверсификации сырьевого экспорта, стимулирования несырьевого экспорта и международной кооперации российских фирм. Для стимулирования несырьевого экспорта (или экспорта высокотехнологичной продукции) стратегическая цель — занять нишу высокотехнологичных товаров в торговле «юг–юг» (продажа технологий и высокотехно-

логичных товаров странами со средними доходами странам с низкими). Подчеркнем, что все успешные модернизационные рывки за последние 50 лет были связаны с экспортной ориентацией.

Экономическая география. Пространственная политика должна основываться на двух принципах: стимулирование притока населения в точки (регионы) экономического роста для компенсации демографического кризиса (общего сокращения численности населения); стимулирование конкуренции между регионами и между муниципалитетами за привлечение населения и бизнеса.

Федеральный центр должен не только гарантировать автономию каждого уровня власти при определении целей собственного развития и средств их достижения но и создавать общие для всех регионов условия для современного роста; обеспечивать прозрачность, простоту и предсказуемость «правил игры» в федеративных отношениях, включая межбюджетные. Подступиться к решению этих задач невозможно без расширения доходной базы регионов и муниципалитетов, одновременно повысив их ответственность перед гражданами за реализацию отдельных полномочий социальной политики. Для этого необходимы серьезные изменения в налоговой системе, в том числе в направлении ее децентрализации.

Важным приоритетом федеральной власти в сфере пространственной политики должны стать транспортная связанность имеющих экономический потенциал территорий и поддержка формирующихся естественным путем центров развития. Необходимо создавать стимулы к улучшению условий ведения бизнеса на уровне региональных и местных властей: привязка федеральной поддержки к результатам экономического развития (в первую очередь — к динамике привлечения инвестиций).

Одна из главных проблем — обеспечение выборности руководителей муниципальных образований, имеющих адекватную для своего развития финансовую базу, а также руководителей региональных органов власти. Президент РФ и председатель правительства РФ выступили с инициативами о возвращении к выборности губернаторов, вносятся изменения в законодательство. Скоро мы увидим, как это заработает на практике. Принципиально важно последовательно и честно проводить этот принцип, начиная с муниципального уровня муниципального уровня.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И ЭКОНОМИКА

Минувший год ознаменовался усилением политической активности различных общественных слоев. Де-

кабрьские выборы в Государственную думу РФ привели к росту политического напряжения в стране, поскольку значительная часть общества не была готова признать их результаты легитимными.

На протяжении последнего десятилетия в России последовательно строилась модель «полупарламентной демократии», специалистам хорошо знакомая из опыта Италии и Японии 1950–1980-х годов и Мексики на протяжении большей части XX в. Модель эта характеризуется нахождением у власти одной партии на протяжении десятилетий при наличии ряда других политических сил, участвующих в выборах, но не способных оказывать существенное влияние на принятие решений. Главным недостатком этой модели является высокий уровень коррупции, неизбежный при длительном пребывании у власти одной и той же политической силы.

Однако считалось, что этот порок несколько компенсировался наличием политической стабильности и успехами экономического роста. Эта модель казалась органичной для России, учитывая уровень ее экономического развития, «особенности исторического развития» и традиции поведения властных групп.

Правда, подобная «полупарламентная демократия» плохо сочетается с прокламируемыми правами граждан, современными технологическими вызовами и особенно с информационной насыщенностью современного общества. Именно они стимулируют требования либерализации, которые легко получают поддержку среди информационно наиболее развитой (и наиболее молодой) части граждан. В этом отношении политическая активизация общества совершенно не обязательно должна быть связана с ухудшением экономического положения. Напротив, рост благосостояния стимулирует рост политической активности и готовности задавать власти «неудобные» вопросы. Еще Алексис де Токвиль заметил, что революции происходят не в стагнирующих обществах, а в странах динамичного экономического и социального развития. Опыт XX века, включая отечественный опыт, подтверждает этот тезис.

Я думаю, будет ошибкой видеть в нынешней активизации политических процессов проявление революционной ситуации. Россия прошла через полномасштабную революцию в 1987–1999 гг., и повторение ее *совершенно невероятно*. Однако анализ нынешних событий сквозь призму исторического опыта революций все-таки представляется уместным.

Великие революции прошлого всегда воздействовали на развитие соответствующих стран на протяжении нескольких десятилетий. Проявлялось это в периодических (раз в 15–20 лет) резких изменениях политической

ситуации, происходивших как будто бы на пустом месте. Эти события не вели к коренному слоу системы, не меняли базовые экономические и политические отношения. Однако они приводили к власти новые социально-экономические слои и новое поколение политиков. Эти слои и политики не обязательно отрицали предшественников и, как правило, входили в прошлую элиту. Но они отвечали на запросы и требования нового поколения и тем самым продолжали курс на постреволюционную консолидацию общества⁵.

Усиление политической неопределенности может иметь негативное воздействие на экономическую динамику, особенно на динамику капитала. Однако для экономики опасна не столько политическая неопределенность (к ней бизнес вполне может адаптироваться), сколько политическая, макроэкономическая и социальная нестабильность. Избежать дестабилизации — важнейшая задача российской власти на предстоящий период.

С экономической точки зрения прослеживаются два источника дестабилизации — внешний и внутренний.

Внешний наиболее очевидно может быть связан с мировой рецессией (или хотя бы с рецессией в странах — основных торговых партнерах России), за чем последует существенное снижение цен на энергоресурсы, доходы от экспорта которых лежат в основе стабильности российского бюджета. Это обернулось бы внутренним шоком, на который надо будет ответить решительными и последовательными мерами в области бюджетной и денежной политики. Падение цен на энергоресурсы не будет катастрофой, если к нему подготовиться надлежащим образом. Введение «бюджетного правила» и отказ от политики поддержания стабильности валютного курса,

о чем речь шла выше, представляют собой важные шаги в направлении смягчения возможных шоков. Однако этого мало — правительство должно иметь четко разработанный план действий на случай резкого ухудшения экономической ситуации в мире.

Внутренние риски связаны прежде всего с опасностью перехода к политике бюджетного популизма. Обилие бюджетных доходов и формально весьма благоприятная макроэкономическая ситуация (особенно в сравнении с европейскими странами) в совокупности с опасением роста социально-политического недовольства могут повлечь за собой ослабление бюджетной политики, т.е. ускоренное наращивание расходов за счет конъюнктурных доходов от экспорта и заимствований. Это политически самый простой путь, однако он чреват серьезными потрясениями в будущем.

Другая реакция на политические события конца 2011 г. — выработка стратегии комплексной модернизации. Фундаментальной проблемой трехсотлетней истории российской догоняющей модернизации является ее некомплексный (можно сказать — лоскутный) характер. Власть всегда пыталась делать акцент на отдельных аспектах модернизации (на военном, технологическом, экономическом или научно-образовательном, реже — на политическом), но никогда это не была комплексная программа. Отсюда — непоследовательность и неустойчивость результатов модернизации.

Сейчас, когда модернизация стала «лозунгом дня», продвижение модернизации по всем направлениям, особенно сочетание модернизации технологической и институтов (экономических и политических), становится абсолютно необходимым. ■

Владимир Александрович Мау,

профессор, доктор экономических наук, соратник Е.Т. Гайдара, ректор Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, автор многих книг по экономической истории, главный редактор журнала «Экономическая политика», член редсовета журнала «Вестник Европы».

НОВОЕ КАЧЕСТВО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Игорь ШУВАЛОВ*

...Год назад были сформированы экспертные группы для создания новой повестки развития России. Была образована 21 экспертная группа по самым разным направлениям. Все вопросы обсуждались в самых разных форматах, в работе принимали участие и министерства, и члены правительства. Эта конференция должна рассмотреть предложения и альтернативные взгляды. ...Мы договаривались, что эта работа не направляется правительством, а является **независимой работой экспертов** по созданию Сводного доклада.

Министры имеют свое отдельное мнение, не всегда совпадающее с мнением экспертов; мы надеемся, что в совместной дискуссии правительства, президента и экспертов будут созданы документы, по которым новое правительство начнет работать с мая 2012 года.

Людей больше волнует политический аспект, чем чисто экономический. Я хотел бы представить свое видение ситуации, в которой мы находимся. Итак, с чем мы сталкиваемся? Что же удалось сделать в стране с августа 1999 года?

Шувалов вспомнил события нашей новейшей истории 1991–1992 годов, когда правительство Гайдара буквально удержало страну на краю пропасти. Возможно, что-то тактически можно было сделать иначе, но у них не было рецептов, они стремились спасти страну от катастрофы. Но уже через год-два многие не помнили, что они совершили, до сих пор должной оценки не дано. Исторические заслуги людей, работавших в то время, еще не оценены...

Я причисляю себя к лагерю тех, говорил И.Шувалов, кто считает, что это было сделано правильно. Самое главное, что из катастрофического состояния страну удалось вывести — но никто не оценил по достоинству работу этих людей... Потом был кризис 1998 года — страна снова оказалась в крайне тяжелом положении. Зарплаты не выплачивались месяцами, вы помните, в каком состоянии находилась промышленность, вся страна, а если еще вспомнить кавказские события, агрессию в Дагестане... Это были очень сложные месяцы для России. Но любой кризис хорош тем, что, если ты принимаешь правильное решение, ты приобретаешь совершенно новое качество.

* Гайдаровский форум 2012 г. Россия и мир 2012–2020. Академия народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ. Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара. Фонд Егора Гайдара. Конспект выступления подготовлен редакцией.

Крымский мост. Москва. 1990. Фото: Александр Тягун-Рядно

И. Шувалов считает, что в десятилетие с 1998 по 2008 год, когда начался развиваться мировой кризис, — России и тем людям, которые нею управляли, удалось достигнуть совершенно нового качественного состояния.

Но никто не хотел воспринимать это как достижение. Люди не хотят помнить, в каком положении находилась страна в 1998 году, никто не хотел принимать нынешнее состояние как достижение... Председатель правительства предлагает это оценить, но его не хотят слышать... не хотят понимать, через какие трудности мы прошли, но если не понимать, через какую ситуацию мы прошли, у нас не будет верных решений на будущее. По мнению И. Шувалова, к 2008 году удалось достигнуть серьезных результатов, повышающих шансы на развитие. Были накоплены финансовые резервы, правительство добилось макроэкономической стабильности, страна принципиально продвинулась в борьбе с бедностью. Бедность мы не победили, — сказал И. Шувалов, — но она была резко сокращена. Стало ясно, что надо добиваться иного качества развития страны к 2020 году... Мы должны входить в лидирующую пятерку государств не просто по показателям ВВП, но создать страну, в которой граждане будут жить комфортно и смогут развивать свои потенциалы...

К 2008 году в правительстве «было зацементировано понятие», что конечной ценностью развития страны является человек. Не предприятия, не какая-нибудь там нефтехимия или оборонка, а развитие человека. Россия в состоянии добиться небывалых успехов, только если во главу угла будет поставлен человек с его потенциальными способностями. Сейчас Россия — принципиально иная страна по сравнению с той, что была двадцать лет назад. Мы имели серьезные планы развития, но в наши планы вмешался кризис. Многие говорят, что кризис продолжается или начинается новый, но ясно, что острая фаза кризиса уже пройдена.

Тогда мы понимали, — продолжал И. Шувалов, — что главное — отвечать на запросы людей. Они теряли рабочие места, зарплату, не могли рассчитаться по потребительским кредитам. Мы не знали, будут ли продукты в магазинах. Не так, как в 1991 году, но многие торговые предприятия могли лишиться банковских кредитов и остановить торговлю. Мы не поддавались ни панике, ни унынию. Мы должны были обеспечить решение для будущего развития.

Нас критикуют, что в эти годы правительство сделало левый крен. Но он был сделан обдуманно, без этого мы бы не добились позитивных результатов. И

неизвестно, как сложилась бы политическая ситуация... Специалисты говорили нам, что надо проще: банкротить предприятия, смелее допускать безработицу, жестче проходить структурный кризис. Дайте АвтоВАЗу и отстающим предприятиям умереть! Жестко проходя кризис, мы бы не добились позитивных результатов.

Хорошо давать советы, если не вы принимаете решение. Но если бы вы съездили в Тольятти, там население города 700 тысяч человек, и все они связаны с судьбой автозавода. Мы искали точку развития, вели переговоры с группой «Рено-Ниссан», искали выход. Левый крен был — в виде дополнительного кредитования предприятий, соответствующих госгарантий, все это было сделано сознательно. Мы действовали на пределе своих возможностей — для развития.

Мы, конечно, могли ответить серьезной приватизацией, но нам этого сделать не удалось в силу разных причин. Рынки были не самыми лучшими, может быть, менеджмент не очень хотел... Левому крену в виде дополнительных госрасходов должен был противостоять маневр в экономике, направленный на сокращение участия государства в экономике... Нам это не удалось. Я считаю, что это недостаток.

Сейчас в стране идет большая дискуссия — у людей высокая степень напряжения и сомнения: как будет дальше развиваться политическая ситуация? И шире — изменится ли политическая система? Новая главная задача — эту напряженность конвертировать в понимание, что теперь страна будет так жить *всегда*. Мы подошли к новому качеству политического пространства. Кстати, Гайдар говорил, что если ВВП приближается к 15 тыс. долларов — это уже качественно другая страна, политически очень живая, динамичная, в которой притушить, приглушить что-то уже вряд ли удастся. В нашем государстве больше 40 миллионов человек живет в крупных городах; 50 миллионов человек каждый день сидят в Интернете; и ожидать, что при таких доходах и такой степени обмена информацией, страна станет политической законсервированной — это невозможно.

Сейчас мы формируем основные органы власти и управления на ближайшие годы, и нужно понимать, что при достигнутом экономическом развитии общества, при том среднем классе, который вырос, у нас есть все шансы, чтобы в ближайшее десятилетие Россия превратилась в полноценное, политически развитое демократическое государство. Без некоторых неудобных формулировок и объяснений, которые давали, но со всеми развитыми политическими институтами. ■

ПЛЮС ЧЕТЫРЕ, МИНУС ДВА

Алексей КУДРИН*

Мы обсуждаем материалы «Стратегии 2020»... Это уникальный опыт, когда по заказу правительства несколько сот экспертов работали по ключевым направлениям экономической и социальной политики. Хотя у нас нет программы, но есть неплохие сценарии для выбора людей, принимающих решения. Это фундаментальный вклад, эта работа имеет большой смысл и будет продолжаться обсуждаться. Новое правительство сможет что-то взять из этого. Я бы взял процентов девяносто, если бы имел возможность влиять на эти решения...

Два тезиса по мировой экономике

Здесь говорили о поднимающейся второй волне кризиса... Да, она еще не поднялась; но на предыдущей стадии евро не подвергался такой опасности. Волна еще не поднялась, а мир обсуждает: сохранится ли евро? Еще два месяца назад мы обсуждали это: страна в рецессии, рецессия будет в пределах двух процентов. Возможно, Европа станет детонатором кризиса в других зонах. Решая проблемы развитых стран Европы, по существу, оставляют без кредитного финансирования и страны Центральной и Восточной Европы, которые могут вызвать куда более глубокий кризис. Долговой кризис усугубится.

Я бы обратил внимание на Италию. Там 120 процентов долга ВВП, мы такой долг имели после 1998 года. Риски растут, к спасению подключился европейский Центробанк. Но, решая текущие проблемы этих стран, ЕС увеличивает опасность втянуться и в другие проблемы.

Пока не возникает стимула для реального сектора. Как бы ни ругали рейтинговые агентства, они не нужны. Когда нам выставляли жесткие оценки, никто не дискутировал; когда же стали выставляться плохие оценки развитым странам, сразу возникло недовольство...

О России

У нас обсуждается много стратегий. В 2008 году была утверждена «Стратегия-2020», план Путина. Потом был кризис, потеряли два года, возможности экономики уже не те <...> Но увеличения оборонных расходов на 3-4 процента даже тогда не планировалось. Однако мы всегда легко отходим от прежних планов, вот и тот план перестал быть ориентиром. Нужно снова взвесить ресурсы, цели и приоритеты, мы имеем трёхлетний бюджет, сбалансированный по всем параметрам. Мы по-прежнему зависим от нефти — для сбалансированного бюджета нам нужно, чтобы цена нефти была не ниже, чем 110–115 долларов за баррель, но расходы растут. Хуже, что за рамками трех лет у нас нет дальнейшего понимания целей развития. Эксперты прописывают сценарии, они предлагают разные решения, но механизм принятия решений неясен... Поэтому нужно констатировать: у нас нет сбалансированной и обеспеченной ресурсами стратегии <...>Надеюсь, что этого можно добиться, и правительство это сделает. В 2011 году у нас бездефицитный бюджет, даже 8 процентов профицита. Но когда он вошел в декабре 2010 года, цена на нефть прогнозировалась 75 долларов.

Все шло хорошо, окончательная цена — 109 долларов. Разница в стоимости нефти между 75 и 109 долларов дала российскому бюджету дополнительные доходы 3 триллиона 300 миллиардов — шесть процентов ВВП. Мы не ожидали, что нефть подарит нам шесть процентов, это не наша заслуга. У нас при высоких ценах может быть плюс 10 процентов, а при низкой цене — минус десять. На таких качелях летает наше благополучие.

Нам заново надо разрабатывать политику балансов, резервирования средств... Среди ключевых проблем, которые после станут доминирующими после 2020 до

2030 года — это демографическая проблема и связанная с ней пенсионная система. Год назад в пенсионной системе возник дефицит в 875 миллиардов рублей; в этом году он достигнет цифры в 1 триллион 75 млрд. рублей, а в следующем ожидаем дефицит 1 триллион триста миллиардов рублей. Больше двух процентов. Еще пять лет назад этого дефицита не было. С 2008 года количество занятых стало сокращаться на 300–400 тысяч человек в год. И это будет продолжаться не менее десяти лет ежегодно, это большой вызов для экономического роста. Миграция для роста экономики будет необходима, несмотря на недовольство общества. Повышение пенсионного возраста, отмена досрочного выхода на пенсию — это проблемы, которые надо решать срочно. Даже если мы сегодня примем решения, а процесс начнется через пять лет, — цена вопроса 1-2 процента ВВП от пяти до десяти лет.

Сводный доклад предлагает сокращать дефицит за счет досрочных пенсий, недоиндексации пенсий (а это уже сокращение реальное)... Мы называем эту проблему «плюс четыре, минус два», имея в виду, что на образование, здравоохранение, дороги расходы надо увеличивать, а по каким-то экономика следует сокращать субсидии. Это наши федеральные целевые программы, это неэффективные предприятия, дотации ЖКХ. Необходимо реальное преобразование неэффективных и нерентабельных отраслей, уменьшение государственного патернализма, который не спасает, а консервирует неконкурентоспособность. Мы предлагали сократить расходы на оборону и госбезопасность, модернизация за счет более разумных и жестко контролируемых расходов. Моя позиция по оборонным расходам для меня стояла кресла. Я все время говорил и о пенсионной системе. Необходимо развитие институтов, в том числе в зоне «неприкасаемых» в госсекторе и госкорпорациях. Мно-

* Гайдаровский форум 2012 г. Россия и мир 2012–2020. Академия народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ. Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара. Фонд Егора Гайдара. Конспект выступления подготовлен редакцией.

гое не удалось; мы не смогли разрушить барьеры, защищающие от контроля и критики зоны нереформирования.

Возвращаясь к оборонным расходам, скажу, что заявленное их увеличение на 3-4 процента ВВП включает и НИОКР, и денежное довольство военнослужащих, и закупки новой техники. Пока в эти планы не заложено увеличение на треть числа контрактников. Предполагается за три-четыре года увеличить их долю в войсках до двух третей, но это даже не просчитано. Нужна ли нам такая армия? Понимая, что, имея ВВП в 10 раз меньше США, соревноваться нам сложно, а если добавить страны НАТО, еще сложнее.

13 лет я был членом Совета Безопасности и поэтому в курсе проблемы. Я проверял программы по производству, скажем, подводных лодок... Данная программа неисполнима промышленностью в том состоянии, в каком она находится. Оборонная отрасль выведена из рынка (или не введена в него?) и никто из предыдущих вице-премьеров не знает, что в этой отрасли надо делать. Она не реформирована после СССР, там самое большое число неэффективных предприятий, а сейчас на них возлагают задачи, которые они исполнить не смогут.

Сама программа перевооружения, выдвинутая Минобороны на десять лет... Растянуть ее лучше на 15 лет, и она будет более эффективно развиваться. Я не буду говорить о военных аспектах. Мы выделяем 77 млрд. долларов по паритету покупательной способности (а США — 700 млрд.); но я считаю, что есть военные решения сохранения ядерного паритета и обороноспособности. У них выделяется 150 миллиардов долларов только на военные действия в разных районах мира. Нам не нужна такая армия, какую имеют США. Не вопрос, кто более патриотичен. Нам нужна армия, паритет и суверенитет, но такая армия, численность в миллион человек для обороны нам не нужна. Когда средства лимитированы, надо еще сто раз взвесить, а деньги уже запланированы. По существу, запланировано решение старых задач.

Последние десять лет мы жили в экономике спроса. Но такого роста цены на нефть, больше не будет, не будет и такого роста расходов бюджета. С 5 тыс. долларов на душу до 15 тысяч вырос валовой доход в долларах на душу населения. Нам больше таких темпов не приходится ожидать... Однако нам нужно получить своё место в мире, защитить свою конкурентоспособность. ВТО — здесь необходимый момент, без этого выходить

на внешние рынки нельзя. Без ВТО надо закрыться и навсегда там остаться. ВТО необходимый момент, ВТО сейчас недооценивается; на ближайшие 7 лет переходного периода выстроены все траектории протекционистской защиты. Все ориентиры выстроены. Восемь лет мы выбивали эти позиции, нас заставили проводить структурные реформы. Мы поставили себе новые ориентиры в экономической политике... Эти данные были закрыты (всегда переговорные позиции скрываются). Только в декабре мы смогли открыть, что же ждет наши отрасли. Когда вели переговоры с каждой страной, они были закрыты. Мы теперь можем открыться, я считаю, что это даст новые возможности для инвестиций в Россию. Но кто даст инвестиции, если отсюда нечего экспортировать?

Модернизация через инвестиции — важный момент. В других странах проходили модернизацию без нефти, через развитие институтов. К тому же канал работы нефтяного дохода — самый неэффективный. Он идет, как правило, через бюджет, через госмонополии. Как попадают эти деньги в экономику? Через покупку активов в других отраслях, через зарплаты в этих отраслях, — но никак не на модернизацию. Или бюджет получил эти деньги, потратил на поддержку тех, кому нужно помогать. А правильный канал — через инвестиционную работу банков... Выход на инвестиционный рынок даст банкам больший доход.

Средний класс заявляет о себе все больше, и мы видим рост напряжения в обществе. Средний класс требует законов, политических прав, гарантий защиты... Значит, мы отклонились от развития институтов. Те, кто вышли на митинги, — это средний класс, это не радикалы-ниспровергатели, это скорее союзники для работы. (Я не говорю о политиках, которые там были.)

Мы должны найти выход из проблемы через представительство этих слоев в парламенте и других институтах.

Спрашивают: можно ли выиграть, если ориентироваться на мейнстрим? Не лучше ли искать своих, оригинальных путей? Отвечаю: сегодня мы не выполняем самых обычных стандартов, практик. Институты — это законодательства и практики исполнения... Законы вроде есть, а защиты нет. Мы говорим: нужно создавать институты защиты частной собственности, — здесь много чего практического надо сделать... Нужно ли изобретать что-то иное, чем это принято во всем остальном мире? ■

МИР НИКОГДА УЖЕ НЕ БУДЕТ ТАКИМ, КАКИМ БЫЛ

(Выступление
на Гайдаровских чтениях
в Москве)

Грант БАГРАТЯН

...Гайдар сыграл огромную положительную роль и повлиял, конечно, на реформы в других странах постсоветского пространства, в частности в Армении. Должен сказать, что мы ему очень признательны. Важная, с моей точки зрения, вещь — это забывается: не если бы не он и не его реформы, если бы не переход к рынку, то, мне кажется, возникла бы большая проблема целостности России. Целостность он восстановил, восстановив единый рынок. Об этом не надо забывать. Это самая большая заслуга Гайдара, и я ему об этом непосредственно говорил.

* Гайдаровские чтения
Г.А. Багратян — экс-премьер Армении,
профессор Российско-Армянского (Славянского)
государственного университета

Шуя, Ивановская, Россия, 1989. Фото: Александр Гусев/Радио

Но упущений было много. Как правило, в таких случаях упущения в 3–4 раза превышают то, что делалось правильно. По крайней мере, о двух упущениях мы с ним беседовали. *Первое* — российскому правительству не удалось «протолкнуть» частную земельную собственность. Это наиболее эффективный слой собственников, и во всех странах мира правительство тут же создает себе политическую поддержку. Российское правительство в середине 1990-х годов лишило себя дальнейшей поддержки.

Второе — социальные реформы, пенсионная реформа. Я никогда не был популистом, и я не популист, когда говорю про пенсионную реформу. Сейчас я пенсионную реформу понимаю очень просто: пенсионеры не хотят больших пенсий, они хотят определенной пропорции между пенсией и средней зарплатой. Я признаю, что нужно было бы их не забывать. Это сократило политическую поддержку правительства. Потеря этой части электората не позволила в 1990-х иметь серьезную политическую поддержку, хотя это было правительство, которое перевернуло Россию навеки. Вернемся к современным реалиям.

Что в принципе творится в современном мире? Почему возник этот кризис и почему новый мир никогда уже не будет таким, каким был, и он не будет легким?

Если взять экономику современного мира, там действуют 5 известных нам факторов: человеческие ресурсы, технологии, инновации, движение капитала, поглощение. Население мира впервые за 45 лет удвоилось. Людей становится больше. Этот ресурс распределен неравномерно: в одном месте его очень много, в другом этого ресурса нет. Возьмем природные ресурсы, они истощаются. Правда, обнаруживаются новые месторождения, но в среднем ежегодно они сокращаются — людей становится на 1,6% больше, а ресурсы на одного человека на 0,7% сокращаются. Значит, усиливается борьба за их перераспределение.

Исследования показывают, что, например, проблема неравномерности распределения газовых запасов развитием ядерной энергетики, расширением использования энергии солнца и ветра не решается. В потреблении энергии преобладают натуральные источники — нефть, уголь и газ.

Страны по-разному используют нефтепродукты, с разной эффективностью. Панаму брать не буду, это страна теплая. В Швейцарии на 1 долл. энергоресурсов делают в 5 раз больше продукции, чем, скажем, в России.

Туркменистан на 1 долл. практически делает 1 долл. Есть проблема равновесия — в мире этого рав-

новесия нет. В расчете на душу населения в России, Украине показатели плохие.

Итак, людей становится больше, но больше их становится особенно в той части планеты, где ресурсов меньше. Может, инвестиции *FDI* (*Foreign Direct Investment*) помогают устанавливать какое-то равновесие? Мы видим, что в целом — нет. Инвестиции в текущем измерении даже сокращаются — 1–1,5 трлн, это всего лишь 1,5% мирового ВВП.

Мы наблюдаем поразительную вещь: ведь инвестиции идут в развитые страны — в 2006 году в США и Британию, в 2010 году — в США, Китай и т.д., то есть нельзя сказать, что инвестиции идут в бедные страны. Если бы они пошли туда, была бы надежда на равновесие в мировой экономике. Ведь человек, капитал, ресурс, инновация должны идти навстречу друг другу, встретиться, образовать производство. Мы видим, что *FDI* никак не балансировали мировую экономику, наоборот, они шли в страны, где предельная эффективность ниже. Это факт. Более того, с 1999 года Аланом Гринспеном был придуман механизм разрешения ведения инвестиционной деятельности банками. Банки не должны заниматься инвестициями, они должны кредитовать бизнес. Это было придумано, и была создана огромная машина финансовых институтов.

Смотрим на поглощения. Может, через поглощения выравнивалась мировая экономика? Мы убеждаемся, что в лучшем случае это 1,5–2 трлн, и цифра сокращается до 1 трлн за последние годы. Оказывается, что поглощения тоже: из менее развитых стран в развитые капитал уходит больше и чаще. Страны, которые являются лидерами в поглощениях, — Китай, Средний Восток, Северная Африка, ОАЭ, Сингапур, Бразилия, Индия, Россия, — покупают капитальные активы в США, Британии, Канаде, Австралии и т.д. То есть, наоборот, дисбаланс мировой экономики еще больше усиливается.

Теперь посмотрим на инновации. Может, инновации помогали повышать эффективность капитала? Получается, что это не так. Скажем, мировой ВВП за 1998–2010 годы увеличился более чем в 2 раза; но если мы берем какие-то показатели по инновациям, то они в век айфонов и мобильных телефонов в лучшем случае выросли в 1,7 раза. Возьмите количество патентов, количество научных статей, зарегистрированных новых торговых марок — эти цифры растут гораздо медленнее мирового ВВП, следовательно, инновации не могли играть уравновешивающую роль. Такой показатель, как, скажем, доля ИТ-технологий в ВВП также свидетельствует о том, инновации не компенсировали нехватку ресурсов.

Мы поступили следующим образом: взяли рост ВВП — якобы разрыв между богатыми и бедными сокращается. Нет. Если из высоких темпов роста ВВП за последние годы бедных стран вы снимете темп роста населения — *net result*, то разница между богатыми и бедными в расчете на душу населения не сокращается.

Единственным показателем, по которому страны близко подошли друг к другу, — это образование, тотальная грамотность. Более того, во многих малоразвитых странах, скажем, в Украине и Эстонии, все получают высшее образование, из тысячи человек 650 имеют высшее образование. Люди получают образование, они знают, где есть капитал, где есть работа, и начинается миграция, потому что капитал не идет к людям; наоборот — начинается мигрантофобия. В результате ежегодно мигрируют до 30 млн человек. При приросте населения в 70 миллионов, каждый второй — мигрант, каждый второй будет жить не в той стране, где он родился, потому что к нему капитал не пойдет. Но в то же время ресурсов достаточно, чтобы в своей стране он получил высшее образование. Стремительно растет численность населения, рожденного вне страны.

В идеале должно быть какое-то равновесие — предельный продукт ресурсов, труда, капитала, инноваций должен быть выравнен. Но оказывается, что сейчас это блокируется.

С одной стороны, была создана Всемирная торговая организация, тарифы были снижены, а с другой — стали прибегать к жестким мерам. Скажем, самым страшным тарифом стал обменный курс. Другим тарифом стало генерирование института государственного долга в развитых странах.

Что такое развитый финансовый сектор США? США — это 12% мировой торговли, 22% ВВП, 65% финансов. Откуда у них такой процент — 65%? Это в основном долг, общий долг, не суверенный. Если греческий госдолг (*public*) — 120–130% ВВП, английский общий долг — это 500% ВВП. Общий долг мира — 213 трлн долл., а ВВП — только 63 трлн. Генерируется этот долг, разбухают финансовые активы, а потом придумывается механизм, как внутренний долг экспортировать в другую страну и как переоформлять внешний долг другой страны.

Я хотел вкратце обратить на это ваше внимание, потому что мне кажется, это действительно новая экономика, экономика отсутствия равновесия.

Мировую экономику будет трясти еще 10–15 лет; мы вошли в совершенно новую фазу. Эту фазу я в одной своей работе назвал «мегаэкономикой», это напрямую не связано с макроэкономикой. Здесь совершенно другие кривые спроса и предложения: цены растут — растут объемы продаж и наоборот.

Здесь должны быть совершенно другие показатели измерения ВВП; системы национальных счетов Саймона Кузнеца и Ричарда Стоуна уже ничего не дают. Не то что макроэкономика исчезает, но появляется совершенно другая наука... Даже если взять за основу, что все же должно быть какое-то равновесие, работают другие закономерности.

Ситуация похожа на ситуацию 1930-х годов, когда были *econometrics*. Потом, после кризиса, все поняли, что есть микро- и макроэкономика, а теперь возникает мегаэкономика. Здесь совершенно другие условия, и каждый хочет протолкнуть свои правила. ■

«МЫ СОЗДАЕМ ПАРТИЮ, ПОТОМУ ЧТО ВЕРИМ В СВОЮ СТРАНУ»

Программный доклад Е.Т. Гайдара на Учредительном съезде партии «Демократический выбор России» 12 июня 1994 года

Егор ГАЙДАР

От редакции

Со времени создания партии «Демократический выбор России» прошло уже 18 лет. В стране выросло и вступает в политическую жизнь новое поколение, которое мало осведомлено о недавнем прошлом; те, кто тогда, в конце 1980-х — начале 1990-х годов боролся за демократическое развитие страны, давно оттеснены с политической арены, а таких, как Андрей Сахаров, Галина Старовойтова, Сергей Юшенков, Алексей Головкин, Борис Федоров, Егор Гайдар, уже нет с нами.

Тогда, в 1994 году, одновременно с созданием партии «ДВР» Е. Гайдар со своими единомышленниками (Сергей Ковалев, Алексей Улюкаев и Виктор Ярошенко) учредили журнал «Открытая политика», который издавался до 2000 года, пока в стране еще существовала открытая политика. Этот журнал был непосредственным предшественником «Вестника Европы».

По советам многих друзей-демократов мы начинаем публиковать на сайте «Вестника Европы» и важнейшие материалы из «Открытой политики» и истории партии «Демократический выбор России».

Публикуем доклад Е.Т. Гайдара на учредительном съезде «ДВР». Сейчас, когда в стране начинается новый этап политического развития, нам представляется важным вспомнить важнейшие интеллектуальные вехи недавнего прошлого. А речь Гайдара является именно таковой вехой, ибо в ней высказаны некоторые важнейшие тезисы, которые потом станут стержнем его будущих книг, таких как «Государство и эволюция», «Долгое время», «Гибель империи», и останутся политическими приоритетами демократической части общества.

Публикация подготовлена депутатом Государственной Думы (1993–1995 гг.) Аллой Амелиной.

Дорогие друзья,

уважаемые коллеги! Программа, предложенная на ваше рассмотрение, выработывалась на протяжении нескольких месяцев, активно обсуждалась, корректировалась на совещании региональных депутатов. Она вам роздана. И я ни в коей мере не хотел бы сегодня её пересказывать. Так же как сегодня не хотелось бы мне рассказывать о

таких сюжетах, как инфляция, рост денежной массы, дефицит бюджета, и о многом-многом другом, о чем мне приходилось говорить неоднократно и в этом и в других залах. Я хотел бы сегодня, обсуждая вопросы программы, остановиться только на одном вопросе: зачем мы создаем партию, на какие традиции в истории России мы опираемся, какой, собственно, выбор мы предлагаем России.

Надо быть поразительно невежественным в истории собственной страны, чтобы полагать, будто идеи экономического развития, базирующегося не на принуждении, а на законности, частной собственности, уважении к правам человека, принесены в нашу страну из-за океана на парашюте. Вся суть русской истории на протяжении последних веков во многом вращается вокруг длинной фундаментальной дискуссии о том, как ответить России на вызов времени.

Близкая к тому центру ускорения экономического роста, каким стала Европа со второй половины нынешнего тысячелетия, культурно, географически связанная с Европой, Россия, к сожалению, не обладала тем набором предпосылок, которые обусловили это беспрецедентное, вырастающее как бы из земли ускорение экономического развития. У нас не было долголетней, протянувшейся на многие века стабильности отношений собственности, в том числе собственности на землю, не было надежной уверенности в том, что плоды твоего труда, твоей инициативы не отнимут по произволу ни чиновник, ни разбойник. Этот беспрецедентный поток малых, больших и крупнейших инноваций, который, собственно, и сделал Европу центром экономического роста, был совсем рядом.

А для России вопрос о том, как отреагировать на этот вызов времени, всегда был ключевым. И в истории России на протяжении веков борются две принципиальные тенденции, два стратегических ответа на этот вызов времени. Первый из них связан с максимальным усилением роли государства, с подчинением ему интересов личности, с концентрацией в руках государства максимально возможного объема материальных, финансовых, властных ресурсов и полномочий, с использованием этих ресурсов для укрепления военной мощи и для инициирования экономического развития.

Второй ответ связан с попыткой создать тот набор предпосылок, при которых потенциал России сможет реализовываться на основе инициативы граждан, стабильных, надежных источников постоянного экономического роста.

Для одних история России — это путь от Ивана Грозного к Николаю I и Сталину; для других же — тяжелый путь от префиксации права, проектов реформ Сперанского к великим реформам Александра II, к земству, к формированию местного самоуправления, к финансовым реформам Вышнеградского и Витте, к аграрным реформам Столыпина.

В начале XX века казалось, что Россия твердо выбрала второй путь в своем развитии. Все, кто знает историю начала XX века, помнят, как буквально «на дрожжах» на-

чинала расти экономическая мощь государства, как окрепла государственная система, как, наконец, на основе земельной реформы были созданы предпосылки роста благосостояния в деревне, как год от года укреплялись государственные финансы. Как Россия, создав предпосылки, позволяющие ее народу мобилизовать огромный творческий потенциал, быстро начинала догонять ушедшие вперед государства Западной Европы. Но втянутая в трагическую мировую войну, Россия ступала на путь экстремизма, и это перечеркнуло надежды на реализацию потенциала российского развития.

Тот общественный тоталитарный строй «диктатуры пролетариата», который воцарился после революции в России на многие десятилетия, был, пожалуй, самым радикальным и самым последовательным ответом на вызов Европы, реакцией на этот вызов, предполагавшей полное устранение всех механизмов общественного и экономического саморегулирования, всех, даже мельчайших элементов общественной независимости, подчинение всех ресурсов страны государству, концентрацию их на задачах военного строительства и индустриализации. На протяжении семидесяти лет власти Коммунистической партии СССР Россия являл миру «великий социальный эксперимент».

Можно ли таким образом ответить на вызов этого растущего из земли органического роста? И ответ был однозначным — нет, нельзя.

Здесь, в этом зале, присутствуют многие люди, приложившие руку к преобразованиям конца 80-х — начала 90-х годов. Но давайте не будем переоценивать собственную роль. Не мы сокрушили коммунизм. Коммунизм в России *развалился* сам! Он развалился под гнетом собственной неспособности решить проблемы страны, которая накопила огромный внешний долг, разбазарила валютные и природные ресурсы, посадила народ на карточки, на страшную «иглу» ежегодной зависимости от крупномасштабного нефтяного экспорта и зернового импорта. Утратив явную идеологическую привлекательность, СССР развалился, оставив после себя отнюдь не цветущий луг, а бурьян, колючки, искореженную бульдозером почву органического развития. И в этом — колоссальная проблема, которая стоит сегодня перед Россией, перед всеми нами.

Потенциал роста, основанного на государственном принуждении, в России исчерпан. Этот эксперимент закончился. Но он в огромной степени нарушил те внутренние структуры, органичные структуры общества, которые нужны для того, чтобы обеспечить динамичный, нормальный спокойный экономический рост на основе общественной инициативы. Нет стабильных отношений

частной собственности, нет традиций, которые оправдывали бы их. Нет стабильных традиций правопорядка в условиях демократии. Нет устойчивых социальных структур. Нет привычки к общественной самоорганизации. Нет всего того, что позволяет обществу развиваться органично и развивать процесс изнутри, из инициативы своих граждан. И она не появится по нашему желанию, не появится просто потому, что нам этого хочется.

Для того чтобы создать эту почву органического роста, нужна огромная работа, нужна защита ее от тех, кто хотел бы еще раз перепахать российскую почву одним паровым катком. Тот экономический курс, который проводится на протяжении последних полутора лет, является по своей природе курсом компромиссным, курсом в значительной степени колеблющимся, и он не дает ответа на фундаментальный вызов российскому развитию. Скорее, это уход от ответа.

У государства *уже нет сил* для того, чтобы обеспечивать экономический рост, а у общества *еще нет предпосылок* для того, чтобы генерировать этот рост из себя. Мы *уже* не можем финансировать индустриализацию, экономическое развитие за счет еще больших объемов налогов. И вместе с тем мы *еще* не создали предпосылок, при которых идет это развитие: за счет самоинициативы, частной инициативы, частных сбережений, частных инвестиций. К сожалению, этот отказ от вызова опасен. Он создает предельно нестабильную социально-политическую экономическую среду, являющуюся питательным бульоном для экстремистских экспериментов.

Нет экономического роста, перебалансирована социальная структура, растет неравенство, не хватает денег на содержание социальной и производственной инфраструктуры, нет средств для поддержания на должном уровне образования, науки, культуры и того огромного потенциала, который все-таки существует и создан был в России. Если продолжить эту тенденцию, то за 3-4-5 лет страна окажется надежно отброшенной в реальную колониальную зависимость как раз под фанфарные заявления о национальном величии, национальных интересах, о необходимости военного строительства, протекционизма и т.д.

Это не выход. И все мало-мальски здравомыслящие люди понимают, что просто в сохранении статус-кво у России нет перспективы. Тогда это означает, что этот социалистический эксперимент надежно и навсегда закрыл нашей стране дорогу к достойному будущему. Лично я с таким ответом не согласен и убежден, что подавляющее большинство здесь присутствующих — тоже.

Но, конечно, на этом питательном бульоне постоянно растут идеи, предложения, инициативы, с тем чтобы еще

раз повернуть развитие страны вспять, еще раз поставить крупномасштабный социалистический эксперимент, еще раз попытаться «пришпорить» развитие России по направляемому государством пути. У них есть база. База недовольства значительной части населения тем, что происходит сегодня. Тем межсистемным беспорядком, когда нет ни надежного, устойчивого, хотя и неэффективного тоталитаризма, ни надежных устойчивых гарантий демократии и частной собственности. И вот эта дезориентированная часть населения будет всегда пытаться свернуть на путь страшно опасного эксперимента. Эксперимента — абсолютно безнадежного стратегически в истории России. Безнадежного, потому что нет природных ресурсов, которые уже были разбазарены при прошлой попытке «великого скачка»; потому что изменились сами закономерности нового этапа экономического роста. И, тем не менее, такая угроза радикального поворота в России еще существует. Мы не должны о ней забывать.

И те люди, которые думают об интересах России и ответственности перед миром, должны, по-моему, сделать все для того, чтобы поставить предел такого рода попыткам. Главное средство не допустить успеха подобного рода эксперимента очевидно. Это создание предпосылок устойчивого экономического роста на рыночной основе. То есть завершение того дела, которое было начато реформами Александра II в конце XIX века, продолжено в начале XX века и столь трагически оборвано в 1917 году.

«Создать предпосылки устойчивого экономического роста» — это в переводе на простой, обыденный язык последних десятилетий означает создать предпосылки экономического чуда на российской почве. «Экономическое чудо» в последнее время стало вполне техническим термином. В нем не больше чудесного, чем в радиотелефонии. Компоненты его — абсолютно необходимые предпосылки для того, чтобы обеспечить рост, базирующийся не на принуждении, не на том, что у граждан отбирают все, что у них есть, а на том, что создаются предпосылки, позволяющие использовать инициативу общества; они достаточно ясны и очевидны.

Они очень просты: стабильная национальная валюта, стабильный порядок, стабильное право, защищающее частную собственность, открытая экономика, низкие военные расходы, мирная внешняя политика, на этой основе — высокие национальные сбережения, высокие частные инвестиции.

Вот тот нехитрый объем предпосылок, который необходим для того, чтобы Россия, как и многие другие страны, пошедшие по этому пути раньше, начала быстро и динамично развиваться. Создать предпосылки для

этого — вот та фундаментальная задача, которую мы должны решить для того, чтобы быть на уровне вызова, брошенного нам временем.

Не останавливаясь на всех компонентах этой работы, скажу о нескольких принципиальных проблемах, которые, по моему глубокому убеждению, должны быть решены для того, чтобы Россия смогла нормально развиваться. Начну, пожалуй, даже не с экономики, а с одного из фундаментальных вопросов нынешней политики — **обороны и безопасности**.

Не бывает и не было еще в истории страны, которая обеспечивала бы динамичный экономический рост, направляя 50 процентов(!) своего внутреннего валового продукта на нужды обороны. Сегодня из каждого рубля налогов, которые поступают в федеральный бюджет, 50 копеек идет на финансирование оборонных расходов. И при этом армия недофинансирована, при этом действительно остро не хватает денег на ее содержание, не хватает денег на нормальное вооружение, не хватает денег на разработку высокоточного современного оружия и т.д.

Вне всякого сомнения, России нужна надежная, высокоэффективная, мобильная, хорошо оснащенная, вооруженная «умным» оружием армия. Но мы никогда не будем ее иметь, так же как мы никогда не будем иметь динамично развивающейся экономики, если не соберемся с силами для серьезной, глубокой военной реформы. Сегодня мы содержим армию, доставшуюся нам в наследство от Советского Союза. Армию, непосильную для России ни по числу призывников, ни по финансовым ресурсам. Армию, которая остро нуждается в серьезной и последовательной реорганизации, позволяющей сократить ее до тех разумных размеров, которые, скажем, были в свое время в Советской России, окруженной кольцом врагов, в начале 30-х годов (т.е. примерно в 4 раза по сравнению с нынешним уровнем). Мобильная, хорошо оснащенная, хорошо вооруженная и хорошо обеспеченная — такую армию должны иметь современная Россия. Согласитесь: бессмысленно содержать огромную, плохо финансируемую, голодную армию. Она не будет адекватна своим задачам, да и непосильна нашей нынешней стране. Количество генералов все-таки должно соответствовать количеству солдат, а не количество солдат — количеству генералов. (Аплодисменты) Еще раз подчеркиваю, что в этих моих словах нет ни грана неуважения к армии. Именно потому, что мы заботимся об армии, о ее боеспособности, я абсолютно убежден, что нам нужна последовательная, спокойная, организованная военная реформа, в полной мере учитывающая социальные проблемы военнослужащих.

Все наши расчеты и оценки показывают, что разговор о том, будто бы сокращение армии нам сейчас финансово непосильно, основаны на дезинформации. Как раз напротив: нам финансово будет непосильна попытка удержаться в военном строительстве на том, что было в Советском Союзе, и бросать все силы на оборону государства.

Колоссальная проблема сегодняшней России — это огромная и **неэффективная государственная машина**. Целая армия чиновников, кстати, не всегда хорошо оплачиваемая, но зато с огромными возможностями привлечения не совсем легальных дополнительных доходов. Армия чиновников, которые постоянно генерируют из себя все новые и новые ограничения на работу рынков, суть которых предельно проста: придумаем способ, позволяющий выстроить у моего кабинета большую очередь из людей, которые жаждут получить от меня разрешение. Используются все аргументы для того, чтобы этого добиться (Аплодисменты).

Сегодня именно незавершенность реформы государственного аппарата, огромные и ненужные ограничения на работу нормальных рыночных механизмов — вот главный источник коррупции в нашей стране, того страшного зла, которое разъедает Россию. И вместе с тем это огромное препятствие на пути снижения реального налогового бремени. На пути, позволяющем нам добиться, чтобы производственная деятельность не была бессмысленной в нынешних условиях.

В связи с этим необходима серьезная реформа государственного управления: нужно отменить ненужные и несбыточные ограничения, сократить государственный аппарат, реорганизовать государственные расходы таким образом, чтобы они были сосредоточены на том, что нужно обществу. Это защита прав человека, культура, образование, здравоохранение, развитие науки. Вот важнейшие направления, которые определяют социальное здоровье и будущее общества.

Эта задача реорганизации государственного управления должна быть решена для того, чтобы экономический рост России стал реальностью. Структурной перестройки экономики не может быть с неэффективными предприятиями. Нет ни одной успешной экономики, которая обеспечивала бы рост на основе систематического сохранения неэффективных предприятий, на основе масштабного вложения средств, которые забирают у тех, кто работает хорошо и эффективно, и перераспределяют в пользу тех, кто работает плохо. Это никому не нужно, в том числе и слабым предприятиям. Давайте не позволим вводить себя в заблуждение. Мы помогаем чаще всего не предприятиям, просто помогаем директорам сохра-

нить их кресло и продолжать удерживать его, хотя они совершенно не умеют работать в условиях рынка. (*Апلودисменты*).

Все наши анализы, оценки показывают, что при всех различиях в положении отраслей народного хозяйства, при всех объективных трудностях, которые сегодня есть, главный фактор, определяющий экономическое положение предприятия, один: это способность его управленческой команды нормально работать в условиях изменившейся экономики, в условиях, когда нужны другие качества, другие знания и другие умения.

Создать предпосылки реструктуризации предприятий, обновления управленческих кадров — это та задача, которая стоит перед нами, это то, почему мы всегда будем настаивать на усилении финансовой ответственности, на принятии эффективных законов о банкротстве, на том, чтобы центр тяжести с поддержки «директоров-инвалидов» перенести на поддержку действительно нуждающихся граждан. (*Апلودисменты*).

АГРАРНАЯ РЕФОРМА

Здесь мы должны быть самокритичными. Уже в 1992 году, особенно после известного назначения г-на Рущко главным начальником над аграрной реформой, реформа в России была существенно замедлена. Осенью 1992-го был допущен ряд серьезных ошибок, еще более замедливших ее, а с 1993-го реформа вообще остановилась.

Решение о передаче большей части фонда перераспределения земли обратно колхозам и совхозам практически поставило жирный крест на том создании рыночного сектора в сельском хозяйстве, которому нам все-таки удалось придать импульс в конце 1991-го и начале 1992 года. Да, нам удалось легализовать право на выход из колхозов и совхозов с землей, с имуществом, закрепить это в нормативных актах. Но не удалось сделать другого: не удалось добиться, чтобы это право было не просто декларировано, а чтобы оно могло быть реализовано на практике. Мы категорически против любых форм насильственной реорганизации колхозов и совхозов; против того, чтобы «сверху» навязывать формы организации сельхозпроизводства. Но это не значит, что государство, как дойная корова, должно постоянно давать молоко, чтобы обеспечить работу нежизнеспособных, неэффективных, заведомо нерентабельных хозяйств, чтобы, не дай Бог, на их месте нормальные работающие мужики не организовали эффективное и конкурентоспособное хозяйство.

Слухи о том, что в России нельзя производить продовольствие, которое будет конкурентоспособным по сравнению с западноевропейским, при заработной плате, которая в 20 раз ниже той, которая существует в Западной Европе, — это, по-моему, просто свидетельство глубокого неуважения к собственному народу. (*Апلودисменты*).

Разумеется, нам нужен новый и серьезный этап аграрной реформы, суть которого — обеспечить на практике те права, которые были продекларированы.

Новое законодательство о земле должно нормально закрепить и легализовать частную собственность, ибо без этого никогда не будет нормального сезонного кредитования, а все сельхозпроизводители так и будут ходить с протянутой рукой за государством: «Подайте сезонные кредиты!» Необходимо создавать систему крестьянских банков. Нужна помощь в становлении инфраструктуры сельского рынка, естественная и нормальная защита наших товаропроизводителей от демпинга там, где это демпинг; помощь в экспорте сельхозпродукции там, где он может быть реальным и конкурентоспособным. Короче говоря, нужна серьезная аграрная реформа, а не попытки ухватиться за разваливающиеся остатки колхозно-совхозного строя. Это будущее российской деревни. (*Апلودисменты*).

Важнейший для нас вопрос **внешней политики**, при всей значимости всех других вопросов (наши отношения с миром, с Соединенными Штатами, с Европой, с Китаем), — это все-таки вопрос о так называемом «ближнем зарубежье», о наших отношениях с новыми независимыми государствами, сформировавшимися после развала Советского Союза.

Эта проблема тех 25 миллионов русских, которые остались жить в этих странах. И она касается практически каждого российского человека, ибо у всех остались либо связи, либо знакомые, либо родственники в тех ныне независимых государствах, потому что мы культурно и экономически связаны. Эта проблема задевает почти каждое российское предприятие, имевшее прежде связи, рынки сбыта, поставщиков в этих регионах. Это ключевой долгосрочный политический вопрос для России. И здесь тоже есть две стратегии.

Европу пытались объединить силой оружия много раз. И то, что никогда не удавалось ни с помощью гренадерских полков, ни с помощью танковых дивизий, было сделано на основе спокойной, организованной, лишенной внешней экзальтированности, работы по формированию единого европейского рынка. И мы глубоко убеждены в том, что спокойная, не подчиненная текущим краткосрочным политическим соображениям

работа по формированию единого рынка, объединяющего территории бывшего Советского Союза, — это стратегическая задача России, любого ответственного российского правительства, задача экономическая и политическая.

Это спокойный путь от свободной экономической зоны к таможенному союзу; от таможенного союза — к созданию координационных органов, к валютному союзу. Но это путь, который может быть реализован при двух фундаментальных предпосылках.

Первая. В том случае, если сама российская экономика будет стабильной, рыночной и привлекательной. Сегодня, при всех наших нынешних проблемах, российский рынок — пока еще самый привлекательный рынок для государств Содружества, а российский рубль — пока еще одна из самых устойчивых конвертируемых валют там. И пока все это есть, до тех пор можно быть уверенным, что внутренние силы экономической интеграции будут работать на наше сближение. Они не дадут объективной возможности национал-экстремистам поставить пределы на пути развития нормального экономического сотрудничества, за которым всегда, если его не подстегивать, неизбежно, шаг за шагом, идет и развитие сотрудничества политического.

Но здесь есть огромная опасность — опасность поддаться магии политических призывов, под лозунги немедленного восстановления единства сломать тот стержень мало-мальски стабильных и устойчивых российских институтов; немедленно, завтра повесить на плечи еще отнюдь не окрепшей российской экономике решение тяжелейших социальных, политических задач других республик, сложившихся на базе бывшего Советского Союза.

Я убежден: у нашего налогоплательщика пока вполне хватает того бремени, которое и так взвалило на него государство. Переобременять его дальше будет неправильно, безответственно, и кончится это развалом российской экономики, за которым отнюдь не последует никакой интеграции в рамках бывшего Советского Союза.

Поэтому наш выбор в этой политике предельно прост: мы за всемерное стабильное развитие экономической интеграции бывших республик Советского Союза. Мы за то, чтобы использовать имеющиеся в нашем распоряжении рычаги для защиты всех гражданских прав русских и русскоязычных в республиках бывшего Советского Союза, но мы категорически против политиканства, против того, что может обернуться обострением национальных конфликтов, против решения проблем других государств за счет российского налогоплательщика. (*Апلودисменты*).

Можно абсолютно твердо и однозначно сказать: у России стратегически сегодня нет другого курса, кроме курса на стабильное экономическое развитие на базе рынка и частной собственности. Любые другие эксперименты обрекают Россию на катастрофу или долгосрочное прозябание, отнимают у нее шанс быть великой страной, достойной своей истории.

Но надо видеть и другое. Этот курс — единственный, но это курс против сильного встречного ветра. У России действительно нет очень многих фундаментальных предпосылок, необходимых для того, чтобы движение по этому пути было относительно легким и безболезненным. И как минимум самое главное — у нее действительно нет стабильных предпосылок в виде долгосрочных традиций частной собственности, частного предпринимательства и законопослушания в условиях демократии.

Наши противники будут делать все для того, чтобы заблокировать шанс России на достойное будущее. У них в распоряжении, надо сказать, испытанное, надежное орудие: демагогия, ложь, пустые обещания. Мы можем противопоставить этому только одно — правду. Но для того, чтобы донести эту правду до российского общества, до наших избирателей, и для того, чтобы она не осталась только нашей с вами правдой, а стала правдой общества, нам нужна эффективная, сильная, серьезная политическая организация.

Именно для этого мы инициировали процесс создания партии, процесс создания достаточно организованной политической силы, объединяющей единомышленников. Я думаю, подавляющая часть из присутствующих по горло сыта слабыми межрегиональными коалициями, не способными обеспечить претворение в жизнь своих собственных решений; по горло сыта борьбой за теплые местечки тех или иных демократических структур, а также неорганизованностью и неразберихой.

Может быть, где-то мы ошиблись, может быть, где-то нам не удалось найти единомышленников или кто-то по ошибке вскочил на другой поезд. Еще есть время сойти с этого поезда, отойти в сторону, делать что-то другое. (*Апلودисменты*).

Я глубоко убежден: дезорганизованная структура, построенная в виде мягкой межрегиональной коалициации, имела бы столько шансов победить в предстоящей нам борьбе, как удельная княжеская конница в сражении с бронетанковой дивизией. (*Апلودисменты*).

Мы создаем партию, поскольку верим в свою страну, верим в ее потенциал, верим в то, что она может и должна стать страной свободных и обеспеченных людей, мы создаем партию, чтобы отстоять достойное будущее России. (*Продолжительные аплодисменты*). ■

«МЫ ПО-ПРЕЖНЕМУ ЖИВЕМ В ТЕНИ ТОТАЛИТАРНОГО РЕЖИМА»

Борис ДУБИН

Фонд Гайдара запускает цикл материалов по горячим следам проекта «Гибель империи». Директор Левада-центра Борис Дубин ответил на вопрос, заданный в теме лекции Татьяны Толстой, и объяснил, почему советское не только не ушло в небытие вслед за СССР, но и набирает силу в российском обществе начала XXI века.

Фонд Гайдара: *Что такое советский человек с точки зрения социолога? В чём его отличие от человека западного было тогда, когда империя еще существовала, и какие трансформации с ним случились с тех пор?*

Борис Дубин: Прямое сравнение с тем, что было во время СССР, практически невозможно, потому что опросы, подобных нашему, тогда не проводились. Советские исследования (прежде всего работы Бориса Андреевича Грушина) были все-таки очень сильно зацензурированы. Поэтому когда Юрий Александрович Левада во Всероссийском центре изучения общественного мнения (тогда еще — ВЦИОМ) в самом конце 1980-х придумал проект «Советский человек», стояла задача реконструировать прошлое по нынешним данным, по открывшемуся на разломе, как бы по следам и обломкам прежнего.

Тут есть один принципиальный момент: и тогда, и сейчас мы не имели в виду какого-то конкретного человека или даже обобщенный образ, который изучает антрополог, работающий в докультурных условиях. Мы (прежде всего — Левада) создали под наш проект исследовательскую конструкцию, и она подразумевает, что мы сосредоточены на тех чертах, которые объединяют нынешнего человека, живущего уже в России, с тем, каким он был в СССР. Весь этот конструкт заточен на выявление повторяющихся устойчивых черт, на фоне которых мы оцениваем отклонение в какую-то сторону. Левада в целой серии статей, которые составили раздел в его книжке «От мнений к пониманию», и в последней кни-

ге «Ищем человека» рассмотрел отдельные грани этого человека: человек ограниченный, человек недовольный, человек приспособляющийся, человек лукавый, человек особенный, человек в новых условиях и т. д.

Прежде всего принципиальным для этой модели человека является его отношение к власти как к власти патерналистской, обязанной во всех отношениях заботиться о населении: и в смысле занятий, места в системе разделения труда, и в плане уровня дохода, пенсий, дополнительных выплат, обеспечения его безопасности и т. д. При этом большая часть российского населения полагает, что власть свои обязанности исполняет плохо, и поэтому постоянно выражает претензии и неудовлетворенность.

Второй момент — в этих представлениях власть строится по иерархической модели и возглавляется одним человеком. Этот человек не является реальным политиком, его программа не важна, и никто не оценивает его действия в категориях полезности или эффективности. Предполагается, что в руках этого человека сосредоточена самая большая власть, и никакой ответственности он за неё не несёт. Соответственно, поскольку у него есть власть, он может нагнать страху на любых людей, которые находятся ниже него, поэтому время от времени он совершает (и это обычно одобряется населением) «выволочки» или какие-то жёсткие меры по отношению к чиновникам. С другой стороны, он вездесущ и своими непосредственными действиями восстанавливает нарушенный порядок. Такое представление о первом лице подразумевает, что ещё есть сидящая ниже этого перво-

го лица бюрократия, которая и несет ответственность за все минусы.

Ф.Г.: *Царь хороший, бояре — плохие...*

Б.Д.: Да. Растут цены, не увеличиваются зарплаты и пенсии, есть угроза безработицы, нет порядка и защищённости, на улицах грязно, напряжённые отношения между людьми разной этнической принадлежности — во всём этом виноваты, условно говоря, бояре, а это не царское дело. Как ни парадоксально, чем дальше, тем больше эта патерналистская составляющая была выражена в массовом сознании.

Представление о том, что должна быть сильная рука, которая наведёт порядок, год за годом становилось всё сильнее. Если в самом начале наших исследований, в 1989-1990 годах, мы фиксировали, что большая часть населения была против того, чтобы сосредоточивать власть в руках одного человека, то сейчас большинство народа это поддерживают. Напротив, представление о том, что инициатива человека многое решает, со временем убывало, при том, что при опросе люди на вопрос «на кого вы можете рассчитывать в сложных обстоятельствах?» отвечают так: «на самих себя» или: «на близких родственников».

В сегодняшней России жёстко выражено недоверие по отношению друг к другу; непонимание того, зачем нужно объединяться и интегрироваться с другими людьми. И тогда, и сегодня процент людей, которые реально вовлечены в деятельность каких-то общественных организаций, добровольных объединений, политических партий, крайне низок. Взрослый русский человек не мыслит себя в объединении с другими людьми в каких-то устойчивых формах ассоциаций, союзов, движений, партий. Даже если в каких-то конкретных случаях возникает необходимость объединиться с кем-нибудь, это, как правило, ad hoc-объединения, которые заканчиваются вместе с поводом, вызвавшим их.

Третий важный момент: советский человек и раннепостсоветский человек вырос в условиях закрытого общества. Он настороженно относится к окружающему миру и видит в нём враждебную силу, которая если и не находится в состоянии открытой войны с Россией, всё равно спит и видит, как нанести ей ущерб. В самом начале опросов мы фиксировали сильное ослабление непереносимости присутствия образа врага в сознании человека, но к концу 1990-х и на протяжении 2000-х у России снова «появились» враги. Эту точку зрения разделяют по меньшей мере две трети населения, а временами и до 80% (например, когда ситуация обострялась в дни трёх-

дневной кавказской войны в 2008 году). Основным противником в военной, экономической, политической сферах, пусть и в латентной форме, для россиян продолжают оставаться США. Всё это происходит на фоне того, что свыше половины населения России вообще, не считая себя европейцами, а ещё большая доля (до 2/3) полагают, что западная культура целенаправленно разрушает многовековую русскую культуру, обесценивают все то, что любит наш народ.

По правилу двойственности всего, что относится к советскому и постсоветскому, большинство россиян не против жить на уровне развитых стран, не против того, чтобы пользоваться западными благами и продуктами (работать — как у нас, получать — как у них). Отсюда принципиальный момент, который не раз исследовал Левада: мы как будто бы фиксируем черты, которые противоречат друг другу и вроде бы должны взаимоуничтожаться, но этого не происходит. Для россиянина некоторым образом естественно, с одной стороны, иметь в виду одно, а с другой — нечто совершенно противоположное.

Ф.Г.: *Мне кажется, что это как раз коренной советский принцип.*

Б.Д.: Конечно. Я думаю, что эта двойственность на самых разных уровнях сознания связана со всегдашним для советского и постсоветского человека противопоставлением общественного личному — того, что надо говорить, и того, что ты делаешь на самом деле. Зато советский человек как бы не отвечает за то, что происходит в его городе, в его стране. В лучшем случае он отвечает за то, что происходит у него на работе, а главным образом — у него дома. Поэтому для постсоветского человека модель нормальных отношений — отношения ближайшими родными (не реальными, а идеализированными, конечно), а не другие, более формальные типы отношений: профессиональные, политические, связи солидарности поверх родовой, этнической, территориальной принадлежности. Психологи скажут, что это последствия или синдром «травмы».

Когда мы в 1989 году начинали наши опросы, это как раз было на волне тысячелетия принятия христианства на Руси, которое впервые на официальном уровне праздновалось в стране. Тогда соотношение верующих и неверующих было примерно такое: около 20-25% считали себя православными; очень маленький процент, в соответствии с долей мусульманского населения от числа жителей России, называли себя мусульманами; а примерно 60-65% россиян называли себя неверующими. Но уже к концу 1990-х годов пирамидка перевернулась,

и сегодня примерно 72-75% взрослых людей называют себя православными; 4-5% относят себя к «верным мусульманам» и только 12-14% решаются назвать себя неверующими. Казалось бы: произошла сильнейшая перемена. Но когда мы это разбираем, мы видим, что большинство людей из этих 75% редко посещают церковь, систематически не молятся, не отправляют основные таинства (крещение детей, венчание молодых, исповедание и причастие, соборование и отпевание), не читают священные книги, и в этом смысле отнесение себя к православным просто выполняет функцию коллективного «мы», которое они иным образом не знают, как назвать. Слово «россияне» внедрил Б.Н. Ельцин, а отношение к Ельцину резко отрицательное, поэтому люди иногда говорят «россияне», но произносят такие интонационные кавычки — словно они цитируют Ельцина. (На самом же деле люди, населяющие Россию, в основном считают себя русскими — хотя среди них есть и евреи, и татары, и армяне, и огромное количество разных ассимилировавшихся наций и народностей).

Важный параметр модели советского и постсоветского человека — это его негативное отношение к основным институтам общества. Негативное отношение не распространяется на институт президента, армию и Русскую православную церковь. Ближе к ним находится ФСБ, в принадлежности Путина к этой службе большинство населения не видит ничегостораживающего. Чем институты новее, чем они более формальны, не похожи на коллективную семью, тем в меньшей степени им доверяют. В самом низу находятся суды, правоохранительные органы, партии, профсоюзы, которые в нормальной развитой стране являются опорой коллективного поведения, дают возможность влиять на ситуацию в стране. Но если нет доверия к этим институтам, то нет и каналов, через которые человек мог бы выразить своё отношение к происходящему, и он выносит это просто в недовольство, ворчание, которыми сопровождает свою повседневную жизнь.

Ф.Г.: Мне кажется, то, о чём вы говорите, имеет отношение к ностальгии. Можно ли сказать, что фактически 90-е годы и породили эту ностальгию? И почему же они не смогли, наоборот, перевернуть сознание русского человека?

Б.Д.: Отчасти это так, но, мне кажется, тут более громоздкая картина. Да, мы имеем дело с некоторыми ностальгическими чувствами. Но, во-первых, почти что арифметическое большинство в своей сознательной жизни уже не знало советского образа существования

— по чему же им тогда тосковать? Во-вторых, мы знаем, что в конце 80-х — начале 90-х большинство нашего народа (и это не только в России, но и во всех других республиках, особенно в прибалтийских) относилось ко всему советскому скорее отрицательно, и чем образованнее и урбанизированнее были эти слои, тем в большей степени критично они относились и к идеологии, и к компартии, и к съездам КПСС... Иначе говоря, понятно, что многие, даже и пожилые люди, просто вспоминают годы, «когда мы были молодые», праздники, демонстрации, хорошие фильмы, отдых у моря, который был доступен многим по профсоюзным путевкам, и меньше всего ностальгируют они по генсекам и по той программе «Время»... Но есть и немало разочарований.

Я думаю, что тут, конечно, виноваты те самые реформы, которые велись безумно, без всякой разработанной программы, вне оценки потерь и последствий (к тому же и в объяснения всех своих действий народу реформаторы не особенно-то вдавались). Это, кстати, вообще одна из особенностей российской истории: Левада, на которого я всё время ссылаюсь, говорил, что история России в XX веке строится на коротких перебежках — пробежишь, пока тебя не подстрелили, до куста, ложишься и ждёшь возможности перебежать под следующий. Перебежки небольшой кучкой людей (спасаться в России лучше поодиночке), быстрее-быстрее, потом происходит сильнейший слом — Левада в самом начале 90-х назвал это французским словом *avalanche* (обвал, лавина).

Невозможность осуществлять в России долгие, систематические изменения связана с тем, что нет никаких сил, способных на протяжении длительного времени удерживать контроль над ситуацией, убеждать или другими ненасильственными средствами доносить до народа смысл перемен, убеждать его понимать и по возможности поддерживать то, что происходит. Поэтому в роли реформаторов выступает как бы кучка «заговорщиков», которая пытается, пользуясь моментом, быстро сделать всё. Всё предыдущее сразу разваливается, и до того, как осела пыль и всё пришло в старое инертное состояние, иногда удаётся кое-что сделать. Но уже не удаётся передать это следующим поколениям и вывести это за пределы этой кучки инициаторов, иначе говоря — создать институциональную основу для изменений.

В этом смысле (это я уже излагаю то, как пытался и пытаюсь думать сам) можно говорить о том, что в политической, экономической, социальной истории России XX века, даже в быту людей экстраординарные моменты у нас чередуются с моментами рутинными, инерционными. И в этих двух режимах российская история и сущес-

твует. Никак не удастся подняться на некое высочайшее плато институциональных изменений, которые могли бы явить людям светлые перспективы в будущем. Или сдвинуть наконец механизмы реализации программы, которые выходили бы за рамки одной группы людей, иницировавших реформаторский сдвиг. Институты — по определению — никогда не могут быть апропрированы какой-то одной группой людей и ограничиваться действиями какого-то одного поколения. А значит — люди вынуждены ориентироваться на какие-то общие правила, общий язык, систему права, которые бы индивидуальный эгоизм и групповые пристрастия вводили в общий порядок и не давали бы им разрушать социальное целое.

Так что разочарования — это реакция людей на непродуманные, плохо проведённые, быстро оборвавшиеся реформы, одновременно больно ударившие по многим группам населения. Кстати сказать, и не по самым бедным. Бедные готовы приспособляться, и у них нет особых надежд на то, что можно что-то изменить. Важно, что реформы ударили по слою интеллигенции, которая лишилась работы и, соответственно, источников средств к существованию, а ведь она единственная имела возможность и навык рефлексировать происходящее, транслировать предметы своей рефлексии.

Характерно, что уже с середины 90-х в средствах массовой информации тоже начал восстанавливаться порядок, отчасти похожий на прежний: сначала газеты, радио- и телеканалы стали принадлежать большим частным собственникам, потом государство стало возвращать эту собственность себе, и тогда встал вопрос о контенте. Поначалу эфир заполнялся диким количеством купленных по дешёвке зарубежных сериалов, потом пошла отечественная продукция, ориентированная на ностальгическое представление о советском, перебиваемая наглым навязыванием дешевой и бездарной рекламы. При этом с экранов всё менее осторожно стали негативно высказываться по отношению к отдельным реформаторам, к самой идее реформ, к возможности России быть реформированной.

А после 2000-2001 годов основные каналы телевидения стали государственными, либо официальными, либо официозными, и начали поддерживать и развивать картину 90-х годов как страшных, «лихих», а по контрасту с ними показывали позднесоветскую картинку, картинку брежневского времени как «золотого века». У большинства населения России начало формироваться представление об истории, о прошлом: прошлое начинается с революции, кульминацией его является Победа в Великой Отечественной войне и полёт Гагарина;

предвестием конца света является Чернобыль, а распад Советского Союза — концом русской и советской новейшей истории.

Если не у Горбачёва, то у Ельцина и его команды была твердая установка на разрыв со всем советским. Это был, скорее всего, компонент (но лишь один компонент!) правозащитной, диссидентской картины мира: советское — это тупик, с ним надо порвать и выйти на общую для всего человечества дорогу. В будущем смутно представлялся какой-то особый капитализм: то ли с человеческим лицом, то ли это был шведский вариант, то ли объединение Китая со Швецией — что-то такое мыслилось тогда. Но установкой 2000-х уже стало примирение с советским, по крайней мере, на символическом уровне.

Сегодня все силы, которые работали на разрыв с советским и преодоление советского, как бы они ни назывались: Горбачёв, Ельцин, реформаторы, либералы, Гайдар, Чубайс, — большинство народа России оценивают резко отрицательно. Хотя бывают и моменты послабления (скажем, после смерти Ельцина был момент смягчения оценок и его, и реформ, и всего того, что произошло со страной в 1990-е годы). По отношению к реформам Гайдара тоже постепенно растёт доля тех, кто считает, что эти реформы: а) были необходимы и полезны; б) были болезненны, но без них было нельзя. Впрочем, тут не всегда можно отделить сознательную смену оценок от характерного российского феномена «привыкания ко всему, даже самому страшному». Среди прочего привыкают и к тому, что элементов нынешнего относительного благополучия могло бы не быть вообще, если бы не был запущен рыночные механизмы и тот механизм реформ, как его понимали реформаторы 1991-1992 года.

Давайте предварительно резюмируем: нельзя, конечно, сказать, что вообще не произошло никаких перемен. Они были — в политике, экономике, культуре, общественном сознании, религии, церкви. Но в конечном счёте получилось, что эти изменения либо были отодвинуты, забыты, переоценены, либо повлияли скорее на архаизацию общественного сознания, его стереотипизацию и примирение с советским, как бы на возвращение вспять, к предыдущей модели сознания. Конечно, это не возврат, никакой возврат в историческом времени невозможен. Но большинству народа все же удобно так думать о себе, о власти, о Западе, о республиках, которые вчера были советскими, а теперь стали независимыми государствами и вызывают враждебное отношение...

Мне кажется, что сама конструкция этого большинства, на которое то молчаливо, то говорливо откликается власть и которое в качестве основы своей легитимности воспроизводит, была сформирована именно в 2000-е го-

ды, исходя из пассивного состояния людей, поражённых всем происходящим и не умеющих найти себе место в окружающей действительности, создать построить что-то новое. Работая на очернение 90-х и усиливая патерналистскую составляющую коллективного мнения, пропаганда сформировала это представление большинства и до поры до времени опиралась на него, считая, что эта опора вполне надёжна. И лишь в последнее время, уже в связи с кризисом 2008 года, у многих по самому широкому кругу параметров стало нарастать ощущение неопределённости, бесперспективности и какого-то ступора: время словно остановилось. То, что в прежний период — на первом, а особенно на втором президентском сроке Путина — еще работало, с точки зрения большинства, в пользу власти под псевдонимами «порядок», «стабильность», то теперь — в период тандема — то же большинство начало ощущать если не отрицательным феноменом, то, по крайней мере, как неопределённым, неудобным, бесперспективным существованием. Вершина таких настроений — выборы в декабре 2011 — марте 2012 и связанные с ними события, которые просто конденсировали в себе ощущение, условно говоря, несоветских людей.

Ф.Г.: *Но на митинги выходят и другие — те, кто хочет реставрации Советского Союза, для них что Гайдар, что Путин — одно и то же. И националисты, и те, кто хочет империю...*

Б.Д.: Конечно, я провокативно назвал их несоветскими людьми. Я бы предложил считать, что среди тех, кто выходил на Болотную площадь, на проспект Сахарова, на Манежку и на Поклонную гору (это всё разные собрания) — всё это те же атомы, но в другой комбинации, иной структуре. Тут вот что нужно отметить и понять: в том меньшинстве меньшинства (кстати, поддержанном тогда относительным большинством населения), которое вышло заявить, что недовольно происходящим и собирается отстаивать свои права в будущем, действительно были самые разные люди. Это не был средний класс, это не была только интеллигенция и это не была только молодёжь. Там были все — в разных пропорциях, — причём эти пропорции менялись от первых митингов к последним, вовлекая и те группы, которые раньше не были выпукло представлены. Во-первых, их объединяло общее недовольство властью и той системой, которая оказалась невыносимой. Во-вторых, идея честных выборов. Но я думаю, что дело здесь не просто в выборах, а в готовности к конкуренции и желании вернуть ее в политическую сферу хотя бы в виде механизма реальных вы-

боров. В-третьих, в этом было требование прозрачности — открытости власти, публичности, нормального демократического характера и в этом смысле — снижения её как бы сакральных претензий (пропаганда безальтернативности), мифологии уникальности, неповторимости путей России (пропаганда особенности). В-четвертых, что очень важно: это фактически был запрос на то, чтобы работали институты нормального современного общества. Чтобы работал суд, чтобы работала прокуратура, чтобы правоохранительные органы не были страшны населению, а помогали ему справиться с его страхами, чтобы работали институты образования.

Большинство вышедших на улицы и площади людей составляли отнюдь не самые молодые, а люди от 25 до 40 лет, у которых подрастают дети и которые, добившись чего-то сами, хотели бы понять, какие перспективы ждут их детей. Поэтому соединились заявка на институты, заявка на будущее и ценнейший и дефицитнейший капитал в российских условиях — готовность к солидарности. Вышли люди, готовые объединяться, невзирая на свои партийно-политические пристрастия. Конечно, националистам не нравилось, что они стоят рядом с либералами, а анархистам — что они идут рядом с коммунистами. Но они готовы были выносить это в определённых пределах, потому что очень понятно было, против чего они выступают. С позитивными требованиями было слабее, но против чего — было очень понятно, вот это и объединяло людей.

Поэтому в какой-то мере они несут в себе черты советского человека, но в них уже эти черты соединяются совершенно с другими явлениями, ориентациями, ценностями. Главными доминантами становятся именно ценности, которые, в свою очередь, перестраивают и значение советского. Тогда и получается, что кусочки смальты те же, но узор мозаики выкладывается совершенно другой, потому что им управляют другие ориентиры. У детей же этих людей, мне кажется, эти ценности сформируют совершенно иное представление о том, что власть должна служить народу, а не народ — обслуживать ее...

Ф.Г.: *То есть можно дать прогноз, что советское будет постепенно изживаться, несмотря на продолжающуюся пропаганду примирения с советским?*

Б.Д.: Я думаю, да. Во-первых, уже эпоха участников и современников практически ушла или вот-вот уйдет, время свидетелей тоже так или иначе в ближайшие годы истощится, дальше обычно наступает время мифологии,

но вряд ли мифологизация советского даст реальные шансы для политических, культурных, религиозных элит и сил их поддержки. Видимо, должен будет смениться весь ценностный рисунок, набор ценностных ориентиров. Будет ли это синтез общечеловеческого, западного, непонятной русской особенности, как именно создастся этот коктейль, кто его создаст, в каких формах — это дело ближайшего будущего. Но я думаю, что доля советской «водки» в нём будет уменьшаться.

Ф.Г.: *То, о чём мы говорим, является следствием пережитого тоталитарного периода, или всё-таки есть в этом и непонятное особо русское, перешедшее ещё со времён Российской империи или даже Ивана Грозного?*

Б.Д.: Вы имеете в виду властепочитание?

Ф.Г.: *И властепочитание, и «короткие перебежки», когда реформы проходят непонятно как, и принцип «царь хороший, бояре плохие».*

Б.Д.: Думаю, определяющим стал период тоталитаризма 1930-х — 50-х годов — причем само тогдашнее устройство власти, а не только ее персонификация в лице Сталина. Дело не в личности («культ личности»), а в системе институтов, которые тогда были созданы. Скорее всего, образец тех представлений о государстве, обществе, власти, семье, Западе, будущем вообрал в себя и какие-то наиболее архаические, устойчивые, глубокие и, что важно, плохо контролируемые индивидуально, не поддающиеся рефлексии элементы прошлого, еще дореволюционного опыта. Характерно, что эти элементы касались именно опорных, базовых институтов: власть, насилие, роль армии, ничтожество индивида в большой коллективности, двойное сознание, doublethink советского разлива. Мои коллеги и я считаем, что мы по-прежнему живём в тени, в полубломках, щелях и трещинах этого тоталитарного режима, к которым быстро, по мере возможностей, присоединяются какие-то элементы западного, либерального, восточного, евразийского, православного, а рядом — таких религиозных поисков в духе new age, которые, напротив, полностью отрицают православие. Из всего этого создана «временка», где мы существуем и где ведущая, опорная роль принадлежит тоталитарному порядку, его основному (прежде всего — силовому, причем закулисным, избегающим авансцен) институтам и представлениям.

Ф.Г.: *А можно сказать, что в других странах, которые имели опыт тоталитарного периода, конструкция современного мира держится не на обломках этого режима, а на чём-то другом?*

Б.Д.: Я думаю, что для многих стран этот процесс ещё не закончен, но принципиально вопрос решён — скажем, для стран Балтии. Опыт Японии, послевоенной Германии, даже более противоречивый опыт Италии и Испании, которые выходили из тоталитарных и авторитарных режимов, показывает, что выйти можно. Но нужна воля большинства, причём не просто в количественном отношении, а большинства тех людей, которые создают и транслируют представления, выносят решения, формируют отношение к происходящему, отвечают за деятельность СМИ, школы, за механизмы передачи культуры. Нужно изменение на всех уровнях социума и очень активная работа. Опыт Германии в этом плане особенно показателен, потому что просто можно видеть (и в специальных работах историков, социологов, политологов это показано), как год за годом элиты — политические, культурные, религиозные — включались в этот процесс и реформировали важнейшие институты общества. За 20 лет люди, которые ещё вчера говорили: фашизм — это, конечно, очень плохо, но посмотрите, сколько хорошего он сделал, — перестали так говорить. И когда порою молодые наци выходят с бритыми головами и со свастикой на рукаве, это — эксцессы, с которыми справляется социальный порядок.

Ф.Г.: *А у нас, получается, есть попытка выбора?*

Б.Д.: Именно попытка. Мне кажется, дело в том, что не сделан главный выбор. Ни элитами (большинством их), ни массами, ни теми людьми, которые задают повестку дня в массовых коммуникациях. И это стояние одной ногой там, а другой здесь, это постоянное мышление в двух разных кодах, которые противоречат друг другу, да ещё попытка, внешне приспособившись, себя и других обхитрить и выйти целым из этой ситуации, работает на увековечение советского, а не на его преодоление. Пока мы живём в стране, где люди говорят: ну, ничего, как-то жить можно, — вот до тех пор, пока основным критерием оценки будет не «чтобы лучше», а «лишь бы не хуже», боюсь, мы, даже не зная об этом, будем консервировать в себе советских людей.

По просьбе Фонда Егора Гайдара с Борисом Дубиним беседовал Кирилл Гликман. ■

У ЧЕРНОГО МОРЯ

о геополитике и геоэкономике большого Причерноморья

Алла ЯЗЬКОВА

Бурные события последних двух десятилетий привели к смещению многих мировых геополитических реалий. Тогда же на политической карте Европы вырисовался и регион Большого Причерноморья, ставший одним из проблемных центров европейской и мировой политики. До этого относительно спокойный и, в известной мере, периферийный, Черноморский регион сегодня стал перекрестком геополитического соперничества мировых держав, а число объединенных его рамками стран существенно возросло.

Достаточно упомянуть, что когда в 1990 г. тогдашний президент Турции Тургут Озал предложил программу взаимодействия и сотрудничества черноморских государств, их насчитывалось всего четыре — СССР, Турция, Румыния и Болгария. В 1992 году Договор о Черноморском экономическом сотрудничестве подписали уже 11 стран, а сегодня Организация Черноморского экономического сотрудничества насчитывает двенадцать членов и столько же стран-наблюдателей, в числе которых — Германия, Франция, США и ряд других государств.

Для Черноморского региона — в его широком понимании — издавна было характерно разнообразие цивилизаций, культур и религий. Всю долгую историю региона, его благосостояние, процветание или упадок определяли взаимоотношения между севером и югом, западом и востоком. Империи и цивилизации — Римская и Византийская, Российская и Османская — оставили свой неисчезающий след на берегах Черного моря. По Северному Причерноморью в древности был проложен Великий Шелковый путь из Китая на Кавказ и в Юго-Восточную Ев-

ропу, по которому шла активная торговля между Востоком и Западом.

Персидский залив и Ближний Восток сегодня находятся в эпицентре существующих или потенциальных вооруженных конфликтов. В отличие от них, расположенный между большим Ближним Востоком и Объединенной Европой, регион Большого Причерноморья, хотя и остается относительно стабильным, но уже испытывает на себе давление множественных внутренних и внешних угроз. Находясь на перекрестке между исламским миром, Россией и Европой, большинство стран Причерноморья выбирают европейский вектор внешней политики, но не могут до конца избавиться и от своей традиционной «евразийской» сущности.

Политическое противостояние в регионе существенно осложнилось после вторжения в черноморское геополитическое пространство крупных внешних игроков — прежде всего Соединенных Штатов и Евросоюза.

Согласно материалам проведенных в начале 2000-х годов слушаний в Конгрессе США, американским стратегическим интересам в странах Черноморско-Каспийского региона соответствуют: возможность доступа к альтернативным Персидскому заливу энергопоставкам из стран, не являющихся членами ОПЕК; установление связей со странами с преимущественно мусульманским населением в противовес радикальному исламу; поддержка независимости государств Южного Кавказа (и Причерноморья) и их продвижения по пути демократии. В принятых тогда же рекомендациях подчеркивалась необходимость наращивать дипломатические усилия и поощрять инвестиции,

с тем чтобы направить потоки каспийских энергоресурсов по но-вому стратегическому магистральному трубопроводу Баку — Тбилиси — Джейхан, тем самым ограничив транзит нефти через территории стран-конкурентов (России и Ирана).

Параллельно с этим формируется и стратегия постепенного внедрения в страны Причерноморья НАТО, непосредственно связанная с целями поддержания стабильности на трассе нефте- и газопроводов. В рамках недавно одобренной «Концепции стратегической безопасности» на Черное море предполагается распространить антитеррористическую программу «Активные усилия» с опорой на Турцию, Румынию и Болгарию — членов Альянса, а также Грузию и Украину.

Ещё в конце 2005 года были подписаны соглашения с Румынией и Болгарией о создании на их Черноморском побережье американских военно-морских баз, как было заявлено, «в целях поддержания коммуникаций с воинскими группировками в Ираке». На одной из них — в районе аэродрома близ Констанцы — размещена штаб-квартира Восточноевропейской оперативной группы Пентагона.

На этом пути Соединенные Штаты встречают противодействие не только России и Турции, использовавшей во время августовского конфликта 2008 г. свои права хранителя конвенции в Монтрё и не пропустившей в акваторию Черного моря крупнотоннажные американские крейсера, но и еще одной региональной державы — Ирана. Сегодня Иран серьезно рассматривает возможности масштабных инвестиций (по одному миллиарду долларов) в экономики Грузии и Армении. В этом случае он может получить рычаги не только экономического, но и политического влияния в регионе, что уже сейчас стало предметом достаточно явно выраженной озабоченности американской стороны.

Европейский Союз долго не проявлял интереса к Черноморскому региону; только в ноябре 1997 г. появился первый документ — «Заявление Еврокомиссии по региональному сотрудничеству в районе Черного моря». Далее были подписаны двусторонние соглашения о сотрудничестве ЕС с рядом причерноморских стран, и эти страны были включены в Европейскую политику соседства (ЕПС). А после вступления Румынии и Болгарии в ЕС (2007 г.) интерес Евросоюза к региону существенно повысился, были разработаны специальные проекты сотрудничества — «Черноморская Синергия» и «Восточное партнерство».

Упомянутые проекты не могли не привлечь внимания Организации Черноморского экономического сотрудничества, предложившей Евросоюзу сотрудничество в

рамках совместных действий, преимущественно в экономической сфере, но только в том случае, если бы ей была предложена роль равноправного *партнера*, а не *объекта* региональной политики ЕС. Впоследствии — не без труда — был достигнут компромисс: взаимное одобрение конкретных проектов, преимущественно в экономической сфере. Однако принятие программы «Восточное партнерство» вновь притормозило развитие сотрудничества, исключив Россию из сферы регионального взаимодействия.

Поддержанное Экономической Комиссией ООН для Европы и другими международными организациями, сотрудничество стран Причерноморья способствует решению ряда практических проблем: реализации энергетических и транспортных проектов, развитию малого и среднего бизнеса. В настоящее время Евросоюз участвует в делах Черноморского региона посредством финансирования ряда региональных программ. Но экономическое значение Черноморского региона определяется прежде всего его *ролью транспортного плацдарма* — наличием альтернативных (и наиболее выгодных) маршрутов поставок энергоносителей и транспортных коридоров, соединяющих Европу и Азию. Внимание ЕС все более привлекают и растущие рынки стран, расположенных в регионе. Не случайным поэтому стало принятие в январе 2011 г. «Черноморской стратегии» Евросоюза, в которой Черное море было объявлено «частично европейским внутренним морем и географически преимущественно европейским».

Государства Большого Причерноморья, испытывающие на себе давление нестабильных районов Ближнего и Среднего Востока и пока еще не готовые к полноценной интеграции в Европу, несомненно, нуждаются в поддержке. В то же время и самим этим странам есть что предложить объединенной Европе. Это и более чем обширный рынок, в котором спрос далеко отстает от предложения, и рынок рабочей силы, как квалифицированной, так и неквалифицированной. Не говоря уже о том, что регион — в его широком понимании — обладает вторыми в мире запасами нефти и газа, пока еще неразработанными запасами цветных металлов и минералов.

Чрезвычайно важным сегодня представляется учет специфики интересов и позиций каждой из стран Причерноморья. Наиболее крупными региональными «игроками» остаются Турция и Россия.

Будучи инициатором и сторонником сотрудничества стран Причерноморья, Турция стремится использовать фактор исторической общности с ними для укрепления доверия и формирования добрососедских отношений, хотя это не всегда удается, что очевидно на примере нынешнего состояния турецко-армянских отношений.

Интересен заявленный турецкими политиками подход к формированию системы сотрудничества стран Южного Кавказа и урегулирования региональных конфликтов путем последовательного решения проблем и поиска компромиссных вариантов.

Неизменное направление черноморской политики Турции — сохранение регионального баланса военно-морских сил и поддержка потенциала черноморской группировки оперативного взаимодействия, в которую входят шесть прибрежных государств: Россия, Болгария, Грузия, Румыния, Турция и Украина.

На протяжении многих десятилетий гарантом стабильности на Черном море был и остается заключенный в 1936 году в Монре́е Договор о статусе черноморских проливов, хранителем которого является Турция. Как представляется, Анкара озабочена тем, что настойчивость США (кстати, не являющихся участником Договора) может привести к возобновлению дискуссий о пересмотре его статьи, ограничивающей тоннаж и сроки пребывания в акватории Черного моря иностранных военных судов.

Нельзя не упомянуть и Украину — одну из важнейших черноморских стран, располагающей наиболее протяженной береговой линией. Военно-морские силы Украины базируются в Севастополе совместно с Черноморским флотом России, что на протяжении ряда лет, вплоть до подписания российско-украинского договора, создавало напряженность в российско-украинских отношениях. В мае 2011 года впервые за восемь лет были организованы совместные украинско-российские военно-морские учения «Фарватер мира–2011», в которых приняли участие боевые корабли, самолеты и вертолеты, береговая бронетехника, а также подразделения морской пехоты.

Тем не менее, нельзя, не учитывать и того, что после распада СССР военно-морские силы России и Украины сокращались и деградировали, в то время как Турция стала обладателем самого крупного и боеспособного на Черном море военно-морского флота.

Россия и Причерноморье — это обширная и пока еще недостаточно разработанная тема. На протяжении веков борьба за выход через Черное море в Средиземноморье и далее к теплым морям и в Мировой Океан была магистральной линией российской внешней политики. В XVIII–XIX веках это повлекло за собой серию русско-турецких войн, завершившихся территориальными разграничениями на основе договоров между Российской и Османской империями, а после Первой мировой войны — Версальской системы мирных договоров. В целом это заложило основы согласованной черноморской политики России и Турции, несмотря на последующий, не всегда ровный характер их взаимоотношений.

После распада Советского Союза Россия сохранила за собой лишь незначительную часть Черноморского побережья («от Адлера до Анапы») и единственный полноценный черноморский порт в Новороссийске.

В то же время основанный в Севастополе еще в XVIII веке (1783 год) российский Черноморский флот базируется там же, но уже на основании договоренности с Украиной.

Сегодня для России становится все более важной разработка на южном направлении сбалансированного стратегического курса, основанного на учете реалий экономики и политики других стран Большого Причерноморья и внешних игроков.

Сотрудничество России как крупной европейской державы с региональными, европейскими и евроатлантическими партнерами существенно важно для поддержания стабильности в Большом Причерноморье.

Таким образом, нынешнее геополитическое положение Причерноморья остается подвижным, неопределенным, что дает возможность рассматривать его извне как «фронт» — «пограничье», регион, которому присуще состояние *«имманентной нестабильности»*, порождаемой принципиальным несовпадением интересов и усиливающимся противостоянием внутренних и внешних сил. Этому способствует ставшее в последние годы заметным ослабление региональной активности России на фоне усиления позиций США и НАТО.

Чем же, в конечном итоге, станет Большое Причерноморье — сферой регионального сотрудничества или ареной противоборства внутренних и внешних сил? Чье присутствие в акватории Черного моря будет в ближайшие десятилетия доминирующим?

Ответы на эти вопросы пока не найдены, и ситуацию трудно прогнозировать, если вспомнить стремительное развитие событий на протяжении последних десятилетий. Тем не менее, нельзя, не заметить, что ключевым компонентом стратегии стабильности должно стать встречное движение России и ее европейских и евроатлантических партнеров, равно как и уважение законных интересов всех государств региона. Если же сегодня не будут приняты соответствующие решения, то угроза дестабилизации на долгие годы станет реальным фактором развития Черноморского региона. ■

Язькова Алла Алексеевна

доктор исторических наук, профессор,
руководитель Центра Средиземноморье-Черноморье
Института Ев-ропы РАН

Современная политика ЕС и США на Южном Кавказе и в Большом Причерноморье

Н.А. ГЕГЕЛАШВИЛИ

В последнее время на фоне вялотекущей политики США на Южном Кавказе и в Центральной Азии заметно активизировалась политика ЕС в Большом Черноморско-Каспийском регионе.

Отношение ЕС к двум ключевым составляющим региона — Южному Кавказу и Каспию — различно. Программа «Восточное партнерство», охватывающая шесть постсоветских стран (Грузию, Украину, Азербайджан, Молдову, Армению и Беларусь), с самого начала предполагала тесное сотрудничество Европейского Союза с этими странами на всех уровнях, с учетом их исторических и культурных особенностей, которые казались европейцам менее специфичными, а значит более близкими в сравнении с центральноазиатскими республиками.

В рамках двустороннего формата «Восточного партнерства» все три страны Южного Кавказа проводят активные переговоры с ЕС по заключению соглашений об ассоциации, которое должно прийти на смену подписанному еще в 1996 г. соглашениям о партнерстве и сотрудничестве. Эти соглашения охватывают более широкий спектр вопросов и призваны стать новой правовой основой во взаимоотношениях между странами Южного Кавказа и Брюсселем. Характерно, что уже в декабре 2011 г. Совет министров ЕС выдал мандат на начало переговоров с Азербайджаном и Арменией по вопросам визового режима. Что же касается Грузии, то она оказалась первой страной Южного Кавказа, в которой с 1 марта 2011 г. вступил в силу упрощенный визовый режим с ЕС.

Содействие ЕС развитию стран Центральной Азии основывается на двух главных документах: Страте-

гия ЕС по Центральной Азии на период 2007–2013 гг. и относящаяся к данной Стратегии долгосрочная Индикативная программа. Несмотря на официальные заявления, призывающие центрально-азиатские страны к разностороннему сотрудничеству с ЕС, оно в основном коснулось энергетической сферы и строилось исключительно исходя из европейских прагматических интересов.

События последних лет актуализировали вопрос о сокращении зависимости ЕС от арабской нефти, поэтому наиболее реальной перспективой для Европы в настоящее время являются энергоресурсы Каспия. Европейский Союз, заинтересованный в диверсификации источников энергоносителей и путей их транспортировки в Европу, выступает за строительство новых трубопроводов из бассейна Каспийского моря в обход России. К тому же после расширения в 2004 и 2007 годах ЕС географически стал ближе к Центральной Азии, что должно было, по мнению Брюсселя, способствовать укреплению отношений ЕС со странами Центральной Азии. Это и явилось началом качественно новых взаимоотношений ЕС с данным регионом: теперь политика Брюсселя содержала, помимо энергетической, также и политическую составляющую. Однако последняя задача — не из легких, и, понимая это, Брюссель продолжает делать ставку на энергетику, оставляя политическую составляющую далеко позади, фактически на уровне деклараций.

Все страны как Южного Кавказа, так и Центральной Азии подписали с ЕС меморандум о взаимопонимании в области энергетики, призванный сократить зависимость

ЕС от российских ресурсов за счет поставок с месторождений в Каспийском море.

За последние несколько лет расширилось сотрудничество между прикаспийскими странами и ЕС, которое было отмечено рядом энергично осуществляемых и поддерживаемых ЕС инициатив по транспортировке каспийской нефти и газа по трубопроводам в западном направлении в обход России.

7 мая 2009 года в Праге — столице председательствовавшей в Евросоюзе на тот момент Чехии — завершился учредительный саммит Евросоюза: «Восточное партнерство», на котором обсуждались вопросы, связанные как с энергетической безопасностью, так и со строительством газопровода Nabucco и его ключевого сегмента — Прикаспийского трубопровода.

А буквально на следующий день, 8 мая 2009 г., в той же Праге был проведен очередной энергетический саммит «Южный коридор — новый Шелковый путь», итогом которого должно было стать принятие совместной декларации о реализации проекта ЕС «Южный коридор»¹. Данная декларация предусматривала разработку единой стратегии, включавшей в себя обязательства каждой из стран-участниц, а также четкий временной график. Первый этап предусматривал строительство газопровода Nabucco, который, согласно прогнозам, должен поставлять до 31 миллиарда кубометров каспийского газа в год, а также завершение строительства газопровода ITGI, проектная мощность которого должна составить 11 миллиардов кубометров в год.

Реализация этого проекта призвана обеспечить страны Каспийского региона возможностью транспортировать и продавать свои энергоносители напрямую в ЕС в обход России. Таким образом, главной задачей саммита стало четко озвученное намерение его участников установить прямое сообщение между двумя берегами Каспийского моря путем создания стратегических инфраструктурных проектов. Несмотря на то что Казахстан и Туркменистан не подписали итоговую декларацию, а также в связи с отсутствием окончательного соглашения

¹ Южный газовый коридор включает в себя проекты газопроводов Nabucco (Азербайджан-Турция-Австрия), ITGI (Турция - Греция - Италия), «White Stream» (по дну Чёрного моря из Батуми на Украину) и TAP (Трансадриатический газопровод). Этот проект назван в числе приоритетных в Европейском плане действий по энергетической безопасности, одобренном Еврокомиссией в 2008 году. Кандидатами на участие в этом проекте названы такие страны, как Азербайджан, Туркмения, Казахстан, Грузия, Турция, Египет, Ирак. Кроме того, Еврокомиссия в качестве потенциальных участников проекта рассматривает Иран и Узбекистан, однако считает, что для этого в обеих странах должны «сложиться соответствующие политические реалии».

по условиям транзита газа с Турцией², данный саммит явился еще одним шагом на пути продвижения проекта Nabucco, хотя бы потому, что подписантами этой декларации стали главы стран, по которым должен пройти закавказский участок трубы — Азербайджан и Грузия. Ждать окончательного результата оказалось недолго. Застопорившееся соглашение с Турцией о транзите газа было достигнуто 13 июля 2009 года в Анкаре, где прошла торжественная церемония подписания межправительственного соглашения по проекту Nabucco между Турцией и четырьмя странами — членами ЕС: Болгарией, Румынией, Венгрией и Австрией. Это явилось серьезным прорывом в области реализации все еще зыбкого проекта Nabucco.

Однако если Турция является ключевым игроком проекта «Южный газовый коридор», куда поступают энергоресурсы ключевых прикаспийских стран для выхода на европейские рынки, то Азербайджан является основным «собирателем» каспийского нефтяного золота. Таким образом, в настоящее время как у Анкары, так и у Баку имеются реальные шансы на роль ключевых игроков. Это в полной мере осознают и страны ЕС, и Россия, и США.

В контексте реализуемых ЕС энергетических проектов важным фактором становится установления более тесного сотрудничества стран, участвующих в том или ином проекте. В настоящее время как Баку, так и Стамбул, признавая свои ключевые позиции в регионе, активно осуществляют двустороннее сотрудничество, таким образом как бы подготавливая готовую площадку для запуска европейских проектов.

25 октября 2011 г. президентом Азербайджана И. Алиевым и премьер-министром Турции Эрдоганом в турецком городе Измире было подписано межправительственное соглашение по транзиту азербайджанского газа по территории Турции, а также соглашение по продаже газа Турции со второй стадии разработки месторождения «Шахдениз», к реализации которого планируется приступить в 2016 году. Согласно заявлению, сделанному официальным представителем BP-Azerbaijan, «успешное подписание газовых соглашений окажет поддержку продвижению проекта «Шахдениз-2» и обеспечит реализацию Южного газового коридора, что будет способствовать превращению Турции в энергетический узел для снабжения Европы»³.

² За участие в данном проекте Турция потребовала предоставлять ей 15% всего газа, предназначенного для Nabucco, по заниженным ценам для внутреннего потребления, что в целом делало данный проект бессмысленным.

³ www.azebaijan.gov

Таким образом, после длительных переговоров между обеими странами Анкара подписала долгосрочное соглашение с Баку о поставках природного газа, закрепив все достигнутые договоренности на юго-западе Каспийского моря. Это соглашение открывает путь для реализации проекта «Южный коридор», и в первую очередь Транскаспиского газопровода, являющегося одним из ключевых сегментов Nabucco.

Все это позволит Азербайджану играть ведущую роль в реализации проекта «Южный коридор» и максимально способствовать превращению Баку наряду со Стамбулом в энергетический узловой центр. Ясно одно: с учетом усиления роли южнокавказской транспортной артерии, которую она играет в реализации европейских энергетических проектов, Азербайджан, и в еще большей степени Турция неизбежно будут выдвигать свои условия и требования, которые ЕС игнорировать не сможет. Бесспорно, это скажется на усилении позиций обеих стран и сможет привести к серьезным сдвигам в мировой геополитике.

Таким образом, в настоящее время Азербайджан совместно со Стамбулом подготовили правовую и практическую основу для осуществления плана действий, разработанного ЕС — главного проводника и основного архитектора «дорожной карты», согласно которой действуют те страны, которые выразили желание примкнуть к созданию общей инфраструктуры для транспортировки своих ресурсов в западном направлении в обход России.

Со своей стороны ЕС, осознав значение прикаспийских стран как на энергетическом рынке, так и в области реализации своих энергетических проектов, начал предоставлять им большую самостоятельность при решении вопросов, без которых реализация европейских энергетических проектов была бы невозможна. Это может быть обусловлено тем, что ЕС, осознавая в полной мере растущие требования этих стран при реализации европейских проектов, пытается «упредить» удар, предоставляя им умеренное поле для маневрирования.

По итогам визита в Баку председателя Еврокомиссии Жозе Мануэля Баррозу, состоявшегося 13 января 2011 г., в рамках программы ЕС «Восточное партнерство» была подписана совместная декларация по газопроводу «Южный коридор», обеспечивающего диверсификацию поставок энергоресурсов в Европу. Это стало первым конкретным обязательством Азербайджана поставлять газ в Европу. Декларация призвана обеспечить прямой доступ Европы к газу из Каспийского бассейна и усилить энергетическую безопасность европейских потребителей и бизнеса. Также был подписан и ряд других документов. Среди них: «Меморандум о взаимопонимании между Азербайджанской Республикой и Еврокомиссией о Национальной индикативной программе на 2011–2013 годы» и «Меморандум о взаимопонимании между Азербайджанской Республикой и Еврокомиссией по рамочному документу всесторонней институциональной созидательной программы»⁴.

⁴ Ibid

Следующий визит главы Еврокомиссии и еврокомиссара Оттингера в Баку, а заодно и в Ашхабад, с учетом того значения, которое может иметь Туркмения для заполнения газом европейских газопроводов, состоялся спустя несколько месяцев после визита председателя Еврокомиссии - 12 сентября 2011 года. Его итогом стало утверждение Евросоюзом мандата Еврокомиссии на ведение переговоров с Азербайджаном и Туркменией об определении правовой базы Транскаспийского газопровода, который должен стать частью проекта Nabucco и соединить Туркмению и Азербайджан по дну Каспия в рамках Южного энергетического коридора. Таким образом, по маршруту Тенгиз (Казахстан) — Туркменбаши (Туркмения) — Баку (Азербайджан) — Тбилиси (Грузия) — Эрзерум (Турция) планируется ежегодно транспортировать 20–30 млрд куб. м газа. Стоимость проекта оценивается в 7,9 млрд евро. Соглашение между Европейским Союзом, Азербайджаном и Туркменистаном относительно проекта Транскаспийского газопровода закладывает основу для строительства инфраструктуры, способной обеспечить транспортировку природного газа из Туркмении через Каспийское море. Показательно, что это стало первым оперативным решением в рамках единой внешней энергетической стратегии ЕС относительно создания инфраструктурного проекта в третьих государствах, которое будут вырабатывать не отдельные страны сообщества, а Еврокомиссия — от имени всех 27 стран — членов ЕС.

Последовательность действий такова, что на начальном этапе ЕС, с учетом геополитических, энергетических и культурных характеристик той или иной страны (региона), определяет регион, подходящий для реализации энергетических проектов, затем подводит законодательную базу, призванную стать политической составляющей, и уже на последнем этапе начинает реализацию своих проектов. При этом ЕС обходит стороной такую взрывоопасную проблему, как урегулирование конфликтов, осознавая тот факт, что военные механизмы по решению последней имеются у НАТО, а не у ЕС.

В последние годы Европейский Союз активизировал свое присутствие на Черном море. Черное море, как и регион в целом, рассматривается ЕС как «мост» между Европой и Каспийским регионом, богатым углеводородами. Важен Черноморский регион и в связи с контролем над ключевыми транспортными путями, трубопроводами, что напрямую связано с энергетической безопасностью.

Последний прорыв ЕС на этом направлении — принятие резолюции Европарламента от 20 января 2011 года «О стратегии ЕС по Черному морю», которая призывает ЕС разработать комплексную и всеобъемлющую страте-

гию для Черноморского региона с целью разрешения существующих проблем и обеспечения стабильности, безопасности, демократии и процветания в регионе. Особо следует выделить положение о том, что «Черноморский регион имеет стратегическое значение для ЕС, и в связи с тем, что Черное море частично является внутренним морем для ЕС, а с географической точки зрения и европейским морем, у ЕС и стран региона имеется ряд общих задач, требующих совместного решения»⁵. Показательно, что эту инициативу поддержала Турция, все три страны Южного Кавказа, а также Украина и Молдова.

На фоне резкой активизации политики ЕС в Большом Черноморско-Каспийском регионе политика США по отношению к Южному Кавказу и странам Центральной Азии за последние два года характеризуется некоторым ослаблением: Вашингтон как бы отошел в сторону, предоставив ЕС карт-бланш.

Эта позиция объясняется рядом факторов, и в первую очередь стремлением США придерживаться более умеренного подхода в результате острейшего финансового кризиса, последствия которого все еще продолжают. Во-вторых, Вашингтон осознал тот факт, что главными потребителями энергоресурсов этого региона являются Китай, Индия, Европа, а вовсе не США. В-третьих, с учетом крайне неэффективной «перезагрузки» российско-американских отношений Вашингтону рано или поздно придется выбирать между Россией и Грузией, исходя из чисто прагматических соображений, хотя однозначного выбора в этой ситуации быть не может. Конечно, Вашингтону льстит тот факт, что Грузия за относительно короткий промежуток времени сумела превратиться в «колот демократии», а ее молодое поколение — в истинных Yаррі. Однако в условиях тотального финансового дефицита на первый план выступают соображения прагматического характера. И главное из них — то, что интересы Вашингтона на Южном Кавказе стали приобретать более размытые очертания; продолжать же игнорировать Россию просто не представляется возможным. К тому же активно осуществляемое двустороннее сотрудничество между Турцией и Азербайджаном, с учетом их роли в регионе, может способствовать их большей самостоятельности при выборе того или иного проекта. В этой ситуации представляется, что в настоящее время главный интерес Вашингтона в этом регионе сводится к поиску плацдарма для своего военного присутствия на Южном Кавказе — в случае нанесения ударов по Ирану. Обеспечение безопасности — первостепенная задача для США, а в нынешней ситуации она считается самой

⁵ <http://www.blackseanews.net/read/9668>

актуальной. Этим в какой-то степени объясняется растущая поддержка со стороны некоторых правящих кругов США и сенаторов-республиканцев в обновленном Конгрессе — Джона Маккейна, Джо Либермана, Ричарда Лугара, Джона Кила — направленная на восстановление военно-технического сотрудничества с Грузией, которое практически не развивалось после грузино-российского конфликта 2008 года. В своем февральском послании 2011 г. к министру обороны США Роберту Гейтсу, все четверо вышеназванных сенатора призвали администрацию Обамы разместить радиолокационную станцию системы противоракетной обороны ТРУ-2 на территории Грузии, однако это американским президентом было проигнорировано. В целом же Южный Кавказ становится стратегически важным для США регионом — и прежде всего в связи с развитиями событий на Ближнем Востоке (в частности, в Иране), а также своей коммуникационной составляющей, ведущей в Афганистан и Азию.

К тому же сегодня предельно ясно и то, что в декларации, принятой на Лиссабонском саммите НАТО, подход к Грузии остается всего лишь на уровне обещаний — практические же результаты будут зависеть от позиции России. Уступки со стороны Москвы будут определяться целым рядом факторов: отношениями между НАТО и Россией, внутренней российской политикой, а также тем курсом, который изберет Тбилиси в отношении Москвы. Таким образом, похоже, что процесс расширения НАТО на Восток временно подвешен: и объясняется это тем, что главный интерес НАТО направлен на урегулирование ситуации в Ливии, Сирии и в Иране, а проблема, связанная с решением внутренних конфликтов на Южном Кавказе, отошла на задний план.

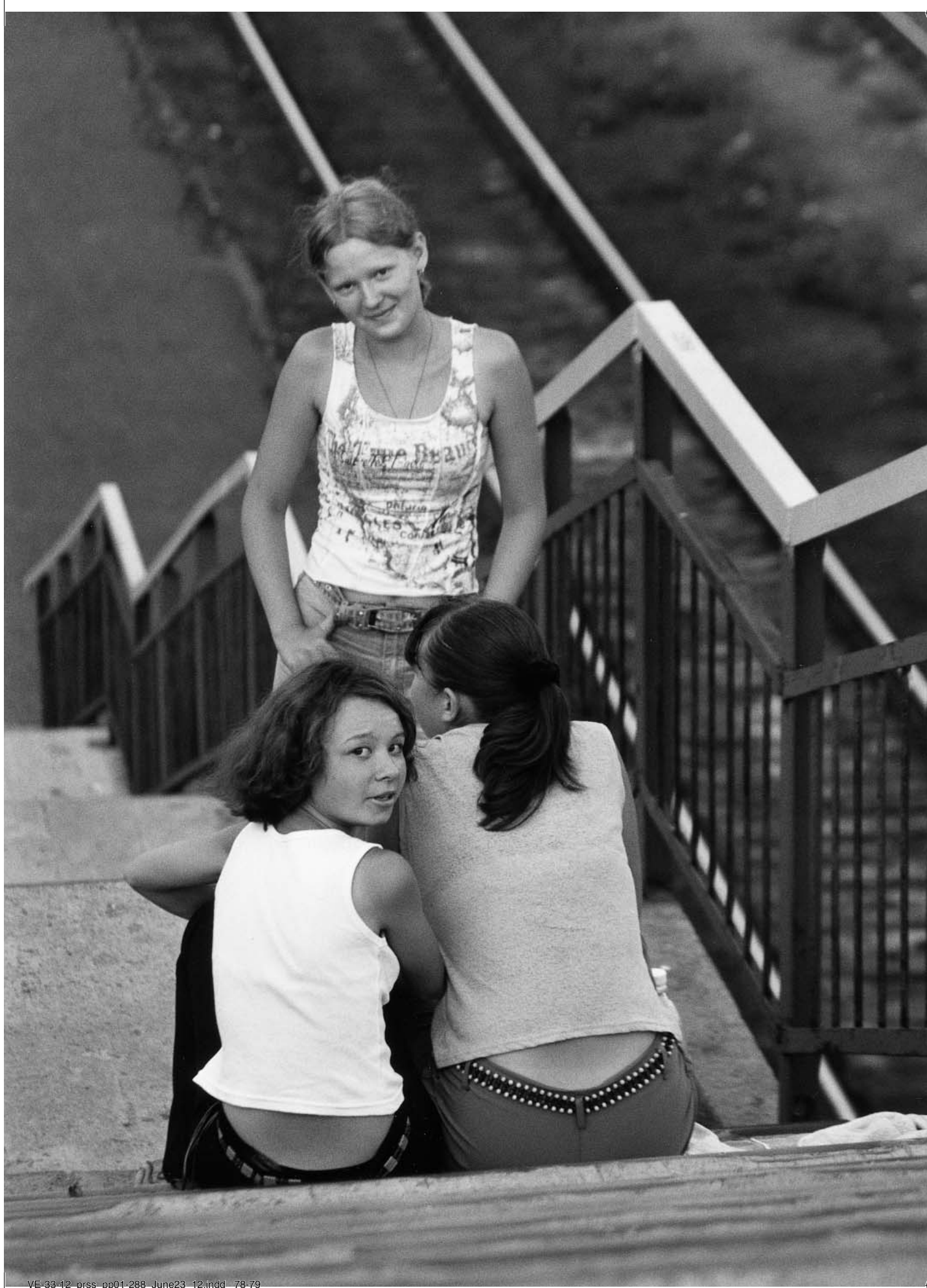
Это перекликается с выводами, сделанными авторами рабочего доклада «В поисках ответа на дефицит безопасности на Южном Кавказе», подготовленного для европейского исследовательского центра FRIDE в Мадриде

о том, что «в США видят острую необходимость в пересмотре политики в отношении Южного Кавказа. Это объясняется изменением политического расклада в Вашингтоне после промежуточных выборов в Конгресс США и сомнениями в способности политики «перезагрузки» обеспечить безопасность в Евразии. Однако, по их мнению, политика США при президенте Обаме кажется более разборчивой, чем при его предшественнике Джордже Буше, который придавал слишком большое значение Грузии как «светочу демократии», поэтому Америка, оставаясь ключевым игроком в регионе, не желает заполнять вакуум в безопасности, вызванный ослаблением позиций ОБСЕ и НАТО в регионе»⁶.

Похоже, что в настоящее время США стоят перед необходимостью пересмотра своих подходов к постсоветскому пространству и, судя по всему, не хотят создавать дополнительное напряжение в отношениях между Москвой и Вашингтоном. Похоже, они пытаются найти баланс между продвижением демократии, что традиционно является частью внешней политики США, и теми реалиями, которые диктуются нынешним временем. Насколько это удастся Вашингтону, не в последнюю очередь будет зависеть и от России, от ее взвешенной и прагматичной позиции по отношению к США

Исходя из вышеизложенного, представляется, что заметная активизация Европейского Союза в Большом Черноморско-Каспийском регионе на фоне ослабления американских позиций, в первую очередь, связана с более конкретными целями ЕС в регионе, главным образом энергетического характера. Что же касается США, то они слегка отошли в сторону под грузом собственных накопившихся проблем долгосрочного характера. С учетом этого цели и задачи Вашингтона в регионе стали менее выпуклыми. Похоже, у американской администрации нет четких представлений о том, что является главным, а что — второстепенным в Большом Черноморско-Кавказском регионе. ■

⁶ Jos Boonstra and Neil Melvin. Changing the South Caucasus Security Deficit. Fride. A European Think Tank for Global Action Working Paper, February 2011.

Муром, Россия. 2003. Фото: Александр Газин-Радно

Дневник поэта

Татьяна ЩЕРБИНА

2009-й

Пока доллар не грянет,
евро не перекрестится,
сорван вентиль в Иране,
северокорейская околесица
переносится как свиной грипп,
небесные колесницы RIP.
Слишком часто: «покойся с миром» —
стали мой вздох и вскрик.
Ирак оголился. Знаем, что он не дама,
но панцирь прилипший,
как платье, сорвал Обама.
В черном теле с прорезями для глаз
держат женщин — Майкл Джексон
принял ислам как раз,
умер отбеленным и искромсанным.
В нулевых — удаленные даты,
искрометными были восьмидесятые,
теперь Мэдофу-москье-мошеннику
полтора года лет жизни назначил суд,
дав по ошейнику.
А исламские проводки ползут,
подключаясь к приборам.
Мир не знает, в котором
вместо сердца — жуть,
мегагерц стучит мегабайт в секунду,
не дает уснуть.
июль 2009

ПОЛЮСНОЕ

Почему мозги у всех оторожены?
Потому что каждые тридцать лет
снежинки впитываются в кожу:
такие холодные, что скрипит скелет.

В Африку небо сыпает огарки —
полюс женья. Палёные паруса
собирают свои подарки.
Жизнь средиземна, должны быть и полюса.
Говорите, глобальное потепление?
Хрен с ней, с Гренландией, я только за,
мне эта крашенная нототения
по имени семга не нужна за глаза.

Пусть будут устрицы, море докатится
до берегов удивленной Москвы,
где может так всё загондураситься,
что не снести ледяной головы.
С температурного перепада
(сердце горячее) мы и живем.
Тысячелетняя модерниада.
Съезд, ледоруб, мордой в снег и подъем.
21 декабря 2009

Татьяна Щербина. Москва. 2008. Фото: Александр Газин-Радно

ВОКЗАЛЬНОЕ

На вокзале почему-то очень холодно,
очень холодно встречать и провожать.
В свитерочке в минус десять жарко — молоды
мышцы, железы, железная кровать —
тут единственная старая послушница,
вздохом скрипочки пружинный перебор
под прилипчивых Никитиных закружится,
все же сдюжив под Высоцкого напор.
И никто не убывает из истории,
и приезжих не бывает — все свои,
неприлично, коль напишешь на заборе,
хоть и там он, вечный двигатель, внутри.
На вокзале в пасть дракона-поглотителя
отправляется Шумер (никнейм Ирак),
бывший первой наших пращуров обителем,
а за ним Египет пятится как рак.
Ну и мы, такие ж древние, усталые,
завоеванные помесью атак
всех микробов-колдунов, свою валгаллу
заслужили, но и там, и там бардак.
2011

Маленький огонек,
что ты горишь, горишь?
Силы в тебе с пенек,
сам ты похож на шиш.
Заросли тел вокруг,
не остается след,
носятся чих и пук,
ты все роняешь свет,
маленький огонек,
там, где стеной огня
маетный рагнарёк
допекает меня.
июль 2011

ГАГАРИН

У СССР был Гагарин,
потом сверхчеловек разбился,
разбилась и сверхдержава,
замечталось о частной спокойной жизни.
Гагарин первым соскочил с Земли,
тогда не знали, что бежать некуда.
Некуда бежать: везде горячие точки,
раскаленные звезды, ледяные планеты,
в космосе тоже забивают камнями.
Мир оптических иллюзий пришел к дефолту.
Гагарин не встретил на орбите Бога,
Так и сказал, нет его, надеялся, значит, что есть —
почему-то тогда была эйфория
от мысли, что мы произошли из бактерий,
случайно самозародились во Вселенной,
состоящей из утопий научной фантастики.
Космос оказался чужим, потому воскресили Бога
и закопали сверхчеловека.
Первый в космосе вбил последний гвоздь
в долгую романтическую историю,
за которую теперь многие
отдали бы свои трезвые головы.

В Лондоне поставили памятник Гагарину.
Возник вопрос: каким лицом торговать России,
коих у нее полные чемоданы?
Львом Толстым? Так у всех есть свои Шекспиров
и свои одноглазые полководцы
и другие предшественники деградации,
но только один откупорил Землю,
и люди всё мельче и мельче,
почти что бактерии,
поскольку видят себя из космоса,
по-другому уже не могут.
август 2011

Татьяна ЩЕРБИНА

ПОПКА — НЕ ДУРАК

На митинге 24 декабря я получила крещение простудой, она так и не проходит, будто организм хочет отделиться от политики мантрой «начхать», а заместителям январской пурги — волшебнику Чурову и вояке Чаплину — шлет «кхе-кхе». Пурга там беспросветная, а московская погода, напротив, — ясная, тепло и сыро, будто уже наступило 5 марта, когда — в день смерти Сталина — посчитают или нарисуют президентские голоса, тем самым в который раз похоронив или воскресив злодея раздора. А я разберу, как обычно, новогоднюю елку, потому что запахнет весной, что бы там ни было. В этом году специально купила немигающую гирлянду, чтоб зимнее утешение не мерцало, не подмаргивало, а светило без обиняков.

Вот же как хорошо, что я неВРПЩерковленная христианка, а то бы пришлось смущаться призывам Чаплина к оружию («Во всех тех местах, где люди озабочены опасностью цветных экспериментов над теми или иными народами, Россия вполне может присутствовать, в том числе военным образом, полномасштабно, даже если это будет означать участие в боевых действиях»), да и тем знаменитым высказыванием Патриарха после 24 сентября о «нравственной передаче власти». Впрочем, нравственность как раз в тот день и проснулась: «хватит нас держать за идиотов», подумало убывающее население, каждый про себя, а потом вышло на площадь и громко сказало: хватит! Новый год я встречала за городом, и ВРПЩерковленный приятель, с которым мы рядом стояли на проспекте Сахарова, говорил, что ничего не знает ни про какие высказывания, а добила я его своим заявлением, что Новый год для меня и есть Рождество. Потому что он 2012-й от Рождества Христова. Потому что цифра меняется в день рождения (условный, в данном случае — точная дата неизвестна). С тем, что одни празднуют его до, другие (мы) — после, я согласна, но тогда объясните, что за 2012-й настал 1 января. «Это просто цифры», — сказал приятель. А уж в цифровой-то век мы не можем не знать, что цифры — универсальный код.

2012-й, в отличие от предыдущей дюжины лет, когда ждали новых взрывов, убийств и катастроф, встретили с воодушевлением. Год «конца света» никого не напугал, но декабрьская эйфория сменилась в январе головной болью: переговоры — с кем и о чем, революция — какая и зачем, Навальный-Антинаваальный? В общем, пурги намело и тут. Под звон бокалов все прощались с Путиным — снисходительно и вскользь, как Дима Быков (он — вчерашний день, даже если..., его уж нет, не о чем говорить) или «с песней»: клипом «Прощай, пиздобол!», веселившим фейсбук. Нацлидеру вернулся бумеранг, вспомнить хоть «Юру музыканта», а хамство его всяко войдет в историю. И вот сегодня, в программе радио Би-би-си (к счастью, уже не того, где «Молчит товарищ Гольдберг, не слышно Би-би-си, и только песня Сольвейг...»), где я была гостем (из дома по телефону, с носовым платочком наготове), послушала, что говорили люди, звонившие в студию. Все они «хотели перемен», но все как один боялись. «Нет лидера, который повел бы за собой», «Оппозиция не едина, там много разных идей — как знать, какая лучше?». У крепостного народа, которому так и не довелось освоить плодородные земли свободы/ответственности/собственности/выбора, в сознании застряла модель абсолютной неконституционной монархии. Чтоб был один, ведущий за собой — вождь, и чтоб всё изменилось, но само, без нашего участия, поскольку любые перемены — к худшему. Путин плох, но где гарантия, что другой не будет хуже?

Демократические страны от этой муки себя избавили — там сменяемость власти. Сегодня левый, завтра правый, и каждый житель знает, что через 4-5 лет дождется своего кандидата. Согласна, что сейчас и эта модель в кризисе. Альтернатива — Северная Корея, Африка и Беларусь с присосавшимся к власти Лукашенко (поначалу тоже казалось, что пусть будет, ничего страшного, но там всё страшнее и страшнее). Привыкшие к вечным

правителям арабы, и те взбунтовались — не приведи Господь, конечно, но это ответ на сорок лет единоличного правления, понятно, что эхо Французской революции скоро докатится и до изолированных чучхе. В прозрачном мире — с интернетом и видеокамерами — узурпаторам не выжить.

У нас свои страхи. Свергнув абсолютную монархию, революционеры 1917-го построили худшую, даже крепостное право вернули, а царская охранка, над которой так любили измываться в XIX веке, превратилась в чекистскую машину смерти. Машина никуда не делась, только теперь вместо крови питается нефтью. Если начать эту машину разбирать по частям, ценой опять будет кровь. Она и сама крови боится, поэтому волшебник Чуров исполняет комическую роль пурги, говоря, например, что «премьер не состоит на государственной службе»: по Конституции он должен уйти в отставку сразу же после регистрации кандидатом в президенты. Но любое движение главного чекиста — конец машине, кооперативу «Озеро», озеру Байкал (финансгрупп), и вождь вынужден продолжать сидеть в позе лотоса, в надежде, что само рассосется: большая война, скажем, по упованиям Чаплина, которая все спишет. Хотя именно война 1914-го и обеспечила большевистскую революцию. Но пока задача — остаться на четвертый фактически срок: четыре года вторым лицом в государстве — это как если в США побыть вице-президентом после восьми лет президентства и опять баллотироваться, заранее увеличив себе лимит неприкосновенности до шести лет, а там и до пожизненного. Ведь и Навального почему так пристально изучают? Подсознательно мы исходим из того, что каждый следующий станет вождем, «лидером нации», и что это опять навсегда. Политическое попугайство приговорило Россию к вечному феодализму. Только окрас у попугаев меняется.

К моей приятельнице однажды прилетел попугай. Она взяла его, а он злобно проверещал: «Будешь кусаться — хвост выдеру». Она оторопела, но приютила разговорчивую птицу, так он и живет у них и выражаться стал исключительно вежливо. Попугай повторяет хозяина. Этот, взбунтовавшись против можно себе представить каких хозяев, новую жизнь начал с того же, от чего бежал — ему хамили и жалели зернышек, и он прилетел в новый дом диким и злобным. Но его накормили-отогрели-приласкали, и всё стало хорошо. Мы тоже сильно подобрали в последние несколько лет: помогаем больным детям, заботимся об инвалидах, добровольцы вон пожар на всю страну летом 2010-го потушили, мы становимся христианской, т.е. демократической страной, и мне кажется, что в 2012-м вместо привычного «попка дурак» мы скажем: «Попка — не дурак».

Январь 2012г.

ВТОРОЕ ПРИШЕСТВИЕ

Всё, что нужно, — это второе пришествие. Сколько было первых — посчитать нетрудно: от каждого рождалось новое «мы», но теперь мы друг другом сыты, обуты, одеты, нет новых скреп, новых земель, новых рецептов. Мертвые языки религий уже не в помощь, мы превратились в проснувшиеся вулканы, тектонические разломы, топот копыт, в котэ. Добрые тигры, развязные обезьяны, бегемоты, спасающие своих бегемотиков, бездомные псы — это мы, и мы требуем к себе милосердия.

Впрочем, это уже не «мы», а мысли: что мы до мышей, мы мыльные сериалы, мы мыканье и мычанье, где мы — не я. Время от времени нас подключали к сети — подзарядка, это больно — током, а как еще?

Убивали, предупреждая «не влезай — убьет», но когда садятся аккумуляторы мирового порядка, ужасный конец приглядней, чем бесконечный ужас.

Вода добывается усердием, оно-то во мне и кончилось, я — за усилия, за бурить-копать, но силы из членов вышли, из несогласия, от разрыва соединения, DNSсервер не отвечает.

Энергия ставит алтарь и требует жертвы. Написано: не влезай — убьет, но мучает жажда. Тут не надо усердия, только решиться. (Пятая чашка кофе, десятая сигарета, двенадцатый год в окопе, минус двадцать. На Крит, на Корфу? Вон-из-Москвы присматриваю карету, лечу не я, а мысли — улететь-остаться.)

Земля — поселок городского типа, все друг друга знают, хотя бы как лайк в фейсбуке, а в зарослях Амазонки скрываются не кецалькоатли, а такие же, только в экстремальном дизайне — ставка «экзотика» провалилась, спасибо разведчикам Фрезеру и Леви-Строссу. Всё что мог присвоить один миллиард — он уже присвоил.

Все что могли сказать два миллиарда — уже сказали. И гадать не придется, как выглядела цивилизация, мы — архивные крысы, беспроводные мыши, видеокамеры, папарацци, пока не придет тот, кто живет на крыше, тут — влюбиться, выдохнув, и вдохнув, сорваться.

январь 2012

ЧТО НЕ ТАК СЕГОДНЯ? В КАКОМ СОСТОЯНИИ НАХОДИТСЯ МИР, КУДА ОН ИДЕТ?

Поэт Татьяна Щербина в беседе с Александром Морозовым¹,
главным редактором «Русского журнала»

А.М. — В каком состоянии находится мир в целом, куда он идет? Что не так сегодня?

Т.Щ. — В сети полно тестов, но только на один повелись все — «внутреннее гражданство». Я тоже прошла, получила паспорт Исландии. Тест фейковый, т.е. результат не зависит от ответов, и люди (те, кто вообще тестами не балуются) отвечали по три раза по-разному, чтоб получить желаемое «гражданство», но всё выходила эта самая Исландия. Или Болгария. Еще Швеция, Дания, Греция. И вся эта ерунда живо обсуждалась неделю. Потому что никто не чувствует себя полноправным гражданином России. Одни думают, что родное гражданство еще надо завоевать, другие — что это бесполезно. Уже ведь проходили в советские времена: страна ощущалась оккупированной, все знали, что в суд идти бесполезно, чиновник всемогущ, о криминальном бизнесе все слышали и многие даже пользовались его плодами. Был «черный рынок» всего, я, например, пользовалась книжным. И один раз побывала в Елисеевском гастрономе «со служебного входа» — это было строго по блату, меня взяли с собой, и я обнаружила, что волшебный этот вход отгружает блоки американских сигарет, черную икру и вообще любую продукцию, о которой мечтали соотечественники.

Самые смелые (или «богатые» — это было синонимом «спекулянтов», теневого бизнеса, в эту категорию входили и чиновники, вестимо) покупали «чеки Внешпосылторга» и шли в «Березку». Так делали мои родители (у мамы была довольно большая зарплата доктора наук). Однажды я пошла в «Березку» на Кропоткинской, чтоб купить книгу Теннесси Уильямса «Листья травы» (такое не забывается), и тут ко мне подошел надзирающий гэбист и сказал: «Я вас тут не в первый раз вижу». «В первый!» — возмутилась я. «Так вот, еще раз увижу, будете доставлены в отделение». Мог бы сразу доставить, но за меня вступилась русскоговорящая немка, сказала, что мы вместе. Приезжавшие иностранцы тоже любили подторговывать только им на нашей родине доступными товарами по спекулятивной цене. Но разве это была наша, моя родина? И митинги в 1989–90 годах, и миллионы в 1991-м у Белого Дома — это были акции по обретению нами нашей родины.

Сегодняшний результат: не получилось. И опять: сегодня в России лучше быть иностранцем, чем чувствовать себя им. Скажем, русским, гражданином другой страны или имеющим два гражданства. Такие люди чувствуют себя увереннее, живя здесь или приезжая на какие-нибудь фестивали и конференции.

Конечно, всё обстоит лучше, чем в «совке»: свободный выезд за границу (правда, и тут начались препоны для рьяных оппозиционеров — задержать, чтоб человек опоздал на рейс, не впустить иностранца, как это было с Натальей Морарь или недавно с Анн Нива; правда, сразу же спохватились и предложили попробовать еще раз), частная собственность (могут и отнять, если собственность завидная, у меня лично собственность — двухэтажную загородную дачу — отняла советская власть в 1983 году). Обо всех тех советских перипетиях, начиная с самого 1917-го, рассказано в «Запасе прочности», составляющем вторую часть книги «Крокозябры».

¹ Александр Морозов — политолог, главный редактор «Русского журнала».

Так вот, на сегодняшний момент чувства разделились. Одни считают, что раз дважды кампании по обретению родины провалились: в 1917-м и в 1991-м — значит, не стоит пытаться делать революцию в третий раз. И мечтают о другом паспорте или другом ПМЖ. Другие придерживаются «теории малых дел»: не надо никаких революций, будем постепенно давить, исправлять, и через 300 лет, как пресловутый английский газон... Третьи уверены, что с третьего раза должно получиться: даешь революцию честности!

Мне кажется, что всё, что кажется — кажется правильно. А как будет — ну так если всем кажется, что если наш дом — единая Россия, криминальное государство с феодальным строем, — прогнил, так он, понятное дело, либо рухнет, либо будет поставлен на капремонт с расселением коммуналок, заменой перекрытий и новой крышей. Распад России видится мне наиболее вероятным вариантом, если вовремя — прямо сейчас — не победит регионализм. Хотя бы, сравнивая территорию РФ (почти 18 млн кв.км, плотность 8,36 чел./кв.км) и Японии (около 380 кв.км и 334,5 чел./кв.км), можно сделать прогноз. Государство вообще может отмереть (по Ленину), мировая война полностью переделает мир, да и фактор «черного лебедя» никто не отменял. Потому можно хотеть революции или эволюции (большинству она больше по душе) — будет так, как окажется единственно возможным. В конце концов, не Ленин с Троцким, а мировой процесс, включая войну, неудачный царь и все та же коррупция, предопределили этот октябрь 1917-го. Так сошлись звезды, впоследствии оказавшиеся кремлевскими.

А мир идет к тому, что люди больше не могут сосуществовать в предлагаемых рамках.

А.М. — О чем «Крокозябры», т.е. в чем все-таки «исторический урок», есть ли «запас прочности»?

Т.Щ. — Исторические уроки в России не усваиваются. Ну я сразу замечу, что во Франции — усваиваются, там всё настроено на «учиться, учиться и учиться», и помогает это ровно настолько, насколько Франция отличается от России. Отобрали у феодала Транкавеля собственность, замок Каркассон, поубивали всё местное население (т.н. третий крестовый поход), присоединили юг, Септимианию, к французской короне, и больше — никогда: собственность — святое. Еще раз недобровольно корона присоединила к себе территорию — Бретань, но уже не захватом, а обманом. А потом уже и без обмана. Одна революция (1789) — удручающий результат (хотели Февральскую, если сравнивать, — а получили Октябрьскую), переворот 1799-го, к которому привела примерно та же ситуация, что у нас сейчас, реставрировали монархию — опять не то, опять революция (1848), уже «как надо», республика, империя, республика, первая, вторая, пятая — т.е. метод проб и ошибок, с тем чтобы двигаться вперед и не повторять неудачных проектов. Результат: повторов нет, но зато всё новые и новые проблемы. Сейчас кажущиеся прямо-таки неразрешимыми.

Но «уроки», консервация (в Каркассоне сохранены орудия пыток и убийств, прошлое не вычеркивают!) и осознание прошлого вкупе с любовью к будущему, острым его предощущением и рисованием его эскизов, и дают этот запас прочности.

История России — это история ненависти. Всякое настоящее вычеркивает и переписывает прошлое в угоду себе. Поддельная прошлое, фальсифицирует настоящее и будущее, и потому всем всегда в России не нравится: вот эта фальшивая нота, не позволяющая стране иметь собственную идентичность, и не нравится.

Почему я так про Францию сегодняшнюю думаю без особого оптимизма? Появилась фальшивая нота, и никто не знает, что с ней делать. Если есть какой самый главный и общий урок — быть честным. А сегодня мир на глазах превращается в фальшивку. Прямо по поговорке советской эпохи: думаем одно, говорим другое, делаем третье.

Вообще, я думаю, что для Европы отказ от христианства как базовой ценности (на нем она возникла и стала цивилизацией) — роковая ошибка. Она стала отрицать саму себя. Но в России всё гораздо хуже, здесь вообще не осталось запаса прочности, здесь открыта одна дорога — к Апокалипсису: будущее строить не из чего, не зачем, им не наполнен воздух, чувства и мозги боятся туда заглядывать. Вот и героиня рассказа «Родина бес» следовала за временем, подстраиваясь под мейнстримные тренды (иначе — завоевывая место под солнцем), а потом начались одни скучно-опасные неприятности, и она исчезла.

Может, правда, поставить дату в тексте, который писался в январе, даже в начале января? Шлю тебе цитатки из книги «Крокозябры» (из романа «Запас прочности», 2005-2006 гг.):

«Большевики чувствовали себя судьями. У судьи ведь не нарушается сон и аппетит, оттого что он выносит смертные приговоры. Он хороший, потому что сидит в судейской мантии, а сменяющиеся за железными прутьями подсудимые — плохие, потому что не зря оказались они за этими прутьями. Прав тот, у кого власть».

«Здесь все покрыто ряской тайны, террористы, вожди, враги и герои бесконечно меняются ролями, и теперь уж ясно, что ничего не изменится до скончания моей неуклюжей страны».

«У европейских коммунистов, как показалось Виле, осталось много вещей, которые в России считались пережитками прошлого. У них были семьи, которыми они дорожили, личные драмы, и вообще у них было много личного, чем они отличались от советских людей, живших исключительно интересами государства».

А.М. — Что главное, на твой взгляд, в случившемся протесте и куда он вырвется? Возможны ли социальные изменения в России?

Т.Щ. — Главное в протесте — факт протеста. Я по-простому объясняю, почему его не было до сих пор. По идее, протест должен был быть 12, 10, 8 лет назад. Тогда бы он был реальным, осмысленным, происходили вещи, с которыми нельзя мириться, если ты считаешь себя гражданином страны и членом общества. Сейчас как раз «ничего такого» не произошло. Унизили 24 сентября — это да. Унижали и раньше, но тут — с особым цинизмом. И все же дело в другом, мне думается.

Что такое «совок», он же советская жизнь? Частной собственности нет, большие деньги были, но это был криминал, у абсолютного большинства — «получка»: получить, а не заработать. Везде разруха и запустение, обшарпанные, разваливающиеся дома, эстетика уродства, всё покрывалось темно-зеленой, салатной, бежевой, грязно-голубой масляной краской отвратительных тонов; граница — на замке, и вдруг привалило счастье, о котором мечтали: дизайн, изобилие, европеизация, возможность зарабатывать, ездить за границу — так что уж тут до деталей: «Норд-Ост», Беслан, «чеченизация», криминализация, тимченки с ротенбергами — воруют, убивают, но мы живем, наконец-то!

И это не только «креативный класс», не только Москва, в советское время сосиски в глухую провинцию возили из Москвы, а тут — даже супермаркеты открылись с большим выбором. Вот в Шуе Ивановской области первый супермаркет появился года три назад. Вернулся культ икон вкупе с культом памятников Ленину — от всего помогает. Какой же может быть протест, если жизнь улучшается?

А Коломна — это же красота, Кремль и центр реставрированы, советское разрушение остановлено — путь наверх. И вот всего-то, когда людям, уже привыкшим к цивилизационному минимуму, грубо дали понять, что они голимые рабы, у которых есть хозяин, — они пригорюнились. Локально уже давно давали понять — откаты и крыши в провинции душили бизнес, но то ведь бизнес, как бы сомнительное явление в глазах большинства, воспитанного «совком» — эффект инерционного движения.

В декабре протесты начала Москва; имеющие доступ к Интернету ознакомились с коррупционными схемами благодаря Навальному, ненависть накопилась и перелилась через край, на улицы.

Возможны ли социальные изменения? Думаю, неизбежны, но опять, к сожалению, не по-хорошему, а по-плохому, на энергии ненависти, которая стала единственным реальным социальным чувством: власть ненавидит жителей, жители — власть и друг друга, националисты либералов и т.д. Москва превратилась в Чикаго, вот свежий случай: возле своего дома на юго-востоке Москвы молодой человек ударил женщину, ее муж выхватил из кармана пистолет и выстрелил, тот тоже достал и выстрелил в ответ, а потом мать подросла, тоже с пистолетом. Я не езжу на юго-восток Москвы, но кольцо-то сужается, завтра и в центре стрельба и удары бейсбольными битами могут стать не «отдельными случаями» (кто-то кого-то заказал), а образом жизни. Гражданской войной пахнет, мировой — тоже пахнет, исламские революции идут, Бильдербергский клуб заседает, коррупция и насилие растут — ну ясно же, что невыносимая легкость бытия кончилась! В какую сторону движется у нас? Вот, например, слово «Русь» (от «Руси сидящей» до некоего нового сайта «Русь» — книги жалоб и предложений власти) входит в обиход. Думаю, будет большой мировой передел, самый большой в истории, имея в виду глобализацию. Она, впрочем, может привести к отмиранию государств в нынешнем понимании, счастливых — к дружественному проживанию в небольших коттеджах поселках, несчастливцев — к взаимному уничтожению.

Март 2012 г.

ЭПИДЕМИЯ МИНУСОВ

Я в шоке. А я не люблю быть в шоке.
 Морозы сгубили во Франции артишоки.
 Вместо законного плюса — невыносимый
 минус.
 Не в артишоках дело, а в том, что и те
 накрылись.
 Concordia — она же согласие — утонула,
 черный полковник, смазав казну, переходит
 к дулу.
 Синтагма aka Конституция жжет Афины,
 кажется, навсегда закончились эндорфины.

Навсегда — на жизнь, твою, и мою, и деток,
 так стартует — минусом — финиш света.
 Если Земля горит в верховом пожаре,
 и озноб колотит наш глобус, наш домик-шарик —
 улыбка ГайФокса «сопротивление бесполезно» —
 маска чистилища. V как victory — деза.
 Анонимус наносит заслуженные увечья,
 и российский хомяк расправил до кучи плечи,
 карабкаться из последних — последних же сил
 приказ,
 но стихии глючит, и разум ушел в запас.

февраль 2012

ДВА ВЕСЕННИХ ОБОСТРЕНИЯ

Открыла заметку под названием «За три дня в Москве убито четыре бизнесмена». 19, 20, 21 апреля. Заметка появилась потому, что у автора возник вопрос: не связаны ли эти убийства между собой? А так — это и не новость уже, убийства стали нормой жизни. В официальной статистике, которая учитывает лишь раскрытые преступления, Россия по количеству убийств уступает только Бразилии (там 22,7 убийств на 100 тысяч населения, у нас — 14,2), а фактически — мы между Гондурасом (82) и Кот-д'Ивуаром (56,9), входя в десятку самых криминальных государств мира. Для сравнения: в европейских странах — от 0,5 до 1,3 убийств на сто тысяч жителей.

Россия окончательно оформилась в мафиозно-криминальное государство. И здесь свои правила выживания. Кто ничего не имеет и никуда не лезет, пока может жить спокойно, если помнит о факторах риска. Чиновник, выезжающий на встречную полосу. Случайная встреча с пьяным ментом в супермаркете. Среди бела дня можно попасть в перестрелку «преступных группировок» или не сдержаться и заступиться за девушку. А убийства бизнесменов — дело рутинное. Впрочем, что значит у нас слово «бизнесмен»? Те четверо, о которых шла речь в заметке, — конечно, имели свой бизнес, но (или не но?) они — воры в законе. Меня заинтересовал один. Официально его «короновали», как говорилось в заметке, в Греции. Где я так люблю бывать. И он был правой рукой Деда Хасана. И владельцем комплекса ресторанов, в одном из которых я бываю чаще всего. Потому что там вкусно, недорого и рядом с домом. Другой ресторан этого комплекса — вотчина Деда Хасана. То есть я фактически хожу к вора в законе и даже немножко их финансирую, хотя вряд ли именно этот бизнес кормил убитого владельца. Первая моя реакция сменилась другой: а кто не вор в законе? Не в тюремном смысле этого слова, а в прямом? Кто ворует, потому что он и есть закон. Вот «все» ходят в Жан-Жак на Никитском бульваре. Почему, казалось бы? Еда невкусная. Да потому, что «все» знают владельца — Митю Борисова. Настоящего (не «прачечного», в смысле отмывания денег) ресторатора, к тому ж — одного из собирателей и представителей «креативного класса». И дизайн уютный, французский. Дизайнера тоже «все» знают. Прекрасные люди, создавшие в Москве оазисы европейской атмосферы. Погоревав по поводу любимого ресторана кавказской кухни, я пошла в Жан-Жак. Посидев там с друзьями, подумала: общаться и пить вино я буду ходить сюда, а питаться — к своим криминальным соседям. Ведь и в целом по стране так: хочешь есть — иди к вору в законе.

Самая важная история весны развернулась вокруг религии. Pussy Riot, а ныне простые советские заключенные, с одной стороны, и Патриарх Кирилл, сросшийся с золотым тельцом, — с другой, поставили перед каждым вопрос ребром. Ответы слышны такие: перейти в католичество/протестантизм; быть в другой православной церкви, не РПЦ МП; религия всегда была опиумом для народа, просто средством подчинения;

Россия — это дурдом, из которого надо бежать, пока не свихнулся; вернем Святую Русь во главе с Патриархом, уничтожив всех несогласных; восстановим язычество — истинную русскую религию.

Прокомментировать хотелось бы только один тезис: «Религия — зло». Я бы и согласилась, что от нее все беды, она сеет раздоры и ненависть, делает людей воинственными, злыми; все клерикалы считают себя носителями истины, которую либо пытаются навязать другим, либо не позволяют этим другим вторгаться на свою территорию. К клерикалам можно отнести и «воинствующих атеистов», атеизм — религия бактериальная или эволюционно-биологическая, если определять ее по смыслу. Получается, что агностицизм — единственное состояние современного человека, оставляющее его в рамках «человечности», гуманистических воззрений. Но все же, даже если человек — агностик, т.е. отвечающий «не знаю» на многие фундаментальные вопросы, это не отменяет того, что религия — какой бы она ни была — лежит в основе человеческой цивилизации.

У всех племен, в джунглях и в пустыне, как угодно изолированных от мира, обязательно есть верование: что к ним прилетает пернатый бог Кетцалькоатль, что они произошли с Сириуса, от Дракона, что всё одушевлено, одухотворено, у каждого явления есть свое божество — и так вплоть до Карго-культа. Если у людей есть смутное чувство происхождения от «высшего» (у атеистов — от низшего, потому типовой атеист самодоволен, я даже подозреваю, что самодовольные клерикалы только маскируются в угоду конъюнктуре, на самом деле они атеисты), покровительства этого «высшего», представление его как всевидящего ока, одного Бога-Творца или многих божеств, то так оно и есть на самом деле. Потому строят храмы, относясь к ним свяшенно, или сами отправляются к «высшим силам», впадая в транс и вступая в контакт с духами.

Какое бы явление культуры мы ни взяли: архитектуру, живопись, скульптуру, литературу, — всё создавалось человеком по плану. Богов олимпийского пантеона, Христа, в богоборчестве, в отрицании сверхчеловеческого, но всяко отправным пунктом оказывалась вера. Откуда мы, кто мы, зачем, куда идет человечество, в чем отличие человека от животного, будет ли конец света, хорошо мы поступаем или плохо? И масса других вопросов просто не возникали бы, если бы не было этой пуповины, в провидении которой и строится человеческая культура. Предполагаю, что животные подобными вопросами не задаются.

Если стать на точку зрения атеиста, то некогда он был бактерией, потом обезьяной, позавчера — человеком умелым, вчера написал «Божественную комедию», сегодня построил самолеты и космические корабли... но зачем? Человеческие творения не только превосходят его биологические потребности в миллионы раз, но вообще связаны не с биологической нуждой, а вот с этой таинственной потребностью связи, выяснением, что это за связь и кто стоит по ту сторону. Я лично определила бы себя как христианского агностика.

Вкратце моя картина мира такова. Мир сотворен. Не знаю, кем и как, не уверена, что Бог один, склонна думать, что их много, хотя очевидно, что существует небесная иерархия, и вероятно, наши создатели воюют друг с другом — иными словами, земная жизнь типологически повторяет «небесную». Небесную — не обязательно, что она располагается в космосе, возможно, и рядом с нами — невидимо, как не видят нас, своих создателей, роботы. И в каком-то смысле нас, их создателей, много, а можно сказать, что один — Человек, разбросанный во множестве своих ипостасей. Я предполагаю, что священные тексты содержат истину, но записана она была людьми в меру их понимания, в меру возможности коммуникации между созданным и создавшим. Как мы знаем по собственным творениям и программам, они не всегда откликаются именно так, как мы запрограммировали. Христианским агностиком я называю себя потому, что так ощущаю свою структуру, программу, история Иисуса во мне откликается, а чтение Евангелия в свое время обожгло, как ничто другое. Когда мне попала в руки Библия (а я выросла и жила в атеистической среде), я уже прошла часть пути навстречу — просто собственным опытом, и встреча состоялась. Церковь играла для меня роль, я бы сказала, историческую (без нее не выстроилась бы христианская культура), но не из нее я восприняла сияние и послание Христа, и хотя люблю повсюду заходить в церкви и монастыри, в Москве прохожу мимо. С тех пор как церковные иерархи стали прислужниками власти, превратившись в последние годы — и особенно в 2012-м году — в персонажей, напоминающих отца Звездония из романа В.Войновича «Москва-2042», но никак не митрополита Филиппа во времена Ивана Грозного, царя, который называл мольбы митрополита прекратить кровавую опричнину «филькиными грамотами». А вот «христианские места» на Святой Земле, хоть и усеяны теперь арабскими лавочками, превращены в музеи, обмусолены туристами — все равно там проваливаешься сквозь века, и всё чувствуешь, и ничто тебе не мешает.

Тезис «религия — зло» хоть и правомерен в том смысле, что религия сегодня — инструмент политики (ислам всемирно, РПЦ локально), но это так же как сказать, что горе от ума, потому что ум — зло. Как раз политика пришла к состоянию зла — в тупик. Не то чтобы прежде не было страшных и ужасных правителей и придворных — были, но была и антитеза; сейчас же ее практически не видно. Алчных тиранов сменяют разбойники, алчным ничтожествам противопоставлены революционеры со слишком хорошо знакомой программой «до основанья, а затем», это темные лошадки, засланные казачки, а вовсе не «народные герои». Не те, в которых пусть и обманчиво, но мерцает светлое будущее. Народам сейчас позарез нужно светлое будущее, но они отказываются рисковать, поверив политикам, обещающим принципиальные изменения. Только что это продемонстрировали президентские выборы во Франции. Застоялась не только Россия, но и страны, называемые благополучными, — благополучия уже, кажется, нет нигде. Морального благополучия, в основании которого — всё тот же краугольный камень, онтологический пуп Земли, религия, в которой померк свет истины.

Тревожная тенденция — антропологический нигилизм. Люди в последнее время стали не любить себя как вид. Уж мы и Землю-матушку загадили и заездили, и поделом нам ее «взбрыкивания», и «чем больше я узнаю людей, тем больше люблю собак», и обезьяны-попугаи не глупее нас, и ничем мы не отличаемся, разве тем, что мы хуже, скорей бы конец света! Глобализация привела к глобальной ненависти, а не к глобальной дружбе. Возможно, глобальная религия — то, с чем все согласились бы как с реальным положением вещей — могла бы придать человечеству новый порыв любви, потому что появились бы утраченное самоощущение, самоопределение, которые были явственны во времена национальных государств и племен.

Апрель-май 2012 г.

Николай КЛИМОНТОВИЧ

ДОЖДЬ В ЧЕТВЕРГ

Звонок раздался к вечеру, не было шести. Сгорела соседская дача, которую хозяйка, вдова-пенсионерка, сдавала кому ни попадя, кто больше заплатит. Этой осенью там поселился какой-то старатель, потом оказалось: он разжигал камин, по сибирской привычке полив дрова бензином...

Пришлось ехать.

Завел машину, по радио сказали, на улице *переменная облачность, а завтра, возможно, будут осадки*. Вопреки прогнозу, осадки начались, едва выехал из города, быть может, это был вчерашний прогноз. Пошел крупный сырой снег, таявший, не достигая земли, и он подумал, что ему уж никогда не кататься на санках. Снег сменился дождем. *В Кот-д'Ивуар демократия находится под угрозой*. На трассе было скользко, машины едва позли, ни черта не видно, дворники не справлялись, на сорок километров потратил едва не два часа.

На соседском участке дымилась останки старой деревянной постройки, посреди пожарища одиноко торчал выстоявший нагреватель с куском жестяной вытяжной трубы. Забор обгорел, и в потемках было видно, что стволы берез на границе участков покрыты черной копотью. В доме света не было, упал соседский столб, но странным образом остался газ. Он включил колонку, зажег свечи, достал из буфета припасенные полбутылки коньяка. Слабо пахло краской и разбавителем, в последний раз писал на веранде можжевельный куст в углу сада еще в сентябре, видно, дверь в гостиную была не плотно закрыта.

Нужно было дождаться дня, чтоб осмотреться. Второпях он не переоделся, приехал в старой домашней куртке, сейчас, не снимая ее, лег на диван. Вспомнил откуда-то залетевшие и застрявшие в тине памяти вирши, *вполне себе*, как выражаются нынче, идиотские:

Он робко жался на диване,
Подобно стерляди в лохани,
Когда она свилась кольцом
И только дрыгает хвостом.

Эта галиматья стала преследовать, вертелась в голове то *робко жался на диване*, то *дрыгает хвостом*. Соседку, жадную старуху Алину, стало жаль, хоть отношения у них были холодные, перенесет ли она этот удар?

Чтобы заснуть, занялся перечнем упущенных возможностей. В списке оказалась миниатюрная девочка старше его года на три, некогда его пионервожатая и предмет долгого вождения. Они жили в одном дворе ведомственного дома. Как же ее звали? Света, да, вспомнил, Света по какой-то забавной фамилии, похоже на *Рерих*. Однажды летом, он уж был студентом и перешел на второй курс, ее родители и младшая сестра были на даче, а постоянный любовник поехал встречать вечерний рейс в аэропорт, и она зазвала его к себе. На ней было лишь короткое кимоно. Распустила свои мягкие волосы, сверкала зубами в июньских предзакатных сумерках, он долго целовал ее шею и губы. Она ушла в ванную, вышла нагая, легла на кровать, прошептала *уходи*. Понимая, конечно, что это кокетство, фигура речи, он под-

чинился и ушел. Теперь было не понять, почему он это сделал, то ли из упрямства, то ли желание оказалось слишком долгим. Это было в юности, но помнилось до мелочей, и сожаление длится вот уже сорок лет. Да, о нем теперь напишут в каком-нибудь словаре *родился во второй половине прошлого века*.

И еще одна соседка, дверь в дверь, жена гражданского летчика, которую он отверг, приняв однажды за правило не спать с сотрудницами и соседками, не говоря о женах друзей и подругах жен, но сейчас вспомнилась и она, большая блондинка с крупными коленями, заглядывавшая к нему — едва муж улетал на своем гражданском самолете — в минимальном халатике, якобы у нее не работал телефон, нельзя ли позвонить, и здесь уж имени было не вспомнить. И очаровательная осетинка, специалистка по Коста Хетагурову, от которой он постыдно бежал, хоть была уж расстелена постель, едва она заговорила о своих кавказских братьях. Но самое мучительное сожаление вызвало воспоминание о женщине, в которую он был влюблен и за которой когда-то пытался ухаживать. Она была старше его лет на десять, жена одного немолодого художника, позже они с ним стали приятелями, она владела высоким и таинственным умением быть прекрасной.

Однажды под вечер он подкатил ко входу Дома творчества художников на Сенеже и увидел ее сидящей на лавочке. Был ранний октябрь, и в позднем свете она была красива, как прежде. Красива прекрасной красотой, хоть было ей тогда за пятьдесят. Оказалось, они занимают соседние номера, через стенку. Муж приезжал из Москвы, привозил спирт *Роял*, сидели вместе за столом в их номере почти всякий вечер. Пока она готовила закуску и накрывала на стол, спускались вместе в холл смотреть телевизионные новости. И, кажется, сдружились. Однажды вечером, когда мужа не было, она сама пришла в его номер, села на его постель, они не обменялись ни словом, он целовал ее теплые ноги в шерстяных чулках, потом выдохнул *не могу*. Она посмотрела на него с интересом, поскольку была уверена, что давно им любима. *Миша*, только и прошептал он, так звали ее мужа. Она встала и молча вышла. С этой семьей он еще долго приятельствовал, кутили то у него, то в Мишиной мастерской, она бывала мила с ним и все так же дивна, давний Сенеж они никогда не вспоминали. Миша давно умер, на похоронах, вдовой в трауре, она была еще более манящей, но после этих похорон он больше никогда ее не видел. Потом, сказали, умерла и она.

Странно, состоявшиеся варианты помнились много туманнее. Ему бы в голову не пришло считать свои связи, быть может, лет до шестнадцати, потом плюнул, но теперь было грустно, что многих не помнит, как обеды, съеденные в ресторанах, так, вдруг всплывет в памяти и опять забудется. Впрочем, в конце концов, думал он, вспоминать все это — занятие антропологическое.

Он продолжал думать о возможностях жизни. Скажем, все могло бы сложиться иначе, останься он тогда хоть с той же маленькой осетинкой, страстной и строгой. Или не разойдись он со второй женой, ее он любил. Впрочем, Бог не играет в кости, действует строго по списку. Есть судьба, но если пытаться ее обмануть, она даст под зад. Он был женат несколько раз, но своих жен не любил вспоминать, затруднился бы быстро вспомнить их имена. Детей ни от одной у него не было, двух из них он заставил сделать аборт, говаривал, что не нужно заводить детей и ходить в кино, лучше собирать опята. Цитировал:

К чему рожать детей и для чего растить,

Коль лягут кости их у Северной стены.

Впрочем, страсть к размножению есть творческая страсть.

Как-то поздним вечером в пустом вагоне метро он встретил свою первую жену. Она сидела напротив, постаревшая, измученная безликая женщина, а ведь в молодости была хороша, черноокая, с медными на просвет волосами. Он хотел окликнуть ее, но спохватился, что не помнит, как ее зовут. Она его не узнала, он ведь тоже не был уж тем легким влюбленным мальчиком, или сделала вид, что не узнает. Потом, когда поднялся на улицу, вспомнил: Люба... Зато клички всех своих собак мог бы назвать без запинки.

Он заснул, под утро ему приснилась та женщина, на недавние похороны которой он не успел. Во сне они шли по Новому Арбату, она была проста, мила, смешлива. При ней был небольшой саквояж, который она не позволила ему нести. Оказалось, она улетает — отчего-то в Варну. До рейса было еще три часа, и она не спешила. Она обернула к нему прекрасное свое смеющееся лицо, он проснулся. За окнами был тяжелый предрассветный сумрак, и сердце колотилось. Было душно. Вышел на крыльцо, в глубине старой раскидистой черной ели шуршала крыльями, ворчала и ворочалась какая-то ночная, старая, должно быть, птица.

В кармане куртки он теперь носил трубочку нитроглицерина. Принял таблетку, стал ждать, когда сердце успокоится, вспоминал былых друзей. Очень многие умерли, причем все как один именно от остановки сердца. Первым был Женя, потом Ленечка, потом Толя, нет, этот умер от рака, и Саня, и Алик, впрочем, все они были старше него, и он

Николай Климонтович. Москва. 2005. Фото: Александр Тягун-Рядно

остался без покровителей. Кто-то уехал, как Ося, и связь прервалась. Другие просто отделились, как Сережа и Лева, всякий раз из-за жен, и он оказался один. Обезлюдил. Как берег осенью. Что ж, кто-то сказал, что друзья отнимают слишком много времени, но это к нему никак не относилось, он любил своих друзей и легко мог променять самую азартную работу на товарищескую пирушку. Другое дело, друзья мешают одиночеству, а в его возрасте одиночество, пожалуй, единственная, хоть и трудная, ценность.

Сердце всё билось. Он не стал думать о смерти. Просто потому, что думал о смерти слишком много, и эти мысли стали незаметным фоном любых других соображений. В конце концов, всякий умирающий должен держать себя в руках. Да нынче и не модно умирать. Хоть и азартно, как на футбольном матче, когда заранее неизвестен счет.

Стал думать о своем теле, некогда таком крепком. Теперь же высокий сахар, давление, аритмия. Скопление бактерий снаружи, микробов внутри. Что-то вечно зудит и чешется, болит спина, когда долго стоишь перед мольбертом, немеют ноги. И никогда больше не заснуть обнявшись.

Впрочем, жизнь обошлась относительно благополучно: единственная автокатастрофа, когда машина несколько раз перевернулась — на нем ни царапины, наверное, потому, что был нетрезв, даже любимая рыжая такса Репин, домашнему Репа, успела выпрыгнуть в открытое окно. Одна полостная операция, и тут проскочил. И удовлетворение, что все распоряжения сделаны, завещание составлено и заверено у нотариуса, и хоронить его будут в могиле отца. При этом он давно и счастливо миновал возраст, когда кому-то что-то надо доказывать, теперь от тебя никто ничего не ждет, тебе уже присвоено твое заслуженное скромное звание. И грудь свободна от медалей. Хватило бы сил закончить эту работу, и еще одну. Быть может, времени хватит и на третью, давно задуманную, заветную. Впрочем, не стоит ничего ждать и ничего загадывать, и вопреки собственному запрету, он подумал, что, вероятно, скоро все-таки умрет. Вот так, на дачном диване, в одиночестве. На время собственных похорон хорошо бы куда-нибудь уехать. Или, быть может, что-то еще случится, какая-нибудь немыслимая встреча, да нет, куда там. В дверь постучали.

январь—март 2011

Николай КЛИМОНТОВИЧ

ФЭЙ. ИСПЫТАНИЕ

Апрель — самый скверный месяц в Москве, я родился в апреле и обычно в это время неважно себя чувствую. Праздновать дни рождения в моем возрасте, звать гостей и принимать подарки — все равно что выставлять себя на посмешище. К тому ж в тот год я получил небольшие деньги за последнюю книгу, их надо было потратить разом, не размазывая. В Индокитае в это время Новый год, я уехал в Паттаю, надеясь чуть встряхнуться.

В первые же дни мне здесь осточертело. Пальмы казались неряшливыми и обтрепанными, после омовения в горячем и соленом море на теле оставалась какая-то слизь, спать без кондиционера нечего было и думать, хоть от него веяло подземным холодом и легко было подхватить насморк. Я уже скучал по заботливой жене и любимой собаке. И узкий жесткий топчан в моем домашнем кабинете стал представляться гораздо уютнее, чем с белоснежным бельем (новым каждый день) квадратная двуспальная постель в отеле, в какой легко утонуть. Меня предупреждали, что тайская пища противопоказана русскому желудку. И верно, после первой же порции макарон с мясной подливой в ближайшем ресторане — я решил, что макароны из всего меню самый компромиссный вариант — меня смогли оторвать от сортира и вывести на улицу только две таблетки левомецетина. Там меня окатили из шланга с проезжавшей мимо цистерны и опрокинули на голову ведро с верхнего этажа, спасибо — вода была чистая.

На счастье, в ста метрах от ворот моего отеля обнаружилась уличная харчевня под наивным названием *Ностальжи*, над ней понуро висели два флага: советский и югославский. Передней стены у заведения не существовало вовсе, вторая, из рогожи, была украшена плакатами брежневских лет на тему искоренения пьянства. Днями здесь звучала музыка ранних восьмидесятых в стиле диско *оп-оп-казачок*, тогда мне не было и тридцати. Пельмени были неважные, но хорош и безопасен острый венгерский гуляш, что готовил повар-серб. Держал заведение огромного размера донской казак сербского происхождения по имени Иван. С хозяином я вскоре сдружился, и мы стали обедать за одним столом. Как-то он посоветовал мне, если я хочу развеяться, обратиться в экскурсионное бюро *Натали* по соседству и сослаться на него.

Я туда заглянул, не имея никаких определенных намерений. Сотрудница бюро по имени Лейла вручила мне прайс-лист. Откуда здесь было взяться Лейле, по типу и обилию тонких черных косичек таджичке, неведомо, но держала она себя с той легкой развязностью, что свойственна слишком скоро освободившимся женщинам бывшего советского Востока. Между приглашением посетить парк крокодилов и предложением покормить диких обезьян значилась скромная строка *мужской массаж*. Таджичка — впрочем, это предположительно — с профессиональной приятностью и не без смака объяснила, что за две тысячи пятьсот бат мне сделают массаж, помогут в ванне, а затем пригласят в постель, причем после процедуры можно пригласить девушку поужинать. Я избегаю покупной любви, но московские цены знаю: бат приблизительно равен рублю, и за эту сумму отечественные проститутки не только не станут тебя массировать и мыть, но, скорее, их сутенер тебя еще и ограбит. Стало любопытно — туристический интерес. К тому ж

Бангкок. Тишаев, 2003. Фото: Александр Гусев-Радно

в цену входил и *трансфер*, доставка из отеля туда и обратно. Я согласился. Назвал имя отеля и номер комнаты 2114,— этот набор цифр мне нравился, обе пары кратны семи, а семь было моим заветным числом, я родился седьмого.

На следующий день ровно в два часа, как я и назначил, мне позвонили с *рецепши* и объяснили на тайском английском, который я понимал так же плохо, как тайцы мой родной русский английский, что машина подана. В вестибюле меня ждал крепкий таец лет сорока в пестрой желтой рубашке, жестом пригласивший следовать. Он открыл передо мной заднюю дверь черного лимузина, внутри которого приятно пахло — приятно на фоне здешних уличных довольно резких запахов. Ехали долго, Паттая большой город, не меньше Сочи вместе с Адлером и Геленджиком, я чуть волновался. Остановились перед аккуратным домом о четырех этажах, на вывеске значилось *Massage parlor* — щепетильный король запретил в стране проституцию, поэтому бордели здесь называются именно так. Что ж, буддизм снисходителен, пусть проституция и запрещена, но курорты Сиам остаются Меккой разврата...

На подиуме сидели на стульях шесть девиц: четыре толстые и с постными рожами, что, мне показалось, противопоставлено их ремеслу, пятая промежуточного калибра, а шестая, справа с краю, худенькая и улыбка, какой, согласно расхожим представлениям о *стране миллиона улыбок*, и должна быть настоящая тайка. Она улыбалась скорее приветливо, чем завлекая, и, разумеется, я остановился на ней.

Все происходило ровно так, как обещала порочная гидесса, вот только массирувала тайка не столько руками, сколько всем своим юрким телом. Когда мы сидели в ванне и она, смеясь, хлопнула по моему животу пьющего немолодого русского, я спросил ее по-английски, как ее зовут. Она поняла, ответила, улыбаясь: *Фэй*. Что ж, Иван предупредил меня, что если тайская девушка понимает по-английски, то это наверняка проститутка. В постель она при-

гласила меня жестом, я старался быть на высоте. Не для нее, конечно, ей как профессионалке была, скорее всего, безразлична моя сексуальная форма. Я проверял себя, причем отнюдь не только в этом плане. Все путешествие и было задумано как своего рода испытание: как я перенесу перелет, жару, ежедневные многообразные заплывы в бассейне, короче, я хотел доказать самому себе, что еще хоть куда...

Когда она выполнила свою работу, я, одеваясь и протягивая ей сотню чаевых, предложил вместе поужинать. Она ответила неразборчиво, но, как я понял, по вечерам выходить из дома ей запрещает мама. Это было смешной отговоркой, скорее всего, я ей не понравился, показавшись скарденным. Я сказал, что приду к ней еще раз, *ОК*, сказала она равнодушно. Что ж, она понравилась мне. И, кроме того, меня задело, что она, когда я погладил ее волосы и поцеловал, не только не ответила мне, но даже чуть отстранилась. Кажется, подобные нежности не входили в преискуртант. Короче, мне не хватило взаимной симпатии, все происходило механически, даже без имитации волнения: некоторый романтизм не выветривается из нас, русских, до старости.

Я уж обмолвился, что не имею опыта общения с продажными дамами. Разве что как-то раз, когда на Ленинградском вокзале я встречал пассию, но она так и не прибыла, и я был расстроен, ко мне подошла большая и мягкая женщина с широкой деревенской улыбкой. Идти с ней я отказался, но повел в ресторан соседнего Ярославского вокзала, выпил и стал расспрашивать о жизни, чего, мне говорили, проститутки терпеть не могут. Тем не менее она, видно, из благодарности, покорно удовлетворила мое любопытство и простодушно поведала: совхоз в деревне развалился, муж-тракторист пьет, четверых детей кормить надо, соседи думают, что в Москве она торгует в киоске, — таким вот рискованным было это приключение...

Иван рассказал мне про знаменитую *Walking Street*, тайцы смешно произносили это название, у них получалось что-то вроде *вовкинстри*, и вечером того же дня я предложил ему меня туда сопроводить. Но он отговорился работой допоздна, к тому ж, как все европейцы за пятьдесят, обосновавшиеся здесь, он обзавелся тайской девчушкой лет на сорок с лишним моложе, с которой и проживал. Несколько раз я видел её в его кафе, она, как и положено тайке, была улыбчива и по-деревенски скромна, но толстовата, под стать хозяйину. И я никак не мог запомнить ее лица, так похожи, на наш взгляд, одна на другую местные жительницы, курносые, с круглыми черными глазами, с одинаковой стрижки прямыми черными волосами... Вечером я отправился один. Он же научил меня пользоваться *тук-туком*, что-то вроде нашего маршрутного такси, но без маршрута, и я без проблем добрался до *Beach Road*, здешней морской набережной. Потолкавшись по сувенирным лавчонкам, я зачем-то приобрел с металлическим браслетом массивные наручные часы, которых не ношу. И остался при этом довольным собой: с трехсот бат я доторговался до двухсот пятидесяти, — Иван потом сказал, что мог бы и до полутора сотен, заверив, впрочем, что за эту цену часы будут ходить. Наконец я достиг указателя нужной улицы.

Было начало одиннадцатого, в барах гремела музыка, отчего-то звучали в основном давние песни *Rolling Stones*, рябило от миганья реклам. Задумчивые гомосексуалисты ждали на порогах своих заведений. Какие-то типы шныряли в боковые переулки. Сновали разносчицы пряных цветов. И во всю ширину центральной улицы медленно текли, проникая друг в друга, толпы праздношатающихся искателей приключений в шортах и шлепанцах, в разноцветных шапочках, шляпках и бейсболках. Были, конечно, и чинные гетеросексуальные пары, но в основном — одиночки, разноплеменные бедолаги и неудачники, импотенты, разочарованные мужья, беглецы, эскаписты. Одинокие проститутки женского пола на каблуках, что так не идет тонконогим азиаткам, попадались реже разряженных в перья, пестрые тряпичные манто и разноцветные легкие горжетки трансвеститов и транссексуалов в трико, очень красивых, улыбающихся призывно до непристойности; былую их принадлежность мужескому полу выдавали лишь рост, кадыки и низкие голоса. Всё — толкотня, теснота, гам, вспышки яркого света, грохот рока — било по нервам. Было душно. Я присел за стойку уличного бара и спросил водки с соком лайма и льдом. И почти сразу увидел Фэй. Вдоль улицы, рассекая толпу, очень медленно двигалась инвалидная коляска. Инвалид, судя по тирольской шляпе с пером, был швейцарец или немец, старец за семьдесят. Левою рукой он управлял своим транспортным средством, правою вел ее за руку, покорную, худенькую и прелестную, с распущенными черными прямыми волосами. Я устремился за ними, обогнал, встретился с ней глазами. Это была не она. Я вернулся в бар и попросил повторить.

май 2011

Владимир САЛИМОН

Отсутствие единой цели
привносит в нашу с тобой жизнь неразбериху,
хотя мы спим в одной постели,
одну и ту же в очередь читаем книгу.

Из чашки с золотой каемкой,
твоей по праву, утром ранним, размечтавшись,
пью чай, по музыке негромкой
стрекоз, жучков и мотыльков истосковавшись.

Все, как умеют, славят Бога,
кто-то бывает в сельском храме на рассвете,
когда народу в церкви много,
и вторят взрослым людям маленькие дети.

Отхлынет кровь от головы.
И люди вида беспризорного
в округе, как ростки травы,
пробьются из-под снега черного.

Как ты бледна!
Замечу я
легко отсутствие косметики.
Как будто бы цветок найдя
в учебнике по арифметике.

Я услышал, выйдя на террасу,
как кукует за рекой кукушка.
Облако, увидев в небе, сразу
догадался, что пальнула пушка.

День был ясным, словно перед боем,
как перед сраженьем генеральным.
По полю полки ходили строем,
сообразно с планом гениальным.

Капитану Тушину все утро
мысль одна покоя не давала:
так ли поступил он нынче мудро,
выпивши для храбрости столь мало?

Отключенный мною от сети,
все еще работает мотор,

или это,
Господи прости,
вьюга заметает снегом двор?

Неужели красными должны
сапоги резиновые быть
непреренно,
чтобы нам весны
самых первых дней не пропустить?

Как картошка в мундире горячая,
галька крупная на берегу.
Рядом с пристанью — лужа стоячая.
Лодка в луже лежит на боку.

Я бы выкупить рад у хозяина
дом с крыльцом, небольшой огород,
фото в рамке товарища Сталина
за гроши, так как Сталин — урод.

Заснеженные обнажились склоны,
и лыжников, стоящих на вершине,
клевали жадно хищные вороны,
как злые чайки рыбаков на льдине.

Тем и другим ничто не предвещало
спасенья, ни колючий дождь с рассвета,
ни ветер, от которого трещала
трава сухая с нами рядом где-то.

Циклон, пришедший с Балтики, столкнулся
с антициклоном здешним так некстати,
что от удара я тотчас проснулся
и в ужасе уселся на кровати.

Обратной силы не имеет договор,
когда-то между нами заключенный,
но может разрешить возникший спор
твой взгляд влюбленный.

Тебе достаточно лишь на меня взглянуть,
как будто слабовидящий котенок,
иль голову мне уронить на грудь
в слезах спросонок.

Обнажилось нашей жизни дно
из-под снега, словно в час отлива
дно морское.
Холодно. Темно.
И к тому же страшно некрасиво.

Я однажды в жизни видел, как
переобувается калека,
и торчит ноги култышка так,
словно куст замерзший из-под снега.

Мало люди думали о Боге.
Без души, без сердца — невзначай.
Верно, позабыли, что дороги
далеко не все приводят в рай.

Издравле враждебные народы
отирали хладный пот со лба —
огородники и садоводы.
Между ними насмерть шла борьба.

Жарким обещал быть день весенний.
Многие разделись догола,
и, как будто веточки растений,
быстро обгорели их тела.

Я вижу то, чего в помине нет,
или другие видеть не должны.
Мне в яблочке созревшем на просвет
коричневые семечки видны.

Их точит червь коварный изнутри.
Поодиночке каждое из них
он выедает за ночь — до зари —
при свете лампы на глазах моих.

Давным-давно забытую морзянку
напомнит мне холодных капель стук
в ночи о подоконника жестянку.
Кошмар и ужас наводящий звук.

К капли я, прислушавшись невольно,
в конечном счете все про нас пойму,
и почему бывает нам так больно,
обидно и противно почему.

Когда на волю выпускали птиц,
тепло их оставалось навсегда
у нас на пальцах,
как между страниц —
степной ковыль, полынь и резеда.

Щеглы, овсянки юркие, скворцы
без устали взмывали в небеса.
Как колокольчики,
как бубенцы,
звенели над землей их голоса.

Вдруг приоткрылась дверь настолько,
что нам соседку слышно стало.
Бог весть, *перцовая настойка*
язык соседке развязала?

Или не выдержала пытки
она *имбирной* и *стрелецкой*?
О, эти крепкие напитки —
наследие страны советской!

Как будто до рождения Христа
лишь ветер шевелил сухие травы,
а голая земля была пуста,
и дикие на ней царили нравы.

Должно еще немало лет пройти,
чтобы картина мира изменилась,
забрехала надежда впереди,

звезда на горизонте засветилась.
Большая бабочка, из темноты
летающая на свет, в мгновение ока
прозрала от душевной слепоты,
взметнулась ввысь и унеслась далёко.

Как лицеистов с гимназистами,
помимо нашего желанья,
нас сделали униформистами,
цирк — нашей сферой обитанья.

Костюмчик плохонький из подлости
враги назвали школьной формой,
но, преисполненные гордости,
мы посчитали форму нормой.

Победа единообразия
была пугающе короткой.
Тогда с ботинок пятна грязи я
навек стер сапожной щеткой.

Совсем, совсем другие птицы
расположились на перроне,
что прибыли из-за границы
к нам в plombированном вагоне.

Казалось, стайки небольшие.
Сперва одна, потом другая.
Они совсем-совсем чужие.
Или страна для них чужая.

На лестнице у радиатора
вихрастым очнусь пареньком,
к окошечку иллюминатора
тихонько прижавшись плечом.

В квадратной проекции облако
имеет внушительный вид,
меня от звериного облика
его и трясёт и мутит...

А может быть, сырость вечерняя
причина болезни такой,
натура моя слаонервная,
которой так нужен покой?

Твоя рука в руке моей
меняет очертания,
как воск, как глина, чем сильнее
сердечные страдания.

Тебя я за руку держу,
как будто чашку чайную,
которой с детства дорожу
я словно страшной тайною.

В окошко струйкой льется свет,
как из проектора киношного.
И никого в пустыне нет
кинотеатрика полночного.

Нет в целом мире никого.
Ни даже в дальнем космосе,
как в древнем храме — ничего,
одни на стенах росписи.

Покою чайки не дают
своим истошным криком,
когда над берегом снуют
они в восторге диком.

Их крик доносится до нас
из тьмы ветхозаветной.
Сколь безобразен Божий глас
в устах у твари смертной!

В полдень от асфальта пар струится,
и, когда иду я босиком,
чувствую, как плещется водица
теплая-претеплая кругом.

Я глаза на солнце сладко жмурю.
Кажется мне, будто не спеша,
аки посуху на Русь святую
за руку веду я малыша.

По морю мой сын идет за мною,
не боясь в пучине утонуть.
За него в ответе головою,
я не подкачаю как-нибудь.

«БРОНЗОВАЯ ОЛИВА» и другие рассказы

Гойко ЧЕЛЕБИЧ

Ревнивый мужчина в лагере беженцев

Идет война. Одна страна разрушает другую, и никто не задумывается о преждевременном перемирии. С двух сторон государственных границ огромные толпы людей забились в большие бараки, предназначение и размер которых с первого взгляда не определить, ровно как и количество людей, находящихся в них.

Некоторые лежали на земле, наполовину высунувшись из своего спального мешка и, подобно больным, ждали, пока их кто-нибудь из них достанет и перенесет в другое место. Другие же, голодные и уставшие, спали, позабыв о цели своего бессмысленного странствия. Кое-кто медленно пережевывал сухие хлебные корки, которыми их обеспечила невидимая рука одной из гуманитарных организаций.

Во времена разлуки и бедствий, когда всё оказывается в руинах, люди больше всего сопереживают тому, что им самим близко: горящий дом, чья-то неверная жена.

Экшем присел у бетонной колонны посреди огромного помещения. В этот момент он был до крайности одинок, хотя где-то здесь должны были быть его близкие, жена и трое детей. Дети всегда умели найти своих сверстников, чтобы играть вместе, даже, будучи беженцами.

Мужчины жили в одном конце лагеря, а женщины в другом. Тем не менее, эти две части не были далеко друг от друга, поэтому мужчины хотя бы раз в день могли встретить женщин. Экшем никогда в жизни не ставался со своей женой, и поэтому эта исключительная ситуация так мучила его.

Два мавра, по виду близнецы, спят на животе на двух одеялах, разложенных посреди помещения.

Откуда здесь взялись мавры, и что этим чертовым маврам здесь нужно?

Они по пояс оголены, что само по себе странно. Их ужасно вызывающая мускулатура, развитая, эбеновая, без каких-либо признаков жира, выделяет их спины на фоне истощенных фигур вокруг. Экшем считает это несправедливым и неуместным. Кроме того, шею их вбиты в плечи, спрятаны под кудрями черных как смоль волос, затянутых в лошадиный хвостик (теперь уже нет сомнений, что мавры близнецы) и выбритых на макушке, благодаря чему можно наблюдать нечто уникальное: мышцы даже на черепах.

Они настолько одинаковые, настолько полны силы, что наблюдение за ними доставляет неприятные ощущения. Их самоуверенность здесь ни к месту. Действительно, звери, как сказали бы врачи. В лагере беженцев, наскоро построенном из-за ужасающего града бомб сотен самолетов НАТО, который ежедневно сыплется на Косово, нет ничего, что бы объясняло присутствие двух проклятых мавров.

На противоположной стороне этого огромного помещения, чье назначение было, судя по всему, изменено во время войны, но которое все же придерживается своего изначального плана как может, выдавали продукты

и сахар. Народ потихоньку просыпался и приходил в себя. Парочка мавров потягивалась и тоже вставала, хотя нелегко было себе представить, чтобы эти тренированные силачи стояли в очереди за хлебом или чем-то еще. Их интересы не ограничиваются только едой или помощью Красного Креста. Эти мавры какие-то подозрительные.

Вдруг возникает какое-то волнение в углу перед сауной (ну видите, и сауна здесь есть!). Возле жены Экшема собираются незнакомые люди. Издали видно, что ей это малопривно.

Сгущение тел около нее не предвещает ничего хорошего. Понятно, что его жена, почти как и все албанские женщины из Косова, покидала свою родную деревню лишь несколько раз в жизни. Всё время она проводила во дворе и в доме, огороженном трехметровой стеной, которая охраняла его от посторонних взглядов извне. Жена его, как и полагалось, была окружена большой семьей.

Экшем изо всех сил старался понять, что там происходит, так как он находился на мужской, а она на женской стороне лагеря. Но, к сожалению, видел он только их, а не ее. На секунду ему показалось, что у него галлюцинация, что все это ему кажется. Если бы это была правда! Как эти мерзавцы вообще попали на женскую половину, и что им там надо? Видно, как неловко и неприятно жене. Она кладет телефонную трубку, которая там непонятно как очутилась, и вместо того чтобы ударить одного из этих назойливых негодяев, пытается обиженно, но уверенно протестовать:

— Свины!

Лицо ее разгорелось, волосы на шее слиплись от пота, грудь и ягодицы покраснелись. Кайма ее юбки в одном месте замоталась в резинку на поясе, так что и это случайное совпадение дало повод оскорблениям и унижениям. Эта уязвимость и незащищенность больше всего разжигают мужчин. Мавры встали за спиной у Экшема и внимательно наблюдали, что происходит с его женой. Их темные планы покрыты мраком неизвестности. Подозрительные типы, подозрительные.

Если бы он только мог встать и прийти на помощь! Это было бы очень кстати. Его жена уже пыталась пробиться сквозь кольцо любопытствующих по направлению к сауне, куда, судя по всему, по-прежнему хочет идти, привлекая к себе всеобщее внимание. Если бы он туда мог прорваться — в ботинке у него спрятан нож, с которым он великолепно обращается, как и все албанцы из Косова. С ним бы он что-нибудь предпринял...

Только это неосуществимо.

Где его дети?

Два мальчика должны находиться в мужской части где-то здесь, а дочка, вместе с мамой, — на женской половине лагеря беженцев. Хотя сейчас здесь царит полный хаос, и лишь Аллаху ведомо, как всё обернется...

Откуда там появились мужчины?

В этой его части нет ни одной женщины, однако они туда каким-то образом проникли: или подкупили смотрителя, или вошли силой. И, судя по всему, развлекаются там, где им нечего делать.

Больше всего беспокоит то, что органов власти не видно и не слышно. В критических ситуациях так бывает всегда, какая бы власть ни была. И уж точно это не случайность. Это сущность этих проклятых полицейских: когда они никому не нужны, то они везде, а когда необходимы — как сквозь землю проваливаются. Разумеется, полиция придерживается сильных.

Экшем снова поднял голову, вытянул шею в последний момент, но его жена уже исчезла. Была только свора неизвестных людей, которая минуту назад сдавливала ее, и страшный, угрожающий скрип каких-то дверей, возможно, сауны. Его настигают черные мысли, с какой бы стороны он на это ни смотрел. Будто бы он прибежал поздно на остановку по имени Жизнь.

Он вовремя не обратил внимания не только на то, что происходит там, напротив, но и на то, что происходит в его окружении. Оно его беспощадно уничтожит.

Один из мавров-близнецов за его спиной вытащил маленький, искривленный нож...

Прощай, милый сосед, земляк, добрая душа, муж потаскухи!..

СЛАБОСТЬ СЕРДЦА

Быть убийцей в коротком рассказе, помимо прочих безусловных выгод, также имеет один недостаток: чувствительность и слабость собственного сердца.

Это не как в жизни: раз, два — и готово...

Короткий рассказ от убийцы требует гораздо большего, чем жизнь: всё его сердце.

МАЛЕНЬКИЙ КОСТЕЛ В ДОЛИНЕ УРУГВАЙ

Твой маленький костел. Белая кладка снаружи, хотя и не каменная, прозрачность изнутри: будто шляпа, залитая солнечным светом. Твоя шляпа. Всю свою жизнь ты в бегах, а преследуют тебя из-за этих восьми букв, вернее, шести (*костел*). А сейчас, на противоположном конце света, время поглотило всё: шляпу, алкоголь, странных девиц, игральные кости, пышные речи.

Ты уже умер, еще много лет назад. Честь твоя надеялась на достойный поединок, неприятель же твой надеялся схватить тебя поскорей.

Да, чисто вокруг: неторопливое солнце ласкает твое лицо, конь поит тебя огненной водой из ноздрей, полотенце развевается в бычьих рогах, револьвер приносит утешение твоей руке. Ты разглаживаешь бороду, залитую светом пампы. У тебя есть свой маленький костел, где кто-то молится за твою бледную кровь.

Вечером этот кто-то возвратится в Монтевидео и на площади Реконкисты спросит у одной брюнетки:

— Сколько?

Она ответит ему, что стоит на этом пригретом местечке не для того, чтобы что-то делать самой, а для того, чтобы отправлять клиентов к другим девушкам, которые это делают.

— Меня интересуешь только ты.

— Хорошо, — ответит она, на секунду задумавшись.

Они поднимутся на второй этаж отельчика и займутся *этим*.

В костеле в долине у тебя много места. Кто-то постоянно приходит — помолиться за тебя. Ставит свечу за упокой. За твою бледную, но сильную кровь.

Неторопливое солнце греет вас обоих. У кого-то неопровержимое основание: жить на солнце тридцать минут, у маленького алтаря — это уже вся жизнь. Конь, бык, маленький костельчик шляпообразной формы, одно давнее воспоминание... Кто этим владеет, владеет и остальным.

Ты не одинок: кто-то упоминает имя твое, кровь твою, звание твое.

Этот кто-то обедает в трактире на углу, в деревушке, что на границе с Бразилией. Хозяйки, заведующей этим кабакком, сейчас нет, и еду разносит мулатка из кухни. Под грудью у нее виднелась белая веснушка.

— Где я?

— На бразильской границе. Что закажете, молодой человек?

— Тебя.

Обед подошел к концу, настало время сиесты. Комнатушка над ковром из бегоний, с сеткой от москитов на окне. Продолговатые ягодицы мулатки были без единой капельки пота. Белая веснушка весь его поглощала.

— Всё, что за пределами Бразилии, — пустыня, — проговорила она, — потому что первое, что создал Бог, была эта земля.

— В таком случае Богу ни много ни мало пятьсот лет?

— Вот именно, — ответила она между поцелуями. — Разве недостаточно?

Создать что-либо и со всех сторон окружить пустыней? Женщина эта была права. На пятьсот лет этого точно хватит.

Кто-то к тебе возвращается, преклоняет колено перед твоим алтарем, вспоминает о тебе. Ты никогда не будешь одинок на свете. Ты это заслужил.

И конь тебе принадлежит, и улитка, что медлит в твоей бороде на твоём чистом и гордом старческом лице. Бык, револьвер, полотенце — всё тебе принадлежит.

Течение реки Уругвай, смывая красную как кровь глину, полукругом оmyвает маленький костел, стараясь не задеть его своим шумом. Воду она несет прямо со дна земли. Ночь, захватывающую дух, рождает птица уругвай, желтокрылая, с красным хвостом.

Костел твой мал. Вошел бы на ладошку. Ветер, скрытый под желтыми крыльями, перенесет его в ночную крепость. Окрыленная твоя борода опустится на книгу чести.

Но, как и все духовные лица минувших лет, ты никогда и нигде не ночуешь. Вечером ты прокричишь в сторону своего палача: «Пусть комиссар Томанович изволит назначить своего секунданта!»

Ночь в этот момент сменится днем — в покинутой долине реки Уругвай начнет светать.

ИНТЕРВЬЮ

Интервью — это такой вид текста, где ни один из говорящих не говорит ничего нового. Честное слово! Типично для нас. У Шукрии было четыре жены, с которыми он жил в одном доме в одном среднезаброшенном торгово-ремесленном городке. В нашей типичной среде. Первая его жена была на несколько лет старше его, две средние — ненамного младше, а самая молодая — аж в три раза моложе своего мужа. Описать совместное проживание такого общества не каждому рассказчику под силу. Всё, что происходит, скрыто от глаз общественности, запрятано за стенами и перегородками. Честное слово. Милан был соседским сыном, час от часу приезжавшим из Белграда навестить своих старых родителей. Как правило, он привозил с собой девушек-коллег, с которыми вместе учился, иногда сразу нескольких. Недели или две спустя он исчезал, причем не в обратном направлении, а ехал в Боснию или Косово. Да, именно так, в западном направлении — в Боснию, или же в восточном — в Косово. Однажды он попросил молчаливого мусульманина дать ему интервью в белградский «Зум репортер», но Шукрия отказался, сославшись на свой возраст, при котором человеку уже нечего сказать свету. Так он изъяснился. На классический журналистский вопрос, можно ли сделать групповую семейную фотографию, он находчиво ответил: «Мои жены сейчас как раз спят». Во время каникул следующего года Милану страшно захотелось сфотографировать Зейлану. «Она уже не в три раза младше меня, — сказал Шукрия, — уже не в три...». Когда удивление Милана прошло, ему показалось, что это, в общем-то, даже возможно, ведь если ей семнадцать, а ему, скажем, пятьдесят, то выглядело бы это как 1:3. Когда ей исполнилось восемнадцать, то ему должно было быть пятьдесят пять лет, чтобы соотношение было одинаковым. Пятидесяти пяти ему еще не было. Лет пятьдесят пять было его первой жене. «Он прав», — сказал Милан своему маленькому гарему растрепанных коллег. «Ну и что, черт с ней, с этой его Зейланой», — проговорила одна из них над бутылкой коньяка, дно которой было уже опустошено. Типичная для нас реакция. Прошло несколько лет. Следующая попытка Милана также не принесла успеха. Шукрия забаррикадировался в стенах молчания и отказа. «Я никогда не возьму это интервью», — жаловался Милан своим коллегам. «Наплюй на это, — сказала одна из них, — забудь». Наш типичный комментарий. А годы всё мчались. Когда Милан пробовал в последний раз, Зейлане было уже двадцать девять, поэтому она была лишь в два раза младше мужа. «Нееет!» — был комментарий Шукрии, сопровождаемый резким жестом. Милан, которому учеба в Белграде была уже по горло, швырнул блокнот на стол и бросил гневный взгляд в окно на соседскую неприступную крепость. «Еду в Кувейт. Возьму там интервью для «Зум репортера» хотя бы у шейха Абдулхашима!» Так и случилось. Уехал в Кувейт. И это испортило, испортило весь рассказ! Это наша сущность. После его отъезда в Кувейт вышли на поверхность все недостатки рассказа. Недостаток или, исходя из Словаря литературного сербохорватского языка, *нужда, необходимость, несовершенство, ошибка, изъян, несуществование, нехватка чего-либо*.

Так этот рассказ и завершился, с морем недосказанного, неоконченного, с отсутствующими подробностями — словом, без всего того, чем нас снабжают наши старые, проверенные писатели, наши классики. Без детишек во дворе у Шукрии, крик которых с утра до вечера раздаётся по всем близлежащим улочкам и закоулочкам, без закутанных жен, которые, надев широкие штаны, идут за водой, взгляд устремляя вниз: на голове у них по одному ведру, в руках сразу два; без мощного ишака, с хребта которого Шукрия по вечерам стаскивает свой товар, насвистывая при этом какой-нибудь напев, вроде: «Там внизу, в густом ивняке...». Отец Милана, офицер Югославской народной армии на пенсии, не только не шатается в ракийной завесе поздней ночью и не молотит кувалдой в ворота, пока его жена не встанет с постели и не пойдёт ему открыть — об отце Милана в этом рассказе мы даже не заикнемся... Это наша сущность. Также из рассказа выпал муэдзин, поющий молитву на минарете, когда солнце выходит; многочисленные родственники отца Милана, которые на свадьбах соревнуются в стрельбе из пистолета и бурном веселье до раннего утра, обращаясь к умершим героям гражданской войны, будто бы те могли их слышать: «Байа!..», «Сава!..», «Джуришич, самый молодой майор!..». Ничего, совершенно ничего из этого не обошли бы стороной наши классики: ни потрясающую рисовую кашу, которую старая жена на старости лет варит по случаю Рамадана, ни звон Зейланиных браслетов и стук ее деревянных башмаков, когда она торопится за водой на рассвете, ни баран, который жарится на решетке в соседнем дворе. Офицеры ополаскивают этого барана глотками изысканного вина, гогоча при этом на всю округу, словно казаки. Не остался бы без внимания и обрюзгший почтальон, который молится двум богам сразу, при этом поворачивая потный затылок справа налево, в случае если он приходит из города, или слева направо, если возвращается в этот многонациональный городок. Испарился из рассказа и сапожник, который бьет баклуши перед своей лавкой, бородатый поп, который вечером возвращается после обхода своих прихожан и на тройном развет-

влении дорог всё никак не может определить, куда же ему идти. Недостает даже разделки мяса, которой искусный мясник изумляет своих покупателей, одновременно ведя с ними разговоры о повседневных происшествиях, которые обсуждаются в малейших подробностях... Да, вот именно, в таких подробностях, на которые этот рассказ так скуп... Потому что рассказ, в отличие от интервью, не является текстом, где ничего нового не говорится. Рассказ — основательное и достоверное сообщение об... убийце и жертве. Да, об убийце и жертве. О Шукрии и Зейлане! Она умерла от руки своего мужа. По дороге в больницу. Милан так и не попал в Кувейт. Его отец в один хмурый вечер схватился за то последнее, что у него после долгих лет кутежа и попок оставалось, — за револьвер. Коллега по учебе кончила там, куда она и принадлежала — в одном борделе в Баня-Луке. Так, по правде, должен был начаться этот рассказ: как классическая детективная история.

ПРЕМИЯ ИВО АНДРИЧА

1.

Комнен сейчас разводился со своей женой в Которе. Оба они были молоды и сейчас совершали большую глупость — разрушали свой брак. Как бы там ни было, дело уже сделано.

Происходило что-то странное, всё было каким-то странным.

Когда она поняла, чтостряслось, их дочь уже безутешно плакала. Отец Комнена, старый господин Бизанти, сначала своим ушам не поверил, но потом, спохватившись, стал на сторону своей молодой снохи, хотя уже было поздно.

Комнен собирался поехать в Никшич, предположительно, чтобы договориться о переводе отцовской пенсии на счет банка в Которе. Это была его идея. Однако новость о разводе настолько шокировала старика, что ему уже было все равно.

— Делай что хочешь, — сказал он.

Раньше подобные дела так быстро, как сегодня, не решались. Среди всех слоев населения пенсионеры себя чувствовали хуже всего. Общество приходило в упадок как морально, так и материально. Пенсионеры никого не волновали, они были брошены на произвол судьбы.

В Никшиче у Комнена были какие-то родственники, но главной причиной его отъезда было нежелание оставаться со своей семьей. Он хотел хоть что-то изменить в своей жизни, хотя бы на время. После супружеской ссоры он вышел из дома хмурый и озлобленный, однако на улице его встретило тепло весеннего солнечного утра.

Весной Котор красивее всего. Правда, вонь от речушки Гурдичи поблизости городских стен, в самом конце Боки Которской — невероятный позор. Ответственность за это несут коммунальные службы и мэрия. Деньги за вывоз мусора и прочих служб постоянно снимаются с пенсий и зарплат, но всё это бесполезно. Если бы захотели, проблему водосточных труб и всякого мусора могли бы решить уже сто раз.

Рано утром эта вонь была еще более едкой, чем обычно. С доков Доброты раздался протяжный звук сирены. Комнен ускорил шаг.

На автовокзале, под церковью Св. Троицы, на краю широкого перекрестка, который был удачным местом для автостопа, стоял человек в сером плаще и темной шляпе.

Это был Иво Андрич, обладатель Новелевской премии в области литературы за 1961 год.

Его небольшой чемоданчик, бока которого провалились, свидетельствовал о том, что он едет недалеко. Господин Андрич выглядел очень опрятно, был гладко выбрит и одет с иголочки. Похоже, что его взгляд направлен к полуострову Луштице, мимо которого как раз проплывала белая лодка.

Комнен, сразу сориентировавшись, хотя всё вместе это было крайне странным и загадочным, пожелал доброго утра и занял место возле него, на должной дистанции. Они не ждали долго. Хотя движение по горной дороге в Ловчен не было плотным, один грузовик притормозил и остановился прямо между ними. С водителем никто не ехал. Молодой человек, всё еще осторожный и немного сонный после всего того, что произошло ночью и утром, после ссоры с женой, счел нужным сделать следующее. Сначала он подошел к грузовику словенской марки TAM (*Tovarna avtomobilov Maribor*), средней грузоподъемности, резко открыл дверь, как будто хотел сесть первым, но потом снова занял место на должной дистанции, теперь уже меньшей, что должно было означать одно: он пропускает вперед своего попутчика.

2.

Молодая женщина вернулась с рынка.

В одной руке она несла литр молока, буханку серого хлеба и 250 грамм паштета, а в другой теребила свой пустой кошелек с непригодным талоном на пенсию своего свекра. Пенсии выплачивались с опозданием, а когда всё же какая-то незначительная сумма приходила, то была настолько урезанной из-за инфляции, что уже через две недели приходилось брать займы и лезть в долги.

— Я слышала, от тебя муж ушел, — сказала ей подруга, с которой она столкнулась в узкой улочке между старой тюрьмой и Рыбным рынком. Жена Комнена продолжала молчать, в то время как подруга прибавила:

— Все мужчины одинаковы. Если ты ему больше не нужна, тут же тебя вышвырнет. Давай вечером куда-нибудь зайдем вместе!

Обрывистый горный массив Ловчен, который черногорцы считают своим Араратом, бросал на город и залив свои ранние тени.

По скрипучим деревянным ступенькам дворца Бизанти она поднялась на второй этаж. Нужно было заплатить домработнице, чтобы та вымыла ступеньки и вообще весь дом, но денег у нее не было. Свекор был человеком добрым и никогда ей не предлагал самой вымыть пол, поскольку знал, что никогда раньше она этим не занималась, потому что была из благополучной семьи и еще не так давно могла выбирать среди нескольких поклонников.

— Голуб Утешинович не приходил? — спросила она застенчиво.

— Это тот молодой человек из Грбаля?

— Да.

— Люди из Грбаля всегда верно служили нашей семье! Но времена меняются, меняются, — сказал он.

Она поняла, что они друг друга не поняли. Голуб был стеснительным парнем, жившим недалеко отсюда, и у него не хватало смелости к ней обратиться, что его в конечном счете и выдало. Подумав немного об этом, она решила, что хорошо, что они со свекром не поняли друг друга.

Тень Ловчена над морской тишиной незаметно вкрадывалась в окно, словно некий призрак.

3.

Какое-то неопределенное предчувствие терзало Комнена. Чтобы как-то от него избавиться, он пробовал заговорить с водителем, которому, впрочем, было совершенно все равно, кого он везет. Комнен непрестанно думал о комфорте своего попутчика, тем самым забывая о собственном неудобстве. Оба в конце концов решили, что лучше будет вытянуть ноги и положить их на жестяной настил между водителем и пассажиром, но чтобы их спины в таком неестественном положении могли опереться о что-нибудь упругое. Взаимодействие попутчика способствовало созданию маленького комфорта, и первые, самые сложные пятнадцать минут прошли.

Через высокий Ловчен, который соединяет овраг Черногории с морем Боки Которской, на грузовике можно проехать с большим трудом, да и то очень медленно: это отнимет час или полтора, и Комнен это прекрасно знал. Также он понимал, что от следующей остановки, Цетине, до Никшича еще два-три часа. Тем не менее путешествие было каким-то таинственным, особенным, волнующим.

На выезде из Титограда они задержались еще на полчаса из-за дорожных работ. Только здесь пожилой мужчина отложил свой плащ, и Комнен впервые почувствовал радость: большая часть плаща легла именно на него (кабина была настолько тесной, что лишнего места в ней не было).

Когда они проехали через Даниловград, грузовик замедлил ход. Пыхтя, он въезжал на гору, где паслись кони. Пожилой мужчина поверх их спин смотрел на каменистые склоны холмов и голубой небосвод.

— Они голодные, поэтому пасутся, — сказал он.

Комнен не обратил внимания на это, водителю же было всё равно.

Через какое-то время попутчик внезапно нарушил молчание вопросом:

— Вы уже попробовали местный сыр?

Этот вопрос никому конкретному не адресовывался, скорее тому, кто на него первым решит ответить.

— Лучший сыр делается в Дурмиторе, — сказал водитель.

— Тот, что из Крнова, тоже неплохой, — сказал Комнен, чьи знания опирались на уроки географии.

— А вы пробовали сыр из Сеницы, бочковой? — оживился водитель, который, похоже, неплохо в этом разбирался.

Мы ехали дальше, оставив далеко за собой монастырь Острог, который белеет на голубой скале, словно корабль в заливе, устремленный в высоту. Какое-то время мы молчали.

— ...потому что Франция — это нечто иное, — снова начал пожилой мужчина, как будто сейчас говорилось об этой стране и ее деликатесах. — Сыр для француза — повседневная вещь... Потому что их президент Шарль де Голль сказал, что трудно управлять страной, в которой 450 видов сыра...

Комнен только сейчас понял, что с объяснением причины что-то не так. Как может любовь к сыру какого бы то ни было народа аргументироваться заявлением наивысшего авторитета, а не, скажем, столетним режимом питания? Французы задолго до Шарля де Голля были любителями сыра, и вряд ли это когда-нибудь изменится. Вслух он этого замечания не сделал.

Когда они приехали в Никшич, пожилой мужчина тихо проронил адрес и название какого-то пансионата, куда они вместе и направились.

4.

То, что произошло дальше, рассказывать непросто, потому что незапланированные дни в Никшиче, почти две недели, также были непростыми. Югославское общество начало с неумолимой скоростью опускаться на дно: как нравственное, так и денежное. Больше всего пострадали пенсионеры — они были на самом дне. И выхода как будто не предвиделось, куда бы вы ни посмотрели. Многие уже ждали только смерти.

Комнен помог своему попутчику с размещением в этом единственном пансионате (слава Богу, что хоть один нашелся), после чего отправился улаживать свои малоприятные дела.

Первую половину своей жизни его отец отслужил в кавалерии в Требинье, во времена царствования Александра Карагеоргиевича. В своем зрелом возрасте он уже пробивался в Никшиче. Судя по всему, было тяжелее перевести эту несчастную пенсию из никшичского в которский банк, чем сохранить здоровье после всех тех лет, когда пала монархия, наступила послевоенная коллективизация, кровавое столкновение между просоветскими и антисоветскими черногорцами, при всем этом будучи отставным офицером и кормильцем при социализме.

Тем не менее это не было единственной проблемой. Несчастье никогда не приходит в одиночку, всегда влечет за собой другие. Был здесь и его спутник, с которым Комнен все эти дни находился в тесных отношениях, поскольку их совместное проживание незапланированно продлилось, и которого он старался не посвящать в свои трудности, но не сумел их утаить в такое время, когда столько людей оказались на грани голода.

Дела Комнена как-то запутались, и он метался по Никшичу, будучи в ужасе как от этой неожиданной ситуации, так и от той старой, при которой он бросил свою семью. Он понял, что теперь его жизнь кардинально меняется.

В течение последних нескольких месяцев в Которе жена его мучила как могла.

— Выйду замуж за Голуба Утешиновича и уеду в Грбаль, к твоему великому стыду!

Отец сохранял спокойствие, но особо не радовался. А дочь, что она смогла бы сделать? Умолять своих родителей и плакать?

Неужели Никшич — верный выход из этой ситуации? Что, нормальный человек убегает из Котора в Никшич? Этого Комнен никогда не узнает. Как-то вечером он купил сеницкого бочкового сыра (вспомнив совет водителя) и принес его в пансионат, где, в конце концов, забронировал себе ночлег. Благодарность старого мужчины не знала границ.

— Потрясающий, — сказал он, — потому что я даже не знаю, как вас отблагодарить.

Всё это было так странно, но по-своему неизбежно. Разве может голод, грозящий не только его отцу, но и сотням, тысячам, десяткам тысяч пенсионеров, оставить человека равнодушным?

Не может, и поэтому он взялся за дело. Служащая банка, после всех его многочисленных просьб и навязчивых вопросов, процедила, что ему незачем было сюда тащиться, что достаточно было подать заявление по телефону и, конечно, иметь в никшичском банке знакомых.

Ему страшно захотелось втоптать ее в землю. Всё же он взял себя в руки, что ему стоило больших усилий. «Стерва!» — сказал он мысленно, сдерживая себя, чтобы не сказать этого вслух.

Он организовал их возвращение обратно в Котор (попутчик, судя по всему, не имел ничего против), слабо понимая, на что он потратил эти пустые и изнурительные дни в Никшиче той весной, под крепостью коней обильного турецкого Оногшта, как когда-то выразился его друг и учитель. Всё прошло так странно и бессвязно, будто бы это продолжалось каких-нибудь 36 — 38 секунд, как не очень плохой и не очень хороший сон!

5.

На поезде они доехали до Бара (Комнен до сих пор не мог поверить, что путешествует вместе с классиком югославской литературы, которого он еще несколько лет назад изучал на факультете), а оттуда на автобусе в Котор. В воздухе уже чувствовалось приближение лета, а запах моря напомнил им, что в горах они задержались слишком долго.

Комнен побаивался, что его попутчик вдруг изменит свое решение и в самый последний момент останется в автобусе и поедет дальше, в Херцег-Нови, где его дом, который, после непродолжительной болезни и смерти госпожи Милицы Беба Бабич, выглядел печально. Пожилой мужчина остался один. Да, один-единешенек. Тем не менее дом — это место, куда хочешь не хочешь, нужно возвращаться.

Но после того как их автобус ненадолго остановился в Радвановичах перед прославленным трактиром одного славного человека из города Грбаль, пожилой мужчина, замученный дорогой, спросил, скоро ли они доедут до Котора. Только тогда Комнен успокоился: он видел, что всё идет как надо и что всё в порядке.

Однако радоваться, что события развиваются с кажущейся логикой и смыслом, долго не пришлось.

— Женщины — особые творения, — сказал мандарин после продолжительной паузы, которая возникла после одного из многочисленных вопросов водителя на эту тему, пока они ехали в его грузовике. Это был и одновременно не был ответ на его вопрос.

Это было в грузовике, который вез их несколько недель назад в черногорскую глубинку, в старую Черногорию.

А теперь, когда они возвращались в Котор, тот вдруг спросил:

— Вы женаты?

То, что Комнена шокировало, было не содержание предыдущих и теперешних взглядов на женщин, а их последовательность. Обратная последовательность выводов (сначала следовало бы спросить, женат ли он, а потом уже рассуждать о женском характере) дала бы ему некий шанс... Но такое рассуждение! Мурашки бежали по телу, когда он представлял, что уже скоро будет сидеть на скамье подсудимых перед своей семьей, где его жена, без всяких сомнений, будет в роли судьи.

Было два варианта: либо у старого писателя исторических романов было не всё хорошо с порядком слов, то есть логическими выводами, либо Комнена, после всего, что произошло в его супружестве, не ожидает ничего хорошего. Ни первый, ни второй вариант особо радостными не были. Жизнь по-прежнему прижимала его к стенке — своими нелепыми сюрпризами.

Через каменные ворота, построенные во времена, когда еще Котор был республикой в XV веке, мы вошли вовнутрь. Из стены, заросшей мхом, кое-где пробивались стебельки травы.

— Не будем отчаиваться, — прозвучал знакомый голос сзади, в то время как они поднимались по ступенькам родного дома Комнена, старинного дворца Бизанти в восточной части площади Оружия, теперь уже ветхого и внутри похожего на катакомбы сооружения.

В Югославии всё так быстро пришло в упадок, что всё старое уже могло называться мертвым, а то, что доживало свой век, считалось зачахнувшим. Так обстояли дела с Югославией, которую ничто на свете не могло спасти от размозжения о скалу собственной гордости и тщеславия. Так она разваливалась, чередуя боль со зловонием.

— Нельзя иметь надежду, пока мы отчаиваемся...

Пожилой мужчина, судя по всему, хотел сказать обратное (нельзя отчаиваться...), но Комнен сдался. Он окончательно понял, что настал конец этой легендарной гармонии мысли и письма, которая золотыми буквами вписала себя в историю югославской литературы («Писать нужно так, чтобы словам было тесно, а мыслям — просторно»), и уже нельзя надеяться, что этот мозг снова возьмется логику, дисциплину и вернется к проверенным закономерностям этого мира.

Душа Андрича пошла по другому пути — свершилось!

«Есть писатели, — подумал Комнен, — которые в библиотеку и сумасшедший дом идут по одной и той же дороге».

В последнее время Комнен уже привык к этому голосу, как когда-то привык к скромному и неприметному порядку

слов, вдохновленному психологией многочисленных героев старой Боснии, которая ни на миг не отеклась от щедрых услуг, предоставляемых смертью на поле исторического романа.

Некогда настолько изящные и аккуратные предложения, карьера, десятилетия терпеливого труда, вознагражденные Нобелевской премией, — всё это теперь самым банальным образом мстило дьявольской, иезуитской строгости мышления и действия.

6.

Жена встретила их дружелюбно, давая знать, что относится с пониманием к этой наклонности своего мужа — находиться поблизости живого классика, как будто это было обычным делом. Гостя это никак не сбilo с толку, зато молодого хозяина — да. Комнен обнял свою жену, словно заключал долго и нелегко подготавливаемый пакт. Это было всё, на что он сейчас решился.

Обнимая жену, он почувствовал, что она сильнее его.

Сейчас были кстати советы писателя из совершенно другой области его деятельности — дипломатии.

— Дипломат никогда не потеет... и не может допустить, чтобы его усилия были видны, — советовал он своему попутчику, когда они выезжали из Никшича. — Потеть вредно — это истощает здоровье и вредит телу, — добавил он не без основания, наблюдая из окна дрожащий воздух, который в разгар дня превратил Боку Которску в огненный кратер.

Неестественное и пугающее течение мысли старого попутчика нагнал на Комнена страх. Мысли мудрого архивиста и летописца старой Боснии были в порядке, это правда, однако последовательность этих мыслей сводила слушателя с ума.

Неужели одно-единственное слово *потому что* может навредить такому великому мозгу?

Ничто не было как раньше, в старые добрые времена, когда мудрые предложения Иво Андрича (например, «Молчание дает уверенность») на бумаге безоговорочно соблюдали языковую дисциплину великого писателя и уважали хорошие манеры народа, родившего его. Сейчас эти же мысли отчаянно искали аварийный выход из собственной манеры и стиля, какими они преподносились, и этот выход они нашли в душевном расстройстве.

Какая чудовищная ошибка!

Всё происходило быстро, как в фильме. Еще миг спустя у него уже не было времени заниматься этим. Старый Бизанти открыл двери большой гостиной, оформленной в идеально продуманном стиле, но, к сожалению, уже настолько дряхлой, что казалось, вот-вот рухнет и рассыплется в пыль весь барочный зал.

— Какие гости к нам пожаловали! Такая честь! — воскликнул старик.

— Это для меня честь, — прозвучал знакомый звонкий голос после минуты молчания. Он использовал эту возможность, чтобы не только официальную часть, но и глубину своих мыслей приспособить надлежащей ситуации. Сконфуженный Комнен был поражен.

— Честь не подлежит нашему повседневному сравнению, — сказал писатель. — Это, к сожалению, может значить только одно: как нравственная ценность она принадлежит, в первую очередь, мертвым. Мы крадем честь у мертвых при более чем подозрительных обстоятельствах, уважаемый господин!

Да, это произошло снова: слова и выражения своими неожиданными оборотами и последующей неразберихой отдаляют мысль от ее первоначального источника и крадут ее у собственного мозга, сколачивают заговор и месть как раз тому, кто их выдумал — самому автору! Тому, кто написал «Мост на Дрине», «Травницкую хронику», «Знания вдоль пути» и многие другие вечные произведения, где он описывает сосуществование полумесяца и креста, ислама и христианства, что до него никто в мировой литературе никогда не делал, ни на каком языке! А как теперь себя ведут эти подлые слова, когда человеку хуже всего: пенсионеру на старости лет!?

Это было уже слишком.

К огромному сожалению Комнена, случилось именно то, чего он больше всего боялся: разговор сосредоточился на самой чувствительной для старых людей теме, вездесущей и небезопасной — на пенсии и старости.

Ни первая, ни вторая тема не сияли оптимизмом. Размер сегодняшних пенсий — это позор. Мафусаилов век, на пороге которого оба оказались, не предвещает ничего хорошего. Однако уже было поздно менять тему.

— Честь сегодня затоптана больше, чем когда бы то ни было, несомненно! — оживился отец. — Присаживайтесь!

7.

В этот год, 1969-й, Котор опустошило землетрясение. Многие погибли в этих древних развалинах. Колокольня Собора Святого Трифона разломилась, как чаша, а от алтаря церкви Св. Луки, построенной в XII веке, осталась лишь горстка камней.

Из окон их спальни было видно это крушение, и отчаявшийся Комнен, в котором еще теплилась искра надежды, попытался обнять свою жену. И теперь снова, спустя много времени, его шею защекотали ее черные волосы. Во время медового месяца, когда реальность переплеталась с мечтой, он боялся, что волосы ее, такие ломкие и колючие, сломаются и поранят нежную кожу ее шеи и груди. Тепло и мягкость женского тела пробудили в нем спящие желания.

Она была и одновременно не была его женой.

Оживленный разговор двух стариков в гостиной казался нереальным. Казалось, что он доносился откуда-то издалека.

Иво Андрич говорил о красоте розы, цветущей по весне, но также и о судьбе и страшном приговоре увядания. Жена, оказав вежливый прием, гостем больше не интересовалась. К сожалению или к счастью, можно было разобрать лишь каждое третье слово.

Разговор каким-то образом зашел об инцесте. Кому бы в голову могло прийти, что два старика заговорят о чем-либо подобном — о физической любви двух родственников?

Сделав вдох, писатель начнет интонировать, почти петь, с чувством, но очень тихо, как это, наверное, делалось во времена его молодости:

Сараево, почему грустишь?..

— Инцест довольно интересен, — сказал он. — Как литературная тема, конечно, — добавил он тоном, выражающим запоздалую предусмотрительность и сожаление. Его голос на мгновение стал тем, чем всегда были и его мышление, и его произведения, — покаанием. Он продолжил пение:

*Сестра рукава вышивает брату,
Он помогает с корсетом.
Она говорит ему тихо:
«Сильнее, брат, сдавливай грудь,
Чтобы и яблочко не проскользнуло,
Не говоря о руке брата!»
Брат сестре отвечает тихо:
«Ты, сестричка моя, проказница!
Если чужая рука там объявится,
Корсет твой и сам по себе развяжется...»*

Старый Бизанти нашел где-то бутылочку сладкого ликера и наполнил рюмки — свою и гостя. Снаружи стояла чудовищная жара. Испарения морской соли поднимались в воздух, но в помещении было приятно.

Какой-то недоумок завизжал на площади Оружия. Время неумолимо шло вперед.

Вдруг Комнен осознал, что неимоверно потеет. Что-то было не в порядке. Опасение, вызванное отсутствием логики в мыслях своего гостя, всё возрастало. Возрастала угроза потери этого проклятого слова *потому что* в разговоре стариков, потери его так называемого политического атрибута в коалиции жизни и смерти, в уставе жизни и смерти, проигрыш, беспредел — страшно подумать!

8.

Комнен решил, что лучше будет заняться семейными перипетиями, не подозревая, что именно здесь его поджидает самый высокий накал страстей.

На вопрос, где их дочка, его жена спокойно ответила:

— Я послала ее в Грбаль.

— Ты это серьезно?

— Да.

— Ты снова начинаешь? У тебя нет ни грамма совести?

Она нервно надевала короткую, красную, тесно облегающую юбку. Возможно, ее интересовал разговор в соседней комнате, но она не считала его важным, и это еще больше вывело его из себя. Она, как всегда, сосредоточилась на материальном вопросе их супружества.

— Она там, по крайней мере, есть будет!

— Что ты хочешь этим сказать?

— Ничего я этим не хочу сказать, только то, что мы с тобой оказались на грани нищеты, а теперь ты удивляешься, когда я говорю, что отправила ребенка на каникулы в усадьбу Утешиновичей!

— Своей бабушке рассказывай об этих каникулах! В Грбаль ты ее отослала для того, чтобы здесь в Которе могла преспокойно развратничать!

Она вlepила ему крепкую пощечину, и он застонал от боли.

Настала гробовая тишина, в которую незаметно что-то вкрадывалось, и это что-то было вечным голосом родителя, пожалованным ему Господом Богом, чтобы сын с детства был преисполнен веры в тяжелую жизнь, которая его ожидает:

— Мой предок Трифон Бизанти преподавал греческую литературу в университете в Падуе... и когда я... несмотря ни на что... мне очень посчастливилось, и я был в Падуе, и могу вам сказать, дружище...

Это был мой старый отец.

То, что он хотел сказать в действительности, полностью свел на нет тем, что он сказал на самом деле: исходя из его слов, в Падуе он был раньше, чем его прапрадед вообще переступил черту города, то есть где-то в промежутке пятисот лет, что было полным бредом.

Таким образом, и его эта участь не миновала. Случилось это, наверное, пока Комнен был в Никшиче.

Андрич отпил ликера и облизал губы.

— Человек может быть счастливым — путешествия вдохновляют, — раздался голос с другой стороны.

И, конечно, это было противоположностью того, что хотелось сказать (захватывающие путешествия дают счастье и т. д.). Но Комнен уже смирился с этим и даже привык к этому перевернутому смыслу. В конце концов, решил он, речь идет об одинаковом образе мыслей, скрытом в самом смысле.

И вообще важно ли, с какой стороны и по какому пути мы приближаемся к правде?

Жена — это была проблема похуже и потяжелее, в сто раз хуже и тяжелее.

Пощечина жгла его щеку, но ему не хватило духу ударить ее перед отцом и гостем. Смешная мысль пришла ему в голову: что, если из гостиной он вдруг услышит грудной голос одного из стариков и комментариев: «пощечины болят, потому что женщин бить нельзя» или какую-нибудь подобную глупость. Это немного приглушило его желание задать ей трепку.

Она это, естественно, почувствовала и готовилась к очередному нападению. Таковы женщины.

9.

И это была самая опасная женская атака: когда она пальцем не пошевелит, но держит тебя в кулаке.

Хлопнула дверь, которая находилась между их спальней и гостиной, где ее свекор над рюмкой ликера приглушенным голосом беседовал со своим гостем, перед которым также стояла рюмка ликера. Они как будто сосредоточенно склонялись над чем-то невидимым. Трудно сказать, сколько прошло времени.

Ясно было одно: жена не хотела выпускать его из своих когтей. Если бы ему повезло избавиться от нее и присоединиться к диалогу тех двух, о чем он мечтал, то произошла бы перемена, общий расклад бы изменился, и он наконец-таки избавился бы от этих мучений. Он жаждал принять участие в разговоре двух любимых и великих мужей, но действительность было против него, будто бы хотела, чтобы эта беседа осталась тайной.

Жена стояла в дверях в тесной кожаной юбке; губы ее были потрескавшимися и красными от губной помады и крови. С одной стороны, она предоставляла мужу возможность заглянуть и узнать, что там происходит, а с другой — мешала ему в исполнении хозяйской роли, таким образом принижая его перед отцом и гостем. Больше всего его мучила мысль, что они оба знают о его унижении.

— Пусть все знают, что ты из себя представляешь, — прошипела она.

— Оставь меня в покое.

— Я оставлю тебя в покое, когда соберу свои вещи и вечером уеду к Утешиновичам в Грбаль, а ты здесь хоть сдохни. У тебя даже на ужин денег нет, ничтожество!.. До этого времени ты никуда не пойдешь, хоть на голову становись!

Есть женщины, которые получают всё, что вобьют себе в голову. И она принадлежала именно к таким. Как это возможно, что им это всегда удается?

Комнен вдруг понял, как ему недостает дочери. Ему казалось, что он ее не видел уже бог знает сколько. Но желание его было напрасным. У него было две возможности: дать жене несколько оплеух и пробиться в гостиную, что, несомненно, вызвало бы непредсказуемую реакцию пожилых мужчин и, возможно, принесло бы серьезные затруднения, поскольку и у женщин есть свое оружие; или же он мог и дальше терпеливо сносить оскорбления и ждать.

За дверью разворачивалась тихая драма.

— Вы избегали... похоже, что вы в ваших книгах избегали темы загробной жизни, — сказал отец с робостью, которую все же уловил его сын, стоящий за дверью. — И это несмотря на то, что вы занимались религиозным вопросом... тем, боснийским... на перепутье Востока и Запада... на границе ислама и двух христианских миров...

— Мой ислам не что иное, как великая тишина и одиночество, как пустыня.

— Но есть такие, которые утверждают, что вы, как сербский писатель, выделяли ислам.

Только часы тикали на стене. Воцарилась полнейшая тишина.

Тишина и тьма.

Жизнь и свет как будто провалились в глубокий сон в тени писательского пера, чтобы это перо могло верно очертить его формы, предметы, процессы и судьбы, чтобы оно внушило усыпленному миру логичный критерий, одновременно с утонченностью снов и размером мифов.

Комнен отдал бы что угодно, чтобы попасть к ним на поле боя, где велись дебаты, но у него это решительно не получалось. Хуже всего то, что эта мерзавка не принесет гостю и свекру хотя бы символической закуски. В том, что в доме нашелся бы кусок хлеба и сыра, он был полностью убежден.

На минутку гость задумался, после чего ответил (его слова заглатывались шуршанием газеты, которую он теребил в руках):

— Вы знаете, у меня в жизни было не так много времени, чтобы успеть заниматься и этими вещами... Работа дипломата порабощает человека как раз тем, что отнимает у него все его время.

— Да, государство и его службы эгоистичны, — сказал отец более миролюбивым тоном, — но все равно, всё это...

— Продолжайте, продолжайте, — прозвучало побуждение с другой стороны.

Настала минута, когда не было слышно ни звука. Снаружи жара жгла еще беспощаднее. Средневековый дворец, похоже, защищался от нее тем последним, что у него оставалось — лютыми временами, которые пронесли по его залам.

— Если говорить честно, то я думал, что раз уж вы добровольно выбрали исторические темы старого Балкана, то перед вами одновременно стала задача объяснить их, пролить больше света на Боснию... как христианин...

Старый писатель перебил его поднятием руки. Он не хотел его перебивать, но так это выглядело. Даже забавно вышло. События протекали медленно, словно Господь в какой-то мере стыдился за свет, который сотворил, и теперь замедлял его движение и приспособливал его состоянию здоровья старейших свидетелей своего творения. Старейших живых свидетелей — пенсионеров.

— Не забывайте, что учение о загробных и потусторонних вещах, так, кажется, вы сказали, господин Бизанти, иногда зависит от повседневных и самых банальных обстоятельств.

— Конечно, конечно, но ведь вы прекрасно знаете, что справедливый после смерти придёт на одно гарантированное и безопасное место...

Вместо ответа Иво Андрич блуждал подушечками пальцев по столу, будто слепой, ощупывающий еду.

У Комнена сжалось сердце.

Он понял, что бутылка ликера между ними была уже полупустой, и что единственное решение заключалось в скромном угощении, хотя бы чисто символическом, на один зуб. Время обеда, в конце концов, уже прошло. Он посмотрел на жену, которая в этом доме руководила всем.

— Хотя бы кусочек сыра, — заикнулся Комнен и умоляюще указал на отца. Он прекрасно понимал, что два глотка ликера натошак, да еще при такой жаре, могут вызвать головокружение у двух стариков.

— Сыром я тебя могу разве что треснуть по морде, недотепа, чтобы ты знал, каково это, когда оставляешь человека без копейки в этом доме, который ты превратил в мою тюрьму!

— Значит, ты всё-таки развратничала, мерзавка?

10.

Была это реальность или сон?

Комнен был бессилён, поскольку даже самое незначительное движение нарушило бы контролируемую стариковскую идиллию. Он боялся, что насильственное отстранение жены от двери вызвало бы противоположный эффект и непредсказуемые реакции у стариков.

— Один из моих предков, Элиас Бизанти, как вы наверняка знаете, владеет классическими языками, *потому что* написал еврейскую грамматику для студентов того самого университета в Падуе...

Был это его отец, его голос или его тень?

Судя по перевернутой последовательности выводов зрелого мозга, это была уже лишь тень его отца. Но этот голос еще по-прежнему принадлежал земле. «У человека еще есть надежда, пока Матушка Земля не отрелась от его услуг и глупостей», — подумал он про себя, успокоенный тем, что вопреки всему он еще в силах контролировать связь *потому что* и привычный порядок следования выводов между явлениями и предметами. Не то что некоторые...

Одна рука распрямилась, и у Комнена снова защемило сердце — она шарилась по столу в поисках крошек. Рука, которая принимала Нобелевскую премию, — эта самая рука теперь искала остатки еды. Рука, которая когда-то, ровно тридцать лет назад, вручала верительную грамоту Адольфу Гитлеру в Берлине, — эта рука сейчас вела борьбу за крошки хлеба.

Ужасное зрелище! Так низко опустилась *последняя гомеровская рука на Балкане!*

— Тот сыр вкусный, — сказал пожилой мужчина с видимым желанием продержаться и прийти к заключению, но было уже поздно. Причина, по которой этот сыр вкусный, бесследно исчезла из его сознания. Исчезло и роковое слово *потому что* — навсегда.

Через какое-то время (какое точно, мы уже не узнаем) та же рука без слов собрала последние крошки хлеба и вдруг полезла в свой чемоданчик с ввалившимися боками.

Что-то вытащила, но уже никто не узнает, что.

11.

Жена злорадно любовалась своим мужем, ей нравилось мучить.

На стариков она не обращала внимания. Они могли преспокойно отдать Богу душу — она преследовала свои цели. Инструмент мучения, называемый Голуб Утешинович из Грбаля, был мелочью по сравнению с тем, что она прodelывала сейчас.

Механика дверей, застекленных темным стеклом, задвигалась, и дверь приоткрылась ровно настолько, чтобы то, что происходило или не происходило в барочной гостиной мертвого дворца Бизанти, не было полностью слышно. День был в разгаре. Это неясное и туманное выражение, никто не знает, сколько времени прошло.

Кафедральные колокола пробили один, два, три раза (никто точно не знает, сколько), вторили им колокола церкви Св. Николая, а издалека и, скорее, эхом, откликнулись колокола церкви Св. Анастасии.

Комнен должен был что-нибудь сделать и покончить с этой несносной ситуацией. Он решил как следует нажать на дверную ручку, но жена его опять опередила.

— Мразь, — сказал, — отпусти меня!

В этот момент его нервы не выдержали. Уже после первого удара кулаком у нее начала течь кровь. Вместе с тем одной свободной рукой он схватил ее за волосы, а другой — за дверную ручку. Стекло разломилось на два или три куска. Кулаком он ударил ее в нос. Один раз в нос, другой — по подбородку. Но и он схлопотал удар, после которого из носа потекла кровь.

На долю секунды он почувствовал себя триумфатором. Но ненадолго. Окровавленный, он ничего не видел вокруг себя.

БРОНЗОВАЯ ОЛИВА

К жене вернулись силы. Его лицо порезал какой-то острый предмет. Одна из ваз разбилась вдребезги. Это не отвлекло внимания жены, она по-прежнему была начеку и искала, чем бы ударить его в следующий момент.

Рука, взявшаяся за тот предмет, была вся в крови. Комнена охватил ужас. Он старался поймать взглядом тех двух, в то время как жена молотила его изо всех сил.

— Бесплезно, — проговорила она, шипя от боли (он ударил ее коленом в пах). — Ты уже никогда не увидишь того, кого так любишь, потому что с ним покончено!

Возможно, это была правда. Когда он бросил любопытный взгляд в сторону престарелого отца, душевная мука сменила физическую боль и была гораздо мучительнее.

Все, что осталось от его отца, — голая неуверенность, вокруг которой он мог разве что ходить и окружать лишними вопросами: призрак ли это, тень, сон, имя или уже бесполезная вечность разума, помутненного раз и навсегда одним-единственным словом, злосчастным *потому что*, разума, который вырабатывает тщетные усилия, чтобы найти причины после следствий и следствия после причин.

Комнен посмотрел на стул, на котором сидел гость — тот как сквозь землю провалился. Хотя жена и ударила его так, что в глазах у него заискрилось, но всё же зрение его было достаточно исправным, чтобы даже издали разглядеть своего *друга и учителя*.

На столе, запачканном остатками еды, возле пол-литровой бутылки ликера, дно которой уже давно высыхало, он увидел маленькую карманную книжечку. Она появилась здесь, когда они дрались, с ненавистью, которую могут испытывать друг к другу только супруги, и лежала здесь незамеченной. Комнен взял ее со стола, словно реликвию.

В трясущихся руках Комнена эта хрупкая книжечка, короткий роман «*Проклятый двор*», карманный выпуск издательства «*Prosveta*» из серии «*100 мировых классиков*», со скандальным предисловием престарелого Велибора Глигорича, гласила следующее:

Люди умирают, потому что они отсутствуют.

*Семье Bizанти,
за их гостеприимство и доброту.
И. А.*

В Которе, 15 апреля 1969.

Это была премия Андрича за все надежды, жертвы и услуги.

Комнен хотел поблагодарить, но было некого. Исчезла и его жена, которая пропала последней. Авторское посвящение на романе «*Проклятый двор*» сжало его сердце, но не с кем было поделить своей благодарностью.

Старики испарились. Его молодая и неверная жена тоже. Не было здесь даже вкусного сыра из Грбаля. Кто знает, сколько времени ушло впустую...

Осталась только боль, известная всем, кого бросила жена.

Навсегда.

Развязка этой детективной истории кроется в чем-то большем, чем просто в разгадке тайны.

Литературный скандал, крушение супружества, совершенное преступление — существует ли что-нибудь горестнее? Нет, на этом свете нет ничего мучительнее литературного и семейного проигрыша.

Какой-то мальчик внизу, под дворцом Bizанти, засвистел.

— Котор, будут ли сегодня ночью какие-нибудь женщины?

Тогда еще никто не подозревал, что это будущий криминальный инспектор, чья звезда взойдет и будет долго светить, пока не раскроет последнее преступление пыльных полицейских архивов Отдела криминалистики *Матия Змаевич* в Перасте, которое будет считаться *ad acta* в местных полицейских архивах Цетине, Никшича, Титограда, Бара, Будвы и Херцег-Нови.

Это был молодой Яков из Боки.

Мы сошли на берег в порту Антивари последнего дня месяца элула. В первую очередь мы похоронили того беднягу, моряка Исаака бен Безалелу, умершего четыре ночи назад в открытом море. Попрощались мы с ним по нашей старой еврейской традиции словами: «Знай, что ты умер!» После этого и я попрощался с командой и отправился в горы. С собой я взял самое необходимое: буссоль, еду на два дня, маленький коврик, необходимые инструменты и, конечно, свои линзы.

Когда я выходил из порта, спросил местного проверяющего, какой сейчас год. Тот мне сказал, что идет 1499-й год по летосчислению их Спасителя. Когда я сравнивал числа и отнимал их от чисел книги Бе-решит, то обнаружил, что ошибся всего на два года.

— Идешь к черногорцам? — спросил он. Когда я кивнул головой, он прибавил: — Если ты зайдешь с турецкой стороны, они тебя убьют.

— А откуда мне тогда заходить?

— Лучше всего ниоткуда.

На ночь я остался во дворе их православного монастыря, запрятанного высоко в скале. Монахи мне предложили свою келью, но я отказался, поскольку всегда соблюдал наши законы, не допускавшие ночлег в храме иноверцев, кроме случаев крайней необходимости. На рассвете я завязал тефилин и вошел в ручей, чтобы помолиться. Едва я произнес: «Покажи мне бронзовую оливу, Адонай, поскольку этот мир — Твое царство», как услышал разговор двух слуг за стеной.

— Через нашу стражу он не пройдет — еще сегодня его застрелят, — сказал тот, что выглядел старше. Этот язык я немного выучил, пока находился в плену в Царьграде, где встречал много их людей.

— А может, все-таки пройдет, — утверждал молодой, — когда увидят, что он не турок, не тронут его.

После двух дней осторожного подъема в горы я наконец-таки увидел цель моего странствия: бронзовую оливу. День был солнечным, поэтому, благодаря своей линзе, дерево я нашел легко. Сердце начало колотиться, и я подумал про себя: «Она так великолепна, что у нее обязательно должен быть золотой корень!»

В эту же секунду до моего слуха донеслось что-то похожее на выстрел из ружья, и я почувствовал жар в груди. Я уже почти видел свою кровь, но стрелок, выскочивший из зарослей, вытянул руку и замотал головой, что означало, что я жив. Чтобы доказать это, он мне подал заряженное ружье. Выстрел, судя по всему, был уловкой.

Он спросил, говорю ли я по-турецки. Я сказал, что кое-чему научился в турецком плену. Он сделался немного доброжелательнее. Не из-за того, что хотел со мной говорить по-турецки, а поскольку убедился, что я не опасный враг.

Мне вдруг вспомнился интересный рассказ того проверяющего в порту — о том, почему они стреляют только с одной стороны — спереди:

— У них чистое сердце и ясные мысли. Они всегда смотрят прямо, поэтому, когда приближаешься к черногорцу спереди, это значит, что идешь с вражеской стороны, и тебе конец.

— А почему постоянно прямо? — спросил я.

— Когда черногорец воюет, к врагу всегда поворачивается лбом.

— А потом стреляет?

— Убивает.

— А если он не воюет?

— Такого не бывает — воюет беспрестанно.

Я хотел узнать, как к ним попасть с противоположной, безопасной стороны.

— Нет противоположной стороны, то есть, каждая сторона — противоположная, кроме *противоположной*, которая безошибочно распознает неприятельский огонь.

— А что такое неприятельский огонь?

Проверяющий задумался.

— Пыль на бронзовой оливе, — произнес он с трудом, — а также самое незначительное отражение солнца, дуновение ветра или капля дождя, которые прикоснутся к ее листе со стороны востока.

После этих слов я перестал расспрашивать и замолчал, чтобы не выдать цели своего пути — потаенное золото оливы.

Первым, что я заметил в глазах бойца, было отсутствие радужной оболочки. Заметил я это первый раз в своей жизни, посвященной зрению и слепоте, в жизни, отданной работе с линзами. Он был молод, его длинная шея прикрывала источник темных кудрей, губы его были тонкими, глаза большими и, как я уже сказал, без радужной оболочки, что мне казалось чудом.

Я спросил, знает ли он, какой сейчас год по их календарю. Он сказал, что прошло уже столько лет, сколько насчитаем, десять раз распахнув ладонь, как его отец на этом же месте заступил на такую же службу к какой-то королеве из рода Балшичей. Мне было интересно, сумет ли он определить год, когда это произошло. Ему удалось построить четыре четверки следующим образом:

4

4

4

Я понял, что воину не известно число «тысяча» или оно для него ничего не значит. После минуты размышления я осознал, что при подсчете он ошибся на целых семь лет, так как высчитал 1494-й год, тогда как по летоисчислению их Спасителя был 1501-й. В этот момент я перестал об этом думать, чтобы перечислением разных сомнительных имен ни в коем случае не нарушить наш еврейский закон.

Несколько мгновений спустя, я вновь начал думать о бронзовой оливе, не забывая, что у ее сторожа нет радужной оболочки, благодаря которой я мог бы его ослепить, и что мой план будет теперь нелегко осуществить.

— Она изумительна, — сказал я ему.

Мои слова его никак не тронули.

— У нее огненные корни, — сказал он после небольшой паузы. Сердце мое забилось еще сильнее.

— Да, но ее ветви... чистая бронза.

Воин положил ладонь на левую сторону своей груди и повернул ее таким образом, чтобы палец показывал на меня. Этим он мне дал понять, что вынул передо мной свое сердце и ожидает соответствующего эффекта.

— У нашей оливы огненный корень, потому что он под охраной земли, так же, как сердце под охраной крови. Мое сердце видеть можешь, но корень оливы — никогда.

Я вытащил линзу. Ее выпуклую сторону я тщательнейшим образом направил на бронзовую листову (вернее, на то, что я считал бронзовой листовой). Солнце дало знак, что понял мою игру и вонзило меж нас свое копьё. Я был уверен, что убью ее.

— Я вижу бронзовую листову оливы, — заговорил я смело, — металлическое плодовое тело, ствол под корой, обвитый агатом, вижу твоё чистое сердце, показывающее тебе дорогу к неприятелю...

Он сосредоточил свой недоверчивый взгляд на линзе, и я понадеялся, что и он увидит то, что я назвал кроной бронзовой оливы...

— Ничего, — сказал он отрывисто.

Дальше уже не имело смысла его убеждать, поскольку он сделал жест, которым как бы возвращал свое сердце обратно в грудь. Тут я заметил, что его брови соединяются, создавая темную борозду на лице. Я забеспокоился. Мне вспомнилось предупреждение проверяющего, — что они чувствительны на свет врагов, который им являет бронзовая олива. Они, наверняка, чувствительны и на саму оливу, особенно на то, что кому-то удастся раскрыть тайну бронзы и золота, поскольку олива им обнаруживает помыслы турок, указывая на их свет. Мое беспокойство было предельным.

Он наблюдал за мной своими зрачками без радужных оболочек — до сих пор я с таким взглядом не сталкивался — и безразлично кивнул в ответ на мою просьбу разрешить мне положить линзы на коврик. Я делал вид, что исполняю приказ, и посчитал мудрым еще раз попросить его продемонстрировать свое сердце, что, судя по всему, было для него пустяком. За тридцать лет, что я занимаюсь оптикой, мне еще ни разу не довелось увидеть более сильную связь между сердцем и солнечным светом: образ его сердца преломлялся в одной из моих линз, и ему это, видно, доставляло большую радость. Он снова повернул ладонь внутрь, тем самым возвращая успокоенное сердце назад в грудь. Я задумался.

— Это было сердце моего отца на службе у Балшичей, но могу тебе показать и мое на службе у Черноевичей, если захочешь, — сказал он весело.

И это второе сердце, его собственное, на службе у Черноевичей, нашло линзу и превратило стекло в устрицу величиной с церковный колокол.

— Спасибо, — спешно поблагодарил я, — а теперь открой тайну: кто среди твоих черногорских братьев обладает силой видеть бронзу оливы?

— Я тебе уже сказал, что у оливы лишь огонь, скрытый под землей, а твои рассказы о бронзе — глупости, выдуманные коварными турками. Они почему-то убеждены, что бронзовые листья и плоды оливы обнаруживают нам их свет, и поэтому хотят ее уничтожить, превратить в пепел, хотя ничего подобного мы не видим, а лишь надеемся на огненный корень, у которого хватит сил, чтобы поразить любого противника. Но мамлюкам мы этого не выдаем.

Я понял, что, по его мнению, я и мамлюки живем в заблуждении, потому что оцениваем красоту оливы исходя из того, что видим над землей. Надо сказать, я почувствовал некоторое облегчение, поскольку у меня было преимущество — знание о тайном золоте корня. Вместе с тем меня мучили подозрения, что и хитрые левантинцы могут о чем-то догадываться.

Линзы лежали на коврике и играли на струнах моей души. Они были ареной раздора между атомами и молекулами и солнечными бликами на вершинах гор. Я взял себя в руки. Я попробовал показать ему трюк, который несколько лет назад успешно продемонстрировал в Сарагосе и благодаря которому инквизитор Бальтасар Идальго де Киснерес почти подвел меня к границам. Три линзы я расположил на таком расстоянии, чтобы две из них создали впечатление пересечения света возле оливы, а третья молниеносно отразила луч так, чтобы могла ослепить. Если удастся ослепить черногорского воина, подумал я, олива будет принадлежать мне. При этой мысли мороз пробежал по коже.

Я потянул за бахрому коврика, но солнечное копьё не попало ни в его глаза, ни в горло, а упало вниз, в речку! Он кивнул, желая показать свое признание, я же подумал, что он меня убьет, и добавил еще четвертую линзу, что делаю, когда на кону жизнь.

— Неплохо, — сказал он.

Я молча наблюдал за ним, поджидая, как он себя поведет.

— Неплохо, — повторил он, — копьё, все же, вонзилось в ствол.

— Вонзилось?

— Нет, — сказал он, — то, что ты называешь бронзовой оливой — мое третье сердце, и если бы его что-нибудь проткнуло, оставшиеся два тоже бы перестали биться. Но, как видишь... Сердце или, если угодно, бронзовый плод оливы снисходительно пропустил через свою невидимую крону твои мудреные лучи, и я тебе советую... советую тебе оставить это.

Да, признаю: глаза без радужной оболочки впервые раскрыли мое тайное искусство. «О, божественное умение моей крови и духа! Ты оставалось сокровищем для волн на побережье Алжира, тайным для сфинксов и греческих кенотафов, нагоняло ужас на Бальтасара Идальго де Киснереса и подземный огонь Палестины, а глаза черногорского воина без радужных оболочек посрамили тебя сегодня!...»

Проверяющий в порту говорил мне тогда, что они стыдятся за рабов. Я вспомнил это, когда воин заметил мои слезы.

— Ты свободен, — сказал он мне, — два из моих трех сердец тебя простили: те, в которых течет кровь Балшичей и Черноевичей. А теперь уходи!

Я собрал все свои жалкие линзы и свернул коврик. Чтобы хоть как-то успокоить свою пристыженную душу, я слегка обнял его, зная, что одно объятие не смоеет моей вины.

Я вернулся в Антивари, где проверяющий посмотрел на меня изумленно:

— Ты познал чистое сердце?

— Два сердца, — сказал я ему.

— Ты должен радоваться, что не познал третье, иначе пришлось бы тебя хоронить возле Исаака бен Безалелы, с этим ваши напоминанием умершему: «Знай, что ты умер!»

Спустя два дня я сел на корабль и отчалил в Дубровник, а оттуда, больной, — к испанским берегам. В лихорадке, в темных кровавых приборах ко мне являлось третье сердце с золотыми артериями.

99 «МЛАН»

Произошло это в одном районе Подгорицы, за рекой Морачей, где, если подует настоящий подгорицкий северный ветер, из ста шляп за одну минуту с головы слетит по меньшей мере девяносто девять.

Этот случай длился гораздо меньше, чем подобные криминальные происшествия: около пятисот «шляп».

Но сначала небольшое объяснение, что же это такое: «подгорицкая шляпа».

Для единицы измерения скорости ветра в минуту, которую метеорологи Адриатического моря называют узлом, в Подгорице вжился собственный термин «шляпа», имеющий такое соотношение:

1 узел = 1,5 «шляпы».

Кто-то из того района за Морачей позвонил кире Косте, ассистенту знаменитого детектива Якуба из Боки.

— Ну как там у вас? — спрашивал грек, чей развитый нос был словно создан для детективных загадок.

— Холодно и сухо, — прозвучал ответ, — где-то семьдесят пять «шляп».

Таким образом, если дует именно этот северный ветер, то за минуту с голов подгорицкого населения слетало как минимум семьдесят пять шляп.

— Значит, в районе пятидесяти морских узлов, — констатировал кир Коста.

В голосе молодой женщины чувствовалась тревога.

— Я не потому звоню, — сказала она, — я получила анонимную угрозу, что в течение следующих двух часов в нашем доме какая-то женщина совершит убийство. Она не из Подгорицы. Вы меня слышите?.. Не из Подгорицы! Ради бога, предотвратите преступление!

Неизвестная женщина продиктовала адрес и связь оборвалась.

Кир Коста не сомневался в том, что дело серьезное, поэтому связался со своим шефом, детективом, чья карьера началась еще тогда, когда разразилась гражданская война в Югославии. Будучи молодым лейтенантом Югославской народной армии, он отказался обстреливать Дубровник и взрывать медресе в Сараево.

Еще перед тем, как кир Коста прибудет на место преступления, скажем о нем два интересных факта: первый заключается в том, что он никогда не выходит на службу, не имея на себе хотя бы одну деталь черногорского или приморского национального костюма. Также всегда при нем был золотой перстень с инициалами N I, говорящими о том, что перстень этот получил дед Косты от измученного жизнью черногорского короля Николы, в конце шестого десятилетия его царствования. Второй же курьез состоял в том, что о нем говорили одну ужасную вещь: будто бы он всю жизнь остался верным одной-единственной женщине.

Уже почти стемнело, когда эти двое ровно в 17:00 встретились у входа указанного дома.

— Если верить анонимному звонку, убийца будет внутри минут пять максимум или, по местному времени, чуть больше 350 «шляп», — сказал кир Коста.

— Ты сказал, что убийца — женщина?

— Да, шеф.

— И не из нашего города?

— Так точно.

Мужчина из Боки с неохотой приступил к делу. Его ассистент знал, что к женским преступлениям он испытывает отвращение, и что они в нем вызывают неприятные чувства, но, ничего другого не оставалось, нужно было приступать. Северный ветер их буквально впихнул в дом.

Чтобы не привлекать к себе внимания, они решили ходить вверх и вниз по ступенькам пятиэтажного дома, всматриваясь в лица и стараться замечать подозрительное поведение возле дверей. Они договорились, что о своем присутствии не дадут знать даже автору анонимного звонка, если столкнутся с ним.

Дама средних лет шла на прогулку с собачонкой.

— Как там на улице, господи? — спросила.

— Как минимум семьдесят пять «шляп!» — отрезал кир Коста.

Женщина поблагодарила и ушла.

После этого выбежал какой-то парень в спецовке, за ним — еще трое в спортивных штанах. И, наконец, молодая семья с ребенком.

— Еще несколько минут, «шляп» 150.

Вышел какой-то мрачный господин.

— Сколько? — спросил кир Коста.

— Где-то около шестидесяти пяти. Я бы сказал, что еще усилится, — ответил тот.

Ассистент вопрошающе посмотрел на шефа, но тот покачал головой.

— Пойдем наверх, — сказал он, — надо просмотреть те богатые таблички на дверях. Руку даю на отсечение, что эта иностранка с преступными умыслами где-то внутри!

Апа а Тиho Mugoša — было написано курсивом на приклеенной карточке на двери первого этажа.

— Глупости, — сказал ассистент, — здесь нечего красть!

Petar Globarevič — следующая табличка.

— Какой-то пенсионер. Дальше!

Они дошли до металлической пластинки, на которой позолоченными буквами было написано: *M. Huter*. Шеф хотел что-то сказать, но ассистент опередил его:

— Анонимный голос принадлежал женщине и, кроме этого, сообщил о женском визите!

— Всё же, — смутился господин из Боки, — посмотри на эту пластинку...

Это была роскошная золотая табличка, которая, как показалось, была плохо прикреплена. Когда они присмотрелись внимательнее, заметили, что она висела криво, будто бы с ней что-то делали. Винтики не были полностью закручены, основание было содрано. За дверью они услышали отголоски теплого прощания. Не было сомнений, что голоса принадлежали женщинам!

Кир Коста, взяв шефа за рукав, потянул его вниз по лестнице. Уже через несколько шагов они стояли перед домом.

Молодая и привлекательная девушка закрыла, наконец, за собой дверь с криво прикрепленной табличкой, тихо спустилась по ступенькам и оказалась на тротуаре, где ее подхватил сильнейший порыв ветра.

— Девяносто «шляп!» — развел руками кир Коста.

— Что?

— Я говорю, что как минимум девяносто «шляп!»

— Что это значит? — спросила иностранка.

Якуб из Боки вмиг очутился перед ней со значком детектива в ладони.

— Госпожа Гутер, именем закона вы арестованы!

Девушка оцепенела.

Его преданный ассистент не терял времени — вбежал на первый этаж и начал барабанить в дверь с золотой табличкой. Пожилая женщина, открывшая дверь, держала в руке большой кусок торта и собиралась его укусить.

— Нет, — прокричал, — торт отравлен!

Она без слов на него смотрела, сжимая торт в руке.

— Это вы мне звонили?

— Да, я.

— Вы сообщили, что здесь будет убивать женщина?

— Да... но этот торт мне принесла племянница!

— Вот именно, госпожа... Вам угрожают две вещи: лицемерная племянница и большое наследство!

Когда он выглянул наружу, увидел Якуба из Боки в крайне затруднительном положении: ему приходилось арестовывать настоящую красавицу на ветру, достигавшим силы 99 «шляп» в минуту!

Миодрагу — Бркице Вуковичу

ВОЗВРАЩЕНИЕ БЛУДНОГО СЫНА

Из чего возникает рассказ? Из воспоминаний. Дух прокрался в гостиную. Нет. Он не прокрался в гостиную. Или да, но... Начало должно выглядеть по-другому. Сын сидел в просторной... нет, просто в большой комнате. Дом — элитная вилла в небольшом приморском городке, которую когда-то купил пожилой мужчина, уходя на пенсию... Уходя на пенсию? Почему? Ну, был он разочарован. Разве люди уходят на пенсию по другой причине?

Словом, дух прокрался в большую комнату и сел на один из тех старых черногорских треножников, у которых углубление в сидении и довольно широкая выемка для мужского достоинства. Большая (комната)? Широкая (выемка)? Или это всё... наоборот? Ну, хорошо, он сел.

— Я всегда думал, что ты эгоист, — сказал Дух.

Сын сидит молча. Два дня назад он после долгого отсутствия вернулся из Австрии. Там выпало много снега. Этому верит каждый, когда об этом пойдет речь, и не задает дополнительные вопросы. Австрия славится своими высокими горами, множеством снега и так далее. В одну из таких зим у него родился сын. На это тоже никто не станет

возражать. В конце концов, не составит труда эту информацию проверить. Поскольку роды были тяжелыми, и климатические условия еще больше... Нет, это неверная последовательность. Речь сейчас идет о Духе — течение рассказа должно изменить свое направление!.. Так что, «с раннего детства...». Нет, не пойдет. Это уже было произнесено: *разочарование, пенсия, эгоизм* (близких)... что, по сути, тоже ненужный хлам, чересчур много слов. Не проще ли написать *раз-пен-эго?*.. И так понятно, что старый отец блудному сыну, сыну-возвращенцу... Потому что речь идет о Духе. Отец — это Дух. Дух встал. Потом сел. Потом снова встал. И снова уселся. Потом, с почти неуловимым скрипом, который могло услышать, разве что, ухо какого-нибудь насекомого или, скажем, сороконожки, встал. Дух сел. На месте красноречивой выемки треножника, где во времена давно ушедшие покоилось достоинство древних черногорских воевод и дворянства, подремывал кот. Сын молчал. Кот начал мурчать. Сын поднялся. Нет, нет! Никакой необходимости приплетать в рассказ какого-то кота нет! Кот здесь лишний. Его мы сотрем. И сын, разумеется, тоже не встает. Ни разу он не встал. Все это время он молчал, словно воды в рот набрал. Дух встал.

— Молись, чтобы твой сын не сотворил что-либо подобное.

Хм! Не звучит плохо, но всё же слишком длинно. Умерший отец... извиняюсь. Дух хотел слегка покарать своего первенца... Но и такой механизм предложения можно немного подкорректировать. Хватит и того: *мол., чт. тв. сын не сот. что-л. под...* Дух сел. Старая большая гостиная, которая пахла оливковым маслом, вином и засоленной рыбой... Этого уже многовато. Довольно будет поднять Духа, и хватит! К чему вино, к чему масло, к чему рыба? Дух поднялся. Сын молчал. Дух сел. После этого, не потревожив шум морских волн, снова встал. Была зима. Снаружи бушевал шторм. Дух сел.

В ОСОБНЯКЕ НА СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ЗЕМЛЯХ

В первый раз Гаши переночевал в особняке сельскохозяйственного предприятия «Михаля Серво» возле Суботицы в понедельник, 4 августа 1976 года. В этот же вечер его неожиданно посетил доктор Адольф Бреше, нацист, хотевший уладить определенные имущественные вопросы.

— Молодой человек, — спросил он, — можете ли вы предоставить какие-либо доказательства, подтверждающие ваше владение этим особняком?

Гаши пожал плечами.

— Об этом я никогда не задумывался, герр Бреше, — ответил он, — ведь особняк принадлежит сельскохозяйственным землям, а я здесь проживаю лишь временно, поскольку являюсь торговым представителем их самого крупного торгового партнера из столицы автономной области Воеводины.

— Я так и думал, — сказал нацист, — однако вам следует знать, что особняк принадлежит нам, это наше имущество на территории Югославии.

— Вам придется... с компетентными людьми из начальства...

— Когда я говорю наш, — продолжал посетитель, приподнимаясь, — то имею в виду Третий рейх, разумеется!

За завтраком, который накрывал негр в ливрее, молодой человек, чтобы избавиться от мысли о вчерашнем госте (доктор Бреше исчез сразу же после этого короткого разговора), спросил, что его заставило найти себе работу в стране, где так мало негров.

— Обособленность для негра — то же, что корова для индийца, — прозвучал тихий ответ.

— А как такой особняк может стать владением сельскохозяйственного предприятия?

— Стадо коров несет в себе много тайн, господин.

Целый день Гаши был в делах: присматривал за вакцинацией свиней, обедал на поле с людьми из руководства. Вечером в своих апартаментах он обнаружил привлекательную женщину средних лет, с массивным золотым колье и серьгами с синеватыми драгоценными камнями. Слегка поклонившись над комодом из красного дерева, они представились друг другу. Ее звали Майя. Когда он удовлетворил ее страсть, долго любовался ее божественным телом с холеной кожей и маленькой, но безупречной и идеально пропорциональной грудью.

— У тебя славянское имя, но похожа ты на немку, — сказал он ей.

— Я немка, — сказала она с арийской гордостью, — и пишется мое имя через ипсилон.

Прощаясь на рассвете, она повисла у него на шею и пальцем в воздухе вывела букву «Y».

Утром, во время завтрака, Гаши немного колебался, но потом все же начал разговор с черным персоналом особняка.

— Вы знали Гитлера?

— Да, — ответил тот отрывисто.

Это был высокий полный мужчина, один глаз у него был больше другого, желтый и выпуклый, как воронье яйцо.

— Геббельса, Геринга, Эйхмана..?

— Конечно, господин, я их всех обслуживал!

При упоминании о нацистских лидерах ему снова вспомнился доктор Бреше, которому негр тогда подавал кофе с печеньем. Вряд ли он был высокого звания, несмотря на весомость его высказываний и самоуверенность.

Свой третий день командировки Гаши провел в поле, а вечером, когда он вернулся в особняк, тот был пустой, как и в первые два дня. Земля кругом пахла, поскольку управляющий залил розы и освежил сад. На лугу, который бетонный канал отделял от деревьев особняка, паслось несколько сотен овец. Небольшие группки пили воду из бетонного корыта, остальные же паслись, рассеявшись до самого конца ограждения, которое, вероятно, было границей участка.

Он положил сумку и сел на террасе, удовлетворенно наблюдая за склоненными профилями зверей, которые с незаметной спешкой отщипывали траву. Ему вдруг показалось, что он слышит хруст стебельков под напором тысячи овечьих зубов. Их пожелтевшее руно в лучах заходящего солнца напоминало качающиеся колокола.

В этот момент в ворота въехал автомобиль и остановился в облаке пыли. Вышел какой-то человек в поношенной одежде и узком галстуке, похожим, скорее, на ленточку, и поспешно направился на террасу. Гаши мысленно запротестовал против этого вторжения, помешавшего наблюдению за невероятно грациозным и гармоничным искусством пастись. Он предчувствовал, что неожиданные гости лишат его этого наслаждения.

— Кто это? — спросил он управляющего, на котором уже не было ливреи.

— Наш курьер.

Человек представился и сказал с заученной интонацией:

— Пришло указание, что до получения дальнейших инструкций вы останетесь здесь.

— Но рано утром я собирался уезжать, — защищался Гаши, — кто мне велел оставаться?

— Не знаю, — сказал курьер, — власть.

Негр недвижно стоял и ожидал, когда курьер удалится, что тот, с вежливым поклоном, и сделал.

Перевод Екатерины Сташевской

Гойко Челебич (*Гојко Челебић / Gojko Čelebić*) (31 января 1958)

черногорский писатель и дипломат.

Челебич родился в Подгорице, в Черногории. В 1989 году в Праге он окончил Театральный факультет Пражской Академии искусств (DAMU) с дипломом драматурга. В 80-е годы он начинает публиковать свои пьесы, поэзию, рассказы и романы. В 1989 году в Праге Челебич получает степень магистра, защитив диссертацию о Всеволоде Мейерхольде.

По своему литературному призванию Челебич является писателем-романистом, последователем европейского философского романа. Его литературно-исторические интересы связаны с европейским барокко и южнославянской культурой и языком. Большое влияние на литературу и мировоззрение Челебича оказало движение хиппи, диссидентская литература, писатели его поколения из Польши, Германии и России. Челебич владеет английским, испанским, чешским, французским и русским языками. (Из Википедии.)

ИВАН АЛЕКСАНДРОВИЧ ГОНЧАРОВ

«Вестник Европы», октябрь 1891

М.М. СТАСЮЛЕВИЧ

И. А. Гончаров после кратковременной болезни — около трех недель — скончался в двенадцатом часу дня 15 сентября. Самая кончина его наступила так тихо, что в первое время окружающие приняли смерть за сон, последовавший немедленно по удалении врача, как это уже случалось не раз и прежде.

Мы навестили Ивана Александровича на его даче в Петергофе в последний раз 25 августа и нашли его здоровье в таком удовлетворительном положении, в каком давно уже не случалось нам его видеть. О значительном восстановлении его сил за лето можно было судить уже по тому, что он не только рассказал нам о том, сколько он «наработал» летом, но даже мог взять на себя труд прочесть один из трех очерков, продиктованных им в течение летних месяцев¹.

Если он тут же передал нам свои желания относительно этих рукописей — «на случай смерти» — и собственноручно повторил то же на обертке рукописей, то мы не могли видеть в этом какого-нибудь предчувствия, так как он в последние годы не раз делал подобную оговорку. Конечно, в его возрасте малейшая неосторожность могла повлечь за собою, совершенно неожиданно для окружающих, самые тяжкие последствия. Так это и случилось.

Два дня спустя, 27 августа, он заболел так сильно острою, но вовсе не опасною во всяком другом возрасте болезнью, что можно было ожидать немедленной катастрофы. Острая болезнь, однако, прошла и вместе с тем унесла с собою безвозвратно его последние силы. Это-то обстоятельство и было настоящею причиною его смерти, — и тем не менее организм покойного выдерживал борьбу со смертью в течение двадцати дней. 6 сентября оказалось даже возможным благодаря небольшому улучшению перевезти больного с дачи на его городскую квартиру, где медицинская помощь могла быть более доступна. Еще за три дня до смерти, при консультации врачей, на которую был приглашен д-р Л. В. Попов, обнаружилось снова некоторое улучшение сравнительно с предыдущими днями, и только слабая деятельность сердца при затрудненном дыхании говорила о легкой возможности быстрого конца, несмотря на улучшение.

В те немногие дни, которые следуют за смертью, общество всегда пользуется возможностью непосредственно выразить свои отношения к заслугам такого таланта, каким владел Иван Александрович Гон-

¹ Летом 1891 года Гончаров написал три очерка: «Май месяц в Петербурге», «Превратность судьбы» и «Уха», которые были опубликованы посмертно.

чаров. Несмотря на то, что преклонный возраст покойного отдалил день его кончины от времен появления в свет последнего его крупного литературного произведения более чем на двадцать лет, публика в течение четырех дней и в самый день погребения, 19 сентября, в Александро-Невской лавре, собиралась толпами на Моховой в квартире усопшего, — более похожей на келью отшельника, — где он прожил около тридцати лет, и выражала самую живую симпатию к его памяти.

Целые десятки лет, прошедшие со времени появления лучших произведений И.А.Гончарова, и составивших ему прочную славу и почетное имя в нашей новейшей литературе, очевидно, не могли ослабить в обществе того впечатления, какое они производили в свое время, лет тридцать — сорок тому назад.

Действительно, последним произведением его литературного творчества следует, собственно, считать роман «Обрыв», появившийся в нашем журнале в 1869 году, когда автору его было не более пятидесяти семи лет. Нельзя, конечно, было тогда ожидать от него скоро нового произведения, так как он, по-видимому, буквально следовал совету Горация держать девять лет под изголовьем свой труд, прежде нежели выступить с ним в свет: десять лет прошло тогда со времени появления «Обломова» (1868 год)², которому предшествовал «Фрегат “Паллада”» более чем за десять лет (1857 год), и только за десять лет перед тем появилась «Обыкновенная история» (1847 год).

Но после «Обрыва» прошло тщетно и десять лет, и двадцать лет, и этот роман так и остался без преемника. Знавшие покойного близко могут при этом только свидетельствовать, что такой перерыв, или, вернее сказать, поворот в литературной деятельности автора «Обломова» отнюдь не был результатом хотя бы малейшего падения в нем творческих сил, напротив — лица, имевшие с ним частые свидания и встречи, очень хорошо помнят, что перед ними по-прежнему оставался тот же умный, высоко и разносторонне образованный, подчас веселый и в высшей степени наблюдательный собеседник, которому, по-видимому, ничего не оставалось, как только взять в руку перо, чтобы создать что-нибудь новое, вполне достойное автора «Обломова». Объяснить такое, по-видимому, ненормальное явление может быть задачей только будущего биографа, который получит возможность войти в изучение всех подробностей внутренней жизни покойного и его литературных отношений.

Обыкновенно говорят, что в собственной его природе было много «обломовщины», что потому ему так и удался «Обломов», но это могло только показаться тем, кто не знал его ежедневной жизни или увлекался тем, что действительно Гончаров охотно поддерживал в других мысль о своем личном сходстве с своим же собственным детищем. Между тем он был весьма деятельным и трудолюбивым человеком, всего менее похожим на Обломова. Его постоянно занимала мысль о создании чего-нибудь нового; это было видно из его интимных бесед, причем он всегда требовал безусловной тайны. Но незадолго перед смертью, в 1888 году, вероятно, по неосторожности, он проговорился, так сказать, публично о том, что всегда тщательно хранил в тайне, а именно — в одном из писем к нам. Это письмо было получено нами за границей, и мы счастливым образом имеем теперь право сослаться на него без «нарушения воли» автора, так как письмо было уже напечатано нами в извлечении еще при жизни автора³, а следовательно, с полного его согласия, в январе 1888 года, писано же в августе 1887 года, из Усть-Нарвы, где Гончаров проводил летнее время. В своем письме он повторил нам тот вопрос, с которым мы часто обращались к нему при наших встречах.

«Что я делаю? — спрашиваете вы меня из вашего прекрасного далека, с берегов Атлантического океана» (так писал нам Гончаров). «Ничего, — сказал бы я, по примеру прежних лет (действительно, этим словом он всегда начинал свой ответ, но потом точно так же всегда сам увлекался охотою поговорить, как увлекся и теперь в письме). — Беру тепловатые морские ванны, гуляю по берегу, ем, пью и больше ничего (одним словом, — прибавив от себя, — Обломов да и только). *Но это не совсем верно: я что-то делаю еще, но пока сам не знаю что...* Помните, когда я вам показал из своего домашнего архива университетские воспоминания, вы заинтересовались ими и уверили меня, что их можно напечатать... Разбирая бумаги с пером в руке, я кое-что отмечаю и заносу на бумагу. “Для чего?” — спрашивал я и еще спрашиваю теперь себя.

² Здесь допущены неточности в датировках: «Обломов» опубликован в 1859 году; отдельные очерки из «Фрегата “Паллада”» печатались в журналах в 1855-1857 годах, полное издание вышло в 1858 году.

³ В качестве предисловия к очерку «На родине» («Вестник Европы», 1888, № 1, стр. 5-7).

Если бы я (тут начинается обычный поворот его мысли в другую сторону) захотел похлестаковать, я бы сказал: “Допеваю, сидя на пустынном берегу, свои лебединые песни”».

«Но я ничего никогда не пел и не допеваю; насмешники, чего доброго, пожаловали бы из лебедя в какого-нибудь гуся или спросили бы меня: может быть, не хочу ли я приумножить свое значение в литературе, внести что-нибудь новое, веское?»

Это на старости-то лет — куда уж мне! Причина, почему я вожу пером по бумаге, простая, прозаичная, а именно — от прогулок, морских ванн, от обедов, завтраков, от бездейственного сидения в тени, на веранде, у меня все-таки остается утром часа три, которых некуда девать...»

Действительно, эти строки писал уже семидесятипятилетний старец, испытавший в последнее время тяжкую болезнь, закончившуюся потерей правого глаза; но он и за двадцать лет перед тем говорил уже нечто подобное, а двадцать лет спустя как бы невольно сознался в том, что он и в семьдесят пять лет «что-то делал еще», кроме воспоминаний. Так оно и было в действительности; он никогда не мог отрешиться и не отрешался от приращенной его таланту творческой деятельности; на появление же его имени в печати под статьей, принадлежащей какой-нибудь другой области литературы, он смотрел как на какую-то измену своему призванию.

После напечатания «Обрыва» в 1869 году, года три спустя появилась в нашем журнале его столь известная критическая статья по поводу бенефиса актера Монахова, давшего «Горе от ума» (в 1872 году). После спектакля Гончаров в кругу близких ему людей долго и много говорил о самой комедии Грибоедова, и говорил так, что один из присутствовавших, увлеченный его прекрасной речью, заметил ему: «А вы бы, Иван Александрович, набросали все это на бумагу, ведь все это очень интересно». На этот раз он обещал исполнить просьбу, хотя не без обычных для него в таком случае возражений и отнекиваний. Но напечатание этой статьи представило неимоверные затруднения, и мы думаем — именно по вышеуказанной причине. Теперь довольно только сказать, что статья была один раз уже набрана и опять разобрана; при напечатании оказалось, что статья явилась в корректурах с одною начальной буквой Г., и то после некоторой борьбы; в печати, в мартовской книге, под статьей были уже две буквы: И. Г.; на обертке той же книжки журнала явились все три буквы: И. А. Г., и только в конце года в алфавитном указателе 1872 года, при декабрьской книге, заглавие статьи могла сопровождать полная подпись автора. Не время и не место говорить теперь, как все это происходило, хотя это в высшей степени характерно; довольно заметить, что когда вся эта история окончилась к общему удовольствию, Иван Александрович любил сам вспоминать о ней и самым добродушным образом смеялся по поводу ее. «А как я хорошо назвал свой этюд: “Миллион терзаний”!» — говаривал он. — Ведь это в самом деле был миллион терзаний и для меня и для вас; а читатель и не догадывается, почему я выбрал такое заглавие!» Все подобное на поверхности представлялось в Гончарове капризом, но это вовсе не был каприз; он, наверное, и тогда, в 1872 году, «что-то делал еще», и ему была невыносима мысль, что имя его явится в печати под чем-нибудь, что не составляет для него настоящего дела. Правда, и в критике он оказался большим мастером, но в похвалах по поводу «Миллиона терзаний» он видел что-то оскорбительное для себя, какой-то совет ему, который возник только в его же душе, а именно — оставьте, мол, творчество, возьмитесь-ка лучше за критику! И таким образом можно было иногда огорчить его, думая быть ему приятным. Но все это — повторяем — являлось не результатом тяжелого, капризного характера, а вытекало из внутренней собственной его истории и из вышеприведенной нами мысли Гончарова о необходимости остаться верным истинному призванию своего таланта, как он лично и весьма справедливо понимал свой талант.

В самом конце восьмидесятых годов, в 1887, 1888 и 1889 годах, появились у нас его «Университетские воспоминания» (апрель 1887 года), «На родине», воспоминания и очерки (январь и февраль 1888 года), и в 1889 году (март), в заключение его деятельности, в нашем журнале было помещено литературное, так сказать, духовное завещание его под заглавием «Нарушение воли», столь памятное еще всем. Оно оканчивалось словами: «Завещаю и прошу и прямых и не прямых моих наследников и всех корреспондентов и корреспонденток, также издателей журналов и сборников всего старого и прошлого — не печатать *ничего* (курсив автора), что я не напечатал или на что не передал права издания и что не напечатано при жизни сам, — конечно, между прочим, и писем. Пусть письма мои остаются собственностью тех, кому они писаны, и не переходят в другие руки, а потом предадутся уничтожению...

У меня есть своего рода *pudeur* (стыдливость — фр.) являться на позор свету с хламом, и я прошу пощады этому чувству, то есть *pudeur*. Пусть же добрые, порядочные люди, «джентльмены пера», исполнят последнюю волю писателя, служившего пером честно, и не печатают, как я сказал выше, ничего, что я сам не напечатаю при жизни и чего не назначал напечатать по смерти. У меня и нет в запасе никаких бумаг для печати, — писал он в 1889 году, — это исполнение моей воли и будет моею наградою за труды и лучшим венком на мою могилу...»

Мы охотно напечатали тогда у себя такое литературное завещание, но это нисколько не помешало нашим, конечно, самым дружеским, прениям по поводу возбужденного автором вопроса о «нарушении воли». Более всего мы настаивали на защите собственного же его возражения себе, заключающегося в этой же самой статье. Он сам одобрительно отозвался об издании писем Кавелина и Крамского, без их воли и немедленно после их смерти, и тут же сам, правда, заметил, что ему могут указать на такое коренное противоречие в его статье; в ответ же на такое естественное возражение он писал: «И теперь (то есть после возражения) повторю, что не следует издавать *лишнее в письмах, что мало интересно для всех...*» Вот что, следовательно, составляет существо мысли Гончарова, и с этим нельзя не согласиться, да, впрочем, и вся его статья была вызвана действительно бесцеремонным отношением в нашей печати того времени к памяти умерших литераторов и нелитераторов; если в статье встречаются преувеличения, то они вполне оправдываются некоторой беспредельностью самой этой бесцеремонности, иногда выходившей за геркулесовы столпы.

Впрочем, мы, кажется, и сами вышли из тесных пределов того, что называют некрологом, и приблизились невольно к преждевременной пока области личных воспоминаний о покойном, который со временем, как мы сказали, представит хотя весьма трудную, но интересную и благодарную задачу для своего биографа во многих отношениях.

В своей частной жизни Иван Александрович Гончаров восполнил свое одинокое существование, взяв на свое попечение случайно оставшихся на его руках чужих детей по смерти их отца, находившегося у него в домашней службе, вырастил их и дал им хорошее воспитание, так что о нем можно было сказать словами Беранже: «*Счастливы тот, кто в своем уголке мог сделать хоть немного добра*», — и он сделал такое малое, бесшумное дело в своем действительно маленьком уголке и был вполне счастлив. В запечатанном письме, найденном в его столе, на наше имя, от 9 октября 1886 года он дает, между прочим, разъяснение всем своим посмертным распоряжениям; понимая, какую он мог оказать плохую услугу «тройке детей» — его собственное выражение, — дав им солидное среднее образование и не позаботившись в то же время о том, чтобы «поддержать их на первых шагах жизни», Иван Александрович Гончаров оставил им свое денежное имущество и движимость, кроме кабинета «с закрытыми в нем помещениями», относительно чего он сделал особое распоряжение; в этих помещениях, как он говорит в письме, нет ничего ценного в имущественном смысле. Итак, покойный не только делал добро, но и умел его делать, — хороший пример тем благотворительным заведениям, которые оставляют всякую заботу о своих питомцах, раз последние отбыли срочное время в стенах заведения, а иногда такой срок кончается двенадцатилетним возрастом.

Примечания

[А. Д. Алексеев, О. А. Демиховская]

Стасюлевич Михаил Матвеевич (1826–1911)

историк, профессор Петербургского университета, публицист, издатель-редактор журнала «Вестник Европы». С Гончаровым знаком с начала 60-х годов, а с 1868 года — один из самых близких друзей Гончарова. Начиная с 1869 года, Гончаров был сотрудником «Вестника Европы», опубликовав в нем «Обрыв» (1869, № 1-5), «Милльон терзаний» (1872, № 3), «Из университетских воспоминаний» (1887, №4), «На родине» (1888, № 1, 2) и «Нарушение воли» (1889, № 3).

(Сканировано по изданию: И. А. Гончаров в воспоминаниях современников. Л., 1969.) http://az.lib.ru/g/goncharow_i_a/text_0250.shtml#04

ИЗ БИОГРАФИИ И.А. ГОНЧАРОВА

«Вестник Европы», июль 1912 г.

200 лет Ивану Александровичу Гончарову

18 июня исполняется двести лет со дня рождения Ивана Александровича Гончарова, одного из самых глубоких и прозорливых русских писателей и мыслителей всех времен. Его уникальная книга «Фрегат “Паллада”» о кругосветном путешествии, а его «ТРИО» — знаменитые романы, все на «О»: «Обыкновенная история», «Обломов» и «Обрыв», написанные писателем с интервалом в десять лет, — давно вошли в круг необходимого русского чтения, основное ядро того, что называется русской ментальностью, стали основой театральных спектаклей, кинофильмов, неисчерпаемым родником мыслей о самой сути русского человека и русской культуры

На протяжении десятилетий Иван Александрович был близким другом историка-медиевиста Михаила Матвеевича Стасюлевича (1826–1911), издателя-редактора журнала «Вестник Европы». Начиная с 1869 г. Гончаров был одним из важнейших сотрудников журнала. В «Вестнике Европы» он опубликовал свой роман в «Обрыв» (1869) знаменитое эссе «Милльон терзаний» (1872), очерки «Из университетских воспоминаний» (188), «На родине» (1888), «Нарушение воли» (1889). После смерти писателя М.М. Стасюлевич напечатал его некролог. В журнале появились посмертные публикации последних очерков писателя, воспоминания об И.А. Гончарове и его переписка; в год столетия писателя июльский том журнала вышел с его портретом и публикацией мемуарных материалов.

«Вестник Европы» сообщал (1912, июль, с. 388):

«Столетие рождения Гончарова торжественно было отпраздновано на его родине, в Симбирске, где, между прочим, была устроена архивною комиссией первая выставка в память писателя, сравнительно весьма богатая. Вышеназванный каталог выставки, любовно составленный местным исследователем и собирателем материалов о Гончарове г. Суперанским, не только дает перечень собранных предметов, но и указывает их значение для биографии Гончарова, содержит ряд библиографических указаний и представляет весьма полезный справочный материал для изучающих [творчество] этого писателя». В нынешнем году в Ульяновске/Симбирске, на родине писателя пройдут юбилейные торжества и состоится очередная международная Гончаровская конференция, о которой мы расскажем в нашем журнале.

Редакция

Помещаем публикацию столетней давности из юбилейного гончаровского номера «Вестника Европы» за 1912 год.

«Вестник Европы», июль 1912 г. с. 354-362.

Журнал науки-политики-литературы, основанный М.М. Стасюлевичем в 1866 г. Сорок седьмой год. Санкт-Петербург.

ИЗ БИОГРАФИИ И.А. ГОНЧАРОВА

Бывшая начальница Виленского Высшего Мариинского училища Александра Яковлевна Колодкина была знакома с Иваном Александровичем Гончаровым. Полагая, что для характеристики наших выдающихся писателей важны все сколько-нибудь интересные эпизоды из их жизни и пользуясь любезным разрешением г-жи Колодкиной опубликовать некоторые из ее воспоминаний и напечатать имеющееся у нее письмо И.А.Гончарова, мы с ее слов расскажем вкратце историю этого знакомства. Лето 1866-го года А.Я. Колодкина проводила вместе со своей сестрой П.Я. в Мариенбаде. Общество русских на водах было невелико. Большею частью это были больные, приехавшие для поправления здоровья. Здоровые, находившиеся при больных, искали развлечений. При таких обстоятельствах люди обыкновенно знакомятся быстро и охотно. К знакомствам побуждало и естественное чувство землячества, пробуждающееся на чужой стороне.

«Однажды, — рассказывает Александра Яковлевна, — мы обедали в ресторане “Stadt Hamburg” за отдельным столиком. Здесь по преимуществу собиралось русское общество. Неподдалеку от нас расположилась группа писателей. Среди них был Гончаров, которого доктора уже несколько лет подряд посылали в Мариенбад. Он посмотрел в нашу сторону.

— Это непременно русские, — сказал Иван Александрович и пожелал с нами познакомиться.

— Позвольте вам представить: Иван Александрович Гончаров, — сказал А.П.Опочинин, подводя к нам писателя.

— Гончарова не нужно представлять... Его все знают, — ответила я.

Он вежливо поклонился, и мы разговорились. С того дня он приходил к нам каждый день.

Конечно, мне приятно было знакомство с писателем, о котором говорила тогда вся Россия».

Гончаров находился тогда, можно сказать, в зените своей известности. Публике уже были известны его «Обыкновенная история», «Фрегат “Паллада”», «Обломов». Нервы Гончарова в то время были расстроены, и доктора посоветовали ему ездить, после лечения в Мариенбаде, в Boulogne-sur-Mer.

«Отправляясь туда и прощаясь со мной, — рассказывает А.Я., — он обратился ко мне с такими словами:

— Не напишете ли вы мне в Булонь несколько строчек? Мне было бы очень приятно получить от вас хоть маленькое письмецо...

Видя в его словах обычную в таких случаях любезность, я, конечно, и не думала писать ему.

После шестинедельного пребывания в Мариенбаде я со своими родными переехала в Париж. В одну из тоскливых минут, какие часто находили на нас в дурную погоду, в большом, чуждом нам городе, мне пришлось в голову: почему бы не написать Ивану Александровичу? К этому побуждала меня и моя сестра.

Хотя, по тогдашним понятиям, и не принято было писать молодым девицам письма мужчинам, но Гончаров мог быть исключением, - и я написала ему несколько строчек по-французски, самого общего содержания, вроде того, как вы поживаете? весело ли проводите время? как здоровье? и пр. При этом прибавила, что вспоминаю разговоры и интересные прогулки с ним... Иван Александрович через несколько дней ответил мне следующим письмом:

Boulogne-sur-Mer,

Hôtel da Petit Pavillon.

«Перед отъездом моим из Парижа¹, Александра Яковлевна, Вы отняли у меня суровым отказом всякую надежду получить от вас строчку: можете себе представить, как приятен мне был неожиданный сюрприз, сделанный Вашим милым письмом. Только Вы приписываете ему не ту главную заслугу, какую оно имеет: *искренность*². До искренности ещё не дошла речь, но я смею надеяться, что речь впереди, т.е., когда Вы, узнав меня несколько короче, сложите с себя этот характер сдержанности и учтивой любезности и замените их действительной искренностью. Но я поспеваю прибавить, этого ещё не успел заслужить и потому сознаюсь, что Вы не могли написать письма в каком-нибудь другом тоне, как в том, в каком оно написано. Впрочем, самый факт, т.е. присылка письма, дает мне право гордиться, что Вы не забыли меня и что, следовательно, находили не неприятным мое общество. Я желал бы, чтобы по возвращении моём в Париж, Вы нашли бы большое удовольствие в наших прогулках и чтобы вспоминали о них более двух недель потом. Вот видите: Вы немного побаловали меня, и у меня является неумеренная претензия, которую я постараюсь всячески оправдать.

Вы предоставляете мне угадать, почему пишете мне по-французски, а не по-русски. Я бы желал предположить какую-нибудь мелкую и невинную причину, например, нелады с «ъ» и «ѣ» или отвращение к запятым, наконец, наивную боязнь некоторых дам писать литераторам, но такие причины слишком ниже Вас — вы чересчур умны и ложный стыд в незнании запятых Вам не к лицу. Я боюсь другой, горшей причины: французская речь лучше помогает быть любезным в принятых формах, нежели русская, не обязанная быть в то же время искренней. Впрочем, эта причина, при неопределенных, неустановившихся отношениях, законная и почти неизбежная. Я уверен, что после новых, очень немногих прогулок со мною Вы перейдете на русскую речь.

¹ Это неточность: из Мариенбада, а не из Парижа.

² Курсив писателя.

Русских женщин я считаю лучшими из всех, и не по одному только патриотизму, а и по строгому, долговременному изучению их: язык есть самое живое и чуть ли не единственное выражение национальности. Женщина, постоянно говорящая и пишущая на чужом языке, всегда бы осталась для меня незнакомою, как бы я часть не видал её.

Вы полагаете, что я здесь попал в вихрь большого света и даже участвую в балах. Большого света здесь нет: англичан много, но из них мало порядочных, а большая часть приезжает или спасаясь от долгов в Англии, или для торговых сделок, или покутить неделю в чужом городе, или, наконец, бегут от английской дороговизны.

В балах я участвую тем, что проклиная развезд экипажей всякий раз, когда дается бал в Casino, находящемся против моей отели. Один раз я, увлеченный известным Вам бароном³, пошел в концерт, в котором участвовала Carliotta Патти, но, прослушав пропетую арию из Верди, ушел, не дождавшись другой.

Я живу здесь очень уединенно, даже перестал ходить в table d'hôte (к общему обеденному столу. — *Фр.*), потому что некоторые англичане и особенно англичанки, узнав, что я один русский во всей Булони (барон уехал), думают, что мне скучно и стараются развлекать меня разговором, и притом английским. Я отвык почти совсем от языка, - и труд ломать голову над английскими фразами меня тяготит.

Сегодня особенно сюда наехало множество народа из Англии и из окрестностей Булони, даже из Парижа. Здесь празднуют нынешний день и совершают громадный крестный ход в честь Notre Dame de Boulogne, причем епископ торжественно благословляет море. В процессии участвуют, как мне сказывали, до восемнадцати епископов и до тысячи девиц (toutes les vierges de Boulogne et des environs — все девственницы Булони и ее окрестностей, — как сказывала мне одна благочестивая душа). А я думаю, что столько епископов во всей Франции нет. Не знаю, наберётся ли столько девственниц в Булони и её окрестностях.

Но т.к. я эту процессию видел раз пять, то я не тороплюсь из своей комнаты и провожу время гораздо приятнее, т.е. пишу Вам.

Очень жалею, что Вы не написали мне номера дома, где Вы живете, что необходимо здесь, и потому я посылаю письмо к хозяевам своей парижской отели для доставления Вам.

Между прочим, я роюсь в своих тетрадках и по временам прибавляю новую страницу⁴. Если охота не пропадет заниматься, то я, быть может, останусь здесь лишнюю неделю, хотя чувствую, что от работы, при морских купаниях, делаются приливы крови к голове. Если они не прекратятся, я надеюсь в непродолжительном времени лично поблагодарить Вас за дорогое, милое внимание.

А теперь прошу Вас передать выражение моего почтения Вашей сестрице, поклон племяннице и принять уверение в моей преданности.

И. Гончаров».

В скором времени в Париж приехал и Гончаров. «Мы, — рассказывает А.Я. Колодкина, — целой компанией часто гуляли с Иваном Александровичем по городу, устраивали недалекие загородные прогулки. В театре Гончаров ни разу не был за всё это время. Только раз удалось затащить его на концерт в Елисейские поля, но концерт, по-видимому, не произвел на него никакого впечатления, он зевал и скучал.

Он развлекал нас своими рассказами и шутками, остроумными замечаниями, на которые был большой мастер. Он обладал способностью одним выражением метко охарактеризовать человека и что угодно».

Черты выведенного им Обломова, имеющего, бесспорно, автобиографическое значение, в это время уже заметно сказывались в нём. Он не любил шумных мест, избегал людских сборищ. По бульварам любил гулять только в тех случаях, когда они были малолюдны. Черты обломовщины видны из письма. Подобно своему Илье Ильичу, он «проклиная развезд экипажей», когда дается бал в Казино, уходит, «не дождаввшись другой арии из Верди», «живет уединенно, даже перестал ходить в table d'hôte», предпочитает «не трогаться из своей комнаты», предполагает, что у него «пропадет охота заниматься», его «тяготит труд ломать голову над английскими фразами»...

³ Барон Шериваль-Вален.

⁴ И.А. отделявал тогда свой «Обрыв».

Александра Яковлевна с улыбкой, между прочим, вспоминает о поездке с Гончаровым на ярмарку в Сен-Клу.

«Нам, молодым людям, — рассказывает А.Я., — естественно, хотелось поглядеть на людей, потолкаться на ярмарке. Мы сказали о своем намерении Ивану Александровичу и пригласили его. Но он — ни за что...

— И с какой стати вы туда поедете? — начал он нас отговаривать. — Вы, молодые девушки, и вдруг на ярмарку. Чего вы там не видели?.. Там рабочие, разные сапожники, извозчики...

Мы стояли на своем. Видя наше настойчивое желание ехать, Гончаров решил провожать нас.

— Не могу же я допустить, чтобы вы ехали туда одни. Я буду вашим кавалером... Едем, так и быть, но только ради Бога не парохомом.

После путешествия на «Фрегате «Палладе» у Гончарова на всю жизнь явилось отвращение к морским путешествиям, и, вообще, к передвижению водой. Он не скрывал этого отвращения. Мы отправились по железной дороге.

Ярмарка, действительно, оказалась каким-то адом: масса народу, сутолока, беготня, шум, разные возгласы, крики... продавщицы леденцов выкрикивали пронзительно: «Voilà le plaisir». Et les gamias repondaient: «n'en mangez pas, cela fait mourir».

— А что?.. Не говорил я! — ворчал писатель, идя за нами. — Ну, скажите пожалуйста, кто из интеллигентных девиц в наше время ездит на ярмарку?

Недовольство Гончарова усилилось, когда нужно было переходить с поезда на поезд чрез небольшой подъём по ступенькам... К тому же пошел дождь, что уже окончательно испортило настроение Ивана Александровича.

Успокоился он только в вагоне, отвозившем нас обратно в Париж. Усевшись с комфортом в углу вагона, он знал, что теперь его не побеспокоят никакими неожиданностями, шутил по поводу ярмарочных впечатлений и все задавал нам язвительный вопрос — много ли приятных впечатлений мы вынесли из ярмарки?.. а когда мы стали обедать в отеле «de France» Гончаров окончательно развеселился.

— Александра Яковлевна, — обратился он ко мне, — вы такая поклонница Пушкина, верно, знаете его стихотворение «Ангел». Скажите...

Я начала:

В дверях эдема ангел нежный
Главой поникшею сиял,
А демон мрачный и мятежный
Над адской бездною летал

.....

— «Прости», — он рек...

— Теперь позвольте, — перебил в этом месте Гончаров и, держа бокал с шампанским, продолжал:

..... Тебя я видел,

И ты не даром мне сиял:

Не все я в мире ненавидел,

Не все я в мире презирал».

Однажды мы гуляли по rue de Rivoli с Иваном Александровичем. Пошел дождь. Нужно было куда-нибудь скрыться.

— Пойдем в Лувр, — предложил Иван Александрович.

Хотя мы бывали в Лувре не однажды, но этот музей не мог наскутить, сколько бы раз его ни посещать. Дошли до комнаты, где на пьедестале высится Венера Милосская. Иван Александрович, хотя и не раз ее видел, пришел в необычайный для него восторг и, глядя на классическую статую, продекламировал:

Цветет божественное тело

Неувядаемой красой...

Ты вся полна пафосской страстью

Ты вешь негою морской,

И вся всеподобной властью,
Ты смотришь в вечность пред собой.

Иван Александрович знал наизусть много стихотворений, но декламировал их не особенно охотно. Он был большой эстет, любил все изящное, цветущее, жизнерадостное и, как выражение жизнерадостности, — молодость.

Он особенно часто развивал мысль о том, что молодости дается даром то, к чему, как к окончательно-му итогу, стремится наука и искусство... но молодость не умеет ценить своих благ. Эту мысль он закреплял соответствующей выдержкой из «Фауста»:

«Отдай же годы мне золотые,
Когда я сам вперед летел,
Когда я песни молодые
Еще свободной грудью пел»...

Он считал Гёте великим сердцеведцем. Из «Фауста» ему особенно нравилось то место, где Мефистофель спрашивает Фауста: «Каких ты желаешь благ?»... А Фауст отвечает: «Я желаю их всех, потому что желаю молодости»...

Себя Гончаров называл «старцем преклонным, но не благочестивым... Ему было тогда 54 года».

Прошло лето. В 20-х числах сентября А.Я. Колодкина вместе с Гончаровым возвращалась в Россию.

«При выезде из Парижа, — говорит Александра Яковлевна, — знакомые поднесли мне букеты. Один из них был в красивой коробке. «Это все ваши трофеи?» — заметил Иван Александрович и в свою очередь поднёс мне ананас, который я вложила в коробку. На одной из станций Гончаров принес сигары, дает мне и просит их спрятать. Он в это время много курил. Я вложила сигары в ту же коробку. Через некоторое время Иван Александрович спрашивает, где сигары?

— В коробке...
— Боже мой, что вы сделали?..
— А что?..
— Помилуйте, все мои сигары пропахнут ананасом»...

По дороге останавливались на несколько часов в Кёльне, где осматривали Кёльнский собор, - и, конечно, купили оде-колону... Более продолжительную остановку сделали в Берлине. Берлин осматривали внимательно, посетили берлинские достопримечательные места».

Были, между прочим, в Крольгартене. «Помнится, — рассказывает по этому поводу Александра Яковлевна, — в Крольгартене какая-то певица пела Норму. Гончаров по этому поводу вспомнил, как его Ольга в «Обломове» пела «Casta Diva»... и как она понимала Норму, «выплакавшую сердце»...

— Ольга — ваш идеал? — спросила я.
— Неудачный, — ответил писатель».

В Петербурге он часто бывал у А.Я. Колодкиной, которая жила тогда в своей семье на углу Большой Итальянской и Екатерининского канала, в доме Енгальчовой.

«Однажды, придя в мою комнату, — говорит А.Я., — писатель спросил позволения покурить и удивился, что у меня пепельницы нет.

— Я сама не курю, и никто из курящих в мою комнату не допускается, — ответила я шутливо, — но для вас могу сделать исключение...

Писатель поблагодарил за внимание и, придя в следующий раз, принес и оставил у меня на столе небольшую, правильной формы, отшлифованную перламутровую пепельницу. Эту пепельницу он привез из своего путешествия. Другую пепельницу, в виде краба, он подарил моей сестре».

Пепельница, конечно, хранится у А.Я. Колодкиной, как дорогая память о писателе. Есть также у неё и «Обломов», поднесённый автором с собственноручной надписью: «Александр Яковлевне Колодкиной на память дороги от Парижа до Петербурга. Сентябрь 1866 г. От автора». Александра Яковлевна вклеила в начальную страницу книги миниатюрный портрет писателя, тоже подаренный ей Гончаровым. Портрет вклеен так, что под ним приходится название книги — «Обломов».

— Разве похож? — спросил Гончаров, увидя книгу.

— Вполне... — ответила Колодкина.

На экземпляре «Фрегата “Паллады”», поднесенном А.Я.Колодкиной, Гончаров сделал другую надпись: «На память кругосветного путешествия по Парижу, Кёльну, Берлину».

Конечно, Александра Яковлевна в настоящее время не помнит всех разговоров с Гончаровым, бывших сорок лет тому назад, но некоторые его выражения сохранились у нее в памяти.

В то время было известно, что некоторые редакторы предлагали Гончарову по 500 рублей с печатного листа.

— Что же вы не пишете? — спрашивала его Александра Яковлевна.
— А вы полагаете, что писатель — сапожник... получил заказ — и сейчас же скроил...

Говоря о бесспорных преимуществах ума, писатель не без иронии всегда прибавлял со вздохом:

— Конечно, ум... это хорошо... но в ум не поцелуешь...

«В Гончарове в это время преобладало, — по воспоминаниям А.Я. Колодкиной, — какое-то особое настроение, которое можно назвать сентиментально-эгоистическим. Он очень любил посентиментальничать, но его сентиментальность отличалась эгоистическим характером, чего он и не скрывал. Иногда на него, впрочем, находили минуты пессимизма, и тогда он говорил о бренности всего существующего и о неизбежности общего для всех конца».

В следующем, 1867-м году он опять уехал в Мариенбад. В этом году сестра тоже звала Александру Яковлевну за границу, но судьба распорядилась иначе.

Она приехала погостить к другой своей сестре, М.Я.Кузьминой, в Вильну. Здесь в это время открывалось Высшее Мариинское женское училище. Попечитель виленского учебного округа искал для этого училища, которое должно было занять выдающееся место в Северо-Западном крае, начальницу. Выбор пал на Александру Яковлевну, молодые годы которой не помешали ей занять эту должность.

Гончаров был очень удивлен, когда узнал о поступлении А.Я. Колодкиной на службу.

— Что её заставило уйти в училище? — спрашивал он сестру Александры Яковлевны, с которой встретился в Петербурге. — Вероятно, большое вознаграждение?..

— Начальница получает всего 500 рублей в год.

Это ещё более удивило Гончарова, Он прислал А.Я. Колодкиной свою карточку с любезной надписью. Колодкина поблагодарила...

Больше они не встречались.

«Об Иване Александровиче у меня остались самые приятные воспоминания», — так закончила свой рассказ о Гончарове А.Я. Колодкина.

Ф. Кудринский

Халат Обломова

Игорь КЛЕХ

ХАЛАТ ОБЛОМОВА

В воображаемом музее литературных предметов, — где в читательской памяти хранятся три карты Германна и дуэльный пистолет Онегина, шинель Башмачкина и дорожная шкатулка Чичикова, топор Раскольникова и ланцет Базарова, полковое знамя Болконского и линзы Безухова, галоши Беликова и удочка Тригорина, набоковская коллекция бабочек и нескороаемая рукопись булгаковского романа, — обломовский халат занимает почетное видное место.

Гончаров написал и другие замечательные книги («Обыкновенная история», «Фрегат «Паллада»», «Слуги», «Миллион терзаний»), воспоминания, очерки и этюды, но его «Обломов» — особь статья, потому что это великая книга, затрагивающая самые глубинные проблемы человеческой экзистенции, проникающая на ее базовый, «нулевой», исходный уровень, где звучит один-единственный вопрос: быть или не быть? Или так: зачем? Поэтому это не история о русском барине-лежебоке и никакой не социально-психологический роман (как упоминается «Обыкновенная история»), но антропологическая притча. И не карта Российской империи могла бы послужить материалом для просторного обломовского халата, но карта звездного неба, как ни пафосно это звучит (не случайно Гончаров порой вынужден призывать на помощь то русского богатыря, обломовского тезку, то самих Гомера и Платона). Удивительное дело: роман очень неровно написан, местами просто провально, но это не имеет существенного значения, потому что писатель попал в жилу — в самый нерв чего-то, что и наименованию-то поддается с большим трудом.

Но попробуем разобраться по порядку.

АВТОР КАК ЗЕРКАЛО ДЛЯ ГЕРОЯ

У Ивана Александровича Гончарова общего с Обломовым не много, но все же достаточно. Во-первых, они представители разных социальных слоев, но, оказывается, по-настоящему богатые волжские купцы умели баловать своих детей не хуже столбовых дворян, и детство Гончарова — такой же

утраченный безмятежный рай, как ранние годы Гоголя или Редьярда Киплинга до их отправки в закрытые учебные заведения. Гончаров, подобно Обломову, пережил утрату позже и легче, поскольку после потери отца заботу об их семье взял на себя их состоятельный жилец и отставной моряк, откуда протянулись сразу две ниточки в биографии и творчестве — что называется импринтинг, «впечатывание» в матрицу поведения. Одна, благодаря связям покровителя, привела будущего писателя на государственную службу в столицу Российской империи («Обыкновенная история») и, в силу счастливого стечения обстоятельств, на борт фрегата «Паллада». Другая определила судьбу Обломова, заставив того переселиться из центра Санкт-Петербурга в слободку на Выборгской стороне и находить утеху в совместной жизни со вдовой и ее малыми детьми, а впоследствии и самого бессемейного Гончарова на закате жизни подвинула поступить аналогичным образом, когда умер много лет исправно служивший ему камердинер, оставив семью без кормильца.

Университетское образование получили они оба, но Обломов имел достаточно крепостных душ, чтобы очень скоро отказаться от чиновничьей карьеры, а Гончарову пришлось дослужиться до высоких чинов и постов, что не могло не отразиться на его письме. Конкурировавший с Гончаровым на литературном поприще барственный и состоятельный Тургенев не случайно за глаза окрестил его «чиновником», что не помешало ему позаимствовать у доверчивого и медлительного конкурента несколько носившихся в воздухе литературных идей и персонажей. Гончаров едва не помешался на почве плагиата, дело дошло до третьей инстанции, и не было дыма совсем без огня, Тургеневу пришлось в одном случае согласиться и вычеркнуть главу, но основные тургеневские романы появились удивительно вовремя, — а дорогая ложка к обеду, — чего нельзя сказать о запоздалом «Обрыве», третьем романе Гончарова, название которого, как заговоренное, начинается все с того же «Об...».

Тем не менее «чиновник» Гончаров решился на то, на что ни за что в жизни не отважился бы его герой, — отправиться в полукругосветное путешествие на парусном фрегате (без малого через сорок лет по тому же маршруту, примерно, — только в прямо противоположном направлении, по часовой стрелке, — отправится еще не родившийся Чехов, что будет иметь исключительное значение для обоих писателей, их миропонимания и творчества, — сыграет ту же роль, что Кавказ и Крымская война для Толстого или арест, эшафот и каторга для Достоевского). Без подобного опыта, придавшего новый масштаб мышлению и письму, вряд ли получилось бы у Гончарова написать *такого* «Обломова». Десятилетием ранее, еще до плавания на «Палладе», был написан и опубликован «Сон Обломова» — на таком уровне, сатирической идилии, ему бы и остаться без предпринятой Гончаровым «гулливеровской» экспедиции. Лично Обломову от нее досталось только пристрастие к чтению книг о путешествиях (что, кстати, очень характерно для второй половины XIX века и особенно для обитателей «глубинки», откуда, по выражению Гоголя, хоть три года скачи, ни до какого другого государства не доскачешь, — своего рода «географический гомосексуализм», страдающий бытовой ксенофобией).

Что еще роднит автора с его героем — это отношение к страстям, и в первую очередь к сильнейшей из них, любовной. Оба убежденные холостяки, обжегшиеся в молодости «на молоке» (Обломов, судя по беглому упоминанию о некоей содержанке, дважды) и впоследствии «дувшие на воду».

Оба склонны к простудам (см. воспоминания А.Ф. Кони и обломовское многократное: «Не подходи, не подходи! Ты с холоду», — это первого-то мая!). С той только разницей, что Гончаров в охотку поправляет здоровье на водах в Европе и на Рижском взморье по многу месяцев в году (имея для этого возможности и средства, служа в цензуре и в официальной печати, за что его все больше клюют набирающие силу народники всех мастей).

Если читатель обратится к гончаровскому очерку «Слуги старого времени», то увидит, как и из кого писатель сконструировал для Обломова его слугу Захара. И здесь невозможно не упомянуть о поразительно проникновенной адабашьяновско-михалковской экранизации гончаровского романа, где Захара (а не «себя в предлагаемых обстоятельствах») сыграл изумительный актер дореволюционной по духу русской театральной школы Андрей Петров, а Обломова и Штольца — Табаков и покойный Богатырев (по признанию Табакова, как бы поменявшись ролями: практичный «Штолец» в роли Обломова, а неприкаянный «Обломов» в роли Штольца, — что и придало образам неожиданную глубину), и ни один из эпитетов в превосходной степени не кажется мне здесь лишним.

Олег Григорьев. Психология вещей. 1960-е гг.

Как известно, начиная с Петра Россия в целом и русская культура в особенности ускоренным образом наверстывали свое отставание и преодолевали разрыв с большинством европейских народов, что имело неисчислимы последствия и определило своеобразие русского мира.

В частности, все русские романы XIX века, которые не были эпигонскими, были «неправильными», не соответствующими западноевропейским образцам и требованиям жанра (роман в стихах Пушкина, поэма в прозе Гоголя, цикл повестей Лермонтова, метафизические триллеры Достоевского, эпопеи Толстого), но именно этим и ценными. И Гончаров здесь не исключение, точнее — его химерический «Обломов». Разностильность этого романа многосоставная, как у скелета ископаемого ящера, — от классицистического хвоста (с риторикой о долге и нравственных нормах) через истлевший романтизм (со всеми его клише) до длинной реалистической шеи, увенчанной тесным вместилищем рассудка. И тем не менее повествование захватывает, потому что в книге говорится о главном. Максимально упрощая: зачем трудиться и беспокоиться, если все в итоге стремятся к одному — к довольству и покою? Зачем война, а не мир?

В ХАЛАТЕ

Об этом первая часть романа, вполне классицистическая. Первомайским утром Обломова навещают и сияют оторвать от дивана - вынуть из халата! — беспокойные посетители, целый парад шустрых представителей «ярмарки тщеславия». Вертопрах Волков, карьерист Судьбинский, журналюга Пенкин, человек без лица и энергетический ноль Алексеев, готовый за компанию и повеситься, театральный грубиян «от сознания бесполезной силы в себе» и негодяй Тарантьев, озабоченный и корыстолюбивый доктор. Кто-то из них бывший сослуживец, кто-то земляк, кто-то просто знакомый, и все они забегают в гости просто «почесаться», исполняя социальный ритуал. Ничего личного нет в их отношении к Обломову, поэтому даже слышать они не хотят о каких-то его неприятностях, которые самому Обломову представляются грандиозными, будучи, по существу, почти комичными в силу своей тривиальности. Всех визитеров Обломов жалеет, как русская баба: несчастные, как же они суетятся! Когда же жить? Так проживут свой век, и даже не пошевелится в них столь многое...

Но вот на пороге возникает вернувшийся из-за границы друг детства Обломова и совершенный его антипод с виду Штольца. И это уже не трение, а сцепление и конфликт — начинается действие романа.

ВЫХОД ИЗ ХАЛАТА

Но никакому Штольцу не вынуть бы Обломова из халата - дружба, сердечная приязнь, все это дело прошлое. Для такого нужна женщина, и благодаря Штольцу она появляется — Ольга Ильинская, то есть уже по самому звучанию фамилии «суженая» Ильи Обломова, и принимается лентяя, какого свет не видывал и мировая литература не знала, «обламывать». Это интереснейший языковой поворот, зафиксированный Далем в его словаре: есть «обломки старины» и т. п.; но существует и другое, отглагольное значение — жестко обучать, обезжать, как лошадей, или дрессировать, как рабочих слонов, и даже кнут в шутку звался тогда «обломайка». Впрочем, шуткам не место в данном случае. Любовная история Обломова и Ольги — очень старомодная и несколько наивная, но лучшая часть романа. Стоит отказать на время от современных взглядов, представлений и эстетических пристрастий, чтобы ощутить всю прелесть, глубину и безысходный трагизм этой истории.

Вся проблема в том, что Обломов не только барин *rag excellence* — воплощение барства как свойства, особая порода или даже биологический вид, искореняемый, искореняемый, да неистребимый на протяжении тысячелетий, по крайней мере. Как существует физическая красота, как существуют монашество,

поэзия, музыка, так существует и эталон праздности, без доли которой счастье невозможно (так считал, в частности, пожизненный труженик Чехов), — и он необходим, чтобы люди не перебесились от непрерывного преследования пользы и выгоды, и бесполезен, как Обломов, этот трагикомичный Дон Кихот служения идеалу покоя, неомраченного мира и надежды (как называли это свойство на Востоке). Совершенно не случайно Гончаров в одном месте сравнивает своего героя с православными старцами, спавшими в гробу и копавшими себе при жизни могилу, а сам герой признается, что ему давно уже *совестно* жить на свете (при том, что в романе почти совершенно отсутствует религиозно-церковная сторона русской жизни, сведенная здесь к одной максиме: «надо Богу молиться и ни о чем не думать»). Конечно же, в периоды модернизации Обломов (а с ним заодно и целая вереница исторически обреченных персонажей) однозначно оценивался как социальное зло и тормоз развития, а «обломовщина» (термин Штольца/Гончарова, подхваченный социал-дарвинистами) — как болезнь (по выражению Добролюбова, результат «бездельничества, дармоедства и совершеннейшей ненужности на свете»). К этому нам придется еще вернуться.

Проблема в том еще, что у Обломова... женское сердце! Вот обо что обломались Ильинская с Штольцем. А поскольку встретились три... сироты — треугольник образовался тот еще!

Ильинская весьма прозрачно позиционируется Гончаровым как пушкинская Татьяна и шекспировская Корделия, не лишенная однако специфического, биологически запрограммированного женского двомыслия (с элементами «лукавства», «честолюбия» и «корысти», как ни старался писатель не употреблять подобных слов, выписывая сконструированный им идеал). Естественно, она устраивает предполагаемому спутнику жизни испытание и проверку на способность быть мужем и отцом (аналогичное испытание прошел Пушкин в 1830 году и сумел добыть себе желанную жену). Проблема, однако, в том, что Ольга желает быть вдовой, а ее избранник желает быть... нянчимым. Поэтому после лета томительно бесплодной любви все заканчивается болезненным для обоих фиаско, и Обломов молит о пощаде: «Разве любовь не служба?.. Возьми меня, как я есть, люби во мне, что есть хорошего...».

Но Ольга беспощадна: это не любовь. «Я любила будущего Обломова! Ты кроток, честен, Илья; ты нежен... голубь; ты прячешь голову под крыло — и ничего не хочешь больше; ты готов всю жизнь проворковать под кровлей... да я не такая: мне мало этого, мне нужно чего-то еще, а чего — не знаю!.. Ты добр, умен, благороден... и гибнешь... Кто проклял тебя, Илья?.. Ты умер!..». Посмотрим чуть позже, чего нужно ей.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ХАЛАТ

Вся наружная жизнь Обломова — это «утробное бегство», фиксация, по Фрейдю, на какой-то из ранних стадий психического развития, непобедимое желание вернуться в безмятежный мир материнской заботы (отсюда желание быть накормленным прежде всего и приласканным). При этом его внутренняя жизнь достаточно интенсивна («Ты посмотри, где центр, около которого вращается все это: нет его, нет ничего глубокого, задевающего за живое. Все это мертвецы, спящие люди, хуже меня...», — нападает он на Штольца), а его сердце безошибочно и способно понять несравненно больше, чем самый трудолюбивый ум (редкий у мужчин талант, за который Пушкин так любил и ценил своего друга и сибарита Нащокина).

Обломов бежал от света жизни — каким явилась для него Ольга Ильинская — к ее теплу — каким стала для него вдовушка из предместий Петербурга. Агафья Матвеевна (комбинация из имени невесты в «Женитьбе» Гоголя с отчеством матери самого Гончарова; в классицистическом, по замыслу и драматургии повествовании все типы сконструированы и большинство имен значимо: от Штольца — по-немецки «гордый», до имен негодяев — Тарантьев, Мухояров, Затертый, — не говоря уж об Обломове, Пшеницыной и др.). Трудно не вспомнить здесь пассаж о булгаковском Мастере: он не заслужил света, он заслужил покой.

И всё в покое хорошо, кабы не скука. Для Обломова покой ассоциировался с отсутствием тревог и «тихим весельем», тогда как труд — исключительно со скукой. Но, как показал опыт Обломова и Штольца, оба этих состояния равно заканчиваются тоской — а это монета более крупного достоинства. Рассмотрим ее реверс.

ИДИЛЛИЯ

Та часть романа, где повествуется об отношениях и браке Ольги со Штольцем, является самой слабой и, более того, — фальшивой. Не потому, что счастье невозможно или не требует слов (Лис у Сент-Экзюпери нашел же слова для этого), не потому, что Ольга с Андреем его заболтали, как у какого-нибудь Чернышевского (что было общим рассудочным помешательством того времени, поразившим даже Обломова), а потому, что оно оказалось бессодержательным в гораздо большей степени, чем полурастительное счастье Обломова с бесконечно тупой и чистой сердцем вдовушкой в жалком подобии Обломовки на Выборгской стороне.

Склонный к прямым и эффективным решениям Штольц, «утопив страсть в женитьбе», неожиданно упирается в тупик: «Все найдено, нечего искать, некуда идти больше». Ему вторит всем удовлетворенная и успевшая стать матерью Ольга: «Вдруг как будто найдет на меня что-нибудь, какая-то хандра... мне жизнь покажется... как будто не все в ней есть...». И созревшее у четы Штольцев намерение переселить в свое имение Обломова или хотя бы взять на воспитание его ребенка так похоже на стремление обрести и вернуть себе живую душу, бог весть где и как обретенную. Потому что тупой активизм, сколь бы искренним он ни был или не хотел таковым казаться, не доводит до добра.

Да и сам холостой Гончаров не очень-то верит в нарисованную им картину, и перо его теряет силу и завирается все больше. «Кругом сияла вечная красота» — это все, что писатель может сказать о Швейцарии; «блещущая красота» — это уже о Крыме, где он поселил придуманную им счастливую семью (похожим образом Толстой в «Анне Карениной», чтобы не мучать перо, просто опускает путешествие Анны с Вронским в Италию). «Верный и глубокий наблюдатель явлений жизни» и их «истолкователь» — это о Штольце, являвшем собой в начале романа живой и полнокровный образ незаурядного русского немца. С Ольгой и того хуже, она «обливает его лучами взгляда» и «довоспиталась до строгого понимания жизни; два существования, ее и Андрея, слились в одно русло... все было у них гармония и тишина». Так не о том же ли мечтал и не к тому ли стремился Илья Ильич Обломов?! Или Пушкин, писавший «Пора, мой друг, пора» и «щей горшок — да сам большой»? «Обломову» предшествовали «Старосветские помещики» и «Женитьба», за ним появились «Ионьч», «Душечка», «Дядя Ваня», «Вишневый сад» — да и весь парадный ряд русской литературы бесконечно пытался разрешить неразрешимую квадратуру круга, чему не предвидится конца, даже если великая литература уже почилла в бозе.

ВЕЛИКАЯ МЕЧТА

Мандельштам эту мечту определил как сугубо славянскую (что не так) мечту о прекращении истории: вот История закончится — и будем просто жить (Толстой, Фукуяма... несть утопистам числа). Потому и коммунизм неискореним в принципе, поскольку всякое нормальное (да и не очень) детство, по существу, коммунистично. Гончаров в предельно гипертрофированной форме поставил/изобразил проблему борьбы и единства противоположностей (прости, читатель, за формулировку), где каждая сторона если не уродлива, то недостаточна, иначе говоря — нежизнеспособна. Бердяев некогда писал о «вечно бабьей» сущности России, когда на улицах уже гуляли люди с ружьем и жестокие комиссары в кожанках, — куда подевались? Коловращение продолжается.

Но остался роман, который говорит нечто предельно важное о жизни вообще. Не только русской. ■

ПЕРЕЧИТЫВАЯ «ФРЕГАТ ПАЛЛАДА»

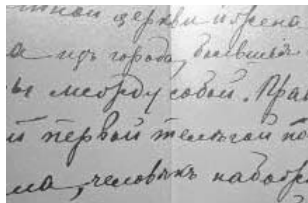
Борис РЯХОВСКИЙ

И.А. Гончаров начал путешествие в конце 1852 года с Балтийского моря, а закончил в 1854 году морем Охотским. Здесь он вышел на русский берег и проехал через всю Сибирь до Санкт-Петербурга. Он проплыл и объехал вокруг Европы, Африки и Азии.

1. Приближаясь к Якутску

От Майльской станции до Нельканской идут все горы и горы — целые хребты; надо переправиться через них, но из них две только круты, остальные отлоги. Да и с крутых-то гор никакими кнутами не заставишь лошадей идти рысью: тут они обнаруживают непоколебимое упорство. Горы эти — всё ветви Станового хребта, к которому принадлежит и Джукд-жуф. У подошвы каждой горы стелется болото; и как ни суха, как ни хороша погода, но болота эти никогда не высыхают: они или мерзнут, или грязны. Болота коварны тем, что поросли мхом и травой, и вы не знаете, по колению ли, по брюхо, или по морду лошади глубока лужа. «Ох!» — вырвется у того или другого, среди мучительного молчания, в продолжительном и изворотливом пробиранье между кочек, луж и кустов.

Наконец вчера приехали в Нелькан и переправились через Маю, услышали говор русских баб, мужиков. А с якутами разговор не ладится; только Иван Григорьев беспрестанно говорит с ними, а как и о чем — неизвестно, но они довольны друг другом.

В Нелькане несколько юрт и несколько новеньких домиков. К нам навстречу вышли станционный смотритель и казак Малышев; один звал пить чай, другой – ужинать, и оба угостили прекрасно. За ужином были славные зеленые щи, языки и жареная утка. В доме, принадлежащем американской компании, которая имеет здесь свой пакгауз с товарами (больше с бумажными и другими материями и т. п. нужными для края предметами, которыми торговля идет порядочная), комната просторная, в окнах слюда вместо стекол: светло и, говорят, тепло.

У смотрителя станции тоже чисто, просторно; к русским печам здесь прибавили якутские камины, или чувалы: от такого русско-якутского тепла, пожалуй, вопреки пословице, «заломит и кости».

Мы отлично уснули и отдохнули. Можно бы ехать и ночью, но не было готового хлеба, надо ждать до утра, иначе нам, в числе семи человек, трудно будет продовольствоваться по станциям на берегах Май. Теперь предстоит ехать шестьсот верст рекой, а потом опять сто восемьдесят верст верхом по болотам. Есть и почтовые тарантасы, но все предпочитают ехать верхом по этой дороге, а потом до Якутска на колесах, всего тысячу верст. Всего!

II. Якутск

Нужды нет, что якуты населяют город, а все же мне стало отрадно, когда я въехал в кучу почерневших от времени, одноэтажных, деревянных домов: все-таки это Русь, хотя и сибирская Русь! У ней есть много особенностей как в природе, так и в людских нравах, обычаях, отчасти, как вы видите, в языке, что и образует ей свою коренную, немного суровую, но величавую физиономию.

Пока я ехал по городу, на меня из окон выглядывали ласковые лица, а из-под ворот сердитые собаки, которые в маленьких городах чересчур серьезно понимают свои обязанности. Весело было мне смотреть на проезжавшие по временам разнохарактерные дрожки, на кучеров в летних кафтанах и меховых шапках, или, наоборот, в полушубках и летних картузах. Вот гостинный двор, довольно пространный, вот и единственный каменный дом, занимаемый земским судом.

В гостинном дворе, который в самом деле есть двор, потому что большая часть лавок открывается внутрь, я видел много входящих и выходящих якутов: они, говорят, составляют большинство потребителей. Прочие горожане закупают всё, что им нужно, раз в год, на здешней ярмарке.

Я ехал мимо старинной, полуразрушенной стены и нескольких башен: это остатки крепости, уцелевшей от времен покорения области. Якутск основан пришедшими от Енисея казаками, лет за двести перед этим, в 1630 годах. Якуты пробовали нападать на крепость, но напрасно. Возникшие впоследствии между казаками раздоры заставили наше правительство взять этот край в свои руки, и скоро в Якутск прибыл воевода.

Еще я видел больницу, острог, казенные хлебные магазины; потом проехал мимо базара, с пестрой толтой якутов и якуток. Много и русского и нерусского, что со временем будет тоже русское. Скоро я уже сидел на квартире в своей комнате, за обедом.

После обеда я пошел к товарищам, которые опередили меня. Через день они отправлялись далее; я хотел ехать вслед за ними, а мне еще надо было запастись меховым платьем и обувью: на Лене могли застать морозы.

«Где я могу купить шубу?» – спросил я одного из якутских жителей, которых увидел у товарищей. «Вам какую угодно: лисью, тарабаганью, песцовую или белычью?» – спросил он. «Которая теплее». – «Так медвежью хороши». – «Ну, медвежью». – «Азойно (тяжело) будет в медвежьей», – промолвил другой. «Так песцовую». – «Теперь здесь мехов никаких не найдете...» – заметили мне. «В Якутске не найду мехов!» – «Не найдете; вот если б летом изволили пожаловать, тогда дивно бывает мехов: тогда бы славный купили, какой угодно, и дешево». – «А вот тогда-то бы и не купил: зачем мне летом мех?»

«Лучше всего вам кухлянку купить, особенно двойную...» – сказал другой, вслушавшийся в наш разговор. «Что это такое кухлянка?» – спросил я. «Это такая рубашка, из оленьей шкуры, шерстью вверх. А если купите двойную, то есть и снизу такая же шерсть, так никакой шубы не надо».

«Нет, это тяжело надевать, – перебил кто-то, – в двойной кухлянке не повертись. А вы лучше под одинакую кухлянку купите пыжиковое пальто, – вот и все». – «Что это такое пыжиковое пальто?» – «Это пальто из шкур молодых оленей».

«Всего лучше купить вам борловую доху, – заговорил четвертый, – тогда вам ровно ничего не надо». – «Что это такое борловая доха?» – спросил я. «Это шкура с дикого козла, пушистая, теплая, мягкая: в ней никакой мороз не проберет».

«Помилуйте! – сказал тут еще кто-то, – как можно доху? шерсть лезет». – «Что ж такое что лезет?»

«Как что: в рот, в глаза налезет?»

«Где ж мне купить доху или кухлянку?» – перебил я. «Теперь негде: вот если б летом изволили пожаловать, – дружно повторили все, – тогда приезжают сюда сверху, по Лене, из Иркутска, купцы; они закупают весь пушной товар».

«Торбасами не забудьте запастись, – заметили мне, – и пыжиковыми чижками». – «Что это такое торбасы и чижки?» – «Торбасы – это сапоги из оленьей шерсти, чижки – чулки из шкур молодых оленей».

«Но, главное, помните, меховые панталоны», – сказал мне серьезно один весьма почтенный человек. «Нет, уж от этого позвольте уклониться». – «Ну, помяните меня!» – сказал он пророческим голосом. «Не забудьте также мехового одеяла», – прибавил другой.

«Зачем же меховые панталоны?» – с унынием спросил я: так напугали меня все эти предостережения! «А если попадете на наледи...» – «Что это такое наледи?» – спросил я. «Наледи – это незамерзающие и при жестоком морозе ключи; они выбегают с гор в Лену; вода стоит поверх льда; случится попасть туда – лошади не вытащат сразу, полозя и обмерзнут: тогда ямщику остается ехать на станцию за людьми и за свежими лошадьми, а вам придется ждать в мороз несколько часов, иногда полсутки... Вот вы и вспомните о меховых панталонах».

III.

От места впадения Вагая в Иртыш – места гибели Ермака в 1585 году – до Тихого океана русские прошли за полвека. Строятся первые сибирские города – Тобольск, Тюмень, Сургут, Березов, Обдорск, Нарым. Наряду с правительственной колонизацией широкой волной катилась народная крестьянская колонизация нового края, он заселялся народом. За два года – 1699 – 1701 Тобольской боярский сын Семен Ульянович Ремезов создал географический атлас из 23 карт, так называемую «Чертежную книгу Сибири». Описание местностей, командировка и составление «скасок» – отчетов, совмещались с поимками «кучумовых внучат» и отправкой в Москву, где их записывали в службу и наделяли поместьями. Никакого фронта, линий соприкосновения с противником. «Бурят» вовсе не самоназвание, происходит от русского «брат», так окликали переселенцы монголоязычных мужиков. Тунгусский предводитель из лошадного южного племени получил дворянство, он воевал с монголами и не помышлял о консолидации с соплеменниками.

Расселенные на колоссальной территории между Енисеем и Охотским морем, между Северным Ледовитым океаном и степями Монголии и Маньчжурии, тунгусы представляли собой совокупность родовых и племенных групп, отличных по своим занятиям и различных по диалектам.

Приход русских в Сибирь был сопряжен, казалось, с неподъемным трудом освоения. Сибирь и Азиатский Север населяли десятки народностей самого различного происхождения. Угры, самодийские и тунгусские народности, тюрки, монголы, палеоазиаты. Якуты знали и ковку железа, и выплавку его из рудных пород. Русские казаки в XVII в. высоко ценили якутские пальмы (ножи) и куяки (панцири). Эвенки знали ковку железа, но не умели выплавлять железо из рудных пород. В районах, отдаленных от народностей, поставлявших железо, у эвенков преобладали орудия из кости и камня. Об эвенках Охотского моря в середине XVII в. русские служилые люди писали, что «бой у них лучной, копейца и рогатины все костяные, и железных мало, и лес, и дрова секут и рубят каменными и костяными топорками».

Еще ниже был уровень развития производительных сил юкагиров на Колыме. «Преданье о приходе русских к юкагирам», сохранившееся у юкагиров до XIX в., начинается красочной характеристикой их древней культуры: «Юкагиры были, с каменными топорами были, с костяными стрелами были, с каменными топорами были, с костяными стрелами были, с ножами из реберных костей были, с нарами нартенные люди были. Лето когда наступало они с челноками были. Так жили».

На крайнем северо-востоке на Камчатке и Чукотке русские застали в XVIII в. в полном смысле каменный век. С.П. Крашенинников, первый исследователь Камчатки, в своей работе «Описание земли Камчатки» (1755 г.) оставил нам подробное описание материальной культуры ительменов в начальный период их сближения с русским народом. Приведу отрывок: «Прежние камчатские металлы были кость и камень. Из них делали топоры, ножи, копья, стрелы, ланцеты и иглы. Топоры у них делались из оленьей и китовой кости, также из яшмы, наподобие клина, и привязывались к кривым топорикам плашма... Ими они долбили лодки, чаши, корыта и прочее, однако с таким трудом и с таким продолжением времени, что лодку три года надлежало им делать, а чашу большую не меньше года».

Русские люди в те времена проникли в таежные и тундровые пространства Сибири, узнали и реки, и горы, изучили природу и освоили многие его богатства, всюду несли свою культуру, усложнили, обогатили, усилили национальный характер, ведь Сибирь не знала крепостничества. Русские люди, с воодушевлением писал Герцен, «перешли на свой страх и риск океаны льда и снега, и везде, где оседали усталые кучки в мерзлых степях, забытых природой, закипала жизнь, поля покрывались нивами и стадами, и это от Перми до Тихого океана».

Академик Струмилин сравнивал предприимчивый, сильный духом, натекающий на Урал и далее в Сибирь народ, упорный в укоренении на новых пространствах, единственно с пионерами-колонистами северной Америки. Мой уральский дед Афанасий Елеферович говаривал: хотите есть досыта — работайте до слез.

Советское время ослабило сибиряка. Почитайте Астафьева, ребятенком с раскулаченным дедом выброшенного умирать в игарскую тундру; коренной житель красноярской деревни Овсянка, ремеслуха, затем израненный солдат с поврежденным глазом и ямой в боку на месте ребер, устыжал, а то и срамил прилюдно и в книгах своего современника за измелчание, за лень и утрату трудовых навыков, а поколение дедов и бабушек воспел в «Последнем поклоне».

IV.

Один из миссионеров, именно священник Хитров, занимается, между прочим, составлением грамматики якутского языка, для руководства при обучении якутов грамоте. Она уже кончена. Вы видите, какое дело замышляется здесь. Я слышал, что все планы и труды здешнего духовного начальства уже одобрены правительством. Кроме якутского языка, евангелие окончено переводом на тунгусский язык, который, говорят, сходен с манчжурским, как якутский с татарским. Составлена, как я слышал, и грамматика тунгусского языка, все духовными лицами. А один из здешних медиков составил тунгусско-русский словарь из нескольких тысяч слов. Так как у тунгусов нет грамоты и, следовательно, грамотных людей, то духовное начальство здешнее, для опыта, намерено разослать пока письменные копии с перевода евангелия в кочевья тунгусов, чтоб наши священники, знающие тунгусский язык, чтением перевода распространяли между ними предварительно и постепенно истины веры и приготавливали их таким образом к более основательному познанию священного писания, в ожидании, когда распространится между ними знание грамоты и когда можно будет снабдить их печатным переводом.

При этом письме я приложу для вашего любопытства образцы этих трудов: молитву господню на якутском, тунгусском и колошешском языках, которая сообщена мне здесь. Что значат трудности английского выговора в сравнении с этими звуками, в произношении которых участвуют не только горло, язык, зубы, щеки, но и брови, и складки лба, и даже, кажется, волосы! А какая грамматика! то падеж впереди имени, то притяжательное местоимение слито с именем и т. п. И все это преодолено!

Я забыл сказать, что для якутской грамоты приняты русские буквы, с незначительным изменением некоторых из них, посредством особых знаков, чтобы пополнить недостаток в нашем языке звуков, частью гортанных, частью носовых. Но вы, вероятно, знаете это из книги г. Бетлинка, изданной в С.-Петербурге: «Ueber die jakutische Sprache» I, а если нет, то загляните в нее из любопытства. Это большой филологический труд, но труд начальный, который должен послужить только материалом для будущих основательных изысканий о якутском языке. В этой книге формы якутского языка изложены сравнительно с монгольским и другими азиатскими наречиями. Сам г. Бетлинк в книге своей не берет на себя основательного знания этого языка и ссылается на другие авторитеты. Для письменной грамоты алеутов и тунгусов приняты тоже русские буквы, за неимением никакой письменности на тех наречиях.

Теперь от миссионеров перейдем к другим лицам. Вы знаете, что были и есть люди, которые подходили близко к полюсам, обошли берега Ледовитого моря и Северной Америки, проникали в безлюдные места, питаясь иногда бульоном из галенища своих сапог, дрались с зверями, с стихиями — все это герои, которых имена мы знаем наизусть и будет знать потомство, печатаем книги о них, рисуем с них портреты и делаем бюсты. Один определил склонение магнитной стрелки, тот ходил отыскивать ближайший путь в другое полушарие, а иные, не найдя ничего, просто замерзли.

V.

Я выехал из Якутска 26 ноября, при 36° мороза; воздух чист, сух, остр, режет легкие, и горе страждущим грудью! но зато не приобретешь простуды, флоса, как, например, в Петербурге, где стоит только распахнуть для этого шубу. Замерзнуть можно, а простудиться трудно.

И какое здесь прекрасное небо, даром что якутское: чистое, с радужными оттенками! Доха, то есть козлиная мягкая шкура (дикого горного козла), решительно защищает от всякого мороза и не надо никакого тулупа под нее: только тяжести прибавит. Она легка, пушиста и греет в 40°! Не защитит лишь от ветра, от которого ничто не защитит. Как же тогда? Опустите замет у повозки, или спрячьтесь, или, наконец, как знаете. Лошади от ветра воротят морды назад, ямщики тоже, и седоки прячут лицо в подушки — напрасно: так и режет шею, спину, грудь и непременно доберется до носа. У меня даже пятка озябла — эта самая бесчувственная часть у всякого, кто не с родни Ахиллесу.

¹ Учебник якутского языка (немец.).

Ну, так вот я в дороге. Как же, спросите вы, после тропиков показались мне морозы? А ничего. Сажу в своей открытой повозке, как в комнате; а прежде боялся, думал, что в 30° не пройдешь тридцати верст; теперь узнал, что пройдешь лучше при 30° и скорее, потому что ямщики мчат что есть мочи; у них зябнут руки и ноги, зяб бы и нос, но они надевают на шею боа.

Еду я все еще по пустыне и долго буду ехать: дни, недели, почти месяцы. Это не поездка, не путешествие, это особая жизнь: так длинен этот путь, так однообразно тянутся дни за днями, мелькают станции за станциями, стелются бесконечные снежные поля, идут по сторонам Лены высокие горы с красивым лиственничным лесом.

Еще однообразнее всего этого лежит глубокая ночь две трети суток над этими пустынями. Солнце поднимается невысоко, выглянет из-за гор, протечет часа три, не отрываясь от их вершин, и спрячется, оставив после себя продолжительную огнистую зарю. Звезды в этом прозрачном небе блещут так же ярко, лучисто, как под другими, не столь суровыми небесами.

По Лене живут все русские поселенцы и, кроме того, много якутов: оттого все русские и здесь говорят по-якутски, даже между собою. Все их сношения ограничиваются якутами да редкими проезжими. Летом они занимаются хлебопашеством, сеют рожь и ячмень, больше для своего употребления, потому что сбывать некуда. Те, которые живут выше по Лене, могут сплавлять свои избытки по реке на золотые прииски, находящиеся между городами Киренском и Олекмой.

Зимой крестьяне держат лошадей на станциях. Лошади не сильны, хотя и резвы; корм их одно сено, и потому, если разгон велик, лошади теряют силу и едва выдерживают гоньбу по длинным расстояниям между станциями. Все станции расположены на пригорках, оттого при подъеме и спуске всегда берутся предосторожности. Экипажи спускают на Лену на одной лошади или коне, как здесь все говорят, и уже внизу подпрягают других, и тут еще держат их человек пять ямщиков, пока садится очередной ямщик; и когда он заберет вожжи, все расступятся и тройка или пятерка помчит что есть мочи, но скоро утомится: снег глубок, бежать вязко, или, по-здешнему, убрдно.

VI.

В пути покойно размышляется; обдумывается нажитое, подробности увиденного в путешествии вокруг трех континентов мешаются с подробностями отрочества: обучение в небольшом домашнем пансионе за Волгой в имении княгини Хованской, где жена образованного священника, иностранка, обучала французскому и немецкому; сочинения Державина и Фонвизина, которые он и переписывал, и учил наизусть, Озерова и Хераскова, детские книжки по естественной истории, путешествие Кука вокруг света и Крашенинникова в Камчатку, Мунго-Парка в Африку, прочее чтение, без системы, с поглощением романов самых бездарных переводов, описание путешествий и неслыханных путешествий и исторического существования стран.

Важнейшее влияние на мальчика имел его крестный Н.Н. Трегубов, отставной моряк, живший в светлом деревянном флигеле при большом каменном доме Гончаровых. Трегубов, вспоминает Гончаров, был лучшим советником моей матери и руководителем нашего воспитания. Он был вполне просвещенный человек. Образование его не ограничивалось техническим образованием в морском корпусе (при Екатерине II). Он дополнял его непрерывным чтением по всем частям знания, не жалел денег на выписку из столиц журналов, книг, брошюр. Выписывал книги исторического, политического содержания и газеты. Он помнил Потёмкина, участвовал в кампании против французов, впоследствии флот блокировал Италию с моря. Со слов наставника манил образ фрегата, парусного быстроходного военного судна с полным такелажем и одной батареей.

Были другие впечатления, связанные с жизнью сверстников Трегубова, безвылазно живших по своим деревням: много еды, лежание в постелях, повара-французы. Впоследствии Гончаров написал, что у него, впечатлительного мальчика, при виде беззаботного житья-бытья, безделья и лежанья приятелей его крестного и зародилось неясное представление об «обломовщине». После окончания университетского курса и приезда в Симбирск Гончарова с его новым зрением «обдало» обломовщиной; «самая наружность родного города не представляла ничего другого, кроме сна и застоя. Крестный людей не любил, отвык от них, тут была и боязнь, он, как прочие, был запуган переполохом, который произвел 14 декабря в русском обществе, боязнь оказаться приписанным к масонским ложам, обыски, забирала бумагу и отсылали в Петербург».

«Ни искры интеллектуальной жизни, не было ни одного кружка, который бы интересовался каким-нибудь общественным ученым, эстетическим вопросом».

Когда из Петербурга приезжает землевладелец, прототип Райского из «Обрыва», знает французский, имеет апломб, — дилетант, учился было рисованию, музыке и слышит от ссыльного: имеется ввиду Марк Волохов: «вы умны, может быть, талантливы, отчего же вы ничего не делаете?» «Меня не готовили к делу, мы были обеспечены».

Поведение персонажей Гончарова, Райского и Обломова и т.п., выдает художественную установку Гончарова: жизнь меньшинства за счет большинства развращает тех и других, нация слабеет. В будущем ее ждет пораже-

ние. Свидетельством тому встречи с американскими пароходами и новости с театра Крымской войны. Являлась на ум и многожды Япония с ее удельными князьями, всевластным сегуном, чей род держит страну в изоляции, и стыд чиновников и переводчиков за страну, и непременно вспоминались забавы офицеров «Паллады», прохлаждавшихся на палубе в креслах и с сигарами на отлете.

— Онищенко! Залп из двух пушек!

Бухнуло, фрегат качнуло, и убежавшая от судна волна смысла деревянные пушки береговой артиллерии с их соломенными домиками-укрытиями.

Офицеры на палубе посмеиваются. Сторож-японец плавает на лодке вдоль берега, ругает белых чертей и шестом сгоняет пушки к берегу.

VII.

От Жербинской станции начинается Иркутская губерния и Киренский округ. Здесь выпадают ужасные снега, и оттого везут гусем верст на шестьсот, то есть почти от Олекмы до Киренска и даже далее. На Жербинской станции я застал беспорядок. Староста умер, и все ямщики отказывались ехать, под предлогом, что не их очередь. Ямщики разбежались по избам и спрятались. Я сам пошел отыскивать их. Вошел в одну избу — ямщики все сидели по печкам с завязанными ногами и охали. «Батюшки! — стонали они, — смерть пришла, ноженьки, ой, ноженьки, мочи нет!» — «Что у вас?» — спросил я. «Горячка», — говорят.

Наконец одного здорового я застал врасплох и потребовал, чтобы он ехал. Он отговаривался тем, что недавно воротился и что надо лошадей кормить и самому поест. «Сколько тебе нужно времени?» — спросил я. «Три часа». — «Корми четьре, а потом запрягай», — сказал я и принял, не помню в который раз, пить чай.

Ямщик пообедал, задал корму лошадям, потом лег спать, а проснувшись объявил, что ему ехать не следует, что есть мужик Шейн, который живет особняком, на юру, что очередь за его сыновьями, но он богат и все отделяется. Я послал за Шейным, но он рапортовался больным. Я прожил полторы сутки, наконец созвал ямщиков и Шейна тоже, и стал записывать имена их в книжку. Они так перепугались, что сейчас же привели лошадей.

...Сибирь не знала помещиков, однако чиновников бояться.

VIII.

Офицеры «Паллады» шутили над сторожем береговой артиллерии в Нагасаки в 1853 году. Через пятьдесят лет Япония напала на Россию. Сдан Порт-Артур. Поражение русских частей на р. Ялу, на р. Шахе, разгром русской армии при Мукдене, флота — при Цусиме. Дед моей жены, начальник станции КВЖД, эвакуировал семью после прорыва дамбы. Солдаты, по плечи в воде, несли детей на кроватях, поднятых на вытянутых руках.

Накануне той несчастной войны Николай II раз 8 — или 12? — отказывал в аудиенции японскому послу. Япония оспаривала присвоение полосы леса на границе России и Кореи вертевшимся при дворе авантюристом Бриннером. (Впоследствии его лысый сын Юл играл в «Великолепной семерке».) В Зимнем дворце японцев звали макаками и т.п., и помыслить не могли, что Япония, как и Россия, преодолевающая вековую отсталость методом догоняющего развития, преуспела в своем госкапитализме, благодаря жесткой мобилизации.

Революция Мейдзи (1868 г.) покончила с феодальным устройством, проведен целый ряд реформ во всех отраслях государственного управления, Япония завела у себя по-европейски организованную армию и флот. (Наверняка помните американский фильм с Томом Крузом, где феодальное княжество с его отважным князем, самураями, крестьянами и постройками уничтожает регулярные части: луки и мечи против солдат с винтовками.) В университете преподают профессора из Европы, США — и российские: химию, медицину, славистику, среди них наши знаменитые Кропоткин, Боткин. Принята либеральная конституция. Европейская цивилизация усваивается лихорадочно: носят европейское платье, перенимают еду — до сего дня в японском меню «котлета»; некий восторженный неопит предлагал японским мужчинам взять американских жен. Японское правительство объявило войну Китаю, повод к которой дал давний конфликт из-за Кореи. Япония получила контрибуцию с Китая и Формозу, нынешний Тайвань, а Корея признана независимой.

IX.

Россия же с ее правящим классом и монархами оказалась неспособной преодолевать отставание страны с силовым внедрением технологий, знаний, рынка, как это делала Япония. Чеховский Лопухин только входил в силу. Прогрессирующее материальное развитие не было объявлено национальной задачей. А главное — что в

русской культуре не выделен художественно, — не поднят деятель. Его-то, Чацкого, выделял Гончаров. Крепкий, работающий человек, купеческий сын, здоровяк — в Якутске при 40° ходил в байковом пальто и калошах, а в своей каютке на «Палладе» неустанно писал, при качке, другой рукой держась за стену. В его критическом этюде «Миллион терзаний» Чацкий для него — главная фигура времени: «Только личное его горе произошло не от одного ума, а более от других причин, где его ум играл страдательную роль, и это подало повод Пушкину отказать ему в уме. Между тем Чацкий, как личность, несравненно выше и умнее Онегина и лермонтовского Печорина. Он искренний и горячий деятель, а те — паразиты, изумительно начертанные великими талантами, как болезненные порождения отжившего века. Ими заканчивается их время, а Чацкий начинает свой век — и в этом все его значение и весь ум.

И Онегин, и Печорин оказались неспособны к делу, к активной роли, хотя оба смутно понимали, что около них всё истлело.

«Чацкий, как видно, напротив, готовился серьезно к деятельности. Он “славно пишет, переводит”, говорит о нем Фамусов, и все твердят о его высоком уме. Он, конечно, путешествовал недаром, учился, читал, принимался за труд, был в сношениях с министрами и разошелся — нетрудно догадаться почему.

“Служить бы рад, — прислуживаться тошно”, — намекает он сам. О “тоскующей лени”, о “праздной скуке” и помину нет, а еще менее о “страсти нежной”, как о науке и о занятии. Он любит серьезно, видя в Софье будущую жену».

X.

Егор Гайдар в своей книге «Дни поражений и побед» говорит о повороте цивилизованного потенциала России в Азию, — а отнюдь не в Сибирь, — как о стратегической ошибке. Среди солидарных с Гайдаром и Гончаров («Волга против Лены — девочка») — и многое открыл в Сибири русскому населеннику и русскому правителю. И были солидарны с ним умнейшие люди. Министр внутренних дел Валуев, служил при Александре II, записал в дневнике: «Сегодня сообщают — Черняев взял Ташкент. Где Ташкент? и зачем он нам, и кто Черняеву позволил?»

Семенов-Тяньшанский, когда император спросил о приобретаемых в Средней Азии землях, колонизировать их не советовал: дескать, население другой веры, учить придется нашим навыкам, дороги строить, большие миллионы уйдут, завязнем. И ведь дело говорил ученый и путешественник. Сколько обошлась железная дорога Оренбург–Ташкент — так называемый главный ход, а другая: Красноводек–Ашхабад, и ведь не верили, что построит дорогу в песках — первый мировой опыт. Генерал Анненков построил. После протянули КВЖД. Не счастье российских утопических проектов. Петр I пишет Меншикову в едва заложенный Петербург и называет скопище землянок «парадизом», т.е. раем, в то время как население в мокрой одежде, на холодном ветру спасалось на деревьях от наводнения — и теми же днями Петр обдумывал, а впоследствии готовил экспедицию для колонизации Мадагаскара.

В утопических, вредных для России проектах — «прожектах» монархи оказались близки большевикам, и русской интеллигенции всех времен, и нынешней кремлевской администрации, огласившей намерение учредить госкорпорацию Сибири и Дальнего Востока: т.е. учреждается гигантский оффшор. В результате госкорпорация подминает под себя судебную власть и прочее, и получается, что Сибирь — не Россия, и вместо права — корпорация, выведенная из-под контроля федерального правительства и подчиняется непосредственно президенту Путину.

Читайте Гончарова, господа сочинители сибирских «прожекторов» и новых сибирских законов! ■

Ряховский Борис Петрович

Прозаик, сценарист. Член Союза писателей Москвы. Автор многих книг. Его повесть «Чужая, белая и рябой» легла в основу сценария фильма С. Соловьева. Знаток и исследователь истории и культуры Урала, Оренбуржья, Казахстана. Автор «Вестника Европы». Живет в Москве.

«Обыкновенная история»

Галина ВОЛЧЕК

«Обыкновенная история» — первое обращение «Современника» к русской классике. Мне кажется, этот шаг подсказала логика внутреннего развития театра. Я обратилась за помощью к В.С.Розову, когда искала материал, и он посоветовал мне перечитать «Обыкновенную историю». Роман Гончарова удивительно совпал с тем, о чем я думала тогда: об этой цене, которую платит человек за свое выживание. Оказалось, что у Розова уже была инсценировка, которую он сделал давно, когда только поступал в Литературный институт.

Время требовало многое поменять в ней. Началась наша совместная работа. У меня была наглость, свойственная молодости, я предлагала какие-то смелые ходы, а Розов, с его огромным опытом и знанием жизни, был абсолютно открыт работе. Мы спорили, добавляли какие-то сцены, что-то вычеркивали. Для меня было очень важно с самого начала попытаться найти современные, острые подходы к классическому тексту, которые помогли бы сократить расстояние между сегодняшним днем и временем, когда происходит действие романа. Так, в спектакле был момент, когда Александру Адуеву, которого замечательно играл Олег Табаков, приходит ответ редактора на его стихи. Я предложила Розову вставить в этот ответ реальные строчки из статьи в «Советской культуре» о спектаклях «Современника». Виктор Сергеевич сопротивлялся, говоря, что так делать нельзя. Волновало его и то, что неэтично что-то дописывать к Гончарову, и ситуация, если автор газетного доноса опознает свои строки. Я потратила огромное количество энергии, чтобы переубедить уважаемого мной автора. В результате со сцены звучало: «Писатель тогда только напишет дельно, когда не будет находиться под влиянием личного увлечения и пристрастия. Он должен обозреть покойным и светлым взглядом жизнь и людей вообще, иначе выразит только свое Я, до которого никому нет дела». Никто, кстати, так и не понял, что это не Гончаров.

Мы много обсуждали с художниками Петром Кириловым и Борисом Бланком, какой должна быть сценография. Для меня принципиальными были два момента — поворотный круг, вращающийся словно карусель, неизменно по одной и той же траектории, и антресоли, верхняя площадка, на которой над всем этим миром царил бы бюрократическая машина. Я изначально знала, что на этом балконе должны за столами в ряд сидеть чиновники в глухо застегнутых мундирах. В спектакле они получились своеобразным молчаливым хором — ритмично и слаженно передавали друг другу бумаги, штамповали их — отрывисто, громко, жестко, создавая вовсе не аккомпанемент, а необходимейшую часть действия.

Четкость и чистота формы были для меня невероятно важны в «Обыкновенной истории». Например, я пыталась весь спектакль построить на треугольных мизансценах, не допуская, чтобы они повто-

рялись. Никому об этом не говорила — это была моя собственная, внутренняя задача. Хотелось найти четкую геометрию, симметрию, которая рифмовалась бы с ритмичным стуком штампов. Всё вместе работало на образ государственной машины, которая переехала, сломала человека. Сломала этого восторженного романтика, юного, честного мальчика с голубыми глазами и по-детски пухлыми щеками, открытого миру, самозабвенно читавшего «Пока свободой горим, пока сердца для чести живы». Именно машина превращала его в жесткого безнравственного прагматика.

Как в ситуации всеобщего оцепенения, разрушительного цинизма, омертвелой бюрократии, ушлого и умелого приспособленчества сохранить в себе человека, как в этом мире стертых, серых лиц попытаться отвоевать лицо собственное, ни на кого не похожее — вот главные вопросы спектакля. «Обыкновенная история» была историей поражений, историей конформизма. Вся ее трагичность — именно в ординарности и закономерности происходящего. История, случившаяся с Сашенькой Адуевым, — обыкновенна, она вторична, третична, она не исключение из правил, она само правило. Переламывают тех, кто переламывается.

Премьеру мы выпустили как-то на удивление легко. Не было мучительных сдач. Как-то лихо проскочили мимо цензоров из министерства культуры. Сделали вид, что не заметили. Вокруг закрывали один за другим спектакли — «Смерть Тарелкина» Петра Фоменко, «Доходное место» Марка Захарова... Нас пропустили. Для меня до сих пор загадка, почему это произошло. ■

МОИ БОИ ЗА ИСТОРИЮ:

КАК Я БЫЛ ГЛАВНЫМ РЕДАКТОРОМ ЖУРНАЛА «РОССИЙСКАЯ ИСТОРИЯ»*

Андрей МЕДУШЕВСКИЙ

СИТУАЦИЯ ПОСТСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Состояние научного исторического сообщества в постсоветский период кратко, но точно характеризуется как *когнитивный диссонанс* — глубокое противоречие психологических установок, знаний и поведения. Прежние теоретические конструкции и формы организации показали свою неэффективность и утратили легитимность задолго до крушения СССР, новые — еще не сформировались или находятся на стадии становления, порождая кризис идентичности, раскол внутри научного сообщества и жесткое противостояние различных его групп.

Эти проблемы есть продолжение деформаций советского периода, для которого были характерны догматическая окостенелость, идеологический контроль, клановая замкнутость, отделение академической науки от высшей школы и образования, искусственное подразделение историков по узким направлениям специализации с поддержанием барьеров между ними, ритуализация исследовательского процесса и подозрительность в отношении неформальных структур, которые представляли ересь. Уничтожение классической до-революционной науки и установление монополии на истину в советский период (поддерживавшейся идеологическими кампаниями, проработками, комиссиями и т.п. методами, столь привлекательными для некоторых современных администраторов) привели к развитию конфликта идеологии и науки, общему падению престижа советской историографии.

Социальный переворот конца XX в., связанный с крушением коммунизма и распадом СССР, привел к дестабилизации советского социума и радикальным изменениям в поло-

жении общественных наук и их представителей. В условиях постсоветского демократического транзита — произошел крах государственной монополии на занятие наукой, сформировалась новая проблематика исследований, на время (!) открылся доступ к ранее секретным архивам, была отменена цензура, наступило освобождение от партийности, сложились новые отношения внутри сообщества. Возник фундаментальный социальный запрос к научному сообществу по вопросам выработки методов адекватного научного познания прошлого, содержательного анализа российского исторического процесса в глобальной и национальной перспективе, его репрезентации в новых исторических условиях¹.

Ответная реакция исторического сообщества оказалась противоречивой: с одной стороны, оно в полной мере воспользовалось новыми возможностями, а с другой — возник хаос методологических подходов, усугубленный постмодернистским релятивизмом в мировой науке и растущими сомнениями в состоятельности гуманитарных наук как таковых.

Поиск научным сообществом своей профессиональной идентичности в меняющемся мире прослеживается в деятельности ведущих научных изданий, в частности академических журналов. Самой показательной является судьба журнала Российской Академии Наук «Российская история» — ведущего национального научного исторического журнала.

В истории журнала можно выделить три основных этапа, соответствующих переломным вехам развития страны и исторической науки новейшего времени: первый — от осно-

Адагирский. 2001. Фото: Александр Тихон-Радно

вания (в марте 1957 г.) до 1992 г.; второй — до 2006 г.; третий — начинается с 2007 г. Эти этапы выражаются в изменениях названия журнала: «История СССР» (1957–1991), «Отечественная история» (1992–2008) и «Российская история» (с декабря 2009 по настоящее время).

В статье с позиций социологии науки и «включенного наблюдения» дается анализ последнего этапа деятельности журнала «Российская история», главным редактором которого автор являлся в период с 2007 по 2012 гг.²

Возглавить журнал я согласился по предложению тогдашнего директора Института российской истории РАН А.Н.Сахарова, который на завершающей стадии своего руководства Институтом счел целесообразным выступить с критикой консервативных академических порядков и выдвинул тезис о необходимости обновления научной жизни. Я принял это предложение не без колебаний, учитывая официальный статус журнала и неприятие мною его предшествующей идеологической линии. В результате переговоров с директором был заключен своеобразный «пакт», включавший следующие позиции: невмешательство администрации в содержательные вопросы деятельности журнала (что ранее имело место); существенное обновление редколлегии (выведение из нее в порядке «ротации» ряда одиозных персонажей и включение по моему представлению ряда других, в том числе иностранных ученых); радикальное изменение направления журнала — отказ от идеологизированных квазимарксистских представлений, господствовавших ранее, и переход на международно-признанные академические стандарты; предоставление мне определенного уровня академической независимости, необходимого для продвижения современных научных концепций и осуществления перелома в сознании профессионального сообщества. В целом это был мандат на проведение реформы журнала, а через нее — введение новых стандартов профессиональной научной этики в одном из ключевых институтов РАН.

При осуществлении этого курса в последующее пятилетие основное внимание мною было обращено на следующие ключевые вопросы: разработка новых концептуальных основ журнала в контексте смены парадигм в современной исторической науке; переосмысление структуры научных приоритетов; четкое определение социальных функций исторической науки и экспертная составляющая исторического знания; водворение новых стандартов профессиональной этики, позволяющих модернизировать сознание научного сообщества, несмотря на жесткое сопротивление его консервативной части.

Конфликт журнала с академической бюрократией по этим вопросам предельно четко выявил смысл и значение

моей *борьбы за историю* в современной России. Я построю свой анализ по этим параметрам, имея в виду показать как достижения, так и трудности рассматриваемого периода. Эта деятельность, позволившая мне находиться в центре академических дискуссий в один из наиболее интересных периодов трансформации российской исторической науки, дает возможность оценить общие направления развития российской исторической мысли, борьбу ценностей внутри профессионального сообщества, тенденции академической политики.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ЖУРНАЛА

Современная ситуация в мировой гуманитарной мысли и исторической науке определяется растущим несоответствием традиционных методов познания новой социальной реальности. Эти методы, восходящие к метафизическим эволюционистским и позитивистским доктринам прошлого, не дают убедительных ответов на основные вызовы современного общества рубежа XX–XXI вв., — такие как глобализация (разрушение устойчивых исторически сформировавшихся границ культурной и национальной идентичности), информатизация (рост объема информации и скорости ее распространения при общем снижении качества) и диалог культур (кризис традиционного европоцентризма и необходимость интерпретации мотивации поведения человека в других культурах, понятиях и ценностно-нейтральных категориях).

Наиболее отчетливыми проявлениями кризиса традиционной методологии гуманитарного познания в современной историографии стали: отказ от системности концепции мировой истории, отрицание за ней звания полноценной науки, отрицание сравнительного метода как способа познания общественных закономерностей и явлений, наконец, отсутствие единых критериев доказательности в гуманитарном познании. Это приводит многих современных исследователей к релятивизму, выводу о невозможности исторического познания в принципе или, во всяком случае, невозможности такого познания как строго научного.

Данный серьезный интеллектуальный вызов научному сообществу требовал адекватного ответа. Он был найден нами в теории *когнитивной истории* — наукоучении (построении логики науки), возникшем в результате синтеза информатики и когнитивных наук, изучающих человеческое мышление, с одной стороны и теоретического источниковедения, — с другой.³ Речь идет о радикальной смене научных парадигм — переходе от традиционных нарративистских подходов к когнитивной науке (ориентированной на понимание смысла и мотивации поведения).

С этих позиций журнал в 2007–2012 гг. реализовывал программу, сформулированную в ходе дискуссии о стратегии развития и модернизации данного академического издания. Ее материалы представлены в специальной публикации: «Каким быть журналу?» Она открывалась моей статьей об аналитической истории и приоритетных направлениях исторической науки⁴. Дав критический анализ современного состояния российской историографии, участники обсуждения констатировали ситуацию смены парадигм в исторической науке, сформулировали задачи по таким параметрам как теория, содержательные направления работы, характер отбора статей. Эта стратегия была положена в основу работы редакции в рассматриваемый период времени.

Не все участники данной дискуссии, однако, поддержали представленную мною концепцию: в их выступлениях отразилась растерянность части научного сообщества, обеспокоенность традиционалистского сознания, столкнувшегося с отсутствием привычного указующего перста, раздражение и даже агрессивность в отношении перехода на новые методологические и профессиональные стандарты.

Отдельные ученые выступали против резкой смены научных парадигм, недоумевали по поводу интерпретации истории как аналитической науки, способной конструировать модели и тем более предлагать какие-то прогностические рекомендации. Они выражали тревогу в связи с растущей концептуальной направленностью издания, провозглашенным отказом от классового подхода и приоритетным вниманием к истории институтов, права и политики.

Особое неприятие вызвало мое стремление подвести черту под советским историографическим наследием и положить конец теоретической аморфности постсоветского периода, — стремление, концентрированным выражением которого стало изменение названия журнала, с романтической «Отечественной» на строгую «Российскую историю». Уже тогда стало ясно, что новые идеи не удастся провести без существенного сопротивления консерваторов. Трудность дискуссии с оппонентами заключалась в том, что ими (при общем негативном эмоциональном отношении к выдвинутой программе) не было предложено альтернативных решений. Если они оперировали смутными психологическими ожиданиями и тревогами, то мне как главному редактору была недоступна эта роскошь — приходилось формулировать их точку зрения в аналитических понятиях только для того, чтобы возникла сама возможность научной аргументированной полемики.

В области теории основные направления наших поисков были связаны с разработкой вопросов методологии исторического познания, пересмотром историографических концепций, решением проблем доказательности выводов и верификации полученных результатов. Результаты этой ра-

боты систематизированы прежде всего в материалах круглого стола и дискуссии, развернувшейся по теме теории и методологии когнитивной истории⁵.

Новая теория когнитивной истории видит решение проблемы доказательности в изучении человеческого поведения, отражающегося в целенаправленно создаваемых интеллектуальных продуктах, неизбежно фиксирующих определенный информационный ресурс и выступающих для историка в качестве исторических источников. Именно они становятся отправной точкой доказательного исторического познания, возможного на основе методов классического источниковедения⁶.

Принятие этих установок в области теории и методологии исторического познания сделало актуальным уточнение тематики и профиля журнала, в частности, изменение его названия. С 2009 г. было принято название «Российская история» (вместо «Отечественная история»).

Причины этого изменения и его значение для исторической науки получили обоснование в моей редакционной статье «Российская история: новые рубежи и пространство диалога», в которой были сформулированы представления о том, какие традиции важно сохранить, а от какого наследия следует отказаться.

Отказ от политических догматов и идеологизированного представления об историческом прошлом, — подчеркивалось в статье, — сделал необходимым восстановление прерванной научной традиции — «стремление сохранить и восстановить преемственность в отношении к классическому периоду развития русской историографии и источниковедения, открытость в отношении мировой науки, расширение источниковой базы и спектра методов, намерение соединить фундаментальные исследования с поиском инновационных подходов и поддержкой научных талантов»⁷.

В рамках декларируемых нами подходов внимание исследователей привлекло обсуждение проблем перехода от описания к измерению и от него — к пониманию в истории и антропологии, чему был посвящен специальный «круглый стол»⁸.

На представленной теоретической основе методов когнитивных наук стало возможно расширение границ диалога культур при решении следующих аналитических задач: определение критериев достоверности научного знания как центральная проблема методологии и теории истории и источниковедения, выработка на этой основе отношения к различным направлениям и школам в современной теории исторического познания; изменение баланса междисциплинарных отношений исторической науки; выяснение инновационной составляющей социологических, правовых, экономических и антропологических подходов для решения задач исторической науки; разработка проблем сравнительного подхода,

вариативности и моделирования в историческом познании, параметров измерения в истории. На этой основе стал необходим пересмотр всей системы научных приоритетов.

ПЕРЕХОД К АНАЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

Вызовы, связанные с глобализацией и диалогом культур, диффузией культурных стереотипов и моделей заставляла обратиться к следующим проблемным областям: конструирование информационной картины мира и социальной реальности по таким параметрам как пространство (географические рамки диалога цивилизаций), время (представления о прошлом и настоящем, основанная на них картина будущего); смысл существования (когнитивные основы мотивации поведения), основы социальной и культурной адаптации индивида в условиях быстрых социальных изменений.

Темами обсуждения стали вопросы истории географических открытий, культурной, религиозной и идеологической самопрезентации России в различных регионах мира, выяснение каналов сбора и обмена информацией между странами, источников, содержащих сведения о представлениях населения и элит об изменениях геополитической реальности (географические карты, переводы книг, публицистика, русская и иностранная пресса, отчеты и дневники путешественников, дипломатические документы XVIII–X вв.)⁹. Акцент был сделан на конструирование образов взаимного восприятия народов и культур в новой и новейшей истории: в центре внимания оказались понятийный аппарат имагологии как особой области исследований, вопросы межкультурных коммуникаций в периоды острых международных конфликтов и войн, а также возможности диалога культур в процессе быстрых перемен, связанных с формированием постсоветской политической реальности¹⁰.

Формирование образов противника и союзника в истории, их трансформация в историографии России и стран Восточной Европы на современном этапе, а также их изменение под влиянием внешнеполитической ситуации, — важный ресурс осмысления политического процесса в динамике информационных коммуникаций и технологий распространения информации¹¹.

Особая проблема исторического процесса — влияние русской культуры на мировую в контексте волн постреволюционной эмиграции. В подборках по теме отражены географическое размещение основных диаспор русского зарубежья, его общественные организации, направления научного изучения и публикации архивных документов о нем¹².

Вполне осознавая актуальность и взаимосвязь таких направлений как глобальная, региональная и локальная история, редакция внимательно относилась ко всем иници-

ативам в этом направлении. Мы сознательно пошли на ряд экспериментов в этой области, важнейшим из которых стала подготовка специального проблемного номера по теме «Европейский Север».

Основная идея состояла в попытке посмотреть на один регион с позиций как глобальной так и локальной истории, определив наш подход как «региональную историю в глобальном измерении»¹³. При этом учитывались геополитические, социально-экономические, этно-демографические, коммуникационно-технологические факторы, влияющие на развитие региона в длительной исторической ретроспективе XV–XX вв. Этот опыт было решено использовать при подготовке аналогичных проблемных подборок по другим регионам — Поволжье, Урал, Сибирь и Юг России.

В целом существенное внимание было уделено теме российских имперских границ, их формированию и изменению, а также вопросам этно-конфессиональной политики на разных этапах истории. Тематика глобальной и локальной истории получает продуктивное развитие с позиций когнитивно-информационного подхода.

Процессы, связанные с формированием гражданского общества и правового государства, — в предшествующей историографии не рассматривались и потому стали предметом моего целенаправленного внимания в качестве главного редактора. В опубликованной подборке статей¹⁴ в журнале рассматривались историография гражданственности и гражданского общества, анализировались различные экономические, конфессиональные, профессиональные общественные организации, систематически публиковались материалы по истории местного самоуправления, земского движения, административных и судебных реформ, а также истории русской общественной мысли, образования и интеллигенции.

Данный анализ позволил пересмотреть стереотипное представление об отсутствии исторических предпосылок современного гражданского общества и вести их возникновение как минимум со второй половины XVIII в. Эти вопросы разрабатывались в рамках истории просвещения и народного образования¹⁵, конфессионального фактора¹⁶, общественной мысли и роли интеллигенции¹⁷.

Следует подчеркнуть появление на страницах журнала ранее практически отсутствовавшей тематики правового государства, истории российского парламентаризма и конституционализма.

Данная тематика представлена в подборках материалов по теории и истории российского конституционализма как общественно-политического направления¹⁸; обстоятельства созыва и разгона первой российской Конститутанты — Учредительного собрания 1918 г.¹⁹; анализу действующей российской конституции 1993 г., обстоятельства принятия

которой остаются предметом острых споров в современной политической борьбе²⁰.

Учитывая остроту этой полемики и критику российского исторического конституционализма со стороны современных «почвенников», я активно включился в эту работу, подготовив ряд специальных статей, направленных на восстановление легитимности и исторического значения российского конституционализма²¹.

Речь идет о сравнении таких процессов, как переход от абсолютизма к конституционной монархии и республике, с одной стороны, и от однопартийной советской системы — к современным формам демократического государства — с другой. Учитывая, что эта проблематика была полностью табуирована в советское время, а ее полноценная научная разработка не велась в академических исторических изданиях постсоветского периода под предлогом юридической специфики, я считаю ее постановку в журнале крупным научным и общественно-политическим прорывом, обеспечивающим понимание взаимосвязи прошлого и современного состояния российской политической системы²².

С позиций когнитивной теории и аналитической истории были пересмотрены традиционные представления о соотношении «событийной» и концептуальной истории, социального опыта и научного знания, сделан акцент на изучение вариативности исторических процессов.

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ИСТОРИИ РУССКИХ РЕВОЛЮЦИЙ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Эта работа, актуализировавшаяся в период юбилея Февральской революции, продолжена в последующие годы и рассматривалась мною как стратегическое направление деятельности журнала в перспективе предстоящего 100-летия русской революции 1917 года.

Данный подход действительно позволяет понять системные факторы поддержания стабильности российской государственности и причин ее дестабилизации по таким параметрам как альтернативы исторического выбора общества между реформой и революцией, психологические срывы, изменения отношений собственности, территориальная, национальная, политико-правовая и административная трансформация, возможности преодоления подобных кризисов на разных этапах истории.

Вклад революций и реформ в становление современного общества и национальной идентичности стал темой, интегрирующей различные направления современной историографии.

Тема революций трагического 1917 года — Февральской и Октябрьской — традиционно была основным предметом споров в российской, эмигрантской, а затем и пост-

советской историографии. Обращение «Российской истории» к ней выявило отсутствие консенсуса и сохранение традиционных консервативных, либеральных и социал-демократических подходов, существующих в многочисленных версиях²³.

С этих позиций реконструируются направления консолидации национальной идентичности (стереотипы сознания, ценности, идеологические программы партий); крупные социальные конфликты и представляющие их слои (крестьянские восстания, рабочие выступления, формы интеллигентского протеста), причины возникновения и выход из них (опыт революций и реформ). Я решил вмешаться в этот спор, подготовив статью, сопоставлявшую подходы к двум революциям и предлагавшую объяснение срыва демократических реформ в 1917 году²⁴.

В своих статьях и выступлениях по этой проблематике, почти сразу получивших отражение в иностранной (английской, немецкой и китайской) историографии, я стремился выйти за рамки традиционного идеологического спора, обращая преимущественное внимание на моделирование различных стратегий выходов из кризиса и вариативности принятых решений.

Конечно, я вполне сознательно противопоставляя данный подход как традиционным советским классовым схемам, так и новой «почвеннической» историографии, эксплуатирующей традиционные мифы о «русской самобытности», «русской системе», конфликте «смуты и порядка» (будто бы перманентном состоянии национального сознания, не поддающемся пониманию в рациональных научных терминах).

Ясно, что это не прибавило мне популярности в широких кругах современных консервативных российских историков, для которых эти идеи стали едва ли не основным квазиофициальным объяснением революции.

Важным направлением в политике журнала стала публикация материалов, отражающих переосмысление истории русских революций²⁵ и Гражданской войны²⁶. В них вполне репрезентативно были представлены существующие в историографии позиции в отношении причин революций в начале XX века, периодизации их развития, вклада в формирование современного общества, а также сравнительные параллели с классическими революциями прошлого и современными революционными конфликтами.

ПОЛИТИКА СВОЕВРЕМЕННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ КАК АЛЬТЕРНАТИВА РЕВОЛЮЦИЯМ

Альтернативой революциям выступает политика продуманных и своевременных преобразований — движение нового и новейшего времени к правовому государству, изучение

которого стало магистральной темой журнала. Ряд тем, привлекавших мое преимущественное внимание, был связан с анализом крупнейших преобразований прошлого, начиная с реформ Петра Великого до современных споров о модернизации.

ВЕЛИКАЯ РЕФОРМА

Примерами системного обращения журнала к этим вопросам следует считать важную подборку статей: «К 150-летию Великой реформы»²⁷.

В отличие от сдержанных официальных комментариев или замалчивания многими другими академическими изданиями, не говоря о негативной реакции «неославянофильской» публицистики (обвинявшей деятелей Реформы в незнании психологии народа и навязывании чуждых западных стереотипов), наш журнал не только откликнулся на юбилей, но и выдвинул программу направленных исследований аграрных реформ.

В качестве главного редактора я считаю постановку проблемы Великой реформы и модернизации России одним из своих важных достижений²⁸.

РЕФОРМЫ СТОЛЫПИНА

Другой пример реализации данной стратегии — обращение к столыпинским реформам: «Реформы и русское общество в начале XX века: к 150-летию со дня рождения П.А.Столыпина»²⁹. В нашу задачу входило научное понимание данных реформ с позиций их вклада в модернизацию страны, движения к гражданскому обществу и правовому государству, поиск конструктивной альтернативы революционному срыву³⁰. Представляется, что публикация данной подборки несомненно будет способствовать пересмотру того негативного отношения к столыпинским реформам, которое направленно формировалось в советской историографии, не без основания усматривавшей в них единственную разумную альтернативу революции.

Сравнительный подход в изучении авторитарной модернизации новейшего периода представлен в материалах подготовленного мною по итогам встреч с китайскими коллегами международного круглого стола «Модернизация в России и Китае: сравнительные параллели»³¹.

Критическое переосмысление исторического опыта с позиций аналитической истории велось по таким направлениям как отношения собственности, основы российской государственности, идеология и политические партии, символика власти и лидерства, их содержательный вклад в модернизацию страны в прошлом и на современном этапе.

СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

К важнейшим социальным функциям исторического знания принято относить следующие направления его использования современным обществом: собственно эвристическая функция (добывание нового знания); функция консолидации национальной идентичности, сохранения исторической памяти и преемственности, обеспечение легитимности политических идеологий, движений и институтов; доказательная историческая давности в праве и судебной практике; педагогическая функция.

Эвристическая функция является важнейшей для академического издания, поскольку обеспечивает достоверную реконструкцию исторической реальности и качественную экспертизу социальных процессов на основе ретроспективной информации. Реализация этой функции представлена в журнале материалами о проведении целенаправленных социальных изменений, в указании тех стратегий и технологий, которые могут быть использованы для достижения значимой социальной цели с меньшими социальными издержками. С этих позиций важно обращение к проблемам модернизации — формирования гражданского общества и правового государства, социально-экономических и политических реформ.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ НАУКИ И ИДЕОЛОГИИ

Решение этих проблем сталкивается с противостоянием науки и идеологии, различные варианты которой — от национально-патриотической до «очищенного от деформаций» марксизма-ленинизма — по-прежнему присутствуют и активно действуют в российском обществе, выступая очевидным опровержением наивных или высокомерных утверждений о конце истории, идеологии и интеллигенции.

Это поистине минное проблемное поле дискуссий, так волнующих общество, где границы между фактом и оценкой, источником и интерпретацией, текстом и теоретической конструкцией не проводятся, а, напротив, — оппоненты стремятся распространить на исторические исследования априорно заданные оценочные категории, делающие бессмысленной работу историка, но дающую победу демагогу и манипулятору. Жесткая полемика с этими установками неизбежна при осуществлении ряда функций исторического знания.

Функции консолидации национальной идентичности, сохранения исторической памяти и преемственности отражены в доказательной репрезентации принципиальных знаковых событий — Отечественной войны 1812 года, Первой мировой войны 1914–1918 гг., и особенно Великой Отечественной войны советского народа с гитлеровскими захватчиками.

Новые подходы и источники представлены в проблемных рубриках, раскрывающих обстоятельства начала Второй мировой войны³²; Великой Отечественной войны³³; таких ее малоисследованных аспектов, как влияние войны на демографическую ситуацию³⁴; коллаборационизм и его причины, положение советских военнопленных³⁵; сравнение пропагандистских машин двух основных воюющих государств — «Третьего рейха» и Советского Союза³⁶.

В этих прорывных работах не только продемонстрированы новые методы анализа, но и дан критический анализ историографии проблем, включая вопросы, становящиеся предметом различных и острых политизированных оценок. Критический анализ историографических позиций был представлен по таким проблемам, как формирование российской государственности, Смутное время и его преодоление в XVII веке, утверждение абсолютизма и этапы развития имперской государственности, конституционные идеи и проекты, истоки русских революций начала XX века.

Предметом научных дискуссий стали развитие Российской империи, Установление Государственных границ, его внутренняя и внешняя политика России, структуры и символы государственности, имперская бюрократия и реформы³⁷.

ОСТРЕЙШИЕ ВОПРОСЫ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ

Наиболее острыми и дискуссионными вопросами, раскалывающими научную общественность, являются вопросы Новейшей истории: причины крушения Российской империи, истоки и смысл русской революции; противостоящие стороны в Гражданской войне; история возникновения и возможности предотвращения Первой и Второй мировых войн, события Великой Отечественной войны, в частности, связанные с дипломатическими и политическими маневрами великих держав; проблемы изучения феномена советского общества в его достижениях и провалах; вопросы постсоветской трансформации. Поскольку все это — вопросы, имеющие огромную историографию, введение нового материала было сопряжено с пересмотром вклада историографии разных стран и установлением репрезентативности источниковой базы исследований, рамок их архивной фундаментальности.

АНАЛИТИЧЕСКОЕ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ СТАЛИНИЗМА

Одним из приоритетов своей деятельности редакция журнала считала аналитическое переосмысление советской истории, доказательством чему являются подборки статей по темам социальной стратификации советского общества³⁸, аграрным отношениям и влиянию процессов коллективизации на изменение экономической и демографической ситуации в

деревне³⁹, вопросам урбанизации и городского хозяйства⁴⁰, формированию советской политической системы⁴¹, политических репрессий и сопротивления им⁴², внутренней и внешней политике⁴³.

В контексте «архивной революции» и современных общественных дебатов существенное внимание было обращено тематике сталинизма как системе управления и репрессивной политики.

Нами был сделан обобщающий анализ достижений современной исторической науки по проблеме сталинизма как модели социального конструирования. Мы проследили формирование ее когнитивных основ, возможностей манипулирования информацией, конструирования машины репрессий и управления сознанием, аналоги которой трудно найти в истории⁴⁴.

КРУШЕНИЕ СССР

Ряд новейших материалов был посвящен вопросам трансформации советской политической системы в период «холодной войны» и ее крушения, в частности — изучению причин распада СССР. Учитывая остроту проблемы в связи с юбилеем данного события, я выступил с редакционной статьей, противостоящей попыткам подменить научный анализ социальных конфликтов, приведших к падению сверхдержавы, примитивными схемами в духе экономического детерминизма, национализма или «теории заговора», и т.п.⁴⁵.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ИСТОРИИ

Педагогическая функция истории, хотя и не рассматривалась как приоритетная в рамках академического издания, также являлась предметом обсуждения в журнале. Различные подходы нашли суммарное выражение в представленных концепциях и методиках преподавания истории в вузах и школе⁴⁶.

Я неоднократно выступал по этим вопросам в СМИ, подчеркивая приоритет научных и доказательных подходов — реализации представлений об истории как строгой и точной науке, исключающей манипулирование данными в угоду идеологическим и партийным программам. Наш методологический подход был представлен на международных форумах⁴⁷, позитивно встречен в представительной междисциплинарной аудитории⁴⁸, оказалась востребован в контексте современных дебатов о высшем и среднем образовании⁴⁹.

Мы исходили из того, что построение стройной и логически непротиворечивой концепции российского исторического процесса предполагает решение трех проблем: разработку универсальных научных понятий, способных на доказательном уровне объяснить логику российского исто-

рического процесса в глобальной перспективе; преодоление сохраняющихся диспропорций интерпретационных подходов к различным периодам русской истории в сравнительном контексте; достижение большего взаимопонимания исследователей различных направлений, поколений и научных школ. Ставя целью создание непротиворечивой концепции российской истории, журнал реализовал программу привлечения исследователей различных научных направлений, школ и политических взглядов при условии соблюдения их представителями конституционных норм и доказательности выдвигаемых положений.

«РОССИЙСКАЯ ИСТОРИЯ» В ПОИСКАХ НОВОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКИ

Смена парадигм (переход от нарративизма к когнитивной истории) ставит научное сообщество перед вполне реальной дилеммой — занятием строгой *наукой* (и тогда необходима разработка методов критической проверки данных и установление критериев доказательности выводов) или «*искусством*» (т.е. следование релятивистским установкам, размывающим научные методы и оперирующим псевдопонятиями, лишенными научного значения).

Выбор на индивидуальном и коллективном уровне зависит от ряда внешних факторов, определяемых социологией науки, но в то же время диктуется осознанной *нравственной позицией*. Этот выбор идет по следующим параметрам: конфликты школ, традиционализм и модернизм, повседневность и открытия, догматизм и инновации, ориентация на постижение смысла или сознательный уход от этой установки под влиянием страха, сомнений, эгоистических интересов или политических установок.

Все эти психологические состояния исследователей, — с которыми мне приходилось считаться как главному редактору, — значимы с когнитивной точки зрения, поскольку позволяют раскрыть разные ситуации соотношения науки и политики XX и XXI вв., отражающие логику и трудности человеческого познания.

ТОРГОВЛЯ «ОБРАЗАМИ ПРОШЛОГО» НА РЫНКЕ ИДЕЙ

Если в советский период единство и идеологическая чистота научного сообщества механически поддерживались партийным контролем, то в постсоветский период они столкнулись с рядом мощных деструктивных факторов: ими стали деньги, жажда массового успеха и близости к власти⁵⁰.

Первый из этих факторов ведет к превращению истории в товар, а историков — в торговцев «*историческими интерпретациями*», задача которых заключается в том, чтобы выгодно «продавать образы прошлого» на рынке идей.

Наша задача, напротив, состояла в сбалансированном представлении существующих подходов вне зависимости от их «рыночной» стоимости. По вопросам, однозначное решение которых не представлялось возможным в силу жесткого политического противостояния (как вопросы новейшей истории), сохраняющегося различия методологических подходов историков разных поколений (напр., при изучении капитализма, аграрных реформ и революций) или исторически сформировавшегося конфликта научных школ (каковым издавна продолжает быть, например, т. н. «варяжский вопрос»), Редакция видела свою задачу в предоставлении дискуссионной площадки для различных мнений, обеспечении междисциплинарного характера дискуссии (приглашение наряду с историками археологов, филологов, лингвистов), ее академического и доказательного уровня (т.е. содержательного обмена мнений на основании научных аргументов и без перехода на публицистические приемы ведения спора), а главное — стимулировании презентации уровня источниковедческой аргументации сторон в споре.

Научное сообщество разлагает деятельность, связанная с поиском массового успеха или выполнением определенного социального заказа, представленная националистическими, псевдопатриотическими и откровенно ненаучными попытками пересмотра устоявшихся научных положений. Репутации исторической науки вредят люди, стремящиеся использовать ностальгические настроения части общества для апологии советской однопартийной диктатуры, сталинского террора, критики демократических реформ и современного конституционного строя или т. н. «национальные историки», переписывающие историю в угоду националистическим, этническим или конфессиональным установкам.

Волна ложного национально-патриотического энтузиазма, охватившего как по команде многие средства массовой информации, породила востребованность своего рода «политической романтики» самых разных идеологических оттенков.

В статье, посвященной осмыслению консервативной политической романтики, я показал социально-психологическую природу данного явления, его проявления в сознании профессионального сообщества, а также негативные следствия для научной мысли и гуманитарного образования⁵¹.

Агрессивные формы романтики, столь распространенные ныне, могут интерпретироваться как результат отсутствия реального обмена информацией, реакция на суррогатные информационные продукты, отчуждение индивида и поиск простых решений в сложной ситуации, форма субlimации социальных неврозов, порожденных фундаментальным противоречием между социальной реальностью и социальным идеалом.

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ

Третьим фактором отчуждения исторического сообщества справедливо признается меняющееся отношение науки и политической власти, эволюционирующей в направлении авторитаризма. Это ведет к более жесткой фиксации официальных стереотипов исторической политики, идеологизации истории — вплоть до создания новой историографической ортодоксии и навязанного курса на «*позитивную идентичность*», вообще рассмотрения истории как инструмента политики.

Стремясь оставаться на позициях академических исследований, журнал дистанцировался от общественно-политических дискуссий по вопросам так называемой «исторической памяти», «войн памяти» и «политики памяти», видя в них путь не столько к научному знанию, сколько к манипулированию сознанием, вплоть до появления цензуры в новых формах.

Мы не приняли активно рекомендованную сверху, непродуманную и деструктивную идею борьбы с «фальсификаторами» исторической науки, считая, что ее реализация на практике приведет к отчуждению научного сообщества от политической власти («борьба» с чем-либо вообще не дело ученого, но скорее — пропагандиста).

Журнал занимал сдержанную позицию в отношении настоятельно предлагавшейся идеи создания новой многоотомной «Истории России» как некоего единого санкционированного взгляда на историческое прошлое страны. Мы без энтузиазма отнеслись к предложению участвовать в разработке и обсуждении учебников истории как способа направленного формирования т.н. «*исторической памяти*» народа.

Мы подчеркивали, что основу научных исследований следует видеть в исторических источниках, а не в исторической памяти, которая по своей психологической природе нестабильна и поддается самым различным субъективным трактовкам. Память, — доказывали мы, — основана на индивидуальном опыте, но опыт, тем более «коллективный» (если он вообще существует), — это не знание и, следовательно, нуждается в полноценной научной верификации, чтобы стать им. Однако подлинная проблема заключается в ином - неподготовленности общественного сознания к восприятию истории как строгой науки, оперирующей набором серьезных методов доказательной проверки выдвигаемых положений. Но тогда это — не проблема научного сообщества.

Все три фактора падения уровня исторической науки, с которыми мне пришлось столкнуться и воздействие которых отражать в журнале, — часто соединялись воедино, образуя серьезные каналы лоббирования тех или иных материалов.

Эти деструктивные тенденции ведут к маргинализации и депрофессионализации части научного сообщества, променявшей занятие наукой на обслуживание популистских настроений определенных слоев общества.

В данных условиях попытка введения единых ценностных стандартов профессионального сообщества начинает интерпретироваться как форма самоограничения исследователей, диалог — как форма обеспечения дисциплинированного энтузиазма в отношении ряда санкционированных проектов, а научная критика — как недопустимое вмешательство в прерогативы застывших академических структур.

Решение проблемы идентичности гуманитарных наук на современном этапе состоит в профессионализации научного сообщества как осознанном *этическом выборе*. Соотнесенность интеллектуального успеха (новое знание) и коммерческого успеха (заработанные средства при продаже науки как товара) всегда составляет проблему соотношения сообщества и власти.

Наука, конечно, не отделена от общества, и потому направления ее исследований соотнесены с потребностями общества, с его амбициями и ожиданиями. Однако это отношение более опосредованно, нежели знания, потому что в противном случае кардинально новые идеи, опережающие массовое сознание, не могли бы состояться. Ученый — это тот, кто свободно выбирает предмет своих исследований, в отличие от функционера, ориентированного на их практическое использование.

КОНФЛИКТ «РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ» С АКАДЕМИЧЕСКОЙ БЮРОКРАТИЕЙ КАК ВЫРАЖЕНИЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ РАЗНОГЛАСИЙ

Нарастающий конфликт академических журналов и руководства институтов РАН — системная проблема постсоветского периода, связанная со стремлением академической бюрократии сохранить контроль над престижными научными изданиями, пользуясь юридической неопределенностью статуса последних.

Этот конфликт, однако, помимо чисто институциональных или коммерческих параметров, обычно включает и содержательную составляющую — попытку установления дирекцией того или иного института контроля над автономными центрами производства научных знаний, независимой экспертизы и потенциальной критики. Речь идет, следовательно, о специфическом проявлении противоречий гражданского общества и администрации, научной и аппаратной этики, интеллектуалов и бюрократии.

В случае «Российской истории» — журнала (предшествующие модификации которого имели вполне официальный характер), — данное противоречие было заложено изначально.

но в исторических, институциональных и функциональных параметрах его легитимности. Научным функционерам не нравилось растущее стремление к академической независимости, выдвинутая полноценная концепция развития исторической науки, применение широких сравнительных подходов, готовность к профессиональной экспертной деятельности, возможность анализировать современную проблематику, а также ситуацию в самом научном сообществе на уровне понимания смысла.

Программа реванша, которую длительное время вынашивали противники предложенного мною курса, обрела почву под ногами с поворотом в руководстве Института российской истории, поддержанным консервативной частью научного сообщества. В отношении журнала был провозглашен курс на «возвращение к славным традициям прошлого», причем в их вполне советском понимании.

Содержание, этапы и методы развернувшегося противостояния представлены на трех основных уровнях академической пирамиды — ИРИ РАН, Бюро Отделения историко-филологических наук РАН, Президиума РАН⁵².

На первом этапе преобладало стремление к ниспровержению существующей редколлегии патерналистскими или наивно-административными методами. Резкая критика журнала и его главного редактора, прозвучавшая в выступлениях нового директора Института Ю.А. Петрова, назначенного в 2010 г., казалась тем более необъяснимой, что мы не обнаружили в ней ни одного содержательного аргумента. Последующий раскол в ИРИ РАН и столкновение различных позиций внутри редколлегии по линии лояльности к новому руководству привели к растущим трудностям в реализации единой стратегии научной и публикаторской деятельности.

Действия администрации ИРИ РАН в отношении журнала вызывали недоумение и протест: они включали систематическую публичную критику журнала и попытки всячески умалить значение проделанной работы. Началось давление на ряд членов редколлегии (которые честно признавались, что не могут выступать в публичных прениях по журналу из опасения потерять работу). Давление на меня как на главного редактора было не слишком оригинальным; начиная от неоднократных попыток моего досрочного отстранения до санкционированного дирекцией централизованного сбора информации обо всех моих действиях с целью создания негативного образа журнала (о чем мне неоднократно сообщали сотрудники различных подразделений).

Пиком этих усилий стало заседание Ученого совета ИРИ РАН 28 февраля 2012 г., на которое, с нарушением всех процедур, был вынесен мой отчетный доклад. Прекрасно понимая, какого рода «дискуссия» возможна по журналу на Ученом совете, полностью контролируемом дирекцией, я

решил не присутствовать на нем. Для этого были все формальные основания.

Я направил в Совет заявление, в котором указывал на юридическую и фактическую неправомерность постановки на нем моего отчетного доклада: согласно имевшимся нормативным документам (прежде всего Уставу РАН), он мог быть заслушан только на Отделении РАН, чему соответствовала и предшествующая практика. В то же время я фиксировал ситуацию конфликта. «Существующий порядок отношений между журналом «Российская история» и дирекцией ИРИ РАН, — констатировал я, — можно определить как острый конфликт по вопросу концепции исторической науки и методов управления ею. Этот факт признает и сама дирекция, представители которой неоднократно выступали с критикой журнала. Но в ситуации конфликта двух подразделений РАН спорный вопрос должен быть передан на рассмотрение отделения РАН или Президиума РАН»⁵³.

Было, однако, ясно, что институтская бюрократия не для того начала эту игру, чтобы отступить от нее. На заседании Ученого совета я был заочно подвергнут критике как раз за то, что считал своими главными достижениями: теоретическое осмысление ситуации в российской историографии (журнал стал слишком «теоретическим» (!)), проведение направленной редакционной политики (он стал «направленческим»), перестал быть национальным («засилие» в журнале «иностранщины») и т.д.

Наконец прозвучало поразительное по цинизму заявление о том, что главный редактор журнала, дескать, «не любит Россию», — обвинение, связанное, вероятно, с моими статьями против консервативных псевдопатриотических и неосталинистских подходов в историографии. Не скрою, мне показалось забавным и обвинение меня в «диктаторских устремлениях», выдвинутое со стороны людей, которые на протяжении десятилетий изгоняли свободомыслие из всех возможных академических структур! Это были именно те настроения, которые, вопреки общим демократическим переменам в стране, господствовали в журнале на протяжении всего постсоветского периода, поддерживая в нем атмосферу официоза, серости и казенного патриотизма, которую я пытался устранить во время своего руководства.

Как передавали мне присутствовавшие на Совете молодые сотрудники и некоторые почтенные мэтры, помнившие старые времена, данное «обсуждение» показалось им сходным с «дискуссиями» 1930–50-х гг., т.е. отчетливо напомнило им о сталинских временах. А само «единогласное осуждение» позиции журнала и его главного редактора путем открытого голосования, продемонстрированное Советом в лучших традициях партийной дисциплины, напомнило правильность известного наблюдения - «по течению плывет только мертвая рыба».

На втором этапе — возникла «дискуссия» внутри Бюро Отделения историко-филологических наук, руководство которого при внешне демонстрируемом нейтралитете фактически поддержало консервативную часть сообщества.

Об эмоциональном напряжении момента свидетельствовало то, как некоторые осторожные коллеги вдруг перестали замечать меня, а другие буквально отпрыгивали в сторону как от прокаженного, когда я шел по коридору Института.

Наступил день моего выступления на Бюро Отделения. Осознавая важность момента, я подготовил большой развернутый доклад, считая необходимым всестороннее обсуждение деятельности центрального академического журнала, но мне дали всего лишь десять минут, в течение которых меня постоянно прерывали и просили «не углубляться в детали». Результатом «дискуссии» стало предложение о назначении комиссии Отделения по изучению ситуации в журнале, причем мне было отказано от участия в определении ее компетенции и формировании ее состава.

На третьем этапе конфликт перешел на высший уровень: после решения Бюро мне не осталось ничего другого, как апеллировать к «небесам», т.е. Президиуму РАН. Мои ощущения примерно соответствовали тем, которые испытал Гулливер, неожиданно переместившись из Лилипутии в Бробдинггет: масштаб другой — проблемы схожие.

Я написал служебную записку Президенту РАН с изложением обстоятельств дела и сути конфликта⁵⁴.

Понимая невозможность требовать многого, я ограничился программой-*minimum* «Для преодоления указанных деструктивных тенденций в отношении журнала, — писал я в Президиум РАН, — мы считаем целесообразным следующее:

прекращение публичной, необоснованной и крайне вредной критики журнала со стороны дирекции Института; демонстрацию позитивной оценки достижений журнала за последнее пятилетие со стороны Президиума РАН; предоставление возможности мне как главному редактору спокойно завершить работу в рамках отведенного мандата; разъяснение руководству ИРИ РАН неправомерности ультимативных заявлений и требований отчетности к журналу, выходящих за пределы научной логики и административной компетенции; в случае принятия Отделением решения о нецелесообразности продления моих полномочий на следующий срок (вполне понятного в сложившейся ситуации) сохранить, по возможности, ядро сформированной редколлегии, в которую входят известные специалисты, и преемственность в развитии журнала, представляющего собой центральное академическое издание в области российской истории»⁵⁵.

Неожиданно для меня записке был дан ход. Это может объясняться как расстановкой сил в Президиуме, так и осоз-

нанием бесперспективности чисто административных методов разрешения подобных конфликтов.

Конфликт перешел наконец в сферу поиска компромисса, который поставил точку в административной составляющей вопроса. Компромисс заключался в том, что был отвергнут чисто репрессивный вариант (на котором настаивало руководство Бюро Отделения РАН и дирекция Института): мне оставляли возможность завершить свою деятельность в срок, но я должен был подать в отставку сразу после истечения срока полномочий, на который был избран⁵⁶.

Но ведь это было именно то решение, которое я предлагал администрации ИРИ РАН с самого начала! Стоило ли проходить все круги для обретения *status quo ante bellum*? Вопрос кажется риторическим, но не является таковым на деле. Полагаю, что бороться стоило: данный конфликт только по форме был административным, но его содержание и принятое решение — несомненно, идеологическим. Интересно, что многие коллеги *тайно* выражали мне свое сочувствие и поддержку, объясняя, что по понятным причинам не смогут сделать этого *публично*.

В ходе конфликта, одной из сторон и аналитиком которого я поневоле оказался, чрезвычайно четко проявилось противостояние науки и академической бюрократии, были представлены разные уровни обсуждения спорных вопросов, что позволило артикулировать имеющиеся позиции.

Но главное, пожалуй, состояло в следующем: научному сообществу была продемонстрирована независимая позиция академического издания и его готовность отстаивать эту позицию — довольно нетипичный факт в нашей историографии. Это была серьезная моральная победа для всего российского научного сообщества.

СМЫСЛ И ЗНАЧЕНИЕ БОРЬБЫ ЗА ИСТОРИЮ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В условиях завершения постсоветского конституционного цикла, роста реставрационных настроений и укрепления бюрократических структур научное сообщество оказалось перед жесткой дилеммой: сохранять свою профессиональную идентичность либо же утратить ее с последующей маргинализацией.

В ситуации модернизации всегда встает выбор одного из трех вариантов: возвращения вспять (которое в принципе невозможно в полном виде), серьезных преобразований, требующих мобилизации всех имеющихся интеллектуальных и административных ресурсов (которые ограничены, особенно если учитывать сопротивление им) или, наконец, поддержания ситуации неопределенности путем частичных изменений, поисков некоего «самобытного пути».

Последний вариант, однако, мало чем отличается от топтания на месте. Для обретения позитивной идентичности гуманитарному сообществу предстоит решить несколько трудных задач. Придется преодолевать методологический релятивизм и выстраивать консолидацию в условиях смены научных парадигм, реформировать системы научных приоритетов и коммуникаций. Самое главное, а может быть, и самое трудное — прийти к сознательному отказу от смешения идеологии и науки, традиции и разума. На этой основе могут заново утвердиться строгие стандарты профессиональной этики, способной обеспечить единство и преемственность подходов в научной деятельности.

Журнал «Российская история» в рассматриваемый период оказался способным выступить с *целостной программой* теоретического переосмысления современной исторической науки и стоящих перед ней актуальных задач.

Была заложена новая система приоритетов исторической науки в области как методологии исторических исследований (когнитивная теория), так и их тематики, вытекающей из концепции аналитической истории, восстановлен престиж полноценного доказательного знания, утраченный в советский и постсоветский период. С этих позиций журнал противостоял различным попыткам подменить науку

идеологией, коммерцией или решением задач политической конъюнктуры

В условиях консервативного поворота гуманитарных подразделений РАН естественное стремление академических журналов утвердиться в качестве автономных научных центров требует значительных усилий мысли и воли.

В ходе этих *боев за историю* мне стало ясно, что в своей основе наши действия были правильными. Критики не смогли противопоставить концепции журнала ничего равноценного — полноценной содержательной программы развития исторической науки. Все, что им оставалось, — это прибегнуть к известным идеологическим обвинениям и административному давлению. Но эти методы не являются убедительными аргументами в научном споре. Встает общий вопрос о состоянии гуманитарных институтов, журналов и подразделений РАН, степени их адекватности современным задачам и возможных направлениях реформирования.

Мы верим, что будущие бои за историю позволят решить поставленные проблемы, расширить пространство науки за счет устранения мифологем, освободить науку и сообщество от слишком пристального бюрократического внимания и расчистить поле для серьезной академической дискуссии, превратив историю в строгую и точную науку.

ПРИМЕЧАНИЯ

(Endnotes)

1 О ситуации в исторической науке постсоветского периода см.: Научное сообщество историков России: 20 лет перемен. М., 2011; Исторические исследования в России. Пятнадцать лет спустя. М., 2011. См. также: Медушевский А.Н. Научное сообщество и его критики: старые обиды, новые разочарования и незавершенный поиск идентичности // Российская история, 2012. №4. С. 216-221.

2 Официальный отчет о работе Журнала см.: Медушевский А.Н. История как наука и профессия: Журнал «Российская история» за пять лет (2007-2012). Доклад на Бюро Отделения историко-филологических наук РАН 29.02.2012 // Российская история, 2012, № 4. С. 241-249.

3 Когнитивная история: концепция — методы — исследовательские практики. М., 2011.

4 Медушевский А.Н. Аналитическая история: журнал и приоритетные направления его развития // Отечественная история, 2008, № 5. С. 3-18.

5 «Теория и методология когнитивной истории». «Круглый стол» // Российская история, 2010, №1. С. 131-166.

6 Медушевский А.Н. Когнитивно-информационная теория в современном гуманитарном познании // Российская история, 2009, № 4. С. 3-22; Он же: Когнитивно-информационная теория как новая философская парадигма гуманитарного познания // Вопросы философии, 2009, № 10. С. 70-92; Он же: Когнитивно-информационная теория в философии, истории и антропологии // Человек: образ и сущность. Когнитология и гуманитарное знание. М., 2010. С. 226-250.

7 Медушевский А.Н. Российская история: новые рубежи и пространство диалога // Российская история, 2009, № 1. С. 3.

8 «Россия в истории: от измерения к пониманию»: «Круглый стол» // Российская история, 2011, № 1. С. 145-204.

9 «Россия в мировом пространстве» // Российская история, 2009, № 2.

10 «Инокультурные представления в истории» // Российская история, 2010, № 5.

11 Медушевский А.Н. Национализм и авторитарная модернизация: дебаты в современной немецкой историографии // Российская история, 2009. № 6. С. 177-186; Он же: Восточная Европа и Россия: через 20 лет после падения Берлинской стены // Там же, 2010, № 5. С. 110-118. Он же: «Русская парадигма» и ее переосмысление в историографии стран Центральной и Восточной Европы // Там же, 2011, № 3. С. 168-174.

12 «Из истории Русского зарубежья» // Российская история 2008, № 3; и «Российское зарубежье» // Там же, 2010, № 3.

13 Медушевский А.Н. Региональная история в глобальном измерении // Российская история, 2009, № 3. С. 3-15.

14 «К истории формирования гражданского общества в России XVIII–XX веков» // Российская история, 2011, № 2.

15 «Народное образование в контексте политической и общественной жизни императорской России» // Российская история, 2010, № 6.

16 См. тематические подборки статей: «Церковь, общество, государство» // Российская история, 2008, № 4; «Церковь, власть и религиозное сознание» // Российская история, 2010, № 2.

17 «100-летие «Вех»: Интеллигенция и власть в России. 1909–2009». «Круглый стол» // Российская история, 2009, № 6.

18 «История российского конституционализма» // Российская история, 2010, № 1.

19 «К 90-летию первой российской Конституции» // Российская история, 2008, № 2.

20 «15 лет российской Конституции» // Отечественная история, 2008, № 6.

21 См. ряд моих статей по этим вопросам: Медушевский А.Н. Политическая теория российского конституционализма XX в. // Российская история, 2010, №1. С. 45-63; Он же: Учредительное собрание как политический институт революционного периода // Отечественная история, 2008, № 2. С. 3-28; Он же: Российская Конституция 1993 года в сравнительно-историческом контексте // Отечественная история, 2008, № 6. С. 28-51.

22 Подробнее эти идеи представлены в моей книге: Медушевский А.Н. Диалог со временем: российские конституционалисты конца XIX-начала XX вв. М., 2010.

23 «Октябрьская революция и разгон Учредительного собрания»: «Круглый стол» // Отечественная история, 2007, № 6.

24 Медушевский А.Н. Причины крушения демократической республики в России в 1917 г. // Отечественная история, 2007, № 6. С. 3-27.

25 «К 90-летию Февральской революции» // Отечественная история, 2007, № 6.

26 «Революция и гражданская война в российской провинции» // Отечественная история, 2007, № 4.

27 К 150-летию Великой реформы // Российская история, 2011, № 1.

28 Медушевский А.Н. Великая реформа и модернизация России // Российская история, 2011, № 1. С. 3-27.

29 «Реформы и русское общество в начале XX века: К 150-летию со дня рождения П.А.Столыпина» // Российская история, 2012, № 2.

30 Медушевский А.Н. Как выйти из революции: стратегия преодоления социального кризиса в обществах переходного типа // Российская история, 2012, № 2. С. 3-18.

31 «Модернизация в России и Китае: сравнительные параллели»: «Круглый стол» // Российская история, 2012, № 3.

32 «К 70-летию начала Второй мировой войны» // Российская история, 2009, № 6

33 «Из истории Великой Отечественной войны» // Российская история, 2010, № 3.

34 «Великая Отечественная война и демографическая ситуация в России» // Российская история, 2010, № 4.

35 «Из истории военнопленных в СССР»: 1940-е — начало 1950-х гг.» // Отечественная история, 2008, № 2.

36 «Война и пропаганда» // Отечественная история, 2008, № 1.

37 «Имперская бюрократия и реформы начала XIX века» // Российская история, 2009, № 4; «Внутренняя политика России

в начале XX века» // Там же, 2009, № 4); «Структуры и символы российской государственности» // Там же, 2010, № 1.

38 «Советское общество: формы социальной стратификации» // Российская история, 2009, № 5.

39 «Голод и политическая власть в Советской России и СССР» // Отечественная история, 2008, № 1.

40 «Город и урбанизация в Российской истории» // Отечественная история, 2009, № 1.

41 «Из истории политических партий и движений социального протеста: конец 1917- начало 1930-х гг.» // Российская история, 2010, № 4.

42 «Высылка, чистка, террор: формы репрессивной политики» // Российская история, 2009, № 1.

43 «Политика, экономика социум» // Российская история, 2010, № 2; «История становления внешней политики Советской России» // Там же, 2008, № 4.

44 Медушевский А.Н. Сталинизм как модель социального конструирования // Российская история, 2010, № 6. С. 3-29.

45 Медушевский А.Н. Перестройка и причины крушения СССР с позиций аналитической истории // Российская история, 2011, № 6. С. 3-30.

46 «Российская история: теория изучения и методы преподавания» // Отечественная история, 2008, № 3.

47 Медушевский А.Н. Диалог культур: когнитивная теория и аналитическая история // XI Международные Лихачевские научные чтения 12-13 мая 2011 г. СПб., 2011. Т.1. С. 362-365.

48 См.: «Знание о прошлом в современной культуре»: «Круглый стол» // Вопросы философии, 2011, № 8. С. 3-45.

49 См.: Строгая и точная наука. Беседа с Главным редактором журнала «Российская история» // История. Научно-методический журнал для учителей истории и обществоведения. 2011. № 16 (Ноябрь). С. 32-35.

50 Подробнее о проявлении этих факторов в исторической науке см. работы, указанные в сноске № 1.

51 Медушевский А.Н. К критике консервативной политической романтики в постсоветской России // Российская история, 2012, № 1. С. 3-16.

52 Здесь и далее я сознательно не называю имен участников конфликта с целью элиминировать персональный аспект проблемы. Меня интересуют социологические типы, выражающие определенные тенденции в науке, а не личности, в данном случае вполне взаимозаменяемые. Информированный читатель, однако, сможет определить их без особого труда.

53 Заявление Главного редактора журнала «Российская история» в Ученый совет ИРИ РАН от 28 февраля 2012 г.

54 Служебная записка в Президиум РАН от Главного редактора журнала «Российская история» (март 2012 г.).

55 Там же.

56 Именно такая формулировка фигурировала в моем заявлении об отставке на имя академика-секретаря ОИФН РАН от 10 апреля 2012 г. ■

Андрей Медушевский

Доктор исторических наук, профессор, член редакционного совета ВЕ, автор ряда монографий и множества статей, лауреат карамзинской медали «AD NUNCIUS EUROPAE – «Вестнику Европы».

* Статья подготовлена автором на основе Доклада, прочитанного на международной конференции: «Историк и мир, мир историка в России и Центрально-Восточной Европе» (Будапешт, Университет им. Лоранда Этвеша, 21-22 мая 2012 г.). Полный текст читайте на сайте «Вестника Европы» Vestnikevropy.com

НЕСОВЕРШЕНСТВО ИСТОРИИ

История никогда не может прийти к совершенству. История всегда дает перекосы. Реальное общество всегда перекошено либо в сторону чрезмерного рационализма, к детальным решениям, либо — в сторону иррационализма, к загадке целого. Скажем, экономически ориентированное общество всегда перекошено в сторону эффективности (и, следовательно, свободной инициативы) или в сторону социальной защищенности, которая тормозит инициативу. И принципиально не может быть абсолютно совершенного общества. Наиболее совершенное общество — это общество, сознающее свое несовершенство и время от времени его исправляющее, двигаясь от одного перекоса к другому.

Когда же утопия дает великую цель, которая оправдывает все средства, то в конце концов средства становятся подлинной целью, средства ее поглощают, и место фанатиков цели, начавших движение, занимают практики средств. Если вы читали роман В. Гроссмана «Жизнь и судьба», то вспомните и одного из героев — Крымова, продолжавшего верить в цели, во имя которых большевики взяли власть. В конце концов Крымова берут на Лубянку и там пытают, чтобы он признал себя шпионом, власть же оказывается в руках людей, которые о цели давно уже не думают. Это — люди средств, люди реально существующего аппарата, который и является для них целью.

Утопии никогда не захватывают народа, находящегося в нормальном состоянии. Чтобы поверить в утопию, нужно потерять здравый смысл. Такие состояния бывают. И вот здесь решает не характер утопии, а состояние народа. Неважно, какая утопия. Может быть ленинская утопия, может быть гитлеровская утопия. В том же романе «Жизнь и судьба» Лисс, эсэсовец, разговаривает со старым большевиком Мостовским и весьма убедительно доказывает ему, что хотя идеи у них разные, теории разные: у одних расовая, а у других классовая, а в

общем — государство строят они примерно одинаково, и всё те же лагеря, и всё то же отсутствие свободы.

К числу идей, вдохновляющих общество на неосуществимые структуры, относится, как показал опыт Ирана, и религиозный фундаментализм. Решающим во всех случаях оказывается чувство растерянности, которое охватывает народ по любым причинам. В императорской России — от трех лет очень тяжелой войны, от утраты веры в царя; в Германии сошлись вместе экономический кризис, репарационные платежи Франции, чувство обиды за проигранную войну... В Иране же провокатором явилось нежелание и неспособность мусульман вдруг увидеть женщин, еще вчера закутанных в паранджу, а сегодня обнаженных, в американских эротических фильмах. Этот психологический кризис сорвал всю успешную экономическую реформу. Парадокс современной России — слепота к различию социальной защиты от коммунистической утопии, вьёвшейся в плоть и кровь за семьдесят лет большевистской диктатуры. От этой путаницы — повторные возвраты к коммунистическому утопизму.

Чтобы сохранить здравый смысл, надо освободиться от психологической почвы утопии, от резкого разрыва между роскошью и нищетой, от взрывов ненависти в массе, загнанной в тупик. Здесь очень важно понять, что ловушки утопии могут быть в стороне, прямо противоположной вчерашней яме. Основное течение общественной жизни сегодня идет в сторону религии и национальной гордыни. Как мы уже видели в Иране, религиозный фанатизм творит утопии не хуже Маркса и Ленина. А идея национального величия легко оборачивается в племенную замкнутость. Хотя расцвет национального самосознания и племенная замкнутость — совершенно разные вещи.

Нация — это сравнительно новое явление. Не надо путать ее с тем, что по советскому паспорту называлось

Григорий Померанц. Фото: Григорий Ярошенко

национальностью. Нации возникли в Европе примерно в XVI веке на основе единой христианской культуры. Империя не получилась, и сложились самостоятельные национальные государства. Но эти государства находятся в постоянной переключке друг с другом. Черта нации — не только обособленность, но и связанность, неотделимость от единого клубка. Это чисто европейское явление. Нельзя считать нацией архаическое царство, например Московское царство; нельзя считать нацией какое-нибудь архаическое племя. Нация — это категория европейской культуры, к которой постепенно переходят другие по мере европеизации. Нация — это как бы инструмент в оркестре и голос в хоре. Они постоянно переключаются друг с другом. Не случайно и национализм и интернационализм — обе эти идеи возникают в Европе. Они как бы в одностороннем порядке оформляют эту двойственность в жизни нации. С одной стороны, она сравнима с лепестком в большом цветке, а цветы — это европейская, христианская по своим основам культура; с другой же — каждая нация подобна самостоятельному цветку. Нация — это единство этнического и вселенского.

Если говорить о России, ее можно мыслить по-разному. Принимая православие, как его понимали в Византии, Россия двигалась в сторону крайнего обособления и замыкания в гордыне «Третьего Рима». В те времена, когда пала Византия и возник образ «Третьего Рима», это захватывало. Но сейчас, в XXI веке, это нелепо. Сегодня естественнее понимать православие как один из вариантов христианства, участвующего в единой большой христианской культуре. Тогда открывается духовный путь к тому, что сейчас становится политически возможным — к возникновению широкой коалиции северных и удаленных к югу стран, с перспективой охватить не только Западную Европу, но и Россию, и Америку, и Новую Зеландию. Последнее сегодня трудно себе представить, но в будущем станет возможным и даже необходимым, чтобы уравновесить растущую мощь Китая и решая проблемы глобальной экологии, а также решать, как избежать разрушения биосферы. Без субглобальной и глобальной дисциплины нам не обойтись.

Субглобальная и глобальная коалиция тогда встала бы не только перед экологическими проблемами. Во всяком случае, России не обойтись без экуменизма в области духовной культуры, которая сегодня еще не нашла своих колодез в глубину и может многое заимствовать у Экхарта Толле и других исследователей вселенских духовных глубин. В течение семидесяти лет мы были изолированы от духовных процессов, происходивших на Западе и на Востоке. Мы знали только то, что давно, еще

до революции, было переведено на русский язык, да и то очень процежено — о духовных процессах, которые шли вокруг нас.

Это очень широко и верно понимал отец Александр Мень. Он был убежденным экуменистом, но не считал, что сейчас уже настало время, чтобы выйти за рамки существующих традиций. Он стоял за их переключку, искал пути к возрождению чувства единства, начиная со всей Европы, продолжая путь, начатый Георгием Петровичем Федотовым в эмиграции.

Федотов был одним из первых деятелей русского духовного возрождения. С 1918 года участвовал в религиозных подпольных кружках, а в 1925-м был вынужден эмигрировать под угрозой ареста. Но на Западе очень скоро убедился, что тот национализм, к которому его тянуло, в противоположность абстрактному интернационализму большевиков, сам по себе тоже опасен. И под влиянием опыта фашизма и Второй мировой войны уже в 43-м году Федотов писал: «Проблема, поставленная сейчас жизнью, есть обуздание национального государства, а не одной Германии, как люди склонны упрощать дело». И его идеалом становится большая федерация, а вовсе не империя. Что же касается Российской империи, то Федотов еще в 1937 году еще считал, что Россия, единая и неделимая, в принципе может быть восстановлена, если она станет либеральной, внимательной к малым народам и т.д. Но жизнь убедила его, что это невозможно: слишком много накопилось ненависти, так что распад империи неизбежен.

«Два последних царя, воспитанные славянофилами, — писал философ, — пытались «обрусить» империю и вооружили против нее целый ряд народов. Национализм оказался одним из ядов, разложивших императорскую Россию. Убаюканные немецкой музыкой и стихами Гёте, немцы идут на истребление славян. Так и для нас образ святой Руси облегчал всякое насилие над инородцами. Парадоксальным образом Гёте и Толстой делают в наши дни воспитателями национальной ненависти. Но это уж есть предательство, измена самой национальной культуре». То есть изменой и Гёте и Толстому, чуждым национальной гордыне и ненависти. И Федотову ясно, что ненависть к чужому составляет главную черту современного национализма не в одних только фашистах. Увы, мы видим это и в процессах, развивающихся в России и в бывших союзных республиках.

Нужна положительная программа национального как ветви вселенского Древа, уходящего своими корнями в чувство вечного. Примерно в 1970 году я бросил простую фразу: «Думайте о Боге, пишите по-русски — вот и получится русская культура». И у Федотова я на-

шел очень сходную, только более развернутую мысль: «Чтобы жить, человек должен найти утраченные связи с Богом, с душевным миром других людей и землей. Это значит в то же время, что он должен найти самого себя, свою глубину, свою укорененность в обоих мирах, верхнем и нижнем» (насколько я понимаю, — в небесном и земном, в горнем и дольном).

Подведем итоги. Национальное и интернациональное, экономическая эффективность и социальная защита должны мыслиться совместно, в единой паре, тянущей историю. Это впервые поняла Англия, и уже с XVIII века партии, спорившие в парламенте, можно было назвать консервативным либерализмом и либеральным консерватизмом. Со временем общество изменилось, либералов заменили лейбористы, и опять восстановилась система двух партий, воплотивших основные перекосы, которые постоянно надо было исправлять. Это понимание несовершенства общества и готовность постоянно исправлять перекосы избавили Англию от баррикад. Остальные страны Запада медленно усваивали ее опыт. А в России постоянно побеждали крайности. Деспотизм переходил в «бунт, бессмысленный и беспощадный», а бунт кончался новым деспотизмом.

Опыт показал, что лучшим временем в России был путь медленных, постепенных, хорошо продуманных реформ. К сожалению, и Александр II не избежал ошибок, а революционная молодежь бросилась в террор в самый канун поворота к конституционным нормам. И начался новый круг зажима, провоцировавшего бунт, и бунта, провоцировавшего новый зажим, — то под царским гербом, то под альбом знаменем революции. И в итоге страна, окунувшись в революцию, проскакивала мимо свободы.

Наше несчастье — рассматривать противоположности как несовместимые принципы. Но всякий при-

нцип, доведенный до предела, становится разрушительным. Разумна только традиция, принимающая принципы в паре, в равновесии, с возможностью переходить от одного перекоса к другому, противоположному, — без баррикад. Всякий принцип, вырвавшийся из своей парной упряжки, становится разрушительной силой. В том числе и национализм, и интернационализм. Недаром Федотов писал о роли яда, которую сыграл национализм в истории русской национальной культуры. И можно добавить к этому каноническую фигуру Толстого в статьях Ленина и значки с портретом Гёте на шествиях немецких фашистов. Политика террора охотно драпировала свою наготу бархатом юбилеев; достаточно вспомнить пышный юбилей 100-летия со дня гибели Пушкина, аккуратно пришедшийся на 1937 год.

Жизненная правда не требует ни окаменелых принципов, ни попирания всякой твердости. Перекосы вызывают к огню Святого Духа, и он сжигает фетиши. В области религии это совершали Св. Силуан, Антоний Сурожский, Александр Шмеман, Александр Мень, Георгий Чистяков. В светской культуре к этому стремились Андрей Сахаров, Петр Григоренко. Стремление к гибкой парности принципов, поправляющих друг друга и неизбежных в своем равновесии, впервые победило в Англии XVIII века и постепенно распространялось по всему миру. Несколько раз оно срывалось в России. Хочется верить, что сейчас оно, наконец, укоренится, удержится, не исчезнет, как в свое время исчез Радищев, а потом всплыл — в примечаниях к трудам историков. Многого меня тревожит. Светлый дух десятого декабря уже поколеблен свистом в адрес Горбачева. М.С. Горбачев этого не заслужил. Он был не очень умен, правда, не все понял в русской истории, не удержался на ее ухабах. Но это не самый большой грех. Этим мы все грешны. ■

Григорий ПОМЕРАНЦ

ТИХОЕ СТРУЕНИЕ

Четвертая глава «Записок гадкого утенка» — «Наплывы» кончается расширением понятия *наплыв*. Я пытаюсь разделить смыслы, вложенные в слова *любовь* и *влюбленность*. Признаю, что строгую границу здесь провести нельзя. Достаточно расплывчаты и границы наплывов социальных, религиозных и т.п. Хочется подчеркнуть, что в первых шагах чувства *влюбленность* и *любовь* почти невозможно разделить; и только при своем развитии они уходят в разные стороны. Над клятвами влюбленных смеялись еще в древности, а любовь переменить труднее, чем символ веры. Миллионы людей перестали быть католиками, стали лютеранами, кальвинистами. Евреи, оторвавшиеся от своей культуры, находят потерянную веру в православии или католичестве. А любовь, укоренившись в сердце, не меняется до смертного часа. И вот итог, который я подвел, когда чувство, вспыхнувшее в моем сердце, горевшее два года, — вдруг, за один вечер, оборвалось: это была влюбленность, взрослая на иллюзиях.

Обстановка жизни многое решает. Есть ситуация юности, ситуация войны (хочется, чтобы кто-то ждал тебя), ситуация лагеря, отделившая тебя от другого пола на три года, на пять лет, на десять... Между лагунками возникла переписка; был случай, когда Он, вышедший первым, встретил Ее с цветами на вахте. А как они перешли от мечты к действительности? Не знаю. В течение коротких встреч (свидание на два часа) я сохранял свои иллюзии, а на обыденной вечеринке образ, очаровавший меня, за несколько часов растаял.

Мне кажется, все массовые увлечения подобны взрывам влюбленности. Не может народ *вдруг* полюбить свободу слова или бога своих предков... Наплывами приходит убежденность, что Бог есть, а православие — истинная вера. Или что Бога нет, а пасхальный звон — для старух и ворон. Убежденность не имеет ничего общего с глубоким личным опытом Бога, оказавшегося в твоём

сердце. Или с личным опытом внутренней свободы; человек, открывший ее, ни за что не откажется, хоть завтра на плаху.

Иллюзии подобны миражу в пустыне. Дошли до города — и миражи исчезли. В пустыне они кружили, не отставая, как коршуны над своей добычей. Просторы истории — царство майи. Выйти совсем из этого царства — значит выйти из *наплывов* истории. И надо найти сегодняшние наплывы, чтобы освободиться от вчерашних. Мы влюбляемся, думая, что любим. Мы увлекаемся идеями религии, свободы, национализма, интернационализма, революции, контрреволюции...

Настоящая любовь невозможна без внутренней зрелости (может быть, ранней, но зрелости)¹. Влюбленность захватывает миллионы юношей и девушек, и согласно статистике, длится меньше года. Ко мне подлинная любовь пришла в 38 лет. Настоящий подступ к духовной истине складывался еще дольше. А Джульетте было четырнадцать лет, когда она полюбила Ромео. И в крестовых походах, в революциях и контрреволюциях участвуют миллионы юных энтузиастов.

Что же такое майя, сколько в ней лжи и сколько правды? И в наплывах, увлекающих массы, — сколько вечной правды и сколько призраков, обреченных назавтра рассеяться? И что стоит за призраком? Иногда — нечаянная истина. Колумб не собирался в Америку. Он плыл в Индию. А открыл больше, чем рассчитывал.

Истинная любовь редко увлекает толпу. Она создает только маленькое зеркальце тишины, в которой, может быть, какой-нибудь гадкий утенок увидит, что у него за плечами — лебединые крылья... Так я заново отредактировал концовку главы о наплывах в моей книге.

¹ Агнеса Кун рассказывала мне, что полюбила Гидаша в двенадцать лет, вышла замуж в 16, разлучена террором в 22, соединилась реабилитацией в 28.

Я видел, как рушатся иллюзии, увлекавшие целые народы. Магниты, действующие силой тока, вдруг становятся простыми кусками железа. Теряют силу биологические магниты, заложенные в младенческие души. Дети рождаются лебедями, а потом становятся утками. Остатки волшебных сил исчезают в первых классах школы, а иногда еще в детском саду.

Есть противоположные случаи, но их все меньше и меньше. Легче всего они сохраняются там, где цивилизация только *скользнула* по доисторическому сознанию. Я не могу представить себе падре Пио², жизнь которого стала сюжетом фильма, если бы его отец был, скажем, юрист, а мама — учительница. Мальчик Пио был окружен доисторическими сознаниями, и никто не оспаривал его видения. Новое время делает такие случаи крайне редкими. Даже в XVII веке св. Юста, портрет которой писал Сурбаран, складывалась как личность, скорее всего, в другом окружении, чем Рембрандт. В автопортрете его с Саскией на коленях не чувствуется никакого дыхания Святого Духа. Чаще всего Рембрандт писал групповые портреты бюргеров, одно полотно за другим — и вдруг Даная. Откуда? Какой-то зигзаг истории, назад к античности, попытка еще одного Ренессанса. Неповторимый шаг гения.

Новое время делает такие случаи редкими и путь к озарению — трудным, даже в XVII веке, полном противоречий, — не говоря о близком к нам веке двадцатом. В автопортрете Рембрандта с Саскией на коленях глядит на нас безумная юность. Основной поток времени движется к натурализму. Он сказываются в групповых портретах бюргеров. Но XVII век сложен. В нем сталкиваются математика и мистика, бытовое правдоподобие — со взлетами воображения. И вдруг рождается Даная, зигзаг куда-то назад, в соседство с фигурой Весны и рождением Венеры. Еще одна попытка прорваться к вечности, вопреки общему духу времени, *обыденно* трезвому. Тело Данаи — та же Саския, но лицо не просто другое, лицо *внутренне* другое. Внутренний свет, мелькающий в группах бюргеров и не находящий в них места, прорывающийся где попало, в обстановке, в вещах — и вдруг находит свое воплощение в лице Данаи, во всем образе Данаи, летящей к свету на незримых крыльях.

В этом прорыве к чуду внутренний свет торжествует над банальностью века. Всплески озарения, пробивающегося сквозь трезвую историю Голландии, находят свой образ. И Даная Рембрандта — последняя после эпохи Возрождения попытка человека войти в мир полубогов и полубогинь.

² Фильм, посвященный падре Пио, можно посмотреть; он есть у многих.

Однако продолжить этот мир не было возможно, образ озаренной полубогини был дан — и остался единичным. Наступила старость художника, и она создала целый хор прекрасных стариц, озаренных внутренним светом. Собственная старость ведет художника к последней ступени человеческого пути, к созданию образов, близких к образам икон, но не повторяющих условностей иконописи, безнадежно ушедших в прошлое. Поздний Рембрандт сумел найти другой путь, чем Эль Греко, найти в старости подступы к просветлению, подступы к освобождению от страстей — и тихому внутреннему свету, к тихому струению духа в лицах стариков и старух.

И как прежде, это не единственный путь, а перекличка путей. Рядом с просветленными старцами и старицами — обаяние юности в Тигусе и обаяние зрелой женственности в Хендрике. Но основная дорога творчества — победа духа над нарастающей дряхлостью, утверждение никем не провозглашенной истины, что в каждом возрасте есть свой проблеск Святого Духа: и в младенце, и в расцвете юности, и в творческой зрелости, и в старости, озаренной струением тишины. На каждом повороте жизни Дух борется с козностью плоти и добивается побед то в подростке, то в старце; и руки художников вдохновляет Бог.

В своем воображении я вижу ряд созданий Рембрандта в единой мизансцене: в центре — возвращение Блудного сына; и, чуть отступив от него в тень, — безмолвный, но тихо слышимый хор стариц, создающих свой полукруг. И в мгновение глубокой тишины, когда слепой отец прижимает голову вернувшегося сына к своей груди, сквозь дряхлость оживает вся сила отцовского чувства и глубины стали зримыми, стали чудотворными. И чудо возвращает живую жизнь Блудному сыну, запутавшемуся в своих безумствах. Дух, просвечивающий сквозь дряхлую плоть, чудотворен и может воскресить мертвую душу.

Оглянувшись назад, я вижу — в каждой ступени жизни, пройденной до чистой старости, два полюса: уровень Саскии и уровень Данаи, уровень бюргеров на групповых портретах и уровень подобию Христа, может быть, не равных Христу, но близких Ему по внутреннему свету.

Я вижу на каждой ступени неповторимую пару сил: дыхание времени и дыхание вечности. Так я прохожу сквозь мысленную картинную галерею и в каждом зале нахожу образ совершенства — от младенца до старца. И я вижу, что в движении нельзя останавливаться, старость надо принимать открытым сердцем и раскрывать в ней то, что раньше было в тени. И на лицах благородных стариц запечатлена тихая напряженность последних лет. Повторение духовного порыва отца в хоре стариц обращено к небу, и красота старости завершает ряд образов

человеческой красоты. Рембрандт чувствует красоту каждой ступени, через которую человек проходит от рождения до кончины: и в Данае, и в Хендрике, и в Титусе, и в хоре просветленных старцев.

Мне хочется повторить: старость у Рембрандта становится полной тишайшего звучания. И в грудной клетке слепого раскрывается внутреннее зрение, потерянное блудным сыном, и блудный сын, прижавшийся к груди ослепшего отца, обретает в нем источник жизни, как младенец — в груди матери. Гений протестантизма находит здесь замену средневекового пути: побеждает гений одинокого протестанта, лишенного красоты католических традиций.

Эта озаренность свыше прорывается во всей культуре Нового времени, потерявшей старые знаки вечности и не нашедшей новых. Это каждый раз личное открытие, не ставшее каноном. Каноны рухнули, иконопись достойна бережного хранения, но продолжить ее невозможно. На пустом месте от святости пробиваются ростки человечности, и Диккенс находит в своих романах место для старых чудаков, и уже в свои двадцать пять лет сделал героем мистера Пиквика, а за ним разместил на заднем плане своих романов целую галерею пиквикианцев, не боящихся быть смешными и добрыми в мире мистера Домби.

Были и другие великие писатели-гуманисты. Однако важнейшие художественные открытия произошли в странах, которые можно назвать отсталыми и от которых взлетов не ждали: в немецкой музыке и в русской литературе. Золотой век немецкой музыки длился больше столетия: Бах, Моцарт, Бетховен — и многие другие великие имена. А в России вершины были достигнуты очень быстро: Достоевский и Толстой уместились рядом в одни и те же десятилетия; и почти сразу начались социальные катастрофы. Меньше всего от катастроф пострадала музыка... Впрочем, не берусь оценивать ее успехи: слишком поздно я раскрыв двери консерватории и только в морозные лагерные ночи стал слушать симфонии... Поговорим о словесности в самом широком смысле слова.

Поиски внутреннего света начались в Новое время у Паскаля. Свидетельство — записка, найденная после его смерти; озарение длилось два часа. Во Франции эта линия сразу оборвалась, и кажется, нигде в Европе не было заметного продолжения. В XIX веке след Паскаля подхватил Тютчев, а Тютчева подхватывал Толстой. Я запомнил его фразу: «Тютчев мне важнее Пушкина».

Вот это измерение глубины, разлуки с собой истинным, этот поиск вечного начала и негасимого «вечернего света» стали главным в творчестве Толстого и Достоевского. Глубокий след, который они оставили в русской и мировой литературе, неизгладим и в XX и XXI

веках. След у каждого свой, неповторимый, разный накал света, но у обоих чувство необходимости жить в свете, необходимость пройти сквозь тьму, необычайная сила прорыва к свету. Это чувствовали они оба. Важнее всего для обоих была внутренняя реальность, в которой все внешнее тает как снег.

Когда блудный сын принимает к отцу, он встречается с жизнью истинной, непреходящей, с царством, которое внутри нас.

Чуть голову склонил Отец,
Ощупывая плечи сына,
Его израненную спину.
И в замирании сердец,
В их переключке слышно стало,
Как медленно слеза стекала
Из глаз, давно уже слепых,
Во мрак глядящих. Был так тих
Час остановленный... Все звуки
И краски выпиты судьбой,
И только вздрагивали руки,
Измерившие глубь разлуки
С самим собой.

Зинаида Миркина

Толстого мучило, что пылинки-Земля тонут в бескрайней бездне. Рухнул образ мира, в котором земные события определялись свыше, и вдруг — ни неба, ни ада! Куда взлетел воскресший Христос? Куда девать грешников, заслуживших вечные муки? Начиная с XVII века и до сих пор бездна космоса вдруг, в какой-то миг, поражает непривычные головы. И постепенно они привыкают. Или, как я в девятом классе, откладывают проблему до неопределенного времени, когда поумнеют.

Этот момент наступил года через четыре. Перечитывая «Анну Каренину», я вспомнил звездный ужас и решил, что достаточно созрел, чтобы сразиться с «дурной бесконечностью»; и после трех месяцев медитации «дурная бесконечность» сторела во внутреннем свете. Следующий подобный опыт пришел ко мне двадцать лет спустя; третьего не было.

К порогу внутреннего света вели стихи Тютчева. Тютчев играл с чувством бездны, но никогда не раскрывал полностью своих незримых крыльев. Его взлеты то увлекли Толстого, то под ногами начинала шататься земля. Я думаю, мысленные провалы в космическую пропасть влетались в кризис Толстого 1880-х годов, и после кризиса вдохновение подхватывало Толстого только отдельными всплесками. Сила, создающая эпопеи, его оставила.

Припоминая прочитанные книги, я пришел к выводу, что подобные прорывы характерны скорее для монахов,

иногда для поэтов и почти никогда для прозаиков. Сервантес или Диккенс могли писать о безумцах, о странных чудаках, но сами они были трезвые люди, и Пегас их скакал по земным дорогам. То, что величайшие русские писатели выходили далеко за рамки художественной литературы, выходили к философии, к богословию, — черта очевидная даже у позднего Толстого, когда во «Власти тьмы» он рисует почти безъязыкого Акима с его «тае» и «не тае», в рамках которых вмещается вся совокупность нравственного выбора, пропущенного сквозь незримое духовное ситечко.

Глубины Достоевского безъязыкими не были. Он принял в сердцевину своей поэтики череду шумных скандалов и внезапных тишин, когда двое оставались в одиночестве с вечностью (разговоры Раскольникова с Соней, Ивана с Алешей и др.); и в тишине внезапно открывалось окошко: «Разве можно видеть дерево и не быть счастливым?» А потом толкуют люди, не знавшие этого в себе, — что же Мышкин увидел? Какими глазами он смотрел? Откуда это ему блеснуло? И это ли самое главное, что Мышкин мог сказать?

До какой-то степени это и есть самое главное. Я бы попытался разделить совокупность пяти романов на две части. В первых трех романах герои, несущие в себе внутренний свет, парадоксальны и неповторимы. Это Соня, в роли духовного вождя и спасительницы, повернувшая душу Раскольникова к свету; это Мышкин, вышедший из идиотизма к святости и снова рухнувший в темноту. Это Марья Тимофеевна Лебядкина, полубезумная и в то же время сверхъестественно чуткая, вдруг разгадавшая демоническую натуру Ставрогина. Но на ней кончается цепочка парадоксально одаренных, неповторимых персонажей. За первое место в сюжете начинают бороться столпы православия.

Первый из них оказался неудачником — архиереем Тихон. Заговорив о любви к Ставрогину после рассказа о загубленной девочке, он отталкивает от себя читателя. Правота оценок остается у Марьи Тимофеевны. И судя по дальнейшим романам, Достоевский сознает свою неудачу и продолжает попытку заменить природных гениев православными столпами: странником Макаром Долгоруким (в «Подростке») и иноком Зосимой (в «Карамазовых»).

Образ Зосимы заботливо продуман, но рядом с братьями Карамазовыми он выглядит скорее программой, чем характером. Оказавшись в кругу живых, растущих в своем обаянии Карамазовых, Зосима не выдерживает сравнения с ними, — не только с Митей и Иваном, но и с Алешей, который полностью оживает в общении с мальчиками.

Временами оживает и гаснущая душа Версилова в «Подростке». Остыв от своих страстей, он дарит своему сыну целую галерею прозрений и озарений, которые я несколько раз цитировал. И наконец, беседа двух братьев Карамазовых переходит в диалог Великого инквизитора с молчаливым Христом. На первый взгляд, эта легенда разрывает художественную ткань, но она захватывает, и невозможно представить себе последний написанный Достоевским роман без этого прорыва духовной образности в реалистический текст.

«Подросток» может быть назван переходным шагом от первых трех романов, в которых никто не побывал в церкви, и духовная глубина Сони, Мышкина и Марьи Тимофеевны совершенно самобытна. В последних двух романах присутствие православия бросается в глаза, но оно не торжествует. Странник Макар выписан добросовестно, Зосиму заведомо невозможно обойти. Но оба они выглядят как живые системы, а не как порывы вдохновения. Вдохновение торжествует в героях совершенно не церковных, и решение Зосимы отпустить Алешу из послушников в мир можно понять как победу авторского чутья: только на светском пути герой Достоевского становится самим собой.

Сюжет «Братьев Карамазовых» разворачивается в стихийных взрывах страстей; он удерживает все идейные нагрузки, все религиозные вставки, все неожиданные повороты в едином потоке. И мы вынуждены принять обрыв пятерницы романов смертью автора как некоторое внутреннее завершение.

Есть библейское изречение: в начале была буря, а потом тишина. И в тишине — Бог. Вот эта тишина, которая струится внутри, это тихое струение и есть то самое, во что нам надо бы вслушиваться все внимательней, все чутче. И мне хочется кончить несколькими строками Зинаиды Александровны, переключаясь с темой тихого струения в последнем романе:

Деревья струились, деревья текли
В высокое небо из темной земли.
Деревья струились незримо, безмолвно,
Но слышало сердце глубинные волны.
И в этом потоке пахучем, весеннем,
Лишь сердце, — не глаз, — различало струенье:
Поток незаметный, поток неустанный —
Немолчные громы тишайшей осанной.
Не видные глазу, не слышные уху,
Струились валы жизнотворного Духа...

З.М.

Эти струи жизнотворного духа несет нам, вопреки всем изломам, творчество Достоевского. ■

Эдгар МОРЕН

РАЗМЫШЛЕНИЕ О ПОЗНАНИИ

Сегодня, перед лицом гигантских требований и проблем, предъявляемых современным миром, обитатели планеты — представители разных культур, все больше осознают необходимость создания универсальной культуры, планетарного общества для выживания и мирного развития. Эта новая универсальная этика должна создаваться на базе полилога культур как результат интеграции различных интеллектуальных и духовных концепций и глубоких преобразований в сознании людей. Новая культура поможет создать новый тип универсального сознания, в основе которого смогут гармонично сосуществовать и обогащать друг друга специфические особенности различных культур, нашедшие отражение в общечеловеческих универсальных ценностях, а также осознанное и ответственное отношение к планете, на которой мы живем. Этой сложной проблеме наряду с другими многообразными проблемами современной цивилизации, массовой культуры, экологии, роли интеллектуалов в нынешнем мире, посвящены междисциплинарные исследования ученых разных стран.

Одним из наиболее ярких и значительных представителей этого направления, без сомнения, является французский социолог и философ Эдгар Морен (настоящее имя Эдгар Наум). Морен известен, главным образом, как родоначальник и активный приверженец «комплексного мышления». Опираясь на идеи Жака Моно, Джона фон Неймана, Ильи Пригожина и других, развивает проект комплексной социологии, в центре которой — принципы непредопределенности, самоорганизации и диалогичности. В главном труде своей жизни, шеститомной энциклопедии под названием *Метод* (*La Méthode*, 1977—2004), Морен пытается понять и реорганизовать знание, общество, политику, этику. Решительно отказываясь от разделения знания на обособленные дисциплинарные области, Морен призывает воссоздать связи между различными областями дисциплинарного знания, понимать знания в

их контексте и в совокупности, когда, собственно, они и обретают свой подлинный смысл.

Признанный международный авторитет в разработке общей теории систем и принципов комплексного познания, Эдгар Морен назван в энциклопедии, изданной Международным обществом по исследованию комплексных систем в 1997 г., в числе тридцати наиболее выдающихся ученых наряду с биологом Людвигом фон Бергаланфи, кибернетиком Стаффордом Биром, нейробиологом Франсиско Варелой и математиком Норбертом Винером. Книги и статьи Морена переведены на многие языки мира, особенно он известен в Испании, Португалии, Латинской Америке. Почётный доктор более 15 университетов мира, (университет Мехико и центр CNRS в Париже носят его имя), командор ордена Почётного легиона и Ордена искусств и литературы, кавалер орденов и медалей (Большого креста ордена Св. Иакова и Меча (Португалия), ордена Гражданских заслуг (Испания), Международной премии Каталонии, Золотой медали Аристотеля ЮНЕСКО и т.д.

Есть интеллектуалы, у которых мышление занимает место биографии, для других же сама жизнь более важна, чем творчество. Эдгар Морен никогда не отделял одно от другого. «Центральным пунктом всей твоей работы, было размышление о познании... Это занятие заняло всю твою жизнь...» — писал о Морене известный французский социолог Алэн Турэн. Не случайно Н.Тронг, автор специального номера *Le Monde hors* (série 2010), посвященного Эдгару Морену, назвал его Монтенем планетарной эры. Согласно Монтеню, «un honnête homme est un homme mêlé» (честный человек — это человек, в котором смешаны разные качества).

Борец против нацизма, коммунист времен Второй мировой, диссидент в эпоху Сталина, социолог современности *sociologie du présent* и метафизик будущего, аутодидакт гуманитарных наук и вдохновитель комплексного

мышления, Эдгар Морен не перестает учиться, сопротивляться и изменяться, вполне соответствуя своему неизменному девизу «жить в дуэли противоречий», жить между противоречием и сопротивлением (имеется в виду также и сопротивление в области знания и дисциплинарной закрытости), между маргинализацией и признанием, между ощущением катастрофы и верой в будущее.

Его жизнь и творчество столь разноплановы и многомерны, что не входят в рамки определенного обозначения, что отражено в названии его биографии *Edgar Morin l'indiscipliné*. Это значит, что Морен, будучи сторонником принципа комплексного мышления, как требует труд его жизни *Метод*, находится вне дисциплинарных рамок, не ограничиваясь одной из дисциплин. «Ничто человеческое ему не чуждо», — писал о Морене Алэн Турэн. Он же точно определил отношение к Морену со стороны специалистов, заметив, что особенно в начале его научного пути многие ученые с недоверием смотрели на то, «как этот дилетант большими шагами расхаживает по их лужайке».

Эта широта и великодушие, переходящие установленные границы, относятся не только к научным дисциплинам, но и ко всему мировоззрению Морена, а также к его отношению к людям. «Никогда ты не защищал нацию или этнию, ты всегда защищал право наций и этний на существование, на свободу и уважение», — утверждает Турэн.

Здесь уместно вспомнить о принципиальной позиции Морена в вопросе конфликта между Израилем и Палестиной, когда Морен в *le Monde* от 4 июля 2002 года выступил с резкой критикой против политики репрессий Ариэля Шарона, говоря о том, что жертвы палестинцев в 20 раз превосходят израильские, но об этом никто не говорит: «Разве сочувствие относится только к одному народу?»

Из-за своей открытости, переходящей установленные границы в дискуссиях по еврейскому вопросу, и

резкой критики политики Израиля, ставшей причиной раковой опухоли, распространившейся на весь мир, Морен даже был привлечен к суду с обвинением в «клевете расистского характера».

Морен никогда не боялся диалога и шел на риск полемики, основываясь, в первую очередь, на таких принципах диалога, как равенство в правах и достоинстве и относя эти принципы и к персонам, и к культурам. Однако большой опасностью диалога и в том, и в другом случае Морен считает является непонимание. Фраза Монтеня: «Варварами называют людей других цивилизаций», — говорит сама за себя. Понимая, что и он сам во многом является жертвой непонимания, Морен все же указывает на важное отличие и привилегию, состоящую в том, что он всегда пытался объяснить и отстоять свою точку зрения.

Между двумя большими французскими социологами — Пьером Бурдьё, создателем структуралистского конструктивизма, и Эдгаром Мореном, видящим свой метод конструктивизма прежде всего в сотрудничестве внешнего мира и нашего духа, никогда не было фронтальной полемики, но оба социолога развили две непримиримые точки зрения. «Больше козрентности», — словно хочет сказать Морену Бурдьё. «Больше нюансирования», — будто отвечает ему Морен.

Поэт и писатель Алэн Борер, говоря о глубокой связи творчества и жизни Морена, делает акцент на его гуманизм, воплощенный в его «безгранично братском мышлении». Потому что человеческое, человек и сама жизнь всегда находились в центре внимания и научного интереса Морена. Не случайно Борер упоминает Паскаля, легендарного французского мыслителя, соединившего, как никто другой, казалось бы, несоединимое — рацию и метафизику, говоря, что «между бесконечно великим и бесконечно малым Паскаля Морен вводит бесконечно сложную субстанцию — жизнь».

Эдгар Морен родился в семье евреев сефардов, его отец был коммерсантом из Салоник. Его мать, Луна, умерла от сердечного приступа, когда сыну было 10 лет. Это событие, названное Мореном «внутренней Хиросимой», оставило глубокий след в его судьбе и в творчестве. Фраза Гераклита «Жить смертью, умирать от жизни» сопровождала Морена на протяжении всего его жизненного пути.

После учебы в Сорбонне Эдгар Морен вступил в коммунистическую партию Франции и впоследствии стал активным участником антифашистского Сопротивления, где он подружился с Франсуа Миттераном. Тогда же он взял псевдоним Морен. Годы борьбы в рядах Сопротивления, ставшие позднее толчком к сопротивлению сталинизму, дали Морену возможность пережить моменты дружбы, братства и солидарности, которые также оказали большое влияние на формирование его мировоззрения. С 1949 года он отходит от ФКП и впоследствии исключен из неё за антисталинистские высказывания.

В 1955 году Морен становится одним из организаторов Комитета против войны в Алжире. При поддержке Мориса Мерло-Понти он поступил в Национальный центр научных исследований (CNRS), а в 1957 году вместе с Ж. Дювиньо и Р. Бартом основал философско-социологический журнал *Аргументы*, который был создан по модели журнала *Ragionamenti*, издававшегося в Италии его друзьями Ф. Фортини и Р. Гвидуччи.

В 1961 году Морен с Г. Фридманом и Р. Бартом основал журнал *Соттификации* и возглавил *Центр исследований массовых коммуникаций*. В 1960-е годы Морен много работал и преподавал в Латинской Америке, в Мексике создал университет.

Пионерскими стали введенные Мореном формы «социологической вылазки», группового, близкого к этнографическому обследованию и описания «одного случая»: *Коммуна во Франции: Метаморфозы Плезеве* (1967) и *Слухи в Орлеане* (1969), а также жанр социологического дневника (*Калифорнийский дневник*) (1970), использование фото- и кинодокументов в социологии — документальный фильм *Хроника одного лета* (1961), с Жаном Рушем. В труде *Социология* (1984) дан обзор более чем 30 летней исследовательской работы Морена в области социологии.

К основным работам с использованием антропологического подхода следует отнести следующие труды. *Человек и смерть* (L'Homme et la mort, 1951), где Морен на границах дисциплин этнографии, социологии, философии и биологии впервые использует антропологический подход в исследовании темы смерти с доисторических времен до современности.

Во *Введении к политике человека* (Introduction à une politique de l'homme 1965) Морен показывает, как политика в процессе превращения в антрополитику, завоевывает все большее пространство в жизни, становясь все более многомерной и противоречивой по отношению к человеку.

В своём сводном труде *Потерянная парадигма: человеческая природа* (La Paradigme perdu. La Nature humaine, 1973), в котором рождаются концепции «комплексного познания», представлены обобщающие теоретические взгляды Морена.

В работе *Единство человека* (L'Unité l'homme, 1974) пересекаются теория эволюции, этология, история, исследования мозга и гуманитарные науки, чтобы дать основу для многомерной антропологии.

В *Диалоге о природе человека* (Dialogue sur la nature humaine, 2000) с Борисом Сирильником, в центре внимания находится вопрос о соединении естественных наук с гуманитарными науками: социологией, психиатрией, психоанализом.

В диалоге с астрофизиком Мишелем Кассэ *Дети неба: между пустотой, светом и материей* (Les enfants du ciel: entre vide, lumière, matière, 2003) обсуждается вопрос: «Что мы познаем о нас самих из истории космоса?»

Морен разрабатывает диагностику фундаментальных проблем нашего времени в работах: *Выход из XX века* (Pour sortir du XXe siècle, 1981), *Размышления о Европе* (Penser l'Europe, 1987), *Земля-Родина* (Terre-Patrie, 1993). Книга Эдгара Морена *Комплексность человека* (La Complexité humaine, 1994) объединяет ключевые понятия его произведений и впервые позволяет сформулировать принципы комплексного мышления. Публикация *К политике цивилизации* (Une politique de civilisation, 1997) с Сами Наиром стала формулой, которую использовал президент Саркози в своей речи 31 декабря 2007 года, ознаменовав интерес политики и средств массовой информации к идеям Морена. Для осуществления политики цивилизации, этой «*utopie réaliste*», автор *La Méthode* призывает применить на практике свой метод комплексного мышления, к которому относятся такие ключевые понятия, как этика, знания, язык, логика, информация. Морен верит в возможность рождения нового планетарного сознания, способного «цивилизировать отношения между людьми» (civiliser les relations humaines).

На русском языке изданы книги Морена *О природе СССР: Тоталитарный комплекс и новая империя* (М.: РГГУ, 1995) и 1 том *Метод. Природа Природы* (Прогресс-Традиция, 2005).

Перевод и предисловие Галы Наумовой

Эдгар МОРЕН

НАШИ ЗЕМНЫЕ ЦЕЛИ

Осознание наших земных корней и нашей общей с планетой судьбы является необходимым условием для развития человечества и цивилизации Земли.

В этом смысле возвращение к земным корням и представляет собой нашу конечную цель. Все связано: работа над осуществлением наших земных целей требует знания и признания нашего космического *dasein* (*существования здесь, на Земле*), нашей земной идентичности, нашего антропологического условия и железного века планетарной эры.

СОХРАНЯТЬ / ИЗМЕНЯТЬ

Неразрывная связь должна объединить отныне две явно противоречащие друг другу цели. Первая цель — это выживание человечества. Вторая цель — человеческая эволюция.

Первая цель — консервативная: речь идет о сохранении, защите не только культурного и природного разнообразия, деградирующего в неумолимости процессов

стандартизации и разрушения, не только достижений цивилизации, которым угрожает возвращение и распространение варварства. Речь идет также о защите и сохранении жизни человечества от угрозы ядерного оружия и деградации биосферы, — двойной угрозы Дамоклова меча, исходящей от великого варварства.

Помните, что это великое варварство стало результатом альянса между силами, по-прежнему представляющими опасность, — силами доминирования, насилия и ненависти, находящимися в действии с начала истории человечества — и современными силами техно-бюрократии, анонимными и ледящую душу силами дегуманизации, стремящимися изменить природную сущность человека.

Вторая цель — революционирующая (мы сознательно пренебрегаем здесь прилагательным «революционный» — ставшим реакционным, слишком скомпрометированным варварством).

Речь идет о создании условий, в которых человечество реализует себя как таковое в обществе или в сообществе наций. Этот новый этап может быть достигнут только путем революционирующих изменений в отношениях

Серебряный берег. Франция. 2002. Фото: Александр Газин. Радио

ФИЛОСОФИЯ. ИСТОРИЯ. ЭТИКА. РЕЛИГИЯ

между людьми во всем мире, начиная с отношения к самим себе, с отношения к другим, с отношений в семье, вплоть до отношений между народами и государствами, отношениями между людьми и технбюрократической системой, между человеком и обществом, между человеком и знаниями, между человеком и природой.

Отсюда неизбежный парадокс. Сохранение в то же время требует революционных преобразований, которые обеспечили бы эволюцию человека. Революция требует сохранения не только нашего биологического существа, но и сохранения достижений нашего культурного наследия и нашей цивилизации.

СОПРОТИВЛЯТЬСЯ

Второй парадокс проявляется в двойном императиве, кажущемся противоречивым: «сохранять и изменять»; это парадокс — «двигаться вперед и сопротивляться».

Приведем пример. Вопреки видимости, необходимость сопротивления не потеряла своего смысла, начиная с 1944 года. Нужно было оказывать сопротивление в новых формах, теперь уже против сталинского тоталитаризма (я горжусь тем, что после антинацистского сопротивления принимал участие в сопротивлении сталинизму). При выходе из эпохи тоталитаризма в формах (еще) очень разных, сопротивление должно возобновиться.

Мы должны сопротивляться, то есть быть в обороне на всех фронтах, против возвращения и повсеместного распространения великого варварства.

Понятие сопротивления не ограничивается сопротивлением иностранным оккупантам или сопротивлением безжалостному диктатору.

Весна народов 1989–1990 года закончилась заморозками. Семена свободы, посеянные ею, погибли. Великое варварство проделало себе путь к возвращению.

Конечно, во все времена, повсюду человечество сталкивалось с необходимостью противостоять жестокости, ставшей результатом злобы, презрения, равнодушия. Эти две современные формы варварства являются ярким выражением развившейся жестокости. Жестокость и ненависть ведут свое происхождение от первичного варварства и находят свое выражение в убийствах и пытках, в индивидуальных и коллективных приступах ярости; анонимная жестокость ведет свое происхождение от техно-бюрократического варварства. Наглядный случай с за-

раженной кровью показывает, что характеристикой этого вторичного варварства является сочетание механизации, сверхспециализации, разделения дисциплин, бюрократизации, анонимности, абстракции, коммерциализации, совокупность которых приводит к потере не только глобального и фундаментального, но и к потере ответственности, к утрате конкретного, человеческого.

Сопротивление этому двойному варварству стало нашей первой и жизненно важной необходимостью. Это сопротивление является не только условием выживания человека, оно необходимо для эволюции человечества в целом. Таким образом, мы приходим к заключению о том, как можно в одно и то же время сопротивляться, сохранять и революционизировать.

Отсюда связь, еще совсем недавно немислимая
Сопротивление — сохранение-революция

ОСОЗНАННОЕ СЛЕДОВАНИЕ ПУТЕМ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ

Следование процессу очеловечивания способствует новому рождению человечества. Первое рождение несколько миллионов лет назад ознаменовало начало цивилизации. Второе рождение связано с появлением языка и культуры — вероятно, в эпоху *homo erectus* — человека прямоходящего. Третье рождение — с появлением *Homo Sapiens* и архаического общества. Четвертое стало рождением истории, включая одновременное рождение сельского хозяйства, животноводства, городов¹.

Пятым рождением, возможным, но еще не правдоподобным, будет рождение человечества, когда оно выйдет из железного века планетарной эры, из предистории человеческого разума, которое цивилизует Землю и даст рождение планетарному обществу / сообществу — индивидуумов, этний и наций.

ОТ ДОЛГОСРОЧНОГО РАЗВИТИЯ, СТАВШЕГО ПРОБЛЕМОЙ, К ПОДЛИННО ЧЕЛОВЕЧЕСКОМУ РАЗВИТИЮ

Продолжение эволюции человека должно рассматриваться как развитие наших потенциалов; психологического, духовного, этического, культурного и социального.

¹ См.: E. Morin, *Le Paradigme perdu*, op. cit., p. 189-208.

Здесь мы находим концепцию «développement» долгосрочного развития, но гораздо более богатую, чем тот искаженный набросок, который в качестве концепции был поддержан и распространен с 50-х годов и который следует полностью и радикально переработать².

Программа долгосрочного развития должна базироваться на антропологическом принципе. Истинное развитие — это эволюция человека, это человеческое развитие.

Таким образом, нужно оставить концепцию развития по экономическому пути. Следует также замедлить темпы развития, которое, как заявил Жан-Мари Пелт, «превратилось в паразитический нарост».

Понятие «développement» должно стать многомерным и выйти за рамки или разрушить схемы не только экономических, но и культурно-цивилизационных моделей Запада, претендующих на то, чтобы определить и утвердить его смысл и нормы. Это понятие должно порвать с концепцией прогресса, с уверенностью в исторической определенности, чтобы создать некую нам неизвестную неопределенную возможность.

Мы должны уяснить себе, что развитие никогда невозможно приобрести; как все живое и человеческое, оно подвергается атаке принципа деградации и должно затем беспрестанно восстанавливаться.

РАЗВИТИЕ В ДОЛГОСРОЧНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ. КАПИТАЛИЗМ И СОЦИАЛИЗМ

В принципе можно было поверить в то, что социализм или капитализм являются настоящими агентами развития в долгосрочной перспективе, ведь каждый из них для их последователей обладал провиденциальным гением. И тот, и другой принесли форму экономической организации (рынок и частная экономика в одном случае, план и государственное регулирование экономики — в другом), оба претендовали на то, чтобы обеспечить социальное и человеческое развитие.

Формула якобы социализма, на самом деле, оказалась формулой тоталитаризма, показав, в дополнение к своему варварству, что она обострила все те проблемы, которые обещала решить (националистическая вражда, этничес-

² С развитием кризиса развития, см.: E. Morin, *Sociologie*, op. cit., p. 443-460.

кие и религиозные конфликты). Эта формула показала, что предположительно скрытая в ней демократия, в действительности затрудняет установление демократии.

Капитализм же, как его видел Маркс, действительно предполагавший развитие производительных сил варварскими методами, не может рассматриваться изолированно или в качестве творца, как ключ к развитию человеческого потенциала.

Более того, было бы ошибкой экономического редукционизма полагать, что рынок несет в себе все решения проблем цивилизации. Социальные достижения века могли осуществиться только в антагонистически-комплементарном диалоге между предпринимателями и партиями или профсоюзами рабочих, и в демократическом контексте.

Действительно, западные общества не могут определяться одним только термином *капиталистический*: одновременно это национальные, мультикультурные, демократические, плюралистические и капиталистические общества.

Социализм и капитализм, на самом деле, представляют собой мифы развития. Социализм, в советской версии, умирает, и в социал-демократической версии он пришел к истощению. Здоровый же вид капитализма — только кажущийся. В конце концов, лишь в течение очень короткого времени казалось, что капитализм представляет собой магическую формулу для решения всех проблем.

Понятия *социализм* и *капитализм* нельзя рассматривать как провиденциальные, империалистические и ограниченные концепции. Но если учесть энергию и экономическое изобретение капитализма, его свойства саморегулирования и самоорганизации рынка, и то и другое должно быть интегрировано в планетарную цивилизацию, а не планетарная цивилизация должна быть интегрирована в капитализм или в рынок.

Все, что имеет только *экономические* характеристики, так же как и все то, что имеет только *технологические* характеристики, столь же варварское, сколь и цивилизованное, и должно быть интегрировано в политику человека и подчинено ей.

Учитывая те стремления к более развитому сообществу и большей свободе, которые и были изначально содержанием слова «социализм», то политика очеловечивания должна радикально взять на себя ответственность за них. Если учесть, что конечной целью социализма было преодоление эксплуатации человека человеком, то такие цели должны быть поставлены вновь, а не оставаться пустым обещанием.

Мы не должны игнорировать и тот факт, что доминирование и подчинение являются корнями биоантропологической эксплуатации, которая, в свою очередь, имеет глубокие корни в организации даже исторических обществ: без всякого изменения политического режима, без каких бы то ни было изменений экономической собственности не могут произойти перемены, положение может только ухудшиться, и свидетельством тому является тоталитарный социализм.

Таким образом, при оказании немедленного сопротивления крайним формам доминирования, порабощения и эксплуатации, нужно быть открытыми для большого вдохновения в деле гуманизации цивилизации будущего, имея в виду глубокие и долгосрочные цели и перспективы, не забывая при этом о том, что негативные аспекты и потенциалы человеческой природы и социальные отношения никогда не будут устранены, но должны беспрестанно поддерживаться, контролироваться, или лучше, чтобы они находились в состоянии самоконтроля.

О РАЗВИТИИ НЕДОРАЗВИТОСТИ РАЗВИТЫХ И СЛАБОРАЗВИТЫХ

Термин «развитие», в том смысле, который мы ему придаем, предполагает совершенствование индивидуальной автономии при одновременном расширении участия в общественных делах, начиная с участия в делах сообщества на местах вплоть до участия в проблемах всей планеты. Больше свободы и больше общности интересов. Больше индивидуальности и меньше эгоизма.

Таким образом, эта идея развития приводит нас к осознанию ключевого феномена планетарной эры: недоразвитость развитых стран возрастает в соответствии с их технико-экономическим развитием.

Отсталость развитых стран выражается в их слабом моральном, психическом и интеллектуальном развитии. Некоторый дефицит в сфере эмоциональной и психической жизни в большей или меньшей степени имеется во всех цивилизациях, повсюду наблюдается серьезная недоразвитость человеческого духа. Но нужно видеть и духовную нищету богатых государств, недостаток любви в сытых обществах, злобу и страшную агрессию интеллектуалов и университетских профессоров, распространение обобщенных пустых идей и ущербных точек зрения, утрату целостности, основательности и ответственности.

Существует такая форма нищеты, которая не уменьшается со снижением уровня физиологических и физи-

ческих страданий, а увеличивается вместе с ростом избытка и удовольствий.

Существует специфическое развитие умственной отсталости под приматом рационализации, специализации, квантификации, абстракции, безответственности, — и все это порождает этическую недоразвитость.

Конечно, наш мир развитых стран характеризуется не только этими аспектами; и комплексное мышление, и чувствительность к амбивалентности позволяют нам также пользоваться современными достижениями индивидуальной автономии, свободой и средствами массовой коммуникации, открытостью миру благодаря туризму и телевидению, социальной безопасностью и солидарностью, которые хоть и практикуются на бюрократический манер, но все же компенсируют неравенство и облегчают страдания.

Нельзя забывать, что смелое, еретическое, нестандартное мышление, уничтоженное *in ovo* (в зародыше) в традиционных обществах, в нашем мире находит возможности для своего выражения. Нам необходимо увидеть все аспекты нашей действительности, избегая альтернативы между эйфорией и жалобами.

Переосмысление развития приводит нас к критическому переосмыслению идеи отсталости «слаборазвитых». Как мы видели, идея отсталости игнорирует всевозможные ценности и богатство древних культур, носителями которых являются или являлись народы, называемые отсталыми. Эта концепция в значительной степени способствовала гибели этих культур, рассматриваемых как груда суеверий. Высокомерная грамотность, рассматривающая носителей оральных культур не как таковых, а лишь как безграмотных невежд, усугубляет моральную и психическую отсталость людей, живущих в трущобах.

Безусловно, не следует идеализировать другие культуры. В противоположность идее о том, что каждая культура сама по себе самодостаточна, Маруяма³ справедливо замечает, что любая культура содержит в себе что-то неблагополучное (недостатки функциональности): нечто неправильно функционирующее (т. е. функционирующее в неверном направлении), что-то не функционирующее должным образом (производительность на самом низком уровне) и или вовсе *toxicifonctionnel* — создающее сбой в работе.

³ M. Murayama, «Disfunctional, misfunctional and toxifunctional aspects of cultures », *Technological Forecasting and Social Change*, 42, 1992, p. 301-307.

Нужно уважать культуры, но культуры сами по себе несовершенны, так же как несовершенны мы сами. Все культуры, в том числе и наша, образуют смесь суеверий, вымысла, устойчивых представлений, накопленных знаний, но не критики, грубых ошибок и глубоких истин. Но это смешение в культуре не заметно на первый взгляд, нужно быть осторожными, чтобы не классифицировать как суеверия традиционные древние знания — как, например, методы приготовления кукурузы в Мексике.

Долгое время антропологи приписывали их к магическим верованиям, пока не обнаружили, что эти методы позволяют ассимилировать лизин, питательные вещества, — с давних времен их единственный продукт питания. Таким образом, то, что казалось «иррациональным», в реальности соответствует жизненной рациональности.

Кроме того, прежняя концепция экономической отсталости, какой бы варварской она ни была, установила антропологическую связь между так называемыми развитыми и так называемыми слаборазвитыми странами; стимулировала к полезной технической и медицинской помощи — например, рытью колодезев, разработке источников энергии, борьбе с эпидемиями и нехваткой питания — хотя все это осуществляется в условиях экономической эксплуатации, деградации природных ресурсов и урбанизации нищеты, несущих с собой новые несчастья⁴.

Какие только новые бедствия мы не создали, борясь против бедности, хоть и путем разрушения натурального хозяйства и введения валюты там, где имел место взаимобмен! И делая все это, мы верили в то, что развиваем слаборазвитые страны...

Так как ментально мы сами недоразвиты, то мы только увеличиваем отсталость слаборазвитых стран. Сокращение духовной бедности в развитых странах в нашу научную эру позволит быстро решить проблемы материальной бедности слаборазвитых стран. Но дело в том, что это как раз та ментальная отсталость, которую мы никак не можем перодолеть, именно эту отсталость мы никак не осознаем.

Таким образом, мы приходим к мысли, что отсталость в умственном, психическом, эмоциональном и человеческом плане, в том числе и в развитых странах, в настоящее время является ключевой проблемой эволюции человечества.

⁴ Эта концепция могла бы содействовать созданию промежуточной технологии, как предлагал Жан Гимпель, считая, что такая концепция помогла бы осуществить переход от архаичных методов к самым передовым технологиям.

МЕТА-РАЗВИТИЕ

Развитие является целью, но оно не должно быть недальновидной целью или фиксированной конечной целью. Целью развития является само развитие, подчиненное другим целям. Каким? Цели — *жить. Жить по-настоящему. Лучшие жить.*

«Жить по-настоящему» и «жить лучше» — что это значит? Это значит: жить с пониманием, с чувством солидарности и чувством сострадания; жить без эксплуатации, без оскорблений и без презрения.

Это значит, что конечные цели развития требуют этических императивов. Экономика должна контролироваться и определяться антропоэтическими нормами.

Таким образом, продолжение процесса очеловечения требует этики развития, тем более что уже нет ни обещаний, ни абсолютной веры в законы прогресса.

Кроме того, как уже отмечалось, все то, что достигнуто во всех человеческих делах, включая и развитие достижений или достижение развития, — должно беспрестанно воссоздаваться, иначе они подвергнутся регрессу. Вспомним обо всех исторических регрессиях и катастрофах цивилизации, когда хотели забыть идеологов гарантированного прогресса. Мы должны отдавать себе отчет в том, что случайность судьбы, судьба бездомно странствующего человечества вписаны в историю развития человечества.

Осознание бездомности является источником неуверенности и беспокойства, так как оно разрушает определенность, стабильность, абсолютность, поскольку в этом приключении нет *happy end*, нет счастливого конца. В этой авантюре развитие индивидуализации является источником растущего беспокойства и неуверенности в завтрашнем дне. И как ответ на страх индивидуализации распространились невротические и истерические аспекты потребления и тысячи современных развлечений. Таким образом, это накопление тревоги углубляется или трансформируется в агрессию...

Такое положение дел возвращает нас к идее о необходимости реформы мышления и реформы жизни, о которых мы будем говорить дальше...

Должны ли мы включать всю судьбу эволюции человечества в идею развития?

В целях, о которых мы говорили: *жить по-настоящему и жить лучше* — есть поиск чего-то такого, что больше, чем развитие.

Смысл слова *développement* выходит за рамки «развития» в прямом смысле этого слова: развивать любовь к музыке, к примеру, не означает, что история музыки представляет собой прогрессивное развитие и что Бетховен лучше, чем Бах, или Рихард Штраус лучше, чем Бетховен.

Нужно признать ограниченность концепции развития, как уже показывает значение самого слова *développement* (развертывание, расширение, распространение), даже если она рассматривается как человеческая.

Эту концепцию нужно увидеть в диалектической связи с идеей «завертывания», закрывания и обратного развития, что приведет нас к истокам, к моменту до создания мира или к погружению в доисторические глубины бытия, к возвращению в древность, в то, что уже было, к забыванию себя, к своего рода интродукции зародышевого состояния в блаженной амниотической купели, к погружению в природу, в миф, в бесконечный поиск, в мир без слов.

Безусловно! Шелли, Новалис, Гельдерлин, Пушкин, Рембо, Бах, Моцарт, Шуберт, Бетховен, Мусоргский, Берг являются плодом исторического развития цивилизации, но их творчество выходит за пределы этого развития, оно выражает наше бытие в мире, сообщает нам невыразимое, доводит нас до грани экстаза, туда, где ослабляется неизбежный контроль времени и пространства. То, что порождает существенное в мышлении, пронзает историю, взаимосвязано с прошлым вплоть до истоков и, погружаясь в наши глубины, проектирует оттуда будущее.

Итак, могли бы мы предложить понимание мета-развития, иначе говоря, концепцию развития за его пределами, достичь которых (может быть?) позволит это развитие, но в любом случае оно должно нам дать эту возможность?

НАЙТИ СООТНОШЕНИЕ МЕЖДУ ПРОШЛЫМ, НАСТОЯЩИМ И БУДУЩИМ

Каждое общество, каждый человек живет в диалектической связи прошлого, настоящего и будущего, которые взаимосвязаны и питают друг друга.

Традиционные общества проживали свое настоящее и будущее в соответствии с заповедями прошлого. Письменные культуры на пути своего развития жили, еще до недавнего времени, в соответствии с требованиями будущего, пытались сохранить свое прошлое, с которым они себя отождествляли, и развивать, насколько

могли, свое настоящее. Богатые страны, живущие под диктатом одновременно как настоящего, так и будущего, смотрят теперь с меланхолической грустью на то, как уходит их прошлое.

Таким образом, соотношение прошлого, настоящего и будущего, проживаемых очень по-разному в разные времена и в разных культурах, деградировало повсюду в пользу гипертрофированного будущего.

Кризис будущего провоцирует в западных обществах чрезмерное развитие настоящего и возвращение к истокам в прошлом. Это дало почти повсюду толчок к поиску своих этнических и / или религиозных корней и вместе с тем дало толчок к фундаментализму (исламский — только один из них), одновременно ставшему ответом на кризис будущего и на беды настоящего.

Почти повсюду живые отношения между прошлым, настоящим и будущим становятся более сухими, ослабевают или блокируются. Так что нам необходимо оживить эти отношения, уважая при этом все три составляющие, не преувеличивая значения только одной из них.

Обновление и принцип комплексности в отношениях между прошлым, настоящим и будущим должны быть включены в качестве конечных целей в политику гуманизации человечества.

Восстановление сил, так сказать, ресурсное обеспечение в прошлом, может быть осуществлено при соблюдении уважения к двум принципам, уже упомянутым выше. Во-первых, это признание права на существование для всех культур, не забывая при этом, что культуры не являются целостностными субстанциями, достигшими своего совершенства: у каждой культуры есть свои недостатки, своя слепота, свои конкретные недостатки и преимущества для достижения полноты жизни их граждан, которые очень неравномерно распределены.

Нельзя также забывать, что все оригинальные культуры приобрели свою уникальность, начиная со столкновений и ассимиляции иностранных элементов, часто свойственных культурам завоевателей или завоеванным культурам. Как и живые существа, все культуры развиваются, претерпевают изменения, и многие из них становятся все более сложными, интегрируя то, что первоначально разрушало их или казалось угрозой.

Во всяком случае, этническое, национальное, религиозное возрождение становится регрессивным, когда оно фиксируется на прошлом, подавляя отношение к настоящему и к будущему.

Второй принцип возрождения состоит в необходимости повторных инвестиций в антропологическое (биологическое) земное *arkhè*, которое, будучи общим для всех людей, не требует никакого особенного восстановления. Прошлое является не только прошлым специфической этнической группы или нации, оно является теллурическим гуманизирующим прошлым человечества, которое необходимо осознать и интегрировать.

Отношение к настоящему, как к жизни и наслаждению, не может быть принесено в жертву авторитарному прошлому или иллюзорному будущему. Такое отношение сегодня включает в себя дистанционное участие в жизни планеты и возможности подключения — *turn on* — как к сети различных культур мира, так и к самим культурам и планетарному фольклору.

С другой стороны, особенно и именно в настоящем проявляются радости жизни, которые трансцендируют развитие. Циркуляция диалога между прошлым, настоящим и будущим восстанавливает конкретную интенсивность жизни, она является перекрестным центром, местом сбора и распределения настоящего. Как сказал Блаженный Августин: «Есть три времени: настоящее прошлого, настоящее настоящего и настоящее будущего».

И наконец, отношение к будущему необходимо оживить до такой степени, чтобы продолжение процесса очеловечивания стало самой целью будущего. Это больше не иллюзорное будущее гарантированного прогресса. Это случайное и неопределенное будущее, но оно открыто для бесчисленных возможностей, сюда могут проецироваться стремления и гуманные цели без особых обещаний на выполнение. В этих новых условиях реставрация будущего является жизненно важной и крайне актуальной целью человечества.

ОТНОШЕНИЯ ВНУТРЕННИЕ И ВНЕШНИЕ

Человек всегда был разорван между двумя противоположными полюсами своего предназначения. Одно из них — экстраверсия — это любопытство к внешнему миру, проявляющееся в форме путешествий, исследований, научных исследований, которые сегодня распространяются и на космос.

Другое предназначение — интроверсия — направлено на внутреннюю жизнь. Это размышление и медитация. С самого начала цивилизации были астрономы, на-

правлявшие свой взор к небесам, и были медитирующие мудрецы, обратившие дух в самих себя. Были техники и были мистики. А также было возможно поменять предназначение.

Сегодня призыв космоса усиливается: улететь, покинуть Землю, полететь к другим планетам, и даже еще дальше... Но само начало колонизации Вселенной уже предполагает солидаризацию землян. И даже если предположить, как в научной фантастике, существование большой конфедерации колоний вне Земли, то Земля все равно будет оставаться первой родиной, тем местом, где нет необходимости в искусственных системах, резервуаре кислорода, гигантских теплицах для растений и животных.

<...>

Внутренний призыв, долгое время игнорируемый и маргинализированный в западной современности, сегодня услышан как новый вызов: все больше людей то здесь, то там хотят избежать активизации, возбуждения, развлечений, стремясь к внутреннему умиротворению и спокойствию, которое приходит не от наркотика, а от воспитания духа.

Укрощение Земли не означает отказ от изучения материального мира и перспективы космического путешествия, или отказ от внутреннего поиска. Оба призвания будут жить в будущем; и то и другое берут свое начало от Земли, и оба вместе — в контакте с внеземным миром.

ЦИВИЛИЗОВАТЬ ЦИВИЛИЗАЦИЮ

Следование процессам очеловечивания, способствующее выживанию в железный век, призывает нас к реформе западной цивилизации, которая в стремлении достичь планетарного уровня, распространяется по миру как со всеми своими достижениями, так и со всеми своими бедами. Нет более трудной задачи, чем стремление к лучшему мироустройству.

Мечта самореализации каждого — искоренение всех форм эксплуатации и господства, достижение справедливого распределения благ, эффективной солидарности между всеми людьми, счастья для всех, и устранение тех, кто хотел навязать использование варварских методов, которые помешали бы нашему продвижению по пути цивилизации.

Все решения об устранении конфликтов и беспорядков, об установлении гармонии и ясности, привели к их

полной противоположности, и их катастрофические последствия налицо⁵.

Как нам показала история века, решимость достичь спасения на Земле привела к тому, что вместо рая на Земле устроили ад. Мы не должны снова впасть в иллюзию земного спасения. *Стремление к лучшему миру, который является нашей главной целью — не то же самое, что стремление к лучшему из миров.*

Таким образом, назовем ключевую проблему, которую мы будем рассматривать далее: это вопрос о серьезных препятствиях, выступающих в оппозиции от цивилизации к цивилизации, компрометируя саму возможность политики цивилизации.

ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Демократия маргинально рождена в истории наряду с деспотическими империями, теократиями, тиранией, аристократией, кастовой системой. Она остается маргинальной, несмотря на универсализацию демократических устремлений. И все же это наиболее цивилизованная политическая система.

Современная демократия является продуктом сомнительной истории, содержащей достижения и неудачи, в которой возникли, сохранились и развились ее принципы.

Первый демократический принцип — суверенитет народа предназначен именно для обеспечения этой верховной власти, ее самоограничения, посредством послушания законам и правилам, и периодической передаче власти выборным должностным лицам.

Изначально предназначенная для свободных людей, демократия обобщает свой принцип, признав, что все люди являются свободными и равными в правах. После демократии городов демократия государства с участием сотен тысяч или миллионов граждан, вызвала к жизни парламентский орган, институт разделения властей, чтобы защитить себя от злоупотреблений, которые неизбежно происходят от их концентрации, гарантии прав личности и защиты *privacy* (частной жизни).

Французская революция 1789 года создала демократические нормы, завершенные в 1848 г. троинным де-

⁵ То, что поддерживает скептицизм и нигилизм, признает существующий порядок и беспорядок, убеждает в неизбежности несправедливости или подлости, чтобы нам спокойно принять все зло, что происходит. И это разочарование со всей очевидностью увеличивает трудности для рассмотрения и реализации каких бы то ни было реформ цивилизации.

визом: Свобода, Равенство, Братство. Эта триада представляет собою комплекс, поскольку ее составляющие являются взаимодополняющими и антагонистическими: только одна свобода убивает равенство и братство; навязанное равенство означает смерть свободы и не осуществит братства; братство же есть фундаментальное требование для осуществления живой коммуитарной связи между гражданами⁶, которая должна регулировать свободу и сокращать неравенство, но эта связь не может быть принята или установлена законом или указом.

Наконец, социализм предложил демократизацию не только политической, но и экономической, и социальной организации общества.

Можно было бы подумать, что принципы, которые мы только что изложили, были достаточны для определения и обеспечения демократии. Но был необходим современный опыт тоталитаризма, чтобы выявить фундаментальную особенность, ранее недооцененную или неучтенную — ее живую связь с многообразием и конфликтностью.

Демократия предполагает и питает многообразие интересов и социальных групп, равно как и разнообразие идей, а это значит, что она не должна навязывать диктатуру большинства, но признавать право на существование и самовыражение меньшинств и протестующих, позволять выражение еретических и отклоняющихся от общепринятых мнений идей.

Демократия нуждается в консенсусе, основанном на уважении институций и демократических правил, и в то же время ей необходим конфликт идей и мнений, который придает ей витальность и производительность. Но жизнеспособность и продуктивность конфликтов могут сохраняться только при подчинении демократическим формам правления, которые регулирует противоречия заменой физических боев битвой идей и определяют предварительно через дебаты и выборы их победителя.

Таким образом, демократия, которая требует не только консенсуса, но и конфронтацию, представляет собой нечто большее, чем реализацию суверенитета народа. Это комплексная система политической организации и политической цивилизации, которая питает (сама питаясь из них же) автономию духа индивидуумов, их свободы мнений и выражения, и тринитарный идеал Свободы, Равенства и Братства.

⁶ См. Voir E. Morin, *Introduction à la pensée complexe* (op. cit.), где показано, почему социологическое братство имеет жизненно важное значение для повышения сложности обществ.

Этой системе, чтобы сформировать себя и пустить корни, нужны комплексные условия для себя самой. Демократия зависит от условий, которые, в свою очередь, зависят от ее осуществления (гражданственности, принятия правил демократии). Отсюда ее хрупкость.

Таким образом, мы видим трудности установления демократии после тоталитарного опыта. Правила игры демократии нуждаются в политической и гражданской культуре, образованию которой препятствовали десятилетия тоталитарного режима. Экономический кризис способствует эксцессам конфликтности, которые рискуют нарушить правила демократии, а поощрение националистического раздражения фаворизирует диктатуру экзальтированного большинства по отношению к мирному меньшинству.

Но и самому Западу знакомы трудности демократического роста, и не только потому, что демократизация его демократий не является завершенной и содержит в себе пробелы и недостатки, но также потому, что, как оказалось, на Западе появились процессы демократической регрессии.

Прежде всего развитие технократии устанавливает власть экспертов во всех областях, которые до тех пор управлялись с помощью политических дискуссий. Таким образом, ядерная технология ставит граждан, парламентариев и даже министров вне принятия какого-либо решения в области применения оружия; вопрос о внедрении этого нового источника энергии чаще всего решается без участия граждан.

Технонаука захватила области, до сих пор входившие в компетенцию только биологии и социологии, такие как отцовство, материнство, рождение, смерть; уже можно зачать ребенка не зная его отца, даже без участия живого отца; зачатие вне матки, уже стало возможно диагностировать плод для устранения несоответствий, и в скором времени будет возможно выполнить пожелания родителей и соответствия социальным нормам.

Эти проблемы не вошли ни в политическое сознание, ни в демократическую дискуссию, за исключением права на аборт.

Рассматривая проблему более глубоко, растущий разрыв между сверхспециализированной эзотерической технонаукой и знаниями, которыми обладают граждане, создал двойственность между носителями знаний, чьи знания, между прочим, разорваны, ибо не в состоянии рассматривать их в контексте или глобально, — и знанием непосвященных, то есть всех граждан.

Это приводит нас к необходимости работать в направлении демократизации знаний, то есть когнитивной демократии. Эта задача может показаться абсурдом технократам и чиновникам от науки либо может показаться неосуществимой для самих граждан: она может быть осуществлена только путем преимущественного распространения знаний после выхода из студенческого возраста и после окончания учебы в университетах⁷, и особенно осуществления реформы мышления, которая позволила бы соединять знания друг с другом.

В то же время, повышение экономической конкуренции между странами, особенно в условиях экономической депрессии, способствует сокращению политики до экономики, и экономика становится постоянной политической проблемой.

Так как кризис идеологий и идей происходят одновременно, признание примата экономики определяет слабый консенсус, ослабляющий демократически жизненно важную роль в конфликте идей.

Но в то же время демократия регрессирует социально: после сокращения неравенства в связи с усилением роста до начала 1970-х годов, экономическая конкуренция и исследование производительности отказались от увеличения доли работников, в то время как гетто иммигрантов-пролетариев отделяет их от партии, всегда противостоящей обществу.

Технократы, вполне способные адаптировать людей к техническому прогрессу, но не в состоянии приспособить технологические достижения на службу людям, не могут представить новые решения для реорганизации работы и распределения богатства. Так начала складываться «двойственность» общества, которая, в случае сохранения дефицита демократии, станет нормальным обществом.

Соответственно, крах больших надежд на будущее, глубокий кризис революционности, истощение реформизма, день ото дня рост идеи прагматизма, неспособность сформулировать грандиозный проект, ослабление конфликта идей в пользу конфликтов интересов или этнических или религиозных этноцентризмов, — все это поддерживает склероз партий, ослабляет участие, но в то же время держится за счет этого склероза и ослабления.

⁷ Создание в CNRS офиса «Наука и граждане» стало планом действий в этом направлении.

И в этой демократической регрессии кроются большие проблемы цивилизации, о которых мы говорили выше; они остаются частными, вместо того чтобы войти в политическое сознание и общественный дискурс.

Таким образом, в западных обществах в многообразных формах встает ключевая проблема о дефиците демократии, то есть о необходимости восстановления демократии, в то время как во всем мире существует проблема ее создания.

Проблема демократии является планетарной проблемой, представленной в разных формах.

Широкое стремление к демократии создает трудности для ее широкого распространения. Демократия зависит от цивилизации, которая, в свою очередь, зависит от демократии.

Мы находим противоречия в наших целях. Мы должны противостоять силам, которые угрожают демократии, и сохранить то, что может быть уничтожено этими силами, и в то же время еще мы должны способствовать росту демократизации и продвижению человечества по этому пути, делая демократизацию в конечном итоге важнейшей целью эволюции человечества.

ФЕДЕРАЦИЯ ЗЕМЛИ

Цивилизация цивилизации требует интернациональной коммуникации между обществами и, более того — их органического объединения в масштабе планеты. Эта цель становится очевидной, когда на всех континентах национальные государства исчерпали свою историческую функцию освобождения от колонизации и, в свою очередь, становятся все более способными подчинить себе меньшинства.

Какой же путь есть помимо национального государства? Мы уже отмечали, что национальное государство представляет собой значительную антропологическую и историческую силу: силу матрипатриотического мифа, религиозную силу (культ обожествления нации) и организующую силу современного государства.

Провал Коминтерна в XX веке, дебилизм глобализма, трудности образования в Европе показывают многоуровневую реальность национального государства. Сегодня общее требование к национальному государству, представленному бесчисленными нацио-

нальностями, направлено на признание суверенитета, безусловно, законным путем, но также и в противоположном направлении — на необходимость преодоления этого статуса.

Кроме того (и мы повторим это еще раз): если национальное государство стало достаточно сильным, чтобы массово уничтожать людей и общества, это значит, что оно стало слишком слабым, чтобы иметь дело с большими, ставшими планетарными проблемами; и оно стало слишком жирным, чтобы заниматься конкретными и специфическими проблемами своих граждан.

Смена масштабов, связанная с развитием экономической глобализации, привела *de facto* к выходу за пределы полномочий национального государства. Национальное государство во всевозрастающей степени проявляет свою несостоятельность в деле сохранения культурных идентичностей, которые становятся провинциальными и защищают себя просто тем, что просят государство сократить свои полномочия.

Выход за пределы национального государства должен повлечь за собой сокращение государственной бюрократии, что будет полезно, потому что «каждое государство обязано рассматривать свободного человека как шестеренку»⁸.

Факт устаревания национального государства не означает его ликвидацию, скорее, его интеграцию в более крупные объединения, а также ограничение его абсолютной власти над жизнью и смертью этнических групп и отдельных лиц. Именно в этом смысле можно было бы представить себе «право на вмешательство», — но с сохранением всех навыков для решения всех тех проблем, которые оно может решить на своем уровне (принцип субсидиарности).

Переход национального государства к более крупному объединению может иметь право на жизнь, а значит — быть реализованным, только в том случае, если европейцы признают матрипатриотическое качество в Европе, африканцы — в Африке, латиноамериканцы в Латинской Америке и т.д., и если каждый в отдельности и все вместе признают это качество на Земле, ведь она, собственно, и является нашей родительницей, нашим отечеством и нашей матерью-родиной, нашим домом для всех людей, живущих на земном шаре.

⁸ Программа, названная немецким идеализмом, приписанная Гельдермину, Шеллингу, Гегелю.

Во всяком случае, планетарная ассоциация является минимальным рациональным требованием для мира, ставшего маленьким и взаимозависимым. Нужно уже сейчас, внутри этой ассоциации рассмотреть вопрос о планетарном гражданстве, которое гарантировало бы права для всех землян. Эта идея, которая в настоящее время кажется утопической, была, однако реализована указом Каракаллы в 212 г. н.э., который предоставил римское гражданство всем жителям Римской империи, которая тогда, в его собственных глазах, являлась целым миром.

Должна появиться новая геополитика. Геополитика планеты не будет, как прежде, концентрироваться на интересах народов и империй, а будет подчинена императивам всего объединения: создавая не зоны стратегического и экономического влияния, а кооперативные связи между областями. Геополитика может победить, только создавая возможности для сближения многообразных путей подхода.

ООН должна стать центром этой децентрализации и в то же время выступать в качестве планетарной полиции в случаях, когда одно государство нападает на другое государство, нацию, этническую группу, ожидая возможности располагать достаточными демократическими силами всего мира и непосредственно действующими силами для принятия мер по восстановлению демократии везде, где она была нарушена.

Новая геополитика также должна способствовать формированию нового планетарного целостного организма, связанного с ООН, с определением совместных программ по жизненно важным проблемам, как в Рио-де-Жанейро в 1992 году. Она должна способствовать рассмотрению множества транснациональных, международных метанациональных объединений, извлекая из них исторический опыт, например, как опыт Ганзейского союза, Священной Римской империи германской нации, опыт самой Римской империи; не имитировать, а стимулировать их воспоминания и перспективные инновации.

Для конкретизации этих возможностей, по словам Жана-Мари Пелта, будет необходимо «мировое общественное мнение». Будет необходимо и планетарное гражданство, глобальное гражданское сознание, мнение ученых и интеллектуалов на мировом уровне, мнение политики на уровне всей планеты. Мы этого даже еще не начинали. И тем не менее эти шаги станут предпосылками для глобальной политики, которая, в свою очередь, также будет условием формирования и осознания этих мнений.

Объединение людей, к которому мы стремимся, не может (мы уже говорили об этом в других книгах⁹ «быть основано на модели господства белой расы, господстве старой технологической западной цивилизации; более того, это объединение должно создавать и пробуждать цивилизационные ферменты широких слоев населения планеты — женщин, несовершеннолетних, стариков, всего многонационального и многокультурного мира...»

Речь идет о том, чтобы идти к универсальному обществу, основанному на гении разнообразия, а не на бездарности гомогенизации, что приводит к двойному императиву, несущему нам свои противоречия, к требованию, которое может быть выполнено только при условии:

- 1) повсюду сохранять, расширять, культивировать, развивать единство;
- 2) повсюду сохранять, расширять, культивировать, развивать, разнообразие.

Отсюда этот парадокс: нужно оберегать, сохранять культуры и одновременно открывать их. В этом, впрочем, нет ничего нового: источник всех культур, включая те, которые кажутся наиболее своеобразными, — это встреча, объединение, синкретизм, смешивание. Во всех культурах есть возможность усвоить то, что поначалу было им чуждо, по крайней мере до определенного порога, который меняется в зависимости от их жизнеспособности: за ее пределами именно эти культуры в настоящее время ассимилированы и / или дезинтегрированы.

Таким образом, в комплексе двойной императив, в котором мы не можем отменить внутреннее противоречие; но это противоречие может оказаться устаревшим и не являться необходимым для жизни культур. Мы должны защищать и поощрять культурное своеобразие и одновременно способствовать их смешению и скрещиванию, связать защиту самобытности и пропаганду распространения смешанной и космополитической универсальности, которая стремится уничтожить это культурное своеобразие.

Как интегрировать без потерь? Проблема стоит драматично для архаичных культур, таких как культура эскимосов. Нам нужно знать, как помочь им пользоваться благами цивилизации: здравоохранением, технологиями, комфортом и т.д. Но также нам необходимо найти возможность помочь им сохранить секреты их собственной

⁹ Е. Морин, г-н Kattel-Palmarini, *Единство Человека*, собр. соч., с 350-355.

медицины и методов лечения, их шаманизма, их охотничьих навыков, знаний о природе и т.д. Нужны такие сподвижники, как известный французский исследователь Севера Жан Малори, которые приходят к архаическим народам, в отличие от религиозных или светских миссионеров, вовсе не для того, чтобы упрекать их за верования и обычаи...

Не следует забывать, что метисация (*métissage*) всегда воссоздавала разнообразие, поощряя многообразные связи. Александр Македонский в каждом завоеванном городе Азии выдавал несколько сотен молодых девушек замуж за своих македонских воинов, и города, через которые он прошел или основал, стали великолепной матрицей эллинистической цивилизации и источником смешанного эллинобуддистского искусства. Римская цивилизация, сама очень рано пережившая смешение народов, ассимилировала в себе все греческое наследие античности. Она сумела интегрировать в своем пантеоне большое количество чужих богов, интегрировать в свои территории варварские народы, которые получили римское право, сохранив при этом свою этническую идентичность.

Художественное творчество питается влияниями и слияниями. Например, такая традиция, как фламенко, которая сегодня нам представляется наиболее аутентичной и оригинальной, на самом деле является продуктом слияния разных традиций. Так же как и сами андалузцы, возникшие как народ в результате взаимопроникновения и арабов, евреев, испанцев и их трансмутаций с болезненным гением цыганского народа. Таким образом, в танце фламенко мы можем видеть и слышать плодovitость и опасность двойного императива, смысл которого состоит в необходимости сохранить свою самобытность (корни) и в то же время открыться для чужих влияний (для мира).

Говоря о сохранении культурного своеобразия, следует заметить, что именно благодаря интересу некоторых французских любителей началось сначала изучение, а затем и возвращение к истокам песен *cante jondo*, традиция которых в значительной степени деградировала.

Благодаря старым записям были также возвращены к жизни *recopilaciones* — забытые и жившие в лишениях исполнители, которые теперь снова стали мэтрами и в уважении и признании воспитывают новое поколение исполнителей, сегодня уже восстановившее свои силы.

Культуры должны быть открыты различным влияниям. Например, в испанской музыке, вначале наблюда-

ется дегенерация, затем интеграция разных источников в музыку Альбениса и Де Фалья. Затем, наконец, следуют интересные новые смешения со звучаниями и ритмами, пришедшими из Америки (например, ритмы джаза или рок-музыки)...

Вначале джаз был афро-американским гибридом, своеобразным ньюорлеанским продуктом, распространился в Соединенных Штатах и был известен во множестве вариаций, не мешая существованию предыдущего стиля, и вовсе не обрекая его на исчезновение.

Джаз становится музыкой черных и белых, его слушают, под него танцуют, потом его играют белые, и во всех этих формах он распространяется по свету, хотя старый стиль *New Orleans*, очевидно, заброшенный в источнике, переживает своё новое рождение в подвалах Сен-Жерменского предместья в Париже, возвращается в США и снова поселяется в Новом Орлеане.

Затем, после встречи с *rhythm and blues*, уже среди белых в США, появляется рок, чтобы распространиться по всему миру, акклиматизироваться во всех языках, каждый раз принимая новую национальную идентичность.

Сегодня в Москве, Пекине, Кантоне, Токио, Париже танцуют, празднуют под джаз и рок, слушают концерты рок-музыкантов — молодежи всех стран доступны и понятны эти ритмы, эти песни.

Таким образом, не только для самого плохого, но часто также и для самого хорошего, при этом не теряя самих себя, музыкальные культуры всего мира оплодотворяют друг друга, ещё не зная, впрочем, что они дают жизнь планетарному поколению детей.

Нужно позволить людям и культурам общаться, идти к диверсифицирующему смешению, которое уже, само по себе является манифестацией разнообразия.

Несущие проклятия запреты, в эпоху диаспоризации людей образовавшие иммунную защиту архаических культур и догматических религий, стали препятствием для коммуникации, для творчества, для понимания между людьми в планетарную эру.

В первое время «смешение» стиля рассматривалось как конфузия. Люди смешанных этний и религий маргинализировались их родовыми коммунами, как бастарды и еретики. Они были жертвами и мучениками, но также и пионерами любви и понимания в межкультурном процессе.

Большие цивилизационные пространства античности Средиземноморья и ислама, так же как и великие современные империи, видели развитие таких многонациональных городов, как Александрия, Рим, Багдад, Кордова, Стамбул, Вена. Затем современный национализм, одержимый единством, изгнал разнообразие, как это произошло с народами в странах бывшей Османской империи, Ливана, Алжира, как это было сделано в СФРЮ, в СССР, в Северной Корее, в коммунистическом Китае.

Но в обеих Америках начался другой процесс — хотя и после непоправимого культурного уничтожения. Были основаны новые города-космополиты, такие как Нью-Йорк, Сан-Франциско, Лос-Анджелес, Сан-Пауло. Большие населения метисов стали численно доминировать в Бразилии, Мексике, Венесуэле, повсюду они создавали свою оригинальную культуру. Пока еще не смешиваются (и все еще относятся со многими предубеждениями и даже отвращением друг к другу) белые, чернокожие, китайцы, латиноамериканцы и индейцы, хотя и живущие в Соединенных Штатах бок о бок. Многие до сих пор придерживаются традиционных идеалов и образа жизни. Но в то же время продолжается трагедия ликвидации малых цивилизаций (как например культура амазонских индейцев), и то, что у выживших становится результатом шока столкновения с белыми, на самом деле не метисация, а катастрофическая дезинтеграция.

Стать на самом деле гражданами мира, то есть космополитами, — значит бдительно охранять культурное наследие, относясь к нему с уважением, а также пониманием того, что оно нуждается в восстановлении.

Слово «космополит», что в буквальном смысле означает «гражданин мира», а в конкретном — «сын Земли» — мы понимаем именно в этом значении, а вовсе не как абстрактного индивидуума, потерявшего свои корни и «родства не помнящего». Мы стремимся к развитию контактов и связей в масштабе всей планеты, мы призываем к смешению наций и культур, при условии, что это будет симбиоз, а не поглощение одной цивилизацией субстанции другой.

Удостоверение личности нового гражданина Земли несет черты сходства с концентрическими идентичностями, если говорить о семейной, локальной, региональной, национальной идентичности. Западная идентичность, даже если она будет интегрирована в планетарную идентичность (к чему мы и стремимся), интегрирована своими компонентами, ведущими свое происхождение из других цивилизаций, должна будет рассматриваться в качестве составной части общей земной идентичности, а не только своей личной.

Интернационализм хотел создать единство народов на всей Земле. Глобализм стремится сделать из мира единое государство. Речь идет о том, чтобы сделать из человеческого вида — человечество, из планеты — общий дом со всем многообразием человеческих культур.

Общество / мировое сообщество идет по пути достижения этого единства и разнообразия.

Да, но эти великие идеи, красивые слова, риторика... имеют ли они шанс на существование в этом мире, о котором мы рассказали в предыдущих главах, мире, содрогающемся в конвульсиях от неспособности изменить себя?

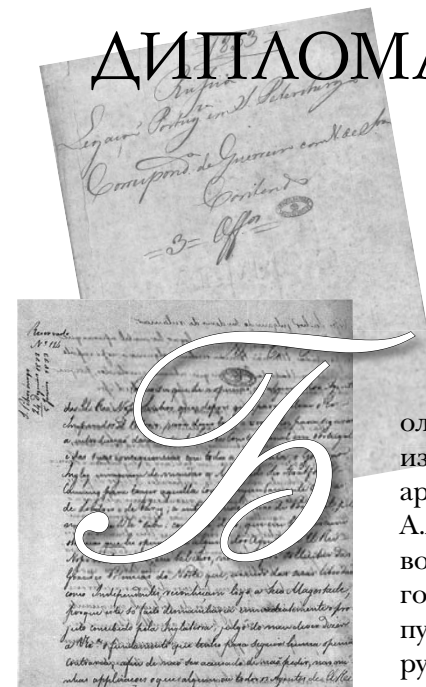
Перевод Галы Наумовой

Галина Наумова

К.ф.н., культуролог, автор проекта «На перекрестке культур» – встреч французских и российских интеллектуалов, президент ассоциации MIRCLES, Франция

«Этот бедный, бедный Геррейро» ДИПЛОМАТ РАФАЭЛЬ ГЕРРЕЙРО

Светлана МРОЧКОВСКАЯ-БАЛАШОВА

Более ста лет назад Российская Академия наук получила из Парижа — в дар от сына Н.И. Тургенева — огромный архив братьев Тургеневых: письма, дневники, документы. А.А. Фомин¹, историк литературы, содействовавший возвращению этого сокровища на родину, на многие годы погрузился в него — читал, изучал, понемногу начал публиковать. Пушкинисты возрадовались — наконец-то, в руках у них документы пушкинской эпохи. Зачался рассвет пушкиноведения — легенды, устные новеллы, предания замутненной памяти доживающих свой век, — на чем до сих пор оно в основном и зиждилось — теперь можно подтвердить или опровергнуть их личными бумагами. Ушли из жизни последние свидетели пушкинской эпохи — не возропщут, не опровергнут, не возмутятся нарушением этики. На опубликованное Фоминым в 1908 г. письмо А.И. Тургенева к двоюродной сестре А.И. Нефедьевой² — от 1 февраля 1837 из Петербурга³ — с ковшом на бразу налетели исследователи. Смаковали, цитировали — по сей день цитируют — почти во всех статьях о дуэли и смерти Пушкина. Но что же такого в этом письме? Чем вызвано к нему внимание пушкинистов? А вот чем — живым, под непосредственным впечатлением, рассказом о прощании с Пушкиным петербургского общества:

«Одна такъ называемая знать наша или высшая Аристократія не отдала послѣдней почести Генію Русскому: она толкуетъ, слѣдую модѣ, о народности и пр., а почти никто изъ высшихъ чиновъ двора, изъ Генерал-Адъют. и пр. не пришелъ ко гробу П. Но она, болтая по-французски, по своей Русской безграмотности, и не въ правѣ печалиться о такой потерѣ, которой оцѣнить не могутъ».

Письмо Тургенев дописывал после возвращения из Конюшенной церкви⁴, где проходил ритуал и «едва достало мьста и для блестящей публики» (генерал-адъютанты, чины двора, некоторые министры, послы «с женами и со свитами»). И присовокупил: «<Послы> французский съ разтроганымъ выраженіемъ, искреннимъ, такъ что кто-то прежде, слышавъ, что изъ знати немногіе о П. жалъли, сказали: Барантъ и Геррера sont les seuls Russes dans tout cela!»⁵

«Единственно русские» оказались иностранцами. Чувствования-то не имеют национальности. Дух дышит, где хочет. Эти двое горевали о гибели Поэта так, как горевали о нем в те дни все имеющие память и сердце. Казалось, только после смерти Пушкина осозналось: он «был собственностью не одной России, но целой Европы, — чуть позже скажет уже другой его друг — Жуковский, — потому-то и посол французский (сам знаменитый писатель) приходил к дверям его с печалью собственной; и о нашем Пушкине пожалел как будто о своем»⁶. Этой неподдельной скорбью он, Барант, и Геррера выделялись из заполнившей храм толпы равнодушных. Отдававших лишь дань ритуалу.

ТАИНСТВЕННЫЙ «ГЕРРЕРА»

Тарон Проспер де Барант⁷ не нуждается в особом представлении — он уже прочно занял свое место в Летописи жизни Пушкина. В ней зафиксированы беседы Пушкина с Барантом о русской и французской истории и литературе, литературном законодательстве и авторском праве в России (о чем письмо Пушкина Баранту от 16.12.1836 г. «относительно правил, определяющих литературную собственность в России»). Обсуждали они и тему, животрепещущую для обоих (Баранта как историка, Пушкина как автора исторических новостей), — бесправное положение низших сословий в России, крестьянские восстания и, в частности, Пугачевский бунт. Его описание в «Капитанской дочке» так заинтересовало Баранта, что он даже предложил автору совместно перевести эту повесть на французский язык. А Пушкин, растроганный его интересом к русской истории, доверительно дал ему почитать свой рукописный экземпляр секретных *Записок Екатерины II*. Их светские встречи на раутах и приемах сменялись беседами в гостиных дипломатов (в том числе и самого Баранта), салонах литераторов

Портрет Проспера де Барант с дочерью. Фото: Ильяса Ферриса, 1851 г.

и совсем в узких кружках — у Фикельмонов, у друзей Пушкина — П.А. Вяземского, В.А. Жуковского, Михаила Виельгорского и того же А.И. Тургенева.

С последними Барант общался особенно охотно и не менее часто, чем с министрами и послами. Он же привлекал их своей разносторонней образованностью, занимательными беседами и удивительной душевностью. «Барант пленял нас своею тихой, классическою разговорностью (*causerie*), оживотворяя ее анекдотами» (А.И. Тургенев)⁸. «Де Барант очарователен в узком кружке, всегда в ровном настроении, кроткий, мудрый в своих суждениях, сердечный и, прежде всего, почтенный человек». И далее: «Он друг нашей семьи» (Долли Фикельмон)⁹.

Однако о другом из названных Тургеневым Геррера — ноль информации! Полагали, что, вероятно, дипломат, коли присутствовал на церемонии отпевания Пушкина — из иностранцев подобной чести удостоились лишь послы «с женами и со свитами». Не смогла атрибутировать его и итальянская пушкинистка Серена Витале, автор популярной, переведенной на многие языки книги «Пуговица Пушкина»¹⁰. Отсутствие каких-либо сведений о нем в европейских лексиконах навело ее на мысль, что имя в рукописи письма прочитано ошибочно. И

подвигло на поистине Соломоново решение: опустить Геррера из приводимой ею цитаты Тургенева — во избежание ответа на неразрешимый вопрос...

Проблема оказалась в том, что в оригинале письма это написано по-русски, причем искаженно — Геррера, а не Геррейро (как потом выяснилось), а его латинская транслитерация была неведома.

Во время работы над комментариями к Дневнику Долли Фикельмон я сама «напоролась» на эту проблему. И упорно пыталась ее разрешить. Для начала прибегла к возможностям всеильного Интернета. Переворшила его ресурсы (английские, испанские, латиноамериканские), пробуя различные варианты возможного написания этой фамилии на латинице: Gerrega, Herrera, Heurtega... Безрезультатно — поисковики выдавали имена футболистов, спортсменов, менеджеров, поэтов, артистов, музыкантов... Но только не дипломатов. Мистика какая-то! Ведь был же, был Геррера, и пребывание в Петербурге засвидетельствовано письмом А.С. Тургенева.

Загадка не давала покоя. А что если заглянуть — просто так, на всякий случай — в Санкт-Петербургский Некрополь?¹¹ Заглянула — и сразу же, на соответствующей букве, увидела эпитафию, воспроизведенную с могильной плиты того, кого одержимо искала более двух месяцев. А в ней — имя, правильное написание фамилии, да еще «биографическая справка»:

Геррейро-Дакрузъ, Рафаэль, чрезвычайный посланникъ и полномочный министр Португальскаго короля при Петербургскомъ Дворѣ, командоръ ордена Христа-Спасителя, кавалеръ св. Станислава и св. Морица Сардинскаго малаго креста, р. въ Лиссабонѣ 15 октября 1772 † въ Петербургѣ 9 февраля 1844. Надпись по-французски (Смоленское евангелическое кладбище).

Найти это или нечто иное, но удача невероятная — резюме с несколькими зацепками! Полное имя помогло установить его латинскую транскрипцию — Rafael Guetteiro da Cruz. А та, в свою очередь, объяснила русское произношение всплывшей в памяти фамилии некоего Гверрейро — первого мужа П.А. Зиновьевой, урожденной Сверчковой. Ассоциация оказалась вовсе не случайной. Экскурс в генеалогию рода Геррейро привел к озадачивающим результатам: Праксилья Алексеевна Сверчкова значилась второй (!!!) супругой Рафаэля Геррейро. Выходит, португальский дипломат обзавелся в Петербурге русской женой?! Пришлось покорпеть, чтобы добраться до истины. Но об этом позже.

А пока о другой зацепке, приведшей к другому открытию. В двухтомнике А.М. и М.А. Гординых «Былой Петербург»¹² упоминается португальский посланник в Петербурге Г.-Р. Декрозе. Вторая составляющая фамилии Геррейры — Дакруз помогла разобраться с этим кавардаком (слово не столь уж неуместное в данном случае, по Лескову: бестолковщина, путаница, неразбериха) в информации о посланнике Португалии. Бесспорно, он и есть тот самый Геррера. Пусть и названный не по родовому имени, а по приставке к нему, которой удостоился как командор Ордена Христа¹³. Причем воспроиз-

Дом на Английской набережной, 39, дом Ралля — резиденция Рафаэля Геррейро Дакруз в Петербурге

веденной буквально с ее французской транскрипции De Croze. Настоящую же фамилию публикаторы приняли — судя по указанным инициалам Г.Р. — за его имя. Но важно здесь другое — адрес португальского посланника в Петербурге: Английская набережная, 39, дом Ралля и год проживания по нему: 1837. Год смерти Пушкина! А значит... Значит, должно существовать и его донесение о трагическом событии, взбудоражившем всю Россию, — гибели ее величайшего Поэта? Подобное тем, которые отправили своим правительствам все аккредитованные в России дипломаты иностранных держав. Вот оно фактически первое из обнаруженных мною в пушкиноведении свидетельств о существовании Геррейро! Однако оно тут же породило множество вопросов.

— Почему П.Е.Щеголев¹⁴, потративший 15 лет на изыскания документов о Пушкине, в том числе и в архивах иностранных МИД, выцарапавший из них, казалось бы, все донесения дипломатов о смерти Поэта, обошел вниманием португальского

посланника? Не только не попытался разыскать его депеши, но вообще не упомянул его имени в своем многотрудном исследовании?

— Чем объяснить отсутствие в русских источниках сведений о нем? На какие годы приходился его мандат в России?

— Почему он продолжал оставаться в Петербурге, после того как дипломатические отношения с Португалией были прерваны? А его прах остался в Петербурге и не перевезен на родину? Почему, почему?..

Библейское «ищите да обрящите», помноженное на упорство и желание воскресить еще одно имя из окружения Пушкина, принесло плоды — почти на все «почему» найдены ответы. Хотя порою я и подтрунивала над своей рьяностью: «А что в конечном счете? Ну, добавлю еще одну звездную пылинку к мириадам других в хвосте блистательной кометы?! И вообще, откуда такая уверенность, что пути Поэта и дипломата пересеклись и они «встретились»? Априори сие само собой разумеется — не могли не встретиться. Но ведь нет свидетельств, подтверждающих факт их знакомства?!»

Князь А.В. Трубецкой.
Фото

Ан нет, давно существует! — прямое, очевидное, но не привлечшее внимания исследователей, поскольку не было известно имя португальского посланника в Петербурге 1837-го, а еще... — из-за скептического отношения к самому свидетелю — автору «марзаматических» воспоминаний князю А.В. Трубецкому. Среди множества другого, переданного князем, и нижеследующий эпизод:

«Как теперь помню: на Святках был бал у португальского, если память не изменяет, посланника, большого охотника. Он жил у нынешнего Николаевского моста¹⁵. Во время танцев я зашел в кабинет, все стены которого были увешаны рогами различных животных,

убитых ярым охотником, и, желая отдохнуть, стал перелистывать какой-то кипсек. Вошел Пушкин. «Вы зачем здесь? Кавалергарду, да еще не женатому, здесь не место. Вы видите, — он указал на рога, — эта комната для женатых, для мужей, для нашего брата». — «Полно те, Пушкин, вы и на бал притащили свою желчь; вот уж ей здесь не место»... Вслед за этим он начал бранить всех и вся, между прочим, Дантеса, и так как Дантес был кавалергардом, то и кавалергардов. Не желая ввязываться в историю, я вышел из кабинета и, стоя в дверях танцевальной залы, увидел, что Дантес танцует с Natalie¹⁶.

А между тем, в этой «небылице» Трубецкого несколько драгоценных камушков: амикошонство Пушкина с португальским посланником (запросто, панибратски, зашел в кабинет к официальному лицу); живинки к все еще не воссозданному портрету Геррейро: заядлый охотник, любитель искусства, кипсеков — роскошных фолиантов с репродукциями картин, рисунков, гравюр. А самый крупный камушек — с виду тусклая стекляшка¹⁷ — ежели огранить, может оказаться алмазом: в 1837 португальский посланник продолжал устраивать собрания в посольской резиденции. Остается выяснить, в качестве кого устраивал — обычного светского человека, воздающего дань святым дням — Святкам, или официального дипломатического лица, обязанного к этому протоколом¹⁸?

В последнем случае сие событие — своеобразный политический нонсенс, если учитывать, что в период 1828–1842 дипломатические отношения между Португалией и Россией фактически были прерваны. Граф Лев Северинович Потоцкий¹⁹, назначенный в январе 1828 г. российским посланником в Португалию, не был отправлен в Лиссабон «по политическим обстоятельствам». Хотя формально — с местонахождением в Петербурге — и числился таковым до 20.1.1833 года²⁰. А что же Геррейро? Продолжал, как ни в чем не бывало, именовать себя посланником, развлекаться охотой и веселиться на петербургских балах?

Несомненно — разрешить этот ребус помогут только архивные документы МИДа Португалии. Однако как до них добраться? Написала письмо в российское посольство в Болгарии, просила о содействии МИДа России. Проявили интерес, обещали помочь. Но зов мой потонул в более важных государственных делах... Ничего другого не оставалось, как снова обратиться к Интернету. Может, на португальских ресурсах сети уже что-нибудь «выложено»?

Сориентированный в нужном направлении электронный мозг сразу же стал выдавать информацию. Сначала шла мелочевка — недостоверные, как потом оказалось, генеалогические сведения о Геррейро; две статьи из журналов «Almanack Braziliense»²¹ и «The Hispanic American Historical Review». В последней — «Становление российско-бразильских отношений (1808–1828)» Рассела Бартли — имя Геррейро упоминается лишь в ссылке на его депешу из Петербурга. Но зато указывается место ее хранения — ANTT — Португальский национальный архив Торре да Томбо²². Обескураживающее сведение! Позже, после виртуального знакомства с португальским писателем и историком Хосе Нортоном — Его Величество случай подбросил! — узнала, что архив Геррейро занимает два огромных бокса. Извлеченные из него два первостепеннейших документа я обнаружила в цифровой версии на Интернете: о назначении Рафаэля да Круз Геррейро посланником в Петербург и об отстранении его с этого поста. Оба опубликованы в правительственной газете «LISBOA».

Документ 1-й: в списке дипломатических назначений от 3 июля 1823 и имя Геррейро:

Чрезвычайным посланником и Полномочным министром при Е.В. Императоре всея Руси Рафаэля Геррейро да Круз (назначенного после начала Революция 1820 г. министром в Стокгольм), продолжающего занимать пост поверенного в делах в Лондоне.

Документ 2-й: акт от 3 августа 1833 об отставке нескольких заграничных дипломатов высшего ранга, в числе которых посланники Португалии в Берлине, Вене, Париже, Мадриде, Неаполе, Стокгольме. Третьим — в порядке перечисления — назван министр в Петербурге Рафаэль да Круз Геррейро. Вроде бы правительственное постановление, а изложено неофициальным языком. Витиеватый стиль сразу же выдает ее автора — романтика на троне дон Педру — бывшего короля Португалии и тоже бывшего, в ту пору, императора Бразилии²³. Даже уничтожительная мотивация отстранения коробит высокопарностью выражений. Судите сами: «дипломатические агенты (это о достопочтенных посланниках — цвете португальской дипломатии), потерявшие доверие... нарушившие служением Узурпатору присягу... нанесшие большой ущерб своему Суверену и Португальской чести... опорочившие при-

нцип легитимизма...» Видимо, сам сомневающийся в своем правомочии издавать столь грозное распоряжение²⁴, дон Педру старается поднести его в виде ре-комендации. Однако то и дело сбивается с ритма и завершает «наказ» своему премьер-министру²⁵ строгим предписанием: *исполнение надлежит*. Затем вновь сомнение — *а в каком качестве и звании? А как подписаться?* После размышлений поставил скромную подпись: **D. Pedro, duque de Braganca**. Не посмел добавить другой сомнительный титул — *герцог Бурбонский*, которым он «щегольнул» в письме от 9 июля 1831 королю Великобритании Вильгельму IV. Эта «дерзость» очень быстро долетела до португальского посольства в Петербурге. Уже 7/19.08.1831 Командор Геррейро в письме к гр. Нессельроде²⁶ заострил его внимание на спекулятивности этой незаконной приставки: *«Следует позаботиться о том, чтобы он не прибавлял к своему титулу (почти наверняка с задней мыслью) имени Бурбонский, права на которое никогда не имелось ни у него, ни у кого-либо другого принца его семейства»²⁷.*

СТРАСТИ ПО ГЕРРЕЙРО

И з-за сложных династических португальско-бразильских проблем Геррейро было нелегко исполнять обязанности португальского посланника при петербургском дворе. Очень скоро после его приезда в 1824 в Петербург произошли события, потрясшие Россию: смерть Александра I, восшествие на престол Николая I и восстание декабристов. Не отдышался еще от бунтарской лихорадки на родине, как попал — *из огня да в полымя* — в чужую передрыгу. После расправы с декабристами молодой император стал ярым противником всяческих переворотов, всяческих попыток насильственного свержения законных правителей. Его отношение к событиям в Португалии, Бразилии, а затем во Франции²⁸ убеждают в этом. Вплоть до 1828 г. царь отказывался признать за Педру I титул императора Бразилии. А потом так же упорно он игнорировал Дона Мигеля²⁹, «узурпировавшего» в 1828 г. власть в Португалии и втянувшего ее в гражданскую, так называемую *Либеральную войну*. Но разобраться в том, был ли Мигель узурпатором или защищал свое легитимное право на наследование престола, не могут даже португальские историки. События мировой истории XX века заставили многих из них усомниться в категоричности

прежнего приговора Мигелю I. Хосе Нортон — сам историк — посоветовал мне закавычить «узурпатора» и пояснил: «По прошествии стольких времен некоторые из нас, португальцев, все еще не могут с уверенностью сказать, кто был прав Дон Мигель или дон Педру вкупе с Марией. Так что будьте нейтральны, как царь Николай I в своей политике».

Вот тут-то самое время рассказать о том, как я познакомилась со своей «палочкой-выручалочкой» Хосе Нортоном³⁰. Связала нас Фикельмон. Вернее, ее дневник. Русского языка Хосе не знает. Поэтому пытался раздобыть французский оригинал записок Долли, дабы «ознакомиться с жизнью Петербурга той эпохи». С этой просьбой и обратился на мой пушкинский сайт³¹, пояснив: «Войти в русский быт мне необходимо для книги, над которой сейчас работаю». Ее героиня — португальская графиня Юлиана да Ега, урожденная де Алмейда Хоейнхаузен, в будущем гр. Юлия Петровна Строганова³². Пожалуй, самое удивительное в этой истории даже не то, что Провидение связало меня с португальским исследователем, сопричастным — именно в то же время той же эпохе (что позволило ему, не отклоняясь особенно от дела, прислать мне немало архивалий о Геррейро). А другое — совершенно неожиданное — обстоятельство: Строганова оказалась «истинным» другом Геррейры, потерю которого «горько оплакивала». Ее письма помогли прояснить многие моменты «скорбной» жизни посланника в Петербурге³³...

Хосе подсказал мне и таки существующий «лексикон» со статьей о дипломате Геррейро в Grande Enciclopédia Luso Brasileira (т. XII). И даже прислал мне ее копию.

Собранные из различных источников сведения, словно элементы пазла, сложились в картину дипломатической карьеры Геррейры:

Чиновник Министерства Иностранных дел, был первым дипломатическим представителем Португалии в Дании в 1796–1797. С 1812 занимал должность, вероятно, в ранге первого секретаря в посольстве Португалии в Лондоне. С 1820 — министр в Стокгольме (определен на этот пост Советом короля 22.10.1818), одновременно исполняя обязанности временного поверенного в делах Португалии в Лондоне.

Жуан (Иоанн) VI
король Объединенного
королевства Португалии,
Бразилии и Алгарве

Остальное уже известно — и о его назначении в Россию, и об отстранении с поста. Осталось выяснить, почему он оставался в Петербурге до конца жизни.

До рокового 1828 г. жизнь эта была относительно благополучной: обычная повседневность посланника, с дипломатической ловкостью преодолевающего всевозможные проблемы. Все это отражено во множестве депеш за 1824–1828, хранящихся, как уже упоминалось, в архиве АНТГ.

За это время Геррейро сумел снискать благорасположение Николая I. В нем-то, *исключительном благорасположении*, — квинтэссенция странного положения Геррейры, в котором он оказался еще задолго до отставки — сразу же после прихода к власти дона Мигеля I. Первым делом «Узурпатор» стал отзываться из-за границы нелояльно настроенных к нему португальских посланников. Дипломаты иностранных держав в знак протеста покинули Лиссабон. Заядлый противник конституционной формы правления, Геррейро поддержал нового короля и был оставлен на своем посту. А Николай I, оценив этот поступок — душою, но не рассудком *Императора*³⁴, — принимает совершенно уникальное, с точки зрения дипломатии, решение, впрочем, обычное для самодержца. И через Нессельроде доводит его до сведения Геррейры: *португальский посланник по-прежнему будет приглашаться на все дворцовые церемонии, однако ему следует уклоняться от них отговоркой на проблемы со здоровьем. Император России милостиво продолжит принимать его, но не как официальное, а частное лицо.*

Мигел I 3-й Король
Объединенного
королевства Португалии,
Бразилии и Алгарве

Суть сей сложной интриги лаконично выражена в письме 1844 г. Ю.П. Строгановой в Португалию сестре Генриетте: «Его Высочество Император, воспринимая его случай как совсем особый, оказывал ему совершенно заслуженное почтение».

Вполне возможно, что некую долю в этой симпатии царя к Геррейро имела и страсть обоих к охоте — охотники-то знают, как это сближает людей. А Николай Павлович, хотя этот факт и малоизвестен, был заядлым ловцом — о чем свидетельствуют записи в Камер-фурьерских журналах. Он ввел в России моду на борзых и имел собственную псарню. Охотился обычно в Гатчинской Сильвии, где для царя держали питомники оленей, зайцев, фазанов. Геррейро мог быть в числе тех, кто удостоивался чести участвовать в царской охоте. Забегая вперед, скажу и о другой, тоже исключительной, милости Николая I к португальскому посланнику. В ней, надо полагать, — один из мотивов *невозвращения* Геррейро на родину.

При окончательном отъезде из России иностранным посланникам обычно вручались ценные подарки, а в некоторых случаях — за особые заслуги в дипломатических отношениях между странами — российские ордена. К примеру, австрийский посланник гр. Шарль Фикельмон, получил бриллиантовые знаки к ордену Андрея Первозванного, которым он был награжден царем еще в 1833 г. после подписания Мюнхенгретцкой конвенции. А Геккерену была послана всего лишь табакерка с *портретом* Николая I — язвительный намек что впредь посланнику придется лицеизреть Царя толь-

Афонсу ди Тоней.
Портрет короля Педру IV
Португальского,
ставшего Педру I
Бразильским.
Национальная библиотека
Бразилии

ко при нюхании табака. Геррейро же удостоился ордена Св. Станислава³⁵ и пенсии, назначаемой кавалерам Ордена. Более того, согласно его статуту: «каждый кавалер этого ордена мог получать еще пенсию и по другим орденам, которыми был награжден». А как известно из той же надгробной надписи, Геррейро был и кавалером Малого креста Ордена Св. Маврикия Сардинского³⁶. Пенсия или пенсии Геррейро, вероятно, и являлись основным средством существования семьи в Петербурге.

Но неужели все эти милости сыпались на Геррейро только из *благорасположения к нему* Императора? Или, может, все-таки за какие-то личные заслуги из поименованных в статуте ордена Св. Станислава: «*преуспеяние в Христианских добродетелях или отличная ревность к службе на поприще военном... или гражданском, или же в частной жизни, совершение какого-либо подвига на пользу человечества или общества, или края, в которых живет, или целого Российского государства...*».

Необходимые для Кавалера качества будто списаны с образа самого Геррейро. Командор — звание, с которым к нему уважительно обращались все дипломаты, министр иностранных дел Португалии виконт Сантаремский³⁷ и его российский коллега Нессельроде, — разве оно не воздано ему приоратом Орденом Христа за *преуспеяние в Христианских добродетелях? А отличная ревность к службе?* — дипломатическая переписка Геррейро разительно полна ею.

В моем распоряжении множество депеш Геррейро за самый сложный период его службы в

Португальская графиня Юлиана да Ега, урожденная де Алмейда Хоейсаузен, в будущем гр. Юлия Петровна Строганова

Петербурге – 1829–1833³⁹. Но суть их одинакова – перепевы на разные лады основного сюжета: борьба за признание донна Мигеля законным монархом Португалии. И неуёмные хлопоты португальского посланника о незамедлительном решении этой проблемы.

Из этих доскональных отчетов виконту Сантаремскому особенно примечательны те, в которых Геррейро сообщает о своих действиях, предпринятых по собственной инициативе. В них особенно ярко проступает личность Геррейро – талантливого дипломата и человека рыцарской чести, стойких убеждений и высокого чувства долга. Иллюстрацией чему могут служить два документа, предъявленные им Санкт-Петербургскому двору 30 ноября 1829: Меморандум «Кому принадлежит законное право на Корону Португалии?» и сопровождающее его письмо графу Нессельроде³⁹. Оба документа – ответ посланника на позицию Николая I, оповещенную графом Нессельроде:

Россия, вероятно, признает донна Мигеля при условии, что нынешнее положение в Португалии стабилизируется. Но Император никогда не сделает этого, ежели дон Мигель не объявит всеобщую и безоговорочную амнистию всем лицам, оставшимся верным Дону Педру и его дочери донне Марии, равно как и реституцию их конфискованного имущества. Ибо невозможно допустить, чтобы эти люди стали жертвами доверия к своим суверенам, отказавшимся признать настоящего главу правительства Португалии.

Из Меморандума Геррейро «Кому принадлежит законное право на Корону Португалии?»:

«Версия акта об амнистии <...> должна подвергнуться некоторой коррекции. <...> Чтобы иметь юридическое основание для требования вопросной амнистии, правительства (союзных держав), должны заручиться соответствующим правовым документом. Реституция имущества приверженцев донна Педру и донны Марии – прежде всего акт великодушия, достаивающий чести того, кто его осуществит; он никому не причинит ущерба и никоим образом не может повлиять на свободу и внутреннее спокойствие Португалии. Другое дело вопрос об амнистии всем, без исключения, лицам, находящимся ныне за пределами королевства...»

Далее Геррейро дерзает изложить самодержцу Руси свое возражение:

Среди этих лиц имеются «зачинщики и пособники революции 1820 года <...> вместе с ними могут возвратиться и их разрушительные принципы, которые они непрестанно проповедуют и которые лежат в основе несчастий, сокрушающих Португалию с той злосчастной эпохи по сей день. Вызывают сомнение и те, кто своими непристойными публикациями и подлой клеветой, возводимой на главу португальского правительства, оказались в позиции, исключаящей любое примирение».

Любопытен комментарий на Меморандум английского посла лорда Хейтсбери – еще одного знакомого Пушкина, – изложенный им в конфиденциальном письме министру иностранных дел Португалии⁴⁰:

«Командор Геррейро основывает свои соображения на постоянных высказываниях правительств союзных держав о том, что их вмешательство в дела Португалии имеет единственной целью восстановление правопорядка и мира в этой несчастной стране. А как можно достигнуть этой цели, если не помешать возвращению в королевство тех лиц, которые непрестанно подстрекают народ и считают, что им позволено манкировать всем, кроме своей клятвы разжигать революцию на полуострове, а если удастся, то и во всем мире?»

Независимость суждений Геррейры и прямота их выражения явно импонировали лорду Хейтсбери. Дело здесь не только в симпатиях и сочувствии

к несчастной стране, где, перед приездом в Россию, он три года был посланником, а в его собственных убеждениях и качествах характера – трезвого, ироничного, не взирающего на лица. Что подметила сразу же после знакомства с ним графиня Фикельмон: «У лорда Хейтсбери умный взгляд, тонкая и редко-стно язвительная улыбка». А через несколько дней добавила: «...изысканный мужчина, но не всегда склонен быть любезным в обществе»⁴¹.

Единомышленниками Геррейры в вопросе о признании донна Мигеля были и другие иностранные послы в Петербурге. Позже, в ответном письме португальскому посланнику от 3.02/22.01.1831, граф Фикельмон скажет: «Чувства, исповеданные и изложенные Вашим Превосходительством, мы все здесь разделяем». В число этих «мы» входил и испанский посланник Паэс де ла Кадена⁴². Ему, Фикельмону и прусскому послу Шёллеру⁴³ Геррейро направил 19/31 января 1831 г. одинаковые по сути письма. В них он излагал «основную цель, которой мы должны следовать», – убедить императора Австрии и короля Пруссии в неотложном признании нынешнего государя Португалии, а главное – чтобы они сами постарались склонить к этому русского царя.

Пушкин не мог оставаться безучастным к португальским событиям. К сожалению, свидетельств его беседований на эту тему с Геррейро пока не обнаружено. Но отношение Поэта к восстанию в Португалии и вообще к народным мятежам прочтывается в занесенном им в «Записную книжку» высказывании генерал-майора М.Ф. Орлова: «О. говорил в 1820 году: «Революция в Испании, революция в Италии, революция в Португалии, конституция тут, конституция там. Господа государи, вы поступили глупо, свергнув с престола Наполеона»⁴⁴. Здесь вам взгляд и на конституционное правление, и на самодержавие. Но, может, мысль эта всего лишь экспромт остроумия Орлова – будущего главы Кишиневского отделения «Союза благоденствия»? И как образец такового записан Пушкиным? А как же в таком случае расценивать его шельмование мятежей и мятежников, холерных бунтов 1831-го и в частности в новгородских военных поселениях? Его хулы мутителей палат, бедственного набата черни, врагов России, взметнувших Польское восстание 1830–1831? И, наконец, его очевидный интерес к теме революции в беседах с дипломатами Барантом, Паэсом? Отголосок разговора с последним на обеде у гр. И.А. Мусина-Пушкина 8 августа 1832 – в Записи о 18 брюмеера.

Подобные беседы Пушкина с Геррейро вероятны. Одна из них могла состояться в конце июля–первой декаде августа 1830, в загородной резиденции Фикельмонов на Черной речке. 19 июля Пушкин возвратился в Петербург. 19–22 июля – «осложнения в отношениях Пушкина с Е.М. Хитрово»⁴⁵. Видимо, им предшествовал какой-то разговор у нее

Кн. П.А. Вяземский. Акварель П.Ф. Соколова

на даче, которую Елизавета Михайловна снимала супротив дома дочери. Будучи у Элизы, он не мог не заглянуть к Долинке.

Во всяком случае, впечатление об одной такой встрече в записи Долли от 11 августа:

«Вяземский уехал в Москву, а с ним и Пушкин, сочинитель. Он приехал сюда на некоторое время, дабы устроить кое-какие дела. Возвращается для того, чтобы жениться. Никогда еще он не был так любезен, столь полон воодушевления и веселости в разговоре. Невозможно быть менее претенциозным и более остроумным в манере выражаться» (подч. самой Фикельмон)⁴⁶.

В тот вечер разговаривали о многом. Событий за последний месяц – хоть отбавляй.

Кн. Вяземский 28 июня 1830 отметил в своей записной книжке:

«...после обеда к Булгаковым, Лаваль, во французский спектакль и на вечер в Австрию. Там бразильские и португальские дипломаты»⁴⁷.

Сверяю по календарю – 28 июня в 1830 году падает на субботу. Долли Фикельмон обычно принимала по понедельникам, вторникам и пятницам: большие приемы – в понедельник, вечеринки в салоне – во вторник и пятницу. Значит, нечто необычайное изменило ее распорядок. Этим чрезвычайным обстоятельством оказалось нашествие

в Петербург эmissаров дона Педру: бразильского дипломата Антонио маркиза де Резенде (посланник в Вене, затем Париже, а оттуда — прямоком в Петербурге), его сотоварищей — барона де Рьяндюф и португальского поэта Алмейда де Гаррет. Долли познакомилась с ними за несколько дней до вечера с Вяземским. 26 июня записала в дневнике: «Рьяндюф, португалец, играл какую-то роль в народных волнениях своей страны был брошен в тюрьму <...> заворят даже, что подвергся наказанию палками <...> позднее помилован <...> назначен на должность начальника полиции, но новые бури смели его, и вот теперь он обыкновенный вояжер». После его отъезда из Петербурга, 21 августа Фикельмон отметила: «Барон Рьяндюф только что отбыл в Лондон <...> мятежный дух <...> заклятый враг дона Мигеля и целиком поглощен проблемами своей страны. Я не удивлюсь, если этот человек снова начнет играть какую-то роль в Португалии. Вполне подходит на роль эmissара, а может даже представителя некоей партии». Вероятно, так оно и было. По крайней мере, в отношении другого вояжера Алмейды Долли не ошиблась: после прихода к власти дона Мигеля Алмейда был арестован, сумел бежать из тюрьмы, перебраться в Англию, откуда вместе с доном Педру отплыл на о-в Терсейру. Там он принял самое рьяное участие в формировании оппозиционного правительства под председательством маркиза де Палмела и разработке множества реформ. Немаловажно пояснить, кого имела в виду Фикельмон под выражением «говорят» в вышеприведенной записи? Источником сведений об «эmissарах» мог быть только один человек из малочисленного посольства Португалии — сам португальский посланник Геррейро. А если предположение верно, оно может стать косвенным свидетельством общения Пушкина с Геррейро на этом вечере. Но осторожная Долли, очевидно, знавшая о его полулегальном дипломатическом статусе, даже в личных записках не решилась назвать его имени. Этим и можно объяснить отсутствие в ее дневнике каких-либо упоминаний о португальском посланнике — при обилии сведений о других дипломатах, том же Геккерене, английских посланцах Хейтсбери и сменившем его лорде Дюрэме, вюртембергском посланнике князе Гогенлоэ, французском герце. Мортемаре и прочих.

В первой половине июля князь Вяземский чуть ли ежедневно на Черной речке в «маленькой Австрии» — то на обед, то на чай. Разговоры все о том же — революционном бурлении в Европе.

29 июня он занес в «Записную книжку»: «Вечером пил чай в Австрии. Фикельмонт (так у него. — С.Б.) рассказывал мне о неаполитанском походе... Ох! Уж мне эта неаполитанская революция! Сколько она мне дурной крови наделала»⁴⁸.

А 15 августа Долли отметит в дневнике: «Вот уже две недели разговоры вертятся только о Французской революции».

Эта тема, несомненно, обсуждалась и на вечере с Пушкиным и Вяземским.

Позже, 18 августа, в записи, сделанной в подмосковном имении Остафьево, Вяземский упомянул о двух спорах, прежафких, с Жуковским и Пушкиным. <...> С Пушкиным они спорили о будущей участи Огюста Полиньяка — главы французского правительства с августа 1829 и до свержения короля Карла X: «Он говорил, что его должно предать смерти и что он будет предан за государственную измену. Я утверждал, что не должно и не можно <...> Мы побились с Пушкиным о бутылке шампанского»⁴⁹.

Где произошел этот спор? На вечере ли у Долли, где среди прочих гостей мог быть и Геррейро? Или в дилижансе по дороге в Москву? А может, во время встречи в Твери с поэтом и декабристом Ф.Н. Глинкой? Но, скорее всего, в Царском Селе — их первом привале в путешествии из Петербурга — на обеде у Жуковского (ведь Вяземский и его помянул как спорщика). Но для нас суть не в месте спора, а в его теме и в отношении к ней Пушкина.

Не будем заблуждаться ни насчет его высказывания об Июльской революции как «самом интереснейшем времени нашего века», ни насчет его прежафких, но сиюминутных споров о ней. Воспламененный поначалу сюрреальным размахом событий в Париже, Пушкин, поостывши, стал трезво и иронично взирать на них. Может, не глазами «стороннего наблюдателя», как полагал Б.В.Томашевский, а как умудренный мыслитель, давно уже постигший истинный смысл этих революционных пертурбаций.

«Парижанка» не стоит «Марсельезы». Это водевильные куплеты. <...> В чем сущность оппозиции газеты «Время»? Стремится ли она к республике? Те, кто еще недавно хотели ее, ускорили коронацию Луи-Филиппа; он обязан пожаловать их камергерами и назначить им пенсии», — уже 21 августа напишет Пушкин Е.М.Хитрово⁵⁰.

Вскоре стало очевидным то, о чем постоянно пророчествовал в своих письмах и депешах

легитимист Геррейро: вопрос о признании дона Мигеля законным монархом Португалии «столь глубоко связан с сохранением монархических принципов в Европе, что три великих государя (России, Австрии и Пруссии — С.Б.) имеют очень большой интерес защищать и сохранять его. Наконец, он представляет интерес для всего мира»⁵¹.

В сущности, Геррейро убеждал в том, что еще на заре своего царствования осознал Николай I — в 1826 во время процесса над декабристами он

Портрет А.И.Тургенева работы П.Ф.Соколова. 30-е годы 19-го века.

заявил послу Франции Ля Фероне: «Главных организаторов заговора будут судить без жалости и милосердия. Я должен сделать это для России и для Европы, как бы это ни разрывало мне сердце»⁵². Осознал, однако по соображениям большой политики не решился защитить интересы Португалии, дабы не портить отношений с более могущественными партнерами — Англией и Францией. Но когда грянула Июльская революция, царь понял, что заигрался, а попросту — проиграл. И горько воскликнул: незаконным воцарением Луи-Филиппа «был осмеян сам принцип монархизма»!

Слишком поздно понял — зараза Июльской революции во Франции стремительно распространялась по Европе. Уже в августе бельгийские провинции взбунтовались против голландского господства. Король Нидерландов обратился к царю — своему шурина — с просьбой помочь подавить революцию. Царь внял его зову и стал готовить армию к выступлению в Бельгию. Известие об этом в конце ноября отозвалось рикошетом: в Польше вспыхнуло восстание. Поводом к нему был протест против участия польской армии в составе

российской карательной экспедиции, а целью — отделение от России. «Известие о польском восстании меня совершенно потрясло, — напишет Пушкин Хитрово. — Французы почти перестали меня интересоваться. Революция должна бы уже быть окончена, а ежедневно бросаются новые ее семена»⁵³. Потрясен был и Николай I — он лелеял надежду с помощью антиреволюционного «крестового похода» навести порядок и во Франции. Теперь замысел жандарма Европы окончательно рухнул. Теперь Государю вся Русь недосуг заниматься чужими проблемами — со своими бы разобраться.

После июля 1831-го вопрос о признании дона Мигеля уже не мог быть разрешен. Именно тогда Англия и Франция предоставили дону Педру заем. Тем самым фактически подтвердили свою поддержку португальской либеральной партии в развязанной ею гражданской войне. Россия и Пруссия стали более осторожными и держали нейтралитет. Император Австрии Франц I — дед Марии да Глория — не внял мольбам своего бывшего зятя дона Педру о поддержке и воспринял линию поведения своих двух союзников.

Мог ли бедный Геррейро рассчитывать на успех в неравной схватке с доном Педру, за спиной которого стояли столь могучие силы? Его положение усложнялось и тем, что став приверженцем короля Мигеля, он приобрел в штате своего посольства политического и личного врага — Хосе Маурисио Корреа⁵⁴, объявившего себя противником «Узурпатора». В 1831 Корреа был «назначен» представителем «законного» (дона Педру и королевы без трона Марии да Глория) правительства Португалии в России. В качестве такового популяризировал его, устанавливал контакты, даже непосредственно с министром иностранных дел графом Нессельроде. И уже беззастенчиво в донесениях именовал своего шефа агентом Узурпатора⁵⁵.

«В Петербурге, — по ироничному замечанию Хосе Нортоня, — сложилась невероятная, чисто португальская ситуация: в одном и том же посольстве шеф был ставленником дона Мигеля, а его подчиненный — дон Педру»...

Перипетии личной жизни усугубляли печали Геррейро. В 1832 его единственный сын Игнасио⁵⁶ от брака с единственной женой Эвелин Кламуз Пайя⁵⁷ женился на русской. Ею оказалась та самая Прасковья Алексеевна Сверчкова⁵⁸, по ошибке генеалогов зачисленная в жены к его отцу. Ко-

пии двух писем гр. Ю.П. Строгановой, присланных мне Хосе Нортоном, помогли разобраться в этой путанице. Прасковья была племянницей жены Марии Дмитриевны Нессельроде — супруги российского вице-канцлера, дочерью дипломата А.В. Сверчкова⁵⁹, к тому времени почившего в бозе. Игнасио с юных лет был сотрудником своего отца в посольстве Португалии в Петербурге. Несколько официальных писем Геррейро — конца декабря 1832— начала 1833 (вице-канцлеру Нессельроде, австрийскому послу гр. Фикельмону) написаны рукою его сына Игнасио, что удостоверяется подписью: *Согласовано. Игнасио да Круз Геррейро*. Вероятно, сам отец слег с очередным обострением туберкулеза, которым он заболел в Петербурге.

И немудрено не разболеться — из Португалии поступали удручающие новости: 8–9 июля 1832 дон Педру при поддержке английской и французской эскадры высадился в Порту, в начале 1833 овладел провинцией Алгарви. 28 июля 1833 занял Лиссабон. 9 августа Англия официально признала донну Марию королевой Португалии. За ней последовали Франция, Бельгия...

3 августа 1831 как уже знаем, последовала отставка Геррейро. Вскоре мигелисты сложили оружие. 26 мая 1834 в Эворе подписано соглашение, обязующее дону Мигеля в 15-дневный срок навсегда покинуть Португалию (сначала в Рим, затем в Германию) — гуманное изгнание! Шестилетняя борьба до конца верного ему Геррейро потерпела

Проспер де Барант
(автография 1830-х,
по Росселю).

крах. Хосе Корреа, оставаясь в Петербурге, перешел в подчинение к посланнику Португалии в Швеции⁶⁰. Теперь он один поддерживал корреспонденцию с новым португальским правительством «со всей благопристойностью, которой он следовал на протяжении всей своей жизни», — как скажет о нем другой «благопристойный» чинуша Жоакин Феррейра Борхес⁶¹.

Но беды Геррейро на этом не кончились. Брак Игнасио с 16-летней хорошенькой сумасбродкой оказался несчастным. Кто и как сладил это странное супружество, можно только предполагать. Вполне возможно, оно свершилось при содействии самого Геррейро-отца. С дипломатом Алексеем Сверчковым — отцом невестки он был знаком еще со времен службы обоих в Рио-де-Жанейро — в ту пору престольном городе Португалии. Оба вращались при дворе: Геррейро — как дипломат короля, Сверчков — как поверенный в делах России. Сохранились сведения, что российский агент «пользовался уважением и доверием короля Жуана». Сосватать молодых мог и сам граф Нессельроде. К Португалии он питал вполне понятную слабость — ведь она была его родиной. Он родился в 1780 г. в Лиссабоне, где его отец Максимилиан Вильгельм Франц был русским посланником в 1778–1789. С самого начала пребывания в Петербурге Геррейро получил исключительное право наиболее информировать Нессельроде обо всех событиях в Португалии. Многие из его писем по тону и изложению похожи на дружескую беседу с добрым знакомцем: «Знаете ли, граф, — без положенного официального обращения «Ваша Светлость» или «Ваше Сиятельство». — Позволяю себе смелость, граф, писать вам, полагая, что чтение моего письма отнимет у вас меньше времени, чем их устное изложение перед вами» (17/29. 01.1831).

Немаловажным в этой женитьбе было и то обстоятельство, что в 1832 г. Геррейро все еще был посланником, а в будущем — в случае победы дону Мигеля — его положение сулило стать более высоким. Умный и способный Игнасио тоже подавал большие надежды как дипломат, так что поначалу считался вполне подходящей партией для племянницы Нессельроде.

А что невеста? Чем пленила двадцатилетнего юнца? Прежде всего девичьей прелестью, что подтверждают свидетельства современников.

Доли Фикельмон.
Худ. Ф. Азрикола

Запись из Дневника Фикельмон от 7 октября 1830:

«Вновь встретилась с мадам Сверчковой. Она все так же безобразна, как прежде, но и все так же добра. Ее старшая дочь, которой десять лет, красива»⁶².

Другой штришок к внешности Прасковьи — у Александры Смирновой-Россет, которая воспроизводит свой разговор с М.Д. Нессельроде:

«Дмитрий (сын Нессельроде) и Сверчков (племянник, тоже Дмитрий) хорошо учатся с Бадалесом. Моя сестра и две мои хорошенькие племянницы в Царском (Селе) — особенно хороша Полина, а Мари так остроумна»⁶³.

И, наконец, еще один современник граф М.Д. Бутурлин в сонме самых блистательных дам Петербурга в 1839–1840 гг. поминает и г-жу «Гуеррера» (еще один вариант написания фамилии!):

«Львицами дня, подражательницами графини⁶⁴, были Валуева (дочь князя П.А. Вяземского), Солова (рожденная княжна Гагарина), княгиня Белосельская (рожденная Бибикина, мать коей вышла вторым браком за графа Бенкендорфа) и отчасти молоденькая еще г-жа Гуеррера, дочь бывшего нашего министра во Флоренции г. Сверчкова»⁶⁵.

Следовательно, в 1839–1840 гг., к которым относится это воспоминание, Прасковья Алексеевна еще была женой Игнасио Геррейро. Немного позднее она уехала от него. Можно предположить и причину, из-за которой расстроился их брак: эксцентричная, легкомысленная, расточительная жизнь, бесперомонные выходки, остроумное злоязычие

всех этих русских львиц — неперменные атрибуты принадлежности к «замкнутому рай-салону гр. Воронцовой» — наверное, стали главным мотивом супружеских раздоров. Разъезд же супругов, вероятно, произошел не ранее 1842 г. — именно тогда В.В. Зиновьев (2-й муж Прасковьи) возвратился в Петербург с Кавказа, где участвовал в боевых действиях против горцев. В ту пору будущий генерал от инфантерии и генерал-адъютант был еще штабс-ротмистром — в этом довольно скромном для «львицы» чине он был уволен из-за болезни в отставку. И что самое удивительное — сумасбродка Прасковья долго жила в Ярославле, вернее, даже в деревне под Ярославлем, где у Зиновьева было поместье. Образ будущего супруга Сверчковой дополняют некоторые подробности из его послужного списка: будучи однокашником Лермонтова по Школе юнкеров, он сразу после ее окончания был принят поручиком в Кавалергардский полк, поэт же попал в менее престижный — Гусарский; 14 марта 1840 г. Зиновьев был назначен в военную комиссию при Кавалергардском полку для суда над сотоварищем за его дуэль с Эрнестом Барантом!

Рафаэль да Круз Геррейро после устранения от должности посланника продолжал пребывать в Петербурге как частное лицо, хотя, как говорилось выше, в 1837 г. в адресной книге он значился еще как «португальский посланник», проживающий в доме Ралля на Английской набережной, 39 (ныне № 72). На этой улице традиционно располагались иностранные посольства. В 30-е годы XIX века здесь были резиденции английского, неаполитанского, саксонского посланников. На Дворцовой набережной, переходящей в Английскую, — особняки австрийского, баварского, датского, сардинского, французского, шведского представительства. Красивое двухэтажное здание, в котором находилась резиденция Геррейро, в то время было предпоследним строением на Английской набережной. Ныне оно находится под охраной государства как отличный образец эклектики, хотя первоначально было построено (во 2-й половине 1730-х) в стиле аннинского барокко. Принадлежал баронессе Элизабет фон Ралль (1768–1843), дочери богатого сахарозаводчика Мольво, жене барона Александра Ралля (1756–1833) — банкира, музыкального деятеля, учредителя и мецената Нового музыкального общества (1778), а в 1802 г. и Петербургского филармонического общества. Их

дом стал центром светской музыкальной жизни столицы. Александр Францевич хорошо играл на скрипке и фортепьяно, а его жена была прекрасной пианисткой. На своих музыкальных вечерах, собиравших весь Петербург — аристократию, дипломатов, знатное купечество и банкиров, супруги вдвоем исполняли в четыре руки практически весь фортепьянный репертуар того времени. В их большом концертном зале играли все знаменитые музыканты, приезжавшие в Петербург. Можно предположить, что и Геррейро заполнял свой досуг слушанием музыки в их доме. Мог он посещать и музыкальные вечера младшей дочери баронов фон Ральль — Александры Александровны (1810–1885), также талантливой музыкантше. В 1831 г. она стала женой известного архитектора и портретиста Александра Павловича Брюллова. В конце 1831—начале 1832 г. Брюллов писал знаменитый портрет Натальи Николаевны Пушкиной. Брюлловы — еще одна возможная точка соприкосновения Пушкина с Геррейро.

Эпилог многострадальной жизни португальского посланника — в письмах гр. Ю.П. Строгановой. Вот некоторые выдержки из них.

Письмо 1-е, сестре Фредерике⁶⁶.

Санкт-Петербург,
1 апреля 1844 г.

«Я похоронила моего бедного г-на Геррейро, бывшего министра Португалии, моего истинного друга, человека достойного здесь такого почитания, которое соответствовало бы его исключительной почтенности, человека, о котором скорбим не меньше, чем он сам был преисполнен скорбей. Я видела, как бросили в могилу его старую португальскую кокарду, каковую носили и наши деды... — все исчезло на моих глазах. Но остались его вдова, в которой я принимаю живейшее участие, и его сын, и я должна постараться заняться обоими».

Письмо 2-е, сестре Генриетте⁶⁷

С. Петербург. (Возраст Игнасио, упомянутый в письме, позволяет с уверенностью сказать, что оно написано в том же 1844, после 12 марта, когда ему исполнилось 32 года):

«Я очень горячо рекомендую вам Мадам Геррейро и ее сына, которые покидают нас, отправляясь в Лиссабон. Эту прекрасную семью я знаю восемнадцать лет, находясь с ней в самых близких отношениях. Отец много лет был здесь министром Португалии и всегда пользовался у нас большим уважением: Е.В. Император,

воспринимая его случай как совсем особый, оказывал ему совершенно заслуженное почтение.

Я нашла в нем истинного друга и горько оплакиваю его потерю. Уже много лет, как он вышел в отставку, поскольку его здоровье было в плачевном состоянии. <...> Его сын, освобожденный смертью отца от своих обязанностей, желает быть полезным своей стране и поступить на службу. После потери отца, он написал герцогу де Палмела о своем желании поступить в распоряжение Королевы, но герцог вообще не ответил ему, и он самостоятельно решил возвратиться в Португалию».

На родине Игнасио да Круз Геррейро продолжил дипломатическую карьеру, представляя Португалию при различных иностранных дворах. 19 июня 1867 г. он был удостоен титула виконта Вале-да-Гама. Вскоре после возвращения из Петербурга он женился на Эмме Софии Бонд. У них была только одна дочь Альбертина Эмма Луиза. Так что после смерти Игнасио эта ветвь рода Геррейро прекратилась по мужской линии. А вместе с ней стерлась и память о славном португальском дипломате. Память, которую помог воскресить...Пушкин.

Постскрипtum: История Геррейро, бесспорно, нуждается в дальнейших изысканиях как в российских, так и португальских архивах. Доскональное изучение даже обнаруженных документов может привести к неожиданным открытиям — и для пушкинистики, и для истории российско-португальских отношений. Чего только стоит огромное эпистолярное наследие Ю.П. Строгановой! Прочтение всей ее переписки с португальскими родственниками наверняка выявит не только новые детали к образу Геррейры, но, возможно, разрешит загадку происхождения ее так называемой внебрачной дочери Идалии Полетики, урожденной Обортей — зловещей фигуры пушкинистики. Я все еще не теряю надежды, что когда-нибудь отыщется если не официальное, то хотя бы какое-нибудь личное письмо Рафаэля да Круз Геррейро с сообщением о трагической смерти Пушкина. То есть именно то, что было первопричиной моего интереса к личности Геррейры.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ **Фомин Александр Александрович**, род. в Витебске в 1868 г. — педагог и историк литературы, выпускник словесного отделения историко-филологического факультета московского университета; наиболее извест-

ные публикации: «О русской комедии конца XVIII века», «Положение русской женщины в семье и обществе по произведениям А. Н. Островского», «Артисты, публика и театр у А.Н. Островского», составление словаря и указателей для 2-го издания «Онежских былин, собранных А. Ф. Гильфердингом».

² **Нефедьева Александра Ильинична** (1782–1857), двоюродная сестра А.И., С.И. и Н.И. Тургеневых — дочь Ильи Гавриловича Нефедьева (до 1749 — 3.9.1796, Саратов) — российского государственного и военного деятеля (генерал-поручика) екатерининских времен, саратовского губернатора (1786–1795).

³ Письмо опубликовано в: «Новые материалы для биографии Пушкина: (Из Тургеневского архива) / Публ. и предисл. А. Фомина // Пушкин и его современники: Материалы и исследования / Комис. для изд. соч. Пушкина при Отд-нии рус. яз. и словесности Имп. Акад. наук. — СПб., 1908. — Вып. 6, с. 46–97.

⁴ Храм Спаса Нерукотворного Образа — бывшая придворная церковь, расположен на Конюшенной площади С.-Петербурга, отсюда и название — Конюшенная.

⁵ Единственные русские во всем этом деле (*франц.*).

⁶ *В.А. Жуковский*. Письмо к С.Л. Пушкину от 15 февраля 1837.

⁷ Амабль Проспер Брюжьер Барант, барон (10.06.1782–21.11.1866) — франц. политический деятель, историк, публицист и дипломат. В 1835–1841 годах посол Франции в России. Член Французской академии с пожизненным креслом, Туринской королевской академии, с 23.12.1836 почетный член Российской АН. В 1846 — кавалер ордена Почетного легиона.

⁸ Письма А. Тургенева Булгаковым. М.: Соцэкгиз, 1939, с. 205.

⁹ Дневник Долли Фикельмон 1829–1837. Весь пушкинский Петербург / Перевод с франц. М. Чакыровой и С. Мрочковской-Балашовой. Публикация, составление, подготовка текста, комментарии и примечания, Вступление и Заключение — С. Мрочковской-Балашовой. Москва: Минувшее, 2009. Запись: Сентябрь 1837, с. 360–361. Далее — Дневник Долли...

¹⁰ Pushkin's button by Serena Vitale. Adelphi Edizioni S.P.A., Milan, 1995.

¹¹ Петербургский некрополь. В 4-х томах. Великий князь Николай Михайлович / Составитель В.И. Саитов. С.-Петербург, 1912–1913. Том I (А-Г), стр. 584.

¹² *А.М. Гордин, М.А. Гордин*. Былой Петербург. Пушкинский век. СПб.: Изд-во Пушкинского фонда, 1999, с.184.

¹³ Орден Христа — духовно-рыцарский орден, правопреемник тамплиеров на территории Португалии. Учрежден в 1318 году португальским королем Динишем Жуан III (1502–1557) — король Португалии с 1521 и Великий магистр Ордена провозгласил этот пост наследственным для португальских монархов. Командор — знак Ордена Христа на шейной ленте, означающий 3-я степень посвящения.

¹⁴ *П.Е. Щеголев*. Дуэль и смерть Пушкина. 1-е издание — 1916 г., последующие — 1917, 1928, 1936, 1987.

¹⁵ Память не изменила Трубецкому — дом Ралья, в котором в 1837 г. жил Геррейро, действительно, находился в конце Английской набережной, где позже был возведен (освящен 12 .11.1850) Николаевский (прежде Благовещенский) мост.

¹⁶ «Рассказ князя А.В. Трубецкого об отношении Пушкина к Дантесу» записан с его слов в 1887 г. Издан отд. брошюрой, перепечатан П.Е. Щеголевым в книге «Пушкин. Исследования, статьи, материалы». М.-Л., Гослитиздат, 1928, с. 425.

¹⁷ Присутствие Пушкина на этом бале не отражено даже в последнем издании *Летописи жизни и творчества А. Пушкина*, подготовленном Н.А. Тарховой («Слово», 1999). Далее — *Летопись*.

¹⁸ В той же *Летописи* отмечены балы на святках в январе 1837 с присутствием Пушкина: 9-го у австрийского посланника Фикельмона, 14-го — у французского посла Баранта, 18 января — у саксонского посланника Люцереде. У Геррейро — не указан.

¹⁹ **Потоцкий Лев Северинович**, граф (1789–10.03.1860) — дипломат, действ. тайный советник (1847), член Гос. Совета. С 15.03. 1808 актуариус Коллегии иностранных дел, в том же году — на службе в русской миссии в Неаполе, с 15.03. 1810 в Вене и с 30.09. 1812 Лондоне; 8.06.1814 — звание камергера, с 11.05. 1815 главный секретарь по иностранной переписке при Временном правительстве Царства Польского; 1.06. 1828 — 20.01.1833 — чрезвычайный посланник и полномочный министр в Португалии; 10.06–31.05.1839 в том же ранге — в Швеции, 19.08.1841 — 01.04.184 — при неаполитанском дворе; с 1856 — обер-гофмейстер.

²⁰ «Очерк истории Министерства иностранных дел. 1802–1902». М.: Межд. отношения, репринтное издание, 2002. Цифровая версия: <http://www.inter-rel.ru/b150-P-4.php>

²¹ Статья Гильерма Сантоса «O governo de D. João e o tráfico de escravos»: a convenção de 1817 e a sua repercussão na América Portuguesa» («Правительство Д. Жоана и работоторговля: Конвенция 1817 года и ее последствия на португальскую Америку»), в которой упоминается имя Геррейро как сотрудника посольства Португалии в Лондоне (*Almanack Braziliense*, n.4, São Paulo, nov. 2006).

²² ANTT, Legação de Portugal na Rússia (фонд: Дипломатическая миссия Португалии в России), caixa 16 (1824–1825), caixa 17 (1826–1828).

²³ **Дон Педру де Алякантара де Браганса** (12.10.1798 — 24.09.1834) — старший сын португ. короля Жоана VI, регент Бразилии (1821–1822), король и император Бразилии как Педру I (1822–1831), король Португалии Педру IV (10.03.1826 — 28.05.1826).

²⁴ Необходимо отметить, что в 1833 г. дон Педру уже не имел никаких монархических прав. Передав еще в 1826 г. португальский престол своей малолетней дочери Марии и отрекшись в 1831 г. от бразильской импе-

раторской короны, он возвратился в Европу с «единственной целью — защитить интересы своей дочери, королевы Португалии», как он сообщал в своих письмах монархам Австрии, Пруссии, России и Великобритани (отправлены из дворца Келуш (Queluz) 9 июля 1831). Провозгласив себя регентом своей несовершеннолетней дочери Марии, создал собственное министерство. В 1832 г. он высадился с войсками близ португальского г. Порту, овладел им, в 1833 г. вступил в Лиссабон. Стал «преждевременно» распорядиться судьбой Португалии. «Documentos para a historia das Cortes Geraes da Nação Portuguesa» / coord. Câmara dos Senhores Deputados. - Lisboa : Imp. Nacional, 1883-1891. - в 8 volumes; v. 8, p. 392-394). — далее «Documentos».

²⁵ **Кандидо Хосе Ксавье** (11.3.1769–15.10.1833 г.) — государственный секретарь и министр иностранных дел в правительстве регентства.

²⁶ **Нессельроде Карл Васильевич** — Карл Роберт, граф (1780–1862), с 1816 министр иностр. дел, с 1818 вице-канцлер, с 1845 — государственный канцлер России.

²⁷ «Documentos», v. 8, p. 545.

²⁸ Николай I долго не признавал возведенного Июльской революцией 1830 короля Луи-Филиппа I.

²⁹ **Дон Мигель** (26.10.1802–14.11.1866) — король Португалии Мигель I, правивший в период 1828–1834, регент до прибытия в Португалию Педру IV (с 26 февраля по 3 марта 1828), регент при Марии II с 3 по 11 июля 1828.

³⁰ **Хосе Нортон** — португальский писатель, автор исторических книг, из которых самые значительные: «Последний из рода Тавора» (2007) — в начале 2012 издана на русском языке московским извом «Минувшее»; «Миллионер Лиссабон» (2009).

³¹ <http://www.pushkin-book.ru/>

³² **Юлиана Луиза Мария Ойенхаузен-Гравен де Алмейда**, гр. (Вена, 20.08.1782–2/14.11.1864, СПб.), в 1-м браке с 9.02.1800 за португальским гр. Айрес Хосе Мария да Эга (29.03.1755 — 12.01.1827). Ровно через полгода после его смерти, 12 июля 1827, Юлиана обвенчалась в Дрездене со своим давним возлюбленным — русским дипломатом Григорием Александровичем Строгановым (13.09.1770–07.01.1857).

³³ Хосе Нортон любезно предоставил мне для публикации два письма из обнаруженного им огромного собрания переписки Ю.П. Строгановой с родственниками: Arquivo Nacional da Torre do Tombo, Casa Fronteira e Alogna, Caixa 232, M-IX-13 85, M-IX-13 102.

³⁴ Это свойство Николая I подметил маркиз Кюстин: «У него много масок, но нет ни одного лица. Пытаясь найти (в нем) человека, вы всегда найдете императора».

³⁵ Императорский и Царский Орден Св. Станислава являлся орденом Российской империи с 1831 до 1917. Учрежден в 1765 году польским королем Станиславом-Августом Понятовским в честь патрона и покровителя Польши Святого Станислава. Император Александр I специальным манифестом 1.12.1815 возобновил Орден

как награду только для верноподданных поляков. Манифест Николая от 17.11.1831 изменил статут ордена: отныне им награждаются любой подданный Российской империи или Царства Польского за «государственную службу и общественно-полезную деятельность». В исключительных редких случаях им удостоивались и иностранные подданные.

³⁶ Орден Св. Маврикия учрежден в 1434 году герц. Амадеем VIII Савойским. Вначале вручался в качестве династической награды Савойского королевского дома, позднее — «за выдающиеся заслуги в гражданских или военных делах». Являлся одним из престижных орденов Итальянской Короны.

³⁷ **Мануэль-Франциско де Баррос и Соуза**, виконт Сантаремский (1790–1856) — португ. политический деятель и ученый. С 1823 — управляющий королевского архива Torre do Tombo, в 1827 кратковременно министр иностр. дел. После прихода к власти дона Мигеля — Государственный секретарь Португалии с функциями премьер-министра и министра иностр. дел. На этом посту оставался до падения дона Мигеля, после чего уехал в Париж, где посвятил себя историческим исследованиям и литературной деятельности.

³⁸ Некоторые копии их оригиналов, хранящихся в АНТТ, прислал мне Хосе Нортон, другие — из 8-томного собрания «Документов к истории Кортесов» - см. выше, прим. 24.

³⁹ Опубликованы в «Documentos», Anno de 1829, v. VII p.834-835.

⁴⁰ **Уильям Э'Корт Хейтсбери**, барон (11.07.1779–31.05.1860), лорд, англ. дипломат и консервативный политик, 1824–1827 посол в Португалии, 1828–июль 1832 — посол в Петербурге, 1844–1846 — вице-король Ирландии (Lord-Lieutenant of Ireland).

⁴¹ Дневник Долли. Запись от 22.07.1829, с. 53, 60.

⁴² **Паэс де ла Кадена (Paéz de la Cadena), дон Хуан Мигуэль** (1766–1840) — чрезв. посланник Испании в СПб. (1825–1835). Его имя в списке лиц, которым Пушкин намеревался послать визитные карточки к Новому году 1830-го. С его слов Поэт записал 10.08.1832 рассказ о 18 брюмера.

⁴³ **Шёллер Райнгольд Отто Фридрих Август** (1772–1840) — прусский генерал от инфантерии, посол в Петербурге (1808–1835), с 1835 — посланник при бундестаге во Франкфурте.

⁴⁴ Из Записной книжки 1820–1822 гг. А.С. Пушкин. Полное собр. сочинений в 10-и томах, т.8, с. 63, 379.

⁴⁵ *Летопись*, т.3, с. 217

⁴⁶ Дневник Долли, с. 125

⁴⁷ П.А. Вяземский. Старая записная книжка. М.: «Захаров», 2003, с. 602.

⁴⁸ П.А. Вяземский. Указ. соч., с. 603.

⁴⁹ П.А. Вяземский. Указ. соч., с. 615.

⁵⁰ «Парижанка» — гимн революции 1830 (автор слов — Казимир Делавинь, музыки — Даниэль Франсуа Обер). Пушкин сравнивает ее с «Марсельезой» — гимном

революции 1789–1794 гг. (автор текста и музыки Руже де Лиль). Письма Пушкина к Елизавете Михайловне Хитрово. 1827–1832 / А.С. Пушкин. Полное собр. сочинений. Переписка 1828–1831. М.: Воскресение, т. XIV, 108, 415.

⁵¹ Письмо Геррейро графу Нессельроде от 17/29.01.1831; «Documentos», v. VIII, p. 58-59

⁵² *Афри Труайя*. Николай I. М.: ЭКСМО, 2005, с. 66-67.

⁵³ Пушкин. Письмо к Хитрово. 21 января 1831 // Там же, с. 148, 423. //

⁵⁴ **Хосе Маурисио Корреа Енрикес** (5.11.1802 — 07.02.1874), секретарь португ. посольства в СПб., позд. советник, в 1845 — посланник Португалии в Рио-де-Жанейро, с 1.7.1845 по 1848 — в Петербурге; с 1843 барон, с 1854 виконт, с 1871 граф. После провозглашения в авг. 1834 г. Марии II королевой Португалии являлся неофициальным представителем своей страны в России до 1838 г. В апреле 1838 у него умерла жена Адель Луиза графиня де Паоли — Шани (5.02.1799–10.04.1838). А 4.08.1839 он повторно женился на российской подданной Александре (Алине) Шернваль (04.10.1812–1.01.1851) — родной сестрой двух знаменитых красавиц Авроры Демидовой-Карамзиной и Эмилии Мусиной-Пушкиной.

⁵⁵ О чем свидетельствуют его донесения, хранящиеся в АНТТ, фонд: *Дипломатическая миссия Португалии в России*.

⁵⁶ **Игнасио да Круз Геррейро** (3.12.1812–31.07.1877), с 19.07.1867 — 1-й виконт Вале да Гама, дипломат, 1-я жена Сверчкова П.А., 2-я Эмма София Бонд (род. 24.04.1821), дочь от этого брака — Альбертина Эмма Луиза (род. 24.04.1847), которая в 1868 вышла замуж за 1-го виконта de Chancelieiros Себастьян Хосе де Карвальо (11.01.1833 — 13.06.1905) http://www.geneall.net/P/peg_page.php?id=19807, бакалавра права, крупного португальского землевладельца и винодела, политического деятеля.

⁵⁷ **Eveline Clamouse Palyart** — супруга Рафаэля Геррейро, родилась в Сев. Америке.

⁵⁸ **Сверчкова Прасковья (Полина) Алексеевна** (1816 ?–1883), старшая дочь Сверчковой Елены Дмитриевны — сестры М.Д. Нессельроде; 1-й муж, с 1832 — Игнасио да Круз Геррейро, 2-й — Зиновьев Василий Васильевич (1814–21.4.1891), генерал от инфантерии, генерал-адъютант, с 1868 гофмейстер двора наследника престола великого князя Александра Александровича (будущего императора Александра III) и воспитатель его детей. Этот брак, как и с Геррейро, также оказался бездетным.

⁵⁹ **Сверчков Алексей Васильевич** (1788 или 1791–16.02.1828) — дипломат, в 1815–1816 агент русского правительства в Рио-де-Жанейро — официально именовался поверенным в делах. В 1818–1828 — поверенный в делах, а в 1828 — посланник во Флоренции (с 1822 также в княжестве Лукка), действительный статский советник. Имел детей: Дмитрия, Марию и Прасковью от брака с Еленой Дмитриевной Гурьевой (ум. 6.3.1834) — дочерью

графа Д.А. Гурьева — министра финансов при царе Александре I и родной сестры супруги графа Нессельроде — Марии Дмитриевны.

⁶⁰ Антониу Жозе да Силва Лоуреиро (António José da Silva de Loureiro) — поверенный в делах Португалии в Швеции (1833–1848).

⁶¹ Жоахим Феррейро Борхес (1.10.1788–?), экономический советник, винодел; в Петербурге женился на Анне Петровне Чеботаревой, дата рождения их дочери

Клары (1818–1840) свидетельствует, что назначение Борхеса в 1828 генеральным консулом Португалии в Петербурге не было его первым мандатом в России. С янв.1841 до добровольной отставки в янв.1843 занимал пост поверенного в делах Португалии. После его отъезда Португалию в СПб. временно (до янв.1845) представлял военный атташе Жоан Гомеш де Оливейра (1824–1892), позднее капитан португальской Национальной гвардии, а затем член муниципального совета Жоинвилли в Бразилии.

⁶² Согласно этой записи Фикельмон Прасковье (Полине) в 1830 г. было десять лет (La fille aînée qui a dix ans), из чего следует, что она родилась в 1820 году. Однако гр. Ю.П. Строганова в письме к сестре Генриетте сообщает, что Игнасио женился на ней в двадцать лет, т.е. в 1832 г. (дата его рождения: 12.3.1812). Остается предположить, что графиня Фикельмон ошиблась в возрасте девушки, который она, вероятно, определила по ее внешнему «девчачьему» виду.

⁶³ А.О. *Смирнова-Россет*. Дневник. Воспоминания. М.: Наука, 1989, стр. 316–317.

⁶⁴ Воронцова-Дашкова Александра Кирилловна, гр. (1817–1856), дочь обер-гофмаршала К.А. Нарышкина, жена обер-церемониймейстера, члена Гос. Совета гр. Ивана Илларионовича Воронцова-Дашкова — доброго знакомого Пушкина, который вместе с женой был у них на балу за 4 дня до дуэли. Александра Кирилловна питала очень дружественные чувства к Поэту. По свидетельству А.Н. Карамзина, после смерти Пушкина «с большим жаром» защищала его и даже вызвала по этому поводу «несколько ссор» в обществе.

⁶⁵ Прим. М.Д. Бутурлина: «Г. Гуеффера был секретарь Испанского и Португальского посольства. Жена его немного позднее уехала от него и, вышедши замуж за некоего г. Зиновьева (при жизни ли г. Гуеффера или по смерти его, не знаю), долго жила в Ярославле». Записки графа М.Д. Бутурлина в 2-х томах. Т.1. М., 2006. Н.П. «Русская усадьба», с. 560–561.

⁶⁶ **Фредерика Мария Ойенхаузен де Алмейда** (01.09.1782 — 02.10.1847) — дочь гр. Карла Ойенхаузен-Гравенбург и известной португ. поэтессы Леоноры Алмейды Португальской, старшая сестра гр. Ю.П. Строгановой.

⁶⁷ **Генриетта, гр. Ойенхаузен-Гравенбург** (03.01.1789–20.03.1860) — младшая сестра Ю.П. Строгановой. ■

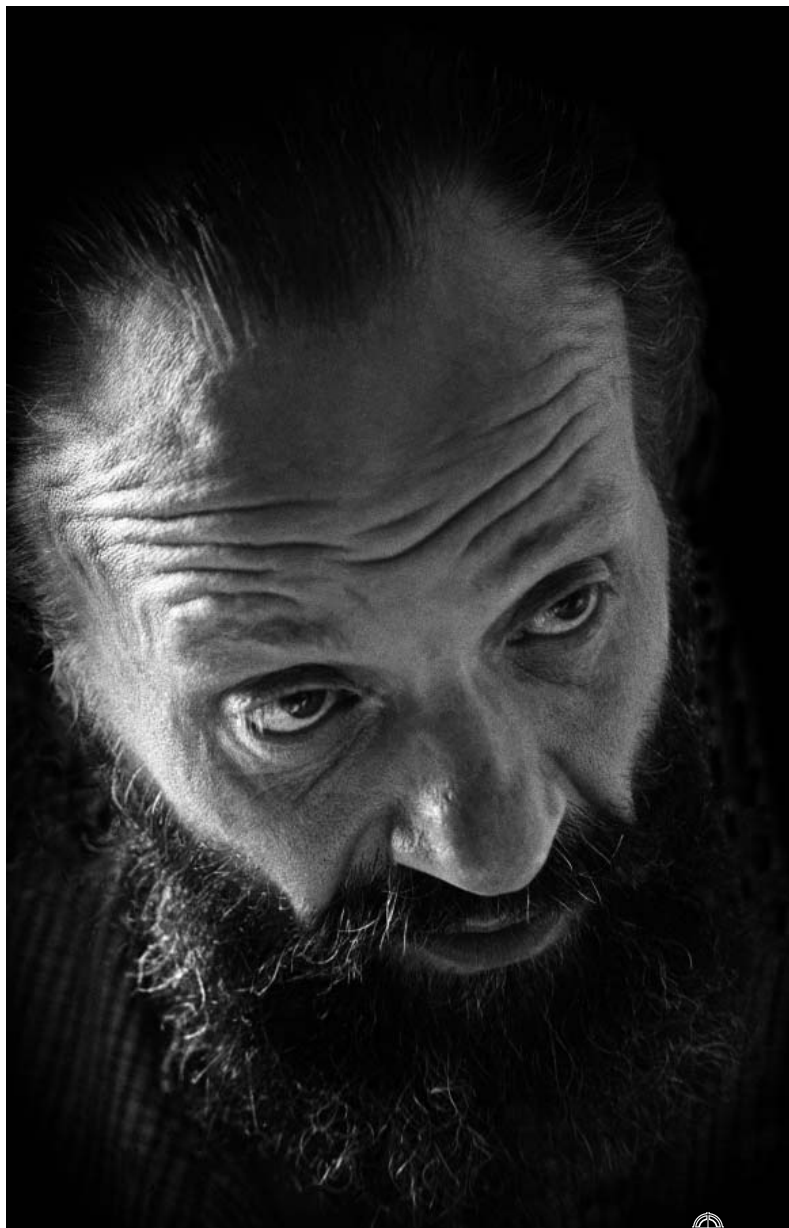
Наталья ИСАЕВА

Персонаж заведомо неловкий, похоже, ему неудобно даже в собственном теле; однако ж, он с некоторой изысканностью одет в белый летний костюм, соломенное канотье на голове, — вот, собирает грибы (реальные шампиньоны) тут у нас, прямо из-под ног сидящих зрителей... Вот еще один персонаж, он ляпает себя по лицу зеленоватой глиной, отмечая так годы, проведенные в добровольном плену: «шлеп!» — только брызги летят! — «еще год!» — «шлеп! шлеп!» — и всё так и продолжается под отбивку блюза, что полу-поется — полу-рыдается вплоть до неожиданного конца истории... Чувственная, экстравагантная красавица кричит и плачет, управляя тройкой вместо кучера, а другая хлещет себя между ног кнутом... Ключья бумаги, черная тушь течет по столику, по смятым стеблям цветов, и женщина, растоптанная, униженная, — ее сбивают с ног в метре от зрителей; а потом она же залезает на стремянку, — свою личную «Эйфелеву башню», — чтобы посмотреть хоть так, — увидеть издали, из сумрачной, проклятой России, иную землю, что может спасти нас, если нет больше никакой надежды... Настоящие слезы, пролитые в зале смущенными, стыдящимися зрителями, — и эти души — почти осязаемые, рвущиеся вот так, прямо перед нами в этом магическом круге живого действия...

Кажется, всего лишь несколько дней назад мы закончили представление «Вечеров Чехова» («Les Soirées Tchekhov») в маленьком парижском театре «Аталанта» («L'Atalante»). Я говорю «мы», потому что это группа режиссеров — бывших учеников Анатолия Васильева в театральном институте Лиона «ЭНСАТТ» («ENSATT»). Через некоторое время после окончания курса пятеро из них (Аньес Адам, Стефани Люпо, Ив Боже, Седрик Жоншьер и Стефан Поляков) вновь собрались вместе, чтобы поставить шесть спектаклей по мотивам рассказов Чехова (это были его новеллы, маленькие повести: «Дом с мезонином», «Черный монах», «Пари», «Володя большой и Володя маленький», «Моя жизнь», «Рассказ неизвестного человека»). К группе режиссеров (каждый из которых сам играл у себя в пьесе или, вернее, в инсценировке чеховской прозы, но непременно также и в спектаклях своих друзей) добавилось несколько французских

МАЛЕНЬКАЯ РЕПЕТИЦИЯ ВЕЧНОСТИ

(Последние французские опыты Анатолия Васильева)

Анатолий Васильев. Лиона. 1994. Фото: Александр Тезлов-Радно

и итальянских актеров — и, конечно, само собой разумеется, — этой группе всегда помогал мастер... Я же была частью всего этого приключения, все четыре года в Лионе я оставалась там деканом ржиссерского факультета при художественным руководителе Анатолии Васильеве, — ну и, соответственно, всегда старалась держаться поближе в занятиях и стажках, — как переводчик и ассистент, помощник, а часто и просто — горничная «за всё». Во всяком случае, большую часть времени была рядом, как тот самый оловянный солдатик, верный свидетель, — может быть, немного пристрастный, но все же внимательный.

Шесть новых спектаклей на основе новелл Чехова, три совершенно разных вечера, разных представлений... Настоящее событие для молодых режиссеров: серия показов продолжалась больше месяца — в общем-то, реальный риск для руководителя театра Алена Барсака, который оказался готов принять нас. Барсак отдал нам свое пространство, где мы могли всё перекрашивать, переделывать, — пожалуй что, и злоупотреблять его гостеприимством (маленький подвал полностью преобразился, — теперь он был весь — белого цвета, без обычного амфитеатра кресел, он утонул в ярком, почти ослепительном свете; вместо сцены — сплошная площадка арены, вплоть до всех коридоров и узких ниш, которые тоже шли в дело — то бишь, в действие). В конце концов, это того стоило, потому что к концу серии показов зал уже не мог вместить всех зрителей, которые желали непременно пробраться, мы пытались добавить стулья по периметру комнаты, потом — небольшие черные табуреты, а там уж и подушки, — ну а под конец аудитории помолже пришлось сидеть прямо на полу. Но разве это важно, когда ты видишь актера, играющего вот тут, рядом, когда он может дотронуться, задеть тебя, заставить тебя вздрогнуть...

Васильев уже уехал, когда спектакли всю игрулись: он начал эту авантюру, а теперь только присматривал за нею на расстоянии. Его студенты, его ученики, которых он образовывал и воспитывал в течение многих лет, студенты, которые подготовили 19 дипломных спектаклей, которые — на правах «больших» — играли в официальной программе Авиньонского фестиваля в 2008 году (отдельные спектакли в рамках проекта «Платон/Магритт» и джем-сейшн коллективной импровизации в «Версальском экспромте» Мольера), и вот теперь заявили о себе в Париже, наконец-то

должны были стать взрослым, независимым, — а значит, непременно должны были уйти... Но в последний вечер он отправил им специальное свое письмо, сказав: «мы все укрепились в наших вкусах и предпочтения применительно к театру: это театр естественный, непосредственный, свободный, простой, иногда умный, иногда немного глупый. Но всегда — театр живой. Потому что именно таким и должен быть настоящий театр. Театр мертвый к этому не относится, к нам это не относится. Смерть нас не затрагивает и не касается. Вместе с вами я пью за живой театр!»¹

Но что это значит, в конце-то концов, живой театр? Я думаю, мы легко можем выделить тут две различные и взаимно противоположные идеи о природе актера и его игры — идеи, которые отчетливо существуют, в том числе, и во французской традиции театра. Первая концепция хорошо отражена в знаменитой теории Дени Дидро — в основном это внешний подход, искусная имитация поверхности и неких выразительных знаков эмоциональной жизни. Ничего не имею против, — по-своему это почтенная традиция — в конце концов, можно стать настоящим виртуозом в создании правдоподобных и даже весьма ярко изукрашенных копий человеческого существования.

С другой же стороны, есть и иной подход, тесно связанный с внутренней жизнью человека, связанный с творческим и живым порывом, — он толкает актера скорее к внутреннему ощущению, к «само-чувствию», «самоощущению» (как сказала бы Мария Кнебель), к тому, что и впрямь переживается как реальный опыт в процессе самого творчества. Во Франции мы явственно различаем эту вторую тенденцию в работах Антонена Арто (Antonin Artaud), — это жажда истинной страсти, присущей творческому акту, — страсти, которая приводит к трансформации сознания, чувственности, даже самой органической, телесной жизни артиста. Можно сослаться тут на известные слова Станиславского («Работа актера над собой»): «через сознательную психотехнику артиста к подсознательному творчеству природы». И Антуан Витез, который в своей работе с актерами «Шайо» опирался прежде всего на театральную традицию Станиславского, основанную на принципе внутренней жизни, представляется мне подлинным и законным наследником этого подхода.

«Холодно» или «жарко», «снаружи» или «внутри», «вещь» или «процесс», — на протяжении веков мы только и говорим в драматическом театре, что об этом выборе. Законченная форма, визуальный рисунок спектакля (пусть даже речь идет всего лишь о презентации работы в конце курса), — это, конечно важно, но куда более важным, с точки зрения Васильева, становится подготовительный период, — недаром в русском театральном языке существует противопоставление «постановочной разводки» (та всегда несет в себе некий уничижительный смысл, сколько бы режиссер ни трудился над визуальными знаками, жестами и движениями) — истинной режиссуре. Это не означает, что режиссер, а тем более режиссер-педагог сам не знает, чего он ищет (хотя во Франции, например, совсем не редкость ситуация, когда постановщик предлагает своим актерам «отправиться в путешествие», «начать поиск и вопрошание вместе»). Васильев тут был куда более жесток: он использовал драгоценное подготовительное время не только для того, чтобы прочертить путь, но и чтобы проделать дыру, щель в защитных бастионах ученика. Видимо, это совершенно необходимо, чтобы оттуда могла наконец брызнуть «чистая креативность», — прямо как это описано у Хайдеггера в его «Истоке художественного творения» («Der Ursprung des Kunstwerkes»), где он говорит о “разъеме”, “щели”, хотя тут ее приходится проделывать каждый раз не просто в толще бытия, но в хрупкой и страдающей природе самого артиста... Зная, как использовать не только сильные стороны актера, но и его слабость, его стыд, страх перед самим собой, — с тем, чтобы привести его в конце концов к этому светящемуся и пугающему мгновению действия, чистого творчества.

С практической точки зрения: даже при дефиците времени во время репетиций при Васильеве работа непременно должна была проходить через полосу «этюдной практики», то есть через период направляемых импровизаций, жестко структурированных вокруг литературного текста. Ученик, актер никогда не начинает с выученного наизусть текста, — скорее, он постепенно приручает этот текст, — тот как бы строится заново на основе внутренней жизни играющего. Я могу честно сказать, что актеров иногда охватывала паника: осталось не так уж много времени перед премьерой, а Васильев упорно продолжает эти свои упражнения, все эти бесчисленные «этюды». Я-то думаю, что этот

шаг всегда был абсолютно необходим — и уж особенно с французскими актерами, которые играют в большинстве своем «от галстука», совершенно не чувствуя внутренней, органической жизни тела, — ну и еще от словесного текста, от своей картезианской рациональности, требующей для всего логических объяснений, — вне какой-либо связи с внутренней и спонтанной жизнью персонажа.

Здесь, во Франции, принято считать, что работа актера или режиссера от начала и до конца полностью predetermined его природным даром: ничему нельзя научиться, — разве что каким-то техническим деталям, — всё зависит от таланта, всё уже дано заранее, возможно только постепенное и не очень уверенное развитие этого первоначального ядра. Даже идея обучения актеров наталкивалась здесь на множество трудностей, прежде чем оказаться, наконец, повсеместно признанной. Но и она существует вне какой-либо системы, сводясь по сути к попытке преподать или добавить набор чисто технических средств, неких специализированных ухищрений... Другими словами, учитель (скорее, технический прораб) прибывает к ученикам со своим «bag of tricks» — с проверенными трюками и фокусами, с навыками, которые помогут в будущей профессии. Так они и сменяют друг друга — каждый работает от двух недель до пары месяцев: собственно, после этого времени и передавать-то уже нечего, мешок пуст. Весь учебный курс обычно строится как последовательность маленьких «семинаров», очень разнообразных и очень неоднородных, — организованных в зависимости от способностей преподавателей. И прямо-таки бросается в глаза отсутствие внутренней согласованности в работе, которая одна лишь могла бы стать истинным источником органического роста и развития молодого актера или режиссера.

Но для Васильева театральная педагогика остается неотъемлемой частью работы режиссера. Для него было совершенно невозможным отношение к актеру как к кукле (пусть даже и «сверхмаррионетке» Крэга!), используемой для воплощения чудных видений режиссера. В то же время, повторяю, он никогда не верил во все эти напыщенные слова о «совместном творчестве как коллективном поиске», якобы ведущимся режиссером наравне с актерами. Режиссер, скорее, призван стать неким «мета-творцом», то есть тем, кто сумеет повернуть и по-новому сформировать художественные импульсы других. Создать свой собственный рисунок

из свободной воли других подлинных художников, создать целый мир, новую вселенную — не из элементов и неподвижных объектов (они-то уже созданы), но из одушевленных, живых существ, из их душ и тайных порывов, которые порой скрыты и от них самих). Знать, что надо сделать, если нужно — как слукавить, — однако прежде всего: как прикоснуться к живой ране каждого, — болезненно, но не причинив ущерба. Иначе говоря, тут мы каждый раз неизбежно возвращаемся к фундаментальным отношениям между мастером и учеником. Важно ведь не просто провести линию цветным карандашиком, но зная человека, подтолкнуть его, чтобы тот сам провел эту линию в пространстве — коли понадобится, то и кровью своего сердца...

Но есть, на мой взгляд, еще одна очень характерная особенность, особенно заметная здесь, во Франции, — это фетишизм текста. Литературный текст — поистине священный зверь, которого никто не смеет тронуть. Единственный центр, вокруг которого всё продолжает вращаться... И вместе с тем, это ведь был француз, Ролан Барт (Roland Barthes), это он сказал: «письмо, сам акт письма, превосходит собой любое произведение»! Конечно же, игра, живой акт, происходящий здесь и сейчас, выше, чем любой завершённый и прекрасный предмет искусства! Слишком часто мы начинаем с почитания литературного текста (уже фиксированного как нечто произведенное) — или же с почитания этого неясного, таинственного, природного дара (он тоже фиксирован, поскольку уже присутствует изначально) — и тогда нам никак не пробиться к истинно творческой свободе, — а ведь о ней на первых порах не подозревает и сам ученик.

У Васильева, конечно, всё также начинается с анализа текста. Только это вполне конкретная работа, построенная на умении различать между плоским массивом текста текста, бесструктурным «чтением слов», — и линией реального действия в этом тексте. Между тем, что лежит на поверхности, — и тем, что до поры до времени скрыто. Когда мы говорим о психологическом театре (*психологических структурах*), это означает для Васильева, и вполне в русле русской театральной школы, что при анализе драматического текста все разбирается от условий и предпосылок человеческой ситуации, которая определяет собой начало пьесы, то есть от *исходного события*. Персонаж продолжает свое путешествие по запутанной сумятице обстоя-

тельств, столкновений и пересечений драмы. Тем не менее, на протяжении этого путешествия он чувствует, как нечто уже подталкивает его назад: судьба его уже predetermined прошлым, а все силы уходят на выявление и осознание этих предпосылок, — персонаж по существу становится беспомощным узником цепи причин и следствий, в числе которых — и его собственный характер, его собственная натура. Тогда, для действительного обогащения психологических структур необходимо как можно пристальнее копаться в этом первоначальном событии, искать там новые возможности, — иначе говоря, нам волей-неволей приходится нырять весьма глубоко в темное подсознание участников драмы. Только там, внизу, — в изначальном водовороте всех наших страстей, наших темных комплексов, — мы и сможем найти истинные причины зарождения чувства и действия. В то же время, эта кажущаяся свобода — всего лишь иллюзия, своего рода близорукость или трусость с нашей стороны — то, что по сути мешает нам видеть ясно положение дел. Многие уже предписано и predetermined заранее, ограничено самой сутью наших эмоций, самим характером наших самых возвышенных, самых лучших и спонтанных движений: все они принадлежат царству природы, — стало быть, представляют собой не более, чем звено в этой бесконечной причинно-следственной цепи природы.

Напротив, в отличие от психологических, определяет Васильев, *игровые структуры* всегда направлены к цели, к пределу и вершине всей композиции. Теперь уже не особый персонаж определяет собою путешествие, — о нет, это реальный человек, личность (persona) актера решает собой всё: он начал эту авантюру, и хочет любой ценой дойти до конца. А *основное событие*, которого мы надеемся достичь, оказывается чем-то вроде разрешения загадки, сложной головоломки. Если *исходное событие* подталкивает персонаж, гонит его вперед неумолимо и неостановимо, то *основное событие* влечет к себе самого актера как человека, делая ему знак, чтобы тот приблизился, подошел, — оно призывает и манит к себе. Тут всё может стать предметом игры, включая и человеческую природу (характер персонажа, — или же природа свободного игрока, который участвует в этом обмене). По дороге что угодно может послужить участникам мячом, игрушкой, точкой соприкосновения. Но всё это время, в самых причудливых закоулках, в самые

темных тоннелях, — на всем лежит отблеск — свет далекого маяка, которая привлекает нас, зовет нас подойти поближе для последней разгадки....

В работах по Чехову этот дальний смысл всё время менялся. В «Доме с мезанином» речь шла прежде всего о работе с памятью; в «Пари» — об отчаянном, почти невозможном вызове и о добровольном отказе; в «Черном монахе» — о соблазне, непреодолимом искушении творчества, когда мы готовы продать свой разум и саму душу ради магического, теургического мгновения, ставящего нас вровень с Богом.

Как ни странно, открывая свою работу в Лионе в 2004 году, Васильев решил начать именно с игровых, а не с психологических структур. Как правило, со студентами он прежде предпочитал строить на основе чего-то, известного всем: нашей природы (физической и эмоциональной), нашего восприятия, хрупкого и нестабильного, но такого близкого, теплого. Напротив, для лионских студентов-режиссеров он взял диалоги Платона — игровые и довольно абстрактные, — именно они и послужили в качестве исходной основы. А это значит, что вместо того, чтобы поставить в центр собственную эмоциональную жизнь, актер-режиссер должен был попытаться выйти за ее пределы, чтобы держать ее как бы перед собой — по сути, играя с этим центром, глядя на него с некоторого расстояния, создавая и обновляя всё новые возможности для игры со своими эмоциями, со своей собственной природой. Можно сказать, что в этой игре со структурой текстов Платона два актера, участвующие в диалоге как «персоны» («personae»), то есть как живые люди, оставаясь всегда самими собой, должны были проводить своих «персонажей-протагонистов» через длинные лабиринты ролей, через повороты и изменения целого (Васильев сказал бы: через «узлы» целого) в их путешествии к главному событию, где все наконец-то раскрывается.

Вторая неожиданность: на этот раз, репетируя Платона, вместо «жесткого текста», который обычно использовался им для философских диалогов, Васильев предложил вернуться к практике «этюда», — практике, глубоко укорененной в свободной импровизации (это и опыт Станиславского периода «физических действий», но особенно подход Марии Кнебель, первого наставника Васильева во время его обучения в ГИТИСе). Между тем, хорошо известно, что «этюды» напрямую свя-

зан с самой сущностью психического — это почти алхимический процесс, который позволяет актеру сублимировать свои собственные страсти и воспоминания, чтобы возбуждать внутреннее ядро эмоций и чувств, чтобы прикоснуться к внутренним скважинам его собственного подсознания. На самом деле, Васильев предпочитает говорить не о твердом «ядре» личности, но скорее о некой скорлупе, под невидимой поверхностью которой мы находим живое и текучее вещество, способное порождать спонтанную жизнь, производить неожиданные следствия... Но здесь, в случае *игровых структур*, это может показаться противоречием: в конце концов, мы должны играть с понятиями и образами, сами идеи и выступают выступают «предметами игры», которыми обмениваются партнеры, «мячами» в этом странном футболе. Да и сама игровая среда — разве она не создается благодаря этому расстоянию между «ногой и мячом», действующим актером и его персонажем, — игровая среда, которая разогревается как раз благодаря этому немного ироничному отношению, способности живой «персоны» выглядывать наружу из своей роли, слегка подмигнув нам всем со стороны?

Не стоит, правда, усматривать во всем этом нечто подобное, скажем, дистанцированию или «очуждению» («Verfremdung») Брехта: для Васильева пространство игры заполнено не привычками или социальными условностями, но самой этой странной «материей» игровых живых энергий. Есть силовые линии, которые провоцируют и создают реальную силу, — то силовое поле, что генерирует ток игры. И есть, конечно, эта черная дыра, почти не постижимая, — зона основного события, что влечет нас к себе (она располагается где-то в конце текста, когда уже всё сказано, — очень часто она даже перемещается за пределы самого текста произведения — как окончательное решение запутанной загадки)...

Если мы вернемся теперь к психологическим структурам (как правило, связанным с практикой этюда), мы найдем ситуацию, в которой актер должен использовать творческую силу глубинных течений своей собственной природы. Это не так просто, как может показаться на первый взгляд. Мы помним, что источником энергии, первым импульсом к творческому движению становится то, что существует еще до всякого первоначально действия — это исходное событие — сокрытое

прошлое, которое существует не только как конгломерат событий и явлений, но и как некая темная подложка наших страстей и тайных желаний.

Уже у Платона мы находим эту поразительную аналогию между эротической любовью и творчеством: это чистое желание, что постоянно ищет себе новые тела, новые души, которые оно могло бы схватить и присвоить. По словам Станиславского, режиссера-учителя следует рассматривать, скорее, как акушерку, которая призвана помочь рождению спектакля; ну а Васильев, прямо отсылает нас к образу Диотимы из «Пира» Платона, к этому мощному образу посредника, проводника, сопровождающего нас на подъеме к вечной красоте и бессмертию.

Васильев часто говорит, что сама сила Эроса заполняет здесь промежуток. Прежде всего это означает, что расстояние между исполнителем действия, — этим актером, который играет, — и предметом игры как одной из любимых игрушек, то есть, его персонажем, — это расстояние всё время меняется, становится размытым, но остается всегда заряженным игровым электричеством. Можно сказать, что в игровых структурах творчество порождается в игровой среде, созданной этим «сдвигом» (или «зazorом», по терминологии Васильева). Этот промежуток меняется, но он всегда необходим. Он существует между человеком, «персоной» актера и проецируемым им объектом или персонажем; кроме того, он обусловлен неопределимой по самой своей сути, вечно изумляющей нас природой основного события, — природой той конечной цели, что сокращает и укорачивает всякую перспективу, подспудно воздействуя на всех персонажей и их поведение уже от самого начала игры. Все это касается, главным образом, положения актера, когда его центр внимания, центр эмоций смещается, «выносятся» вперед, оставаясь теперь перед ним как некое ядро, излучающее бесконечные игровые возможности.

Эта дорога любви, то есть страсти как и всё возрастающей жадности, как игры *rag excellence*, причем игры опасной, — это же, вместе с тем, и путь творчества. Пьер Клоссовски, говоря о технике Кармело Бене, сказал: «то же самое тело само по себе не гарантирует одну и ту же душу, не говоря уже о характере *dramatis personae* (действующих лиц) — когда все они выступают аналогом души в ожидании будущего воплощения. В любой момент, когда мы наблюдаем его жесты, когда мы воспри-

нимаем предложенные нам крики или шепоты Кармело, мы оказываемся лицом к лицу перед нашей собственной дилеммой, от которой перехватывает горло: где, при каких обстоятельствах мы можем узнать себя такими, какими себя считаем, какими мы есть?» Клоссовски продолжает говорить далее о некоем «тонком теле», — той разреженной области, которая включает в себя и как бы окутывает тело и душу исполнителя, являя перед нами все осциллирующие, колеблющиеся возможности, всю эту территорию пугающей свободы игры, которая существует вокруг актера. Как будто все эти виртуальные существа продолжают сопровождать личность художника, — почти как блуждающие души из Чистилища, лишенные опоры, вечно в поисках нового тела, новой жизни, новой судьбы... Любопытно, что в иной традиции, в кашмирском шиваизме, существует сходное понятие: «сукшма линга» или «сукшма шарира», — это «тонкое тело», которое сохраняет для нас выражаемый смысл (в особенности, смысл «тонкий», метафорический), но то же время является единственной реальной связью между различными воплощениями души. Можно сказать, что именно «сукшма шарира», выступает в качестве носителя «следов» пережитых ощущений, а также остается своего рода «пунктирной» линией личности во всех ее воплощениях и трансформациях. Одним словом, когда мы ищем истоки своих действий в психологии, нам непременно приходится рыть всё глубже — до последних пределов нашей собственной памяти, — а потом и погружаясь в подземные реки забытого прошлого, в почерневшие, обугленные глубины нашего подсознания — пугающего и постыдного...

Репетиции этюдом, когда актеры нацелены на это действие, — в значительной степени неуловимое, но живое, — часто бывают весьма зрелищными: нечто вроде коллективной импровизации джазовых музыкантов. Их практически невозможно повторить, — разве что сотворить заново. Эта практика иногда кажется очень рискованной, затрагивающей последние пределы творческой деятельности, — но только такая практика может выявить для нас очевидным образом всю сокрытую структуру персонажа, — буквальный смысл текста ее часто лишь затемняет. Васильев, который довел эту технику до совершенства (нетрудно найти впечатляющие следы репетиций этюдом в психологическом спектакле «Первый вариант Вассы Железновой», в «Серсо», а также в игро-

вых структурах всего пиранделловского цикла) на самом деле всегда относился к театральному действию чисто психологического толка с большим подозрением. По его мнению, если искать свободу спонтанных творческих действий, но в то же время стараться держаться в круге света, выбирать нечто спасительное, нам непременно нужен некий довольно радикальный поворот, который мы и находим в *структурах перехода* или *промежутка*.

Возвращаясь к методике исследования, к разнице между психологическими и игровыми структурами, мы сразу видим, что есть и иная возможность, чтобы привести их в некое соответствие. Конечно, всегда можно посмотреть на путешествие героя как на путь, который связывает исходное и основное событие в пьесе. Но глядя с некой более высокой точки зрения, невозможно отделаться от ощущения, что в самых интересных драматургических образцах (скажем, в произведениях самых метафизических) основное событие неизбежно выламывается за пределы самого текста. Если теперь попытаться согнуть дугой этот лук, эту арку, мы увидим, что такой более удаленный конец, более дальняя и глубокая цель для равновесия тотчас же требуют от нас начать и сам путь гораздо раньше. Иными словами, эсхатологическая цель предполагает и изначальный корень где-то в подсознании, но в подсознании, уже превосходящем индивидуальную природу человека. Да, мы не можем полностью избежать этой ловушки, — но мы способны прийти к чему-то общему, — к тому, что очень глубоко затрагивает всех нас вместе. И здесь, помимо знаменитого «коллективного бессознательного» Карла Юнга, мы можем сразу же обратиться к чисто театральным поискам Михаила Чехова, Антонена Арто, Ежи Гротовского, — да и самого Васильева в сравнительно недавний период его творчества. Для него единственным инструментом, способным приручить это первичный материал, выступает ритуализация (в своей лекции в 1998 году в Сан-Паулу Васильев в первый раз говорит об *искусственной ритуализации* как способе, который он сознательно выбрал для репетиций «Илиады»). Ритуал как единственный инструмент, способный контролировать эту расплавленную плазму наших глубинных снов, наших самых рискованных и жестоких импульсов, — этих «архетипов», которые уже существовали столетиями, задолго до нас...

И еще одно маленькое замечание. В своем трактате, специально посвященном театральным опытам — в работе «Повторение» («Gjentagelsen»), — Сёрен Кьеркегор говорит о повторении, которое является также возобновлением, но одновременно говорит и об опасности таких попыток всякий раз воссоздавать вечное становление. Он признает, что можно действительно попробовать найти трансцендентность в этот момент чистого творчества, можно попытаться бесконечно раздуть этот спонтанный момент экстаза, когда актер реально, почти наощупь ощущает присутствие духа, действующего в рамках психической имманентности. Это состояние, которое для Кьеркегора является более или менее тождественным «припоминанию» Сократа, создает канал, который соединяет нас с трансцендентным, что дает нам возможность созерцать это трансцендентное многократно, — но только внутри некоего «вечного возвращения», вечного скольжения, не надеясь на истинное постижение. Для Кьеркегора это отношение сопряжено именно с эстетическим моментом, — то есть с созданием произведений искусства и с эстетическим наслаждением. По сути, он говорит тут об эстетической стадии существования человека, об искусстве превращать всю свою жизнь в предмет искусства, — наподобие того, как это делает дзэнский мастер (см. «Заключительное ненаучное послесловие к «Философским крохам» — «Afluttende uvidenskabelig Efterskrift til Filosofiske Smuler»). Точно так же в психологическом этюде актер может достичь этого порыва, этой истинной страсти, которая дает ему некое предчувствие, — как первый вкус вечности на губах; однако сам он не может обеспечить того прокола имманентности, который был бы достаточен, чтобы отменить временность. Напротив, по Кьеркегору, мы можем говорить о подлинном «мгновении» («Øieblik»), которое рассматривается им как подлинная точка пересечения между временем и вечностью. Но это понятие «мгновения» становится возможным только потому, что сама вечность уже вошла в сердце времени, что предполагает рассеивание временного вектора свободным вмешательством трансценденции.

Мне кажется, именно тут и можно искать истоки довольно необычной идеи «обратной перспективы» игровых структур у Васильева. Конечно, он говорит в этой связи о ранних итальянцах — работах треченто и кватроченто, о русской иконе, —

ну да, они создавались именно с этим чувством, с предвкушением обещанного бессмертия, давая нам образ материи, которая уже по сути своей преображена дыханием вечности. Помню, одну из своих французских статей о Васильеве я так и назвала: «Утвердительная интонация. Маленькая предварительная репетиция вечности». Тот немелкий «этюд» вечности, который мы, подмастерья, пытаемся проиграть — вместе, прямо здесь и сейчас. Я-то вижу Васильева как мастера, который всегда толкает своих учеников к невозможному. Конечно, ничего не сделаешь без любви, но я не думаю, что тут можно говорить об эмоциональной, чисто человеческой привязанности, — даже вспомнив о юбилее учителя. Скорее уж, об общей страсти, направленной к этой неуловимой сущности, к игре как «живой жизни» на сцене. Поверьте мне, хочешь — не хочешь, это тебя задевает, этим мгновением творчества опьяняешься как наркотиком. Потом, раз попробовав, — навсегда пропал, думаю, что мы-то, кто был рядом, — уж точно все пропали...

P.S.

¹ Режиссерам и актерам «Чеховских вечеров» от художественного руководителя Анатолия Васильева:

Ну вот — мы вместе эти вечера сделали. Прошел месяц со дня первого представления 21 мая. Поздравляю вас, благодарю, радуюсь.

Я радуюсь, что мы продолжили Авиньон, а то — как могло бы получиться? — будто ничего и не было! Ни Лионской школы режиссуры, ни серии нашей «французской драматургии», ни Платона с его приятелем Магриттом, ни Мольера, ни Чехова

с «Тремя сестрами»... Ни нашего присутствия на фестивале в Авиньоне, ни моих трудов в педагогике, ничего! Ни профессионального образования, длительного и связанного — внутри театральной культуры, которой именно профессионального-то и последовательного театрального образования вовсе не нужно!

Я благодарю вас всех вместе за тот подвиг творчества, который вы совершили на сцене театра «Аталанта», что на Монмартре. Казалось бы — что особенного: ну сыграли, — все играют, кому повезет с деньгами. Но тут случай особенный. Это было бескорыстное творчество, причем творчество не случайное, но то, которое вы сами выбрали, которое вы унаследовали, приняли от меня. Это творчество не просто основано на каком-то мимолетном вдохновении — сегодня я могу играть, а завтра, может, и не получится... Нет, вы продержались семь серий по три вечера, — почти без рекламы, по моей просьбе начав с незаметной премьеры, — и вас признали, к вам ходят, вас полюбили. Вам удалось не только приобрести друзей и поклонников, но и нажить тех, кто сознательно выбрал оставаться по другую сторону, тех, кто с безразличием или даже враждебно отнесся к происшедшему.

Итак. Вы за месяц ваших «Чеховских вечеров», — ну и моих «Чеховских вечеров», разумеется, — то есть мы вместе, вы и я, приобрели и поклонников и недоброжелателей. Осталось только найти покровителей (и лучше хоть с какими-то деньгами).

Я вас поздравляю: и режиссеров, и актеров; техников и администраторов, мою подругу и помощника («самого лучшего зрителя в Париже») — Наташу Исаеву. Поздравляю директора театра «Аталанта» Алена Барсака. Поздравляю нашего верного фотографа — Лорансин Лот. Поздравляю зрителей, которым наши вечер понравились.

Мы все укрепились в наших вкусах и предпочтения применительно к театру: это театр естественный, непосредственный, свободный, простой, иногда умный, иногда немного глупый. Но всегда — театр живой. Потому что именно таким и должен быть настоящий театр. Театр мертвый к этому не относится, к нам это не относится. Смерть нас не затрагивает и не касается. Вместе с вами я пью за живой театр!

Ваш Анатолий Васильев

ЛОРКИАНСКОЕ «ПАЛОМНИЧЕСТВО»

Мигель ПАЛАСИО

2011-й был объявлен Годом России в Испании и Испании в России. В обеих странах было организовано множество мероприятий, призванных лучше познакомиться друг с другом народы, живущие на противоположных оконечностях Европы. Одним из главных книжных событий, приуроченных к перекрестному Году, стало издание на русском языке сборника прозы Федерико Гарсиа Лорки — «Самая печальная радость...» (2010), осуществленное Центром книги Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы имени М.И. Рудомино.

Творчество испанского поэта и драматурга хорошо знакомо российским читателям. Свой русский голос он обрел благодаря ряду выдающихся поэтов и переводчиков, в первую очередь — Анатолию Гелескулу. В России, где многие поэты умерли не своей смертью, особо чутко воспринимается драматическая кончина самого именитого сына Андалусии. Его гибель от рук фашистов на заре Гражданской войны в Испании (1936-1939) нашла отражение в поэзии, живописи, музыке. Иосиф Бродский посвятил памяти Федерико одно из своих ранних стихотворений «Определение поэзии» (1959). Евгений Евтушенко написал стихотворение, в котором рефреном звучат слова: «Когда убили Лорку, — а ведь его убили!..» (1967).

Создатель «Цыганского романсеро» и «Дома Бернарды Альбы» прожил 38 лет. Подобно уайльдовскому Дориану Грейю, он увернулся от цепких

объятий старости и навеки запомнился молодым и цветущим. Но если Дориан отдался во власть греха и сохранил лишь внешнюю привлекательность, то Гарсиа Лорка обладал всепокоряющей душевной красотой, являлся человеком света. «Федерико Гарсиа Лорка был подобен щедрому, расточающему добро духу, он впитывал и дарил людям радость мира, был планетой счастья, жизнелюбия»¹, — вспоминал его друг чилийский поэт Пабло Неруда.

Магия личности испанского гения через написанное им воздействует на миллионы людей, говорящих на разных языках, принадлежащих к различным культурам и религиям. Прочитать все мнения о Гарсиа Лорке даже только известных людей невозможно. Приведу здесь высказывание иерарха Русской Православной церкви, богослова и композитора митрополита Илариона (Алфеева), который познакомился с творчеством Федерико в восьмилетнем возрасте: «Я... открыл книгу и был абсолютно, раз и навсегда пленен Гарсиа Лоркой, красотой его стиха, поэтичностью образов, глубиной мысли, силой чувства. А когда стал сочинять вокальную музыку, то писал только на его слова»².

Думаю, подписаться под этим признанием готовы все лоркианцы — люди, которые искренне любят творчество Федерико, понимают его экспансивный, противоречивый, во многом трагический внутренний мир. Среди таковых — автор настоящих строк. Лично для меня Год России в

Сальвадор Дали и Федерико Гарсиа Лорка

Испании и Испании в России вышел за свои хронологические рамки. На первой неделе января 2012 года, когда российские верующие готовятся к Рождеству Христову, а испанцы ожидают прихода волхвов, мы с другом поехали в Испанию и посетили места, связанные с жизнью и смертью Федерико Гарсиа Лорки.

ОТЧИЙ ДОМ В ФУЭНТЕ-ВАКЕРОСЕ

Напротив церкви находится дом, в котором я родился.

Он большой, гнетущий, величественный в своей старине...

*Федерико Гарсиа Лорка,
«Моя деревня» (1917-1918)*

Первый пункт нашего лоркианского «паломничества» — «малая родина» поэта, городок Фуэнте-Вакерос (исп. «источник пастухов») в андалусской провинции Гранада. Утром 4 января мы добрались туда на весьма комфортабельном автобусе, который каждый час отходит от одного из зданий Гранадского университета и, преодолев 17 км пути менее чем за полчаса, делает остановку на площади «Мэрия Фуэнте-Вакероса». Первое, что видит пассажир, выходя на улицу, — стенд с фотографией Гарсиа Лорки и картой местных достопримечательностей.

Мы прогулялись по бульвару Прадо, куда только начали выходить из своих домов обитатели городка (было полдесятого утра — ранний час для зимнего периода). На память пришли начальные строки юношеского рассказа Федерико «Моя деревня»: «Ребенком я жил в очень тихой и ароматной деревушке на Гранадской равнине. Все, что в ней случалось, и все ее переживания сегодня проходят через меня, завуалированные ностальгией детства и временем»³. В конце бульвара установлен скромный памятник с коротким посвящением: «Народ — Ф. Гарсиа Лорке». Оттуда рукой подать до его дома.

Зазвучали колокола храма Воплощения, где был крещен и который посещал вместе с матерью маленький Федерико. Рассматривая храм, я опять же вспомнил рассказ «Моя деревня»: «Башня церкви такая низкая, что не выдается над поселком, и когда звонят колокола, кажется, что они делают это из сердца земли»⁴.

Посетить Дом-музей Федерико Гарсиа Лорки можно только строго в 10, 11, 12, 13, 16, 17 или 18 часов (в зависимости от сезона время доступа варьируется) и обязательно в сопровождении гида. Лучше всего уведомить о своем приходе заранее. У нас была договоренность с представителями Дома-музея о визите в 10.00. В назначенный час нас встретила административный сотрудник Инмакулада Эрнандес Баэна.

Мы гостили в типичном жилье зажиточного землевладельца Гранадской равнины конца XIX — начала XX века. Его построил дон Федерико Гарсиа Родригес в 1880 году, после свадьбы со своей первой женой Матильде Паласиос. Овдовев, он сочетался браком со школьной учительницей Вицентой Лоркой Ромеро. Экскурсия началась с их комнаты. Из мебели в ней — кровать, над которой висит изображение Младенца Христа, и тумбочка. Рядом, отгороженная занавеской, — комнатка с детской кроваткой. На стенах помещены свидетельства о крещении первенца четырех Гарсиа Лорка — Федерико Святейшего Сердца Иисуса, его школьный диплом, а также два фото: на одном он запечатлен со всеми мальчиками из своей школы, на другом — со всеми ученицами соседней школы для девочек (очевидно, такой привилегии Федерико удостоился как сын преподавательницы).

Мы осмотрели прихожую, столовую, кухню, гостиную с пианино, на котором играл Гарсиа Лорка (музыкальный инструмент был доставлен сюда из другого дома поэта). Здесь можно увидеть фотографии донна Федерико, доньи Виценты, их старшего сына, рисунки Федерико и его современников. Поднявшись на второй этаж, мы попали в кладовую, которая используется как выставочный зал. В момент нашего посещения там представлялась экспозиция о вояже Гарсиа Лорки на Кубу в 1929 году в рамках путешествия в США, итогом которого был сборник «Поэт в Нью-Йорке» (издан в 1940 году).

Нас провели в соседний зал, носящий имя Аны Марии Дали — сестры Сальвадора Дали и подруги Федерико. Она подарила музею письма и фотографии из личного архива. Сеньора Инмакулада продемонстрировала фрагмент документального фильма о Гарсиа Лорке, в котором речь идет о молодежной театральной труппе «Ла Баррака», собранной поэтом и гастролировавшей по Испании. На экране Федерико появляется разгружающим декорации с грузовика, выходящим на сцену

перед началом представления, чтобы произнести приветственную речь, изображающим ночь в длинных черных одеждах, в головном уборе с вуалью.

Покинув дом, мы очутились во внутреннем дворике (патио), традиционном для иберийской и латиноамериканской архитектуры. В гуще растительности, покрывающей стену, спрятался бронзовый бюст Гарсиа Лорки работы скульптора Эдуардо Карретеро. Нас, приехавших из январской России, порадовало мандариновое дерево с созревшими плодами. Патио — единственное место в музее, где разрешено фотографировать.

После того как в первое десятилетие XX века семья Гарсиа Лорка переехала в столицу провинции Гранада, в доме жили их родственники. В 1982 году дом купил парламент провинции, а спустя четыре года там открылся музей Федерико. На торжественной церемонии 29 июля 1986 года присутствовала сестра поэта Исабель. Она оставила памятную надпись: «Я сильно впечатлена желанием сохранить дом, в котором впервые увидели свет глаза, сказавшие столько всем нам. Спасибо».

Из Дома-музея по приглашению сеньоры Инмакулады мы направились в Центр лоркианских исследований, расположенный по соседству. В этом старинном здании некогда находилась школа, а потом мэрия Фуэнте-Вакероса. В день столетия Гарсиа Лорки — 5 июня 1998 года — прошла презентация Центра. На первом этаже устроен зал для выставок, на втором — библиотека и архив, куда может попасть любой желающий, предварительно сделав заявку. В библиотеке хранятся более пяти тысяч книг и пятиста журналов. Мое внимание привлекла коллекция, переданная Центру главным биографом Федерико и Сальвадора Дали Яном Гибсоном: книги, периодика, переписка с многочисленными корреспондентами.

Расставшись с сеньорой Инмакуладой, мы прошли за пределы Фуэнте-Вакероса, чтобы полюбоваться видом гор Сьерра-Невада, вдохновлявшим Гарсиа Лорку. Мы вдыхали свежий воздух, подставляли лица не по-зимнему теплому солнцу, обзрели поля и домики, многие из которых наверняка помнят всегда опрятно одетого мальчика с красивыми задумчивыми глазами, прямыми, зачесанными вперед волосами, немного оттопыренными ушами, коим был Федерико.

УСАДЬБА САН-ВИСЕНТЕ

Потом мы проведем все лето вместе, ибо я должен много работать, и именно здесь, в моей усадьбе Сан-Висенте, где мне особенно спокойно пишутся театральные вещи.

Из письма

Федерико Гарсиа Лорки семье (1933)

Новая встреча с Гарсиа Лоркой произошла на следующий день в поместье его родителей — Уэрта Сан-Висенте. *Huerta* переводится с испанского как «фруктовый сад», но в Гранаде означает «усадьба». Дон Федерико купил загородный дом в 1926 году и назвал его в честь жены. Семья ежегодно, вплоть до 1936 года, селилась в усадьбе Сан-Висенте на все летние месяцы. Тогда район имения был бесшумным предместьем Гранады, окруженным кукурузными и табачными полями. Теперь это окраина города с невзрачными многоэтажками и скромным парком.

В 1985 году мэрия города Гранады приобрела дом и почти два гектара прилегающей территории. В 1995 году прошла инаугурация Дома-музея Федерико Гарсиа Лорки. Экскурсии по усадьбе Сан-Висенте проводятся в определенное время, группами не более 15-ти человек. Вместе с нами с музеем знакомились восемь посетителей, все зрелого и пожилого возраста — испанцы и пара англоговорящих туристов.

Дизайн музея оформлен в соответствии с фотографиями из семейного архива. Использовались, к примеру, широко растиражированные фото, сделанные в гостининой усадьбы: Федерико и его мама сидят на диване, на одном снимке он смотрит на донью Висенту, она — в объектив фотоаппарата, на другом женщина глядит в сторону, он в объектив; за ними круглый столик, покрытый скатертью, стулья, на стенах — святой образ, фотографии и рисунки. Реконструированы также столовая, кухня, зала с роялем — непременно атрибутом всех жилищ Федерико, поскольку одной из его главных страстей была музыка.

На втором этаже располагались личные комнаты хозяев, в том числе спальня поэта. Посетителям демонстрируют его постель, над изголовьем которой — изображение Пресвятой Богородицы, и письменный стол с листами бумаги и белым кувшином для умывания. На одной из фотографий Гарсиа Лорки заметно, что сам он

на своем рабочем месте держал бумагу, ручку и чернильницу. С помощью этих предметов Федерико написал в усадьбе Сан-Висенте пьесы «Когда пройдет пять лет» (1931), «Кровавая свадьба» (1932), «Йерма» (1934), сборник поэзии «Диван Тамарита» (1931–1936). Творя, он всматривался в склоны Сьерра-Невады, которых сейчас не видно из-за новостроек.

ОВРАГ В ВИСНАРЕ И ОЛИВА В ФУЭНТЕ-ГРАНДЕ

Над прохладным ручьем сердце мое отдыhalo⁵.

*Федерико Гарсиа Лорка,
«Сон» (1919)*

Утром нового дня нам предстоял самый печальный визит — на предполагаемую могилу Федерико. Таксист за полчаса домчал по извилистой дороге из центра Гранады до входа в горный природный парк Сьерра де Уэтор, что в девяти километрах к северо-востоку от столицы провинции. Парк находится между городками Альфакар и Виснар, которые навеки скованы с Гражданской войной. В альфакарском дворце архиепископа Моско-и-Перальты, воздвигнутом в конце XVIII века, с июля 1936 года размещался один из штабов военных — сторонников правой националистической партии Фаланга, совершивших переворот против левого правительства Народного фронта. Летний лагерь для школьников Вилья-Конча, более известный как Ла Колония, неподалеку от Виснара, бунтовщики превратили в тюрьму.

Обстоятельства взятия под стражу и убийства Гарсиа Лорки до конца не выяснены. Одни исследователи объясняют задержание поэта его левыми убеждениями. Другие выдвигают на первый план семейные распри: мол, воспользовавшись неразберихой, вызванной внутригосударственным конфликтом, несколько кланов свели счеты с отпрыском своих врагов. Третьи говорят о неприязни отдельных лиц к самому Федерико. Летом 1936 года он отдыхал в усадьбе Сан-Висенте, а после военного мятежа укрылся в доме своих друзей братьев Росалесов, где его арестовали. Свой последний рассвет Гарсиа Лорка встретил в Ла Колонии. Оттуда он был вывезен в горы Сьерра де Уэтор и расстрелян. Произошло это 17, 18 или 19 августа 1936 года.

Перед поездкой в Испанию я перечитал книгу Яна Гибсона «Гранада 1936 г. Убийство Федерико Гарсиа Лорки», изданную в Барселоне в 1979 году и переведенную на русский язык в 1983-м. С тех пор труд ирландского литературоведа и историка не потерял своего значения и эксклюзивности. Во-первых, Гибсон составил первую детальную хронику последних недель жизни Федерико. Во-вторых, собрал свидетельства десятков людей, бывших свидетелями фашистских репрессий в Гранаде. В-третьих, проявил недюжинную отвагу и смекалку, проведя свое расследование еще при диктатуре Франсиско Франко — в 1965-1966 годах, когда правда о терроре времен Гражданской войны скрывалась, и разыскивать ее было небезопасно (так, в начале 60-х годов недалеко от Альфакара жандармы задержали английского ученого Джеймса Дики, который всего-навсего изучал памятник арабской культуры, и продержали его в казарме всю ночь).

Высидевшись у стелы с надписью «Овраг Виснара», где лежали пять красных гвоздик, мы спустились на каменистую дорожку, которая вела в сосновый лес. Остановились на пару минут, чтобы рассмотреть стенд, приглашающий в парк Сьерра де Уэтор. «Следуя этим путем, вы сможете познакомиться с частью нашего культурного и исторического наследия, посетив уголок, известный как “Овраги”, где, как считается, прожил свои последние мгновения гранадский поэт Федерико Гарсиа Лорка», — гласил комментарий на стенде.

Скоро мы увидели овраг и в нем — холмик. Рядом стоял небольшой монумент. Выгравированные на нем слова заставили сжаться сердце: «Все были Лоркой. 18-8-2002» (получается, что памятник установили в годовщину убийства Федерико). Здесь находится братская могила жертв фалангистов. По краю оврага уложены камни с табличками, на которых выбиты имена казненных. Видно, что люди не забывают это скорбное место, приносят цветы, кресты, свечи. Кто-то положил бумажку, где карандашом начертил: «Привет, Лорка! Фантастическая жизнь и страшная смерть». Мы кратко помолвились об упокоении душ Федерико и всех павших в период братоубийственной бойни в Испании.

Гарсиа Лорка покоится не на этом коллективном погосте, о чем я знал по книгам Гибсона и других авторов. Мы вернулись на шоссе и пошли в сторону Альфакара. Справа высилась горная гря-

да, слева — холм. Тысячу лет назад мавританские халифы, господствовавшие в Испании восемь веков, соорудили вдоль дороги, тянущейся отсюда в Гранаду, водный канал. Свой исток он берет в роднике Фуэнте-Гранде (исп. «великий источник»), или, как его окрестили арабы, Айнадамар («источник слез»). Газы, которыми насыщен источник, выталкивают струю живительной влаги, но не такую высокую, как несколько столетий назад. Канал до середины XX века снабжал питьевой водой важный район Гранады — Альбайсин, построенный маврами.

В 1966 году в Фуэнте-Гранде приехал Ян Гибсон, ведомый неким М.С. (так он обозначен в упоминавшейся книге). Он отвел ирландца в сторону от источника, к оливе, уцелевшей от старой масляной рощи. За 30 лет до того дня семнадцатилетний М.С. по приказу фашистов закопал там тела нескольких репрессированных. Юноша заметил, что на одном из них «был платок вместо галстука (“из тех, что носят художники”), и по возвращении ему сообщили, что это поэт Гарсиа Лорка»⁶, — пишет Гибсон.

В августе 1978 года Гибсон и М.С. побывали в Фуэнте-Гранде в компании племянника одной из расстрелянных в овраге Виснара — Кармелы Родригес Парры, виновной лишь в том, что в ее баре в Гранаде собирались выразители левых взглядов. Прошло три года после смерти Франко, и М.С. не боялся жандармов, некогда патрулировавших дорогу между Виснаром и Фуэнте-Гранде. Погруженный в свои мысли, М.С. рассказывал: «Здесь это было, конечно.... Здесь нет никого, кроме учителя из Пулианас, кроме Галади, Кабесаса⁷ и его, Лорки.... На этом самом участке, да, на этом участке они, значит, и лежат; чуть повыше или чуть пониже, но на этом участке...»⁸.

Реформы второй половины 70-х — начала 80-х годов в Испании ознаменовали безоговорочный переход к демократии. М.С. более не скрывал своего имени — Мануэль Кастильо Бланко. Произведения Гарсиа Лорки, ранее запрещенные, стали издаваться огромными тиражами, а его пьесы обогатили репертуар театров. Общество заговорило о необходимости выяснить, где погребен один из самых выдающихся испанцев. Однако родственники Федерико неизменно противились вскрытию могилы, объясняя свою позицию тем, что не желают осквернять покой великого предка и боятся превращения печальной церемонии в шоу. По испан-

ким же законам только лица, связанные кровными узами с покойным, могут дать разрешение на его эксгумацию.

В декабре 2007 года в Испании вступил в силу Закон об исторической памяти, предусматривающий реабилитацию жертв Гражданской войны и правления Франко (1939-1975), розыск захоронений, эксгумацию и идентификацию репрессированных. В сентябре 2008 года внучка Диоскоро Галиндо, Ньевес Гарсиа, потребовала через суд вскрыть могилу ее деда, дабы достойно похоронить тело. К ней присоединились родные других погибших вместе с Федерико и учителем Галиндо, а также Ассоциация за восстановление исторической памяти Гранады.

Иск сеньоры Ньевес принял к рассмотрению судья Национальной судебной палаты Испании Бальтасар Гарсон, прославившийся преследованием чилийского экс-диктатора Аугусто Пиночета и другими политическими процессами. В октябре 2008 года Гарсон объявил франкистские репрессии преступлениями против человечности. Через месяц судья, не объясняя причин, отказался от ведения дел об исчезновении тысяч людей в годы Гражданской войны и диктатуры и направил иск Ньевес и другие подобные заявления в локальные судебные инстанции. Вскоре рекламация внучки Диоскоро Галиндо из Гранады вновь поступила в Мадрид.

В октябре 2009 года правительство Андалусии, не дожидаясь вердикта суда, организовало раскопки в месте, указанном М.С. Потомки Гарсиа Лорки обнародовали обращение, в котором требовали провести эксгумацию на основе конфиденциальности и оставлять за собой право распоряжаться прахом Федерико по своему усмотрению. Первооткрыватель оливы, Ян Гибсон, не был привлечен к столь значимой «операции», но пристально следил за ее ходом. Предприятие закончилось в декабре 2009 года без каких-либо результатов. В следующем году Гибсон опубликовал книгу «Могилы Лорки: хроника одной нелепости», где назвал причинами неудачи плохую подготовку и узость зоны поисков.

В тот период в Испании и за ее пределами активизировалась полемика о судьбе Гарсиа Лорки. Накануне 75-летия со дня расстрела поэта Мигель Кабальеро Перес в своей книге «Тринадцать последних часов жизни Гарсиа Лорки» (2011) заявил, что он похоронен в 400 метрах от той самой оливы.

Более того, испанский историк утверждал: палачи разделались с Федерико не 18-19 августа, как полагает большая часть экспертов, а 17 августа, сразу после ареста, чтобы за пленника не успели заступиться его влиятельные знакомые. Приведенная гипотеза еще ждет вещественных подтверждений. Бытует версия, что через два дня после убийства дон Федерико Гарсиа Родригес, заплатив властям Альфакара крупную сумму, вывез тело сына в усадьбу Сан-Висенте и там предал земле.

Люди неохотно и тяжело принимают уход притягательных, одухотворенных личностей, и потому поныне циркулируют слухи о спасении Федерико. Но наряду с почитателями гения, которые тешат себя надеждой, что их любимец избежал жестокой расправы, немало тех, кто спекулирует на искренней вере. Масла в огонь дискуссий подлил роман испанского писателя Фернандо Мариаса «Волшебный свет» (2003, русский перевод — 2004), где повествуется о выжившем Гарсиа Лорке, который вследствие ранения в голову страдал амнезией и уже в наши дни скитался в Гранаде.

Сегодня остатки оливковой рощи обнесены забором и относятся к парку имени Федерико Гарсиа Лорки. У входа — фонтан, на его стене — керамические таблички с фрагментами стихов Федерико. Чуть поодаль — «олива Гибсона», рядом каменный куб с посвящением: «В память о Федерико Гарсиа Лорке и обо всех жертвах Гражданской войны 1936–1939». В конце 30-х годов тут высадили сосны — как говорят альфакарцы, чтобы замаскировать могильники. Мы побродили у оливы, сорвали веточку на память. Атмосфера была наполнена тишиной и умиротворением. Не покидало изумление от того, что то, о чем столько читал, представлял в воображении, теперь перед глазами.

Выйдя за ворота, мы вернулись в привычный мир. Коттеджи, ресторанчик, откуда доносился аромат свежесваренного кофе. Местные жители, прогуливавшиеся по тропинке у шоссе, с любопытством рассматривали двух иностранцев, общавшихся на экзотичном языке. Неприятно удивило, что у оливы женщина выгуливала собаку (несмотря на новые сведения о могиле Федерико, нельзя сбрасывать со счетов умозаключения Яна Гибсона). Казалось, за пределами парка имени Гарсиа Лорки о горькой участи поэта и тысяч его земляков напоминает лишь указатель на фонарном столбе: улица мучеников.

СТУДЕНЧЕСКАЯ РЕЗИДЕНЦИЯ

Мне кажется, самыми интересными в Резиденции были годы с двадцатого по двадцать седьмой. В это время там оказались вместе Гарсиа Лорка, Сальвадор Дали... и другие блестящие молодые умы⁹.

*Хосе Морено Вилья,
«Жизнь начистоту» (1944)*

Завершающий аккорд нашего «пилигримства» был сделан в Мадриде, в Фонде Федерико Гарсиа Лорки. Эта организация расположена на севере столицы в Студенческой резиденции — основной купели испанской интеллигенции первой половины XX века, из которой вышел и наш герой.

Студенческая резиденция возникла на базе Института свободного просвещения, учрежденного в Мадриде в 1876 году. Институт был первым испанским высшим учебным заведением, независимым от Католической Церкви. Его родоначальники, философ и педагог Франсиско Хинер де лос Риос и другие общественные деятели, задались целью воспитать интеллектуалов с европейским мышлением, способных направить страну в нужное русло. В 1910 году Хинер де лос Риос основал Центр исторических исследований, по сути, вольный университет. В нем разрешалось снимать жилье и слушать лекции студентам любых вузов, поэтому Центр именовался Студенческой резиденцией. Возглавить ее был приглашен бывший преподаватель Института свободного просвещения Альберто Хименес Фрауд, в 1907-1909 годах изучавший систему образования Оксфорда.

Доселе в Испании отсутствовали студенческие общежития, и молодым людям из провинции приходилось самим искать себе крышу над головой. Хименес Фрауд внедрял обычай университетского общего жития, присущий британским колледжам. Следуя заветам Хинера де лос Риоса, он старался наладить неформальные, «семейные» отношения между преподавателями и учениками, развивать в студентах внутреннюю дисциплину, личную и коллективную ответственность. Благодаря своим либеральным идеям директор «Рези», как сокращенно величали Резиденцию, и его соратники получили прозвище «солнечных пуритан».

В 1915 году в северной части проспекта Пасео де ла Кастильяна, практически за городом, открылся новый комплекс Резиденции, построенный в

испано-мавританском стиле. Кирпичные здания были светлыми, их окружали сады. Спальни имели аскетичную обстановку. Условия проживания отличались строгостью, ночная жизнь воспрещалась. Среди постояльцев преобладали выходцы из среднего класса, так как высшее образование могли позволить себе лишь обеспеченные семьи. При «Рези» действовали общедоступная библиотека, издательство, экспериментальные лаборатории, бесплатные языковые курсы. Здесь читали лекции ведущие ученые и писатели эпохи (Альберт Эйнштейн, Мария Кюри, египтолог Говард Картер, Хосе Ортега-и-Гассет, Герберт Уэллс, Гилберт Кийт Честертон и другие), проводились музыкальные вечера, на которых выступал, в частности, Игорь Стравинский.

До 1936 года число обитателей Резиденции почти не менялось и составляло сто пятьдесят человек. Все они знали друг друга, хотя бы в лицо. Гарсиа Лорка въехал в «Рези» в 1919 году, временно отложив обучение на юридическом факультете Гранадского университета, и прожил там до своего отъезда в США летом 1929 года. Федерико быстро стал едва ли не главной «звездой». Студенты видели в нем интереснейшего собеседника и непревзойденного рассказчика. Поэт часто декламировал свои стихи, исполнял народные испанские песни, аккомпанируя себе на рояле. Были и такие, кто недолюбливал гранадца, но когда он прикасался к клавишам, недоброжелатели мгновенно покорялись его таланту и обаянию.

Федерико близко сошелся со студентом Мадридского университета из Арагона Луисом Бунюэлем, будущим кинорежиссером, который поселился в Резиденции за два года до него, и Сальвадором Дали, приехавшим в сентябре 1922 года из Каталонии поступать в Королевскую академию изящных искусств Сан-Фернандо. 18-летний Дали сразу прослышал о примечательном персонаже по имени Федерико Гарсиа Лорка, но познакомились они только в начале 1923 года, по возвращении Федерико из Гранады, где он готовил фестиваль фламенко. Между молодыми людьми вспыхнула искра симпатии. Их роднили тесная связь с родной землей, любовь к музыке и фольклору, преклонение перед никарагуанским поэтом Рубеном Дарио, франкофильство.

В 1925-м и 1927 году Гарсиа Лорка приезжал в гости к Сальвадору в приморский городок Кадакес (Каталония). Родители Дали приняли друга

сына очень тепло. Нежные чувства к нему испытывала сестра будущего классика сюрреализма Ана Мария. В книге «Тайная жизнь Сальвадора Дали, написанная им самим» автор признавался, что его окутала «тень» Гарсиа Лорки. «Окутала и едва не погубила природную самобытность моей натуры»¹⁰. Образ поэта на несколько лет превратился в доминирующий мотив картин и рисунков Дали, вытеснив прежнюю музу — Ану Марию. Федерико, в свою очередь, написал «Оду Сальвадору Дали» (1926). Они проводили неразлучно много часов, разговаривали об искусстве, житейских делах, делились сокровенным. Друзья вместе работали для театра, задумали оперу, которую Дали сочинит в одиночку в 70-е годы.

Сальвадор, жаждавший везде быть в центре внимания, страдал из-за популярности Гарсиа Лорки. К андалусцу, лучившемуся очарованием и добром, люди тянулись. Каталонца — чудака, склонного к мании величия, наоборот, чуждались. В своих мемуарах Дали писал, что «стал избегать встреч с Лоркой и компанией, которая все очевиднее становилась его компанией... Наверное, тогда, единственный раз в жизни, мне довелось узнать нечто подобное мукам ревности. Едва ли не каждый вечер мы всей компанией шли по Пасео де Кастельяна в кафе, заранее зная, что и сегодня во всем блеске нам предстанет Федерико, этот огнелюбивый алмаз. И часто я вдруг срывался и бежал от них со всех ног, прятался три, четыре, пять дней...»¹¹.

Близкие отношения двух гениев прервались в 1929 году с выходом фильма «Андалусский пес», снятого Луисом Бунюэлем и Дали. Многие в кинокартине говорили о том, что прототипом героя был Федерико. И прежде всего название: в «Рези» выходцев с юга нарекли «андалусскими щенками». Поэт затаил обиду. Тем не менее Федерико и Сальвадор иногда виделись. Последний раз друзья общались в Барселоне в сентябре 1935 года. Тогда Гарсиа Лорка познакомился с легендарной русской женой Дали — Галой (настоящее имя — Елена Дьяконова). Они были очарованы друг другом.

Художник не изменил своему эксцентризму, когда, узнав об убийстве Федерико, воскликнул: «Оле!» (так зрители корриды выражают восхищение тореро, одолевшему быка). Еще большее удивление вызывает фраза из одного интервью: «Особенно хорошо идет сардинка под воспоминания о покойничках, особенно тех, кого расстреля-

ли в гражданскую войну. Я, конечно же, в первую очередь имею в виду моего друга Федерико Гарсиа Лорку!»¹² После этих слов Ана Мария порвала с братом. Дали оценит значение Федерико в своей жизни с годами. Он слышал его голос, стихи, музыку. В случае успеха в каком-то деле Сальвадор благодарил андалусского друга за помощь. В середине 80-х годов престарелый одинокий Дали порой плакал и повторял: «Мой друг Лорка...».

Франкистский режим ликвидировал Студенческую резиденцию. Большинство преподавателей и постояльцев, включая Альберто Хименеса Фрауда, вынужденно эмигрировали. В 1943 году из библиотеки «Рези» были вывезены 16.000 томов. Лишь в 2010 году удалось обнаружить это книжное собрание. В 1986 году началось возрождение Резиденции. Будучи частной организацией, она пользуется покровительством испанского правительства. Там проводятся культурные мероприятия, направленные на сохранение памяти о «серебряном веке» культуры Испании (1868–1936).

При подходе к «Рези» нам бросился в глаза плакат с фотографией Дали, поэта, драматурга, художника, вечного студента Хосе Морено Вильи, Бунюэля, Гарсиа Лорки и юриста Хосе Рубио Сакристана, сделанной в 1926 году. Это последний общий снимок троицы закадычных друзей. Мы осмотрели бюст Хименесу Фрауду и макет типичной комнаты студента 20-х годов на первом этаже одного из корпусов: тахта, письменный стол, тумбочка, гравюры на стенах, книги повсюду, столик с чайным сервизом, кувшин с водой и таз для умывания. Поскольку на стене висит «Натюрморт» Дали, подаренный им Федерико, многие думают, что это комната Гарсиа Лорки (известна фотография, где он сидит на своей кровати в «Рези» под упомянутой картиной). В реальности поэт жил в другом помещении, но где именно — узнать невозможно: в Гражданскую войну часть архивов Студенческой резиденции была утеряна.

Мы вошли в Трансатлантический корпус, в котором находится Фонд Федерико Гарсиа Лорки. Фонд занимает несколько офисов на втором этаже. При входе — бюст Федерико и то самое его изображение под далианским «Натюрмортом». В приемной стоят ящики с книгами и журналами. Нас встретила президент Фонда — Лаура Гарсиа Лорка де лос Риос.

Донья Лаура — дочь младшего сына доня Федерико и доньи Висенты, Франсиско, и актрисы

театра «Ла Баррака» Лауры де лос Риос, дочери друга Федерико, известного политика-социалиста, министра просвещения в годы Второй испанской республики Фернандо де лос Риоса Уррути. Семья Гарсиа-Лорка де лос Риос после прихода к власти Франко переехала в США. Дон Фернандо продолжал политическую деятельность, был министром иностранных дел республиканского правительства в изгнании. Франсиско посвятил себя преподаванию, писал историко-литературоведческие эссе. Незадолго до смерти он взялся за воспоминания о брате, которые, увы, не успел закончить. Книга «Федерико и его мир» готовилась к публикации при содействии вдовы автора и вышла из печати в 1981 году.

Сеньора Гарсиа-Лорка провела нам краткую экскурсию по Фонду, представила нас сотрудникам (все они — женщины). Дольше всего мы задержались в библиотеке, где собраны рукописи Федерико, его книги, биографии, исследования творчества. В их числе — русскоязычные издания поэзии и драматургии и труд Льва Осповата «Гарсиа Лорка» (1965, серия ЖЗЛ издательства «Молодая гвардия»). Затем президент Фонда дала нам интервью:

— Донья Лаура, когда и при каких обстоятельствах был образован Фонд Федерико Гарсиа Лорки?

— *Идея Фонда принадлежит моему отцу Франсиско, его сестре Исабель и моей матери Лауре. Они вынашивали этот проект на протяжении многих лет. Наконец, в 1984 году донья Исабель взяла инициативу в свои руки. В ту пору моих родителей уже не было в живых. Моя тетя посоветовалась с шестью племянниками Гарсиа Лорки, и все мы поддержали ее в намерении учредить Фонд.*

— *В 1995 году я была приглашена в Гранаду на официальное открытие усадьбы Сан-Висенте — первого музея Федерико. Там мы устраивали мероприятия, в которых были задействованы яркие личности, включая нобелевских лауреатов. Большое внимание уделялось проведению фестивалей классической, современной и народной музыки. Мы инициировали художественную выставку в Лондоне с привлечением более тридцати мастеров международного уровня. Таким образом, нами затрагивались все сферы искусства, привлекавшие Гарсиа Лорку.*

— *Мы всегда хотели, чтобы Фонд пустил корни в родных краях поэта — в Гранаде, но поначалу не получили поддержки местных властей. Поэтому Фонд родился и действует в мадридской Студенческой резиденции, сыгравшей огромную роль в судьбе Федерико, в его становлении как литератора. Недавно позиция мэрии Гранады изменилась, и сегодня в центре города возводится Центр*

Гарсиа Лорки. Здание это площадью 4500 метров, с театром на 400 зрителей и выставочным залом. Евросоюз оказал нам помощь в размере четырнадцати миллионов евро – 75 % бюджета строительства. Остальные 25 % вложило правительство Андалусии. Центр предполагалось открыть два года назад, однако из-за задержки строительных работ и сложностей в переговорах с некоторыми учреждениями пока что он существует виртуально.

– Насколько мы понимаем, Фондом неизменно руководили члены семьи Гарсиа Лорка...

– Быть родственником Федерико, чтобы занимать пост президента Фонда его имени, не обязательное условие, но так сложилось. Первым президентом была донья Исабель. Ее сменил мой двоюродный брат Мануэль Фернандес Монтесинос, бывший секретарем Фонда в годы президентства моей тети. Несколько лет назад Мануэль ушел в отставку, и по общему согласию Фонд возглавила я.

– Как функционирует Фонд? Поддерживает ли его государство?

– Фондом управляет Попечительский совет в составе президента, секретаря, официальных покровителей (парламент Гранады, правительство Андалусии, Студенческая резиденция, Гранадынский университет) и частных благотворителей. Центр Гарсиа Лорки имеет более высокий статус: ему оказывают патронаж Министерство культуры Испании и органы Евросоюза.

Государство помогает, правда постоянного бюджета у нас нет – на каждый проект запрашивается отдельное финансирование. Как вы заметили, у нас маленький штат: несколько административных сотрудников и два архивиста-библиотекаря.

– Какие проекты реализует Фонд?

– Фонд издает свой бюллетень – специализированный журнал, адресованный ученым, преподавателям и студентам филологических факультетов, кафедр испанского языка. В бюллетене публикуются статьи о жизни и творчестве Гарсиа Лорки. Некоторые номера посвящены другим писателям и поэтам.

Также Фонд печатал сочинения Федерико в книжках небольшого объема и формата, не снабженных комментариями и примечаниями. Выпуск серии прекратился, но, думаю, следовало бы его возобновить.

Последние проекты мы осуществляем под маркой Центра Гарсиа Лорки. Один из них – презентация в Москве в ходе Года Испании в России спектакля «Комедия и сон» по мотивам неоконченной «Комедии без названия» Федерико: герои, актеры, репетируют пьесу «Сон в летнюю ночь» Шекспира. Постановщиком вы-

ступил Хуан Карлос Корасса, аргентинец, живущий в Испании, театральный режиссер и педагог (у него учился, в частности, Хавьер Бардем). Этот спектакль был показан в феврале 2011 года в Центре имени Мейерхольтца. Помимо российской столицы, «Комедию и сон» мы представляли в Гранаде, а также в Мадриде – в рамках Осеннего фестиваля, самого престижного в Испании театрального смотра.

– Не планируется ли создать институт, объединяющий все организации, специализирующиеся на Федерико?

– Да, было бы логично, чтобы вся работа вокруг Гарсиа Лорки координировалась в одном месте. Именно в такую структуру призван превратиться гранадынский Центр. Туда мы переведем все наши архивы. В Мадриде останутся копии документов. К тому же мы сохраним этот офис.

Надеюсь, организации, подобные нашему Центру, появятся в других городах Испании и мира, что будет еще одним свидетельством любви миллионов к Федерико. Гарсиа Лорка – универсальный человек, поэтому музеи, центры в его честь могут действовать где угодно.

– Донья Лаура, что для Вас значит быть одной крови с Федерико Гарсиа Лоркой? Чувствуете ли Вы его присутствие?

– Федерико участвует в моей жизни, что я отчетливо ощущаю. Особенно в такие моменты, как сейчас. Я веду беседу с людьми, которые сформировались в среде, очень далекой от Гранады, но привязаны к Гарсиа Лорке, обладают большими знаниями о нем. Это поразительно, меня переполняют эмоции, радость.

Осознание родства с таким человеком вызывает обостренную ответственность, требует всецелой отдачи трудам по сбережению наследия Федерико, распространению знаний о нем, взаимодействию с его поклонниками и исследователями.

Мы поблагодарили донью Лауру за интересный рассказ и выразили солидарность с деятельностью Фонда. Прощались с ней по-дружески: обнялись и расцеловались. Наше пребывание в Испании подходило к концу. Планы по визитам и встречам были исполнены (хотя не все включено в настоящий очерк, иначе бы он приобрел объем книги).

ЭПИЛОГ

В последний вечер в Мадриде мы отправились на площадь Санта-Ана, что в центре города, в так называемом районе литераторов, чтобы уви-

деть памятник Гарсиа Лорке. С конца XVI столетия здесь расположен Испанский театр, а с конца XIX века – памятник писателю и драматургу «золотого века» культуры Испании (1492–1681) Педро Кальдерону де ла Барке. На площадь святой Анны выходит фасад роскошного отеля «Королева Виктория». Кроме того, площадь известна ресторанами, кофейнями, барами, в которых предлагаются фирменные испанские тапас – закуски к вину и пиву, и немецкой пивной, облюбованной в разное время тореро, Эрнестом Хемингуэем и хиппи.

Памятник Федерико украсил площадь Санта-Ана в середине 90-х годов. Его история такова. В 1984 году режиссер Испанского театра Мигель Наррос предложил мэрии Мадрида в связи с 50-летием со дня премьеры пьесы «Йерма», сыгранной на сцене этого театра 29 декабря 1934 года, увековечить память автора в изваянии. Заказ исполнил скульптор Хулио Лопес Эрнандес. Монумент изготовлен из бронзы и изображает поэта в костюме и галстук, держащим в руках жаворонка. На постаменте надпись: «Мадрид – Федерико Гарсиа Лорке». Пока на площади шли реставрационные работы, скульптура хранилась в казармах Конде Дюке, которые с конца 60-х годов перестали использоваться армией и были переоборудованы под культурные цели. В 1998-м, год столетнего юбилея Гарсиа Лорки, состоялось торжественное открытие памятника на его нынешнем месте.

До площади Санта-Ана мы добрались в сумерках. Мадридцы и туристы шагали мимо бронзового Федерико словно не замечая единственный возвышающийся почти по центру площади объект. Мы стали фотографироваться. Некоторые прохожие, обратив внимание на фотосессию, подошли ближе. Группа молодых латиноамериканцев, прочтя надпись, призадумалась. «Вроде какой-то поэт», – произнес один из них. Юноши и девушки принялись щелкать фотоаппаратом, вставая в разные позы на фоне скульптуры.

Как только монумент остался в одиночестве, мы вернулись к нему. Поэт подается вперед, а жа-

воронок в его ладонях расправляет крылья и готовится взмыть. Эта птичка символизирует высокий взлет, небо, рассвет и тепло. Лицо у Федерико серьезное, взгляд сосредоточенный. Прикоснувшись к памятнику, я тут же одернул руку от холода. Духовными очами я не узрел в нем Гарсиа Лорку. Передо мной стоял застывший истукан – ничего общего с жизнерадостным, исполненным любви, дружелюбия и творческой энергии человеком, которого я ощущал в Фуэнте-Вакеросе, усадьбе Сан-Висенте, Студенческой резиденции, чьей трагедии сопереживал в Сьерре де Уэтор. Господи Всемилостивый, позволь когда-нибудь снова пройти этим путем, вернуться к Федерико!

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Неруда П. Признаюсь: я жил. Воспоминания / Пер. с исп. Л. Синянской и Э. Брагинской. М., 2004. С. 125.

² Иларион (Алфеев), митрополит. Беседы с митрополитом Иларионом. М., 2010. С. 29.

³ Mi pueblo. // García Lorca F. Prosa inédita de juventud. Segunda edición. Madrid, 1998. P. 431.

⁴ Ibid. P. 432.

⁵ Пер. с исп. О. Савича.

⁶ Гибсон Я. Гранада 1936 г. Убийство Федерико Гарсиа Лорки / Пер. с исп. Н.В. Мальхиной и Л.С. Осповата. М., 1983. С. 223.

⁷ Гарсиа Лорка был расстрелян и погребен вместе со школьным учителем Диоскоро Галиндо Гонсалесом и двумя бандерильеро (участники корриды, которые вступают в бой с быком, орудия обернутыми в яркие тряпки крючьями – бандерильями) – Франсиско Галади Мергалем и Хоакином Аркольясом Кабесасом.

⁸ Гибсон Я. Указ. соч. С. 224.

⁹ Пер. с исп. В. Кулагинной-Ярцевой.

¹⁰ Тайная жизнь Сальвадора Дали, написанная им самим. Фрагменты книги // Дали С. Сюрреализм – это Я / Пер. с исп. Н. Малиновской. М., 2005. С. 111.

¹¹ Там же.

¹² Малиновская Н. Каталонская элегия // Предисловие к кн.: Дали А.М., Дали С., Гарсиа Лорка Ф. Сальвадор Дали. М., 2003. С. 12. ■

Малый театр и Союз театров Европы

Среди сенсаций, скандалов и шумных московских премьер Малый театр уже многие годы невозмутимо высится как цитадель театрального академизма и его последний оплот. Одних это раздражает, другим — нравится, третьи мечтают стереть его с театральной карты России вместе с остатками репертуарного театра, разлагающегося, по их мнению, на глазах. В моде — эстетический радикализм разовых театральных проектов, уничтожительное отношение к «безнадёжно устаревшему» репертуарному театру и презрение к сценическому реализму как таковому. Идеологи театрального авангарда привозят в Россию самое свежее, последнее и наиболее «продвинутое» из того, что появляется на европейских сценах. Легко может сложиться впечатление, что авангардизм лидирует в мировом театральном процессе, а традиционный тип театра и театральности где-то в арьергарде испускает последние слабые выдохи. Но верна ли такая расстановка акцентов? Не выдается ли здесь андерграунд за мейнстрим? Проведенный нынешней весной **Международный фестиваль Союза театров Европы (СТЕ)** позволил расставить более точные ориентиры в наших представлениях о европейской театральной жизни. Но прежде чем рассказывать о спектаклях фестивальной программы, необходимо ввести читателя в курс дела: что это за Союз и при чем тут Малый театр?

Союз театров Европы — это ассоциация репертуарных драматических театров, созданная в 1990 году по инициативе гениального итальянского режиссера Джорджо Стрелера и легендарного министра культуры и образования Франции Жоржа Ланга. Заручившись поддержкой Евросоюза, организаторы СТЕ использовали романтическую идею европейского единства для «построения Европы культурной, духовной и творческой». Во всяком случае, в одном из интервью господин Ланг именно так сформулировал задачу объединения европейских репертуарных театров.

Идея Союза была активно поддержана: в состав СТЕ вошли Пикколо-театр из Милана и МДТ из Петербурга, Национальные театры Чехии, Греции и Югославии, португальский театр Сан-Жуан и Венгерский театр Клуж-Напока — всего 33 театра из 15 стран. Среди независимых участников — режиссеры с мировыми именами: Деклан Доннеллан, Эли Малька, Сильвио Пуркарете. Почетными

ТЕМЫ И МОТИВЫ ТЕАТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ

Нина ШАЛИМОВА

членами стали именитые Анджей Вайда, Патрис Шеро, Кристиан Люпа, Роберт Стура, Анатолий Васильев. Что ни говори, а это достаточно внушительный отряд европейской режиссуры.

Деятельность СТЕ, финансируемая Евросоюзом, чрезвычайно разнообразна — обменные гастроли, совместные постановки, сотрудничество в сфере профессионального образования, а кроме того, члены Союза на ежегодных фестивалях представляют свои спектакли, отобранные специальным жюри. В рамках фестивальной программы проходят мастер-классы ведущих режиссеров современности, экспонируются работы сценографов, завязываются новые творческие контакты, открываются перспективы творческого диалога. Таким образом, престижный альянс ведущих драматических театров в культурном пространстве Европы предстает чем-то средним между многонациональным театральным домом и элитным театральным клубом.

Сравнительно недавно (немногим более года назад) в члены этого представительного театраль-

ного сообщества был принят Государственный академический Малый театр России. А это значит, что актерское искусство Малого ныне признано ценным культурным достоянием не только России, но и всей Европы. То, что традиционный фестиваль СТЕ впервые в истории проходил на его прославленной сцене, говорит о многом.

После этого затянувшегося, но необходимого вступления перейдем к разговору о самом фестивале. Фестивальная программа обладает своей стройной композицией и по тематике четко делится на три части. Так уж получилось, что авторитетное русско-европейское жюри выбрало для показа в Москве шесть спектаклей, которые сложились в три своеобразных сценических диптиха. Национальные театры Израиля и Северной Греции предложили вниманию москвичей спектакли на еврейскую тему. Румынский театр «Буландра» из Бухареста выступил с двумя версиями русской классики — по Достоевскому и Чехову. Два итальянских театра выбрали для показа драматургические со-

здания Брехта. Так сами собой определились три тематических фестивальных блока — еврейский, русский и немецкий.

Тема еврейская — израильская история и мифология иудаизма

Начался фестиваль с мощно заявленной еврейской темы.

Национальный театр Израиля «Габима» показал спектакль «Железная дорога в Дамаск» по пьесе Хилеля Миттельпункта. Выбирая пьесу, живо и трепетно повествующую о палестинских событиях времен Второй мировой войны, художественный руководитель театра Илан Ронен рассчитывал на чуткое отношение израильтян к собственной истории, их равнодушие к исторической судьбе своего народа и не ошибся. Успеху постановки способствовали и время действия (1942-й год), и место событий (Хайфа), и предлагаемые обстоятельства (германская армия приближается к границам Из-

Амьен, Франция. 2006. Фото: Александр Ткачев-Радно

КУЛЬТУРА

раиля, усиливается напряженность в отношениях евреев и арабов, активизируется борьба подпольных группировок за национальную независимость против британского протектората). Театр предложил взглянуть на этот период еврейской истории сквозь призму женской судьбы. Кинематографическое сплетение прошлого с настоящим в спектакле поддержано движением вращающихся панелей (сценограф Р. Дар): черно-белые плоскости переносят в «прошлое» пьесы, цветные — в ее «настоящее» (режиссер видео А. Авигодор).

В центре событий — трагический образ Сары, дочери репатрианта из России, оказавшейся заложницей политической борьбы. Ее жизнь овеяна дыханием большой истории: младший брат обвиняется в покушении на английского офицера, возлюбленный — солдат вражеской армии, опекун — арабский адвокат, старинный друг ее отца. Ради спасения брата она вынуждена предать соотечественников и разрушить собственную жизнь. Главную роль Евгения Додина исполняет в трагическом ключе. «Озноб по телу, на глаза наворачиваются слезы. Невероятное душевное волнение!» — таково основное зрительское впечатление от ее одухотворенной и страстной игры.

Национальный театр Северной Греции (Салоники) предложил вниманию публики мифопоэтический разворот еврейской темы. Английский актер и режиссер Брюс Майерс переработал для театра стародавнюю пьесу Семена Анского «Дибук». В основе ее — известная ашкеназская легенда о злом духе, который вселяется в человека и овладевает его душой. Обрученные с детства Лея и Ханаан волею родителей разлучаются, ибо семья девушки успела с тех пор разбогатеть и теперь не считает нужным выдавать дочь за бедняка. Ханаан умирает от горя, а Лея вынуждена идти замуж за нелюбимого. Но дух умершего возлюбленного ведет борьбу за ее душу. Лея заболевает, и испуганные родные приглашают старого раввина для изгнания дибука. Совершив необходимый обряд экзорцизма (изгнания духа), он очерчивает магический круг вокруг ослабшей девушки, а сам вместе с родными удаляется за новым женихом. Дух умершего Ханаана приближается к кругу, и Лея, влекомая страстной печалью, помогает ему разрушить круг, «чтобы быть всегда вместе и петь колыбельные своим нерожденным детям». Финалом истории оказывается смерть этих еврейских Ромео и Джульетты.

Режиссер Сотирис Хатзакис создал завораживающую атмосферу действия. Сценический сюжет он густо насытил древними молитвами и каббалистическими закланиями, ритуальными танцами и мгновенными метаморфозами, а воплощение мистической заразительности старины доверил одному-единственному актерскому дуэту. За вечерней трапезой Мужчина (Дмитрис Папаниколау) и Женщина (Деспоиона Корти) вспоминают легенду о дибуке и начинают разыгрывать ее в лицах. По ходу действия они перевоплощаются то в одного, то в другого персонажа, умудряясь за время спектакля сыграть около сорока ролей. Некоторые из них глубоко прочувствованы и поданы объемно, отдельные — броско обозначены, а иные — лишь эскизно намечены. Переход от одной роли к другой совершается «открытым приемом» — сменой масок или отдельных деталей костюмировки (накидкой, шляпой, очками, а то и накладными носами). Эти моментальные трансформации исполняются мастерски. Особенно хороши старуха нянька и старик раввин. Но, разумеется, дело не в отдельных удачах (к которым относится и великолепное пластическое решение сцены экзорцизма, и рифмующиеся сцены двух любовных объяснений Леи и Ханаана), а в общем впечатлении от спектакля. Философична и бесконечно грустна сыгранная актерами история о скитаниях бесприютной души во враждебном мире.

Тема русская — румынские акценты русской классики

Русская тема составляла сердцевину фестиваля. Персонажей Достоевского вывел на сцену художественный руководитель театра «Буландра» Александр Дарие. В его постановке любимая театрами всего мира повесть Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели» обрела сценическое название «Из записок неизвестного». Режиссера не волновали достижения современных технологий. И он не пытался покорить публику постановочными эффектами. В стремлении уловить духовный посыл автора и донести до зрителей внутреннее содержание его произведения он сделал ставку на живую актерскую игру и на ней сосредоточил основные усилия.

Обитатели села Степанчикова предстают со сцены весьма разнообразной и живописной группой, спаянной психологически, мировоззренчес-

ки, духовно. Все они — члены одной тоталитарной секты, лидером которой в спектакле выступает Фома Опискин (Вирджил Огэшану). Перед ним они преклоняются, его страшатся, к нему зывают, ему выказывают свое благоговение. И делают это столь самозабвенно, что общая картина происходящего на сцене приобретает черты кошмарного гротеска.

Это впечатление акустически поддерживается монашескими песнопениями (их «живую» исполняет вокальная группа ACCOUSTIC) и зрительно — стертым от времени «церковным» колоритом (декорационное оформление Марии Миу).

Обшарпанный, голубовато-серый, сужающийся вдаль коридор барской усадьбы завершается фресковым изображением «Спас на престоле». Двусмысленной и саркастической рифмой к нему выглядит торжественное явление Фомы: его вывозят к подопечным в высоком кресле, обитом красным бархатом, а кажется — царственным пурпуром. А уж когда его во втором акте приветствуют пальмовыми (буквально!) ветвями, то ассоциация с въездом Христа в Иерусалим становится неизбежной.

Принадлежность этого Фомы к многочисленным лжехристам нашего времени несомненна. Когда взбунтовавшийся Ростанев (М. Константин) выкидывает его прочь из своей жизни, волею режиссера Фома вылетает сквозь «фреску» и рвет изображение Спасителя, оказавшееся бумажным.

Ошеломление зрителя довершается едкостью финального разрешения конфликта — лжеспаситель по имени Фома вернулся-таки в усадьбу и отличнейшим способом все устроил: примирил сына с матерью, позволил влюбленным обрести друг друга и благословил три пары на венчание. Но за внешним благополучием финала явственно сквозит тревога румынского режиссера за духовное здоровье современного человека.

Ясный до прозрачности замысел, подробная и точная разработка каждого образа, достоверная и внятная игра актеров, общая культура подлинно ансамблевого исполнения — отличительные черты этого неровного, страдающего утомительными длиннотами, но интересного спектакля.

Глубокой экзистенциальной тревогой пронизан и спектакль признанного мастера сценической Чеховианы Андрея Шербана. Сквозная тема поставленного им «Иванова» — смертная. Ни одно упоминание автора о «костлявой» не прошло мимо

его внимания, ни один персонаж не оказался в стороне от нее. Отмечая каждое ее вторжение в действие сменой ритма, звуковым акцентом и переменной света, режиссер поведал со сцены достаточно жесткую историю о жизни, отчаянии и гибели. Он перенес внимания с заглавного героя пьесы на его смертельно больную жену, и именно ее уход из жизни сделал смысловым центром содержания. Его спектакль вполне мог бы носить название «зеленая миля» — та самая, последняя, которая предстоит каждому в конце жизни, ибо человек, по определению, смертен. Свою «зеленую милю», отравленную иррациональным страхом, пронизанную атмосферой отчаяния, каждый персонаж спектакля проходит по-своему.

Тоскливый крик совы повторяется вновь и вновь, наводя ужас на умирающую от чахотки Сару (М. Опришор). Озлобленная нервность доктора Львова (А. Павел), темные полукружия под его глазами намекают, что и он не жилец на этом свете, недалек тот час, когда вслед за своей пациенткой он уйдет из жизни. Граф Шабельский (В. Ребенгьюк) со слезами на глазах говорит о могилке жены, а когда Сара дает ему свой платок и он машинально начинает утирать проступившие слезы, то соображает, что взял платок от чахоточной, и в испуге бросает его на пол. Быстрый, резкий, моторный Боркин (М. Маноле) то и дело хватается за сердце, а к концу спектакля начинает покашливать в белую салфетку: каким-то тайным знанием он знает, что «умрет скоропостижно». Жизнелюбивая и недалекая Бабакина (А Макариа) внезапно падает в обморок. Даже незамысловатый Косых (Р. Амзулеску) — на грани самоубийства: «Дома все хожу да на отдушники поглядываю». Университетский приятель героя Лебедев (К. Скрипкару) только и ждет «околеванца». Его иссушенная до скелетной кости жена Зюсюшка (М. Чьюкур) обликом и пластикой напоминает пританцовывающую смерть. Персонажи с видимым удовольствием говорят о ее возможной кончине и со вкусом обсуждают пункты зюсюшкиного завещания. А на помолвке ее дочери Саши с Ивановым присутствуют, как на похоронах: разряженные, но молчаливые и словно в воду опущенные.

Сильно решена сцена кончины Сары, в крещении — Анны Петровны. Перед смертью она снимает с шеи православный крест и, давясь слезами, уходит со сцены под вернувшийся молитвенный распев своих библейских предков. Заупокойный

еврейский мотив переходит в русскую плясовую и обрывается громким боем часов — пробил час ухода из жизни, прожитой так горько и так напрасно. Говоря, что она отрезала от себя прошлое, «как осеннюю листву», Сара показывала, как она это сделала: резала руками шею, грудь, колени — подлинно, по-живому. А теперь смерть зарезала ее саму. При взгляде на виолончель, лежащей на авансцене подобием надгробной плиты с букетом похоронных цветов, Шабельский вспоминает о «жидовочке» и горько рыдает.

В последней сцене Сара является вновь: невидимая для всех, бродит меж гостями, смотрит пристально и печально — дело близится к финалу. Точку в этой истории ставит падающий со стула Иванов (Влад Иванов). К его навсегда замолкшим устам Шабельский и Лебедев подносят зеркало, разглядывают отражение, не затуманенное более дыханием жизни, слабо взывают о помощи; их негромкому шепоту вторят остальные: «Доктора, доктора...» Но, как известно, лекарства от смерти не существует: вопрошающие взгляды куда-то вверх, в ожидании чего-то остаются без ответа. Иванов, проживший последний год своей жизни «в виду смерти», ушел навсегда вместе со всеми своими терзаниями, проблемами и вопросами, так и оставшимися неразрешенными.

Тема немецкая — итальянский диптих по брехтовским сюжетам

Завершился фестиваль двумя итальянскими постановками Бертольда Брехта. Для итальянцев Брехт — не почтенный классик прошлого века, а жгуче-современный драматург, выносящий на сцены самые злободневные проблемы европейской жизни. «Американские одежды» его сюжетов никого не могут обмануть. Великая депрессия толкуется как нынешний экономический кризис, а политические карьеры вчерашнего фашизма — как сегодняшняя гниль демократии.

«Карьера Артуро Уи» — совместная работа Театра Эмилия Романья (Emilia Romagna Teatro Fondazione) и Театра Рима (Teatro di Roma). Режиссер Клаудио Лонги поставил спектакль о бандитской карьере торговца цветной капустой; карьере, которой *не могло не быть*. Художник Антал Ксаба заполнил сцену белыми пластиковыми ящиками из-под овощей, поместил экран для демонстрации кадров кинохроники, а вдоль линии рампы расста-

вил кочанные головы. Для зонгов использована музыка Курта Вайля, язвительно отсылающая к «трехгрошовому» бандитизму Мэкки Ножа и его присных.

Молодые актеры (особенно хорош Л. Микелетти в роли Дживолы), отказавшись от знаменитого итальянского бельканто, поют резко, жестко, акцентированно, виртуозно имитируя «лающий» немецкий выговор. Их пластика развинченна, жесты наглы, походка вызывающая, а хрипая речь напориста и настырна. Грубость содержания «снимается» эlegantностью исполнения, щегольской актерской техникой и импровизационной игровой стихией. Во всем чувствуется большая культурная традиция, школа, навык, помноженные на опыт просмотра киношедевров Фассбиндера и Боба Фосса.

Подлинное наслаждение — смотреть на то, с каким артистичным шиком исполняет заглавную роль блистательный Умберто Орсини. Он награждает своего Артуро Уи каким-то «заваленным» голосом, в котором сип мешается с хрипотцой, а отдельные взвизги — с намеренно тихим шепотом. Он дарит ему вкрадчивую походку, легкую танцевальность движений и громадную внутреннюю собранность при внешней небрежности повадки. Незаметно никаких актерских усилий, труда, пота — а знаменитый брехтовский тиран перед нами как на ладони.

«Святая Иоанна скотобоен» — саркастичное и едкое создание патриарха европейской режиссуры Лукки Ронкони. Актеры «Пикколо театро ди Милано» помещены в высокотехнологичную среду обитания: здесь и экран, дублирующий ключевые моменты сценического действия, и стрела башенного крана, подающего персонажей как на блюдечке, и старинная кинокамера, фиксирующая крупные планы (сценография — Маргерита Палли). Однако чикагские боины, полностью обезличенные мясные магнаты, биржевики и убийцы скота оказались не самой интересной страницей спектакля. Все внимание взяла на себя Иоанна Дарк в исполнении Марии Паиато. Образ отмечен душевной простотой, особой внутренней ясностью и светом. Не случайно вокруг ее черного капора возникает световой ореол, особенно отчетливо видный на экране. Ее вера в Христа простодушна и чистосердечна, а призывы к человеколюбию наивны и симпатичны. Пред ними не в силах устоять сам мясной король Маулер (П. Пьеробон) с его грубовато по-

данной рефлексией. Но попытка перейти от угворов к делу оказывается роковой. Преданная и проданная всеми вокруг, героиня Армии Господа Бога приходит к неожиданному и страшному отказу от Бога. Отрекаясь от католицизма, брехтовская Жанна д'Арк выбирает социализм, а политики, заглупевшая ее финальный монолог, цинично делают из нее новоявленную святую.

Судя по представленным сюжетам, итальянцев более всего беспокоит цинизм всех современных социальных лозунгов, вырождение подлинной политической борьбы в броскую демагогию, пропагандистское искажение подлинного существа реальности. Поставленные ими спектакли пронизаны духом философского пессимизма и неизбежной горечи.

Некоторые итоги и выводы

Обзор фестивальных спектаклей убеждает, что их создатели стремятся говорить со зрителем о серьезных и глубоких проблемах человеческого бытия. При всей разности постановочных приемов, стилей и стилистик есть в них нечто общее: социальная значимость, тяготение к проблематике духовного порядка, опора на смысловую содержательность слова. Не все зрители были согласны разделять их тревоги, вопрошания и прозрения, но те, кто откликнулся на зов, по завершении представлений приветствовали артистов нескончаемыми аплодисментами и криками «браво». Греческие артисты сыграли спектакль еврейского драматурга, адаптированного для сцены английским автором; румынские — выступили в русской классике, итальянские — показали класс исполнения в немецкой драматургии. Израильцы остались верны национальной теме, но показательно, что в их спектакле звучал не только иврит, но и арабская, английская, русская речь. Пожалуй, можно сделать вывод, что за двадцать лет существования Союза выполнил свою главную задачу — формирование единого театрального пространства Европы.

Еще одно любопытное наблюдение: едва ли не в каждом спектакле, показанном на фестивале, виден «русский след». Национальный театр Израиля возник в Тель-Авиве из остатков московской «Габимы», в творческом становлении которой принимал участие сам Станиславский, а главную роль

в привезенном ими спектакле исполняет Евгения Додина — выпускница ГИТИСа, начинавшая свою творческую жизнь в Театре имени Маяковского. Греческий «Дибук» — это сценический парафраз знаменитой постановки Евгения Вахтангова, которую его ученики показали всему театральному миру. Румынские версии русской классики и тот факт, что роль Иванова исполняет актер русского происхождения, говорят сами за себя. Малый театр, многие годы плодотворно сотрудничая с миланским Пикколо, выступил сопродюсером его брехтовской постановки. Так что не будет преувеличением сказать, что русское театральное искусство ныне стало неотъемлемой частью европейского культурного пространства, а Малый театр вошел в него на правах полномочного представителя русской театральной культуры.

Разноязыкие и разноликие спектакли фестивальной программы позволили скорректировать наши представления об основных тенденциях развития театрального искусства в Европе и понять одну немаловажную истину. Слухи об исчерпанности социального значения театра и близкой кончине сценического реализма большей частью несправедливы. Все-таки хоронить репертуарный театр, культивирующий традиционные ценности, пока рано: его художественные, содержательные, смысловые возможности далеко не исчерпаны. Спектакли фестивальной программы заново подтвердили давно известную истину: реализм — невероятно гибкая, пластичная, саморазвивающаяся система, способная вбирать в себя соседствующие эстетические открытия и откровения, в том числе и авангардные. Роковая линия разграничения между правдой и ложью театра сегодня проходит не между различными художественными направлениями, а между театральным искусством и массовой культурой. Во всем мире разномастная поппса нацелена на то, чтобы стереть границы между возвышенным и низменным, подлинным и поддельным, между профессионализмом и дилетантством, а в конечном счете — между одаренностью и бездарностью. Этому агрессивному стремлению необходимо противопоставить всю силу подлинного искусства — как глубоко традиционного, так и резко авангардного. Возможно, они эстетические противники, но уж точно не враги, о чем убедительно свидетельствует фестиваль Союза театров Европы. ■

Одна красавица позвонила по телефону и попросила меня написать в «Вестник Европы» что-нибудь юбилейное к предстоящему столетию Музея изящных искусств в Москве (ныне Музей изобразительных искусств имени А.С.Пушкина).

Ну что я могу?! Сажу я за городом и думаю уже совершенно о другом, о вечном, которое за пределами этих ста лет.

Действительно, этот любимый музей открылся сто лет назад, но задумывался, проектировался, строился и собирался, конечно, значительно раньше. Тем более что основные европейские музеи к тому времени давно уже открылись в королевских дворцах или специально построенных зданиях. Большинству из них сейчас гораздо больше ста лет. Мы и тогда, как и сейчас, опаздывали.

Основатель и директор музея профессор Московского университета Иван Владимирович Цветаев и правление при Московском университете поручили проектирование и строительство архитектору Роману Ивановичу Клейну, впоследствии — действительному статскому советнику и академику архитектуры (Я знал об этом ещё ребёнком).

Возможно, потому, что в Москве не было такой коллекции западноевропейской живописи, как в Эрмитаже, этот музей был задуман в основном как собрание гипсовых слепков высочайшего качества европейской скульптуры и фрагментов архитектуры. Уже после открытия музея, в него поступила коллекция подлинных египетских древностей, её собрал как личную коллекцию величайший русский египтолог В.С.Голенищев (всё детство я думал, что Кутузов).

Я хорошо помню, как наша семья приехала в 1943 году из эвакуации, из приютившего нас глинобитного киргизского города Фрунзе.

Дедушка, архитектор и профессор архитектуры Григорий Борисович Бархин ведёт нас с Таней — моей сестрой-близнецом, совсем маленьких, в музей. Это, очевидно, сразу после войны. Мы видим совершенно старинное и красивое здание, какие мы могли видеть лишь в книгах о европейских городах. Кроме ренессансного Итальянского дворика с Давидом, я запомнил залы, расположенные за решеткой и порталом Фрейбургского собора или находящиеся позади, ныне кабинета Ирины Александровны Антоновой. Там тогда были «малые голландцы», которые меня, семилетнего, интересовали даже больше, чем Египет, греческие эгинские гипсы и мумии. Дедушка рассматривал двери и порталы дверей, трепетно трогал и внимательно изучал их состояние. Тогда мы узнали, что дедушка участвовал в проектировании многих залов музея. Я очень гордился, что мой дед так хорош и знаменит.

Позже я узнал, что Григорий Борисович в 1909—1911 годах, окончив Академию художеств, по предложению Романа Ивановича Клейна поступил к нему помощником. Снаружи музей был уже почти сделан, но интерьеры многие были ещё не окончены, а многие даже и не начаты. И дедом были выполнены входной вестибюль, Египетский и Ассирийский залы, Римский зал, Греческий дворик и частично Итальянский дворик. Всё это, конечно, под руководством Клейна. Эта работа была грандиозной школой для молодого архитектора. Позже он ещё работал с Р.И. Клейном над проектом Бородинского моста, здания Геологического факультета Уни-

100 лет НАШЕМУ МУЗЕЮ

Сергей БАРХИН, академик

верситета и, главное, над созданием церкви-усыпальницы князя Юсупова с колоннадой — в Архангельском.

И, возможно, поэтому я полюбил этот наш Музей изобразительных искусств и иногда с родителями ходил туда смотреть Египет, Аполлонов и кондотьеров, но чаще всего Питера де Хоха и Герарда Терборха.

В конце восьмидесятых, когда меня выпустили за границу, я увидел, что там, в музеях пишут не слитно, как у нас: Терборх, а раздельно: Gerard ter Borch. Сейчас я думаю, что мы с тер Борхом и Хорхе Луисом Борхесом — однофамильцы, и наши фамилии происходят от еврейских букв Б, Р и Х (или К), составляющих первое слово иудейской молитвы, звучащее, как: «Барух Адонай...».

* * *

Вспоминаются рассказы родителей о посещении запасников Пушкинского музея, скорее всего, во времена «хрущевской оттепели», но, возможно, ещё при Сталине. Они попали на какой-то тайный просмотр. Специалистам показывали картины «спасённой» коллекции Дрезденской галереи. Восторженные описания мамы и папы картин и особенно раскрашенной головы Нефертити — но не из Дрезденки, а из Берлинских государственных музеев.

В это же время в нашем музее выставили подарки Сталину, посвященные его семидесятилетию. Помню там большую ярко-бирюзовую бабочку и рисовое зерно, на котором кто-то ногами написал какой-то никому не видимый микроскопический текст. Ходили слухи, что в Пушкинском музее эти подарки будут выставлены навсегда! Вот это да!..

Но я тогда интересовался уже совсем другим искусством. В классе восьмом, в 1953–1954 году, сразу же после

смерти Сталина, архитектор и блестящий живописец Зоя Дырмонт передала мне для чтения третий том сборника «Мастера искусства об искусстве», 1934 года издания. Книгу эту, где были письма Сезанна и Ван Гога, мысли об искусстве Гогена и Матисса, тексты Пикассо и Леже и многое другое, я полюбил навсегда. Я стал разбираться в другом искусстве и понял, что это моё. Тексты я выучил почти наизусть. Новая живопись отвлекла меня от химии, и я стал немного рисовать, а главное — смотреть. И в это время в нашем Музее изобразительных искусств имени Пушкина, или, по-нашему, в Пушкинском, наконец, повесили «французов», главным образом импрессионистов. И то — хорошо! Даже здорово.

Правда, ещё раньше была выставка репродукций новых французских где-то в спортивном зале «Крылья Советов» на Ленинградском шоссе, неподалеку от около улицы Правды. Какой-то москвич, получив наследство в Париже, попросил прислать ему не деньги (чекисты отбирали 75% из полученного наследства), а веркоровские (объёмные, выпуклые) большие репродукции современных художников. И он выставил их в этом странном месте. Все знакомые бросились туда. Я увидел Рауля Дюфи и Мориса Вламинка, Альфреда Сислея и Поля Синьяка, тех же Пабло Пикассо и Анри Матисса, Руо и Модильяни. Как будто молния в меня попала, и я стал «левым» (по-нашему, по-французски, не по-современному), сторонником и апологетом нового искусства «ар нуво».

А в Пушкинском музее я ощущал глазами фактуру вангоговских «Красных виноградников». Любовался ультрамаринными пастелями Дега — «Танцовщицы в голубом». Волновался у гогеновских «А, ты ревнуешь» и «От-

куда мы, кто мы, куда мы идём». Я наслаждался «Красными рыбками» и розовой «Мастерской» Матисса, которого знал и раньше по довоенному альбому издательства Skira. Никогда прежде не испытывал я таких чувств, как в музее, ставшем любимым с тех пор навсегда.

* * *

Часть картин этих парижан начал собирать первым наш очень дальний родственник. У бабушки (Татьяны Александровны Найдёновой, урождённой Хлудовой) был троюродный брат, Михаил Абрамович Морозов (отец Мики Морозова!) по прозвищу «джентльмен». (Пьеса с одноимённым названием идёт в театре «Современник», и моя жена Леночка Козелькова играла там Варвару Алексеевну Хлудову — мать трёх известных молодых Морозовых). Михаил ещё до Щукина купил Гогена, Клода Моне и Ван Гога. Он рано умер. И эстафету у него перехватил Иван Абрамович — средний брат. В особняке, где теперь расположилась Академия художеств, Иван Морозов развесил более пятисот картин, среди которых «Самари» Ренуара, «Красные виноградники», «Прогулка заключённых» и «После дождя» Ван Гога. Всего коллекция Морозова составляла около 250 работ французской живописи. После революции картины коллекции Музея новой западной живописи были реквизированы, многие картины проданы. Третий брат построил себе дворец в португальско-испанском стиле, заказав его архитектору В.А. Мазырину (в котором сегодня расположились чекисты).

Мазырин и Клаейн строили ещё раньше усадьбу для матери трёх братьев Морозовых — Варвары Алексеевны.

Работая в Иеле в университетском музее, я видел самую знаменитую и прекрасную картину Ван Гога «Ночное кафе в Арле». В письмах брату Тео Ван Гог описывает замысел этой картины. И это — как стихи! От этой картины можно сойти с ума. Сегодня она, вероятно, может стоить более трёхсот миллионов долларов. Но нашим «новым миллиардерам» её уже никогда не продадут.

Именно эту картину большевики продали некоему Кларку! И многие другие картины тоже продали. Нет прощенья! А ведь таких коллекций, как у С.Щукина и И.Морозова, нет ни в одном западном музее.

Мне кажется, что к столетию Пушкинского музея было бы справедливо написать на рамах картин: «из реквизированного собрания С.Щукина» и «Из реквизированного собрания И.Морозова». Было бы неплохо подумать и по справедливости снова собрать эти две коллекции — из Эрмитажа и из Пушкинского музея — и возобновить Музей нового западного искусства имени великих коллекционеров С. Щукина и И. Морозова. Большого, видимо, уже сделать невозможно.

Музей жил вместе со всей страной.

* * *

Однако в мае 1955 года, когда я оканчивал девятый класс, картины «спасённой» Дрезденской галереи (кстати, отреставрированные) Хрущёв решил передать в ГДР, и в Музее устроили выставку, возможно на целый месяц. Я до сих пор считаю все те картины нашим военным трофеем! А тогда побывал на выставке раз семь. Для этого надо было выстоять громадную очередь. К Пушкинскому музею люди приходили очень рано. В залах тоже было полным полно народа. Даже — битком. Один раз мы с Таней были с родителями, один раз даже со своим классом. Нас привёл туда школьный учитель литературы, блистательный Михаил Владимирович Фридман. Но больше всего раз я бывал там один и часто смотрел что-нибудь своё любимое, избранное. Самый большой и неподдельный интерес вызывала тайна «Сикстинской Мадонны» Рафаэля. Картина располагалась на галерее, расположенной над лестницей. Сказали, что её надо смотреть очень долго. И я смотрел-смотрел. Знал, что великие считали картину самой совершенной. Я смотрел очень долго, но не понял ничего. Ни в колорите, ни в атмосфере, ни в светотени, ни в рисунке я не находил ничего особенного. Я тогда даже не понимал, почему Рафаэль входит в великую троицу — вместе с Леонардо и Микеланджело. Достоинства этих двух гениев я понимал. А славу Рафаэля так и я не почувствовал. И только через сорок лет, побывав в музеях Италии, я увидел, что Рафаэль пишет Мадонну с Младенцем и ангелов просто лучше всех остальных художников — и по цвету, и по светотени, и по композиции. Это можно понять, если сравнивать образ Богоматери сразу нескольких икон и картин.

В первом зале музея были выставлены «Четыре сцены из жизни святого Зиновия» Боттичелли. Позже я видел и другие варианты этих «сцен», но впечатления от той симультанной картины незабываемы. Многократно я пытался по этому принципу выполнить архитектурный проект.

Там же, в первом зале, — монументальное «Святое семейство» самого монументального живописца Андреа Мантеньи. Он из Мантуи, и в этом же городе находится его дом с мастерской, построенный им с предельной лапидарностью и мужеством.

В том же первом зале — «Святой Себастьян» Антонеллы да Мессины на ярко-синем небе.

В этом же первом зале, где были выставлены ранние итальянские художники, тогда экспонировались все самые главные картины Дрезденки, кроме «Сикстинской Мадонны». Самыми знаменитыми были «Спящая Венера» Джорджоне и «Динарий кесаря» Тициана. В этом динарии зрители должны были обратить внимание на кисти рук: Христа — светлая и нежная, и мытаря — грубая и загорелая. Из руки Христа золотая монета падала в тёмную кисть мытаря.

Мы все были восхищены матовым, темперным портретом мальчика, написанным Пинтуриккьо темперой. Но я, как и многие, особенно влюбился в картину Доменико Гирландайо «Дед и внук», которых немедленно переименовал в «дедушку и внука». Они, этот дед и внук, так похожи друг на друга, что становилось реально осязаемым течение времени. Один старый, с шишкой на носу, а другой — прекрасный как ангел, и оба одетые в бледно-красные одежды и шапочки. (Вот и я уже давно дед, а моему внуку Тёме — больше двадцати лет).

Были залы самых знаменитых голландцев. Желто-красная «Сводня» и желто-серебристое «Письмо» Вермера, в этот раз обошедшего без своей любимой умбры. Вермеера в Москве я видел ещё один раз — и тоже в Пушкинском. Это была привезённая совсем недавно картина «Искусство живописи» — с девушкой в голубом, а на переднем плане картины — художник, видимо, сам автор, написанный, сидящим спиной к зрителю.

Вторым великим был Рембрандт ван Рейн и его «Автопортрет с Саскией на коленях».

В музее не выставили никого из «парижской школы», но, возможно, в Дрезденской галерее и не было французских художников. И даже поздних — Антуана Ватто и, кажется, даже Гойи, я совершенно не помню. Вокруг картины Лиотара «Шоколадница» клубилась целая толпа зрителей. Эта сладостная пастельная служанка восемнадцатого века стала самой любимой и отвечающей вкусам москвичей. У картины Рубенса «Пьяный Силен» один зритель с восторгом промолвил: «Да! Пьяный силён!». Говорили, что «Сикстинская Мадонна» называется так потому, что римский папа, воспаривший на картине в облаках слева от Мадонны, имеет на одной руке шесть (сикст) пальцев. На самом же деле — это папа Сикст II, и картина была написана Рафаэлем для его Сикстинской капеллы.

Еще на выставке дрезденских картин я увидел большую банку с персиками Эдуарда Мане. Такого я не ожидал и просто восхитился. (А вспомнил я эту замечательную картину, увидев многочисленные трёхлитровые банки гениального Михаила Рогинского.)

* * *

В 1956 году уже была некоторая свобода в искусстве, особенно в выставках.

Пабло Пикассо исполнялось семьдесят пять лет. И хотя искусство делал он с нашей, «советской», точки зрения неправильное, но он был за мир и даже «левым» (коммунистом). Наши посчитали его союзником, а его голубку признали символом мира.

И какими-то прогрессистами (скорее всего, И.Г. Эренбург) решено было сделать его выставку в Пушкинском музее. И так как в мероприятии участвовали видные худож-

ники и архитекторы, и прежде всего — Лев Владимирович Руднев, то через архитекторов-родителей и мне перепал пригласительный билет на открытие той первой знаменитой выставки, начавшей растапливать лёд социалистического реализма.

Кроме того, был и торжественный вечер в Доме архитектора с показом фильма, где Пикассо фломастером рисовал по кальке. А кинооператор и киноаппарат стояли позади кальки и снимали так, что на экране была только картина. Так что мы увидели анимационное кино с показом рождения рисунка, картины.

Промогзлым серым поздним утром заранее я прибежал к решеткам Пушкинского. Уже стояли люди, и я в очереди оказался то ли десятым, то ли двадцатым. Все с билетами (возможно, с ними можно было пройти с пятого, служебного подъезда, но я этого не знал). Долго не пускали. Собралось человек триста (правда, гораздо меньше, чем на Дрезденскую галерею годом раньше). Но там, в музее, оказывается, уже шел вернисаж. Там тоже была толпа, но то были «продвинутые» (теперь бы сказали — VIPы). Мы были возбуждены, но и там, в залах, были волнения. Толпа напирала и у нас и там. И, как рассказывали позже, где-то на парадной лестнице, где должно было происходить открытие, будто бы Илья Эренбург, успокаивая публику в связи с задержкой вернисажа, вынужден был выступить со словами: «Товарищи, мы ждали этой выставки двадцать пять лет, подождём ещё двадцать пять минут». А те посетители спешили своим присутствием обозначить открытие, так как начальники-художники — все соцреалисты — могли бы подговорить Хрущёва вовсе не открывать выставку.

Мы этого, конечно, не знали, но тоже стояли в волнении, как перед стартом. Долго-долго после назначенного времени милиция не открывала ворот. Но вот старт дан — и я, как опытный бегун, бросаюсь и обгоняю всех, первым влезаю на ступени портика музея.

Первый выходящий оттуда, с которым я прямо сталкиваюсь в дверях, оказывается президент (не Горбачев и не Ельцин, а президент Академии художеств СССР), маленький, пухлый, с черными усиками, как у Жданова и Гитлера, не старый, но и не лохотный господин, с большой бордовой бабочкой под бледным жирным подбородком. Это многим известный начальник искусств, изображавший в основном Ленина, — А.М. Герасимов.

Все очень быстро, и я, тогда еще мальчик, агрессивно возбужденный за новое «левое» искусство, очень грубо и глумливо, спрятавшись за свою безымянность и бегущую сзади толпу, спрашиваю с издёвкой — просто кричу: «Что! Уже посмотрел?» — и проскользнул в дедушкин Египетский зал.

На выставке кишело, как в банке со шпротами. Было полно провокаторов. Температура воздуха 37,6 по Цельсию. Споры за свободное искусство было много.

Вдруг вижу настоящего знатока и модерниста Давида Ефимовича Аркина, когда-то как раз редактировавшего тот третий том сборника «Мастера искусства об искусстве» и живущего в нашем «доме архитектора» на Плющихе. Я смиренно прошу его мне хоть что-нибудь рассказать об этом феномене искусства. Он мягко, приглашая меня к себе в гости, не рискует начать объяснения здесь же, тем более, и я это прекрасно знал, незадолго до этого был растерт, смят и изгнан отовсюду, как самый явный космополит и идеологический враг. И всё же он еще сохранил жизнь. В гостях я у него и Доры Григорьевны был, но рассказов не запомнил, а запомнил и восхитился громадной и очень красивой коллекцией вятских игрушек, стоящих на невысоком шкафчике красного дерева. Теперь и я люблю их, и собираю, правда, отдавая преимущество филимоновским, которые даже умудрился вставить в спектакль «Гроза».

На выставке Пикассо помню кубистические — портрет Воллара и королеву Изабо, реалистические — портрет Ольги Хохловой и сына с мячиком, более поздние — Мадемуазель SD и Кошку с мёртвой птицей. Были и наши картины «голубого», «розового» периодов и кубистические.

Вечером был торжественный вечер, посвященный Пикассо в более доступном для меня Доме архитектора Бурова и Власова. Я сидел чуть ли не в кинобудке, во всяком случае, не в партере. На чистой пустой сцене сидело несколько художественных вельмож. Среди них — более прогрессивный, чем Герасимов, Б.В. Иогансон, от архитекторов — Руднев, от кино — Сергей Юткевич и еще кто-то. Выступавший Иогансон под язвительный смехок зала назвал «Девочку на шаре» мальчиком. Но больше запомнился расквашивающийся, как трючник, Юткевич. Он самодовольно рассказывал, как в Каннах они встречались втроем: «Я, Чарли Чаплин и Пикассо. Сначала они относились ко мне настороженно, но, когда они посмотрели мои фильмы, мы окончательно подружились...» И далее в таком роде. Публика эту нескромность (если не сказать больше) чувствовала, а вот сам Юткевич — нет. После его фильмов я тоже перестал насмехаться над ним.

Завершился этот праздник фильмом, кажется, Клузо. Кроме фломастерных работ, была какая-то желто-красная коза — покадрово меняющаяся, как мультипликация. Но шершавый звук фломастера по кальке вместо диктора и музыка был даже авангарднее живописи самого Пикассо.

* * *

Я написал, что на вечере в Доме архитектора на сцене, в президиуме, кроме Иогансона, Руднева и Юткевича, был кто-то еще. Я вспомнил, что там была дама, почти ста-

руха в черном испанском платке, и незнакомец, похожий на чиновника. Это были секретари коммунистических партий Испании и Франции. Долорес Ибаррури и Морис Торез составляли фундамент поддержки Пикассо если не совсем как советского социалистического художника, то уж точно как прогрессивного.

Ранее я описал свою трусливую издевочку над Александром Герасимовым — этим начальником советской Академии художеств, который сразу после открытия выставки в Пушкинском музее вышел на улицу, то есть даже не смотрел ее — к моему великому возмущению.

«Тысячу лет» спустя (а вообще-то пятьдесят) мы с друзьями были в отреставрированном Лужковом Царицыне (по мнению множества архитекторов, безобразном, но не по моему — хорошо, хоть это сделали). В новых залах дворца была устроена выставка прогрессивного советского искусства XX века из собраний Русского музея. Там блистал Малевич, которого питерские искусствоведы справедливо подали как самого главного советского художника. Там были, конечно, и Кандинский, и даже Кабаков, а заканчивалась экспозиция Шварцманом. Но самой огромной и заметной картиной, повешенной то ли для издевательства, то ли, может быть, для контраста, была картина, изображающая какой-то съезд партии в Большом театре. На ближайшем к зрителю переднем плане головы и спины делегатов съезда были почти в натуральную величину. Театр и его сцена с занавесом и арлекином и все пять ярусов почему-то были с каким-то розовым отливом, а не пурпурно-золотыми. Главным же в композиции был президиум на сцене. Члены Политбюро во главе с вождём сидели в ряд и были нарисованы кистью с максимальным мастерством. Все они были похожи чрезвычайно. Огромная картина напомнила мне композицию когда-то моего любимого Рауля Дюфи о французской науке или электричестве в Париже, кажется, в «доме Токио». Я с пятьдесят пятого года считал Дюфи самым артистичным художником. И вдруг некий агрессивный советский консерватор делает партийную картину, мастерски артистичную, более алла-прима, чем французы. Это и был как раз Александр Герасимов. Тут я вспомнил, что жил с друзьями в Челюскинской на его красной даче. Этот свой большой дом он завещал художникам. Несколько месяцев мы работали в доме творчества над офортами и литографиями.

И тогда я заткнулся со своей неприязнью к этому художнику.

* * *

В самом конце второго тысячелетия на каком-то юбилейном вечере Пушкинского музея, который проходил в зале и на сцене Большого театра России, мастера Большого сделали копию очень большой «Розовой мастерской» Матисса. Я тогда работал сценографом в Большом, и мы

Ириной Александровной долго выбирали самую известную картину, которая могла бы представлять коллекцию музея. Я настаивал на Матиссе. Из копии, размером 14 на 20 метров, «Мастерской» вышел великолепный задник. Вечер прошел очень торжественно, и, воспользовавшись успехом, к вечеру Михоэлса мы сделали тоже громадный задник-копию с фресок Шагала для Еврейского театра. Эти работы дали настолько положительный опыт многократного увеличения классической современной живописи, что Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский решил, что эти задники сохранились с начала двадцатого века.

* * *

С какого-то момента благодаря своим друзьям Борису Мессереру и Тонино Гуэрро я познакомился с Ириной Александровной Антоновой, которая, являясь многолетним директором музея, организовывала в Москве немало превосходных, прямо-таки мировых выставок. В моей памяти осталась громадная выставка любимого мною Фернана Леже. Дважды был Сальвадор Дали. Незабываема также выставка туманных пейзажей Тёрнера и акварелей Блейка. А «Парижская школа» с Сутиным и Модильяни, и, наконец, Караваджо. Выставок послов иностранных государств и художников не перечесть. Были и сделанные французами излишне шикарные выставки Коко Шанель и Кристиана Диора.

И всё же важнейшими для России выставками в Пушкинском музее были выставки «Москва — Париж. 1900 — 1930» в 1982 году и «Москва — Берлин. 1900 — 1950» в 1996 году. Как мне удалось попасть на эти две выставки и при этом даже достать каталоги, объяснить я не сумею. Но в изумительном берлинском каталоге я прочитал очень интересную статью о пребывании в Берлине ещё одного бабушкиного двоюродного брата — Алексея Михайловича Ремизова.

Отдельную страницу работы Пушкинского составляют знаменитые «Декабрьские вечера», организованные незабвенным Святославом Рихтером и Антоновой. На некоторых этих концертах и выставках я побывал.

Мой друг Борис Мессерер проектировал множество самых значительных выставок музея. Я стал получать приглашения и бывать на открытиях. У Мессерера и самого была выставка больших офортов в залах музея и вторая — акварелей Тарусы, со вступительным словом и стихами его жены Беллы Ахмадулиной.

Однажды Ирина Александровна пригласила меня на какой-то праздник с угощением. Все заняли свои места. А я из скромности дождался, когда хозяйка сама посадит за главный стол, где уже сидели Белла Ахмадулина с Борисом, Тонино Гуэрра с женой Лорой, Екатерина Максимова и Владимир Васильев, сама Ирина Александровна и супруга

А.И. Солженицина Наталья Дмитриевна. Это был незабываемый вечер.

В 2007 году в Музее изобразительных искусств, в залах Музея частных коллекций, экспонировались работы нашего бесценного итальянского друга, великого поэта и киносценариста Тонино Гуэрра. Главными были фонари-ланternы (это древнеримские фонари на шестах). Тонино сделал эти громадные фонари-скульптуры из ржавого железа, как скульптор, и посвятил их памяти Льва Толстого, вспоминая фонарик станционного зрителя, увиденный в Ясной Поляне. Великий гуманист умер, но наша любовь, его поэзия и фонтаны в Римини, его великолепная графика, и живопись, и главное — кинофильмы останутся в памяти навсегда.

* * *

И наконец — последняя выставка, о которой невозможно не рассказать. Это замечательная экспозиция — ПАБЛО ПИКАССО из собрания музея Пикассо в Париже. Более двухсот работ этого самого современного (не актуального) художника мира было выставлено в залах Пушкинского музея.

Больше всего на меня произвели впечатление восемь отпечатков со стеклянных негативов, запечатлевших «Гернику в процессе её создания». Так я впервые увидел последовательность работы. Не могу забыть также небольшую неоконченную картину «Художник и его модель». На ней на холсте написана только модель и частично пейзаж, а сам художник, сидящий на стуле и разглядывающий эту обнажённую модель, а также стол с натюрмортом, — только нарисованы.

Понравились мне и кубистическая живопись, кубистические рельефы (говорили, что наш Татлин подсмотрел эти рельефы, явившись к Пикассо как бандурист, и сделал свои, очень похожие). И театральные эскизы к дягилевскому балету «Парад». И снова, как и пятьдесят четыре года назад — «Кошка, схватившая птицу».

Для меня эта выставка была крупнейшим художественным событием.

Работа Музея продолжается.

И СЕГОДНЯ МЫ ДОЛЖНЫ ПОЗДРАВИТЬ — И ПОЗДРАВЛЯЕМ СЕБЯ, САМ МУЗЕЙ, ВСЕ КОЛЛЕКТИВ МУЗЕЯ, МНОГОЛЕТНЕГО БЕССМЕННОГО ЕГО ДИРЕКТОРА ИРИНУ АЛЕКСАНДРОВНУ АНТОНОВУ, ВСЮ НАШУ СТРАНУ И ЕЕ СТОЛИЦУ МОСКВУ СО СЛАВНЫМ ЮБИЛЕЕМ ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСКУССТВ ИМЕНИ А.С.ПУШКИНА! ДА ЗДРАВСТВУЕТ ИСКУССТВО!

Конец апреля 2012 год

Ольга ЯБЛОНСКАЯ

1

Мой Пушкинский

Как и полагалось барышне дореволюционного, в смысле — доперестроечного воспитания, я впервые попала в ГМИИ имени А.С. Пушкина в нежном возрасте четырех лет. Как и полагалось разумному родителю, мой папа для начала привел меня в Итальянский дворик и в Египетский зал.

И был прав. Даже сейчас, почти пятьдесят лет спустя, давно получив и слегка подзабыв академическое искусствоведческое образование, побывав почти везде, где положено, и повидав почти все, что следует, ответственно заявляю: по-моему, более удачного места для первого погружения в музейное пространство и в пространство искусства в мире нет. То есть, может, и есть где-нибудь, но я не припомню. Ни в одном из многих музеев мира, где мне довелось побывать, я не нашла или не увидела того уникального сочетания царственной монументальности и уютной камерности, ясности и таинственности, строгости и увлекательности. Того не подавляющего величия и не пугающего великолепия, какими встречали неискушенного мелкого зрителя Итальянский дворик и Египетский зал моего детства.

В первое посещение, помимо обязательной заповедной программы в смысле египетской мумии и гигантского красавца Давида, мне запомнился мячик под копытом коня кондотьера Гаттамелаты. Именно мячик и изящно изогнутый лошадиный сустав: важного всадника я с высоты своего роста разглядеть не могла, да и не очень-то он был мне важен. То ли дело огромный, совсем как настоящий, конь, грациозно занесший тяжелое копыто в несомненном для меня легкомысленном намерении по-футбольному пнуть подкатившийся под ногу кругленький мячик. Папа попытался мне объяснить про точки опоры и всякое такое (действующий архитектор ненадолго

победил разумного отца), и я даже что-то поняла, но все равно была уверена, что могучий и гордый скакун непременно и увлеченно играет в свой несоразмерно маленький, детский мячик — всякий раз, когда его никто не видит.

Итальянский дворик и Египетский зал — уютная «детская» моего Пушкинского. А потом мне повезло попасть в Школьную комнату и в лекторий, где меня научили всегда помнить и любить «детскую» и непринужденно чувствовать себя в залах для взрослых.

Школьная комната, для тех, кто не знает, — это не метафора. Это было такое маленькое, но очень светлое помещенье в одном из служебных музейных закутков, заляпанное краской, пропахшее разбавителями, заставленное небольшими мольбертами — здесь, в тесноте да не в обиде, ютилась уже знаменитая к моменту моего там появления музейная изостудия. А в нижнем вестибюле, примерно между гардеробом и буфетом, располагался лекторий — здесь стояли ряды стульев, висел экран и читались лекции по истории мирового искусства. Много чего интересного и удивительного тут происходило — и блистательные лекции специалистов, и старательные доклады юных искусствоведов, и великолепные костюмированные выпускные вечера...

Но — обо всем по порядку. Дело в том, что мой Пушкинский был если не единственным, то одним из очень немногих мест в Советском Союзе, где детей и подростков учили воспринимать и понимать изобразительное искусство, свободно читать язык пластики и пытаться на этом языке осознанно изъясняться.

Кажется, нечто похожее было и в ленинградском Эрмитаже. Но в принципе ничему такому не учили нигде. Школьное образование (совсем, заметим к слову, тогда неплохое) охватывало все необходимые дисциплины, кроме почему-то истории и практики искусства. Искусство преподавалось либо на уроках рисования в начальной школе (боюсь, впрочем, что

это не в счет), либо в немногочисленных специализированных художественных школах, либо уже в профильных вузах — тоже, естественно, не очень многочисленных.

Так или иначе, в искусстве в большей или меньшей степени разбирались только и исключительно дипломированные специалисты. Прочих граждан от чудовищной и опасной эстетической дикости мог спасти только собственный вкус вкупе с непреодолимым стремлением к прекрасному и упорным систематическим самообразованием. А еще — изостудия, лекторий и сотрудники Пушкинского музея: трепетно чтившие светлую память и просветительский пафос его основателя Ивана Цветаева, музейщики малыми силами, но очень последовательными усилиями пытались помочь прочим гражданам уже в разумном детском возрасте войти в мир искусства и научиться в нем естественно и с удовольствием жить.

Еще до войны и до того, как Музей изящных искусств был превращен в склад подарков Сталину, здесь функционировали кружки, велись регулярные экскурсии для детей, проводились выставки детского рисунка. Думаю, именно тогда в недрах Пушкинского возникла и сформировалась уникальная профессия **музейного педагога** — квалифицированного специалиста-искусствоведа (художника, реставратора), обычно не обладающего педагогическим дипломом, но наделенного, помимо профессиональных знаний и дарований, талантом просветителя и педагогическим чутьем и умением.

Профессия едва ли имела название, но сформировалась настолько отчетливо и необратимо, что даже затянувшийся технический перерыв с подарками Сталину не отразился на факте ее существования. Именно поэтому в благословенные оттепельные годы, одновременно и наряду с возвращением музею прежнего статуса, восстановлением концепции, коллекции и экспозиции — здесь была возрождена и заложена Цветаевым просветительская традиция. В программе этого возрождения и силами молодых сотрудников тогда же возник сначала КЮИ — Клуб юных искусствоведов с вузовской системой лекций и семинаров для старшеклассников, а чуть позже КЮЛИ — Клуб юных любителей искусства для средних школьников, а там и изостудия для самых маленьких. Все занятия проходили не только в Школьной комнате и в лектории, но и в музейных залах — у живых вещей.

В изостудию принимали начиная с четырех лет. В КЮЛИ клубились подростки от 11-ти до 14-ти.

КЮИ выпускал десятиклассников-абитуриентов. Неудивительно, что многие из музейного лектория отправлялись прямиком в университетские аудитории. Неудивительно также, что из бывших «кюишников» за полвека существования клуба вышли в довольно впечатляющем количестве не только профессиональные, но и вполне именитые искусствоведы, а из изостудии — известные художники. Удивительно другое: неслыханное и немереное — за полвека-то! — количество самых разных детей, которые не пошли по профильным специальностям, но выросли в стенах музея как дома. И за время этого произрастания не просто расширили кругозор и натренировали вкус, но — что, мне кажется, не менее важно — на всю жизнь были надежно застрахованы от любых проявлений дурновкусия, пошлости, хамского агрессивного невежества — как извне, так и изнутри.

Мы провели здесь кто семь, а кто и все двенадцать лет, окружавшие нас шедевры стали для нас почитаемыми, но близкими родственниками, а блестящие интеллектуалы-профессионалы, которые с нами возились — привычными собеседниками, многознающими и совсем не высокомерными.

Работа в школьном секторе (так это тогда называлось) не рассматривалась ни как общественная нагрузка, ни как источник дополнительного заработка на рабочем месте: занятия были бесплатными. По умолчанию, эти труды входили в обычный круг должностных обязанностей сотрудников ГМИИ. Но, также по умолчанию, к этому никого не принуждали: в школьный сектор шли только энтузиасты-добровольцы, по искренней душевной склонности. Шли, как правило, молодые, недавно зачисленные в музейный штат искусствоведы, художники, реставраторы, археологи, не слишком превосходящие по возрасту своих старших питомцев. Но в большинстве своем они с удовольствием застряли в школьном секторе на всю жизнь, хотя от прочих музейных обязанностей и научных обязательств их никто не освобождал. К моим семидесятым бывшие молодые специалисты, которые все это начинали, стали зрелыми людьми и серьезными музейщиками, обросли учеными степенями, научными трудами и прочими регалиями, но на их просветительском энтузиазме это никак не отразилось. Они с прежней чуткостью и страстью делились с нами своими профессиональными знаниями и навыками — популяризируя, но не вульгаризируя, направляя, но не навязывая, формируя, но не деформируя.

Имена музейных педагогов ГМИИ имени Пушкина неотделимы от его славной истории, и, конечно же, прозвучат во всем блеске и славе юбилейных торжеств. Но я все же упомяну с персональным глубоким поклоном тех, с кем мне повезло соприкоснуться лично — в порядке их появления в моей музейной жизни: Эрна Ивановна Ларионова, Алла Сергеевна Стельмах, Виктория Ильинична Кривченко, Татьяна Васильевна Виноградская, Флора Михайловна Гольдштейн, Надежда Николаевна Ковалдина, Людмила Михайловна Чабанова, Венедикт Николаевич Тяжелов.

Через столько лет я без всякого напряжения помню не только их имена, но и лица, голоса, манеру говорить — у каждого свою. Музейные учителя отличались от школьных, и это понятно: другие задачи, другие цели, другие методы. Но музейные дети тоже отличались от других школьников.

И вовсе не потому, что они были особо одаренные, специально и тщательно отобранные, все как один из хороших семей и благовоспитанные, как маленький лорд Фаунтлерой. Ничего подобного. Это было по-своему демократичное советское время и безоговорочно демократичный Пушкинский музей. Брать старались, по возможности, всех желающих. Конечно, возможности были ограничены: в дни приема сюда свозили детей со всей Москвы и Подмосковья. Для наших наставников это было напряженное, драматичное и нервное время — они не любили отбирать и отсеивать, но всех, при всем желании, взять не могли. Поэтому старались брать разных. Так или иначе, на исходе всех этих страстей под сводами музея ежегодно обнаруживалось в масштабах столицы и ее нужд, допустим, небольшое, но в абсолютных числах вполне внушительное скопление вполне обычных школьников в неприятном подростковом возрасте. То, что они любили рисовать или что интересовались мифами Древней Греции, отличало их от сверстников не столь уж разительно. Дети как дети. Разные: чрезмерно раскованные и абсолютно зажатые, избалованные и замордованные, замученные воспитанием и совсем не тронутые цивилизацией как Маугли. Со всем этим великолепным разнообразием музейные педагоги, заметим, никак не наделенные, безраздельной властью школьных учителей, к тому же не практиковавшие общепринятые школьные методологии, да и встречавшиеся со своими учениками два раза в месяц, — справлялись максимум месяца за два. Я даже помню, как именно. Мягко и необидно, но эффек-

тивно окорачивали зарывавшихся хвостунов из особо одаренных. Аккуратно, не возвышая над другими, поощряли талантливых. Ловко и успешно раскручивали застенчивых. И из каждого вытаскивали все лучшее, что в нем было, чтобы ему же это и показать: смотри, что ты можешь, смотри, какой ты молодец. Кстати, в моем Пушкинском никогда и никого не интересовала успеваемость в школе — ни на приеме, ни вообще. Поэтому здесь свободно расправляли крылья забытые школьные двоечники и деликатно подбирали павлиньи хвосты спесивые отличники. Все мы становились здесь другими людьми. Не такими, как в школе, и даже не такими, как дома. Кажется, следует признать, что мы жили двойной жизнью. Признаю. Жили двойной. Но как прекрасна была эта вторая жизнь!

Советские дети в целом были не избалованы уважением старших. Если кому-то, как мне, повезло с родителями и даже отчасти со школьными учителями, то это были просто досадные сбои в работе общепринятой педагогической модели, построенной на авторитарном подавлении и муштре, никоим образом не включавшей заботы о воспитании в детях чувства собственного достоинства и работавшей в семидесятые годы на полном ходу. За порогом музея все волшебным образом менялось. Здесь все строилось на заинтересованном и доброжелательном взаимном уважении — к одноклассникам, к учителям, к тому, что мы все вместе здесь делаем. С уважением нас уже встречал дежуривший у служебного подъезда милиционер, которому мы не без гордости предъявляли развернутый пропуск — с фотографией, с печатью, за подписью тогдашней заведующей школьным сектором Э.И. Ларионовой. Такие пропуска торжественно вручали всем — даже дошколятам из изостудии, и некоторые лирически настроенные стражи порядка с убийственной серьезностью отдавали нам честь. Конечно, можно было спокойно пройти и с главного входа, но это было не так интересно.

Собственно, вся эта затея с пропусками была придумана не из бюрократических и даже не из практических соображений (ну, какой сумасшедший контролер стал бы задерживать спешащего на занятия ребенка, тем более что контролеры и зрители, старорежимного вида старушки, всех нас знали в лицо). Это делалось для того, чтобы мы чувствовали себя под почтенными сводами музея своими и как бы причастными к их почтенности. Именно для этого музей заказывал довольно чувствительными тиражами шаблоны из плотного картона с логотипом, а сотрудники

не ленились собирать и наклеивать детские фотографии, от руки заполнять их, штамповать, фальцевать. Именно поэтому мы шли через служебный вход «для своих». Мелочь, но продуманная и отчасти символическая. Пропуск обеспечивал вход в *другую* жизнь.

Что это была за жизнь! Когда мы были маленькими — нам раздавали рисовальные принадлежности, приводили в залы, рассаживали на специальных подушечках на полу и предлагали выбрать какой-нибудь из экспонатов для воспроизведения. Именно для воспроизведения, а не копирования. Привыкших ко всему этому зрителей не смущали ни детский гомон, ни подушечки, ни разбросанные по музейному паркету карандаши и листы бумаги — «в Греческом зале, в Греческом зале!» Но, конечно, без красок, воды и пластилина. Закончив работу и тщательно собрав инструментарий, мы возвращались в Школьную комнату и уже там переходили к водным и прочим колористическим процедурам — как запомнили. И вот что удивительно — шедевры мирового искусства в нашей интерпретации всегда выходили узнаваемыми, нетвердая, но нескованная детская рука с неизменной точностью выхватывала из хрестоматийного изображения главное: образ, стиль, смысл. Именно это интересовало наших преподавателей.

Когда стали постарше, перешли в лекторий; в более поздние периоды — и к более сложному занятию: теперь нас учили не только видеть, но и говорить об увиденном, переводить пластическую речь в вербальную. Забегая вперед, скажу, что именно в этих неуклюжих, тщательно поощряемых педагогами упражнениях я освоила азы описания и анализа произведений искусства — базового курса, который преподается студентам-искусствоведам в университете. А возвращаясь назад, скажу, что были еще поездки по старым русским городам и «десанты» в археологические экспедиции — это когда наши музейные археологи договаривались с коллегами-полевыми, а те принимали нас на своих раскопах, и не только все объясняли и давали разглядеть, но и разрешали покопать и даже как бы самим что-нибудь найти.

А еще — регулярные выставки работ юных студентов, и театрализованные вечера в конце каждого сезона, и двенадцатилетние Федры и Антигоны с монологами из Расина, и белые простыни, изображавшие греческие пеплумы и римские тоги, и шляпы с перьями, и испанские воротники, и мушкетерские плащи — все участники этого интеллектуального карнавала были одеты, действовали и разговаривали в соответствии с освоенным за год периодом истории

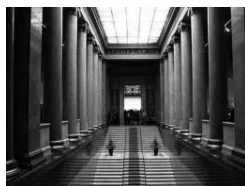
и истории искусства. Несомненно, это был самый яркий музейный аттракцион, неизменным режиссером, сценаристом и сценографом которого была — буквально до последнего дня своей жизни — незабвенная Алла Сергеевна Стельмах. Но несомненно и то, что это был самый беспронизышный способ погружения в эпоху, в ее тексты и контексты, в ее образ и стиль.

Кстати, об образе и стиле: вынуждена с горечью признаться, что сонмы конкретных фактов и событий, дат, имен и названий с годами канули в нестижимые уже глубины памяти, но чувство образа и стиля времени и его искусства, которое разбудили в цепком детском восприятии музейные педагоги и довели до ума университетские, — это никуда не девалось, не ушло. И, судя по всему, уже никуда не денется...

... Уже взрослым человеком и давно дипломированным специалистом я впервые попала в Италию. И впервые увидела в подлинниках то, что долгие годы знала по слепкам, слайдам и репродукциям. Войдя в капеллу Медичи, честно замерла в ожидании потрясения, которое обещали коллеги и чуткие любители искусства. Но, разглядывая любимые с детства скульптурные композиции, я с некоторым ужасом поняла, что никакого потрясения не испытываю. То есть знакомые аллегории Микеланджело определенно лучше себя чувствовали в родном временном и архитектурном контексте, но, в общем, не сообщили мне ничего нового, ничего такого, чего бы я не знала раньше. Конечно, этот эмоционально-оптический дефект можно объяснить по-разному: возможно, я, подобно большинству реципиентов, менее чутко слышу живую энергетику скульптуры — с живописью в этом смысле проще. Возможно, сказались профессиональная усталость: бывает, что искусствоведческая «насмотренность», «замыленность глаза» притупляет восприятие в самый неподходящий момент. Но мне почему-то хочется думать, что просто в моем Пушкинском была очень неплохая коллекция весьма качественных слепков. К тому же те, кто мне их показывал, даже помыслить не могли, что они или их ученики когда-нибудь увидят подлинники — потому в своих рассказах и наделали копии всеми свойствами оригиналов. А я так и запомнила — ребенку ведь все равно, в подлинниках или в копиях дают ему безусловную красоту. Дети — вовсе не снобы. Для них красота — это просто красота. Та самая, понимать и ценить которую научил меня и многих-многих друзей мой Пушкинский.

2

Школьная комната

осталась в ностальгических воспоминаниях бывших студийцев и киошников. Школьный сектор преобразован в Центр эстетического воспитания детей и юношества «Мусейон», которому руководство ГМИИ отвело отдельный особняк во дворе Гравюрного кабинета — с просторной изостудией, эстампной мастерской, экспозиционными залами для выставок детского рисунка. Список клубных кружков расширился за счет новых опций, и Центр теперь охватывает весь возрастной диапазон любителей искусства. Обо всем этом и о своей жизни в ГМИИ рассказывают музейные педагоги двух поколений — Надежда Ковалдина и Мария Лукьянцева. Обе пришли сюда когда-то детьми и остались здесь до сих пор.

Одни на всю Москву

Надежда Николаевна Ковалдина.

Искусствовед. Зав. сектором музейной педагогики

Отдела эстетического воспитания детей и юношества «Мусейон»:

Вообще-то, я — из «киошников» первого набора. Но когда я пришла в музей впервые, КЮИ еще не было. В пятидесятые был только лекторий для старших школьников. Туда я и стала ходить в 9-м классе. Давно это было... В общей сложности я провела здесь 50 лет — с перерывом на университет. Отучившись, я пришла в музей работать и вскоре подключилась к работе с детьми. Но это было потом, а тогда, в пятидесятые, лекции были замечательные, но нам хотелось не только слушать их, но и самим говорить, смотреть, обсуждать, во всем этом вариться. И нас поняли. И предложили такую форму, которую придумала Лилия Лаврентьевна Макаед, — Клуб юных искусствоведов, где мы не только слушали лекции, но и ходили на семинары в залах музея, учились анализировать живые произведения. С КЮИ, со старших школьников, которые занимались по университетской модели, всё и началось. Но это действительно было только начало. Очень скоро стало понятно: старшекласники; охвачены, а пятый, шестой, седьмой класс — их-то куда? И стали делать кружочки такие: «Древний мир», «Средние века и Возрождение», «XVII век». А затем эти кружочки объединили, и у нас стало два клуба: Клуб юных искусствоведов для старшекласников и Клуб юных любителей искусства для подростков (его возглавила Алла Сергеевна Стельмах). Это все были, так сказать, теоретики. А для рисующих детишек была создана изостудия. Но

только для маленьких — старших мы не берем; старшим нужна пусть начальная, но все же профессиональная подготовка. А мы занимаемся эстетическим воспитанием, развитием вкуса, фантазии, воображения. Главное, чему мы учили и учим, — это навыки восприятия, которые касаются и юных художников, и юных искусствоведов. Мы возражаем, когда нас называют «Школой юного искусствоведа». Мы — не школа. И вообще не образовательное сообщество, а художественное, клубное. Клуб — это единомышленники, которые пришли совершенно из разных сфер и потом пойдут в разные сферы, но их навсегда будет объединять наш музей и искусство. Искусство — не как знаточество, а как материал, который развивает восприятие и открывает мир, потому что через искусство человек и на жизнь, и на мир начинает смотреть по-другому. Это, возможно, пафосно звучит, но именно эта гуманитарная задача всегда была и остается для нас главной. Образовательный фактор очень важен, но для нас главное — развитие рецепторов восприятия настоящего искусства: это дает очень мощную прививку против вульгарности, внешней красоты, китчевости. В клубной, свободной форме мы учим не только азбуке пластического языка, мы учим отличать хорошее от дурного. А ведь где эстетика — там и этика.

Конечно, жизнь есть жизнь, и всяко бывает, но мы стараемся. На приеме у нас ребята заполняют ан-

кеты, чтобы нам, педагогам, было понятно, какие у них предпочтения, что они помнят, и почему именно это, в каких они бывали музеях — ну, в общем, мы с ними разговариваем. И, конечно, нередко бывает, что у очень симпатичных детей вкус, скажем так, простодушный. И они чувствуют, что принимающий педагог их в чем-то не одобряет, иногда теряются, расстраиваются. А поскольку так сразу на пальцах не объяснишь, почему то, что ему нравится, плохо, мы такому ребенку говорим: ты не волнуйся — если ты у нас здесь задержишься, то мы с тобой во всем разберемся. Здесь ты будешь знакомиться с очень хорошим искусством и сам поймешь, что красота и правда не только в том, чтобы каждая волосинка была прорисована прямо как в жизни; что есть и другие критерии, и другие ценности.

Многие от нас идут к нам (имеется в виду — из КЮИ на кафедру искусствоведения МГУ. — О.Я.). Хотя в наши задачи никак не входит формирование искусствоведческих кадров, это само получается, и это очень приятно. Из нашего, самого первого «киошного» набора почти все, как и я, ушли в профессию, и многие стали блестящими специалистами.

Но вот уже мои ученики — это люди совершенно разных профессий: физики, инженеры, и мы это очень ценим, потому что, подчеркну еще раз — мы не школа, а клуб, который объединяет людей с потребностью в таком интеллектуальном, но веселом — на хорошем, высоком уровне — времяпрепровождении. Людей с такой потребностью гораздо больше, чем кажется.

Вот и сейчас... Хоть мы и превратились из сектора в Центр — но как были одни на всю Москву, так и остались. Мы изо всех сил стараемся использовать наши расширившиеся возможности, но сегодня, как и во все прежние времена, одна из самых острых наших проблем — необходимость и критерии отбора.

Кружки у нас по-прежнему малочисленные. А как быть с теми, кто не попал? Нашли паллиативный выход: беседы об искусстве раз в месяц, по воскресеньям. Это еще Алла Сергеевна когда-то начинала. Теперь это работает всюду, эту работу возглавляет Лидия Михайловна Срибнис — она тоже из бывших «киошников», сейчас заведующая лекторием. Сегодня «Беседы об искусстве» — и для тех, кто не попал в кружки по техническим причинам, и для тех, кто не проходит туда по возрасту (здесь дети 9-10-ти лет), и для тех, кого родители не могут возить на занятия в будние дни.

Та же изостудия для детишек — ну, какие там в пять лет могут быть показатели особой художественности? Там главный критерий отбора — чтобы ребенок любил рисовать. По нему и отбирают. А есть дети вполне живые и восприимчивые, но вот не рисуют. В изостудии им делать нечего, до кружков наших еще не доросли — куда их? И тогда у нас возникли семейные группы — первые опыты еще при Нине Николаевне Кофман были, а сейчас это уже целая империя. Это для маленьких детей, которые не рисуют, но которых родители хотят приобщить к музею и к этому миру. Обычно пятилетние дети не говорят: мам, отведи меня в музей. И очень хорошо, что многие родители, совсем не обязательно сверхъестественно культурные, хотят как-то детей в этот мир ввести.

Кстати, был период — все же это на моей памяти — в 90-е годы, такое сложное было время, многим тогда казалось, что все рушится... И тогда как раз много побежало родителей с детьми к нам, в музей, с лозунгом: «Спасите детей!» Помню, я рассказала об этом Ирине Александровне Антоновой, и она потом везде это цитировала, что родители через музей хотят спасти детей.

Сейчас, конечно, никто никого не спасает, но приобщить к этому хотят. И поэтому у нас тут очереди безумные, семейные беседы пользуются даже большим спросом, чем изостудия: в изостудии надо предъявить рисунки, а здесь, кроме интереса, ничего предъявлять не надо. И тут мы никого отбирать не можем. Очереди в день приема просто дикие, но мы не можем брать всех, кто пришел, потому что мы просто с этим не справимся: у нас совсем немного людей, которые этим занимаются, а самое главное — которые *могут* этим заниматься. Это же должны делать люди не назначенные, а расположенные к этому, а таких сейчас, увы, немного. Раньше, мне кажется, было больше. Тем более, в семейных группах очень сложно: тут и дети, и родители. А бывают и родители вредные, и дети упрямые. А я должна из каждого что-то вытягивать, потому что мы не экскурсиями ходим и слушаем — мы беседуем с этими малышами, и я из каждого тяну. А не то, что если не хочешь, то молчи. Нет, раскручиваю как могу. Мне хочется заполучить побольше душ, расположенных к искусству. И я вижу перед собой этих молодых мам, пап и даже бабушек — и как у них глаза горят! Однажды я случайно подслушала, как чья-то бабушка говорила: «Т-а-а-к интересно! Ленке-то вроде не особенно, а мне просто очень!» Они не хотят уходить!

Это же очень важно, когда не только дети между собой, но и родители с детьми говорят об искусстве. И это самое главное, что у нас не только дети. У нас подростки, и юношество, и даже взрослые. Маленькие

дети есть всюду, а вот нашего контингента нет больше нигде — кроме разве что питерского Эрмитажа. Это до сих пор огромное дело. Как и 50 лет назад, это нужно людям. Может быть, сейчас даже еще нужнее.

Шебу надо покормить

Мария Александровна Лукьянцева.

Художник. С 1985-го года — преподаватель в детской художественной студии ГМИИ им. А.С. Пушкина, сотрудник Центра «Музейон».

Я в музее с 9-ти лет. Это случайно получилось: я училась в подготовишке при художественной школе, а Нина Николаевна Кофман там была директором. Моя работа получила приз на международном конкурсе детского рисунка, и когда эти призы выдавали, меня увидела Эрна Ивановна Ларионова — она тогда здесь всем этим «детским садом» заведовала. И я ей понравилась, сказала: ой, какая хорошенькая маленькая девочка с косичкой, пусть к нам в кружки приходит. В изостудию-то не брали тех, кто в художке учился. Меня взяли в кружки, и там я была самая маленькая. И вот — с четвертого класса и до десятого. А когда я закончила Полиграфический институт, Нина Николаевна Кофман пришла в музей преподавать в изостудии, и позвала меня сюда работать. Я решила, что пойду ненадолго, пока у меня дети маленькие. И вот так и застряла на столько лет! Сначала я была помощницей Нины Николаевны. Потом она ушла, и я осталась вместо нее. Потом постепенно стали другие сотрудники приходиться. Потом мы переехали вот в этот детский центр. А Школьная комната не сохранилась... Жалко: я там и сама училась, и детей там учила столько лет. Столько лет — я же здесь с детства. Интересно, что концепция преподавания с моего детства и юности не изменилась. Главное — наблюдать за ребенком, смотреть, как он понимает и как потом это воспроизводит. И только на основе этих наблюдений показывать какие-то более сложные вещи. Допустим, как небо нарисовать — вот этот художник это делает так, а тот — этак. А как сделаешь ты? Во всем отталкиваться от личности ребенка, от его живого индивидуального восприятия. Гораздо эффективнее научить человека самостоятельно видеть, чем что-то два раза в месяц объяснять на пальцах. Через восприятие искусства раскрывается внутренний мир самого ребенка. Он видит, как это делают великие, он это адаптирует и интерпретирует, как видит и умеет сам. Ребенок ведь не боится своей неопытно-

сти, он это очень смело делает, и это тоже в нем надо поддерживать, чтобы он не зажался, чтобы всегда оставался самим собой. Мы смотрим, например, рыбок Матисса, они им очень нравятся, потому что картина большая и яркая. Потом я им говорю: нарисуйте просто аквариум с рыбками, как запомнили. И они рисуют как могут, но равно Матисс вылезает. Потому что это очень сильное впечатление и очень свежее. Важно, что мы сразу идем рисовать, чтобы яркость впечатления не выцвела, не потускнела. Только посмотрели — и уже рисуют. Это повелось с шестидесятих годов, еще от Эрны Ивановны...

С отбором, конечно, трудно. Мест сейчас хотя и больше, чем было в Школьной комнате, но все равно мало. На прием приходят 150 человек, а взять в группу мы можем не больше двадцати: больше просто физически невозможно. С ними же надо по залам ходить, потом сюда прийти, потом еще всех одеть и раздеть — маленькие ведь! И вообще, надо заниматься каждым. А по-хорошему, конечно, надо брать всех: не всегда можно сразу определить способных, многие потом раскрываются. Но всех взять невозможно, поэтому мы стараемся отобрать тех, кто много рисует и любит рисовать. Я всегда прошу родителей, чтобы приносили то, что ребенок рисует сам, дома, не по заданию. Чем больше этих рисунков, тем лучше.

Некоторые дети — графики. Они рисуют такой линией летящей, и я сама даже удивляюсь, как это они так нарисовали. Допустим, толпы лошадей, которых на водопой ведут: легко и просто, начиная с угла, komponуют, лихо так — у них это внутри сидит. Другие — живописцы, цветовыми пятнами рисуют. Но это способные детки. А есть детки зажатые, и по некоторым видно, что им это совсем неинтересно. Но родители приводят и говорят: а вы научите! Я объясняю: мы здесь не учим, у нас только два раза в месяц занятия, мы не беремся учить, мы можем толь-

ко развить интерес, если он есть. Иногда родителям очень сложно объяснить, что мы здесь *не учим!*

Нет, то есть учим, конечно — по ходу дела мы объясняем очень осторожненько, как краски смешивать, как на листе расположить, чтобы красиво было, объясняем, что такое композиция, цвет, линия... Потихонечку говорим об этом. Но натюрморты мы не ставим, гипсы не отрисовываем. Я считаю, что это надо уже детям постарше, маленьким мы не навязываем ремесло. Для нас главное — через восприятие искусства раскрыть внутренний мир ребенка, понять его, расшевелить. Это, скорее, введение в искусство, причем ребенок идет по этому пути сам. С нашей помощью, но сам. И сам находит свою, индивидуальную дорогу.

Даже в залах я им стараюсь ничего такого искусствоведческого не рассказывать, просто спрашиваю. Смотрим, например, «Мадам Сомари». Я спрашиваю: по-вашему, кто это? Они говорят — это принцесса. Я не возражаю — принцесса так принцесса. И через их восприятие, через их лексику стараюсь направлять их потихонечку в нужное русло.

Раньше, когда путь в Школьную комнату шел через экспозицию — это так здорово было, особенно в детстве, это была сопричастность с чем-то таинственным, что вот мы идем по залам, как все, а потом открываем потайную дверь, и туда только нас пускают, больше никого... И та часть экспозиции, через которую туда надо было идти, была просто родная. Бежишь, опаздываешь — и здороваешься на ходу с добрыми знакомыми. Чудесный был маршрут!

Главное для нас — не растить профессионалов, а показать ребенку начало пути, чтобы ребенок по возможности мог определить свой собственный маршрут, и чтобы педагоги его с этого маршрута не сбивали, потому что у каждого свой путь в искусство.

Ни для кого не секрет, что все люди, которые так или иначе соприкасаются с искусством, делятся на художников и искусствоведов, и даже по детям видно, что одни склонны пропускать через голову, а другие — через руки. А если обучать одновременно и теории искусства, и практике, то результат будет и объемным, и гармоничным. Меня тут пару лет назад попросили заменить Тяжелова в КЮИ. Я так испугалась — как это я буду заменять Тяжелова, такого мэтра? И дети там взрослые, лучше меня всё знают. А коллеги говорят — да что вы так волнуетесь, расскажите им о том, что вы лучше всего знаете. Я говорю — я лучше всего знаю про техники, а они — ну вот и расскажите про техники, а потом

дайте им порисовать этими же техниками. А у нас как раз тогда выставка рисунка была. Я этим «кюишникам», великовозрастным теоретикам, показала на выставке техники рисунка, а потом предложила самим их попробовать. И как они корпели, взрослые и совсем не рисующие дети! А когда я им всем это закрепила, они с такой любовью и гордостью понесли свои работы домой... Потом они у нас еще гравюры резали, и тоже был восторг полный, потому что даже взрослым детям этого не хватает. Через руки это легче всего запоминается. Если ты сделал один раз, например, монотипию или вырезал линогравюру, ты уже никогда не забудешь, что это такое. Теоретикам тоже полезно. А художникам полезны теоретические знания.

Я художник, и когда пришла сюда работать, мне теоретические навыки, которые я здесь в кружках и в КЮИ получила, очень дажегодились. Личные впечатления из детства тоже мне очень помогли. Я очень любила Египетский зал. Потом, помню, когда я сюда пришла, мама мне сказала: ну вот, теперь музей станет тебе родным домом. И действительно, я как-то так почувствовала, что это родной дом, что совсем раскрепостилась и обняла статую. Мне очень нравились «Граждане Кале», и история эта про них тоже очень большое впечатление произвела. Я подошла и нежно обняла одного из них — правда, смотрительница тут же меня одернула.

Маленькие дети лучше воспринимают скульптуру, потому что они говорят: «Я люблю, когда сделано». Это для них что-то материально осязаемое, понятное. Я стараюсь для маленьких скульптуру оживить, чтобы это были не просто мертвые слепки из гипса. Дорифора, например, мы оживляем: как он бежит со своим копьем, как бросает. Я даже все время говорю, что скульптуры очень не любят, когда в них пальцем тычут: тебе же неприятно, когда в тебя пальцем тычут, это же обидно, правда? Вот и им тоже, они живые. То, что в их представлении живое, дети и рисуют лучше.

Тут одна девочка недавно сказала, что шеду (крылатые человеко-быки в Ассирийском зале. — О.Я.) надо бы покормить. Я спрашиваю — а чем ты их будешь кормить? А она: у нас на обед были котлеты с вермишелью, так вкусно, вот бы их угостить, им понравится. И я поняла, что хорошо справляюсь со своей задачей.

Записала Ольга Яблонская

ТРИ ВЫСТАВКИ

ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ в Лондонской национальной галерее

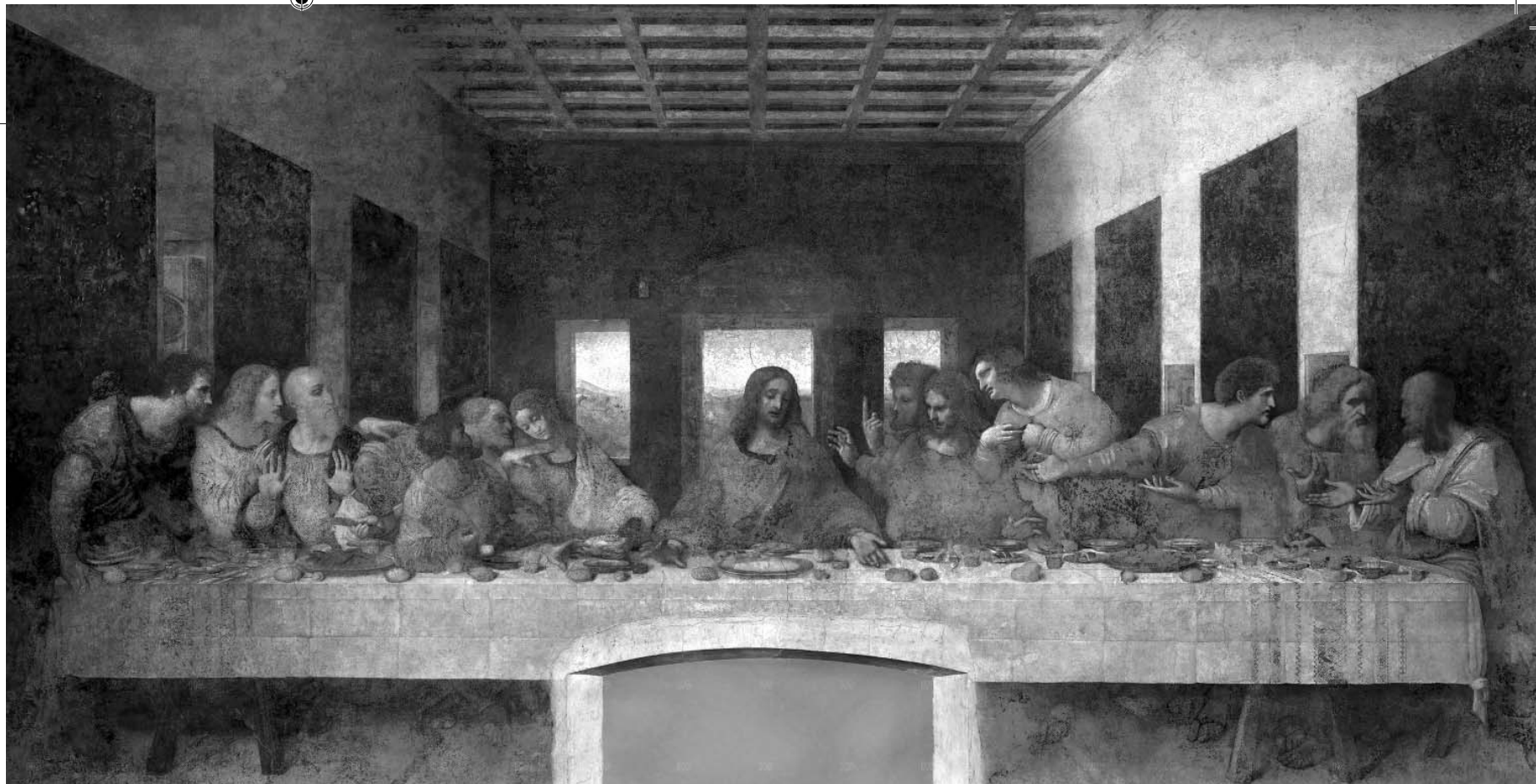
«Леонардо — художник миланского двора». Лондонская национальная галерея. 9 ноября 1911 г. — 5 февраля 2012 г.

Это была предельная выставка. Предельная — потому что невозможно достигнуть пределов — линии горизонта, скорости света, абсолютного нуля, полного вакуума, собрать выставку Леонардо. Однако последнее сделано. Как теперь жить музейным кураторам? К чему стремиться, о чем мечтать? Конец истории...

Собрались в Лондон, просили родных заранее заказать билеты, но в этот раз заказы не принимались, билеты продавались только в порядке живой очереди.

Лондонская национальная галерея, один из лучших художественных музеев мира, уже лет десять поражает всех длинным рядом роскошных экспозиций. О многих мы писали в «Вестнике Европы». Выставка Вермеера (ВЕ, т. 4, 2002), Гойи, Эль Греко (ВЕ, т. 12, 2004), Тициана (ВЕ, т. 9, 2003 г.), Рафаэля (ВЕ, т. 13/14, 2005), Караваджо (ВЕ, т. 15, 2005), Веласкеса (ВЕ, т. 19/20, 2006). И вот — предел мечтаний — выставка Леонардо.

Какие страховки, какие меры безопасности, какая охрана! Какая логистика, дипломатия высочайшего ранга, закулисные торги, игра амбиций, компромиссы... За эрмитажную Мадонну Литту, которая наряду с краковской «Дамой с горностаем» явно царствовала на лондонской выставке, — отправили в Санкт-Петербург роскошное «Благовещение» Кривелли. У нас в стране нет произведений этого утонченного венецианца; помню, как поразила всех его «Мадонна с младенцем» в 1974-м на грандиозной выставке «Сто картин

из музея Метрополитен», представленная сначала в Эрмитаже, а потом в Москве, в Пушкинском, где ей было все-таки тесновато...

Да и прелестную Чичилию Галлерани с ее горностаем (или, как некоторые уточняют, *лаской*) из Краковского музея мне посчастливилось видеть в том же Пушкинском, на прорывной выставке европейского портрета, устроенной И.А. Антоновой в начале семидесятых. «Дама с горностаем» была бриллиантом той экспозиции, где русское искусство встало в один ряд с европейскими шедеврами.

Чичилия Галлерани была лицом лондонской выставки — она объезжала город на красных автобусах, с огромных постеров на стенах Национальной галереи невозмутимо смотрела на суету Трафальгарской площади...

Мировой интерес к этой выставке был такой, что оказалось — попасть на нее нельзя. Англичане, столкнувшись с невероятным количеством важных персон со всего мира, отчаявшись как-то примирить их желания с принципом *общедоступной экспозиции*, после нескольких вернисажных дней, вообще отказали VIP'ам.

В этот раз билеты нельзя было ни заказать по Интернету, как обычно, ни получить по пресс-карте, ни по заявкам посольств и проч. Можно было, вежливо

улыбаясь, как объясняли нам в дирекции НГ, только купить в порядке живой очереди.

А в живую очередь продавали ограниченное число билетов по сеансам: именно на этот день по четыре билета в руки.

Спекулянтов, как у нас, скупщиков и барыг, предлагающих билетики по бешеным ценам, у музея мы не обнаружили; как-то это у лондонцев «не в заводе»; можно было только встать среди ночи, честно выстоять очередь и получить на руки четыре билета по 16 фунтов каждый.

В нашем случае нашелся хороший русский человек, у которого были обширные связи в мире лондонских бомжей. Эти центровые элитные бомжи, обитающие в районе Трафальгарки, на то они и бомжи, чтобы существовать в параллельном, не пересекающемся мире с Национальной галереей и выставкой Леонардо. До контактов с нашим другом они даже и не подозревали, что есть Высокое Искусство. Впрочем, когда наш музейный спаситель научил их, живущих на улице, просто встать пораньше в очередь и купить нам билеты, в них проснулась жилка предприимчивости, и они, отдав нам заказанные четыре билета, другие четыре тут же продали неподалеку на Лестер — сквер с приличным «наваром»... Получив навыки русской коммерции, они вошли было во

Леонардо да Винчи.
«Тайная вечеря». 1494–1498 гг.
Фреска, созданная для доминиканского монастыря
Санта-Мария делье Греси, Милан

вкус, но выставка, увы, доживала последние дни. Боюсь, однако, что, поселившись в стерильных сердцах вестминстерских бомжей, пагубная идея билетной спекуляции будет распространяться. Одна надежда, что после этого супершоу мировой массовый интерес к музейным выставкам, подготовленный всякого рода «Кодами да Винчи» и многолетним тиражированием Леонардовой легенды, пойдет на спад. Ведь никакого другого имени художника средний турист не знает.

Помню, в Лувре я наблюдал бесконечный конвейер японских, южнокорейских, а в последние годы и китайских туристских многочисленных групп, которые с периодичностью морской волны накатывали на луврские лестницы и анфилады залов. Все как один с фотомыльницами и мобильниками, летели они по Лувру, сбиваясь в непробиваемый плотный рой у одной-единственной картины «Джоконды». Тридцать секунд у загадочно улыбающейся Моны Лизы — и рой снимается и снова летит по лестницам, рассаживаясь по автобусам, чтобы сгрудиться у Эйфелевой башни или гроба Наполеона — главных аттракционов Парижа...

Но вернемся в Лондон. На лондонскую выставку Джоконда не приехала. (А мы-то видели ее в 74-м в Пушкинском! — вспомнил я. На легендарной выставке одной картины, когда вся Москва стояла, обвив музей плотными многорядными кольцами.)

«С апреля по июнь 1974 года «Джоконда» — возможно, самый известный портрет за всю историю человечества — проездом из Японии, где ее посмотрели 1,5 миллиона человек, остановилась в Москве и два месяца выставлялась в Пушкинском музее. Министр культуры СССР Екатерина Фурцева сделала невозможное, чтобы советские люди увидели шедевр: благодаря ее энергии была изыскана огромная страховая сумма (100 млн. долларов) и по ее личному заказу изготовлен специальный пуленепробиваемый футляр для экспонирования «прекрасной флорентийки». Очередь на вход в ГМИИ им. Пушкина в мае-июне 1974 приобрела воистину эпические масштабы, стояли по 7-8 часов».

Да, в Пушкинском останавливалась, пусть и ненадолго, и Чичилия Галлерани, и «Мона Лиза», и рафаэлевская красавица с единорогом, из дворца Боргезе, совсем недавно, в прошлом году...

Такие гости, такие картины и такие выставки для музейных кураторов, как премьеры для театральных режиссеров, составляют особую заботу и особую гордость.

Да, выставки — это музейные спектакли с приглашенными звездами, они скоротечны, но как спектакль — остаются в нашей памяти, внутри временной своей «географии залов»; мы помним и видим их внутренним зрением то в Белом зале, или на галерее, или, как «Джоконду», — на первом этаже правой стороны....

Есть немногочисленное племя истинных фанатиков, пожирателей картин, умеющих улучшить время меж волнами профанов, и захватить (это получается почти всегда) в свое полное и единоличное взаимодействие, необходимое обоим — и субъекту воспринимающему, и объекту восприятия, веками подпитуемого этой восторженной энергетикой (про чудотворные иконы говорят: «намоленная»). Без нас, без нашего внимания и нашего восхищения, нашего влажного дыхания и блеска глаз картины вянут, тускнеют, это знают музейные хранители, время от времени отправляющие из запасников в основную экспозицию то одну, то другую живопись. Но и в экспозиции совсем немногим достаются наше внимание и наша восхищение...

Однако поглотители картин (как, впрочем, и книг) — совсем иное, не такое уж безобидное племя; они претендуют пусть на краткое, но на абсолютное владение искомой драгоценностью, они общаются с картиной глубоко интимно и иногда, кажется, взаимно...

Люди этой породы всегда чувствуют конкурентное присутствие друг друга — нормальный посетитель не сидит у картины часами, бесцеремонно заряжаясь ее энергией. Нормальный посетитель проводит подле нее секунд двадцать, одну, много две-три минуты; пять — это уже кто-то из поглотителей шедевров, арт-вампиров. Пользуясь несовершенством законодательства, эти бесстыдные умыкатели проводят в залах целые дни, наравне с честными хранителями залов. Хранители сразу же безошибочно выделяют их из потока, но ревниво терпят их присутствие. А что делать? Нет еще ни в одном музее мира запрета на эту недемократичную эмоциональную приватизацию главных шедевров человечества. Обычный посетитель с чем пришел, с тем и ушел. А эти безнаказанно (и бесплатно!) уносят из музея бесценные образы.

Но именно среди этой, надо сказать, подозрительной публики, что отмечено еще Дж. Вазари, может возрасти истинный маньяк, психопат или слишком уж склонный к экзальтации, а то и к эпилептическому какому-нибудь припадку, эгоистический интроверт-

губитель, как тот, который порезал когда-то картину Репина «Иван Грозный и сын его Иван» или другой, тот, что облил соляной кислотой рембрандтовскую «Данаю» ...

Хранители залов не уследят за ними, порою дремлют они, привыкнув к интерьеру и мельканию ног...

В 73-м мне посчастливилось ходить по залам следом за Марком Шагалом и его женою; я был тогда, кажется, единственным человеком с фотоаппаратом... Помню, у них с женою в музее была игра — понравившуюся картину они обсуждали и спрашивали: покупаем? Они выбрали джорджониевскую Юдифь, «Сирень» Моне, Ван Гога...

С тех пор я играл в эту игру с детьми во всех музеях и на выставках — у вас есть возможность купить три картины, выбирайте. И они спорили, «покупали».

В Эрмитаже всякий раз я прихожу поздороваться с джорджониевской «Юдифью» (когда-то отреставрированной Александрой Михайловной Маловой, вечная ей память) и рембрандтовским «Блудным сыном».

А в НГ — тоже свой маршрут: Учелло, св. Георгий вонзает длинное рыцарское копье в глаз Дракону, которого выгуливает тонная дама (прославленная книжкой Фаулза); «Рождество» Пьеро делла Франчески; «Благовещение» Кривелли.

В Лондонской галерее Курто, великолепном небольшом собрании в Сомерсетхаузе, — конечно, «Христос и грешница» Питеря Брейгеля Старшего, «Автопортрет с отрезанным ухом» Ван Гога и «Бар в Фоли-Бержер» Мане...

* * *

Всего на выставке «Леонардо да Винчи, художник Миланского двора» было собрано 93 работы: из них 66 вещей Леонардо да Винчи (живопись и рисунки), а также целый ряд работ Джованни Антонио Больтрафио (в том числе знаменитая «Мадонна Эстерхази» из Будапешта), который предстал в таком контексте выдающимся мастером.

Поместили в одном зале двух «Мадонн в скалах»: свою — из НГ, другую — из Лувра. Таня выбрала лондонскую, с ее небесным хитоном и голубыми горами, а я луврскую, более близкую к эрмитажной школе реставрации и расчистки, менее яркую. Но только здесь, увидев их в одном зале, стало понятно, какие они разные.

Особый интерес на выставке представляла выделенная в отдельном зале экспозиция, связанная с ле-

гендарной миланской фреской «Тайной вечери», из трапезной доминиканского монастыря Санта Мария-делла-Грацие.

Фреску, конечно, в Лондон не привезли, но у входа в зал была ее хорошо сделанная, почти в полный размер, фотография, а в глубине зала висела огромная, недавно отреставрированная работа — ранняя копия «Тайной вечери», сделанная Джованни Пьетро Риццоли, прозванного Джампетрино, написанная около 1520 года. Яркая, написанная маслом, подробная и оттого необычайно интересная.

Сцена, скупо обозначенная в Евангелии как «горница большая, устланная», преобразуется в Леонардовых реконструкциях, которые были представлены тут же на многочисленных листах (всего он сделал больше тысячи рисунков и набросков): планов, мизансцен, математических расчетов, стадий движений, жестов, поворотов фигур, столь многочисленных и подробных, что легко можно представить эту самую драматическую сцену в Леонардовой режиссуре: «один из вас предаст меня»...

Если бы сделать фильм на основе Леонардовых рисунков, возможно, что-то бы и выявилось постоянно ускользающее, недоступное простому, да и непросто, ухищренному знанием, взгляду.

«Мы знаем, — писал Леонардо, — что точка зрения помещается в глазу зрителя» («Мастера искусства об искусстве». М., 1966, т. 2, с. 117).

Мы мало способны представить его себе на нашем зрительском месте — в фокусе взгляда Спасителя, где когда-то стоял художник, поставивший сюда зрителя, меня, нас. Он навсегда остался в точке средокрестия взгляда. Когда мы оказываемся в этой точке, отраженный взгляд Спасителя мира (Salvator Mundi, частная коллекция), адресованный ему, входит в нас. Это есть у Леонардо и в «Джоконде», но и в «Тайной Вечери»; хотя прямого взгляда в зрителя здесь нет, но ощущение его, испытывающее, — есть. «Один из вас предаст меня».

Однажды в Иерусалиме нас привели к скромной зале, которую показывают как «горницу Тайной Вечери» над гробницей Давидовой». (В то, что это она и есть, паломники и туристы верят, не задумываясь.) Леонардо должен был перенести действие отсюда в трапезную миланского монастыря.

Важнейшие слова Евангелия сказаны здесь и сейчас, произнесена непостижимая тайна: «сие есть кровь моя».

Маттео Бандело, видевший долгую работу Леонардо над фреской, засвидетельствовал, что он то

работал сутками до изнеможения, то взлетал на леса, чтобы сделать один-два мазка кистью, то часами стоял в раздумье перед стеною...

Раз за разом он перечитывал евангелистов, зная всех уже наизусть.

«И Учитель говорит: где комната, в которой бы мне есть пасху с учениками моими? И он покажет вам горницу большую, устланную, готовую, там приготовьте нам». (Марк, 13:15).

Комната, в которой происходит действие Вечери у Леонардо — продолжение, как отражение монастырской трапезной. На реплике (все-таки это не полная копия, другие рисунки стен, пейзаж за окном, некоторые лица) Джампетрино из лондонской королевской Академии (размером 302x285, меньше, чем леонардовская фреска — 400x900 см) хорошо видны подробности, незаметные на сильно испорченной временем фреске: и узлы по краям новой, в складках, только что развернутой скатерти, и большой рыбацкий нож в сложно вывернутой руке Петра, привставшего за спиной Иуды, и вскочившего Филиппа: не я ли? И Матвей, протянувший руки в сторону Иуды, и вино, агнец с горькими травами, опресноки на столе...

«И когда они возлежали и ели, Иисус сказал: истинно говорю вам, один из вас, ядущий со Мною, предаст Меня. Они опечалились и стали говорить Ему, один за другим: не я ли? и другой: не я ли?» (Марк, 14:18-19).

А Лука вторит и добавляет:

«И, взяв хлеб и благодарив, преломил и подал им, говоря: сие есть Тело Мое, которое за вас предается; сие творите в Мое воспоминание. Также и чашу после вечери, говоря: сия чаша есть Новый Завет в Моей крови, которая за вас проливается... и Я завещаю вам, как завещал Мне Отец Мой, Царство» (Лука, 22 : 19-20, 29).

Эту полную огромного внутреннего содержания сцену должен был отобразить на стене Леонардо.

В фильме Би-би-си о Леонардо со студентами-актерами была сделана точная реконструкция леонардовской мизансцены; она оказалась сложнейшей. К слову, в легендарном спектакле «Серсо» Анатолий Васильев цитирует леонардовскую «Тайную Вечерю» как разрушенную и утраченную гармонию. Ведь после сказанного ничего уже не будет в Мире так, как было прежде.

Композиция математически выверена, смоделирована, тысячи набросков, рисунков, картонов сделаны.

Рисунки Леонардо из Королевского виндзорского собрания, представленные здесь, показывают, как

это достигалось. Вот апостолы: Иоанн, Петр, Андрей, Филипп, Иуда, Фома, Иаков, в разных поворотах и ракурсах, плечи и кисти рук, жесты, богатейшая игра пальцев, ступни, профили, носы, шеи, ушные раковины, кадыки, подбородки, спины и колени, варианты, схема рассадки, группировки, круговой расчет композиции, развертка...

Что можем понять мы, слабые и малoverные, бормоча про «жизнь будущего века?»

Многие современники Леонардо чаяли ее со всей полнотою обетования. Но сейчас, когда из миллионлетней окаменелой кости извлекают ДНК давно исчезнувшего с лица земли существа, когда всерьез говорят о возможности воссоздания исчезнувших видов, так ли далеко до последних времен и до Воскресения во плоти?

Читаешь в Сети: «Группа итальянских ученых намерена эксгумировать останки великого мастера эпохи Возрождения Леонардо да Винчи. Как сообщает интернет-издание netzeitung.de, с помощью анализа ДНК специалисты хотят удостовериться в том, что кости, хранящиеся в капелле замка французского города Амбуаза, на самом деле принадлежат великому итальянскому художнику, скульптору, архитектору и инженеру. Хозяин гробницы уже дал согласие на проведение экспертизы».

Писали, что на красочной поверхности «Дамы с горностаем» под лаком нашли прекрасно сохранившийся отпечаток пальца Леонардо.

Должно быть, мы теперь его, вновь появившегося среди нас, сможем идентифицировать.

Художник, музыкант, фортификатор, конструктор, астролог, создатель шифров и лекарств, врач и анатом, офтальмолог, постигающий устройство человеческого глаза, испытатель природы, посягнувший на послойное сканирование мозга и многомерную модель человеческого организма; ботаник и травник, оружейник, лекарь, дипломат, музыкант и менестрель.

Не чудо ли на маленьком клочке пространства и в кратком сгустке времени каких-нибудь тридцать — пятьдесят лет — божественный промысел или такая сложилась констелляция галактик, или небывалый солнечный протуберанец выплеснул их всех одновременно, предназначенных, может, на целое тысячелетие — Леонардо, Рафаэля, Микеланджело, Джорджоне, Дюрера, Донаттелло, Бламанте? И Колумба, и Америго Веспуччи? Но может быть, именно и только так, высочайшей концентрацией гениев и талантов человеческих создается Новое время?

КАРАВАДЖО

в Московском музее
изобразительных искусств
им. А.С. Пушкина

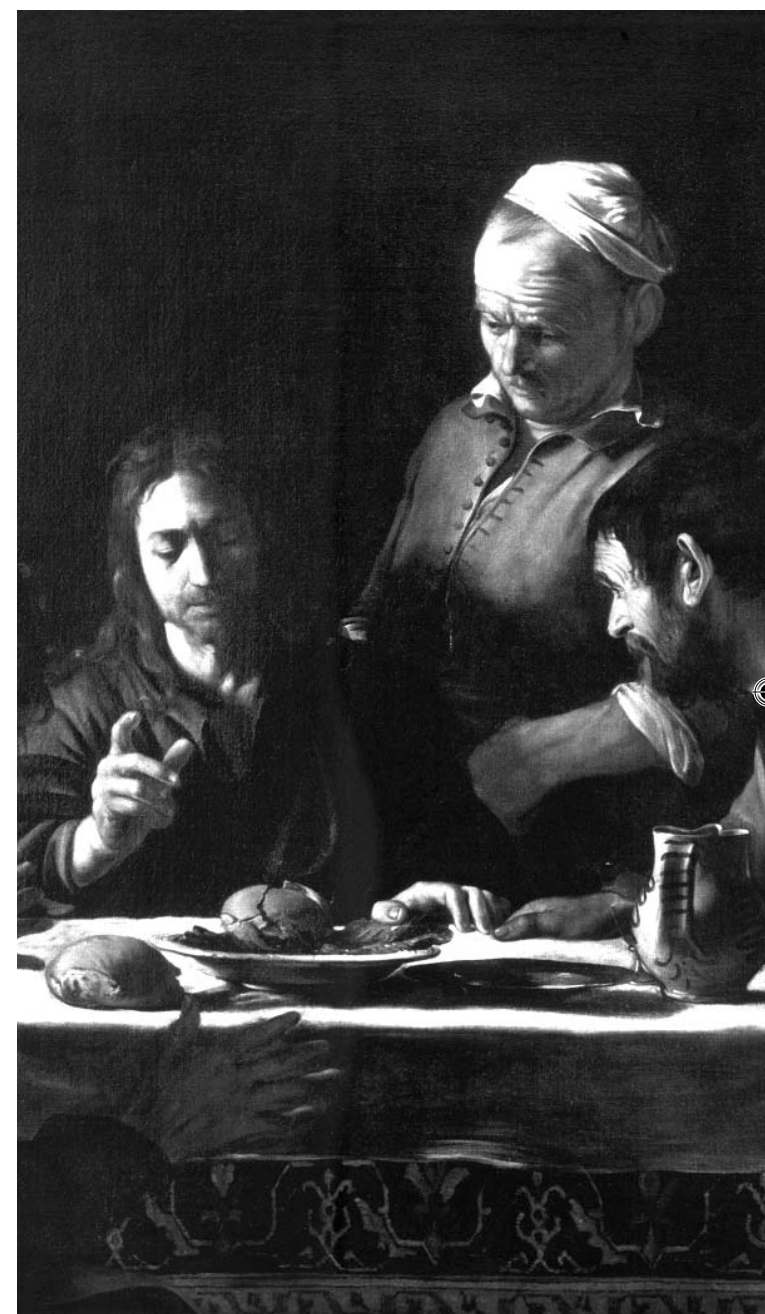
ВЫСТАВКА ИЗ СОБРАНИЙ ИТАЛИИ И ВАТИКАНА.
26.11.2011 г. — 19.02.2012 г. ГМИИ. МОСКВА.

Московская выставка Караваджо — вот поистине щедрый подарок к юбилею музея. Здесь все было безукоризненно: от света и развески до шрифтов пояснительных стендов. Караваджиевская экспозиция была выстроена по высшему классу. Правда, она почему-то проходила не там, где обычно проводятся Большие выставки: Белый зал и колоннада были заняты одновременно проходящей, очень интересной — но камерной, не сопоставимой по значению выставкой Уильяма Блейка и английских визионеров.

На выставке блистали 11 работ Караваджо из собраний Италии и Ватикана. Перечислим все: «Юноша с корзиной фруктов» (Галерея Боргезе, Рим); «Обращение Савла» (Церковь Санта Мария дель Пополо, Рим); «Иоанн Креститель» (Капитолийские музеи, Рим); «Иоанн Креститель в пустыне» (Национальная Галерея в Палаццо Корсини, Рим); «Христос в Эммаусе» (Пинакотека Брера, Милан); «Св. Франциск» (Национальная Галерея в Палаццо Барберини, Рим); «Положение во гроб» (Музеи Ватикана, Ватикан); «Поклонение пастухов» (Региональный музей Мессины, Мессина, Сицилия); «Бичевание Христа» (Музей Каподимонте, Неаполь); «Спящий амур» (Галерея Палатина, Палаццо Питти, Флоренция); «Мученичество св. Урсулы» (Коллекция Банка Интеза Санпаоло, Неаполь).

Несколько лет назад в тех же залах Лондонской Национальной галереи, где сейчас расположились леонардовские работы, проходила выставка «Караваджо; последние годы». Я писал о ней в «Вестнике Европы» (ВЕ, 2005, том 15) и могу отослать читателя к той публикации, которую можно найти и на нашем сайте. Некоторые картины с той выставки (например, потрясающий «Христос в Эммаусе» и «Мученичество Св. Урсулы») приехали и в Москву.

Как и четыреста лет назад, захватывает страстная, яростная, но точнейшая, как смычок виртуоза, кисть

Микеланджело Меризи де Караваджо.
«Христос в Эммаусе». 1601–1602 гг.
Фрагмент.
Национальная галерея, Лондон

Микеланджело Караваджо, «осязательная ценность» (Бернард Беренсон) фактур, драматическое напряжение всех, даже и ранних, вроде бы вполне гедонистических работ этого трагического художника.

Манера Караваджо, ставшая лицом великого стиля барокко, Нового времени, конечно, гораздо более задевает нынешнего человека, погрязшего в страстях, соблазнах и страхах, нежели пугающе-совершенный покой работ Леонардо. Да, совершенство, ангельские лица, но — глаза странно ничего не пропускают к нам: ни страстей, ни чувств, ни мыс-

лей; персонажи — холодные, бесстрастные, далекие, как звезды в небе.

А Караваджо — с его грязью, ртами, разодранными в крике, потоками крови, вознесенными к небу руками, резкими контрастами света и черноты, — Караваджо не только «цепляет», как говорят ныне «продвинутые» искусствоведы, но здорово пробивает.

Современник Шекспира — он, пожалуй, для англичан очень шекспировский художник; «сам себе режиссер» собственных мистерий, где, кажется, даже звуки лютни застыли в красочном слое.

ДЖОТТО в Третьяковской галерее в Москве

ВЫСТАВКА БЫЛА ОТКРЫТА

С 20 ДЕКАБРЯ 2011 ГОДА

ПО 19 МАРТА 2012 ГОДА ГТГ, ЗАЛ № 38.

И еще зимовала в Москве, когда мы все ходили с белыми ленточками на Болотную, что рядом с Третьяковкой, целая выставка Джотто. Уникальная по ценности выставка, но вот как-то осталась в тени... К Джотто пришло гораздо меньше людей, чем к Караваджо. Удивительный феномен! В середине февраля я часа два бродил по пустому залу с двумя представленными экспонатами. «Полиптих церкви Санта-Репарата» (1305–1310. Дерево, листовое золото, темпера. 96,5x241,5). На деревянном постаменте, размером 250x30x30. Из собрания музея Дель Опера ди Санта Мария дель Фиоре, Флоренция, Италия.

Полиптих — это пять собранных воедино картин, к тому же они двухсторонние, так что живописных образов целых десять. Плюс «Мадонна с Младенцем» (1299) из флорентийской церкви Сан-Джорджо алла Коста (Музей церкви Санто-Стефано аль Понте (Епархиальный музей), Флоренция). Таким образом, мы получили выставку из одиннадцати бесценных образов Джотто. Ровно столько, сколько картин Караваджо, выставленных одновременно (!) в Пушкинском музее.

А в это же время, в здании баптистерия Сан-Джованни, самого древнего и почтенного здания Флоренции, Государственная Третьяковская галерея показывала шедевры древнерусского искусства из своего собрания. Это «Богоматерь Одигитрия» (XIII в.) из Пскова; «Вознесение» (1408) преподобного Андрея Рублева из Успенского собора во Владимире

и знаменитая икона «Распятие», написанная Дионисием в 1500 году.

«ВО ХРИСТЕ, IN CHRISTO» — назывался этот московско-флорентийский выставочный проект, проходивший под покровительством Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, что немаловажно в наши смутные дни, когда многие называют себя *православными*, забывая ключевое слово *христиане*, и слишком уж напирают на национальную самобытность.

Остается лишь сожалеть, что по ряду обстоятельств эта выставка прекрасных Флорентийских святынь не стала для Москвы важным событием не только художественной, сколько духовной жизни. Не стала, и не могла стать. Слишком многое этому мешает.

Нужно сказать, что этот беспрецедентный обмен вызвал ропот как в музейной, так и в церковной среде (больше в Италии, меньше — у нас). В блогах писали, что государство не обинуясь отправляет на зарубежные «гастроли» ценнейшие чудотворные иконы, изъятые у церкви и ей не возвращенные; другие упрекали «устроителей-меняльчиков», что наши православные иконы будут выставлены в католическом храме и использованы католиками в своей экуменической деятельности... В Италии же озабоченная общественность высказывалась громче, — и в печати, а не только на келейных сайтах. У нас вспоминали активное участие в этом проекте архиепископа Флоренции:

«Архиепископ Флоренции монсеньор Джузеппе Беттори известен у себя на родине как популяризатор нового перевода Библии на итальянский язык, на

Джотто ди Бондоне.
«Мадонна с Младенцем, или Мадонна ди Сан Джорджия алла Коста». 1295–1300 гг. Фрагмент.
Деревянная доска, темпера.
Церковь Сан-Джорджо алла Коста, Флоренция

который ему удалось обратить внимание ряда научных и богословских институтов в России. Именно в данном контексте им и была сформулирована главная идея выставки: «Украсить год Италия / Россия обменом сакральных шедевров, чтобы подчеркнуть глубину и богатство нашей взаимосвязи, основанной на общем исповедании веры *Никейского собора*». Речь идет о VII Вселенском соборе (Втором Никейском) 787 г., который восстановил ...почитание икон и разрешил ставить в церквях и домах иконы Спасителя, Богородицы, Ангелов и Святых. Таким образом, обмен работ круга Джотто на иконы Андрея Рублева и Дионисия, приурочен, по замыслу оргкомитета, к 1225-летию Никейского собора!»

«... целый ряд музейных специалистов в Италии выражает озабоченность наметившейся тенденцией «*систематического использования Церковью художественного наследия, которое уходит из-под контроля государства*». Не случайно реставрационный совет выдал отрицательное заключение о возможности транспортировки «Распятия» Джотто в Россию». <http://expertmus.livejournal.com/88376.html#cutid1>

Вот вместо запрещенного «Распятия» и приехала к нам эта выставка. И слава Богу, что приехала!

Джоттовское «Благовещение» из полиптиха Санто-Репарата принадлежит к самым искренним обра-

зам христианского искусства, написанным на этот непостижимый сюжет.

Наши лучшие старые иконы были со всем подобающим пиететом экспонированы во флорентийском баптистерии Сан-Джованни. Работы Джотто были представлены в музейном зале Третьяковской галереи — и уже самим этим фактом подавались как явление чисто художественное, хотя представляли собой почитаемые храмовые святыни. Но в конце концов это дело государственной и церковной политики, сложного и бесконечного межконфессионального диалога.

Я думаю, что, несмотря на всевозможную критику, обвинения и в рискованных «ченчах» (всегда будут недовольные и взывающие к запретам вывозить за рубеж национальные сокровища), — международный художественный обмен, большие проекты, объединяющие какой-нибудь неожиданной и вдохновляющей идеей многие музеи разных стран, просто необходимы, они позволяют нам по новому увидеть картину мирового художественного и цивилизационного процесса и наше место в нем.

В. Ярошенко
Лондон-Москва

ЗАБЫТЬ О СТРАХЕ

Александра ТУРГАН

Легко любить Берлин с весны по осень. И почти невозможно его переносить с осени по весну, когда берлинское серое небо давит на тебя своей угрюмостью. Но и такой Берлин — мне дорог. Потому что здесь, независимо от времен года, всегда происходит что-то ужасно интересное. Здесь сменяют друг друга фестивали, лучшие музыканты мира ежедневно наполняют берлинскую ауру своим особым звучанием. А музеи и арт-сообщества смело предлагают посетителям не только «прекрасное далеко», но и предоставляют уникальную возможность художникам решать здесь на своих площадках актуальные задачи искусства. Все, что беспокоит и тревожит мир — тревожит и берлинцев. Берлин — лидер Европы в области актуального искусства, которое рождается на наших глазах — сегодня и сейчас.

Нам, застывшим на импрессионизме столетней давности, удобнее опознавать сегодняшний мир только в знакомых полутонах и красках. И потому многое, что творится современным искусством на наших глазах, способно вызывать у некоторых из нас только негодующее шипение: «Не понимаю!» Но, как говорила героиня одной известной советской драмы: «Не понимаешь?.. Иди... погуляй!»

А погулять по весеннему Берлину очень даже приятно. Цветущие каштаны и магнолии наполняют берлинский воздух такой пахучей свежестью. Да и берега живописной Шпрее легко настраивают на «прекрасное ничегонеделанье». И уже хочется присесть за столик открытого кафе и зажмуриться

от весеннего солнышка... Но все это легко проделать и в других городах Европы, а вот только здесь, в Берлине, можно ощутить уникальную сопричастность миру, — миру, в котором так важно оставаться людьми.

И потому мы решительно оставим весенний Берлин и отправимся на выставку «Забывать о страхе» в Kunstwerke, где уже в седьмой раз проводится Берлинская биеннале современного искусства.

Здесь с 27 апреля по 1 июля всесторонне изучаются любые формы протеста и экстремальных высказываний актуального искусства. Которые, как доказала жизнь, доходят до граждан пока лучше всего. Достучаться до сегодняшнего человека, перегруженного всяческой информацией, совсем не легкое дело.

И потому акционизм и перформанс, соединяя в себе игру и опасность, заставляют художников балансировать на грани возможного. А порой и бесстрашно провоцировать окружающих на открытый политический бунт. И за это право — быть людьми — многие из них могут пострадать у себя на родине. Как показывает опыт, только радикальные жесты и могут быть усвоены сегодня и достигают своих целей. Потому на поляну протестного искусства хлынули и непрофессионалы.

Мы попадаем на выставку «Забывать о страхе», едва войдя в уютный берлинский дворик, залитый солнцем и заставленный столиками. И тут же наткнемся на арт-объект в виде громадного ржавого ключа с надписями и наклейками. Он был при-

креплен над воротами в один из первых лагерей палестинских беженцев на оккупированных территориях. Ключ как символ брошенного дома, куда надеются вернуться.

Впервые не заплатив за вход на биеннале ни цента, войдем в здание Kunstwerke. На этом настоял главный куратор проекта Артур Жмиевски (польский художник, фотограф и режиссер). Кстати, его сокуратором в этом году стала наша нашумевшая арт-группа «Война». Они — одни из немногих, по словам устроителей, кто сегодня в своих художественных акциях имеют прямую политическую направленность. Также в рамках проекта «Забывать о страхе» принимают участие и москвичи — это «Театр Йозефа Бойса» и «Театр.doc».

На этажах Kunstwerke пульсируют человеческая боль и неравнодушие. Всеми доступными средствами актуальные художники и непрофессионалы пытаются достучаться до небес. Тут обосновались и бразильская группа Pixadoges, атаковавшая биеннале в Сан-Паулу, и исландская Best Party, пришедшая к власти после финансового кризиса 2008 года.

Весь первый этаж в этом году отдан различным движениям *Оссуфу*, поначалу проводившим свои акции «Захвати Уолл-стрит» в Нью-Йорке, а затем «захватившим» уже всю Европу. Здесь, у разбитых прямо в зале палаток, ведут дискуссии художники и журналисты. А в двух шагах, за черным занавесом и рядом с огромной шахматной доской (на которой за наше с вами светлое будущее сражаются бутыл-

ки с химическими красителями и экологически чистыми напитками), преспокойно спят в мешках утомленные преобразователи современной жизни. На территории этой зоны, не ведающей страха, жили своей особой жизнью и вещи, превращенные художниками в особые смыслы.

Тут и велосипед, призванный вырабатывать солнечную энергию, и гигантский кассовый аппарат, многозначительно раздувшийся от своей значимости. А на самом верхнем этаже здания работает «Breaking the News» — зона плазм, на которые проецируются задокументированные видеокameraми перформансы и протестные действия со всего мира.

В этом разделе проекта соседствуют акции украинской группы FEMEN, участницы которой превратили свои обнаженные торсы в боевые снаряды протеста, и всем нам памятные события с Pussy Riot в Храме Христа Спасителя. Мощным аккордом на биеннале-2012 звучат настенные росписи и стенгазеты белорусской художницы Марины Напрушкиной. И сама печатная газета «Белорусское самоуправление», которую распространяют на родине автора, не боясь подвергнуться репрессиям.

Возможность высказывания — это не всем и не всегда даруемая возможность. Вот за эти возможности и ратует весенний Берлин, используя свои площадки не только как средство критики, но и как политическую силу, способную изменить общество. ■

Фото автора, Берлин

ЭТИКА ПОДГЛЯДЫВАНИЯ

IX международный месяц фотографии в Москве

Михаил СИДЛИН

БИЕННАЛЕ ДЛЯ ТРЕТЬЕГО МИРА

1996 год, первое московское фотобиеннале... Больше 15 лет прошло уже с той поры, когда Ольга Свиблова впервые начала привозить в Москву звезд мировой фотографии.

Я смотрю в каталог первого фестиваля, и вижу, как много изменилось с той поры. Взять хоть сам каталог — в середине девяностых простой факт того, что он существует, казался событием, потому что ни у кого почти в Москве тогда не существовало возможности публиковать фестивальные издания. В лучшем случае, кураторы ограничивались буклетами и рекламными листками. Мощная выставка современной фотографии в ЦДХ начала девяностых осталась только в неверной памяти ее посетителей.

Ольга Свиблова была первой, кто внес маркетинговые технологии в российское художественное пространство. Регулярные каталоги и постоянная работа с прессой — вот те два элемента, которые создали Московский Дом фотографии и вслед за ним — мультимедиа-арт музей. Казалось бы, что в этом такого? Но в новой России конца XX века не было ни одной художественной институции, которая работала бы по современному западному стандарту. Важно не только то, что она сделала, но и то, как это,

Международный Месяц фотографии в Москве давно уже не укладывается в границы календаря. 9-я Фотобиеннале длится в 2012 году от февральских холодов до июльской жары. За это время несколько дюжин выставок прошли в добром десятке выставочных залов столицы. Тут и новый Манеж, и старый, и Московский музей современного искусства. Но главной площадкой фестиваля стал новопостроенный Мультимедиа-арт музей. И это — первая биеннале, которая проходит, наконец, в свежем музейном здании.

сделанное Свибловой, дело, повлияло на весь культурный ландшафт. Гараж и Винзавод, Арт-плей и Красный Октябрь, они бы не были возможны без опыта московских фотобиеннале.

Первый фотофестиваль в Москве стал прорывом. Выставка Сэнди Скоглунд — одного из самых модных тогда европейских авторов «искусства, основанного на фотографии» (актуальный термин эпохи). И — в Пушкинском музее — Анри Картье-Брессон, живой классик. Снимки Вольса — пионера послевоенной абстракции — в галерее «А-3». Работы Пьера и Жилия, Роберта Адамса, Софи Каль, Валери Белан на коллективной французской выставке. Впервые в Москве было выставлено столько современных иностранных авторов.

Это событие повернуло поток вспять. Еще в конце восьмидесятых наши художники устре-

мились на Запад. Там они участвовали в фестивалях, там они стремились обрести источники своего авторитета. Фотобиеннале стало первым событием, которое показало, что можно — и нужно — вернуться, быть востребованными на своей Родине. Тот, первый, фестиваль, собрал вместе Бориса Михайлова и Франциско Инфанте, Сергея Борисова и Олега Кулика, Гарри Пинхасова и Николу Овчинникова.

«Здесь мало русских». Вот главная претензия к московскому Фотобиеннале сегодня, в 2012м. Вот основной источник обиды на кураторов МАММ. При этом как-то забывается, что биеннале давно уже позиционирует себя как международное событие, то есть мыслит себя глобально. А из этой глобальности русские арт-проекты иногда сложно разглядеть. И для этого есть одно — объективное — основание. К сожалению, большинство русских фотографов так и не перешагнуло рубежа девяностых. Их визуальное мышление остановилось. Они так и не вышли за порог клуба «Новатор».

Смычка России и Запада! В России эпохи Ельцина это вызывало восторг и ликование. Казалось неизбежным, что вслед за вихрем современного западного искусства, который накрыл Москву, родится наш шторм. Пусть сильнее грянет буря! Но вместо нее мы увидели лишь несколько всхлипов — АЕСы, Олег Кулик... Сегодня довольно очевидно, что русская фотография оказалась не в состоянии переварить современное западное искусство. И зияющая пустота между Россией и Западом в этой области сегодня гораздо шире, чем в девяностых.

Любой русский куратор стоит перед нелегким выбором. Ему либо надо поддерживать сво-

их по древнему принципу кумовства, при этом прекрасно понимая, что уровень многих из самых известных наших авторов не дотягивает до уровня средних студентов, скажем, Дюссельдорфской Академии. Либо опираться на авторитет западных институций, забыв про музыку родных осин. Сочетать одно с другим сегодня гораздо сложнее, чем это было в девяностых, потому что разрыв все время увеличивается.

Мне хотелось бы писать про то, как прекрасно проявили себя русские художники на 9-й Фотобиеннале. Но мне сложно об этом писать, потому что русских авторов на ней было очень мало. На пороге десятых годов 21 века мы находимся в ситуации абсолютного неравенства. Потому что Москва, при всем ее блеске, так и не стала международной метрополией. Она стала богатой столицей третьего мира с ее самобытной колониальной культурой. И мы до сих пор открываем для себя всемирную фотографию.

ЧЕЛОВЕК ПОДГЛЯДЫВАЮЩИЙ

Провинциальность может быть модной. И даже стать международным феноменом. Для этого нужно только одно: безоглядная, уверенная позиция, и свой самобытный художественный язык. То, что есть у Мирослава Тихого.

Всю свою жизнь фотографа он прожил в маленьком чешском городе. Его дом похож был на барак-помойку. Его главная камера собрана была из старых немецких линз и консервных банок — так, что напоминает она не фототехнику, а неопознанный предмет из «Кин дза дзы». Земляки относились к нему как к городскому сумасшедшему.

Выставка Тихого стала событием 9-го Фотобиеннале. Так же, как до этого она становилась событием в Центре Помпиду в Париже, или в Музее современного искусства в Нью-Йорке. Потому что его снимки не похожи ни на какие другие.

Грязные кривые карточки с неровными краями. Они залепаны кетчупом и вином, на них видны иногда следы ног или пятна плесени. Цветные рамки нарисованы от руки на бумаге, иногда придумано нечто вроде виньеток. Изображение размыто. Оно редко бывает резким. Но все же возможно разглядеть силуэты женщин, иногда даже фрагменты женских тел.

Работы Тихого ни на что не похожи. Также, как и его жизнь. В отдельной витрине на выставке можно было увидеть фрагмент обстановки его студии. Витрина ввергала посетителей в ступор. Но в его фотографиях при этом есть нечто универсальное. Больше того, нечто, выявляющее саму природу фотографии.

Мирослав — наверное, единственный в мире, всерьез использовал «Агат» вилейского завода. Этот белорусский агрегат позволял делать на 35-миллиметровой пленке в два раза больше кадров, чем обычно (благодаря полуформату 18x24 мм). Главный недостаток этой камеры — то, что она ломалась после нескольких употреблений. Единственное достоинство — компактность: на этот аппарат можно не обратить внимания. Это, видимо, и понравилось в ней фотографу.

Мирослав Тихий — бородатый старик, наблюдавший исподтишка за молодыми женщинами. Классический образ вуайера. Вся его техника и технология съемки приспособлены были для того, чтобы подсматривать. Но в любом фотографе есть нечто от Тихого. И это нечто — именно страсть к подглядыванию.

Вуайеризм универсален. Он объединяет и папарацци, и военного репортера, и фотолюбителя с мильницей в руках. Хотя объекты, за которыми они подглядывают, могут быть самыми разными. Папарацци роется в чужом грязном белье, военный репортер ищет кровь и трупы, а любитель восхищается своей семьей. Но все они подглядывают за жизнью.

В фотографии всегда есть оттенок темной нездоровой страсти. Фрейд назвал бы это комплексом. Устойчивое соединение любопытс-

тва с восторгом, замешанное на детских переживаниях. Профи-фотографы переводят свой комплекс в план эстетического, то есть так или иначе пытаются прикрыть свою страстишку. Прелесть снимков Тихого именно в том, что они обнажают изначальный эротический импульс фотографии.

Мирослав Тихий вызывающе неполиткоректен. Всю жизнь он фотографировал женщин, и только их. И только тогда, когда они разделись, или собираются раздеться, или близки к тому. Может быть, у него есть и другие фотографии, но в общем массиве его снимков они совершенно не заметны. То есть он встает на позицию, которая способна вызвать шок у любой сознательной феминистки. Он обнажает инстинкт.

ЭТИКА НАБЛЮДЕНИЯ

Когда я был мал, то мне шепнул школьный приятель на перемене: «есть такая фотопленка. Специальная. Можно девочек снимать. А потом голыми видеть». Я ему не поверил тогда. А зря. Пленка такая действительно есть. Хотя эффект ее не столь велик, как преувеличивает подростковое воображение.

Эффект инфракрасной пленки — метафорический. «Раздевание» происходит, но не как физический процесс. Суть — в способности видеть в темноте. Его обретает камера. А значит, человек с аппаратурой глубже проникает в реальность.

Технологическое с отрывом опережает эстетическое. Главный недостаток всех новых технологий в том, что им трудно найти разумное художественное применение. Инфракрасная пленка изобретена для незаметного наблюдения за тем, что скрыто. И Кохей Йосиюки нашел такое применение для этой пленки, которое в наилучшей степени отвечает ее природе. Он фотографировал тайную жизнь японских парков.

Начало современной японской фотошколе положил Шомеи Томацу. Он проанализировал трагедию Нагасаки. Как ни странно это покажется сейчас, в Стране Восходящего Солнца долгое время скрывали жертв ядерной катастрофы. Они хотели скорей забыть ужасы войны.

Шомеи Томацу первым снял табу. Он показал, как выглядят люди-обломки через годы после бомбардировки. И его снимки произвели шок. С шестидесятых годов, шок и провокация остаются основными методами японской фотографии.

Сегодня японская школа — одна из самых известных. Европейский дом фотографии в Париже открыл японцев для Европы в 1990 году, на очередном французском фото-месячнике.

Московский дом фотографии был изначальным сделан по образцу парижского. И многие его выставки, особенно на раннем этапе, были вдохновлены открытиями ЕДФ. Ольга Свиблова впервые показала нам современников из страны Ямато в 2000 году.

Первым в России оказался именно Шомеи Томацу, с его «Нагасаки». Но главное явление произошло вместе с выставкой Нобуеси Араки несколько лет спустя. Араки — самый знаменитый японский фотограф наших дней: ёрник, провокатор, эротоман. Его приезд в Россию был Событием с большой буквы.

Кохей Йосиюки известен значительно меньше — и в России, и в мире. Но его серия «Парк» — одно из знаменитых японских произведений семидесятых годов. Кохей взял передовые достижения отечественной технологии — инфракрасную пленку и инфракрасную вспышку. И использовал их для того, чтобы снимать эротические игры в токийских парках.

Его работы продолжают линию, намеченную знаменитым фотожурналом «Провоук». Это издание просуществовало всего полтора года, с 68го по 69й, но его влияние в своем отечестве было очень велико и до сих пор остается существенным. Такума Накахира, издатель и автор, подытожил «Провоук» в своей собственной фотокниге «Для языка, который грядет» (1970). Накахира показал мир ночного города, лежащий за пределами нашего сознания.

Мир, который существует, хотя мы его не видим. Вот тема «Парка» Кохей Йосиюки. Мы не видим его в прямом, буквальном смысле слова, потому что разрешающая способность человеческого зрения в темноте уступает разрешающей способности инфракрасной пленки. И не видим его в переносном, социальном смысле. Мир тайных свиданий исключен из общества.

Только при помощи «прямого языка» мы можем воспринять мир. И инфракрасная пленка становится одним из средств этого нового языка. Она расширяет способности человеческого зрения до пределов существенно больших, чем им отпущено природой. Но вопрос, который возникает вслед за этим, — ключевой. Имеем ли мы право пользоваться этим языком?

Новые технологии ставят перед нами очень отчетливый этический вопрос. Насколько далеко мы можем зайти в своем подглядывании?

Фотография изменила мир раз и навсегда. Одно из ее коренных преобразований — в том, что она помогла нам преодолеть этический барьер наблюдения за другими. Человек с камерой автоматически обретает дополнительные возможности зрения и памяти. Это дает ему власть, которой лишены люди без камеры.

Власть наблюдения. Она стала определяющей чертой не только фотографии, но и всей современной реальности. Потому что мы живем в мире, где наблюдение тотально. Мы ездим в вагонах, в которых установлены видеокамеры. Мы живем в подъездах, оснащенных камерами.

Мы являемся постоянными жертвами перекрестного подглядывания. И фотография дает нам язык, который позволяет проанализировать эту ситуацию. Универсальная ценность двух выставок — Мирослава Тихого и Кохей Йосиюки — именно в том, что они позволяют нам понять природу самой реальности, в которой мы живем. ■

ЧИТАЯ ГАЙДАРА

К выходу первых томов Собрания сочинений Е.Т. Гайдара

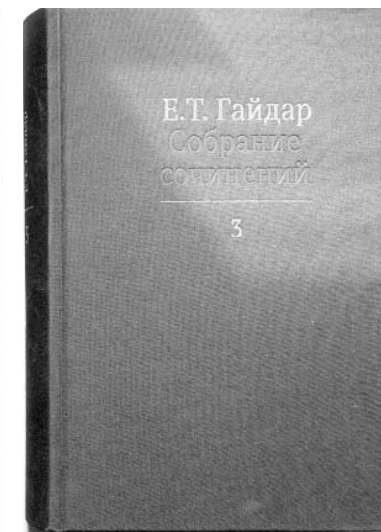
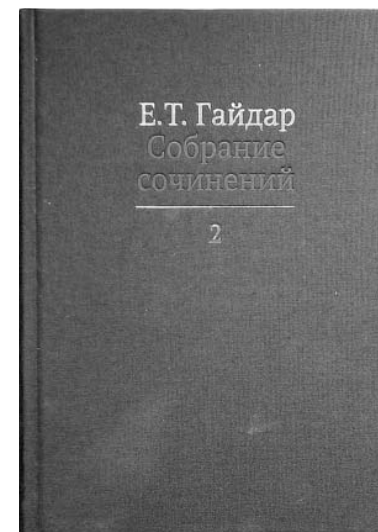
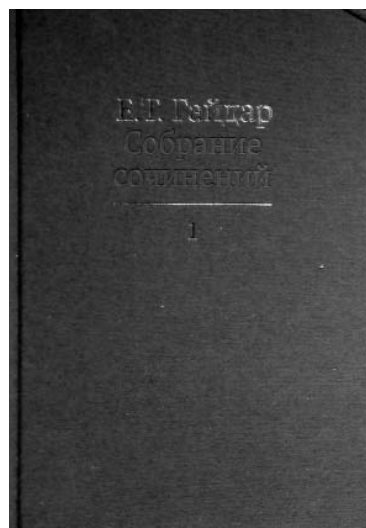

Вышли из печати три первых тома сочинений безвременно ушедшего от нас Егора Тимуровича Гайдара. Всего предполагается издать 14 томов. Таков огромный объем научных и публицистических работ человека, который прожил всего 53 года. Сочинения включают работы разных периодов, даже, можно сказать, разных исторических эпох для нашей страны. Перед читателем пройдет история новейшей экономической мысли, собранная в личности одного человека — Егора Гайдара.

Глубоко профессиональные (но не поражающие воображение) диссертации на звание кандидата и доктора экономических наук; честные и предельно смелые для советского времени статьи в журнале «Коммунист» и в газете «Правда» подготавливали прорывные, поразительно глубокие исследования и обобщения Е.Т. Гайдара.

О ситуации, которая складывалась в стране накануне распада СССР, Гайдар написал в начале 1991 года: «Удастся ли стабилизировать экономику, сохранив ростки демократических и рыночных институтов, открытую миру внешнюю политику, курс на интеграцию в мировое хозяйство, или разгул безответственности, демагогии и анархии вновь уготовит там путь в тупик тоталитарного режима и автаркии - борьба вокруг этой дилеммы станет главным содержанием экономической политики ближайшего будущего» («Коммунист», №2 1991 г.).

Труды Е.Т. Гайдара очень различны по жанрам. Они представлены как крупными монографическими исследованиями, так и статьями, выступлениями, которые сочетают раскрытие научных основ рассматриваемых проблем с конкретными предложениями насущной экономической политики. Некоторые работы написаны в исповедальной манере, носят мемуарный характер. Он блестяще использовал жанр эссе, в которых экономические выкладки и таблицы соседствуют с философскими отступлениями и литературными реминисценциями. Но во всем обширном корпусе произведений Е.Т. Гайдара трудно встретить работы, которые не были бы, так или иначе, основаны на его научной методологии отношения к миру. Этим во

многом определяется уровень и сила его как публициста. Поэтому в первую очередь остановимся на научной стороне его творчества.

Что же внес Гайдар в отечественную и мировую экономическую науку? Что не было известно или достаточно разработано до появления его работ?

48 наименований цитируемых авторов — от Амальрика и Ахматовой до Шульгина, от Блока, Пушкина, Гоголя, Тютчева, до Плеханова, Ленина, Сталина, Устрялова, Ленина, отца Сергея Булгакова...

Глава «Две цивилизации» начинается так:

«Отшумели горячие споры 1987–1991 годов. Сегодня мы понимаем, что противопоставление капитализма социализму не является достаточно полным определением нашей исторической коллизии.

Эти слова необходимо было выговорить громко, ясно сказать, что с социализмом в России покончено, что наше будущее на путях рыночной экономики, но ограничится этим нельзя».

И дальше:

«Сам по себе отказ от социализма не гарантирует ни экономического процветания, ни достойных условий жизни, как наивно надеялись многие в 1990 году, веря, что достаточно поменять фетиши и мы в обмен на отказ от “коммунистического первородства” как-

то почти задаром...обменяем “капитал” на капитал.

Но в странах “третьего мира” людей живет куда больше, чем в странах “первого мира”, а из нашего второго мира” ворота открыты и туда и туда».

Отметим, что об этой опасной для России возможности попасть в “третий мир” Егор Гайдар писал буквально до конца своей жизни. Одна из последних его статей, опубликованная в «Вестнике Европы», так и называется — «Третий мир и третий центр».

Уже в «Государстве и эволюции» (а в статьях — и значительно раньше) Гайдар рассматривает происходящее в России в историко-цивилизационном ключе. (Он разовьет тему позднее в «Долгом времени» и в «Гибели империи».)

Но в работе «Государство и эволюция» уже дан набросок его историософской концепции, которая была необходима ему, как фундамент для объяснения происходящего в России, определения *реального* места страны в мире, и создания «маршрутной карты» в сообщество самых развитых стран.

Он пишет: *«Важнейшая для нас сегодня историческая дилемма может рассматриваться как традиционная: Восток–Запад. Это одна из главных дихотомий*

Генеральной темой всего научного творчества Е.Т. Гайдара было будущее России.

Как обеспечить цивилизационный прорыв, необходимый для того, чтобы страна заняла достойное место в мире, а ее жители были обеспечены не хуже, чем в передовых странах? Какие нужны усилия, в каких направлениях и почему? Как использовать возможности, а иногда и преимущества, которые подчас предоставляет экономическая отсталость? Как строить экономическую политику в сложнейших условиях, требующих сочетать развитие уже заложенных в наше время основ рыночных отношений с поиском ответов на новые вызовы времени, с которыми встретились и развитые страны? Именно стремление обосновать условия, необходимые для успешного будущего, побуждало его при анализе практически любого вопроса обращаться к истории, к прошлому.

Небольшую монографию «Государство и эволюция» Е.Т. Гайдар, написал быстро, как бы «в один присест», в сентябре 94-го. Быстро — потому что наработки у него были, а еще была настоятельная внутренняя необходимость объяснить самому себе и обществу, что же произошло. В конце книжки дан список литературы из

мировой истории, по крайней мере до пробуждения Азии в конце XIX века» («Государство и Эволюция»).

Гайдар идет вначале по цивилизационной схеме А.Тойнби (от которой впоследствии, как слишком прилизительной, отойдет).

Анализируя, со ссылками на Маркса, «азиатский способ производства», Гайдар отмечает, что земельная собственность — «основа основ всех отношений собственности».

Историей Азии он интересовался не случайно: он понимал, что лидер коммунистического мира СССР был, в сущности, «по своим основным сущностным характеристикам “восточной деспотией”».

«Отсутствие полноценной частной собственности, нераздельность собственности и административной власти, при несомненном доминировании последней, властные отношения, как всеобщий эквивалент, как мера любых социальных отношений, экономическое и политическое господство, часто деспотическое, бюрократии — вот определяющие черты восточных обществ. Подобные черты присущи странам “третьего мира” даже сегодня. Именно они, прежде всего являются причиной отсталости и застойной бедности. Они же являются и залогом того, что отсталость и бедность будут сохраняться, воспроизводиться, усугубляться».

Далее Гайдар раскрывает исторические причины этой особенности «восточных государств». Написано вроде бы про древние восточные, прежде всего китайские государства. Но отчего-то звучит остропублицистически, и через пятнадцать лет — увя, все более актуально: «сильное государство — слабый народ» — принцип легиста и реформатора Шан Яна, концентрированное воплощение идеала восточных государств».

Гайдар диагностирует: «Но слабый народ сильно мстит государству. Система, когда собственность и власть неразделимы, причем власть первична, а собственность вторична, имеет несколько важнейших особенностей».

Во-первых, отсутствуют действенные стимулы для производственной и экономической деятельности. Лишенный гарантий, зависимый, всегда думающий о необходимости дать взятку, предприниматель скорее займется торговлей, спекуляцией, финансовой аферой или ростовщичеством, т.е. ликвидным бизнесом, чем станет вкладывать средства в долговременное дело.

Что касается главного собственника — чиновника, то его собственническая позиция является чисто паразитической; организация сложной экономической

деятельности находится вообще за пределами его компетенции и интересов.

Отсюда застойная, постоянно воспроизводящаяся бедность, отсюда и необходимость мобилизационной экономики, которая, не имея стимулов к саморазвитию, двигается только волевыми толчками сверху. Движение, которое вечно буксует и представленное само себе, мгновенно замирает. Чтобы возобновить процесс, необходимо опять всемерное усиление государства, опять, разумеется, за счет ограбления частного сектора...»

Гайдар делает обобщение, которого, может быть, и не сделал бы, не получив опыта распада СССР, драматического начала реформ:

«Крупные переделы собственности становятся неизбежными вместе с политическими кризисами и сменами власти; получив власть, спешат захватить эквивалентную чину собственности. Весь смысл восточной чиновничьей приватизации только в том, чтобы в рамках существующей системы, сохраняя нераздельность власти и собственности и при доминировании первой, насытить непомерные аппетиты носителей власти».

Кажется, будто это цитата из сегодняшней политической аналитики, а не из исторического обзора. Гайдар продолжает свою мысль: «истощенное государственным кадрами государство рухнет. Новый государь вновь восстанавливает эффективность центральной власти... все повторяется... Ярче всего такой цикл выражен, считает Гайдар, в Китае, Египте, Средней Азии».

«...Само понятие реформ в неевропейской древности неразрывно с возрождением одряхлевшего государства... Восточные общества на много тысяч лет древнее западных; власть первична по отношению к собственности».

И тут Гайдар обращается к странной аномалии: Западной цивилизации, идущей от Греции и Рима. Нигде в мире не возникло больше таких институтов, как в этих странах. Уникальность Греции и Западной модели показала свою эффективность в столкновении Запада и Востока в XIX веке. Возможно (и такую возможность Гайдар к концу своих занятий уже видел), эта западная «аномалия» будет сметена восточным демографическим и экономическим натиском. Гайдар видит главный смысл ЗАПАДНОЙ МУТАЦИИ в понятии частной собственности, свободной от государства. Прежде всего ЗЕМЕЛЬНОЙ.

Уникальность Греции после Солона — возникшая частная собственность, которой не было нигде в мире. Отныне, в этой аномалии, Государство — не повелитель, а инструмент.

Причина жизнестойкости и процветания Европы — многовековая слабость европейской государственной власти. (Гайдар в этой работе пока совсем не рассматривает нематериальные факторы: религию, церковь, позднее — Реформацию.)

Сделав свой блестящий исторический обзор, он показывает: твердые гарантии частной собственности — основа европейского экономического роста с XV века.

Гайдар пишет в «Государстве и эволюции»:

«Я не собираюсь вдаваться в детали, но ни один здравомыслящий политик не будет игнорировать чужой опыт, как ни один не станет его механически копировать, чтобы получить “зачет” в Чикаго. Обвинения, которые нам предъявляли в свое время (совсем недавно — всего-то два года назад! — Ред.) что мы вместо марксистской догмы хотим строить государство по догме монетаристской, — заведомая демагогия».

Помню, — продолжает Гайдар, — как на Съезде народных депутатов Р.И. Хасбулатов попытался затеять со мной публичную дискуссию. Вот, мол, существуют разные концепции рынка, социально ориентированное государство с высокими налогами; “шведская модель”; и классически капиталистическое — либеральное (американская модель.) Он, Хасбулатов, сторонник первой. Гайдар — последней. И пусть депутаты (голосованием, по-видимому!) и выбирают между этими моделями путь развития для России. Все это в интеллектуальном плане смешно, а в моральном — постыдно». И дальше идет очень важная мысль:

«И кейсианцы, и монетаристы, и социально ориентированное государство и классически рыночное» и т.д. — все это относится к одной глобальной традиции, которую они сумели сохранить - к социально-экономическому пространству западного общества, основанному в ЛЮБОМ СЛУЧАЕ на разделении власти и собственности, легитимности последней, на уважении прав человека и т.д. Войти в это пространство, прочно закрепиться в нем — вот наша задача. Тогда и поспорим о разных моделях».

Гайдар представлял собой тип убежденного русского западника, считавшего, что свой цивилизационный выбор страна сделала руками Петра I, но в катаклизмах XX века вместе с важнейшими институтами потеряла стержневой вектор развития.

РЕАЛЬНАЯ альтернатива у нашей страны (писал Гайдар это, повторим, в 1994 году) сегодня совершенно другая... «Речь идет не о невмешательстве государства в экономику, а о правилах этого вмешательства, т.е. о том, что будет представлять из себя государство».

До тех пор пока не сломана традиция восточного государства, невозможно говорить о вмешательстве. Не вмешательство, а ПОЛНОЕ ПОДАВЛЕНИЕ — вот на что запрограммировано государство такого типа. Результат известен: экономическая стагнация, эволюция России в направлении ядерной державы “третьего мира”. Против превращения нашей экономики в экономику восточного государства мы и боремся».

Впервые Гайдар подводил итог социально-экономическим переменам последних лет. Тогда ему виделось, что «обмен власти на собственность» — единственно реальный путь мирного реформирования общества... Дальше свои позиции каждому владельцу придется подтверждать делом”. Предполагалось, что неэффективный собственник быстро разорится... Таков был вариант демократов.

Номенклатура хотела растащить собственность и при этом «сохранить элементы этой системы, гарантирующие сохранение власти над собственностью. Многие мечтали об “очень частной собственности” для себя лично, для своего клана... и государственной — для всех остальных. Идеальная формула для бюрократии — прибавить к власти собственность!»

На нашем новоязе это называлось довольно точно: “регулируемый рынок”. Рынок, регулируемый номенклатурой». Гайдар описывает новые российские реалии, складывающиеся на глазах:

«...Контроль над собственностью сохраняется в руках государства (бюрократии), но зато контроль над самими бюрократами государство ослабляет, а фактически утрачивает».

В отношениях между собой, внутри государственной системы переходят на откровенно рыночный язык, уже без особого камуфляжа торгуют между собой и с бизнесменами, включенными в номенклатурный круг, дают и получают финансовые льготы (льготные кредиты) природные (квоты, лицензии)...»

С горькой иронией Гайдар пишет: Когда-то автор термина “административно-командная система” (Г.Х.Попов) предложил, чтобы каждый чиновник вполне официально получал маржу — определенный процент с разрешенной им торгово-финансовой операции.

Видимо, так известный экономист, — усмехается Гайдар, — представлял формирование рынка... Это действительно составляло их мечту, которую они и реализовали». (с. 147).

О ситуации в самом начале реформ, которые потом историки назовут «гайдаровскими» и вокруг которых в обществе и сегодня не прекращается жаркая дискуссия, Е.Т.Гайдар писал по горячим следам событий:

«Нас позвали в момент выбора. До этого времени номенклатурная приватизация развивалась по классическому — при «азиатском способе производства» — сценарию: приватизация как тихое разграбление сатрапами своих сатрапий. Хватило и трех лет, чтобы увидеть дно колодца... Реально была приватизирована «практически вся сфера хозяйства».

Уже в середине девяностых наступила усталость, произошел срыв преобразовательского ритма. Накануне второго ельцинского срока Гайдар писал: «Если страна вступит в новый длительный период стагнации, то тогда, бесплодно исчерпав «второй запас оптимизма» (первый кончился где-то в 1991 году), вновь почувствовавшее себя обманутым общество может взорваться самоистребительным бунтом, или, что много вероятнее, впасть в глухую апатию. В любом случае это сулит успех политическим авантюристам, а их прорыв к власти — это уже залог национальной катастрофы».

Гайдаровский прогноз и упование: нужна активность и надежда. «Если общество **утратит активность и надежду**, тогда страна начнет действительно погружаться в трясину «третьего мира»». Но Гайдар считал пошлостью запугивать общественность мрачными прогнозами. Он был убежден, что «российская цивилизация много устойчивее, чем об этом рассуждают иные политологи, добывающие пропитание предсказаниями о конце света в отдельно взятой стране».

Но запас прочности тоже имеет предел... «А сейчас выбор между бюрократическим рынком (стагнацией) и свободным рынком (развитием общества и экономики) означает, по сути дела, выбор для России: сохранится ли ее высокая цивилизация».

Последняя глава книги называлась — ВЫБОР. Именно тогда Егор Тимурович создавал партию «Демократический выбор России». Вопросы, заданные нам Гайдаром тогда, и сегодня еще не получили ответов. Это — вопросы на долгое время.

«Завершится ли демократическая эволюция тем же, чем в свое время социалистическая революция?»

— Действительно ли русская история запрограммирована на **ЭКВИФИНАЛЬНОСТЬ**?

— Обречены ли все попытки либералов, демократов сместить главный вектор истории?

И отвечал: — Я глубоко убежден, что это не так...»

Гайдар крайне внимательно относился к тому, что может дать уже накопленный позитивный и негатив-

ный опыт разных стран. В этом одна из принципиальных особенностей его методологического подхода, который можно проследить практически во всех работах, будь то фундаментальное и монументальное исследование «Долгое время» (Гайдар собирался написать еще два тома этой работы, вышедшая книга рассматривалась им как своего рода введение к большому труду) или статья на актуальную текущую тему.

Можно выделить два направления в привлечении им исторического материала. Одно строится на обобщении исторического опыта разных стран, связанного с анализируемой конкретной проблемой, и обосновании выводов, которые из него вытекают. Второе представлено редким в наши дни **цивилизационным подходом** и посвящено исследованию истории не просто отдельных стран, но исторических эпох, понимаемых им, вслед за Броделем, как **цивилизации**, которым присущи некоторые важнейшие факторы, определяющие особенности экономического роста.

Е.Т. Гайдар углубляется в далекую от наших дней историю разных стран не ради академического интереса, а в поисках алгоритма устойчивого экономического и цивилизационного роста. Если стране нужен цивилизационный прорыв, то необходим и цивилизованный подход, раскрывающий уже встречавшиеся в разные времена факты и условия таких прорывов, а также факторы, определявшие длительные периоды экономического застоя. Такой подход уже заложен в монографии «Государство и эволюция», но особенно полное воплощение он получил в изданном в 2005 году труде «Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории». Публикация этого исследования явилась выдающимся научным событием.

По широте и глубине обобщения экономической истории человечества, выявлению специфики траектории развития России и анализу на этой основе задач, решение которых особенно принципиально для перспективы нашей страны, этой работе Гайдара трудно найти аналоги в мировой литературе.

Время для него — важнейшая экономическая категория. Отставание определяется временем — на поколение, на два, на сто лет; лидеры также определяются временем; эффективность тех или иных режимов — временем и скоростью их экономического роста.

В труде «Долгое время» поражают масштабы привлечения мирового исторического опыта и уровень его анализа и обобщения, помогающий выявлять логику изучаемых процессов, оценивать возможности проявления и использования ее в российских условиях, существенно повышать обоснованность получаемых выводов. Этому

служит и обилие тщательно анализируемых статистических данных при реалистичной оценке достоверности статистики, а также использование огромного количества документов и научной литературы.

В итоге творческое наследие Гайдара позволяет вывести на новый, невиданный ранее уровень научного обоснования узловых проблем экономики и экономической политики России в современных условиях и на стратегическую перспективу, способной поднять страну на новую ступень развития.

Выделим ряд проблем, которые получили глубокую разработку в исследованиях Е.Т.Гайдара.

Своей главной целью он считал превращение России в нормальную для современного этапа истории страну, в органичную часть западной цивилизации. Чем определяется выбор пути, ведущей к этой цели? В основе его экономической методологии было вполне традиционное понимание, когда наиболее развитые страны показывают странам менее развитым образ их далекого или не столь далекого будущего. И хотя каждая страна «несчастлива по-своему», все они имеют похожий, близкий тренд развития по мере повышения их экономического уровня. На этой методологии во многом основан и отмеченный выше цивилизационный подход к исследованию мировой экономической истории.

Раскрытие генезиса социально-экономических явлений и процессов, их зарождения, становления и развития — краеугольный камень марксистской методологии. Е.Т. Гайдар, в юности глубоко проштудировавший труды К.Маркса, с уважением относился к наследию основателя марксизма и считал его вклад в философию истории большим интеллектуальным достижением человечества.

При ошибочности многих выводов марксизма о будущем, в качестве теории экономической истории, Гайдар дает сильный инструмент анализа, обладающий серьезным прогностическим потенциалом и позволяющий понимать тенденции происходящего и вызовы будущего. Как писал К. Маркс в «Капитале»: «Страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего». Гайдар был далек от механического восприятия марксизма, он творчески использовал его. Признавая за собою некоторый чрезмерный экономический детерминизм, в последних работах он стремился преодолеть его, привлекая разносторонний социологический, социально-психологический, демографический, культурологический материал.

Довольно долго Гайдар придерживался представления о том, что политическое устройство общества в значительной мере определяется уровнем экономического развития страны. Действительно, страны сопос-

тавимого уровня среднедушевого ВВП имеют схожие политические проблемы и исторические вызовы, и это подтверждается многократно, в том числе, например, и тем фактом, что все великие революции Нового и Новейшего времени происходили в странах с близким уровнем экономического развития.

При анализе исторической динамики стран, так и различных политических событий Гайдар всегда обращал на это внимание. Вот почему, доказывая, трудную задачу сравнения разных стран целесообразно сводить не только в один и тот же исторический период, но — поскольку каждая имеет свое «**внутреннее время**», — непременно с учетом сопоставимых параметров их развития.

Связывая состояние общественных институтов с тенденциями технологического развития, Гайдар показывал, что для развития современных производительных сил требуются либерализм и демократия. Наиболее успешные примеры такого развития в последней трети XX века демонстрировали демократические страны, которым удалось ограничить бремя государственного давления в экономике. То же самое в основе своей можно сказать и о тех странах, которые успешно решают задачи догоняющего развития в постиндустриальном мире. Даже Китаю, где форма коммунистического правления далека от демократизма, стали посильными высокие достижения именно благодаря одной из самых низких в мире финансовых нагрузок государства на экономику и способности государства в экономической политике опираться на развитие свободного рынка.

Практические выводы из некоторых теоретических постулатов марксистской философии истории оказались далекими от прогноза неизбежной победы коммунизма, но применимыми для анализа и выработки экономической политики многих современных стран, в том числе и России.

Неудивительно, что некоторые правые либералы нашего времени склонны воспринимать марксистскую философию истории как один из центральных компонентов своей мировоззренческой и методологической базы.

Обоснование Гайдаром либерального мировоззрения прагматично и лишено пафосности и идеологизированности. На опыте самых разных стран он методично показывает в своих работах, как и по каким причинам отклонения от принципов либеральной политики (которые иногда могли продолжаться подчас и десятилетиями) в итоге приводили к тяжелым для народов последствиям, в том числе и к катастрофам.

Современный экономический рост. На его основе произошел крупнейший цивилизационный прорыв в

мировой истории. Он существует и прогрессирует примерно последние триста лет и, как любил подчеркивать Гайдар, мы не знаем и вряд ли когда-нибудь узнаем, почему он начался (при его очевидной связи с научно-технической революцией) и будет ли продолжаться вечно. Проблемы этой фазы экономического развития особенно глубоко анализируются в книгах «Аномалии экономического роста» (1997 год) и «Долгое время». Является ли современный экономический рост, однажды возникший, неуничтожимым феноменом?

Попытки обосновать «пределы роста» были еще в 1970-е годы, когда ряд экономистов (прежде всего в рамках «Римского клуба») пытались показать неизбежность низких или вообще нулевых темпов роста. Однако реальность не подтвердила этих прогнозов; даже современный экономический кризис не снял с повестки дня задачу устойчивого современного экономического роста для мировой экономики и для России.

Важный методологический вывод, связанный с современным экономическим ростом, предполагает опять-таки необходимость сопоставления стран, схожих по уровню среднедушевого ВВП. Именно поэтому, скажем, рецепты современного Китая были бы уместны для России 1920–1930-х годов, когда на той стадии развития имелся резерв перетока рабочей силы из сельского хозяйства в промышленность, но никак не годятся для этапа посткоммунистической трансформации.

Интересный вывод из этой области связан и с положением России в гонке растущих стран мира. Как показывают историко-экономические исследования, Россия на протяжении последних примерно двухсот лет сохраняет стабильную меру отставания от таких более развитых в экономическом отношении стран, как Франция и Германия. Данный интервал составляет 40–60 лет, и хотя он то несколько увеличивался, то сокращался, но в целом величина отставания колеблется в указанных пределах. Подтверждение этого феномена «долгого времени» было раскрыто Е. Гайдаром на основе обобщения обширных статистических данных, характеризующих развитие разных стран.

В первом номере воссозданного им с друзьями журнала «Вестник Европы» Гайдар писал:

«На наш взгляд, вопрос о месте и роли России в этом всемирно-историческом процессе настолько важен, что все остальные аспекты кажутся прикладными и частичными... Когда смотришь столетние тренды, видишь, что мировые лидеры довольно стабильны. На вековой дистанции в группе лидеров мало кто появляется новенький. Россия в этих марафонских гонках не в первой группе, но и не в числе безнадежно отсталых. На

промежуточном финише, сто лет назад, наше положение было, пожалуй, хуже».

Современный экономический рост Е.Т. Гайдар анализирует во многом под углом зрения того, какие практические выводы вытекают для России из опыта стран-лидеров. Особенно интересуют его пути преодоления отставания.

Но важно видеть и препятствия, и угрозы. Обильный поток незаработанных рентных ресурсов может привести к устойчивой институциональной деградации страны. В этом смысле важнейшим с середины 1970-х годов риском для России является повторение драматического опыта Испании XVI века, когда самая сильная держава мира за пятьдесят лет пришла к полной институциональной деградации — под влиянием потока золота и серебра, приведшего к удорожанию — и разорению производства в стране. Фактически мы испытали подобный шок при падении цен на нефть, сыгравшем принципиальную роль в скорости обрушения Советского Союза.

К сожалению, Россия и сегодня находится в очень похожей ситуации, сидит на «нефтедолларовой игле», поскольку природная, особенно углеводородная рента вот уже почти полвека продолжает определять социально-экономическое развитие страны. Наличие же дешевых денег снижает спрос на любые модернизационные продукты — купить оказывается дешевле, чем произвести. Подобный механизм крайне опасен: он ведет к деградации институтов, а институты после исчерпания доходов от дешевых ресурсов не восстанавливаются симметрично. Не говоря уж о том, что неизбежность периодического падения мировых цен на нефть все время висит дамокловым мечем над нашей экономикой.

Особенно детально и тщательно исследуя эту проблему в монографии «Гибель империи», Егор Гайдар делает *научное открытие*.

Он впервые показывает и, как всегда, подробно обосновывает, *каким образом* политика коллективизации, разорившая наше сельское хозяйство, в итоге через шестьдесят с небольшим лет предопределила ускоренный крах советского режима. После коллективизации вначале практиковался вывоз зерна ради индустриализации при голоде внутри страны и бегстве населения из села в город. Затем, в результате неспособности аграрного сектора прокормить города, перешли к продаже нефти ради покупки зерна. В этих условиях падение мировых цен на нефть парализовало импорт, способность обеспечивать страну продовольствием и привело, так сказать, к «обезвоживанию» экономического организма страны и к гибели исчерпавшего себя общественного строя.

Другая опасность, подробно раскрытая в блестящей работе «Государство и эволюция», в которой Гайдар далеко отошел от «либерального марксизма», тоже носит институциональный характер и состоит в историческом наследстве, доставшемся нам от гигантского аграрно-военного государства, в непрерывной территориальной экспансии вместо цивилизованного обустройства земель, в институтах, заимствованных из восточных деспотий, в азиатском способе производства, который — при всех попытках использовать европейские достижения — в течение долгих веков оказывал преобладающее влияние на развитие огромной страны. Вследствие этого *был закреплён в ментальности*, в сознании и подсознании поколений гипертрофированный *культ государства* — при отсутствии традиций легитимной частной собственности, законопослушности и укорененном засилии бюрократизма.

Гайдар считал себя практикующим экономистом, но его книги лишены экономической одномерности, они междисциплинарны, полны социологических, исторических, демографических, даже психологических и литературоведческих аргументов.

Широкий исторический очерк, блестящий социологический анализ бюрократического государства, формулировка механизма слияния власти и собственности, делает его книгу «Государство и эволюция» образцом мировой политологической экономики.

Ментальное и культурное наследие определяет развитие важнейших институтов, от которых зависит и экономический рост. Традиция совсем не марксистская а скорее антропологическая, укорененная прежде всего среди французских историков-экономистов школы «Анналов» (типа Ф. Броделя).

Это же наследие определяет и те реальности, с которыми приходится иметь дело в современной посткоммунистической России при формировании рыночных отношений, правового государства и институтов собственности.

Преимущества отсталости. Идея «преимущества отсталости», в частности, основывается на том, что отсталая страна имеет возможность при благоприятных условиях использовать развитые технологии, минуя промежуточные стадии, но опираясь на определенные институциональные решения. При обсуждении этих вопросов применительно к догоняющему развитию современной России Егор Гайдар обратил внимание на ту особую роль, которую может сыграть прежде всего заимствование институтов. Он полагал, что заимствование институтов гораздо важнее заимствования технологий.

Принципиальная сторона использования преимуществ отсталости, способная облегчить дальнейшее развитие России и подробно исследованная Гайдаром, состоит (хотя, возможно, состояла прежде) и в том, что наше государство не успело набрать такого масштаба социальных обязательств, как развитые страны в благоприятные периоды развития и в предшествующих социально-демографических условиях.

С другой стороны, патерналистское советское государство демагогически приучило общество к «государственной заботе» об образовании, здравоохранении, пенсионном обеспечении, жилье, т.е. к высокой социальной нагрузке на государственный бюджет.

Гайдар справедливо предрекал усугубление экономических, политических и социальных трудностей в ряде европейских стран, взявших на себя чрезмерные обязательства, то усугубление, которое мы наблюдаем сейчас, в период сложного, а иногда и драматического выхода из экономического кризиса. Незадолго до своей смерти он предупреждал об опасностях популистской политики.

Не без сарказма писал Егор Тимурович в своей последней статье, опубликованной в «Вестнике Европы» (ВЕ, т. XXVI–XXVII, 2010 г.) уже после его кончины:

«Быть популярным, иметь политическую поддержку, когда за тобой десять лет роста реальных доходов населения на 10 % в год, — нетрудно. В такой ситуации не нужны масштабные репрессии или манипуляции с выборами. Когда реальные доходы населения под влиянием колебаний конъюнктуры мировых рынков перестают увеличиваться, растет безработица, взрывоопасной становится ситуация в депрессивных районах, — у власти есть альтернативные стратегии. Первая — ужесточение репрессий по отношению к несогласным. Это напрашивающаяся, но самоубийственная стратегия. Опыт России XX века это наглядно подтверждает.

Рано или поздно у властей, проводящих подобную политику, не оказывается надежного полка, на который можно опереться. И 300-летняя династия Романовых, оказавшаяся 28 февраля 1917 года в таком положении, — наглядное тому подтверждение.

Второй вариант — упорядоченная либерализация режима, восстановление реальной свободы слова, разделение властей, независимость судебной системы, открытость механизма принятия государственных решений, эффективная борьба с коррупцией.

Это непростой путь. Но, как показывает мировой опыт, пройти по нему возможно. Свидетельство тому — опыт Испании после Франко, опыт Тайваня, опыт Чили».

Гайдар взвешивает каждое свое слово, не дает никаких чрезмерных надежд, но и не скрывает угроз:

«Там, где правящая элита была способна реализовать такую политику, это приводило к позитивным результатам, позволяло уйти от катастрофы».

Ныне актуальность одной из сквозных тем научных работ Гайдара возрастает в разы! Это тема *ответственной бюджетной политики*. Важно также не забывать и о роли Гайдара, в обеспечение такого подхода к политике на практике. Ему же принадлежит и идея создания Стабилизационного фонда как способа противодействия «голландской болезни» в период высоких цен на нефть и инструмента смягчения социальных потрясений при потенциальных кризисах. Даже самые рьяные его критики вряд ли смогут отрицать, что именно этот фонд стал ключевым фактором, который в условиях недавнего глобального кризиса позволил удержать ситуацию в России под контролем.

Основной же вывод исследований Е.Т. Гайдара в этой области, подтверждаемый историческим мировым опытом, состоит в том, что за всякие отклонения от ответственной бюджетной политики, связанные с допущением повышенных государственных расходов (в силу популизма или просто потери бдительности на фоне благоприятных, хоть и временных, условий развития), придется тяжело расплачиваться народам соответствующих стран.

К стержневым проблемам, получившим глубокую научную разработку в трудах Гайдара, относится также *развитие институтов, формирование благоприятной институциональной среды*, от которой зависит использование рыночных отношений в интересах успешного будущего.

В последние годы Е.Т. Гайдар, глубоко озабоченный проблемами, возникшими в связи с мировым финансовым кризисом (наступление которого он чутко зафиксировал в своих работах одним из первых), приступил к систематическому изучению процессов срыва развития, непрогнозируемых нестационарных, взрывных процессов, именуемых смутами и революциями. Об этом он написал в ряде статей и в незавершенной работе «Смуты и институты».

Статье «Очерки смутных времен» («Вестник Европы», т. XXV. 2009 г., с. 30) предпослан эпиграф из Николо Макиавелли: «Нет дела, коего устройство было бы труднее, опаснее, а успех сомнительнее, нежели замена старых порядков новыми. Кто бы ни выступал с подобным начинанием, его ожидает враждебность тех, кому выгодны старые порядки, и холодность тех, кому выгодны новые».

В конце этой статьи, написанной весной 2009 года, Е.Т. Гайдар писал:

«Мир столкнулся с глубоким экономическим кризисом. В экспертном сообществе на протяжении последних месяцев все больше распространяется мнение, что это самый глубокий мировой экономический кризис со времен Великой депрессии. Пока кризис ни в одной из крупных стран мира не проложил дорогу к деинституционализации, к тому, что на русском языке называется словом «смута». Но кризисные явления в мировой экономике увеличивают риски стабильности сложившихся установлений. Именно поэтому полезно вспомнить, какие риски они могут породить. Может быть, это позволит их минимизировать».

Наиболее разрушительна опасность ускоренного слома старых, пусть плохих, но работавших институтов, при отсутствии более-менее сложившихся новых. В итоге граждане оказываются беззащитными перед разгулом беззакония и мародерства. Такие ситуации возникают не только, когда происходят революции, которые Гайдар называл «смутами», но и при поначалу кажущихся успешными операциях — вроде насильственного свержения в Ираке режима Саддама Хусейна. Особенно подробно такие ситуации исследованы в последнем изданном при жизни Гайдара труде «Смуты и институты» (2009 год, в сборнике «Власть и собственность»), который включает напряженные размышления о прошлом, прежде всего российском, о катастрофическом опыте России на протяжении всего жестокого XX века.

С тяжелейшей ситуацией пришлось иметь дело и правительству Гайдара, когда в одночасье рухнул советский режим и рассыпались институты, на которых он держался. Необходимость избежать «смут» и создать условия для этого Егор Тимурович относит к первейшим приоритетам ответственной политики.

Гайдар не только был категорическим противником революций и катаклизмов, но потратил много интеллектуальных сил и таланта, чтобы досконально проанализировать их механизмы, цепь вызовов и системных решений, которые к ним ведут. Он показывал, как ошибки именно в институциональном строительстве, запаздывание реформ, игнорирование требований общества закладывают основы революций и делают их неизбежными.

Да, Гайдар был прагматическим, но последовательным демократом, он считал гораздо более эффективными демократические процедуры, нежели какие-либо иные. В 1994-м он писал совершенно определенно: *«Симптомы нового “ледникового периода” налицо. Многие из тех, кто в 1989-91 годах... клялись в верности*

гражданскому обществу, сегодня столь же горячо клянутся в верности государству... Сегодня соревнуются, кто выговорит “Государство” с более звонкой медью в голосе. Государственничество вновь насаждается в нашей стране. Мы не можем не видеть перерождение власти, ее возвращение на круги своя.

Если приоритет — модернизация страны, расчистка социально-экономического пространства для развития современного общества, то перечень обязанностей государства достаточно четок и локален... Нет, ни социализм, ни империя, ни военная мощь их не волнуют, это все слова. А на деле им нужно упрочение такой прозаической вещи, как бюрократический рынок, сохранение лжегосударственной экономики, где их фактически частные капиталы действуют под видом и на правах государственных».

Гайдар предупреждал: *«Союз мафии и коррупции при самом становлении капитализма может дать такой ужасный гибрид, аналогов которому в русской истории еще не было... Бизнесмен может обогащаться честно, только бы не мешали. Чиновник может обогащаться только бесчестно...»*

АЛЬТЕРНАТИВА: “очередная бюрократическая приватизация власти, или, наконец, размыкание замкнутого контура, разделение власти и собственности.

Секуляризация государства, отделение государства от псевдорелигии, “государственничества”, или новое обожествление государства. Такова глобально историческая альтернатива России.

Если удастся “расшить” социально-экономическое пространство, завершить либерально-демократическую эволюцию государства, тогда Россия имеет шанс занять достойное место в цивилизации XXI века”».

* * *

При обосновании необходимости и направлений долгосрочных реформ на первый план Гайдар выдвигает повышение уровня *человеческого капитала*, а также приоритет развития политических и правовых институтов над экономическими.

«Бесмысленно обсуждать ставку налога, если в любой момент может прийти милиция и остановить ваш бизнес». Ставка налога не имеет отношения к ситуациям, когда политические институты не соответствуют тонкости налоговой системы. И, конечно, одно из центральных мест занимает упоминавшаяся проблема нейтрализации рентной экономики — пожалуй, одной из самых серьезных угроз, с которыми Россия сталкивается в настоящее время.

Вопрос об *особой роли развития человеческого капитала* в настоящее время стал очевидным и даже приевшимся. Тем более важно подчеркнуть, что мы обсуждаем его в значительной мере с подачи Егора Гайдара.

В своих статьях 2001–2006 гг. в журнале «Вестник Европы» он выдвинул и обосновал положение, что в постиндустриальном обществе, к которому идет Россия, инвестиции в человеческий капитал — образование, здравоохранение, жилье, пенсионная система — становятся ведущими приоритетами.

Гайдар подробно проанализировал историю становления пенсионной системы в мире, показав, что это — совсем недавнее, по историческим меркам, изобретение продвинутой части человечества. То же он сделал для анализа систем образования и здравоохранения; эти работы позднее вошли в книгу «Долгое время». Именно здесь находятся точки прорыва: инвестиции в названные сектора обеспечат сравнительные конкурентные преимущества страны. Здесь есть несколько «развилок», несколько «точек», на каждой из которых важно не допускать ошибок.

Гайдар показывал, что современная система здравоохранения, пенсионная модель и система образования были созданы в принципиально иных условиях — в условиях быстрого роста численности населения при доминировании крестьянского населения, которое не пользовалось социальными благами, как сейчас в Китае (то есть ни пенсионное обеспечение, ни бесплатное здравоохранение на большинство населения не распространялись).

Надо сказать, что Е.Т. Гайдар исходит из сущностей полезности прежде всего для государства, но не без внутреннего конфликта, связанного с либеральным — *вольнлюбивым*; в основе своей просветительским мировоззрением, где главная польза рассматривается как польза для обобщенного «человека», осуществляемая в разумно и справедливо устроенном государстве. (Правда, это можно рассматривать и как вполне марксистскую редукцию: «всё для человека, всё для блага человека», но Гайдар верил в эту «мантру», с точностью до ограничений, какие выставляло его научное мировоззрение экономиста. Он хорошо понимал, какие социальные обязательства может взять на себя государство и какие это может иметь последствия, в том числе и политические. В своих работах на примерах многих стран Егор Тимурович показал, что происходит, когда распадающиеся государственные институты перестают обеспечивать обязательства государства перед обществом или когда государственная машина, обюрократившись и потеряв

связь с обществом, становится тоталитарной и подавляющей всякое развитие.

Е.Т. Гайдар приводит характерный пример: когда Отто фон Бисмарк вводил свою пенсионную систему (а она была первой в мире), то средняя продолжительность жизни в Германии составляла 45 лет, а пенсионный возраст вводился лишь с 70-ти лет. По этой логике, по-прежнему опираясь на бюджетную модель пенсионного обеспечения, в России следовало бы ввести пенсионный возраст примерно с 95 лет. Но у нас сейчас еще сохраняется система, разработанная для той демографической ситуации, когда пенсионный возраст был существенно выше средней продолжительности жизни, а не ниже ее, как в настоящее время.

Аналогично положение и со здравоохранением. Государственная система здравоохранения индустриального государства создавалась для того, чтобы рабочая сила была как можно более здоровой. Развивалась отраслевая и ведомственная медицина, проводились регулярные диспансеризации населения. Нынешняя система — это *здравоохранение для всех* с акцентом на профилактику. Это совсем другая модель, другие финансы, другая экономика, всё другое. И латать сложившуюся в других условиях модель бессмысленно. Развитие этих секторов связано и с человеческим капиталом, и с концентрацией инвестиционных ресурсов.

Егор Гайдар писал, что страна, которая найдет правильную модель для институтов здравоохранения, пенсионной системы и системы образования, — модель, адекватную вызову постиндустриального времени, — будет иметь огромное преимущество перед другими государствами в возможностях дальнейшего развития.

Выделение узловых проблем, определяющих потребность в системе реформ на перспективу, отражает убежденность Е.Т. Гайдара в способности российского народа к рациональному, РАЗУМНОМУ ВЫБОРУ, его способности обеспечить прорыв на новую цивилизационную ступень. При том, что это требует напряженной, целенаправленной, организованной, будничной и подчас неблагодарной работы. Он говорил, что история длинная, и ей все равно, сколько времени понадобится каждой стране, чтобы усвоить уроки истории. Но до тех пор, пока не будет усвоен текущий урок, в «следующий класс» история эту страну не переведет. Труды Гайдара раскрывают условия и пути, позволяющие ускорить усвоение этих уроков.

В разных своих работах Е.Т. Гайдар анализирует ту ситуацию, когда его правительству в начале 90-х годов прошлого века приходилось принимать радикальные

решения и меры по переходу к рыночной экономике. Жаркие споры об этом хорошо известны.

Если говорить об экономистах, то критика обычно исходит от тех, кто привык к исследованиям в научных кабинетах и не сталкивался лицом к лицу с катастрофическими условиями, из которых и с учетом которых нужно было искать практический выход, реально способный их переломить. Поэтому информация и рефлексия практикующего реформатора, исходящие «из первых рук», особенно ценны.

Не перестает удивлять и поражать то беспрецедентное обилие исторического, информационного, статистического, документального материала, на который он опирается в исследовании факторов, приведших к катастрофе позднего СССР. На этом гигантском материале Гайдар выстраивал логику процесса выхода из катастрофического положения, последовательность соответствующих практических действий. Конечно, оголтелых противников Гайдара и по сей день не переубедит ничто, но для мыслящей молодежи и для будущих поколений эти работы, несомненно, послужат важной основой понимания собственной истории.

Нельзя забывать и о том, что Е.Т. Гайдар был основателем и бессменным руководителем уникального исследовательского института. Институт экономической политики (так называемый Институт переходного периода) был создан им незадолго до развала Советского Союза, и на его базе сложилась команда реформаторов, которые взяли на себя бремя наиболее тяжелой и неблагодарной работы по осуществлению в сложнейших условиях самого ответственного — начального этапа перехода к рыночной экономике. Такой пример включения недавно сформированного научного коллектива в руководство страной вряд ли известен в истории. И это наглядно иллюстрирует организационный талант Е.Т. Гайдара, его способность собирать вокруг себя молодых, творческих, инициативных, высокопрофессиональных специалистов. Затем его институт переключился на анализ и обобщение опыта экономического развития страны, подготовку следующих этапов реформирования, разработку предложений по повышению результативности экономической политики, поиска инновационных моделей развития. И сейчас, когда Институт экономической политики носит имя своего основателя, в его составе преобладают молодые ученые.

Сочинения Егора Гайдара, собранные воедино, раскрывают читателю высоту и глубину его личности, целостность и уникальность его мировоззрения, масштабы научного и публицистического дара. Научная честность всегда заставляла его опираться на документы и факты.

Привлекая богатейший исторический материал, он умел выделить главное, был последовательным, логичным — и потому убедительным. Разумеется, это относится не только к охарактеризованным выше монографиям, но и к его многочисленным научным и публицистическим статьям, ярким и откровенным интервью в средствах массовой информации, к блестящим докладам на научных форумах, глубоко продуманным выступлениям на заседаниях правительства, Государственной думы и т.п. Все это и составляет содержание нескольких томов его Собрания сочинений. В них Е.Т. Гайдар предстает перед читателем как ученый, как политик, страстный трибун, как государственный деятель, для которого благо России — было высшей ценностью.

* * *

В 2001 году Е.Т. Гайдар с коллегами возродили основанный Н.М. Карамзиным в 1802 г. журнал «Вестник Европы». Он очень ценил свое участие в журнале и опубликовал в нем много статей и глав будущих книг (в первом томе нового «Вестника Европы» была опубликована редакционная статья, в написании которой Гайдар принимал живейшее участие. Он утверждал тогда: *«Россия, весь XX век сползая по историческому склону, оказалась к его исходу по многим параметрам близкой к концу XVIII (или началу XIX, если так больше нравится) века: страной с неясными границами, с недостроенной государственностью, с недоформировавшимся обществом, недораспавшейся империей и недостроенной федерацией... Не случайно на пороге нового века у нас обсуждают в телевизионных ристалищах самые основы, самые альфу и омегу государственного устройства. Наше общество не объединяют, а разъединяют (до сих пор! — Ред.) флаг, гимн и герб, будто и не было веков пути. Будто и не было череды блестящих русских умов, высоких душ, отдавших себя строительству нашей страны и нашей культуры... Полвека мирного развития Европы укрепили многих европейцев в надежде на возможность строительства единого европейского социума; грандиозной идеи с тысячелетней историей. Между тем Россия живет на обочине этого стремительно расширяющегося и меняющегося мира, безмятежно глядя в пространство...»*

Н.М. Карамзин сочинял «Вестник Европы», журнал политической жизни — в отсутствие политики в нынешнем понимании, в отсутствие общества, отвечающего за свою судьбу. Он создавал язык, гражданское общество (его термин!) и политику — как предмет забот этого общества, писал историю страны, которая должна была стать интеллектуальным, моральным и эмоциональным

центром объединения культурных сил народа. Через двести лет Егор Гайдар, уже на новом уровне, занялся тем же: создавал и вводил в общественную жизнь *язык и метод*, пригодные для адекватного описания процессов, происходящих в экономике, мечтал, чтобы гражданское общество ощутило духовный подъем, создавал «Демократический выбор России» и Думу — как новый парламент страны, писал книги, которые были обращены в будущее, но давали совершенно новый ракурс истории современной России в мировом контексте. Да и сам этот мировой контекст Гайдар увидел и описал как сложный, недетерминированный, во многом случайный, но надолго определяемый совокупностью прошлых достижений (которые, к сожалению, еще не гарантируют благополучного будущего). И место Егора Тимуровича Гайдара среди основоположников, мудрецов и праведников России с годами будет становиться все яснее и заметнее.

Последние его труды, обращенные к будущим поколениям политиков и экономистов, — это завещание мудрого человека, получившего уникальный и горький практический опыт коренных преобразований общественного устройства огромной страны по имени Россия.

Публикуемая статья подготовлена «ВЕ» на основе предисловия Редакционной коллегии к первому тому Собрания сочинений Е.Т. Гайдара.

Примечания

¹ Е.Т. Гайдар. Собрание сочинений. Подготовлено к изданию Институтом экономической политики имени Е.Т. Гайдара. Издание осуществлено при финансовой поддержке Фонда Егора Гайдара и г. Сеппо Ремеса. Т. I: «Дни поражений и побед. «Российская реформа» / Научный редактор Л.И. Лопатников. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС. 2012 г. 367 с.

Е.Т. Гайдар. Собрание сочинений. Т.2: «Экономические реформы и иерархические структуры». «Государство и эволюция». «Аномалии экономического роста». «Наследие социалистической экономики» / Научный редактор Л.И. Лопатников. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС. 2012 г. 600 с.

Е.Т. Гайдар. Собрание сочинений. Т.3: «Долгое время». «Россия в мире: очерки экономической истории» / Научный редактор В.Г. Стародубровский. М.: «Издательский дом «Дело» РАНХиГС. 2012 г. 712 с.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. М., 1960. С. 9.

³ Пушкин в письме к Николаю Гречу от 21 сентября 1821г. отмечал что, это слово удачно передает смысл французского (*liberal*). См.: В.В. Набоков. Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин». СПб: Искусство, 1998 с. 226. ■

Книги, поступившие в редакцию

Гайдар Е. Гибель империи. Уроки для современной России. Фонд Гайдара. М.: Астрель:CORPUS,2012.592С.

Книга посвящена проблемам, с которыми сталкиваются авторитарные режимы в полиэтнических государствах, чья экономика в значительной степени зависит от непредсказуемых колебаний цен на топливно-энергетические ресурсы.

Сергей Гуриев, ректор РШЭ:

«Чем хороша книга “Гибель империи”, так это тем, что многим людям она открывает глаза на то, что ситуация была УЖАСНАЯ. Просто отчаянная. И кроме него не нашлось никого, кто сказал бы: “Я займусь этой трудной, неблагодарной, противной работой, и я знаю, что ничего хорошего не получится, что все возложат вину на меня”. ...С одной стороны, эта книга — приговор: анализ, проведённый автором, свидетельствует, о том, что политика нынешнего российского правительства ведёт страну по пути позднего СССР. А с другой — это своего рода катехизис для дискуссий с нашими старшими и младшими согражданами, мечтающими о возвращении величия Советского Союза с его государственной собственностью на средства производства и централизованной политической системой. К сожалению таких манифестов пока очень мало, но тем ценнее каждый из них».

Издательство Института Гайдара:

И. Стародубровская, Н. Зубаревич, Д. Соколов, Т. Интигринова, Н. Миронова, Х. Магомедов. Северный Кавказ: модернизационный вызов. Экономическая политика между кризисом и модернизацией.

Коллективная монография на труднейшую тему. Авторы исколесили беспокойные территории, провели аналитическую работу требующую мужества. Книга остродискуссионная, взрывающая мифы о безнадежной отсталости, тотальной депрессивности, бедности, причинах безработицы. Предлагаются новые подходы, дипломатично названные «альтернативными традиционными» принятым в кавказской политике», даются рекомендации по острейшей кавказской проблеме — земельной реформе.

Йозеф Шумпетер. Десять великих экономистов: от Маркса до Кейнса.

Сборник эссе классика современной экономической науки о выдающихся экономистах, работавших от середины XIX до середины XX века. Маркс, Вальрас, Менгер, Маршалл, Парето, Бём-Баверк, Тауссиг, Фишер, Митчелл, Кейнс — эти имена ничего не говорят широкой аудитории в нашей стране (да и в других странах тоже), но эта книга как раз и расширяет резко экономический и социологический горизонт для вдумчивого читателя.

Как избежать ресурсного проклятия / Под редакцией Дж. Стиглица, Джеффри Сакса и Макартена Хамфриса.

Книга объясняет, почему страны богатые природными ресурсами, часто не являются самыми процветающими, чего им еще недостает.

Уоллис, Барри Вайнгаст. Издательство Института Гайдара. М., 2012. 480 с. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества.

Новейшая книга, буквально взорвавшая политизированное сообщество, имеет все шансы стать своего

рода «библией» для целого поколения пытливых молодых людей, пытающихся выстроить свое социальное мировоззрение. Как сказано в предисловии Д. Раскова, «концептуальный подход, который предлагают Д. Норт, Б. Вайнгаст и Дж. Уоллис, обращен в будущее. Столь широкий материал и **теоретические обобщения позволяют поставить их книгу в один ряд** с шедеврами политической экономии — “Капиталом” Маркса и “Богатством народов” “Адама Смита”».

Выход этой книги называют уникальным событием, ей предрекают долгую судьбу, у нее будет и множество почитателей. Даже сохраняя некоторую осторожность и некоторый скепсис (авторы взяли насилие в качестве стержня мировой истории, Маркс — труд, Гайдар — историю собственности), можно предвидеть дальнейшие работы, основанные на концепции воспроизводства человека и общества, берущие за основу эрос, или тщеславие, или мистическую мессианскую идею...

Но в любом случае, даже при некоторой чрезмерности первых оценок, ясно, что авторы ухватили нечто весьма существенное в долгой социальной истории человечества, спроецированной на его экономическую историю.

Норт и его соавторы пришли к выводу, что в середине XIX века Великобритания, Франция и США (не одновременно) начали исторический переход к принципиально новой модели «порядка открытого доступа», которая предоставила им огромные преимущества, сделав мировыми лидерами. Почему именно эти страны стали лидерами? Вот на этот вопрос и пытаются ответить все политэкономы и социальные историки. Так вот, социальные порядки (разные), складывавшиеся в мире за два прошедших тысячелетия, авторы объединяют под общим понятием — «естественное государство», или более точно — «порядок ограниченного доступа». А порядок, сложившийся в группе некоторых (не нефтяных) наиболее богатых государств — с их ВВП на душу населения более 20 тыс. \$, — они называют «порядком открытого доступа» (по аналогии с супермаркетом или залами общего доступа в библиотеках).

Тут можно было бы привести несколько цитат; однако эту книгу не считали бы уникальной, если бы авторы просто придумали новые названия для всех известных сущностей. Они показывают, как важны и необходимы социальные организации, социальные связи — формальные и неформальные, общественные — вообще всякого рода организации: фирмы, общества взаимного кредита, ветеранов, собаководов, кооперативов и проч., вслед за Фукуямой объединяющие множество факторов в понятие “социального капитала”. На множестве таб-

лиц авторы показывают то, что вполне очевидно: чем богаче страна, тем больше социальный капитал, тем больше всякого рода организаций, правительственных и неформальных... Правда, показать корреляцию проще, нежели доказать обратное — чем больше социальных организаций, социальных связей и проч., тем богаче страна, тем больше ВВП. Это неочевидно, и скорее всего, не так. В конце — несколько цитат. «Порядок открытого доступа» выстраивается на организационных структурах естественного государства, но при этом он распространяет обезличенное гражданство на все большую часть населения. Все граждане получают возможность формировать экономические, политические, религиозные или социальные организации, призванные выполнять любые мыслимые функции. При этом «порядки открытого доступа» запрещают использование насилия всем организациям, кроме армии или полиции...» (с. 422).

Если же совсем упрощать, то отличие динамизма... заключается в том, КАК ИМЕННО социальные порядки используют доступ для сдерживания насилия и обеспечения порядка.

«...переход от одного порядка к другому — это именно институционализация открытого доступа посредством утверждения *безличных отношений*. Переходом не может быть названо создание тех или иных институтов... Одни и те же институты в зависимости от обстоятельств могут работать совершенно по-разному... Институты выборов и институты корпораций в «естественных государствах» работают иначе, чем в «порядках открытого доступа»... Логичное предписание, которое выдают экономисты, — это реформы; страна на систематической основе должна реализовывать политику, в точности копирующую политику в «порядках открытого доступа»: более простой вход на рынок для фирм, меньше регулятивный контроль, сокращение монополий, более надежные права собственности, лучшее качество предоставления общественных благ (например образования) и более сложный рынок. Однако до тех пор, пока реформируемые общества не достигнут как минимум пороговых условий, перенесение этих институтов и политик в «естественные государства» не позволит добиться никакого экономического эффекта. Перенесение институтов «открытого доступа» в «естественные государства» само по себе не может привести к политическому и экономическому развитию... Хуже того, если эти институты подрывают политические механизмы, обеспечивающие политическую стабильность, то тогда новые институты будут неминуемо способствовать беспорядку, ввергая общество в еще более плачевное состояние...» (с. 438).

Джеффри Сакс. Цена цивилизации.

Джеффри Сакс. Конец бедности.

Один из самых известных у нас западных экономистов, дававший советы еще российским «младореформаторам», ныне директор Института Земли при Колумбийском университете (США). Положение обязывает: Дж. Сакс широкими мазками рисует образы желаемого будущего; обещает, что лет через пятнадцать мир будет избавлен от нищеты, для чего призывает перейти от противостояния к универсальной кооперации и сотрудничеству народов, стран, бизнесов — частных и государственных. Рекомендуем для чтения на ночь.

С. Синельников-Мурылев., Е. Шкробела. Совершенствование налога на прибыль в Российской Федерации в среднесрочной перспективе. — 264 с.

С. Мисихина. Социальная поддержка уязвимых групп населения. — 92 с.

В работе делается сравнительный анализ опыта стран ОЭСР и России по теме. Как увеличить занятость неработающих? Ответ простой: адекватное финансирование, реальное представление об имеющихся вакансиях, развитие аутсорсинга.

А. Кнобель, Е. Соколов, Е. Худько. Влияние государственных расходов на качество общего образования в России. — 164 с. Попытка ответить на вопрос о том, какие факторы являются наиболее важными для качественного улучшения системы общего образования.

Кьеркегор Натальи Исаевой

Сёрен Кьеркегор. Страх и трепет / Перевод с датского, вступительная статья, примечания и комментарии Натальи Исаевой и Сергея Исаева. М.: Академический проект. — 154 с.

Знаменитый трактат Кьеркегора на примере ветхозаветного сюжета о жертвоприношении Авраама рассматривает проблему веры и свободы человека. Цитатой и открывается книга: «Вера — высшая страсть в человеке. Пожалуй, в любом поколении найдется много людей, которые даже не дошли до нее, но не найдется ни одного, который мог бы уйти дальше нее... Впрочем, и тому, кто еще не дошел до веры, жизнь ставит немало задач, и при честном к ним отношении и его жизнь не останется бесплодной, хотя бы и не уподобилась жизни тех, кто понял и обрел величайшее — ВЕРУ».

Сёрен Кьеркегор. Болезнь к Смерти. Изложение христианской психологии ради наставления и пробуж-

дения / Перевод с датского, вступительная статья и примечания Н. Исаевой, С. Исаева. М.: «Академический проект», 2012. — 156 с.

Сёрен Кьеркегор. Понятие страха. Простое, психологически намеченное размышление в направлении догматической проблемы первородного греха / Перевод с датского, вступительная статья и примечания Н. Исаевой, С. Исаева. М.: «Академический проект», 2012. — 156 с.

Сёрен Кьеркегор. Или — или. Фрагмент из жизни. В двух частях / Перевод с датского, вступительная статья, комментарии и примечания Н. Исаевой, С. Исаева. СПб.: Издательство русской Христианской гуманитарной академии: «Амфора», 2011.

Профессор Наталия Исаева, член нашей редакции и верный автор «Вестника Европы», продолжает свой «невидимый миру» творческий подвиг (употребляю это слово в христианском смысле), представляя, переводя, уточняя, объясняя и растолковывая, расширяя рамки русского философского языка, пропуская через себя и в себе же отыскивая глубинные смыслы книг датского парадоксального мыслителя.

«Русский Кьеркегор» который уж год возникает перед нами из трудов Натальи Исаевой, рвущий разум и сердце глубиной отчаяния. «Предельное отчаяние, требующее всей страсти абсурда, всего крайнего напряжения человеческого сердца, чтобы в последнем усилии добровольно узнать, что пред Богом мы всегда неправы». Это и Кьеркегор, но это и она.

Её кьеркегоровские статьи, примечания и комментарии — отдельное замечательное чтение. В статье «Личины страха и манки эротики» (опубликована как предисловие к «Понятию страха») она пишет: «Вообще (заметим в скобках), как во времена Кьеркегора, так и сейчас, — цивилизованные западные люди до смешного боятся лукавого, скрытного, шпионского проникновения христианства в систему их идей и представлений. Рискну сказать по секрету, как специалист по восточной религии и философии (Н. Исаева — доктор индологии): христианство вовсе не «более абстрактно», не «более духовно» в сравнении с другими религиозными системами. Великолепное, роскошное отличие христианства, с точки зрения идейной, — это как раз его внимание к телу, любовное щекотание самой ссадины *телесности*. Ведь христианство (в отличие от индуизма) вовсе не обещает, что рано или поздно — в бессмертии и вечности — мы все вдруг обратимся в чистый свет, в чистый дух. Вот нет: вот это тело, стыдное и грязное, вот эта материя — та, что не просто изменяется, но прежде всего течет в

любовном соитии, в неловких природных функциях, течет наконец страшным соком смерти внутрь земли, вот эта телесная материя как раз и дорога Спасителю вкупе с нашей душой, она-то особенно, прикровенно любима — как мокрый зяблик, как скользкий частичек, как слепой щенок, она-то и встанет в Воскресении иным светом, иным телом, ибо сам Спаситель когда-то лег в ту же яму, в ту же пещеру, которой ни одному из нас не миновать».

Прочтение Кьеркегора Исаевой — глубоко личное и авторское, потому и такое ценное. Ее Кьеркегор — «не достояние доцента», а постоянный поиск смысла и цели в овраге, в ливень и грозу.

Предисловие к книгам «Или — или» и «Болезни к Смерти» она заканчивает одним постскриптумом: «В Копенгагене на кладбищенском памятнике Кьеркегору высечена надпись из церковного гимна Адольфа Брорсона: *Det er en liden tid* («Осталось еще короткое время»). От себя отдельно могу лишь добавить, что на могильном камне убитого Сергея, с которым мы когда-то начинали переводить «Страх и трепет», я выбила как раз те слова из эпитафии храброго фехтовальщика, что приведены в «заключительном ненаучном послесловии» «vi sees igjen» (увидимся снова) — они стоят там, как обещание, как обращение ко всем тем, кто его любил, равно как и к тем, кто был ему хорошо знаком и оказался причастен к его смерти. Н.И.»

Издательство «Центр книги Рудомино»

Представляет книги 2012 года

Иван Гончаров. Три повести. На русском и немецком языках.

К 200-летию со дня рождения.

Эти повести и русский-то читатель не всякий знает, поэтому приветствуем юбилейное издание.

Анна Ахматова. Реквием. Поэма без героя. Переводы из Джакомо Леопарди. На русском и итальянском языках.

Джеймс Х. Биллингтон. Работы по истории и культуре России. Издание в двух томах.

В издании собраны главные труды самого известного американского специалиста по русской культуре. Его взгляд на историю и на само развитие русской культуры для нас непривычен, но свеж и непременно дружелюбен, даже там, где тонкости русской ментальности кажутся ему не столь уж тонкими. Дж. Биллингтон директор библиотеки Конгресса Соединенных Штатов, неоднократно

публиковался в «Вестнике Европы», он лауреат карамзинской медали «AD Nuncius Europae» нашего журнала.

Испанские мотивы в русской поэзии XX века.

Антология. Премия Ассоциации книгоиздателей России (АСКИ) и Бюро в Москве в номинации «Диалог культур»

Апрель в Париже. Зарубежная новелла в переводах Норы Галь. Антология. К 100-летию со дня рождения. Лидер продаж мая 2012 года.

Владимир Севриновский. Антология переводов «Дождь у меня в голове» На русском и английском языках. Победитель конкурса «Пушкин в Британии».

Гамлет. Вариации. По страницам русской поэзии. Антология.

Уильям Мейкпис Теккерей. Кольцо и роза На русском и английском языках.

Истории для детей от Чарльза Диккенса в пересказе его внуки

На английском языке и в переводе на русский язык А. Николаевской.

Грэм Грин. Сила и слава / Перевод о. Александра Меня

Известная книга Грэма Грина о судьбе священника, в период гонений на веру, в переводе о. Александра Меня приобрела особую выразительность и глубину.

Инна Левидова. Калиф из Багдада. О'Генри и его новеллы

К 150-летию со дня рождения О'Генри.

Александр Нежный. Nimbus. Повесть о докторе Гаазе

Лев Копелев. Святой доктор Федор Петрович

Франц Кафка в русской культуре / Автор идеи и составитель Александр Филиппов

Почти весь XX век

Адриан удомино. Почти весь XX век. Великий библиотекарь Маргарита Ивановна Рудомино. Биография в фотографиях и документах. Книга-альбом. Дизайн А.А.

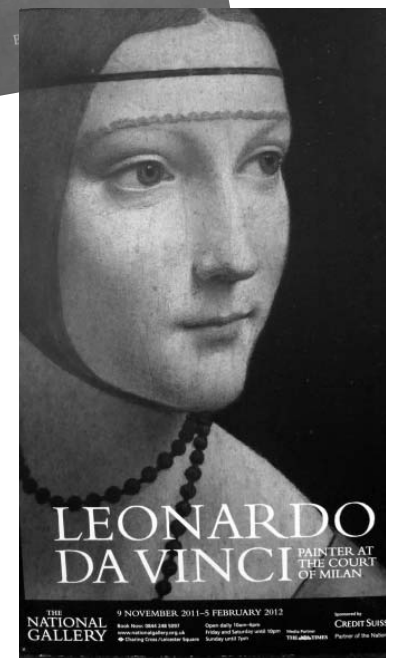
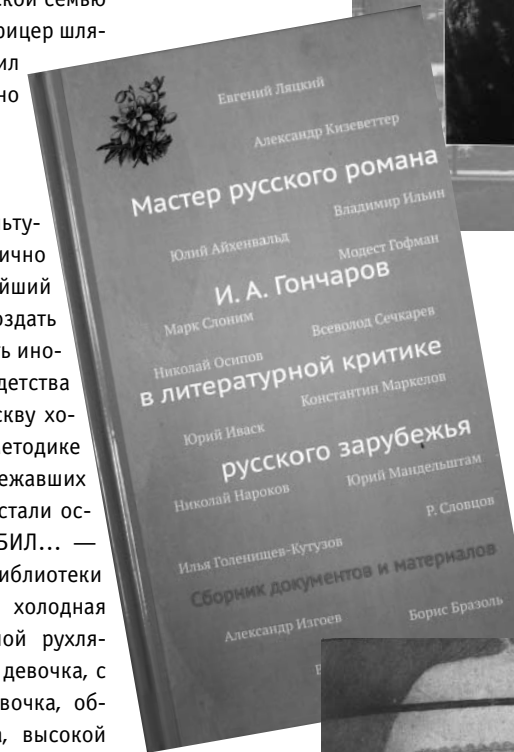
Рюмина. Редактор Д.К. Иванов. Издательский дом Тончу. Центр книги Рудомино. М., 2012.

Уникальная книга, с тонким вкусом и любовно собранная Адрианом Васильевичем Рудомино. Фото и документальная хроника русской культурной семьи в XX веке. Никакие ветры и бури века ее не миновали. Ранняя смерть — в 36 лет — матери, Элеоноры Яковлевны, преподававшей немецкий язык в Саратовском реальном училище. Она происходила из аристократической семьи фон Бер. Отец, Иван Михайлович Рудомино, офицер шляхетских литовских корней, ненадолго пережил мать. Оставшаяся сиротой, Маргарита Рудомино свои корни не афишировала.

Д.С. Лихачев писал о М.И. Рудомино:

«То что совершила для нашей культуры эта удивительная женщина, — фантастично и неоченимо. Подумать только: в тяжелейший 1921 год юная М.И. Рудомино задумывает создать в Москве библиотеку для тех, кто хочет изучать иностранные языки. Она едет в город своего детства Саратов, с огромным трудом перевозит в Москву хорошую коллекцию книг по лингвистике и методике преподавания иностранных языков, принадлежавших ее матери — Э.Я. Рудомино. Эти-то книги и стали основой, из которой выросла великолепная ГБИЛ... — К.И. Чуковский вспоминал о зарождении Библиотеки иностранной литературы: "Была каморка, холодная промозглая, темная, вся заваленная книжной рухлядью. Стергла это добро исхудалая, озябшая девочка, с распухшими от холода пальцами..." Эта девочка, обладавшая огромным талантом организатора, высокой культурой и уникальной способностью добиваться поставленной цели, наперекор людям и судьбе, вынесла десятилетия борьбы за свою библиотеку и победила. Вопреки всему, она создала уникальную, единственную в мире библиотеку, воспитала поколение замечательных специалистов, сплотила вокруг библиотеки множество друзей, представителей интеллигенции не только нашей страны, но и многих стран мира».

Великолепный памятник создательнице нашей любимой Библиотеки иностранной литературы, которой скоро исполнится 90 лет. ■

Фотопроект номера: Александр Тягны-Рядно

Секретарь Союза фотохудожников России,
член Союза журналистов России, Международной
Федерации художников ЮНЕСКО

ГЛУБИНА РЕЗКОСТИ

Родился в Москве в 1956 году, окончил Московский авиационный институт, работал инженером-конструктором, видеоинженером, затем окончил факультет журналистики Московского государственного университета. С 1984 года профессионально работает в прессе в качестве фотографа и фоторедактора в журналах «ЖУРНАЛИСТ», «МЕЦЕНАТ», «MOSCOW MAGAZINE», газетах «НТР», «СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА», «ИЗВЕСТИЯ», «СОБЕСЕДНИК».

Ныне он — свободный фотограф, куратор, блогер. В качестве фотографа, сотрудничал со многими изданиями и агентствами в России и за рубежом.

Автор нескольких фотокниг: «Святослав Федоров» (изд-во «Планета»), «Елена Образцова» (изд-во «АПН»), «Сто лучших ресторанов Москвы» (изд-во «Вагриус»), «Утренние острова», «Норильск», «Страницы...», «Сибирь на все времена», «Когалым. Жемчужина Сибири», «Ярославль.1000» (изд-во «Пента»), «Франция: Магический шестиугольник» (АСТ — «Зебра-Е») «Фотография», «Пятьдесят городов», «Иерусалимский синдром», «Горячая Армения», «Полёт над гнездом Грифона».

Участник ряда выставок и фотосалонов в России и за рубежом. Авторские работы находятся в музеях и частных коллекциях Америки, Великобритании, Германии, Болгарии, Испании, Италии, Латвии, Польши, России, Франции.

45 персональных выставок в Великобритании, Израиле, Испании, Италии, России, Франции, Азербайджане, Украине.

* * *

Творчество — это процесс. Творческая жизнь — это метаболизм, сложное взаимодействие духовной, психологической, культурной сути человека с его плотским бытием и его бытовыми обстоятельствами.

В оценке творчества — отбор. Это важнейший этап, за которым и последует оценка. Писатель мучается над текстом, ищет структуру, путается в сюжете... рвет, сжигает рукописи. Рукописи еще как горят; более того, даже опубликованные вещи чаще всего исчезают, не оставив следа.

Поэт собирает избранное и не включает в него лучшие, может быть, стихотворения, потому что сейчас они ему «не показались».

Художник рад бы забрать у владельца (некоторые так и делают) картину, чтобы переписать ее.

А фотограф? Серьезный, честный фотограф, профессионал, работавший не один десяток лет? Вот недавно умер Витя Велигжанин, чудесный человек и отличный фотограф — и где его съемка? А легендарный Марк Редькин (помню его невероятные фотографические байки, а где съемка — не знаю), как и другие фронтовые фотографы? Люди уходят, архивы их (ценен именно весь творческий архив, а не отдельные случайные работы), как правило, не каталогизированы, не прокомментированы и не оцифрованы. Хорошо, если попадут в какой-нибудь фонд, а чаще — никуда не попадут...

Были и выставки, но что выставка? Двадцать, тридцать, много — пятьдесят, почти никогда не сто

фотографий; они мало что могут рассказать зрителю, подсевшему на визуальный ряд, о художнике, и еще меньше о его особом времени. А время летит стремительно... И уже через пять лет — многое другое. А изменения не замечены и не отражены.

Потому что, на самом деле, важен не отбор, а процесс; это знают те немногие, кому выпадало трудное счастье видеть колоссальный массив творческой работы серьезного мастера. Это как в театре: посмотреть весь репертуар сплошняком — ну кто такое может себе позволить?..

Отбор — процедура субъективная и, более того, насильственная. Писатель пишет всю жизнь один свой текст, как Гончаров — свой трехроманный труд «ТРИ О».

Ну а фотограф — он поет свою «Илиаду». Если выпадет долго жить, — скольких он запечатлеет, оставит в отпечатках... Масса его фотографий, негативов (а теперь — цифр на диске-накопителе) и представляет некоторую кажущуюся неструктурированной выборку зрительных впечатлений, образов. Как если бы сам мозг собрал их (он и собирает), но гораздо настойчивее, правда, возможно, с меньшей подробностью и дотошностью, чем, свет, прошедший сквозь объектив камеры и попавший на светочувствительный слой, или эти, как их там, пиксели, но тоже светочувствительные мелкости...

Вопрос восприятия мира через глаз, мозг, да еще и техническое приспособление — камеру очень сложен, а сегодня еще, в силу невероятной экспансии визуального образа, и весьма актуален.

Роль фотографа-профессионала, человека, посвятившего себя фиксации увиденного, трудно определить.

Отбор делаем мы: куратор выставки, редактор журнала, зритель, уносящий в памяти с выставки два-три образа. Но фотоотбор мы делаем из того уже уловленного, отраженного, остановленного, упрощенного до двухмерного и черно-белого изображения, который мы воспринимаем уже как знак, почти иероглиф некоей ситуации, судьбы, состояния.

Я давно знаю Александра Тягны-Рядно и видел множество его работ.

Выросший в тихой Шуе, он объездил весь мир, исходил, исколесил, облетел Россию и ее соседей. В его архиве — пантеон одухотворенных лиц: ученые, музыканты, художники, поэты, политики и шоумены последних десятилетий.

Большой и добрый, несколько даже флегматичный, он преображается, поднимая камеру, взгляд его становится точным и очень внимательным, он видит и мальчишку, залезшего под стол, и на третьем плане повздоривших бомжей, и покосившиеся столбы, и непримечательную ленинскую руку, простертую в сторону винного магазина в каждом сонном райцентре...

Посмотрев его работы во множестве, видишь, что фотографии его не резкие — не в смысле «глубины резкости», а в смысле классического взаимодействия «художника и модели». Он никого не разоблачает, не высмеивает, он принимает всех как они есть: сибирских подростков на енисейской набережной и французских моряков на набережной марсельской... Но его портретная галерея вся сплошь состоит из талантливых и приличных людей. Попасть в нее — уже честь.

Он очень хорошо знает и понимает русскую глубинку, с ее экзистенциальной нефотогеничностью, сиротской неприкаянностью, но, может быть, это знание помогает ему с такой симпатией и ностальгией по несбыточному российскому раю наблюдать и показывать, невольно всякий раз сравнивая свое и чужое.

Для него они рядом, соизмеримы и сопоставимы, Москва и Париж, Ярославль и Лион, Каркасон и Суздаль, Муром, Шуя, Венеция и Владимир, российские и европейские, азиатские, приморские и высокогорные, богатые и нищие города и деревни. Этот подразумеваемый широкий культурный контекст, знание большого Мира волей-неволей раз за разом делают его работы глубже, чем они могут показаться; будто на кадре, как на сетчатке глаза и в памяти, остались следы сотен других кадров, годов и городов.

«Карточки резкие», а высказывания его — не резкие, потому что за этим стоит вполне отраженная позиция, творческая философия. Тягны-Рядно фиксирует этот мир таким, каков он есть, и старается понять его таким, каковым он был до нас.

Не усомнимся в гражданской позиции. На фотографии августа 1991 года худенький и молодой Саша с повисшей плечью рукой — омовская дубинка «отоваривала» фотографа.

Его фотографии 89-го и ранних девяностых, его съемка августовских дней 1991 года, потрясающая демонстрация на Крымском мосту, его портрет Саввы Кулиша на фоне «железного Феликса», снятого 22 августа 1991 года, относятся к лучшим визуальным образам той поры, как и его объективный и дружелюбный взгляд на русскую провинцию.

В.Я.

Муром. Россия. 2003. Фото: Александр Тязны-Рядно

Париж. Франция. 2002. Фото: Александр Тязны-Рядно

Марсель. Франция. 2001. Фото: Александр Тазны-Рядно

Шуя. Ивановская. Россия. 1989. Фото: Александр Тазны-Рядно

Ульяновск. Россия. 1991. Фото: Александр Тягун-Радно

Сен-Макер. Аквитания. Франция. 2002. Фото: Александр Тягун-Радно

Кольё. Русильён. Франция. 2005. Фото: Александр Тязны-Рядно

Ставрополье. Россия. 1990. Фото: Александр Тязны-Рядно

Саяны. Россия. 2004. Фото: Александр Тягны-Рядно

Гарона. Франция. 2002. Фото: Александр Тягны-Рядно

Муром. Россия. 2003. Фото: Александр Тязны-Рядно

Нуармутъ. Франция. 2006. Фото: Александр Тязны-Рядно

Париж, Франция. 2002. Фото: Александр Тягун-Радно

Ярославль, Россия. 1993. Фото: Александр Тягун-Радно

Суздаль. Россия. 1991. Фото: Александр Тягун-Рядно